

Увиденное Рейнольдсом будущее — это абсолютный холод
и крошечная мгла межзвездного пространства,
где господствует искусственный разум.

Publisher's Weekly

аластер рейнольдс

ГОРОД
БЕЗДНЫ

ГОРОД БЕЗДНЫ

Автор «Пространства Откровения» сочетает НФ-нуар с технотриллером,
рисую будущее в самых мрачных красках.

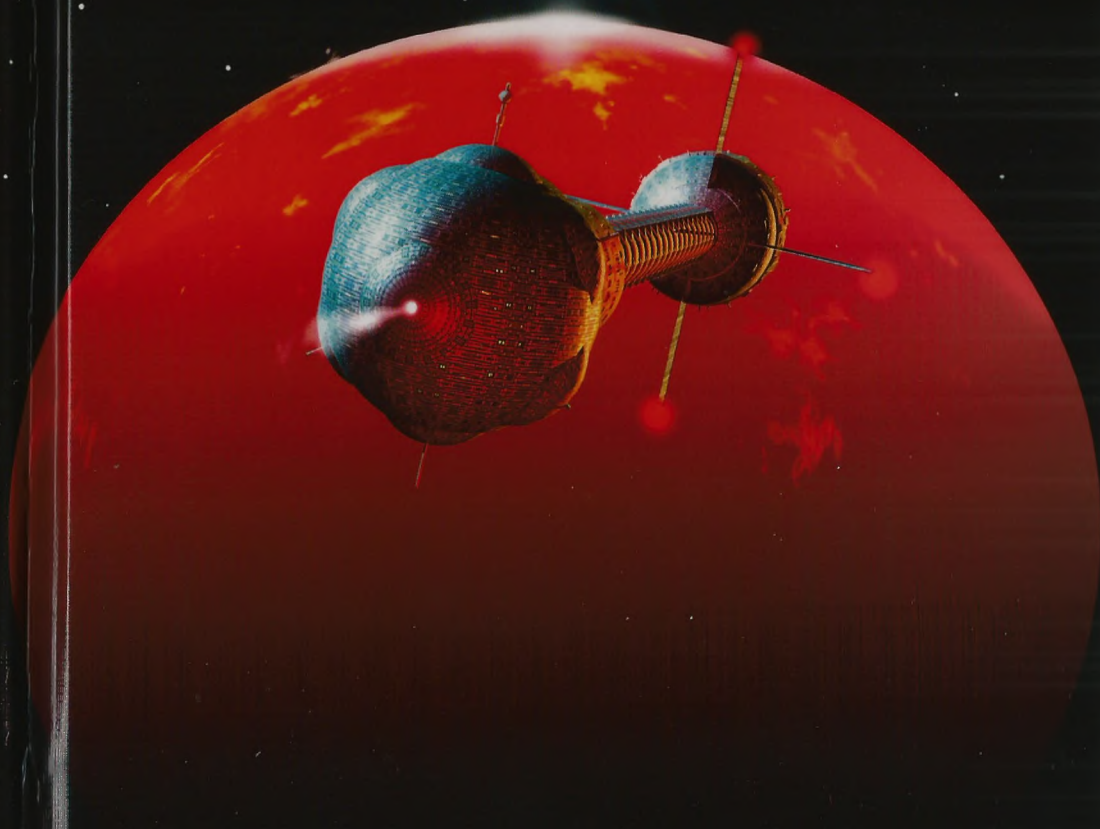
Library Journal

ГОРОД
БЕЗДНЫ

аластер рейнольдс

ЗВЕЗДЫ НОВОЙ ФАНТАСТИКИ

Цикл

«ПРОСТРАНСТВО ОТКРОВЕНИЯ»

Пространство Откровения

•

Город Бездны

•

Ковчег спасения

•

Пропасть искупления

аластер рейнольдс

ГОРОД БЕЗДНЫ

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445
Р 35

Alastair Reynolds
CHASM CITY
Copyright © 2001 by Alastair Reynolds
All rights reserved
First published by Victor Gollancz Ltd., London

Перевод с английского А. Юрчука

Оформление обложки В. Манацковой

ISBN 978-5-389-08454-4

© А. Юрчук, перевод, 2014
© ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2014
Издательство АЗБУКА®

Уважаемый иммигрант!

Мы рады приветствовать Вас в системе Эпсилона Эридана.

Несмотря на все произошедшее, мы надеемся, что Ваше пребывание здесь окажется приятным. Данный документ составлен для того, чтобы объяснить Вам значение ряда ключевых моментов нашей истории. Мы надеемся, что эта информация облегчит адаптацию в культурной среде, поскольку она может абсолютно не соответствовать представлениям, которыми Вы руководствовались, поднимаясь на борт корабля в пункте отправления. Важно, чтобы Вы поняли: мы опирались на опыт тех, кто прибыл сюда до Вас. Наша задача — свести к минимуму культурный шок. Мы считаем, что попытки приукрасить события, которые продолжают происходить и по сей день, в конечном счете вредны, равно как и преуменьшение их значимости. Статистика показала, что оптимальным подходом в подобных случаях является открытое и честное изложение фактов.

Мы прекрасно понимаем, что Вашей первой реакцией, скорее всего, будет недоверие, которое вскоре сменится гневом, а затем длительным периодом отторжения.

Важно осознать, что эти реакции нормальны.

Столь же важно осознать — уже сейчас, на ранней стадии, — что момент, когда Вы адаптируетесь и примете правду, наступит неизбежно. На это может уйти несколько дней, иногда даже недель или месяцев, но в большинстве случаев это обязательно происходит. Не исключено, что позже Вы вспомните об этом времени, сожалея, что не заставили себя адаптироваться быстрее. Вы узнаете, что только по завершении этого процесса становится возможным нечто похожее на счастье.

Итак, начинаем процесс адаптации.

В силу действия фундаментальных законов скорость передачи информации не может превышать скорость света. Поэтому новости, которые распространяются в освоенном космосе, неизбежно устаревают, прежде чем преодолевают расстояние между планетными системами; иногда они опаздывают более чем на десятилетия. Ваше представление о главной планете нашей системы, Йеллоустоне, почти наверняка основано на устаревшей информации.

Не подлежит сомнению тот факт, что на протяжении более двухсот лет — фактически до недавнего времени — Йеллоустон переживал эпоху, которую большинство современных наблюдателей обозначают термином Бель-Эпока. Действительно, это был золотой век социального и технологического развития, а система управления, созданная на основе разработанной нами идеологической базы, до сих пор считается непревзойденной.

На Йеллоустоне было положено начало многим проектам, включая создание дочерних колоний в других планетных системах, а также честолюбивым планам научных экспедиций на границы освоенного человеком космоса. В пространстве Йеллоустона и Блистающего Пояса проводились невероятные социальные эксперименты — достаточно вспомнить спорные, но, безусловно, новаторские работы Кэлвина Силвеста и его учеников. Деятельность великих художников, философов и ученых процветала, ибо на Йеллоустоне им были предоставлены поистине оранжерейные условия. Бесстрашно внедрялись технологии улучшения нервной системы.

Большинство сообществ относились к «паукам», или сочленителям, с подозрением. Но нас, демархистов, не пугали некоторые аспекты их деятельности по расширению сознания. Мы установили контакты с сочленителями, что позволило активно пользоваться их технологиями. Благодаря созданным ими двигателям для звездолетов мы заселили гораздо больше систем, нежели культуры, отдающие предпочтение менее развитым социальным моделям.

Это была воистину прекрасная пора. Вероятно, нечто подобное Вы рассчитывали застать по прибытии.

Но, к сожалению, ситуация коренным образом изменилась.

Семь лет назад в нашей системе произошли некоторые события. Точно установить источник проблемы не представляется возможным даже сейчас. Однако существует весьма правдоподобная версия, что споры прибыли на борту корабля — скорее все-

го, в латентном состоянии и без ведома его экипажа. Маловероятно, что истинная причина эпидемии когда-либо станет известна: слишком много было уничтожено или забыто. Огромные архивы, содержащие в цифровом виде историю нашей планеты, были целиком или частично погублены эпидемией. В таких случаях остается рассчитывать лишь на человеческую память, но это не самое надежное хранилище информации.

Не будет преувеличением сказать, что плавающая чума нанесла нашему обществу удар прямо в сердце.

Ее вирус нельзя назвать ни биологическим, ни компьютерным — это был чудовищный изменчивый гибрид того и другого. Выделить штамм так и не удалось, но ученые пришли к выводу, что в чистом виде он должен напоминать некий наномеханизм, аналогичный крошечным, молекулярного размера, роботам-монтерам, которые были созданы нашими специалистами в области медицинских технологий. Его инопланетное происхождение не подлежит сомнению. Столь же очевиден тот факт, что все наши усилия по борьбе с чумой смогли лишь замедлить ее распространение. Зачастую наше вмешательство лишь ухудшало ситуацию. Эпидемия выдерживала атаки, приспосабливалась к нашей тактике и обращала наше оружие против нас. Похоже, ею управлял некий глубоко скрытый разум. Мы не знаем, была ли она направлена против человечества, или нам просто ужасно не повезло.

Опыт подсказывает, что в этом месте Вы, скорее всего, сочтете данный документ мистификацией. Наш опыт также утверждает, что подобное отрицание сыграет роль небольшого, но статистически значимого фактора, который ускорит процесс Вашей адаптации.

Данный документ — не мистификация.

Плавающая чума действительно имела место, и ее последствия были намного хуже, чем Вы способны вообразить. К тому времени, когда появились признаки эпидемии, в человеческом организме сохранились триллионы крошечных механизмов. Эти нерассуждающие, безропотные, абсолютно послушные слуги обеспечивали нашу жизнь, обслуживали тело и разум, и мы едва замечали их существование. Они неустанно сновали по кровеносной системе. Они безостановочно трудились в клетках. Они скапливались в мозгу, позволяя подключаться к демархистской сети и почти мгновенно получать необходимую информацию. Мы двигались в виртуальной

среде, сотканной посредством прямого воздействия на сенсорные механизмы мозга. Мы сканировали сознание каждого индивида и поместили снимок в молниеносно мыслящий суперкомпьютер. Мы ковали и ваяли материю в планетарном масштабе, мы писали симфонию космоса и заставляли его плясать под эту музыку. Но только сочленителям на самом деле удалось приблизиться на шаг к божественному...

Хотя некоторые считали, что мы недалеко отстаем от них.

На орбитах машины создали для нас города-государства из камня и льда, а затем оживили инертную материю в пределах собственных биомов. Этими городами управляли мыслящие механизмы, они гнали рой из десяти тысяч обитателей Блистающего Пояса по орбите вокруг Йеллоустона. Роботы сотворили Город Бездны, придав его бесформенной архитектуре волшебную, фантасмагорическую красоту.

Все ушло.

Это было хуже, чем Вы думаете. Если бы чума уничтожила лишь наши механизмы, вместе с ними погибли бы миллионы людей. Однако такая катастрофа была бы обратимой, мы смогли бы оправиться и вернуть потерянное. Но эпидемия вышла за рамки заурядного разрушения и вторглась в сферу, максимально приближенную к искусству, пусть и к искусству уникально извращенного, садистского характера. Она побудила наши механизмы к неконтролируемой эволюции — не контролируемой нами эволюции, к поиску новых диковинных симбиозов. Наши здания вдруг превратились в чудовищ из готических кошмаров, и мы угодили в западню, не успев предотвратить эти смертоносные метаморфозы. Машины в наших клетках, в крови, в мозгу уже разрывали оковы, переступали через запретную грань, разрушали живую материю. Мы превратились во влажно блестящие личинки, в невероятный сплав плоти и механики. Когда мы хоронили мертвых, их тела продолжали расти, расползаться, сливаясь с городской архитектурой.

То было ужасное время.

И оно не закончилось до сих пор.

Но все же чума повела себя как вполне разумное существо. Паразит был достаточно аккуратен, чтобы не уничтожить население, игравшее для него роль хозяина-носителя. Погибли десятки миллионов людей — но десятки миллионов достигли убежищ, спря-

тались в герметически запечатанных анклавах в самом Городе или на орбите. Их механизмы получили срочные приказы на самоуничтожение и превратились в пыль, которая вымылась из организма без всякого вреда для человека. Хирурги поспешно извлекали имплантаты из черепов, прежде чем проявлялись начальные признаки поражения.

Многие граждане, чересчур привязанные к своим механизмам, не решились отказаться от них. Одни выбрали анабиоз, погребение в общинных криогенных склепах, другие покинули систему. Тем временем еще десятки миллионов бежали в Город Бездны с орбиты, спасаясь от хаоса, воцарившегося в Блистающем Поясе. Среди них были богатейшие люди системы, но они остались ни с чем, как любые беженцы, которых знает история. Вряд ли их утешило то, что они обнаружили в Городе Бездны...

*Выдержка из ознакомительного документа для иммигрантов,
доступная без ограничений в околопланетном пространстве*

Йеллоустона, 2517 год

ГЛАВА 1

К мосту мы с Дитерлингом подъехали уже в сумерках.

— Тебе следует кое-что знать о Васкесе Красная Рука, — сказал Дитерлинг. — Никогда не называй его так в глаза.

— Почему?

— Потому что он взбесится.

— А разве это проблема? — Я резко затормозил, поставил нашу тачку в ряд разномастных машин, выстроившихся вдоль одной стороны улицы, затем опустил стабилизаторы; из перегретой турбины пахло, как из горячего ружейного ствола. — Когда это нас беспокоили чувства низших организмов?

— Но сейчас немного осторожности не помешает. Васкес, конечно, не самая яркая звезда на криминальном небосводе, но у него есть приятели и некоторая склонность к садистским экспериментам. Так что будь хорошим мальчиком и веди себя примерно.

— Ладно, постараюсь.

— И заодно постарайся не оставлять слишком много крови на полу. Договорились?

Мы вылезли из кабины и вытянули шеи, разглядывая мост. Я не видел его до сего дня — это было мое первое появление в Демилитаризованной зоне, не считая Нуэва-Вальпараисо, — и мост казался абсурдно большим, хотя мы находились в пятнадцати-двадцати километрах от города. Суон, раздутый, красный, с раскаленной точкой почти посередке, опускался за горизонт, но света пока хватало, чтобы различить дорожное полотно моста и крошечные бусины опускающихся и возносящихся в космос лифтов. Я уже забеспокоился, не опоздали ли мы и не сел ли Рейвич в одну из этих капсул, но Васкес заверил нас, что

тип, за которым мы охотимся, по-прежнему обретается в городе: расплетает финансовую паутину, опутавшую всю Украину Неба, и переводит свои средства на долгосрочные счета.

Дитерлинг обошел нашу машину — одноколесная, с расположенными внахлест броневыми сегментами, она походила на свернувшегося в защитной позе броненосца — и открыл крошечный багажник:

— Черт! Едва не забыл наши плащи, братишка.

— А я-то надеялся...

Он бросил мне плащ:

— Надевай, и хватит ныть.

Я накинул плащ поверх нескольких комплектов одежды, которые успел на себя натянуть, и одернул его. Полы скользили по грязным дождевым лужицам, но это вполне отвечало нравам аристократов — попробуй наступи! Дитерлинг надел свой плащ и потыкал пальцем в рельефные опции на манжете. Каждый портновский изыск вызывал у него гримасу отвращения.

— Нет. Нет... нет. Боже мой, нет. Опять нет. И это не пойдет.

Я вытянул руку и нажал большим пальцем одну из «клавиш»:

— Вот. Будешь выглядеть сногсшибательно. А теперь заткнись и дай мне пистолет.

Я уже выбрал для своего плаща жемчужный цвет в надежде на то, что он послужит для пистолета малоcontrastным фоном. Дитерлинг извлек миниатюрное оружие из кармана пиджака и подал мне — как будто пачку сигарет протягивал.

Пистолетик был полупрозрачным, под его гладкими люцитовыми плоскостями просматривался лабиринт из крошечных деталей.

Снабженный заводным механизмом, он был изготовлен целиком из углерода — в основном из алмаза, — но с добавлением фуллерена для смазки и энергосбережения. Ни металлов, ни взрывчатых веществ, ни проводки — только сложные рычажки и шестерни, смазываемые фуллереновыми молекулами. Боеприпасы — алмазные стреловидные пули со стабилизированным вращением, которые получают энергию спуска фуллереновых пружин, сжатых до предела прочности. Заводится ключом, подобно механической игрушке. Ни прицела, ни целеулавливателя, ни стабилизирующей системы.

Я сунул пистолет в карман плаща, уверенный, что никто из прохожих ничего не заметил.

— Кое-что изящное, как и обещал, — сказал Дитерлинг.

— Сойдет.

— И только-то? Таннер, ты меня разочаровываешь. Такая красивая вещица и такая зловещая на вид... Я даже считаю, что у нее ярко выраженные охотничьи способности.

Мигуэль Дитерлинг в своем репертуаре. Он на все смотрит глазами охотника.

Я выдавил улыбку:

— Верну в целости и сохранности. А если не получится, то буду знать, что подарить тебе на Рождество.

Мы пошли к мосту. Оба в Нуэва-Вальпараисо оказались впервые в жизни, что, впрочем, не имело значения. Как это бывает с большинством крупных городов планеты, он выглядел вполне знакомо, вплоть до названий улиц. Большинство наших населенных пунктов разбито на треугольники со сторонами-улицами; каждая из них имеет в длину сотню метров, от одного трехстороннего перекрестка до другого. Обычно «центр», или срединный треугольник, — самый маленький. Треугольники, которые его окружают, последовательно увеличиваются до тех пор, пока геометрический порядок не рассыпается паутиной пригородов и новостроек. Что касается центрального треугольника, то город поступал с ним как хотел, и часто это зависело от того, сколько раз его занимали — или бомбили — за время войны. Лишь изредка можно было обнаружить признаки дельтовидного шаттла, вокруг которого возникло поселение.

Нуэва-Вальпараисо зародился именно таким образом. Его улицы имели обычные названия: Омдурман, Норкинко, Арместо и так далее, — но центральный треугольник был погребен под сложной конструкцией моста, который оказался достаточно полезным для обеих сторон, чтобы остаться почти невредимым. Отвесно вздымаясь метров на триста с каждой стороны, мост чернел, словно корпус корабля; его нижние уровни, как ракушками, обросли гостиницами, ресторанами, казино и борделями. Но, даже не видя моста с улицы, мы понимали, что находимся в старом районе, неподалеку от посадочной площадки. Иные здания представляли собой взгроможденные друг на друга корабельные грузовые контейнеры. В них виднелись соты

окон и дверей, которые за два с половиной века разукрасились всяческими архитектурными причудами.

— Эй, — раздался голос. — Таннер... мать твою... Мирабель!

Говоривший стоял в полутемной галерее, прислонившись к стене с таким скучающим видом, будто у него не было других дел, кроме как наблюдать за ползущими мимо насекомыми. До сих пор мы общались только по телефону или видео, сводя наши разговоры к минимуму, — и я ожидал встретить кого-то значительно более рослого и не столь похожего на крысу. Плащ на нем был тяжелым, как и мой, и, казалось, вот-вот свалится с плеч. У него были желто-коричневые зубы, заточенные напильником, острая физиономия, обросшая неровной щетиной, и длинные черные волосы, которые он зачесывал назад с узкого лба. В левой руке этот тип держал сигарету, периодически поднося ее к губам, а левую кисть прятал в боковом кармане плаща, не проявляя желания ее вынимать.

— Васкес? — За нами с Дитерлингом, оказывается, следили. Я постарался не выдать удивления. — А наш парень тоже у тебя под присмотром?

— Не волнуйся, Мирабель, он даже отлить не сможет так, чтобы мне о том не доложили.

— Он все еще улаживает свои дела?

— Ага. Ты же знаешь богатеньких: бизнес требует заботы. На его месте я бы уже чесанул по этому мосту, только бы меня и видели. — Человек в плаще ткнул сигаретой в сторону Дитерлинга. — Это кто, змеелов?

Дитерлинг пожал плечами:

— Да как ни назови.

— Змей ловить — это круто, в натуре. — Не выпуская сигарету, Васкес сделал жест, словно наводит оружие и посылает пулю в воображаемую гамадриаду. — Когда на охоту в следующий раз? Меня захватишь?

— Не знаю, — буркнул Дитерлинг. — У нас не в ходу двуногая наживка... Но я поговорю с хозяином, может, что-нибудь придумаем.

Васкес Красная Рука оскалил острые зубы.

— Шутник. Ты мне нравишься, Змей. Еще бы не нравился, ведь ты работаешь на Кагуэллу. Кстати, как он поживает? Говорят, Мирабель, ему досталось не меньше, чем тебе. Вообще-

то, до меня дошли скверные слухи: что он вообще никак не поживает.

Мы не планировали вот так сразу объявлять о смерти Кагуэллы. Сначала стоило поразмышлять над совокупностью ее последствий, однако новость, очевидно, достигла Нуэва-Вальпараисо раньше нас.

— Я сделал для него все, что мог, — сказал я.

Васкес медленно кивнул, с таким мудрым видом, будто услышал долгожданное подтверждение какому-то священному постулату:

— Ага, мне и об этом капнули. — Он положил левую руку мне на плечо, держа сигарету на безопасном расстоянии от жемчужной ткани плаща. — Говорят, ты без ноги пересек полмира только ради того, чтобы доставить домой Кагуэллу и его сучку. Это обалденный героизм, парень, даже для белоглазого. Как-нибудь поведаешь об этом за бокальчиком «Писко сауэр», а Змей меня запишет в участники очередной экспедиции. Верно, Змей?

Разговаривая, мы продолжали идти в сторону моста.

— Сомневаюсь, что у нас есть время на выпивку, — заметил я.

— Не понимаю вас, ребята. — Васкес шагал впереди, по-прежнему держа руку в кармане. — Только скажите словечко, и Рейвич перестанет быть проблемой, от него мокрое место останется. Мирабель, предложение все еще в силе.

— Я должен прикончить его лично.

— Ага, — кивнул Васкес. — Я об этом слышал. Нечто вроде вендетты. У тебя, говорят, что-то было с бабенкой Кагуэллы?

— Вижу, Красная Рука, что тактичность не входит в список твоих достоинств.

Я заметил, как скривился Дитерлинг. Мы сделали еще несколько шагов, прежде чем Васкес остановился и вытаращился на меня:

— Что ты сказал?

— Я слышал, что тебя называют за глаза Красной Рукой.

— А тебе-то что до этого?

— Не знаю, — передернул я плечами. — С другой стороны, какое дело тебе до того, что было между мной и Гиттой?

— Ладно, парень. — Он глубже прежнего затянулся сигаретой. — Думаю, мы друг друга поняли. Мне не нравятся одни

вопросы, тебе не нравятся другие. Быть может, ты даже трахался с ней. — Он, конечно, заметил, как я напрягся. — Но, повторяю, это меня не касается. И больше не спрошу, даже думать об этом не буду. Только окажи мне одну услугу, ладно? Не зови меня Красной Рукой. Я знаю, в джунглях Рейвич поступил с тобой паршиво и ты там едва концы не отдал. Но усеки простой факт: ты здесь в меньшинстве. Мои люди следят за тобой постоянно. Это значит, что ты не захочешь меня огорчить. А если огорчишь, то я устрою тебе такое, мать твою, что сюрприз от Рейвича покажется пикником на лужайке.

— Кажется, нам следует поймать этого джентльмена на слове, — вмешался Дитерлинг. — Верно, Таннер?

— Будем считать так: мы наступили друг другу на мозоль и обменялись мнениями по этому поводу, — прервал я затянувшееся напряженное молчание.

— Устраивает, — согласился Васкес. — Таким горячим ребятам, как мы с Мирабелем, лучше беречь мозоли друг друга. Заметано. Скоро Рейвич сделает свой ход, а мы посидим подождем за бокальчиком «Писко сауэр».

— Не хотелось бы слишком удаляться от моста.

— Да разве это проблема?

Васкес с безмятежной легкостью прокладывал для нас путь, распахивая вечерних гуляк. С нижнего этажа здания, собранного из грузовых отсеков, доносились звуки аккордеона, тягучие и величественные, как реквием. Снаружи прохаживались парочки — в большинстве не аристократы, а местные жители, правда одетые со всей доступной им роскошью. Молодые люди, раскованные, симпатичные, улыбающиеся, присматривали местечко, где можно перекусить, поиграть на деньги либо послушать музыку. Война так или иначе коснулась каждого, — по всей вероятности, многие из них потеряли друзей или любимых. Но Нуэва-Вальпараисо располагался достаточно далеко от фронтов, где гуляла смерть, так что война не занимала главенствующего места в мыслях этих людей. Трудно было не позавидовать им; трудно не пожелать, чтобы и мы с Дитерлингом могли зайти в бар и напиться до беспамятства — так, чтобы забыть о заводном пистолете, забыть о Рейвиче и о причине, которая привела меня на мост.

В этот вечер здесь были, разумеется, и другие. Например, солдаты в увольнении, одетые в гражданское, но мгновенно

узнаваемые: с короткими агрессивными стрижками, гальванически накачанными мускулами, меняющими цвет татуировками на руках и странным, асимметричным загаром на лицах — вокруг глаза, которым боец обычно смотрит в нашлемный прицельный монокуляр, остается пятно бледной кожи. Здесь не имело значения, на какой стороне ты воюешь. Солдаты всех армий и группировок и гражданские образовали пеструю смесь, и та, как ни странно, не была взрывоопасной. Вероятно, за это стоило благодарить наряды милиции, которые охраняли Демилитаризованную зону. Только патрульным дозволялось носить оружие в пределах ДМЗ, поэтому они шеголяли в белых накрахмаленных перчатках, не выпуская пистолетов из рук. На свободу Васкеса милиционеры не покушались, и, пока он сопровождал нас с Дитерлингом, беспокоиться было не о чем. Мы, наверное, смахивали на горилл, на которых натянули приличную одежду. Однако нас трудно было принять за солдат, только что пришедших с фронта. Мы оба приближались к тому возрасту, каковой принято считать серединой жизни. На Окраине Неба это сорок — шестьдесят лет; за историю человечества средний возраст почти не изменился.

Значит, остается еще столько же... Не густо.

Мы с Дитерлингом поддерживали форму, но не доводили себя до такого состояния, как местные вояки. Их мускулатура и прежде была гипертрофированной по обычным меркам, но с тех пор, как я сам был «белоглазым», ребята перешли границы разумного. Тогда эти перекачанные мускулы еще можно было оправдать необходимостью таскать на себе целый арсенал. За минувшее время оружейники сделали не один шаг вперед, но солдаты, гуляющие по этой улице, были словно нарисованы карикатуристом, склонным к абсурдным преувеличениям. Должно быть, на поле боя эффект усиливали модные облегченные ружья. Представьте себе гору мышц, увешанную оружием, которое может поднять ребенок.

— Сюда, — сказал Васкес.

Его берлога располагалась в одной из построек, паразитирующих у основания моста. Васкес провел нас в короткий темный переулок, затем толкнул неприметную дверь, обрамленную голографическими изображениями змей. Внутреннее помещение оказалось огромной кухней, заполненной клубящимся паром. Щурясь и стирая с лица пот, я еле успевал подныривать под

развешенную повсюду кухонную утварь. Интересно, применяли Васкес эти зловещего вида приспособления для каких-либо других целей помимо кулинарных?

— Почему он так не любит, когда его называют Красной Рукой? — шепнул я Дитерлингу.

— Это долгая история, — ответил Дитерлинг. — И дело не просто в руке.

Из пара время от времени выскакивали обнаженные по пояс повара с пластмассовой дыхательной маской на лице. Пока Васкес переговорил с двумя из них, Дитерлинг что-то выловил пальцами из кастрюли с кипящей водой и попробовал на вкус.

— Это Таннер Мирабель, мой друг, — сказал Васкес старшему повару. — Парень был белоглазым, так что не дури с ним. Мы здесь побудем немного; ты принеси чего-нибудь выпить. «Писко сауэр» подойдет. Мирабель, ты голоден?

— Не слишком. А Мигуэль, похоже, уже угощается.

— Вот и славно. Но по-моему, Змей, крысы сегодня не удались.

Дитерлинг пожал плечами:

— Поверь, мне случалось есть и кое-что похуже. — Он бросил в рот еще кусочек. — Мм... В самом деле, вполне приличная крыса. Раттус норвегикус, угадал?

Васкес провел нас через кухню в пустой игорный салон. То есть это мне показалось, что он пуст. Слабо освещенная комната была с подлинной роскошью отделана зеленым бархатом, в нужных местах булькали на постаментах кальяны, на стенах висели картины в коричневых тонах. Сначала я принял их за масляную живопись, но, приглядевшись, понял, что они склеены из кусков дерева разных пород. Некоторые фрагменты слегка мерцали — значит, это кора дерева гамадриад. Все картины были посвящены одной теме — жизни Небесного Хаусманна. Вот пять кораблей Флотилии летят от Солнечной системы к нашей. На другом панно Тит Хаусманн, с факелом в руке, находит своего сына, одиноко сидящего в темноте после Великого Затмения. А вот сцена, где Небесный посещает отца в госпитале на борту корабля, — это случилось перед тем, как Тит умер от ран, полученных при защите «Сантьяго» от диверсанта. А это — великолепно запечатленный миг преступления и славы: корабельные модули со «спящими» разлетаются по космосу, подобно семенам одуванчика; Небесный Хаусманн был готов на все,

лишь бы «Сантьяго» достиг этого мира раньше других кораблей Флотилии. Самая последняя картина изображала наказание, которому люди подвергли Небесного, — распятие.

Я смутно помнил, что это случилось где-то неподалеку отсюда.

Однако комната служила не только святилищем Хаусманна. В нишах, расположенных по периметру, стояли обычные игровые автоматы. Кроме них, было и несколько столов. Позже за ними начнется оживленная игра, а пока я слышал лишь шорох крыс в темноте.

Главной достопримечательностью комнаты был полусферический купол, идеально черный, не менее пяти метров в диаметре. Его окружали кресла с мягкой обивкой; мудреные телескопические цоколи поднимали их на три метра над полом. У каждого кресла один подлокотник был оснащен игровым пультом, на другом размещалась целая батарея устройств для внутривенных вливаний. Примерно половина кресел была занята какими-то субъектами. Они сидели неподвижно, как неживые, — неудивительно, что я их даже не заметил поначалу. Безвольные позы, запрокинутые головы, вялые лица, закрытые глаза. С первого взгляда узнаешь аристократов, от них так и веет богатством и высокомерием.

— А это что за мумии? — спросил я. — Утром, когда закрылся, забыл их выкинуть?

— Ошибаешься, Мирабель. Они тут практически на постоянной основе, вроде мебели. Играют месяцами, делают ставки на долгосрочные результаты наземных кампаний. Сейчас затишье из-за муссонов. Как будто войны и в помине нет. Но видел бы ты этих ребят, когда начинается заварушка.

Кое-что в комнате мне не понравилось. И не только история Небесного Хаусманна в картинках, хотя она вносила в это ощущение основной вклад.

— Васкес, не пора ли нам идти?

— И остаться без выпивки?

Не успел я решить, что ему ответить, как вошел повар. Он толкал тележку с напитками и громко пыхтел в своей пластмассовой маске. Пожав плечами, я пригубил «Писко сауэр» и кивнул на картины:

— Похоже, Небесного Хаусманна здесь уважают.

— Ты даже не представляешь, как глубоко.

Васкес что-то сделал, и полусфера ожила. Теперь это был не слиток мглы, а подробнейшая панорама одного из полушарий Окраины Неба. Обрамленная черной кромкой, она напоминала торчащий из пола глаз ящерицы. В россыпи огней на западном побережье Полуострова, которая виднелась сквозь щель в облаках, я углядел искорку Нуэва-Вальпараисо.

— Да неужели?

— Среди местных жителей попадаются очень религиозные. Будь поделикатнее и думай, что говоришь, парень... а то еще нарвешься ненароком.

— Я слышал, что они сделали из Хаусманна идола, но подробностей не знаю. — Снова я огляделся и впервые заметил на одной из стен нечто странное — череп дельфина, весь в загадочных впадинах и бороздах. — Как тебе досталась эта хибара? Выкупил у чокнутого хаусманнопоклонника?

— Не совсем так.

Дитерлинг кашлянул. Я не обратил на это внимания:

— Да? Значит, отделал комнату по своему вкусу?

Васкес затушил сигарету и ушипнул себя за переносицу, наморщив крошечный лоб:

— В чем дело, Мирабель? Пытаешься достать меня? Или ты просто тупица?

— Даже не знаю, что ответить. Мне казалось, я поддерживаю вежливую беседу.

— Ну да, ну да. И для начала назвал меня Красной Рукой, будто ненароком.

— Кажется, мы это уже обговорили. — Я глотнул «Писко сауэр». — Васкес, я не пытаюсь тебя достать. Просто ты, здается, уж слишком чувствителен.

Он что-то сделал — еле заметный жест, будто пальцами щелкнул.

Далее произошло нечто неуловимое глазом: в комнате засверкал металл и закружил ласковый ветерок. Позже, восстанавливая в памяти события, я пришел к выводу, что в стенах, полу и потолке разом раскрылись многочисленные отверстия, выпускающие летающие машины.

Это были дроны-убийцы — летучие черные шары. Из каждого торчало по три-четыре ствола, расположенных по экватору, и все были нацелены на нас с Дитерлингом. Дроны медлен-

но барражировали и жужжали, как шершни, словно их и вправду переполняла злоба.

Минуту, а то и две я не дышал, как и мой спутник. Наконец Дитерлинг решился заговорить:

— Васкес, я так понял, мы бы уже были покойниками, разозлился ты на нас всерьез.

— Ты прав, Змей. Тонко подмечено. Безопасный режим! — повысил Васкес голос и еще раз щелкнул пальцами. — Видишь, приятель? Ведь ты не уловил разницу? Но комната ее уловила. Если бы я не отключил систему, она бы приняла это за приказ разделаться с каждым из присутствующих, включая вон тех жирных пердунов в креслах. С каждым, кроме меня.

— Рад, что ты ее отключил, — сказал я.

— Давай, Мирабель, посмейся. — Последовал новый щелчок. — Что, похоже на первую команду? Но теперь у дронов новое задание: оторвать вам руки, по одной зараз. Эта комната запрограммирована на распознавание еще как минимум двенадцати жестов, и поверьте, некоторые из них способны меня разорить, очень уж дорого обойдется уборка помещения. — Он уставился на меня. — Надеюсь, я понятно выразился?

— Пожалуй, мы поняли твой намек.

— Вот и прекрасно. Безопасный режим! Часовые, по местам!

То же мельтешение, тот же ветерок. Машины как будто растворились в воздухе.

— Понравилось? — спросил у меня Васкес.

— Не то чтобы очень, — ответил я, ощущая на лбу едкий пот. — Будь твоя охрана посерьезнее, она бы вообще не подпустила к этой комнате потенциальную угрозу. Но для вечеринок, наверное, годится — скуку разгонять.

— Ага, для вечеринок. — Васкес смотрел на меня с ухмылочкой, он был явно доволен произведенным эффектом.

— Но это дает мне повод задуматься о причинах твоей чрезмерной чувствительности.

— На моем месте, — процедил он, — ты был бы хрен знает во сколько раз чувствительнее.

Меня удивило то, что сделал Васкес в следующий момент. Он просто вынул руку из кармана, причем достаточно медленно, чтобы я понял: в ней нет оружия.

— Смотри, Мирабель.

Не знаю, что именно я ожидал увидеть. Кулак, который мне показал Васкес, выглядел достаточно заурядно. Я не заметил никаких увечий:

— Рука как рука.

Он сжал кулак посильнее, и тут произошло нечто странное. Между напряженными пальцами засочилась кровь — вначале медленно, но вот уже течет струйкой. Я смотрел, как алая кровь разбегается по зеленому полу.

— Вот почему меня так называют. Потому что у меня кровоточит правая рука. Прикольно, правда? — Он разжал кулак, показав влажную красную дырочку посреди ладони. — Это стигмат, вроде знака страстей Христовых. — Здоровой рукой он полез в другой карман, вынул платок, скомкал его и прижал к ране, чтобы остановить кровотечение. — Вот так-то. Иногда получается это вызвать простым усилием воли.

— Значит, до тебя добрались сектанты Хаусманна, — заметил Дитерлинг. — Небесного тоже распяли. И гвоздь ему вбили в правую ладонь.

— Не понимаю, — признался я.

— Сказать ему?

— Сделай одолжение, Змей. Парня явно пора просветить.

Дитерлинг повернулся ко мне:

— За последнее столетие поклонники Хаусманна разделились на разные секты. Некоторые прониклись идеями кающихся монахов, они пытаются причинить себе хоть малую толику той боли, что довелось испытать Небесному. Кто-то запирается и сидит в потемках, пока не поедет крыша и не начнутся видения, кто-то отрубает себе левую руку, а кто-то просит приятелей, чтобы его распяли. При этом он запросто может умереть. — Дитерлинг сделал паузу и покосился на Васкеса, словно просил разрешения продолжать. — А одна экстремистская секта зашла еще дальше. Ее адепты распространяют Священное Писание не устно и не письменно, а при помощи вируса.

— Продолжай, — сказал я.

— Скорее всего, вирус создали ультранавты. Может, кто-то из сектантов наведалься к жонглерам образами, а те побаловались с его нейрохимией. Это не важно. Важно лишь, что вирус получился очень цепким, он передается по воздуху и заражает почти всех.

— Превращая в сектантов-хаусманнитов?

— Нет, — заговорил Васкес, доставший новую сигарету. — Вирус тебя имеет в мозг, но религиозным фанатиком от этого ты не становишься. Появляются видения и сны, а иногда тебе хочется... — Он скомкал фразу и кивнул на торчащего из стены дельфина. — Видишь рыбий череп? Он, чтоб его, стоил мне ноги и руки. Это череп Слика — знаешь, жил такой на корабле. Полезно иметь в хозяйстве подобную хреновину — нервы успокаивает. Но не более того.

— А рука?

— Некоторые вирусы вызывают физические изменения, — продолжал Васкес. — Можно сказать, мне повезло. Есть ослепляющий вирус, другой заставляет бояться темноты, а третий высушит твою левую руку, и она отвалится. В общем, потерять время от времени каплю крови — это сушая мелочь. Поначалу, пока о вирусе знали немногие, было здорово. С помощью этой болячки удавалось неплохо дурачить народ. Представь, заявляешься на переговоры и у всех на глазах начинаешь истекать кровью. Потом, правда, народ просек, что меня заразили сектанты.

— И задумался: а вправду ли ты так крут, как говорят, — сказал Дитерлинг.

— Ага, точно. — Васкес посмотрел на него и скривился. — Такую репутацию, как у меня, за два дня не заработаешь.

— Не сомневаюсь, — согласился Дитерлинг.

— Да. И подобная мелочь, парень, может очень сильно ей повредить.

— А ты не пробовал лечиться? — спросил я, не обращая внимания на отчаянные сигналы Дитерлинга.

— Пробовал, Мирабель. На орбите полно всякой дряни, которая справится с такой хворью. Но вот незадача: в списке мест, безопасных для моего посещения, орбита не значится.

— Ну, так и живи с этим вирусом. Ведь он, как я слышал, уже почти не заразен.

— Верно, тебе он не грозит. И никому не грозит. Я сейчас практически в порядке. — Васкес снова закурил, и это его слегка успокоило. Кровотечение прекратилось, он спрятал злополучную руку в карман и глотнул «Писко сауэр». — Только, знаешь, иногда я жалею, что не заразен... Что не припас немного крови с той поры, как был инфицирован. Можно было бы оставить кое-кому подарок на прощание, типа укольчика в вену.

— Но это бы значило пойти на поводу у хаусманнитов, — сказал Дитерлинг. — Распространять их веру. Ведь именно этого они от тебя добивались.

— Ну да. Так что я лучше буду распространять веру в то, что однажды поймаю гниду, устроившую мне такую подлянку... — Васкес прервал фразу, как будто его что-то отвлекло. Неподвижно глядя прямо перед собой, словно в трансе, он проговорил: — Нет. Не пойдет, парень. Извини, не верю.

— Чему не веришь?

Я больше не слышал его голоса, хотя видел, как двигаются мышцы на шее. Должно быть, Васкес вышел на связь с одним из своих людей.

— Рейвич, — произнес он наконец.

— И что с ним? — осведомился я.

— Эта сволочь перехитрила меня.

ГЛАВА 2

Лабиринт темных сырых коридоров соединял заведение Красной Руки с внутренними помещениями терминала, проходя прямо сквозь черную стену. Васкес вооружился факелом и повел нас по лабиринту, пинками разгоняя с дороги крыс.

— Двойник! — восхищенно сказал он. — Вот уж никак не ожидал, что Рейвич подставит нам живца. А мы гонялись за этим гадом столько дней! — Последнее слово он произнес так, будто имел в виду месяцы и весь этот срок ему приходилось проявлять чудеса проницательности и расчетливости.

— На что только не идут некоторые ловкачи! — сказал я.

— Эй, остынь, Мирабель. Ведь это ты не хотел, чтобы мы пустили парня в расход, как только увидим. Укокошить его было бы проще простого.

Он плечом распахивал двери, ведя нас в следующий коридор.

— Но это точно не Рейвич?

— Конечно. Мы провели экспертизу, поняли, что это не он, и взялись за поиски настоящего Рейвича.

— Парень в чем-то прав, — произнес Дитерлинг, — как ни тяжело мне это признавать.

— Спасибо, Змей, на добром слове. За мной не заржавеет.

— Да ладно, не бери в голову.

Васкес пинком отправил в темноту очередную крысу.

— Так что же там приключилось, после чего ты стал одержим этой дурацкой вендеттой?

— Сдается, ты уже в курсе, — отозвался я.

— Да, мир слухами полнится. Особенно когда играет в ящик такая крупная шишка, как Кагуэлла. Вакуум власти и прочее. Но меня удивляет, что вы оба выбрались из передраги живыми. Я слышал, там, в засаде, было чертовски жарко.

— Меня ранило не слишком сильно, — сказал Дитерлинг. — Таннеру досталось куда круче. Он потерял ступню.

— Ничего особенного, — сказал я. — Прижег лучевиком рану и остановил кровотечение.

— Ну да, — согласился Васкес. — Царапиной больше, царапиной меньше... Ай да молодцы, ребята! Никак не устану вами восхищаться.

— Отлично, но, может быть, хватит обсуждать наши скромные персоны?

Моя сдержанность объяснялась не просто нежеланием говорить с Васкесом Красная Рука о недавнем инциденте. Помимо нежелания, немало значил тот факт, что у меня попросту вылетели из головы почти все подробности происшествия. То есть, возможно, я помнил что-то из случившегося до курса коматозного лечения, во время которого мне заново вырастили ступню, — но теперь казалось, что в переделке я побывал очень-очень давно, а не считанные недели назад.

Впрочем, я искренне верил, что Кагуэлла выживет. Вначале считал, что ему повезло: лазерный импульс прошел сквозь тело и каким-то чудом не коснулся жизненно важных органов, словно его траектория была заранее рассчитана искусным хирургом. Но тут начались сложности. Не имея возможности добраться до орбитальной станции — Кагуэлла подвергся бы аресту и казни, еще не успев покинуть пределы атмосферы, — он вынужден был пользоваться услугами черного рынка, самыми дорогими, какие мог себе позволить. Этого оказалось достаточно, чтобы вернуть мне ногу, но ранения такого типа на войне случаются

каждый день. Совсем иное дело — множественные повреждения внутренних органов, они требуют куда более высокого уровня медицины, чем способен предложить черный рынок.

Поэтому он теперь мертв.

А я нахожусь здесь. Охочусь за человеком, который убил Кагуэллу и его жену. И я намерен сразить негодяя одной алмазной стрелкой из заводного пистолета.

Еще до того, как я стал экспертом по безопасности на службе у Кагуэллы, — то есть когда был еще солдатом, — поговаривали, будто я наикрутейший снайпер, могу не просто вклепить пулю в голову, а попасть в область мозга с определенной функцией. Это не совсем так, но до сих пор на меня никто не жаловался. Свою работу я люблю делать быстро и аккуратно.

Я от души надеялся не оплошать и при встрече с Рейвичем.

К моему удивлению, потайной коридор вывел нас прямо в серединку терминала, в затененную часть главного вестибюля, к посадочной платформе. Я оглянулся на досмотровый пункт, который мы обошли, — там охранники обыскивали пассажиров на предмет оружия и проверяли удостоверения личности на случай, если с планеты попытается улизнуть военный преступник. Удобно примостившийся в моем кармане заводной пистолет не показался бы на экранах сканирующих устройств, что и обусловило мой выбор. Теперь я ощутил легкую досаду оттого, что мои хлопоты пропали всуе.

— Господа, — произнес Васкес, задержавшись на пороге, — дальше я не пойду.

— А мне казалось, ты здесь как рыба в воде, — проговорил Дитерлинг, оглядываясь. — В чем дело? Боишься, что выныривать потом не захочется?

— Что-то вроде этого, Змей. — Васкес похлопал нас по спинам. — Ладно, ребята, идите и разберитесь с этим постмортальным анализом кала. Но не говорите никому, что сюда вас привел я.

— Не беспокойся, — заверил Дитерлинг. — Твоя роль в мероприятии не будет преувеличена.

— Вот и славно. И помни, Змей, — Васкес снова сделал жест, словно стрелял из пистолета, — наш уговор насчет охоты.

— Считаю, что ты уже включен в список, по крайней мере с испытательным сроком.

Он исчез в тоннеле, а мы с Дитерлингом остались на платформе. С минуту оба не могли произнести ни слова, ошеломленные и подавленные странностью обстановки.

Мы находились на поверхностном ярусе, в кольцеобразном зале, окружающем посадочную платформу, которая располагалась у основания спирали. Потолок вестибюля нависал над множеством ярусов, пространство между ними пересекали во всех направлениях подвесные дорожки и пассажирские трубопроводы, а в наружной стене размещались бутики и рестораны, но они были частью закрыты, частью переоборудованы в тесные молельни или лавки, торгующие предметами религиозного назначения. Здесь было малоллюдно — с орбиты добраться нелегко, и лишь к подъемникам шагала небольшая группа направляющихся. Вестибюль был освещен хуже, чем рассчитывали дизайнеры, потолок едва виднелся. Помещение напоминало собор, в котором шла некая религиозная церемония; в такой атмосфере неуместны спешка и громкие голоса. На пределе слышимости что-то гудело, — казалось, этот звук идет из набитого генераторами подвала. Или из комнаты, набитой монахами, тянущими в унисон погребальное песнопение.

— Здесь всегда так? — спросил я.

— Нет. То есть это место всегда было отстойником, но с тех пор, как я побывал тут в последний раз, оно окончательно испортилось. Еще месяц назад, наверное, яблоку негде было упасть. Большинство проходили именно этим путем, чтобы сесть на корабль.

Здесь, на Окраине Неба, прибытие звездолета никогда не оставалось незамеченным. Планета у нас бедная и довольно отсталая, если сравнивать с другими населенными мирами, и едва ли она оказывает серьезное влияние на флуктуации межзвездного рынка. Мы ничего не экспортируем, если не считать опыта ведения военных действий и кое-каких малоинтересных биопродуктов из джунглей. Охотно покупали бы всякую технологическую экзотику и соответствующие услуги у демархистов, но лишь немногие толстосумы Окраины Неба могут это себе позволить. Когда нас все-таки устаивают визитом, молва объясняет это тем, что гостей вытеснили с процветающих рынков, с маршрутов Йеллоустон — Солнечная система или Фанд — Йеллоустон — Гранд-Титон, либо тем, что корыту потребовал-

ся срочный ремонт. Это случалось примерно раз в десять стандартных лет, и визитеры всегда обводили нас вокруг пальца.

— Хаусманн действительно погиб здесь? — спросил я.

Мы пересекали огромный гулкий вестибюль.

— Где-то неподалеку, — отозвался Дитерлинг. — Где именно — никто никогда не узнает, потому что в те времена не было точных карт. Это случилось в радиусе нескольких километров отсюда, наверняка в окрестностях Нуэва-Вальпараисо. Вначале тело собирались сжечь, но позже решили забальзамировать, чтобы легче было его выставлять — в качестве наглядного примера.

— Но культа тогда еще не было?

— Конечно не было. Несколько чокнутых поклонников, но никакого религиозного психоза. Это началось позже. Экипаж «Сантьяго» состоял в основном из людей светских, но человеческую психику не так-то просто излечить от религиозности. Они взяли деяния Небесного и соединили их с тем, что предпочли вынести из прежней жизни; они сохраняли одно и выбрасывали другое по своему усмотрению. Сменилось несколько поколений, пока они не продумали схему до мелочей, после чего остановить процесс стало невозможно.

— А после того как появился мост?

— К тому времени хаусманниты поделились на секты, одна из которых завладела его мумией. Эти фанатики назвали себя церковью Небесного. И решили — исключительно удобства ради, — что он умер не просто у моста, а под ним. И что мост, по сути, надо считать не космическим лифтом — это его побочная функция, — а усыпальницей Господней, символом преступления и славы Хаусманна.

— Но мост спроектировали и построили люди.

— По воле Божьей. Неужели не понимаешь? Таннер, тут ни к чему не подкопаешься, так что сдавайся.

Навстречу нам шли сектанты, двое мужчин и женщина. Возникло ощущение, что я уже где-то видел эту троицу, хотя вряд ли встречался лицом к лицу. Все были одеты в просторные пепельно-серые блузы. Независимо от пола эти люди носили длинные волосы. На голове у одного из мужчин сидел венец — судя по всему, устройство для причинения боли. У другого пустой левый рукав был приколот к боку. На лбу у женщины

можно было разглядеть татуировку в виде крошечного дельфина. Мне вспомнилось, что на борту «Сантьяго» Небесный Хаусманн коротал время в обществе своих друзей-дельфинов, которых чурался экипаж.

Странно, что я вспомнил эту подробность. И еще хотелось бы вспомнить, кто мне про нее рассказывал.

— Пистолет твой на взводе? — спросил Дитерлинг. — Приготовь на всякий случай. Может, завернем за угол, а там наш дружок завязывает шнурки.

Я похлопал по пистолету, чтобы убедиться в его наличии:

— Сомневаюсь, Мигуэль, что сегодня нам так повезет.

Мы прошли через дверь в стене вестибюля и теперь уже отчетливо услышали голоса. Это монахи пели хором, и не сказать чтобы в лад.

Впервые с тех пор, как мы очутились в помещении терминала, нашим взглядам предстала спираль. Посадочная площадка являла собой огромное круглое помещение, окаймленное балконом, на который мы вышли. Дно находилось в сотнях метров под нами, а спираль, проходя через лепестковый люк в потолке, спускалась к «причалу», где прятались обслуживающие механизмы, готовые ремонтировать подъемники. Откуда-то снизу и доносилось молитвенное пение, и причуды местной акустики увлекали эти звуки к самому потолку.

Мост — это хрупкая на вид цельная вена из гипералмаза, которая тянется от поверхности планеты до самой синхронной орбиты. Ее диаметр не превышает пяти метров — не считая последнего километра, где она накрывает терминал. Здесь ширина трубки составляет тридцать метров. Уходя наверх, она постепенно сужается. Этот излишек выполняет чисто психологическую функцию: слишком многие захотели бы отказаться от посещения орбиты, обнаружив, насколько узка на самом деле нить, по которой им предстоит путешествовать. Вот почему владельцы моста сделали видимую часть терминала значительно более широкой, чем диктовала необходимость.

Лифты прибывали и отправлялись с интервалом в несколько минут, проходя колонну вверх и вниз из конца в конец. Кабина лифта представляет собой гладкий цилиндр с выпуклым основанием и удерживается внутри шахты при помощи магнитов. Каждая разделена на уровни для питания, отдыха и сна.

Большинство капсул скользили вверх и вниз порожняком, с неосвещенными пассажирскими отсеками. Лишь в каждой пятой или шестой можно было заметить маленькие группы людей. Несомненно, это не говорило о процветании бизнеса, но серьезных проблем, кажется, пока не намечалось. Расходы на прогон пустых кабин были ничтожны в сравнении со стоимостью моста и не влияли на график движения «прибыльных». Издали их было не различить, и это порождало иллюзию оживления и благополучия — надеждой на то, что такое однажды наступит, владельцы моста не тешились с тех пор, как его арендовала церковь. И хотя в пору муссонов можно было подумать, что война прекратилась, кто-то продолжал составлять планы кампаний на новый сезон и на компьютерах-симуляторах разыгрывались военные игры, чертились направления ударов и фланговых обходов.

Хрупкий до головокружения прозрачный «язык» тянулся от балкона почти до самой спирали, оставляя достаточно места для прибывающего лифта. Там уже собирались в ожидании посадки пассажиры с багажом. Среди них я заметил группу аристократов — они выделялись роскошной одеждой. Но Рейвича не было, равно как и людей, похожих на кого-нибудь из его помощников. Пассажиры болтали между собой или смотрели новости на узких прямоугольных экранах, которые плавали в замкнутом пространстве, подобно тропическим рыбам, и мигали рыночными сводками и интервью знаменитостей.

У основания «языка» находилась будка, где продавали билеты на лифт; в ней за столом сидела скужающая женщина.

— Подожди здесь, — сказал я Дитерлингу.

Когда я подошел к столу, женщина подняла на меня глаза. На ней была мятая форма администрации моста, под налитыми кровью опухшими глазами — лиловые полумесяцы.

— Да?

— Я друг Арджента Рейвича. Мне нужно срочно с ним связаться.

— К сожалению, это невозможно.

На большее я и не рассчитывал.

— Когда он отправился?

Она говорила в нос, произнося согласные неразборчиво:

— Сожалею, но я не вправе разглашать подобную информацию.

Я кивнул с понимающим видом.

— Повторяю, я не...

— Не беспокойтесь, пожалуйста, — перебил я, смягчая реплику любезной улыбкой. — Извините, я не хотел бы показаться навязчивым, но дело очень срочное. У меня для него кое-что есть. Кое-что — это ценная реликвия семьи Рейвич. Могу я поговорить с ним, пока он поднимается? Или нужно ждать, когда он достигнет орбиты?

Женщина заколебалась. Какую бы информацию она ни разгласила в данных обстоятельствах, это будет нарушением правил. Но я выглядел таким честным, так искренне желающим принести пользу другу... И таким богатым.

Она опустила глаза на дисплей:

— Вы сможете отправить ему сообщение и попросить связаться с вами по прибытии на орбитальную станцию.

Это означало, что он еще не прибыл, а находится где-то надо мной, поднимается по нити.

— Пожалуй, я лучше последую за ним, — сказал я. — Тогда задержка получится минимальной. Мы встретимся на орбите. Я просто передам ему эту вещь и вернусь.

— Полагаю, в этом есть смысл... — Женщина посмотрела на меня. Возможно, в моем поведении сквозило нечто странное, однако она не настолько доверяла собственным инстинктам, чтобы воспрепятствовать мне. — Но вам придется поспешить. Посадка вот-вот начнется.

Я бросил взгляд туда, где «язык» протягивался к спирали. Снизу, из технической зоны, уже скользил пустой лифт.

— Тогда будет неплохо, если вы продадите мне билет.

— Полагаю, обратный билет вам тоже понадобится? — Женщина потерла глаза. — Всего будет пятьсот пятьдесят астралов.

Я раскрыл бумажник и отсчитал хрустящие купюры южан.

— Безобразие, — притворно возмутился я. — Сколько нужно энергии, чтобы доставить меня на орбиту? Суший пустяк. Цена должна быть в десять раз меньше. Бьюсь об заклад, часть денег ляжет в кубышку церкви Небесного.

— Не скажу, что это не так, но вам, сэр, не следует отзываться плохо о церкви. Хотя бы здесь.

— Так ведь на каждый роток не накинешь платок. Но вы-то, надеюсь, не из них?

— Нет, — ответила она, подавая мне сдачу мелкими купюрами. — Я просто здесь работаю.

Сектанты захватили мост лет десять назад, после того как внушили себе, что именно тут был распят Небесный. Однажды вечером целая толпа последователей Хаусманна заполонила терминал; никто и понять не успел, что происходит. Они заявили, что по всему мосту размещены контейнеры с созданным ими вирусом, которые будут взорваны все разом при первой же попытке очистить терминал. Если бы эта дрянь действительно присутствовала на мосту в том объеме, о каком говорили сектанты, и если бы ее разнес ветер, половина Полуострова оказалась бы заражена. Возможно, они блефовали, но никто не рискнул противодействовать культу, стремившемуся навязать себя миллионам людей. Поэтому мост оставили сектантам. Они позволили администрации контролировать работу лифтов, хотя это и означало, что персоналу необходимы регулярные прививки. Учитывая, что антивирусная терапия давала побочные эффекты, это было не самое популярное место работы на Полуострове, тем более что служащим приходилось постоянно слушать песнопения хаусманнитов.

Женщина протянула мне билет.

— Как думаете, я успею? — спросил я.

— Последний лифт отправился всего час назад. Если ваш друг был на нем... — Она помолчала, и я понял, что никаких «если» быть не может. — Скорее всего, вы застанете его на терминале.

— Надеюсь, он меня вознаградит за такие хлопоты.

Она хотела улыбнуться, но передумала. Эта женщина и так сделала для меня слишком много.

— Уверена, он будет в восторге.

Сунув билет в карман, я поблагодарил кассиршу. Жаль было эту бедолагу, такую работу, как у нее, врагу не пожелаешь.

Дитерлинг все так же стоял, прислонившись к низкой стеклянной стене, которая окружала «язык», и с холодным спокойствием на лице рассматривал сектантов. Вспомнилось, как в джунглях он меня спас, когда напала гамадриада. В ту минуту у него было такое же выражение — абсолютно бесстрастное, как у шахматиста, играющего с заведомо слабым противником.

— Ну что? — полюбопытствовал Дитерлинг.

— Он уже уехал.

— Когда?

— С час назад. Я купил себе билет. Теперь твоя очередь. Но делай вид, будто мы путешествуем порознь.

— Братишка, может, мне не стоит ехать с тобой?

— Да не волнуйся ты, — перешел я на шепот. — Отсюда и до выхода с орбитального терминала ни одного поста эмиграционного контроля. Поднимешься и спустишься, и никто тебя не сцапает.

— Таннер, тебе легко говорить.

— Поверь, это безопасно.

Дитерлинг покачал головой:

— Возможно, но вряд ли имеет смысл путешествовать вместе, даже в одном лифте. Мы же не знаем, какое у Рейвича прикрытие. Что, если его охрана все здесь просматривает?

Хотелось поспорить, но внутренне я признавал его правоту. Как и Кагуэлла, Дитерлинг не мог покинуть Окраину Неба, не рискуя быть арестованным по обвинению в военных преступлениях. Оба занимали определенные места в базе данных этой планетной системы, за их головы была назначена солидная награда — невзирая на тот факт, что Кагуэлла мертв.

— Ладно, — согласился я. — Похоже, у тебя есть еще какой-то повод, чтобы остаться. Я вернусь в Дом Рептилий дня через три, не меньше. Думаю, там будет кому присмотреть за порядком.

— Уверен, что справишься с Рейвичем в одиночку?

Я пожал плечами:

— Всего один выстрел, Мигуэль.

— И этот выстрел будет сделан тобой. — У него явно полегчало на душе. — Ну вот и чудно. Сегодня же вечером махну в Дом Рептилий. И буду с интересом смотреть выпуски новостей.

— Постараюсь не разочаровать тебя. Пожелай мне удачи.

— Удачи. — Дитерлинг пожал мне руку. — Будь осторожен, Таннер. За твою голову награда не объявлена, но это не значит, что к тебе ни у кого не возникнет вопросов. Доверяю разработать план избавления от пистолета самостоятельно.

Я кивнул.

— Жалко его? Вижу-вижу. Не горюй, подарю такой же точно на день рождения.

Он долго смотрел на меня, словно собираясь что-то добавить, потом кивнул и пошел прочь от спирали, покинул площадку. В тенистом вестибюле, не сбавляя шага, он начал менять окраску плаща. Дитерлинг удалялся, и его широкоплечую фигуру окружал мерцающий нимб.

Я отвернулся и стал ждать лифта. И, незаметно сунув руку в карман, ощутил холодок и алмазную твердость пистолета.

ГЛАВА 3

— Сэр, ужин будет подан на нижней палубе через пятнадцать минут. Если желаете присоединиться к пассажирам...

Голос заставил меня вздрогнуть от неожиданности. Я не слышал шагов по лестнице и полагал, что на смотровой палубе нахожусь совершенно один. Пассажиры разошлись по своим каютам сразу после посадки — путешествие было слишком коротким, чтобы стоило распаковывать багаж... а я поднялся наверх понаблюдать за отправлением. Конечно, мне предоставили каюту, но распаковывать было нечего.

Подъем начался с нереальной плавностью. Вначале казалось, что мы вообще не двигаемся. Ни звука, ни вибрации — только жутковатое ровное скольжение, еле заметный, но постоянный набор скорости. Я посмотрел вниз, пытаюсь разглядеть сектантов, но угол подъема позволял заметить лишь несколько случайных фигур — хотя прямо под нами должна была находиться масса народу. Мы как раз проходили через лепестковый люк в потолке.

Я обернулся. Голос, который меня напугал, принадлежал не человеку, а роботу-слуге. У него были телескопические руки и нарочито безликая голова. Туловище сходило на конус, образуя осиную талию, но ниже — ни ног, ни колес. Он двигался по прикрепленному к потолку рельсу, с которым был соединен торчащим из спины металлическим прутком.

— Сэр, — начал он снова, на этот раз на языке норт, — ужин будет подан...

— Ничего не нужно. Я понял тебя с первого раза.

После короткого раздумья я решил, что риск будет меньше, если я присоединюсь к остальным аристократам. Мое уединение могут счесть подозрительным. А сев за общий стол, я удовлетворю их любопытство, представ в образе некоего вымышленного персонажа, — и это лучше, чем позволить их воображению разыграться, приписывая необщительному незнакомцу самые невообразимые качества. Я перешел на норт — практика не помешает — и добавил, что присоединюсь к остальным через четверть часа, так как хочу еще немного полюбоваться панорамой.

— Прекрасно, сэр. Я закажу для вас место за столом.

Робот развернулся вокруг оси и тихо уехал.

А я вернулся к иллюминатору.

Зрелище, которое предстало моим глазам, оказалось совершенно неожиданным. Мы прошли через потолок вестибюля посадочной площадки, но терминал на этом не закончился, лифт теперь поднимался сквозь верхнюю часть здания. Именно здесь, как я понял, одержимость поклонников Небесного Хаусманна нашла свое наивысшее выражение. После того как его распяли, сектанты сохранили тело, забальзамировав и покрыв особым составом зеленовато-серого цвета, а затем поместили его на гигантском конусообразном выступе, который торчал из стены, почти касаясь спирали. Поэтому труп Хаусманна напоминал резную фигуру под бушпритом парусника-исполина.

Небесный был обнажен до пояса, руки широко разведены в стороны. Он висел на крестовидной конструкции из металлического сплава. Голени были связаны, в кисть правой руки (не в ладонь, — похоже, в программе вируса, вызывающего стигмат, была ошибка) вбит гвоздь, еще один металлический штырь пробил культю отсеченной по локоть левой руки. К счастью, эти подробности, равно как и страдание, навсегда застывшее на лице Хаусманна, не слишком бросались в глаза благодаря обработке, которой подвергли тело. Но хотя черты лица различить было невозможно, боль читалась в изгибе его шеи, в судорожно стиснутых челюстях, как бывает при казни электричеством. Лучше бы его убили током, подумалось мне. Это было бы милосерднее, какие бы преступления он ни совершил.

Впрочем, так было бы слишком просто. Ведь толпа казнила преступника, совершившего ужасные деяния, прославляла же

она человека, подарившего ей весь мир. Распиная его, почитатели выражали свое обожание не менее горячо, чем свою ненависть.

Времена меняются, а люди остаются прежними.

Лифт прошел в считанных метрах от Небесного, и я невольно содрогнулся. Вдруг захотелось удалиться отсюда как можно быстрее. Безмерный космос словно превратился в эхокамеру, заполненную отголосками бесконечной боли.

У меня зачесалась ладонь. Зажмурившись, я тер ее о поручень, пока мы не оставили позади терминал, продолжая подниматься сквозь ночь.

— Еще вина, мистер Мирабель? — спросила похожая на лисицу аристократка, сидящая напротив меня.

— Нет. — Я вежливо промокнул губы салфеткой. — Если не возражаете, я удалюсь. Хочу полюбоваться видом, пока мы поднимаемся.

— Какая жалость, — разочарованно сказала женщина.

— О да, — подхватил ее муж. — Без ваших историй, Таннер, мы будем скучать.

Я улыбнулся. По правде говоря, я просто валял дурака, поддерживая светскую беседу в течение часа, пока мы ужинали. То и дело оживлял разговор пикантным анекдотом, но лишь с целью заполнить неловкие паузы, которые повисали над столом всякий раз, когда тот или иной гость отпускал реплику, способную с точки зрения переменчивого аристократического этикета показаться не деликатной. Не раз мне приходилось разрешать споры между северными и южными фракциями, выступая с речью от лица всей группы. Моя маскировка была не самой убедительной, поскольку даже северяне, кажется, поняли, что я не имею к южанам никакого отношения.

Но это едва ли имело значение. Недавно билетерша приняла меня за аристократа и выложила то, чего раскрывать не имела права. Маскировка худо-бедно действует и сейчас, среди знати, а вскоре можно будет отказаться от нее. Ведь я не нахожусь в розыске, я просто человек с темным прошлым и сомнительными связями. Нет ничего плохого и в том, чтобы называть себя Таннером Мирабелем, — это куда безопаснее, чем высасывать из пальца правдоподобную родословную. Совершенно обыч-

ное имя, оно вряд ли вызовет какие-то ассоциации с историей аристократии или иными эпохальными событиями. В отличие от своих сотрапезников я не взялся бы изложить историю своего рода до прибытия Флотилии. Скорее всего, Мирабели появились на Окраине полвека спустя. По меркам знати я просто неотесанный выскочка, но никто не позволит себе подобных нетактичных намеков. Все они долгожители, их генеалогия восходит если не к Флотилии, то ко дню провозглашения пассажирского манифеста, одно-два сомнительных поколения не в счет. Поэтому для них вполне естественно предположить, что я обладаю столь же пышным генеалогическим древом и доступом к тем же лечебным технологиям.

На самом же деле мои предки, прибывшие на Окраину Неба спустя много лет после Флотилии, не располагали никакими средствами для закрепления наследственного долголетия. Возможно, в первом поколении срок их жизни превышал обычный, но этот признак не передался потомкам.

Не мог я приобрести его и за деньги. Кагуэлла хорошо мне платил, но не так хорошо, чтобы я делал себе столь дорогие подарки, одновременно пополняя бюджет ультра. Впрочем, едва ли это имело значение. Препаратами пользовался от силы один из двадцати жителей планеты. Остальные девятнадцать либо по уши погрязли в войне, либо влачили жалкое существование на мирных до поры территориях.

Главная проблема в том, чтобы дожить до следующего месяца, а не до следующего века.

Вот почему я оказался в довольно щекотливом положении, едва разговор зашел о технологиях долгожительства. Я попытался непринужденно развалиться на стуле и позволить словам витать вокруг меня, но едва возникал спор, как мне навязывали роль судьбы. То и дело кто-нибудь изрекал: «Таннеру это, конечно, известно» — и поворачивался ко мне, чтобы услышать окончательное суждение, которое выведет из тупика. Не оставалось ничего другого, как отговариваться общими фразами, например: «Это непростой вопрос», или «Очевидно, это касается более глубоких аспектов проблемы», или «С моей стороны было бы неэтично распространяться далее на эту тему ввиду соглашений о конфиденциальности и прочее. Ведь вы меня понимаете?»

Примерно через час я созрел для того, чтобы уединиться.

Поднявшись из-за стола, я извинился и покинул компанию, после чего взошел по винтовой лестнице на смотровую палубу, расположенную над жилым уровнем и столовой. Перспектива сбросить шкуру аристократа неожиданно показалась весьма заманчивой. Впервые за несколько часов во мне затеплилось профессиональное удовлетворение. Всё под контролем. Очутившись наверху, я приказал обслуживающему отсека принести вишневый ликер. Хмель слегка ударил в голову, но это меня ничуть не беспокоило. Еще вдоволь времени, чтобы протрезветь: ясность ума и хватка наемного убийцы понадобятся мне через семь часов, не раньше.

Теперь мы поднимались быстро. Едва покинув терминал, лифт увеличил скорость до пятисот километров в час, но ему все равно понадобится сорок часов, чтобы достичь орбитального причала. Впрочем, за пределами атмосферы скорость возросла вчетверо, и случилось это во время первой перемены блюд.

Смотровая палуба была полностью в моем распоряжении. Остальные пассажиры, отужинав, разбредутся по пяти отсекам над столовой. В лифте с комфортом могут разместиться пятьдесят человек, и он не покажется переполненным, но сегодня нас здесь всего лишь семеро, включая меня. Общее время путешествия — десять часов. Движение станции по орбите Окраины Неба синхронизировано с обращением планеты. Таким образом, станция постоянно висит над Нуэва-Вальпараисо, то есть строго над экватором. Насколько мне известно, на Земле строили космические мосты, уходившие на высоту тридцать шесть тысяч километров. Но скорость вращения Окраины Неба чуть больше, а сила притяжения чуть слабее, и синхронная орбита находится на шестнадцать тысяч километров ниже. При всем при том длинна нити составляет двадцать тысяч километров — представьте, какому напряжению подвергается верхний километр под весом девятнадцати тысяч километров, которые находятся ниже. Сама нить полая, ее стенки имеют кристаллическую структуру гипералмаза с пьезоэлектрическим усилением — а вес, как я слышал, около двадцати миллионов тонн.

Я ходил по отсеку и размышлял о крошечном дополнительном давлении, которое создает каждый мой шаг. Потягивая ликер, я думал о том, насколько инженеры приблизились к предельному напряжению, конструируя лифт, и какой запас проч-

ности заложили в эту систему. Затем более рациональная часть моего разума напомнила, что сейчас по нити движется лишь ничтожно малая доля транспортного потока, который она способна нести. И я, обходя палубу, почувствовал твердую почву под ногами.

Рейвич... Интересно, хватит ли сейчас ему духу выпить?

Панорама могла быть более впечатляющей, но даже там, где ночь еще не опустилась, Полуостров скрывался под пологом туч. Поскольку орбита планеты была низкой и асимметричной, сезон дождей наступал через каждые сто дней — такой здесь короткий год — и длился не меньше десяти-пятнадцати суток. Над резко закругленным горизонтом нежная голубизна неба сменялась густым ультрамарином. Я уже видел яркие звезды, а прямо над нами, на верхнем конце нити, неподвижно висела одинокая звезда орбитальной станции — до нее было все еще очень далеко. Можно вздремнуть пару часов. В солдатские годы я приобрел почти звериную способность восстанавливать силы за час или два неглубокого сна.

Стоило принять это решение, и навалилась усталость, как будто плотину прорвало. Я почти на месте, а посему не помещает чуточку расслабиться.

— Сэр?

Я снова вздрогнул, но на этот раз слегка, поскольку узнал голос слуги. Робот продолжал с обычной вежливостью:

— Сэр, вас вызывают с поверхности. Я могу переадресовать вызов в вашу каюту, или желаете поговорить здесь?

Наверное, стоило пойти в каюту, но не хотелось лишать себя такого прекрасного зрелища.

— Соединяй, — сказал я. — Но прерви вызов, если кто-то будет подниматься по лестнице.

— Слушаюсь, сэр.

Дитерлинг, разумеется, — больше некому. Он явно не в Доме Рептилий, но, по моим прикидкам, должен находиться на полпути или даже ближе. Рановато для сеанса связи — честно говоря, я вообще не ожидал вызова, — но волноваться не о чем.

Однако появившиеся в окне лифта лицо и плечи принадлежали Вакесу Красная Рука. Камера, очевидно, находилась в каком-то помещении; она состыковала изображение так, будто мы стояли лицом к лицу и он смотрел мне прямо в глаза.

— Таннер... Послушай-ка меня, парень.

— Слушаю, — отозвался я, надеясь, что Васкес не заметил невольного раздражения в моем голосе. — Стряслось нечто важное, из-за чего ты решил достать меня здесь?

— Да пошел ты! Мирабель, через полминуты тебе расхочется улыбаться. — И облик, и голос Васкеса предвещали неприязни, но угроза явно исходила не от него.

— В чем дело, Красная Рука? Рейвич снова надул нас?

— Не знаю. Я приказал ребятам добыть дополнительную информацию. Абсолютно уверен, что он находится на нити, непосредственно перед тобой или через кабину.

— Но ты меня дергаешь не поэтому.

— Да. Я тебя дергаю потому, что кто-то убил Змея.

— Дитерлинга? — машинально отреагировал я.

Как будто это мог быть кто-то другой.

— Ну да, — кивнул Васкес. — Один из моих парней нашел его с час назад, но не опознал, и поэтому новость пришла ко мне не сразу.

Казалось, мои губы произносят слова без сознательного участия мозга:

— Где он? Что случилось?

— В твоей тачке, она так и стоит на Норкинко. С улицы, если не приглядываться, не видно, есть ли кто-нибудь внутри. Мой парень просто решил проверить машину и обнаружил в ней Дитерлинга. Он еще дышал.

— Что произошло?

— Кто-то его застрелил. Должно быть, поджидал неподалеку от тачки, пока Дитерлинг не вернулся с моста.

— Орудие убийства?

— Не знаю, приятель. По-твоему, я тут распоряжаюсь судебно-медицинской клиникой? — Васкес помолчал, сверля меня взглядом, и процедил: — Кажется, лучевик. На близкой дистанции, в грудь.

Я посмотрел на бокал, который так и держал в руке. Стоять и разговаривать о смерти друга, потягивая ликер, точно на светской вечеринке... Абсурд. Но поставить бокал было некуда.

Сделав еще глоток, я ответил, удивляясь собственному спокойствию:

— Я тоже предпочитаю лучевик, но не в тех случаях, когда нужно пришить незаметно. Луч дает более яркую вспышку, чем любое стрелковое оружие.

— Только не при выстреле в упор. Это все равно что ударить ножом. Мне жаль, приятель, но, похоже, так оно и случилось. Приставили ствол вплотную, ни вспышки, ни звука — и все шито-крыто. Вечером гуляли толпы людей. Кто-то устроил поджог у моста, дал местным повод весело провести ночь. Не думаю, что кто-нибудь заметил вспышку.

— Дитерлинг не позволил бы подстрелить себя вот так за просто.

— Может, его застали врасплох.

Я подумал об этом. Мое подсознание уже примирялось с фактом смерти, но для того, чтобы сделать выводы — не говоря уже о том, чтобы выйти из эмоционального шока, — нужно гораздо больше времени. Однако уже сейчас я был способен задавать правильные вопросы:

— Если его застали врасплох, то он был невнимателен либо принял убийцу за кого-то знакомого. Говоришь, он все еще дышал?

— Да, но был без сознания. Не думаю, Таннер, что мы могли бы сделать для него больше, чем сделали.

— Ты уверен, что он ничего не сказал?

— Если и сказал, то не мне и не парню, который нашел его.

— А этот парень, случайно, не из тех, кого мы видели вечером?

— Нет, он из моих ребят, которые следили весь день за Рей-вичем.

Так оно и будет продолжаться, подумал я. Васкес не проявит желания углубляться в подробности, и ответы нужно вырывать у него из глотки.

— И что? Давно ли этот тип у тебя на службе? Дитерлинг когда-нибудь прежде его встречал?

До него, хоть и страшно медленно, доходил смысл моих вопросов.

— Да ты что, приятель! Мой человек никоим образом не может быть в этом замешан. Клянусь тебе, Таннер!

— Я бы не снимал его со счетов. Это относится ко всем, кого мы встретили вечером, включая тебя, Красная Рука.

— Но зачем мне убивать Змея? Я так хотел, чтобы он взял меня на охоту.

В этих словах было что-то трогательно-эгоистичное, а потому они вполне могли быть правдой.

- Что ж, ты упустил свой шанс.
- Таннер, я здесь ни при чем.
- Но Мигуэля убили на твоей территории.

Он собирался ответить, а я собирался спросить, что он сделал с телом и как теперь намерен действовать, но изображение Васкеса растворилось в помехах. В тот же миг вокруг нас словно разом вспыхнуло небо, и все потонуло в мертвенно-белом сиянии.

Это длилось лишь долю секунды.

Но ее вполне хватило. Резкая вспышка матового света показала знакомой, как будто я однажды видел это раньше. А может, не однажды? Я порылся в памяти и вспомнил россыпь белых гвоздик на фоне звездной тьмы.

Ядерные взрывы.

Освещение в кабине мигнуло. На пару секунд я как будто сделался легче, потом вернулся в прежнее состояние.

Кто-то взорвал атомную бомбу.

По-видимому, нас зацепило электромагнитным импульсом. Я не видел ядерной вспышки с детства. Один из маленьких плюсов нашей войны: до применения оружия массового поражения дело обычно не доходит. Я не мог определить силу взрыва, не зная расстояния до эпицентра, но отсутствие грибовидного облака указывало, что бомбу взорвали высоко над поверхностью планеты. Полная бессмыслица. Конечно, ядерный обстрел мог быть началом нападения, но сейчас не самое подходящее время для боевых действий. Высотные взрывы? Еще меньше смысла — сети военных коммуникаций защищены от поражения электромагнитными импульсами.

Быть может, просто случайность?

Я поразмыслил над этим еще несколько секунд, после чего услышал быстрые шаги вверх по винтовой лестнице между уложенными друг на друга отсеками лифта. Это был аристократ, из тех, с которыми я ужинал. Я не дал себе труда вспомнить его имя, но левантийское сложение и золотисто-коричневая кожа выдавали северянина. Он был одет весьма вычурно, длинный, до колен, сюртук переливался всеми оттенками изумруда и аквамарины. Аристократ был взволнован. За его спиной, на последней ступеньке лестницы, замерла похожая на лисицу жена, она испуганно поглядывала на нас обоих.

— Вы видели? — спросил он. — Мы поднялись сюда, чтобы посмотреть, — тут наилучший обзор. Вспышка была довольно мощная. Мне она даже показалась похожей на...

— Ядерный взрыв? — договорил я. — Думаю, это он и был. — Перед глазами у меня все еще стояли розовые пятна.

— Слава богу, что рвануло не близко.

— Послушаем, что говорит общественное вещание, — произнесла женщина, глядя на дисплей своего браслета.

По-видимому, информационная сеть, с которой это устройство связывалось, была лучше защищена от помех, чем та, которой пользовался Васкес. На маленьком экране замелькали изображения и текст.

— И что? — поинтересовался муж. — Есть какие-нибудь предположения?

— Не знаю, но... — Она умолкла и задумчиво уставилась в пространство, потом нахмурилась. — Нет. Этого не может быть. Просто не может быть.

— Чего не может быть?

Женщина посмотрела на мужа, потом на меня:

— Говорят, что мост обстреляли. Якобы нить перебило взрывом.

Мы продолжали плавно подниматься, но мир теперь казался нереальным.

— Нет, — сказал аристократ. Он изо всех сил старался выглядеть спокойным, но выходило плохо. — Скорее всего, это какая-то ошибка.

— Боже, я на это надеюсь, — произнесла его жена с дрожью в голосе. — Последний раз мне делали нейросканирование полгода назад...

— Полгода! — проворчал аристократ. — Черт побери, меня в этом десятилетии вообще не сканировали!

Женщина тяжело вздохнула:

— Что ж, несомненно, это ошибка. Ведь мы стоим здесь, разговариваем, а должны падать на планету, вопя от ужаса. — Она снова недовольно взглянула на браслет.

— Что говорят? — спросил муж.

— То же, что и минуту назад.

— Либо это ошибка, либо подлая ложь.

Я прикинул, разумно ли будет теперь нарушить конспирацию. Разумеется, я был не просто телохранителем. За годы службы у Кагуэллы я изучил эту планету до последнего камешка, хотя обычно удовлетворял свое любопытство не ради повышения боеспособности. Даже не притворялся, будто разбираюсь в устройстве моста, но о производстве гипералмаза, искусственного углеродного аллотропа, из которого он был сплетен, я кое-что знал.

— Вообще-то, они могут быть правы, — заметил я.

— Но ничего ведь не изменилось! — воскликнула женщина.

— По-моему, ничего и не должно измениться.

Пытаясь успокоиться, я переключился на управление кризисной ситуацией — боевая привычка. Где-то в закоулках мозга истошно вопил страх, но я приложил все усилия, чтобы не слушать его.

— Даже если мост перебило, где, по-вашему, произошел обрыв? Думаю, не меньше чем в трех тысячах километров под нами.

— А какое это имеет значение, черт побери?

— Огромное. — Должно быть, в моих устах это прозвучало как юмор висельника. — Представьте себе нить. Она свисает с орбиты и натягивается собственным весом.

— Я об этом думаю, поверьте.

— Хорошо. Теперь представьте, что нить перерезали посередине. Та часть, которая находится выше, все еще свисает с орбитальной «катушки», а нижняя часть начинает падать на землю.

— Значит, беспокоиться не о чем? — Северянин заметно оживился. — Ведь мы наверняка выше разрыва. — Он посмотрел вверх. — Отсюда и до самого орбитального терминала нить цела. Это означает, что мы продолжаем подниматься. И мы доберемся, слава богу.

— Я бы повременил благодарить Господа.

Аристократ взглянул на меня с кислой миной, словно мое глупое замечание нарушало некую салонную игру:

— О чем вы?

— О нашей безопасности. Если вы разрежете натянутую бечевку, ее концы отпружинят в разные стороны.

— О да. — Кислая мина сменилась грозной, словно я возражал ему назло. — Понимаю. Но это, очевидно, не относится к нам, поскольку ничего не случилось.

— Пока не случилось. Я не говорил, что натяжение ослабнет немедленно и сразу по всей нити. Даже если она перебита прямо под нами, упругая волна доберется сюда через некоторое время.

— Сколько у нас времени? — Теперь в его голосе слышался страх.

Точного ответа у меня не было.

— Не знаю. Скорость звука в гипералмазе примерно такая же, как в настоящем, — около пятнадцати километров в секунду. Если разрыв произошел в трех тысячах километров под нами, вначале ударит звуковая волна — примерно... секунд через двести после вспышки. Упругая волна движется медленнее... но она все же догонит прежде, чем мы достигнем высшей точки.

Мой расчет оказался верным, поскольку звуковой импульс последовал сразу за моими словами: резкий удар, как будто кабина подскочила на ухабе при скорости две тысячи километров в час.

— Но нам ничего не угрожает? — Его жена была на волосок от истерики. — Если разрыв действительно под нами... О боже, надо было записываться чаще.

Муж посмотрел на нее с усмешкой:

— Ведь ты сама говорила, что регулярные полеты в клинику для сканирования — слишком дорогое удовольствие.

— Тебе не следовало понимать это буквально.

Я повысил голос, заглушая перепалку:

— Боюсь, нам действительно грозят серьезные неприятности. Если волна пройдет строго вдоль нити, у нас будет шанс уцелеть. Но если спираль начнет делать захлесты...

— Ты кто, черт тебя побери, — осведомился северянин, — инженер, что ли?

— Нет, я специалист совершенно иного рода.

На лестнице снова затопали, и появились остальные пассажиры. Похоже, толчок убедил их, что имеется серьезная причина для беспокойства.

— Что происходит? — спросил один из южан, грузный мужчина, на фут выше остальных.

— Мы летим по перебитой спирали, — ответил я. — Если не ошибаюсь, в кабине есть скафандры? Предлагаю воспользоваться ими как можно скорее.

Мужчина посмотрел на меня точно на сумасшедшего:

— Ведь мы продолжаем подниматься! Мне плевать, что там внизу происходит, — у нас все в порядке. Эта штука сделана с учетом возможных проблем.

— Но не таких, как в нашем случае, — возразил я.

К этому времени прибыл и слуга, подвешенный к своему потолочному рельсу. Я попросил проводить нас туда, где хранятся скафандры. Вообще-то, он должен был предложить это сам, но ситуация оказалась слишком нестандартной, чтобы увидеть в ней опасность для жизни двуногих подопечных. Интересно, дошла ли до орбитальной станции новость о том, что спираль перебита? Почти наверняка дошла — и почти наверняка сделать что-либо с находящимися на нити кабинами невозможно.

И все же нам повезло больше, чем тем, кто оказался в нижней, отсеченной части спирали. Я представил себе тысячекилометровый кусок нити ниже обрыва. Пройдет несколько минут, прежде чем на планету обрушится его верхушка, — она пока висит как заколдованная, словно в фокусе с веревкой. Но все равно нет в мире силы, способной предотвратить ее падение. Миллионы тонн спирали врежутся в атмосферу, отягощенные кабинами, частью пустыми, а частью с пассажирами. Это будет медленная и очень страшная смерть.

Кто виноват в случившемся? Слишком самонадеянно было бы полагать, что это не имеет отношения к моему путешествию. Рейвич перехитрил нас в Нуэва-Вальпараисо, и, если бы не обрыв нити, я бы все еще пытался смириться с гибелью Дитерлинга. Трудно представить, что к диверсии причастен Васкес Красная Рука, хотя я так и не вычеркнул его из списка подозреваемых в убийстве моего друга. Васкесу не хватило бы воображения, чтобы придумать подобное, — не говоря уже о средствах. К тому же сектанты подвергли его идеологической обработке, не позволяющей даже подумать о том, чтобы нанести ущерб мосту. Но кто-то же пытается убить меня. Возможно, враги подложили бомбу в одну из кабин, рассчитывая, что я окажусь в ней или ниже. А может, они неточно пустили ракету. У Рейвича, с его-то связями, была техническая возможность

организовать подобное. Но в моей голове не укладывалось, что он способен мимоходом угробить несколько сот ни в чем не повинных людей.

И все же кто его знает, этого Рейвича. Может, он успел ожесточиться вконец.

Мы последовали за слутой к отсекам, в каждом из которых хранился вакуумный скафандр. Ума не приложу, где раскопали эти раритеты: приходилось втискиваться в скафандр, вместо того чтобы позволить ему облепить себя. Все они оказались мне малы примерно на размер, но я облачился довольно быстро — с легкостью бойца, который привык носить броню. Разумеется, заводной пистолет перекочевал в один из многочисленных карманов, предназначенных для сигнальных ракет.

Пистолета никто не заметил.

— Это не обязательно! — вспыхнул аристократ-южанин. — Мы прекрасно обойдемся без проклятых...

— Не обойдетесь, — перебил я. — Когда налетит упругая волна — а это может случиться в любую секунду, — шарахнет так, что у вас не останется ни одной целой косточки. Наденете скафандр — останетесь живы.

«А может, и не останетесь», — добавил я мысленно.

Пассажиры возились со скафандрами, кто сноровисто, кто не очень. Я устремился на помощь, и через минуту-другую все оказались облачены, не считая великана, который продолжал брюзжать, словно у него была прорва времени. Более того, он начал перебирать костюмы и рассуждать по поводу их размеров.

— Хотя бы загерметизируйтесь, а потом будете беспокоиться о синяках и царапинах.

Я представил себе безумное цунами, которое несется нам навстречу, пожирая километры. Волна уже миновала нижние кабины. Интересно, хватит ли ей силы сбросить их?

Я все еще размышлял, когда волна обрушилась на нас.

Это оказалось куда хуже, чем я предполагал. Кабина рванулась в сторону, и нас ударило о внутреннюю стену. Кто-то завопил — похоже, получил перелом, но в ту же секунду нас швырнуло в противоположном направлении, на прозрачный купол смотрового окна. Слуга, сорвавшись с потолочного рельса, пролетел мимо нас, и его твердый стальной корпус ударился в стекло, точно ракета. Оно тут же покрылось паутиной белых ли-

ний, но удержалось. Сила тяготения ослабла, когда кабина замедлила движение по спирали; какой-то элемент ее индукционного мотора был поврежден ударом.

Голова аристократа-южанина лопнула, словно перезревший плод, и превратилась в мерзкое красное месиво. Толчки становились все слабее, но его тело еще перекачивалось по каюте. Кто-то снова вскрикнул. В той или иной мере досталось каждому. Возможно, и мне, но адреналин напрочь заблокировал болевые ощущения.

Упругая волна миновала. Я знал, что в какой-то момент она достигнет конца нити и снова пойдет вниз, но уже растратив энергию. Через несколько часов снова будут толчки, однако не такие сильные.

На секунду я позволил себе поверить, что мы выкарабкаемся.

Но затем вспомнил о кабинах, находящихся под нами. Они тоже должны потерять скорость, либо их вообще сбросило. Возможно, сработала автоматическая защита. Но что толку гадать? Если нижняя кабина все еще поднимается с прежней скоростью, она вот-вот врежется в нас.

Я заговорил, заглушая стоны ушибленных:

— Прошу меня извинить, но я вот о чем подумал...

На объяснения не было времени. Или пассажиры последуют за мной, или останутся в кабине, но тогда пусть пеняют на себя. В аварийный шлюз нам не попасть — нужно не меньше минуты, чтобы пройти цикл всем семерым... теперь уже шестерым. Кроме того, чем дальше мы окажемся от моста, тем больше шансов уцелеть, когда кабины столкнутся.

По сути, выбора не оставалось.

Рукой в перчатке я неуклюже извлек из кармана на скафандре заводной пистолет. Прицелиться невозможно, но, к счастью, этого и не требуется. Я просто навел пистолет на паутину трещин, оставленную на стекле слугой.

Кто-то попытался остановить меня, не понимая, что я всего лишь пытаюсь спастись и спасти остальных, но я оказался сильнее, и мой палец нажал на курок. Нанодетали пистолета пришли в движение, высвобождая мощный заряд энергии молекулярного взаимодействия. Из ствола вылетел рой стрелок. Под их натиском паутина расширилась, стекло выгнулось наружу и разлетелось мириадами белых осколков. Образовалось рваное отверстие; через него воздушная буря вышвырнула нас в космос.

Я держался за пистолет, как утопающий за соломинку, и вертел головой, высматривая остальных. Вихрь раскидал их в разных направлениях, точно осколки осветительной ракеты. Однако все мы летели вниз, хотя и по разным траекториям.

Под нами была только планета.

Медленно вращаясь, я снова увидел кабину. Она все еще удерживалась на нити, продолжая уходить вверх, уменьшаясь с каждой секундой по мере моего падения. Затем — едва уловимое появление второй кабины, которая двигалась вверх по нити на нормальной скорости, и тотчас ослепительная, точно ядерный взрыв, вспышка.

Но вот свет погас, и не осталось ничего, даже нити.

ГЛАВА 4

Небесному Хаусманну было три года, когда он увидел свет.

Позднее, уже зрелым мужчиной, он будет считать это своим первым отчетливым воспоминанием, которое можно соотнести со временем и местом и которое определенно имеет отношение к реальному миру, — в отличие от иллюзий, обитающих на призрачной границе, что отделяет реальный мир от фантазий ребенка.

Родители запретили ему покидать детскую. Он проявил непослушание, отправившись в дельфинарий, — это темное и сырое место в чреве гигантского корабля «Сантьяго» считалось запретным. Но, по сути, мальчика соблазнила Констанца, которая провела его по лабиринту железнодорожных тоннелей, крытых переходов, пандусов и лестниц туда, где спрятали дельфинов. Констанца была лишь двумя-тремя годами старше Небесного, но казалась ему почти взрослой и запредельно умной. Все твердили, что эта девочка — гений, что однажды — возможно, когда Флотилия завершит свое долгое неспешное путешествие, — она станет капитаном. Это говорилось полушутя, но в то же время почти серьезно. Небесный мечтал, чтобы Констанца назначила его своим помощником, когда этот день наступит. Чтобы они сидели вдвоем перед панелью управления в главной рубке, ко-

тору он никогда не видел. Мечта не казалась смешной: взрослые постоянно твердили ему, что он тоже необычайно одаренный ребенок. Даже Констанца иногда поражалась возникавшим у него идеям. Но позже Небесный напоминал себе, что, несмотря на весь свой ум, Констанца не безупречна. Она узнала, как добраться до дельфинария, не попадаясь никому на глаза, но едва ли придумала способ вернуться незамеченными.

Впрочем, приключение того стоило.

— Взрослые их не любят, — сказала Констанца, когда они подошли к резервуару с дельфинами. — Хотят, чтобы дельфинов вообще не было.

Они стояли на скользкой от воды дренажной решетке. Резервуар представлял собой высокий стеклянный аквариум, залитый мертвенно-бледным светом, и уходил на десятки метров в темноту трюма. Небесный вгляделся в полумрак. Дельфины казались далекими серыми тенями в бирюзовой толще воды, их силуэты постоянно исчезали, дробясь на части, и вновь возникали среди причудливой игры бликов. Они казались не живыми существами, а скорее странными фигурами, отлитыми из мыла, — скользкими и не вполне реальными.

Небесный прижал ладонь к стеклу:

— Как можно не любить дельфинов?

— Знаешь, Небесный, с ними что-то не то, — сдержанно отозвалась Констанца. — Это не те дельфины, которые были на корабле, когда он улетел с Меркурия. Это их внуки, а может, правнуки. Они ничего, кроме этого бассейна, не видели, и у них нет родителей.

— Я тоже не видел ничего, кроме этого корабля.

— Но ты не дельфин, тебе ни к чему просторы океана.

Констанца замолчала, потому что один из дельфинов поплыл к ним. Его сородичи теснились в дальнем конце резервуара, возле устройства, состоящего из нескольких телевизионных экранов, которые показывали разные места. Остановившись в толще прозрачной воды у самого стекла, животное неуловимо, но очевидно изменилось. Секунду назад оно казалось полупрозрачным миражем, а теперь это было крупное, потенциально опасное существо из мышц и костей. Небесный видел фотоснимки дельфинов в детской комнате, но это существо выглядело незнакомым. Сетка тончайших хирургических шрамов опоясыва-

ла его череп, а вокруг глаз виднелись геометрически правильные выпуклости и борозды — контуры металлокерамических устройств, вживленных под кожу.

— Привет, — сказал Небесный, постучав по стеклу.

— Это Слик, — пояснила Констанца. — Во всяком случае, мне так кажется. Слик — один из самых старых.

Дельфин поглядел на мальчика; пасть изгибалась, точно в лукавой улыбке, взгляд казался одновременно и добродушным, и безумным. Потом он забился в воде, приблизив морду к лицу Небесного, и мальчик почувствовал, как стекло неслышно завибрировало. Что-то появилось в воде перед Сликом, словно сотканное из пузырьков. Вначале это казалось узором завихрений, случайным, как пробные мазки на полотне художника, но затем они начали обретать форму и упорядоченность. Голова дельфина лихорадочно дергалась, как будто животное агонизировало, поражаемое электричеством. Образ продержался лишь несколько секунд, но дельфин, несомненно, создал трехмерное изображение лица. Оно было не слишком четким, но Небесный знал, что это не просто фантазия, плод его подсознания. Для этого изображение было слишком симметричным и пропорциональным. В нем присутствовало и чувство, скорее всего отражающее страх или даже ужас.

Закончив «работу», Слик удалился, презрительно махнув хвостом.

— Они тоже ненавидят нас, — сказала Констанца. — Но разве можно их строго судить за это?

— Зачем Слик это сделал? И как?

— В «дыне» — видел такую шишку у него между глазами? — есть специальные устройства. Их имплантируют дельфинам, когда они совсем маленькие. Обычно с помощью «дыни» они переговариваются, но приборы позволяют лучше направлять звук, поэтому можно рисовать пузырьками. К тому же в воде есть крошечные существа — микроорганизмы, которые светятся от звуковых колебаний. Люди, создавшие этих дельфинов, хотели общаться с ними, вот и нашли способ.

— Кажется, дельфины должны быть за это благодарны.

— Может, и были бы, если бы их не подвергали операциям. И если бы им дали нормальное место для плавания, а не это ужасное корыто.

— Да, но когда мы достигнем Пункта Назначения...

Констанца печально посмотрела на него:

— Будет слишком поздно, во всяком случае для этих дельфинов. Им не дожить. Мы станем взрослыми, а наши родители постареют или умрут.

Дельфин вернулся с сородичем поменьше, и оба начали рисовать что-то в воде. Получалось похоже на человека, раздраемого на части акулами, но Небесный отвернулся прежде, чем окончательно в этом убедился.

— К тому же они слишком далеко зашли, — добавила Констанца.

Небесный снова повернулся к резервуару:

— И все же они мне нравятся. Красивые. Даже Слик.

— Они плохие, Небесный. Психопаты... так говорит мой отец. — Девочка произнесла это с некоторой неуверенностью, словно стыдясь, что проболталась.

— Мне все равно. Я вернусь и увижу их снова. — Он постучал по стеклу и крикнул громче: — Я вернусь, Слик! Ты мне нравишься.

Констанца по-матерински похлопала Небесного по плечу. Она была чуть выше ростом.

— Это ничего не изменит.

— Все равно вернусь.

Обещание, данное не столько Констанце, сколько самому себе, было искренним. Ему действительно хотелось понять дельфинов, пообщаться с ними и хоть как-то смягчить их страдания. Он представлял себе бескрайние, залитые светом океаны Пункта Назначения — Клоун, дружок по детской комнате, сказал ему, что там будут океаны. Небесный воображал, как дельфины неожиданно покинут это темное, унылое узилище и окажутся на свободе. Ему виделось, как они плавают с людьми и создают радостные звукообразы в воде, а воспоминания о времени, проведенном на борту «Сантьяго», меркнут подобно душному кошмару.

— Поторопись, Небесный, — сказала Констанца. — Нам пора идти.

— А ты еще приведешь меня сюда?

— Конечно, если захочешь.

Они покинули дельфинарий и пустились в обратный путь, пробираясь по закоулкам в темной утробе «Сантьяго», словно отыскивая дорогу в заколдованном лесу. Раз-другой встречали взрослых, но Констанца вела себя так уверенно, что ни у кого не возникало вопросов — до тех пор, пока дети не оказались на территории небольшого отсека, который был хорошо знаком Небесному.

Именно здесь их обнаружил отец мальчика.

Тита Хаусманна обитатели корабля считали человеком суровым, но добросердечным; его авторитет зиждился скорее на уважении, чем на страхе. Он нависал над беглецами, но Небесный не почувствовал в нем настоящего гнева, лишь облегчение.

— Твоя мать сама не своя, — произнес отец. — Констанца, ты меня разочаровала. Я всегда считал тебя благоразумной.

— Он просто хотел посмотреть на дельфинов.

— Ах, на дельфинов? — Отец, похоже, удивился, словно ожидал совсем другого ответа. — А я решил, что тебя заинтересовали «спящие». Наши дорогие момио.

«И они тоже, — подумал Небесный. — Но в первую очередь дельфины».

— А теперь ты расстроен, — продолжал отец. — Потому что дельфины оказались не такими, как ты ожидал. Правильно? Мне тоже их жалко. Но Слик и другие не в своем уме. Самое лучшее, что мы могли бы сделать, — это усыпить их всех. Но им по-прежнему дозволяется воспитывать свою молодежь, и каждое новое поколение будет...

— ...Поколением психопатов, — пробормотал Небесный.

— Да. — У отца был странный взгляд. — Психопатов. Еще более опасных. Вижу, твой словарный запас растет не по дням, а по часам. Стыдно было бы мешать этому процессу. — Он взьерошил Небесному волосы. — Я это к тому, юноша, что надо бы тебе посидеть в детской. Чтобы некоторое время не создавать проблем ни себе, ни другим.

Не то чтобы Небесный ненавидел детскую, но ссылка туда казалась настоящим наказанием.

— Я хочу видеть маму.

— Небесный, твоей мамы на корабле нет. А была бы, сказала бы то же, что и я. Ты проявил непослушание, а за это наказывают. — Он повернулся к Констанце и покачал головой. —

Что касается вас, юная леди, какое-то время вы не будете играть с моим сыном. Вам обоим это пойдет только на пользу.

— Мы не играем, — нахмурилась Констанца. — Мы беседуем и исследуем.

— Да, — согласился Тит и тяжело вздохнул. — И посещаете отсеки, в которых вам строго запрещено появляться. Боюсь, это не может оставаться без последствий. — Он смягчил тон, как делал всегда, сообщая нечто важное. — Корабль — наш единственный дом, и другого не будет. Дом — это прежде всего убежище, безопасное место. Но и здесь есть уголки, куда заходить не следует. Не из-за чудовищ каких-нибудь и прочей чепухи, а потому, что там опасно, и не только для детей. Я имею в виду системы энергообеспечения и другие агрегаты. А роботы? А вертикальные шахты? Поверь, я видел, что случается с людьми, которые суют нос куда не надо. Это не самое приятное зрелище.

Небесный ни на миг не усомнился в словах отца. Возглавляя службу безопасности на борту «Сантьяго», где в общем и целом сохранялась политическая и социальная гармония, Хаусманн-старший занимался расследованием несчастных случаев и крайне редких самоубийств. И хотя Тит никогда не делился с мальчуганом подробностями таких смертей, воображение Небесного рисовало весьма яркие картины.

— Я сожалею о случившемся, — сказала Констанца.

— Верю. Но это не отменяет того факта, что ты привела моего сына в запретную зону. Я поговорю с твоими родителями, Констанца, и вряд ли они придут в восторг. А теперь беги домой, и, быть может, через неделю-другую мы пересмотрим ситуацию. Хорошо?

Она ничего не ответила, только кивнула и ушла по одному из кривых коридоров, которые расходились от перекрестка, где Тит встретил детей. Идти ей было недалеко, жилые отсеки на «Сантьяго» располагались достаточно плотно. Однако проектировщики постарались обойтись без прямых маршрутов, если не считать аварийных проходов и рельсов, ползущих по «хребту» корабля. Змеежисие коридоры общего пользования создавали впечатление, что внутреннее пространство звездолета куда обширнее, чем на самом деле. Две семьи могли жить бок о бок, полагая, что обитают в противоположных концах жилого сектора.

Тит вместе с сыном направился домой. Небесный сожалел, что матери нет на борту, поскольку она — что бы там ни говорил отец — обычно наказывала не так строго. Была слабая надежда, что она уже вернулась, раньше срока завершив работы на корпусе. Но дома ее не оказалось.

— В детскую, — велел Тит. — Поиграешь с Клоуном. Я вернусь часа через два-три и выпущу тебя.

— Я не хочу туда.

— Правильно. Если бы хотел, что бы это было за наказание? Дверь детской комнаты отворилась. Тит толкнул сына внутрь, а сам остался за порогом.

— Привет, Небесный, — сказал Клоун.

Он уже поджидал мальчика.

В детской было много игрушек. Иные умели поддерживать что-то вроде диалога и на первый взгляд даже казались разумными. Небесный понимал, что эти вещи предназначены для детей примерно его возраста, они соответствуют картине мира, которая складывается у обычного ребенка на третий год жизни. Но большинство игрушек показались ему примитивными и даже дурацкими уже после второго дня рождения. Клоун был другим — не совсем игрушка, хотя и не совсем личность. Сколько помнил себя Небесный, Клоун всегда был рядом. Он стал частью детской, хотя находился там не всегда. Он не мог трогать вещи и не позволял трогать себя Небесному, а когда говорил, звуки доносились не оттуда, где он стоял, — или притворялся, что стоял.

При этом нельзя было сказать, что Клоун существует лишь в воображении. Он видел все происходящее в детской и непременно доносил родителям Небесного, если тот совершал заслуживающий порицания поступок. Так, Клоун наябедничал, что Небесный сломал лошадку-качалку и что в этом, невзирая на заверения мальчугана, нет вины ни одной из «умных» игрушек. Небесный возненавидел предателя, но ненадолго. Мальчик понимал, что Клоун его единственный настоящий друг, если не считать Констанцы, и что он разбирается в темах, недоступных даже ее пониманию.

— Привет, — печально отозвался Небесный.

— Вижу, тебя заперли за посещение дельфинария. — Клоун одиноко стоял в строгой белой комнате, прочие игрушки были

аккуратно спрятаны. — Небесный, согласишься, это неправильный поступок. Сказал бы мне, я бы показал дельфинов.

— Но не тех. Не настоящих. И ты их уже показывал.

— Но не таких. Смотри!

И внезапно оба очутились в лодке, в море, под синим небом. Вокруг на гребнях волн, вспенивая воду, плясали дельфины, их спины блестели под солнцем, словно мокрые булыжники. Впечатление портили только узкие черные окна в одной из стен комнаты.

Однажды Небесный нашел в книге сказок картинку. На ней был кто-то вроде Клоуна, в пестром наряде, с буфами и большими белыми пуговицами. На его комичной физиономии, обрамленной взбитыми рыжими волосами и обвислым колпаком в полоску, застыла широкая улыбка. Когда мальчик дотронулся до иллюстрации, клоун шевельнулся и показал те же фокусы и веселые ужимки, что показывал его собственный Клоун. Небесный смутно помнил времена, когда это фиглярство заставляло его хохотать и хлопать в ладоши, и казалось, нет на свете ничего смешнее и увлекательнее.

Но с тех пор Клоун успел поднадоесть. Он по-прежнему развлекал Небесного, но их отношения стали совсем другими, и пути назад не было. Теперь Клоун представлял для Небесного объект, подлежащий изучению, пусть даже для этого придется разобрать его на части. Клоун чем-то напоминал рисунки пузырьками, которые создавали в воде дельфины, — правда, эта картинка была сделана скорее из света, чем из звука.

И сейчас они были в лодке только понарошку. Под ногами все тот же твердый и гладкий пол комнаты, куда его запер отец. Небесный не совсем понимал, как создается эта картинка, но она вполне могла сойти за реальность. Даже стены детской стали невидимы.

— У дельфинов, живущих в бассейне, — у Слика и всех остальных — есть какие-то приборы, — сказал Небесный. Не мешает кое-что разузнать, пока он сидит взаперти. — Для чего им ультразвук?

— Чтобы проще было фокусировать гидролокатор.

— Нет. Мне просто интересно, кто додумался поместить их туда?

— А-а-а... Наверное, химерики.

— Кто такие химерики? Они полетели с нами?

— Отвечаю на второй вопрос: нет, хотя они были совсем не прочь.

Голос Клоуна, чуть визгливый, дрожал и поэтому напоминал женский. Но в нем при любых обстоятельствах звучало бесконечное терпение.

— Не забывай: когда Флотилия покидала Землю, а потом орбиту Меркурия, чтобы выйти в межзвездный космос, в Солнечной системе продолжалась война. Да, сражения к тому времени в основном закончились, но люди еще не договорились об условиях перемирия. Каждая сторона по-прежнему считала себя воюющей и была готова по любому поводу броситься в драку. Хватало и тех, кому война казалась последней возможностью что-то изменить. Преимущественно это были организованные преступные группировки, не более того. Химерики — точнее, те химерики, которые создали дельфинов, — определенно принадлежали к числу этих банд. Вообще химерики достигли поразительных результатов в экспериментах с киборгами. Они сражали себя и своих животных с механизмами. Но часть химериков пошла еще дальше. В итоге их стали избегать даже соплеменники.

Небесный слушал Клоуна и впитывал сведения как губка воду. Воспитатель правильно оценивал способности Хаусмана-младшего и говорил вполне доступным для него языком, будучи уверен, что подопечный не упустит ни единого слова. Небесный догадывался, что не все трехлетние малыши способны воспринимать подобные рассуждения, но это его ничуть не смущало.

— А дельфины?

— Они тоже созданы химериками. С какой целью — нам неизвестно. Возможно, химерики собирались покорить океаны Земли, и дельфинам отводилась роль подводной пехоты. А может, это просто эксперимент, прекратившийся, когда война пошла на спад. Как бы то ни было, агенты Конфедерасион Суд-американа¹ отняли у химериков семейство дельфинов.

Небесный знал, что речь идет об организации, которая почти всю войну соблюдала нейтралитет. Ее интересы простирались далеко за тесные границы Солнечной системы. Собрав себе в помощь горстку союзников, Конфедерация осуществила

¹ Южноамериканская Конфедерация (*исп.*). — *Прим. ред.*

первую серьезную попытку человечества пересечь межзвездное пространство.

— И мы взяли дельфинов с собой?

— Да, предположив, что они пригодятся в Пункте Назначения. Но устранить искусственные образования, вживленные химериками, оказалось очень трудно. Мы предпочли оставить все как есть. Затем родилось новое поколение дельфинов, и обнаружилось, что они не могут общаться со своими родителями обычным способом. Поэтому мы скопировали эти включения и имплантировали молодняку.

— Но в результате дельфины обезумели.

Клоун изобразил легкое удивление и чуть помедлил с ответом. Позже Небесный поймет, что друг «застывает», когда обращается к кому-нибудь из его родителей или других взрослых и спрашивает, как лучше отреагировать.

— Да... — промолвил наконец Клоун. — Но вряд ли мы в этом виноваты.

— Не виноваты? В том, что держим их в трюме, где воды несколько жалких кубометров?

— Поверь, сейчас они содержатся значительно лучше, чем в лаборатории химериков.

— Но ведь дельфины не могут этого помнить.

— Все-таки здесь им лучше.

— Откуда ты знаешь?

— Я же Клоун. — Вечная улыбка растянулась уж совсем естественно. — Шуты всегда все знают.

Небесный хотел было спросить: «Что ты имеешь в виду?» — но тут вспыхнул свет. Это произошло внезапно и совершенно беззвучно; свет был очень ярким, он бил из узких окон в стене. Зажмурившись, Небесный увидел на сетчатке отражение окна — четкий розовый прямоугольник.

— Что это? — спросил он, моргая.

С Клоуном, а заодно и со всей комнатой происходило нечто непостижимое. В момент вспышки его фигура приобрела уродливые очертания, застывшая физиономия растянулась в разные стороны, словно растеклась по стенам. Лодка, в которой они с Небесным как бы стояли, искривилась вместе с остальной картиной. Линии расплзались, словно кто-то размешивал изображение палкой.

Ничего подобного здесь прежде не случалось. Клоун не допускал непорядка в детской.

Хуже того, сияющие фигурки на стенах, освещавшие комнату, померкли до черноты. Только из высоко расположенного окна еще исходило слабое молочное свечение. Но и оно вскоре исчезло, и Небесный очутился в крошечной темноте.

— Клоун? — позвал он спокойно, а затем повторил чуть настойчивей.

Ответа не последовало. Это было странно. И это было нехорошо. Небесный почувствовал, как в нем поднимается парализующий страх. Да и как еще мог реагировать трехлетний малыш на подобную ситуацию?

И куда только подевались проблески «взрослости» и прочие признаки раннего развития, выделявшие Небесного среди ровесников. Он был просто ребенком, который оказался один в потемках и не понимал, что происходит.

Мальчик снова окликнул Клоуна, на этот раз с отчаянием, — конечно, друг уже ответил бы ему, будь это возможно. Нет, Клоун исчез. Детская, обычно залитая ярким светом, наполнилась холодной мглой, вдобавок тут воцарилась тишина; не слышать даже вездесущих шумов «Сантьяго».

Небесный направился туда, где должна была находиться стена, потом двинулся вдоль нее, надеясь найти дверь. Но когда дверь закрыта, она прилегает к стене вплотную, обеспечивая герметичность. Ему не удалось нащупать даже тончайшую щель. Внутри не было ни ручки, ни кнопки. Обычно — когда Небесный не был наказан — дверь открывал Клоун, стоило только попросить.

Но на ситуацию нужно как-то реагировать, причем адекватно, — и реакция пришла сама по себе, не заботясь о том, нравится она Небесному или нет. Мальчик заплакал, чего не помнил за собой уже давно.

Он рыдал, пока не иссякли все слезы и не защемило в глазах. Снова позвал Клоуна, напряг слух и ничего не уловил. Принялся кричать, но и это не помогло, только засадило в горле.

Небесный пробыл в одиночестве не более двадцати минут, но казалось, будто прошел час, потом другой, потом еще долгие мучительные десятки часов. Одиночество при любых обстоятельствах было бы для него пыткой. Мальчик не знал, что

происходит, и предполагал, что это затея отца, решившего наказать его построжее. Время тянулось и тянулось, превращаясь в вечность. Потом мысль об отцовских кознях представилась не-
лестной. Тело все еще дрожало, но мозг взялся перебирать гораз-
до менее приятные версии. Что, если детская каким-то образом
отделилась от корабля? Что, если она теперь дрейфует в космо-
се, удаляясь от «Сантьяго», от Флотилии, — а когда это обнару-
жится, будет уже поздно? Или, возможно, корабль захватили
чудовища. Они бесшумно истребили на борту все живое, один
лишь Небесный уцелел, но и до него непременно доберутся
монстры...

За стеной раздался шорох.

Разумеется, это были взрослые. Некоторое время они во-
зились с дверью, а когда убедили ее открыться, полоска янтар-
ного света протянулась к мальчику по полу. Первым вошел отец,
а потом еще четверо или пятеро — Небесный не знал, как их зо-
вут. Они были высокими, сутулыми и казались темными силу-
этами, а свет фонарей делал их лица пепельно-серыми и хмуры-
ми, точно у королей из сборника сказок. Вместе с ними в ком-
нату ворвался воздух. Он был холодным, как никогда, и малыш
задрожал еще сильнее. Взрослые резкими толчками выдыхали
пар, точно огнедышащие драконы.

— Он цел, — сказал отец одному из спутников.

— Ну, вот и славно, — отозвался тот. — Надо отвести его
в какое-нибудь безопасное место... а потом начнем пробираться
на корму.

— Иди сюда, Шуйлер. — Отец присел на корточки и протя-
нул к Небесному руки. — Иди, мой мальчик. Все в порядке.
Незачем так волноваться. Ты плакал?

— Клоун пропал, — еле выговорил Небесный.

— Клоун? — переспросил кто-то.

Отец обернулся.

— Базовая образовательная программа детской комнаты.
Вспомогательные процессы, похоже, закрылись в первую оче-
редь.

— Найди Клоуна, — взмолился Небесный. — Пожалуйста...

— Попозже, — ответил отец. — Клоун... отдыхает. Он вернет-
ся, не успеешь и глазом моргнуть. Хочешь пить, сынок? Или
есть?

- Где мама?
- Она... — Отец запнулся. — Шуйлер, сейчас она не может прийти, но передает тебе привет.
- Один из мужчин тронул отца за руку:
- Тит, ему будет спокойнее с другими детьми. В главной детской.
- Он не такой, как другие дети, — возразил отец.
- Вскоре они вывели Небесного из комнаты. Холодный коридор уходил вправо и влево, в темноту, прочь от лужиц света, оставляемых фонарями взрослых.
- Что случилось? — спросил Небесный.
- Он впервые осознал, что поколеблен не только его внутренний космос. Что бы ни случилось, оно коснулось и мира взрослых. Еще никогда он не видел корабль таким.
- Кое-что очень-очень плохое, — сказал отец.

ГЛАВА 5

Я вылетел из сна о Небесном Хаусманне, словно мне дали пинка. В первый момент показалось, что я попал в другой сон, главной особенностью которого было жуткое чувство потерянности в пространстве и времени.

Потом я понял, что это вовсе не сон.

Я бодрствовал. Правда, половина моего разума продолжала крепко спать — та его часть, где записано, кто я такой и что делаю в этом мире. Я даже не мог успокоить себя, разобравшись в том, как нынешняя ситуация связана с прошлым. Кстати, о прошлом... Я мысленно оглянулся, надеясь обнаружить в памяти какие-то зацепки — мое имя, предметы, которые укажут, кем я являюсь. Но это было все равно что всматриваться в густой серый туман.

Правда, мне удалось назвать предметы, находившиеся вокруг. Значит, язык не забыт. Я лежал на жесткой постели под тонким коричневым вязаным одеялом и чувствовал себя бодрым и отдохнувшим, но при этом абсолютно беспомощным. Глазел по сторонам, ожидая «щелчка», после которого ситуация

прояснится. Но ни малейшего проблеска, ничего, что показалось бы хоть мало-мальски знакомым.

Я поднес к глазам руку, присмотрелся к выпуклым венам на тыльной стороне кисти. Рука тоже выглядела как-то странно.

Между тем я довольно неплохо помнил подробности сновидения. Оно было поразительно ярким и походило не на обычный сон — череду видений, в которой трудно усмотреть логическую связь, — а на отрезок хроники. Казалось, я незримо присутствовал при всех событиях, следуя за Небесным Хаусманном, точно назойливый призрак.

Потом я зачем-то перевернул кисть.

Посреди ладони виднелось аккуратное пятнышко цвета ржавчины — запекшаяся кровь. Осмотрев под собой простыню, я обнаружил еще несколько засохших пятен — следы недавнего кровотечения.

Что-то материализовалось в тумане памяти — и оно было готово приобрести ясные очертания.

Я вылез из постели, обнаженный, и осмотрелся. Стены у комнаты шероховатые, но это не тесаный камень, а материал наподобие высушенной глины, покрытый ослепительно-белой штукатуркой. Вплотную к кровати стояли табурет и тумбочка из неизвестной породы дерева. Никаких украшений, если не считать маленькой коричневой вазы в стенной нише.

Я в ужасе уставился на вазу.

Страх был совершенно иррациональным, я понял это мгновенно, но ничего не мог с собой поделать. По-видимому, произошло какое-то нервное расстройство. Я услышал собственные слова: «У тебя сохранилась речь, но что-то серьезно нарушено в лимбической системе, возможно, в том отделе мозга, что отвечает за способность, которая впервые появилась у млекопитающих, — за способность бояться».

Разобравшись с происхождением своего страха, я понял, что ваза тут ни при чем.

Дело было в нише.

Что-то пряталось в ней, что-то ужасное. Осознав это, я содрогнулся, сердце бешено заколотилось. Нужно выбраться из комнаты, сбежать от непонятной опасности... Напрасно я внушал себе, что боязнь моя беспочвенна, — при одной мысли о том, что может скрывать ниша, кровь леденела в жилах.

В противоположном конце комнаты виднелась открытая дверь. Куда угодно, только поскорее выйти наружу!

Пошатываясь, я переступил порог.

Мои ноги коснулись травы. Я очутился на росистой, тщательно подстриженной лужайке, окруженной с двух сторон зарослями и валунами. Позади меня стоял сельский домик, в котором я проснулся. Он прилепился к отвесному склону — казалось, домик вот-вот исчезнет в зарослях. Чем выше склон, тем круче; вон там он уже отвесный... Закружилась голова. Надо мной смыкался купол из зелени; я как будто находился внутри перевернутой чаши со стенками, сплошь оклеенными китайским шпинатом. Оценить расстояние было трудно, но «потолок» этого мирка, должно быть, находился в километре над моей головой. Впереди дно игрушечной долины слегка понижалось, а потом снова начинался подъем, пока где-то вдалеке противоположная сторона «чаши» не сравнивалась со склоном за моей спиной.

Расплывчатые границы этого мирка, окрашенные в туманную синеву воздушными массами, терялись среди все тех же зарослей и валунов. Из-за этого в первый момент мне показалось, что это жилище имеет цилиндрическую форму. Но, приглядевшись, я понял, что «берега» долины чуть заметно скругляются и смыкаются друг с другом в двух местах, отчего она напоминает лежащее веретено, — а мой домик находится как раз на экваторе.

Перебрав в памяти множество различных типов жилых конструкций, я не обнаружил ничего похожего. Решительно это место было очень необычным.

Вдоль всей постройки проходила ослепительная белая линия — нечто вроде трубки, наполненной плазмой. Судя по всему, она могла тускнеть, имитируя закат и наступление ночи. Крошечные водопады и грубые скальные поверхности, контрастируя с зеленью, оживляли пейзаж. Местный дизайнер явно имел вкус к японским акварелям. На дальнем склоне долины я заметил пестрые декоративные садики, расположенные террасами, — мозаика, набранная из крошечных элементов. Повсюду, точно россыпь гальки, белели коттеджи и какие-то строения покрупнее. Каменистые тропки петляли по долине, соединяя отдельные домики и поселки. Ближе к концам конусов, из ко-

торых состояло «веретено», построек становилось больше. Судя по всему, сила тяжести там слабее, хотя это могло быть только иллюзией. Вероятно, именно с этой целью создатели обиталища выбрали такую форму.

Я погрузился в размышления. И тут что-то крадучись выбралось из зарослей и зашагало на поляну, переставляя совершенно немыслимые металлические ноги на шарнирах. Моя ладонь тут же сжала рукоять несуществующего пистолета, словно для его появления достаточно было простого сокращения мускулов.

Машина остановилась и тихонько застрекотала. Паучьи лапы поддерживали зеленое яйцевидное тело, украшенное светящимся голубым узором в виде снежинки.

— Таннер Мирабель?

Голос доносился из машины, и в этом было что-то подозрительное. Он не мог принадлежать роботу. Это говорила женщина, причем не вполне уверенная в себе.

— Понятия не имею.

— О боже, это все мой кастеллано... — Последнюю фразу она произнесла на норте, но тут же снова перешла на мой родной язык и заговорила еще более смущенно: — Надеюсь, вы меня поймете. Мне не с кем беседовать на кастеллано. Мм... надеюсь, что вам знакомо ваше собственное имя. Таннер. Вот так: Таннер Мирабель... В общем, господин Мирабель. Вы понимаете?

— Вполне, — отозвался я. — Но мы можем общаться на норте, если вам так легче. И если вас не коробит мое косноязычие.

— У вас прекрасное произношение, Таннер. Не возражаете, если я буду называть вас Таннером?

— Боюсь, вы можете называть меня как угодно.

— Ах вот оно что... У вас легкая амнезия? Я правильно угадала?

— Легкая? Ну да... мягко говоря.

Послышался вздох.

— Что ж, для этого мы здесь и находимся. Именно для этого. Мы вовсе не желаем подобного нашим клиентам... но если, не дай бог, это с ними приключается, то они попадают в наилучшие условия. Впрочем, едва ли у них бывает хоть какой-то выбор... Ах, опять я сбилась, верно? Постоянно сбиваюсь. Вы и

без того растеряны. Видите ли, мы не ожидали, что вы встанете так скоро, поэтому вас никто не встретил. — Снова вздох, но на этот раз более деловитый. Мне представилось, как она оправляет воротничок, приступая к работе. — Значит, так. Вы в безопасности, Таннер, но вам лучше находиться возле дома, пока кто-нибудь не придет.

— Почему? Что со мной случилось?

— Ну, начнем с того, что вы совсем голый.

Я кивнул:

— А вы не совсем робот, угадал? Впрочем, извините, у меня не слишком изысканный юмор.

— Вам ни к чему извиняться, Таннер. Абсолютно естественно и закономерно, что вы слегка дезориентированы, ведь ваш сон длился так долго... Физически вы не пострадали, во всяком случае, я не вижу признаков... — Она помолчала, затем продолжила, словно стряхнув задумчивость: — Однако психически... Впрочем, этого следовало ожидать. Такого рода кратковременная потеря памяти случается гораздо чаще, нежели они пытаются нам внушить.

— Я рад, что вы сказали «кратковременная».

— Обычно это слово оказывается к месту.

Я улыбнулся. Интересно, она пытается шутить или просто приводит факт, основанный на статистике?

— Кстати, кого вы подразумеваете под словом «они»?

— Разумеется, тех, кто вас сюда доставил. Ультра.

Присев на корточки, я покатал в пальцах травинку, измазал большой палец зеленой кашицей, понюхал ее. Если это имитация, то исключительно правдоподобная. Боевые симуляторы могут отдыхать.

— Ультра?

— Да, Таннер. Вы прибыли сюда на их корабле. Вас заморозили на время путешествия. А теперь у вас амнезия.

При этих словах один из осколков моей памяти кое-как встал на место. Где-то я слышал про «талую амнезию» — то ли недавно, то ли очень давно. Похоже, моя собеседница говорит правду. В этом случае она киборг из экипажа звездолета.

Я попытался еще что-нибудь найти в памяти, но это напоминало блуждание в тумане, хоть я и ощущал уколы воспоминаний — хрупких неживых деревьев, тянущих зачоченные вет-

ви в стремлении воссоединиться с прошлым. Рано или поздно я смогу побродить по этой чаще.

Но пока я вспомнил лишь заверения в том, что со мной не случится ничего страшного, что талая амнезия — это просто очередная байка и на самом деле такое происходит крайне редко.

Значит, имеет место как минимум некоторое искажение фактов. Впрочем, если назвать потерю памяти вполне обычным сопутствующим явлением, это наверняка плохо скажется на бизнесе.

— Не думаю, что ожидал подобного, — сказал я.

— Забавно, но этого почти никто не ожидает. Тяжелее всего с теми, кто даже не помнит, что имели дело с ультра. Но ведь с вами не так?

— Верно, — подтвердил я. — И это меня, заметьте, весьма радует.

— Что именно?

— Мысль о том, что какому-то бедолаге пришлось еще хуже, чем мне.

— Хм-м, — протянула она с ноткой неодобрения. — Таннер, я не уверена, что это правильный взгляд на ситуацию. С другой стороны, ваше выздоровление едва ли займет много времени. А теперь почему бы вам не вернуться в дом? Там вы найдете подходящую одежду. Здесь, в хосписе, не слишком стыдливые нравы, но вы можете простудиться и умереть.

— Я не нарочно, поверьте.

Любопытно, как бы она оценила мои шансы на скорое выздоровление, признайся я, что сбежал из дома, до полусмерти напуганный деталью интерьера?

— Не сомневаюсь, — согласилась она. — Но извольте одеться, а если одежда вам не понравится, мы сможем ее заменить. Я скоро приду вас проведать.

— Спасибо. Кстати, а кто вы такая?

— Я? Можно сказать, всего лишь крошечная шестеренка в огромном механизме, созидающем милосердие. Сестра Амелия.

Ясно, что я не ослышался, когда она произнесла слово «хоспис».

— А скажите, сестра Амелия, где именно мы находимся?

— Ах да, конечно. Вы находитесь в хосписе «Айдлвилд», под присмотром монашеского ордена ледяных нищенствующих. Некоторые предпочитают называть это блаженное заведение гостиницей «Амнезия».

Я никогда не слышал ни о гостинице «Амнезия», ни об официальном названии этого места, не говоря уже об ордене ледяных нищенствующих.

Когда я возвращался в домик, робот следовал на почтительном расстоянии. У двери я замедлил шаг. Как это ни глупо, страх будто дожидался за дверями, чтобы вцепиться в меня с прежней силой. Я посмотрел на нишу. Снова мне казалось, что неизвестная тварь затаилась там, свернувшись кольцами, и следит за мной с какими-то недобрыми намерениями.

— Просто оденься и выйди отсюда, — велел я себе вслух и отметил, что говорю на кастеллано. — А когда придет Амелия, скажи ей, что тебе необходима психотерапия. Она поймет. Такие вещи наверняка случаются часто.

Я осмотрел вещи, лежащие в комод. Ничего необычного — и абсолютно ничего знакомого. Все простое и, похоже, ручной работы: черный джемпер с клиновидным вырезом, мешковатые брюки без карманов и пара мягких туфель, пригодных для прогулок по лужайкам, но не более того. Одежда подошла мне идеально, но от этого показалась почему-то еще более непривычной.

Я обыскал комод, надеясь найти чьи-нибудь личные вещи, но, кроме одежды, в нем не было ничего. Глубоко разочарованный, я сел на постель и уткнулся в оштукатуренную стену взглядом, но вскоре он опять перебрался к маленькой нише. После нескольких лет «заморозки» химия моего мозга, вероятно, пыталась вернуться в равновесное состояние. А я тем временем знакомился с ощущением психопатического страха. Было сильнейшее желание свернуться клубком, отгородиться от окружающего мира. Меня удерживал лишь холодный довод рассудка: я ведь бывал и в худших ситуациях, сталкивался с опасностями под стать тем, которые мое больное воображение поселило в этой пустой нише, — и всегда успешно справлялся. Не важно, что на ум не приходило ни одного конкретного случая. Достаточно знать, что это было. Если сейчас я сломаюсь, то предам глубоко-

ко затаившуюся здоровую часть своего рассудка, хранящего память о прежних победах.

Ждать возвращения Амелии пришлось недолго.

Она запыхалась и покраснелась, словно ей пришлось пробежаться вверх по склону или даже преодолеть овраг, который я заметил во время прогулки. Но улыбалась, — похоже, разминка доставила ей удовольствие. Черное одеяние закрывало все, кроме лица и рук, на шее висел на цепочке кулон в виде снежинки. Из-под подола хламиды торчали пыльные носки сапог.

— Ну как вам одежда? — спросила она, кладя руку на яйцевидную голову сопровождающего робота.

Возможно, она просто опиралась для устойчивости — но это выглядело так, словно она ласково поглаживала машину.

— Будто на меня сшита. Спасибо.

— Вы уверены? Таннер, заменить ее совсем несложно. Просто скиньте, и... — Ее улыбка стала шире. — В общем, моментально получите другую.

— Все в порядке, — заверил я, изучая ее лицо.

Мне еще не доводилось видеть столь бледной кожи. Глаза тоже были почти лишены пигмента, а брови-ниточки как будто вычерчены кистью умелого каллиграфа.

— О, прекрасно. — (Кажется, я ее не убедил.) — Вы еще что-нибудь вспомнили?

— Вроде бы вспомнил, откуда появился. Неплохо для начала.

— Не торопите события. Душа, наш специалист-невролог, сказала, что скоро память начнет восстанавливаться. Только не нервничайте, если это будет происходить не быстро.

Амелия присела на край кровати, где всего несколько минут назад спал я. Поправив одеяло, я прикрыл кровавые пятнышки. Почему-то я стыдился раны на своей ладони и не хотел, чтобы ее увидела Амелия.

— Подозреваю, ждать придется долго.

— Но вы уже вспомнили, что сюда вас доставили ультра. Большинству, как я говорила, даже это не удастся. А помните, откуда вы прилетели?

— Кажется, с Окраины Неба.

— Правильно. Шестьдесят один, система Альфы Лебеда.

Я кивнул.

— Но мы привыкли называть наше солнце Суоном. Так гораздо короче.

— Верно, другие тоже так говорят. Пожалуй, мне стоит запоминать такие подробности... Люди попадают к нам отовсюду. Иногда я пытаюсь свести это в систему, но только запутываюсь.

— Понимаю. Однако я до сих пор не понял, где мы находимся. И видимо, не буду уверен, что понимаю, пока ко мне не вернется память. В любом случае сомневаюсь, что когда-либо слышал о вашей организации...

— Орден ледяных нищенствующих.

— Все равно не помню.

— Это объяснимо. Кажется, у нашего ордена нет представительства в системе Суона. Мы присутствуем лишь в системах с оживленными внутренними и внешними коммуникациями.

Хотелось спросить, в какой из этих систем мы находимся, но я удержался. Не стоит спешить.

— Амелия, кажется, вы хотите рассказать мне чуть больше.

— Не возражаю. Только прошу меня извинить в том случае, если рассказ покажется заранее подготовленной речью. Вы не первый, кому приходится все объяснять, и, боюсь, не последний.

Я узнал, что ордену нищенствующих около полутора столет; — он основан в середине двадцать четвертого века. Примерно тогда межзвездные перелеты перестали быть прерогативой сверхдержав, вышли из-под контроля их правительств и сделались чуть ли не рядовым явлением. К тому времени ультра объявили о своей независимости. Они не просто использовали звездолеты для перемещения в пространстве. Они рождались и умирали на борту, а срок их жизни, благодаря эффектам растяжения времени, значительно превосходил срок жизни обычных людей. Ультра активно зарабатывали переброской пассажиров из системы в систему, но особой шепетильностью не славились. Случалось им увозить людей за десятки светолет от заявленного места назначения и высаживать на планете, которая интересовала лишь самих ультра. Иногда они применяли откровенно устаревшие технологии замораживания или выполняли эту процедуру так небрежно, что пассажиры приходили в сознание сильно одряхлевшими или полностью утратившими память.

В сфере обслуживания образовалась своего рода лакуна, и ее заполнили ледяные нищенствующие. Они основали хосписы во множестве систем, чтобы помогать людям, чье «оживление» прошло не слишком гладко. Далеко не одни пассажиры звездолетов становились их клиентами. Куда больше было тех, кто ложился на десятки лет в криокапсулу, чтобы пережить экономические спады или периоды политической нестабильности. Нередко в момент пробуждения выяснялось, что клиент лишился всех своих накоплений, его личное имущество конфисковано, а память нарушена.

— Кажется, я догадываюсь, как попался к вам в сети, — сказал я.

— Прежде всего необходимо понять: никто вас ни в какие сети не ловил. Мы заботимся о пациенте, пока он не поправляется настолько, чтобы улететь. Захотите покинуть нас раньше — удерживать не будем. Пожелаете побыть здесь дольше — что ж, нам не помешает лишняя пара рук для работы в поле. Мы ни к чему вас не обязываем и никогда более не напомним о себе, если не понадобится снова.

— В таком случае почему вы до сих пор не разорились?

— Да как-то удается сводить концы с концами. Большинство пациентов после выздоровления делают пожертвования — абсолютно добровольно, и мы на это особенно не рассчитываем. Наши текущие затраты крайне незначительны, а за строительство «Айдлвилда» мы никому не должны.

— Амелия, такой приют должен был обойтись недешево. Все стоит денег, даже материал, который производят стада безмозглых роботов.

— Он обошелся блаженно дешевле, чем вы думаете, хотя мы были вынуждены пойти на некоторые компромиссы относительно базового проекта.

— Интересно, почему выбрана такая форма — веретено?

— Я вам кое-что покажу, когда немножко поправитесь. Сами все поймете.

Она умолкла и велела роботу налить воды в стаканчик.

— Пейте. Вас, верно, мучит жажда. Понимаю, хочется узнать побольше. Хотя бы о том, как вы попали к нам и где именно мы находимся.

Я принял стакан и с благодарностью осушил. Вода имела странный привкус, но он не показался неприятным.

— Очевидно, я не в системе Суона. Но где-то неподалеку от главных транспортных путей, иначе бы вас здесь не было.

— Да. Мы на орбите Йеллоустона, система Эпсилона Эридана. — Амелия следила за моей реакцией. — А вы не слишком удивлены.

— Я примерно так и думал. Только не помню, что мне здесь понадобилось.

— Вы все вспомните. В некотором роде вам повезло. Кто-то из наших клиентов абсолютно здоров, но слишком беден, чтобы иммигрировать сюда на законных основаниях. Мы разрешаем подрабатывать, пока они не смогут оплатить хотя бы маршрут до Ржавого Пояса. Либо условливаемся, что они проведут определенное время в другой организации, — так получается быстрее, но не столь приятно. Вам же, Таннер, не понадобится ни то ни другое. Судя по найденной при вас сумме, вы человек обеспеченный. И... весьма неординарная личность. Допускаю, что вам это безразлично, но Окраину Неба вы покидали героем.

— Неужели?

— Да. Там произошла катастрофа, и благодаря вам было спасено несколько человеческих жизней.

— Не помню, хоть убейте.

— Не помните Нуэва-Вальпараисо?

В названии угадывалось что-то знакомое. Так бывает, когда в памяти всплывает цитата из прочитанной давным-давно книги или увиденной пьесы. Но сюжет и действующие лица, не говоря уже о финале... Все покрыто мраком неизвестности.

— Увы, все равно не помню. Скажите хотя бы, как я попал сюда. Как назывался корабль?

— «Орвието». Он покинул вашу систему лет пятнадцать назад.

— Наверное, у меня был серьезный повод, чтобы лететь на нем. Я путешествовал один?

— Насколько нам известно, да. Мы все еще обрабатываем его груз. На борту находилось двадцать тысяч «спящих», и пока удалось «отогреть» примерно четверть из них, не более. Однако вам некуда спешить. Когда собираешься провести пятнадцать лет в космосе, не стоит беспокоиться из-за нескольких недель проволоочки на старте... или на финише.

В этот миг я почувствовал: необходимо что-то срочно сделать. Как будто сон, забытый после пробуждения, продолжал тревожить меня.

— Расскажите, что знаете о Таннере Мирабеле.

— Далеко не все, что хотелось, но пусть это вас не беспокоит. Таннер, на вашей планете идет война, вот уже несколько веков. В корабельном архиве безумный беспорядок, наш архив не лучше. Ультра все равно кого возить, лишь бы платили.

Название казалось привычным, словно старая перчатка. Да и сочетание неплохое. Таннер — в самый раз для рабочего человека, жесткого и прямолинейного, способного делать дело. Мирабель по контрасту звучит с намеком на аристократизм.

Таннер Мирабель так Таннер Мирабель. Жить можно.

— А почему в ваших архивах путаница? Только не говорите, что вы тоже воюете.

— Нет, — осторожно ответила Амелия. — Дело совсем в другом. Пойдите, мне показалось или действительно слово «воюете» вы произнесли с легкостью?

— Возможно, я был солдатом.

— Какой сбегал с поля боя, совершив зверские преступления?

— Я так похож на преступника и садиста?

Она улыбнулась, но лицо оставалось абсолютно серьезным.

— Таннер, вы не поверите, но у нас кого только не бывает! Вы можете быть кем угодно и чем угодно — внешность не имеет к этому отношения. — Она вдруг нахмурилась. — Погодите, в доме же нет зеркала! Вы видели себя после того, как проснулись?

Я покачал головой.

— Тогда следуйте за мной. Небольшая прогулка пойдет вам на пользу.

Мы покинули домик и направились по извилистой тропе к равнине. Робот бежал впереди, словно резвый щенок. Несомненно, Амелия полностью контролировала его, но я не мог избавиться от неприятного чувства, будто она разгуливает с ядовитой змеей. И первой непроизвольной реакцией на его появление было желание стрелять.

Это был не театральный жест, а движение, отработанное до рефлекса. Я даже ощутил тяжесть пистолета, ладонь привычно

обхватила несуществующую рукоять, и где-то в подсознании шевельнулись профессиональные навыки специалиста по баллистике.

Я разбирался в оружии и не любил роботов.

— Расскажите еще что-нибудь, — попросил я. — О том, как я сюда попал.

— Я уже сказала, что вас доставил «Орвието», — ответила Амелия. — Он находится в системе, поскольку разгрузка затянулась. Если хотите, покажу вам его.

— Так вы же вроде собирались показать мое отражение.

— Не беспокойтесь, Таннер, мы это совместим.

Тропа, петляя, спускалась в темную расселину, скрытую завесой буйной зелени. Должно быть, именно ее я видел в низине под своим домиком.

Амелия была права. Я добирался сюда несколько лет, так что можно потерпеть неделю-другую, пока не восстановится память. И все же я не хотел ждать. С момента пробуждения меня не оставляло беспокойство. Что-то надо сделать — настолько срочно, что даже пять минут могут оказаться решающими.

— Куда мы идем? — спросил я.

— В одно тайное местечко. Конечно, не надо бы вести вас туда, но не могу устоять перед искушением. Вы ведь никому не скажете?

— Я заинтригован.

Темная расселина привела нас на дно долины — в точку, наиболее отдаленную от оси гостиницы «Амнезия». Мы находились как раз на стыке двух конусов. Здесь сила тяжести достигла максимума, и движения требовали от человека дополнительных усилий.

Робот остановился, яйцевидная голова повернулась на шарнирах, к нам обратилась невыразительная физиономия.

— Что это с ним?

— Он не пойдет дальше, это запрещено программой.

Машина загораживала нам тропу, поэтому Амелия сошла с нее и побрела по колена в высокой траве.

— Он не хочет, чтобы мы шли дальше, потому что заботится о нашей безопасности, но не станет мешать, если мы его обойдем. Верно, малыш?

Я проворно обогнул робота.

— Вы что-то говорили о моем подвиге.

— Вы спасли пять жизней, когда обрушился мост в Нуэва-Вальпараисо. Репортаж передавали в новостях по всем сетям, даже здесь.

Снова что-то знакомое. Еще немного, и я вспомнил. Мост был рассечен ядерным взрывом в верхних слоях атмосферы, отчего нижняя часть спирали обрушилась на землю, а верхняя отпружинила. Официально ответственность возложили на какую-то амбициозную группировку, которая проводила в тот день учебные стрельбы. Одна из ракет потеряла цель и пробила защитный экран вокруг моста. Но мне почему-то показалось, что дело не только в этом. И то, что я в тот момент находился в лифте, не было простым совпадением.

— Что именно случилось?

— Ваша кабина оказалась выше места обрыва, поэтому осталась на нити. Она бы уцелела, но снизу мчалась еще одна. Вы поняли это и убедили своих спутников, что спастись можно только одним способом — выпрыгнув в космос.

— Выбора все равно не было. Тем более что они уже надели скафандры.

— Безусловно, но вы знали, что для них это единственный шанс. Кабина находилась высоко над верхними слоями атмосферы, и вам предстояло падать более одиннадцати минут.

— Замечательно. Но что толку в лишних одиннадцати минутах, если все равно умрешь?

— Жизнь — это дар Божий, Таннер. Целых одиннадцать блаженных минут... К тому же спасательным катерам этого хватило, чтобы подобрать вас. Конечно, им пришлось пошарить в атмосфере, но нашли всех до единого — даже человека, который уже был мертв.

Я пожал плечами:

— Наверное, я думал только о самосохранении.

— Возможно, но лишь настоящий герой способен признать себя в подобных мыслях. Вот почему я считаю, что вы действительно Таннер Мирабель.

— Но сотни людей, должно быть, погибли, — сказал я. — Какое уж тут геройство.

— Вы сделали все, что могли.

Следующие несколько минут мы шли молча по траве, которой все прибывало, и в ней почти терялась тропа, превратившись

в узкую канавку на дне долины. Постоянная перегрузка начинала изматывать.

Теперь я шагал впереди. Амелия то и дело отставала, словно кого-то поджидая, потом обогнала меня и вышла вперед. Заросли сомкнулись у нас над головой, образовав сплошной полог, — мы как будто пробирались по темному тоннелю. Проводница моя двигалась не в пример увереннее. Вскоре она включила миниатюрный фонарик. Его узкий луч прорезал темноту, и я подзревал, что это сделано прежде всего ради моего удобства. Что-то подсказывало мне: она бывает здесь достаточно часто и помнит каждую ямку.

Спустя какое-то время необходимость в фонаре отпала. Впереди забрезжил молочный свет. Через равные промежутки времени он то затухал, то разгорался снова.

— Что это за место? — осведомился я.

— Эксплуатационный тоннель, он остался еще со времен постройки «Айджвилда». Большинство старых тоннелей закупирили, но про этот, кажется, забыли. Я часто здесь бываю, когда хочется поразмышлять в уединении.

— Благодарю за доверие.

Она посмотрела на меня, ее лицо почти растворилось во мраке.

— Вы не первый, кого я привела сюда. Но я действительно доверяю вам, Таннер. Это странно... и вряд ли связано с вашим подвигом. Но вы кажетесь добрым человеком. Вас окружает аура спокойствия.

— О психопатах говорят то же самое.

— Что ж, благодарю за жемчужину мудрости.

— Извините. Наверное, мне стоит заткнуться.

Мы продолжали путь молча. Еще несколько минут — и тоннель закончился, за ним открывалось помещение, похожее на пещеру с искусственным плоским полом. Осторожно шагнув на его гладкую поверхность, я посмотрел под ноги. Пол был стеклянным, под ним что-то двигалось.

Звезды. И миры.

«Веретено» вращалось, у меня под ногами плыла желто-коричневая планета, вокруг нее перемещалась небольшая красноватая луна. Это было восхитительное зрелище. Теперь я знал, как возникают ритмичные вспышки света.

— Это Йеллоустон, — пояснила Амелия, указывая на планету. — Луна с цепью больших кратеров — Глаз Марко, она названа так в честь Марко Ферриса, человека, который открыл Бездну.

Повинуясь внезапному порыву, я опустился на колени, чтобы взглядеться:

— Значит, мы совсем недалеко от Йеллоустона.

— Да. Мы в движущейся точке Лагранжа относительно луны и планеты — в точке гравитационного равновесия, на орбите Глаза Марко, в шестидесяти градусах позади. А вот причальная платформа, там стоит большинство кораблей. — Помолчав, она добавила: — Смотрите, вон они.

Кораблей действительно было множество. В оболочке из алмаза и льда они сверкали подобно ритуальным кинжалам. Каждый из них — это целый городок. Длина сооружения от трех до четырех километров, но на таком расстоянии оно напоминает стайку крошечных тропических рыбок. Они облепили плавающий в пространстве анклав; корабли поменьше шетинились на приколе вдоль обода подобно иглам морского ежа. Все это находилось в двух-трех сотнях километров от нас.

Прежде чем гостиница «Амнезия» повернулась вокруг своей оси, Амелия указала на доставивший меня корабль:

— Вон тот, что с краю, кажется, «Орвието».

Я представил себе, как эта сверкающая игла пронзает межзвездное пространство. Корабль мчится с околосветовой скоростью, покрывая невообразимое расстояние от Окраины Неба до Йеллоустона. И все эти пятнадцать лет втиснуты в несколько субъективных мгновений беспробудного сна... У меня похолодело в животе.

— Назад пути нет, — заметил я. — Даже если один из этих кораблей сейчас полетит на Окраину Неба, а я найду средства оплатить место на борту. Кому нужен герой тридцатилетней давности? В лучшем случае про меня уже и не вспомнят. А в худшем... кому-нибудь придет в голову объявить меня военным преступником и казнить в момент моего пробуждения.

Амелия медленно кивнула:

— Вы правы. Мало кто возвращается домой. Даже если война закончилась, все равно слишком многое изменилось. И большинство еще до отлета знают, что не вернутся.

— А я знал, как думаете?

— Не могу сказать, Таннер. Вы не такой, как все. — Неожиданно она оживилась. — Смотрите! Сброшенная оболочка!

— Что?

Я проследил за ее взглядом и увидел пустую коническую «раковину». Возможно, мне только показалось, но в нее мог поместиться любой из кораблей, пристыкованных к причалу.

— Я не очень разбираюсь в этих кораблях, — сказала Амелия. — Знаю, что они почти живые и способны со временем изменяться и совершенствоваться, а потому никогда не устаревают. Чаще это внутренние изменения, но иногда они влияют на форму корабля — например, он вырастает или обводы становятся более сглаженными, чтобы корабль мог выйти на околосветовую скорость. При этом ему проще скинуть старую алмазную оболочку целиком, нежели заменять по частям. Это называют «линькой» — словно змея сбрасывает кожу.

— Понятно. А потом ненужную броню можно продать по сходной цене?

— Продать? Это никому и в голову не приходит. «Кожа» будет просто вращаться на орбите, пока кто-нибудь в нее не врежется. Мы захватываем оболочку, стабилизируем орбиту... Одну такую мы обложили скальными породами с Глаза Марко. Потом пришлось ждать, пока не появится еще одна, подходящего размера, и тогда мы их соединили. Так наконец был построен «Айдлвилд».

— Сэкономили, стало быть.

— На самом деле это огромный труд. Но проект оправдывает себя. Во-первых, для заполнения цилиндрического анклава такой же длины требуется куда больше воздуха. А во-вторых... Как и все люди, мы стареем. Нам все тяжелее находиться там, где соединяются раковины, и выполнять свои основные обязанности. Мы все больше времени проводим на возвышенностях с низкой гравитацией и постепенно переселяемся к концам «веретена». Можно сказать, ближе к небесам.

— Надеюсь, не слишком близко.

— Наверху не так уж плохо, — улыбнулась Амелия. — Во всяком случае, наши «божьи одуванчики» с полным правом поглядывают на остальных свысока.

Позади нас раздали тихие шаги. Я застыл — и моя рука снова сжала несуществующее оружие. Потом чья-то фигура,

почти неразличимая в темноте, скользнула в пещеру. Я увидел, как насторожилась Амелия. На минуту пришелец замер, и я слышал только его дыхание. Я тоже молчал и терпеливо ждал, пока пещера снова не осветится, и я тогда смогу его рассмотреть.

Он заговорил первым:

— Амелия, тебе ведь запрещено сюда приходить.

— Брат Алексей, — проговорила она, — ты же знаешь: я не одна.

Его наигранный смех отразился эхом от стен пещеры.

— Неплохо сказано, Амелия. Но я знаю, что ты шла одна. Еще не поняла, что я следил за тобой?

— Нет, не одна. Просто я шла последней. Я догадывалась, что ты следил за нами, но не была уверена.

Я молчал.

— Амелия, ты никогда не умела лгать.

— Возможно. Но сейчас я говорю правду. Верно, Таннер?

— Она говорит правду, — подтвердил я.

В этот момент свет снова хлынул в пещеру, и я увидел нашего собеседника. Судя по тому, как к нему обращалась Амелия, он тоже принадлежал к нищенствующим, но был одет чуть иначе. Простую черную хламиду с капюшоном украшал орнаментальный узор на груди — снежинки словно покоились на скрещенных руках. Парень не излучал монашеской безмятежности, в его глазах я заметил голодный блеск. Брат Алексей вообще казался недокормленным — мертвенная бледность кожи, тени на впалых щеках, заострившийся подбородок.

— Она говорит правду, — повторил я.

Парень шагнул к нам:

— Дай-ка я тебя рассмотрю как следует, слякоть. — Брат Алексей пялился на меня мерцающими ввалившимися глазами. — Давно разморозился?

— Пару часов назад.

Я стоял неподвижно. Пусть смотрит, если ему интересно. Он был выше меня, но весил примерно столько же.

— Наверное, это немного... но достаточно, чтобы понять: мне не нравится, когда меня называют слякотью. Станный у вас, у ледяных нищенствующих, жаргон. Сдается, вы совсем не такие святоши, какими прикидываетесь.

Алексей ухмыльнулся:

— С чего ты взял, что мы прикидываемся?

Я шагнул к нему. Под моими ногами за стеклом медленно вращались звезды. Ситуация как будто прояснялась.

— Что, нравится донимать Амелию? Небось, пока следил за ней, чуть в штаны не кончил? А если бы ее одну застал? А? Что бы сделал тогда?

— Побеседовал бы с ней о божественном, — ухмыльнулся он.

Теперь я понял, почему Амелия так мешкала. Она позволяла Алексею шпионить за собой и при этом делала вид, что идет одна. Ей было нужно, чтобы он увязался, потому что я рядом. Как давно началась их вражда? Сколько ей пришлось ждать, пока не оживили человека, которому, по ее мнению, можно довериться?

— Осторожно, Алексей, — предупредила Амелия. — Это герой Нуэва-Вальпараисо, он спасал там людей. Не какой-нибудь жалкий турист, который все стерпит.

— Не турист, говоришь? Тогда в каком же качестве он здесь находится?

— Сам не знаю, — ответил я за Амелию.

С этими словами я в два шага пересек разделявшее нас с Алексеем расстояние и притиснул его к стене пещеры.

Мое предплечье легло на кадык брату Алексею, и я слегка надавил — пусть думает, будто его хотят задушить. Движение было легким и плавным, как зевок.

— Перестань... — простонал он. — Пожалуйста... Мне больно.

Из его руки выпал какой-то сельскохозяйственный инструмент с острой кромкой. Я отшвырнул его ногой:

— И кто из нас слякоть? Если взял в руки оружие, так не бросай.

— Ты меня задушишь!

— Если бы я тебя душил, ты бы сейчас не разговаривал, а валялся в отключке.

Однако я чуть ослабил нажим, а потом толкнул Алексея в тоннель. Парень запнулся и тяжело рухнул на пол. Что-то выкатилось из его кармана — видимо, очередное самодельное оружие.

— Пожалуйста...

— Послушай меня, Алексей. Это было предупреждение. Когда встретимся в следующий раз, руку сломаю, понял? Я не желаю тебя здесь видеть.

Подняв мотыжку, я швырнул ее Алексею:

— Займись-ка лучше прополкой.

Под нашими взглядами он поднялся, что-то пробурчал и исчез в темноте.

— И давно это началось?

— Несколько месяцев назад. — Амелия снова говорила спокойно. Йеллоустон и рой кораблей на причале, вращаясь, проплывали под нами. — Он грозил... намекал... Правда, пока Алексей только запутывал меня. Но каждый раз он заходит чуть дальше. Таннер, я его боюсь. Рада, что вы здесь, со мной.

— Так, значит, вы это нарочно подстроили? Надеялись, что он сегодня еще дальше зайдет?

— Потом я испугалась, что вы убьете его. Ведь вы бы смогли, если бы захотели?

Я сам задавал себе этот вопрос... и ответ был очевиден. Убить Алексея не составляло труда — достаточно нажать чуть по-другому. И я бы, конечно, остался таким же спокойным, как и в начале инцидента.

— Запросто, — подтвердил я и нагнулся за предметом, выпавшим у Алексея из кармана.

Это было не оружие — по крайней мере, в моем представлении оружие так выглядеть не могло, — а что-то вроде шприца для подкожных инъекций. Внутри темнела жидкость, не то черная, не то темно-красная — скорее, последнее.

— Что это?

— Это... вещь, запрещенная в «Айдлвилде». Отдайте, пожалуйста, я ее уничтожу.

Я охотно подчинился — мне шутовина была ни к чему, — и Амелия с отвращением сунула ее в карман.

— Таннер, — проговорила она, — когда вы покинете нас, он снова примется за свое.

— Займемся этим позже. Мне, вообще-то, некуда торопиться, тем более с такой памятью.

Чтобы отвлечь Амелию от дурных мыслей, я напомнил, что мне обещали показать мое лицо.

Неохотно кивнув, она достала из кармана крошечный фонарик:

— Встаньте на колени и внимательно посмотрите в стекло.

Когда Йеллоустон и его луна ушли и в пещере опять стемнело, Амелия направила луч мне в лицо. Я увидел свое отражение в стекле.

Никакого шокирующего ощущения неузнаваемости. Да и откуда ему взяться? Я уже сто раз ощупывал лицо после пробуждения. Как и ожидалось, я оказался далеко не красавцем. Подобную внешность может иметь не слишком популярный актер или политик, которому заслуженно не доверяют. Темноволосый мужчина возрастом чуть за сорок... Интересно, откуда я такой взялся? Но я знал, что примерно так же выглядел и на Окраине Неба, поскольку в вопросах продления жизни мы лет на сто отстали от человечества.

Очередной осколок памяти со щелчком встал на место.

— Спасибо, — сказал я, наглядевшись досыта. — Думаю, это поможет. Едва ли моя амнезия продлится вечно.

— Она почти всегда проходит.

— Откровенно говоря, я вел себя легкомысленно. Так вы говорите, есть люди, к которым память так и не вернулась?

— О да, — произнесла она с нескрываемой грустью. — Как правило, они уже не восстанавливаются настолько, чтобы могли переселиться на планету.

— И что с ними происходит?

— Остаются здесь. Учатся помогать нам, возделывать террасы. Иногда даже вступают в орден.

— Бедняги.

Амелия поднялась и поманила за собой:

— Таннер, бывают судьбы еще печальнее. Уж я-то знаю.

ГЛАВА 6

Ему было десять. Они с отцом шагали по вогнутому полированному полу грузового уровня, поскрипывая подошвами ботинок. Внизу, под сильным глянцем, перевернутые вверх ногами, шли их темные двойники — мужчина и мальчик, вечно взбирающиеся по наклонной поверхности, которая все набирает крутизну, но при этом кажется совершенно горизонтальной.

— Мы выйдем из корабля? — спросил Небесный.

Тит опустил взгляд на сына:

— Почему ты так думаешь?

— Иначе бы мы сюда не пошли.

Тит промолчал, ему нечем было возразить. Небесный еще не бывал в грузовом отсеке, даже во время прогулок с Констанцей по запретной территории «Сантьяго». Он помнил тот день, когда девочка повела его глядеть на дельфинов, помнил постигшее его наказание и то, что за этим последовало: вспышку света и бесконечно долгое одиночество, сидение в запертой детской, в холоде и крошечной темноте.

Ему казалось, что это произошло очень давно. Однако кое-чего он не понимал даже теперь. Отец, невзирая на все просьбы, отказывался объяснить, что же все-таки произошло в тот день. И не из упрямства или боязни мучительных воспоминаний о гибели матери Небесного. Мальчик еще не знал, что это называется «избирательная цензура», — более тонкий метод неразглашения информации, нежели простое замалчивание, был взят на вооружение всеми взрослыми. Они как будто напрочь забыли тот день, когда корабль вдруг стал темным и холодным. А вот в памяти Небесного эти события запечатлелись накрепко.

После томительного ожидания — теперь ему казалось, что оно продлилось несколько дней, — взрослые наладили систему освещения. Одновременно заработали воздухообменные установки, и Небесный снова услышал слабый гул — такой привычный, что и не вспомнишь о нем, пока не оборвется. Позже отец сказал, что воздух, которым они дышали все это время, не восстанавливался. По мере того как полторы сотни взрослых и детей выдыхали углекислый газ и поглощали кислород из атмосферы корабля, воздух становился все более затхлым. Еще несколько дней, и начались бы серьезные проблемы, но тут посвежело, корабль постепенно отогрелся, и вновь можно было ходить по коридорам, не дрожа от холода. Вспомогательные бортовые системы, отключившиеся при аварии, мало-помалу оживали. По «хребту» снова забегали вагонетки, развозя оборудование и техников. Ранее молчавшие информационные сети изъявили готовность отвечать на запросы. Однако Небесный даже не заметил, как люди перешли с аварийных пайков на привычную пищу.

И по-прежнему никто из взрослых не соглашался объяснить, что же все-таки произошло.

Наконец, когда на борту восстановилась привычная жизнь, Небесный тайком пробрался к себе в детскую. Комната снова освещалась, но, к удивлению мальчика, она осталась неприбранной. Даже Клоун пребывал в той же странной позе, что и в момент вспышки.

Небесный осторожно приблизился к старому другу, всмотрелся в искаженные черты и узнал, что Клоун был просто узором из крошечных цветных квадратиков, покрывавших стены, пол и потолок детской. Этот движущийся калейдоскоп собирался в нечто осмысленное лишь в той точке комнаты, где стоял Небесный. Создавалось впечатление, что Клоун физически присутствует в комнате, а не просто нарисован на стене. Небесный увидел его ноги на полу — странным образом искривленные, они показались абсолютно реальными, стоило мальчику вернуться на прежнее место. Если бы его взгляд двигался быстрее, чем цветные квадратики, этот трюк был бы разгадан. Но комната всегда опережала движения глаз Небесного. Целых три года мальчик не сомневался, что Клоун реален, хотя тот не мог ни к чему прикоснуться и сам оставался «неприкасаемым».

Родители переложили свою ответственность за воспитание ребенка на иллюзию.

Но сейчас мальчику не хотелось их винить ни в чем. Напуганный громадностью грузового отсека, взволнованный мыслями о том, что его ожидает, он предпочел выбросить из головы неприятные воспоминания. Отсек казался еще больше из-за того, что отец и сын были здесь совсем одни, окруженные пятном света, которое двигалось вместе с ними. Границы помещения, скорее, угадывались по силуэтам грузовых контейнеров и вспомогательных механизмов, которые отступали в темноту по всей длине арочных переходов. Рядом замерли космические суденышки. Вот одноместный буксир, вот «помело» — эти предназначались для полетов вблизи корабля... А вот летающие такси с герметичными кабинами, на них можно добраться до других кораблей Флотилии. Такой аппарат позволял совершить аварийную посадку на планете с плотной атмосферой, но вернуться в космос он уже не мог. Шаттлы с дельтавидными крыльями, предназначавшиеся для многоразовых спусков на поверхность Пункта Назначения, были слишком велики, чтобы поместиться в отсеках «Сантьяго»; они пристыковывались снаружи. Уви-

деть их могли только те, кто работал на корпусе корабля в составе дежурных команд, — как мать Небесного перед смертью.

Тит остановился возле одного из маленьких шаттлов.

— Да, — произнес он, — мы выйдем наружу. Думаю, тебе пора увидеть вещи такими, какие они есть.

— Что за вещи?

Вместо ответа Тит приподнял манжету униформы и спокойно произнес в наручный браслет:

— Обеспечьте экскурсионный транспорт номер пятнадцать.

Приказ был выполнен немедленно, без запроса о полномочиях. Шаттл с клиновидным корпусом, мигая огнями, появился из темноты и приоткрыл дверь кабины на мягких шарнирах. Поддон, на котором он был установлен, повернулся, подавая дверь поближе и выравнивая летательный аппарат на направляющей колее. Из отверстий по бокам шаттла заструился пар, и Небесный услышал, как где-то в глубине корпуса нарастает рев турбин. Несколько секунд назад эта машина была гладким мертвым куском металла, но теперь ее наполняла могучая, еле сдерживаемая сила.

Мальчик потоптался у двери, но отец махнул ему рукой:

— После тебя, Небесный. Иди вперед и займи место слева от колонки управления. И ничего там не трогай.

Небесный запрыгнул внутрь. Пол под ногами ощутимо вибрировал. В кабине оказалось куда тесней, чем представлялось снаружи, — корпус был обшит мощными слоями брони. Пару раз пришлось пригнуться, чтобы не задеть макушкой трубопровод — дикую путаницу трубок, — прежде чем мальчик добрался до пульта. Наконец, угнездившись в кресле, он занялся пряжкой из вороненой стали, чтобы потуже пристегнуть ремень безопасности. Перед ним мерцал дисплей, по холодному бирюзовому экрану непрерывно ползли цифры и замысловатые чертежи. Выше изгибалось прозрачно-золотистое лобовое стекло. Слева от дисплея — колонка управления: аккуратные рычажки, кнопки и джойстик с черной рукояткой.

Потом вошел отец и уселся в кресло справа. Дверь закрылась, и неожиданно наступила тишина — лишь монотонно гудела система внутренней вентиляции. Тит коснулся пальцем дисплея, узор из чертежей и цифр изменился, и отец принялся изучать их, сосредоточенно щуря глаза.

— Маленький совет, Небесный. Никогда не доверяй этим чертовым железкам, если речь идет о безопасности. Все проверь сам.

— Не верить тому, что тебе предлагают машины?

— Раньше верил. — Отец подал вперед джойстик, и шаттл заскользил по колее мимо колонн летательных аппаратов. — Но техника небезгрешна. Мы полагались на нее, внушая себе, что иначе можно просто свихнуться. Ведь здесь каждый наш вздох зависит от машин. Как потом выяснилось, это был всего лишь самообман.

— А почему теперь ты относишься к технике по-другому?

— Скоро увидишь.

Небесный поднес к губам свой браслет — простенький, с набором функций куда скромнее, чем у отцовского, — и попросил корабль соединить его с Констанцей.

— Ни за что не догадаешься, где я сейчас нахожусь, — произнес он, когда на дисплее появилось крошечное, ярко освещенное лицо. — Я лечу на прогулку.

— С Титом?

— Ага!

Констанце уже исполнилось тринадцать, однако ей, как и Небесному, нередко давали больше — и не из-за внешности. Она выглядела не старше своего возраста, а Небесный даже моложе. Маленького и бледного мальчугана трудно было представить взрослеющим. Однако оба были развиты не по годам, и Констанца уже трудилась в охранной структуре под руководством Тита, почти наравне со взрослыми. В ее обязанности входило не столько следить за порядком, сколько контролировать ход запутанных процедур, связанных с соблюдением безопасности, а также изучать и проигрывать сценарии операций — вполне естественно для корабля с немногочисленным экипажем. Эта работа, при всей ее серьезности и необходимости воспринимать феноменально сложный организм «Сантьяго» как единое целое, не требовала от Констанцы выхода за пределы корабля. С тех пор как она начала работать с отцом Небесного, дружба успела окрепнуть, несмотря на то что Констанца вошла в мир взрослых и взяла на себя ответственность, которой не было у мальчика. И сейчас он намеревался произвести на нее впечатление, чтобы вырасти в ее глазах.

Ответ оказался совершенно неожиданным:

— Мне жаль, Небесный. Я знаю, что тебе будет нелегко, но ты должен это увидеть.

— Ты о чем?

— О том, что собирается показать тебе Тит. — Она выдержала паузу. — Я-то давно знаю. С того дня, когда мы смотрели дельфинов. Ладно, об этом не положено говорить. Когда вернешься на корабль, поговорим... если захочешь.

Мальчуган вскипел: она говорит с ним не как друг, а как старшая сестра, позволяя себе снисходительный тон! Отец окончательно сбил его с толку, положив ему руку на плечо, словно хотел успокоить:

— Она права, Небесный. Я хотел подготовить тебя, но потом решил, что не стоит. Констанца сказала правду. Это не слишком приятно, но истина бывает разной, в том числе и очень горькой. Думаю, теперь ты готов.

— Готов к чему? — Мальчик вспомнил, что контакт с Констанцей все еще действует. — Ты знала, что задумал отец?

— Она догадывалась, что я устрою тебе экскурсию, — вмешался Тит, прежде чем девочка попыталась защититься. — Только и всего. Не сердись на нее. Это выход за пределы корабля, все сотрудники безопасности обязаны знать о нем. А поскольку мы не переправляемся на другой корабль, то и о цели полета все оповещены.

— И какая же это цель?

— Узнать, что произошло с твоей матерью.

Пока шел разговор, шаттл двигался вперед. И вот уже он достиг металлической стены грузового отсека. Мгновенно отъехала круглая дверь, машина скользнула с поддона в коридор, залитый багровым светом, длинный и лишь немного шире, чем сам шаттл. С минуту они стояли там, пока из камеры с шипением и свистом уходил воздух, затем шаттл резко качнулся и провалился в шахту. Отец воспользовался задержкой, чтобы наклониться к сыну и поправить ремни.

А потом они очутились снаружи. Вокруг была крошечная тьма — и лишь сверху мягко скругленный корпус корабля. Голова пошла кругом, хотя ничто не намекало на высоту.

Они падали. Это длилось лишь мгновение, но к горлу подступила тошнота. Нечто подобное Небесный переживал во вре-

мя редких прогулок вблизи центральной оси корабля, где сила тяжести была почти нулевой.

Затем двигатели такси ожили, и вес вернулся. Отец ловко отвел машину от серой громады корабля, нависающей над ними. Его руки летали над клавишами, едва касаясь их, точно исполняли беззвучную пьесу на фортепиано.

— Меня тошнит, — сказал Небесный.

— Закрой глаза. Это скоро пройдет.

Небесного раздирали противоречия. Несмотря на тревожное чувство — из-за того, что экспедиция каким-то образом связана со смертью матери, — он ощущал волнение, граничащее с восторгом.

Он снаружи!

Расстегнув пояс безопасности, мальчуган отправился на поиски места с наилучшим обзором. Беззлобно отчитав его, отец велел вернуться в кресло, но было ясно, что настаивать он не будет. Шаттл развернулся, и перед ними предстал огромный корабль, только что покинутый ими.

— Небесный, вот дом, где ты прожил последние десять лет. — Отец улыбнулся. — Единственный дом, который ты знаешь. Можешь не скрывать своих чувств. Правда, корабль не слишком красив?

— Зато он большой.

— Еще бы — ведь это все, что у нас есть. Вообще-то, я тебе немного завидую, — по крайней мере, ты увидишь Пункт Назначения.

Небесный кивнул, но спокойная уверенность отца в том, что он к тому времени умрет, не могла не вызвать печаль.

Он снова посмотрел на корабль.

«Сантьяго» достигал в длину двух километров. Он превосходил любой морской корабль, когда-либо пересекавший океаны Земли, и не уступал самым крупным звездолетам, бороздившим Солнечную систему до отлета Флотилии. Правда, его корпус вначале принадлежал старому грузовому кораблю на ядерной тяге и был переоборудован для путешествия в межзвездном пространстве. Другие корабли Флотилии, за небольшим исключением, создавались таким же образом.

Ближайшая звезда находилась еще слишком далеко, чтобы освещать корабль, и он был бы невидим, если бы не крошеч-

ные искорки иллюминаторов по всей длине корпуса. На носу корабля сияла огромная сфера — командный отсек с капитанским мостиком, где экипаж проводил большую часть вахты. Там же находились навигационные и научные приборы, с самого первого дня нацеленные на конечную точку путешествия — звезду, которую они называли Суон. Небесный знал эту холодную красную звезду бинарной системы под более прозаическим названием — «61 Лебедя А». Россыпь небесных огней, названная в древности созвездием Лебедь, уже давно утратила свои очертания.

В конце полета «Сантьяго» развернется хвостом к Суону, и реактивная энергия двигателей заставит корабль остановиться.

Сфера была настоящим мозгом корабля. «Голова» крепилась на короткой толстой «шее» — цилиндрическом грузовом отсеке, откуда они только что вышли. За ним тянулся длинный тонкий «хребет», равномерно облепленный модулями. Он действительно напоминал позвоночник гигантского динозавра. А на хвосте размещалась силовая система — сложнейшие двигатели, разогнавшие корабль до крейсерской скорости. Настанет день, и они, как когда-то, снова извергнут грозное пламя...

Тогда Небесный уже будет взрослым.

Мальчик узнал все это, изучая голографические модели корабля, но кое-что ему предстояло увидеть впервые. Медленно и величаво огромное транспортное средство вращалось вокруг своей длинной оси, создавая искусственное тяготение на изогнутых палубах. Небесный следил за его вращением, видел огни, которые появлялись, чтобы через десять секунд исчезнуть. В цилиндрическом грузовом отсеке чернело крошечное — практически точка — отверстие, оттуда вылетел их шаттл.

Корабль и сам выглядел очень маленьким, но впечатление было обманчиво. Ведь это, в сущности, был весь мир Небесного, вся его среда обитания. Сейчас он мал, и ему позволено осмотреть лишь часть «Сантьяго». Но вскоре он непременно исследует корабль целиком.

И тут он заметил нечто такое, чего не было ни на одной голографической модели. Когда корабль поворачивался, одна его сторона почему-то казалась темнее другой.

Интересно, почему?

Эта мысль вылетела у него из головы прежде, чем заставила ощутить тревогу. Его восхищали гигантские конструкции

корабля, идеальная четкость мельчайших деталей, характерная для обзора через многокилометровый вакуум. Мальчик увлеченно искал любимые закоулки, которые представляли ему в новом, непривычном виде. Прежде он никогда не забирался слишком далеко по «хребту», разве что во время авантюрных прогулок под руководством Констанцы. После одной такой вылазки его и поймал отец. Впрочем, это не считалось серьезным преступлением. Желание увидеть «мертвых» представлялось вполне естественным. Тем более что их местонахождение никто не скрывал.

Разумеется, они не были мертвы — просто заморожены.

Протяженность «хребта» составляла ровно километр — половина общей длины корабля. Вдоль каждой из шести его узких граней размещались по шестнадцать «спальных» модулей — диски, которые крепились к «хребту» гибкой пуповиной. Всего девяносто шесть дисков, и в каждом по десять треугольных ячеек, вмещавших по одному момио и по громоздкому аппарату поддержания жизнедеятельности. Девятьсот шестьдесят замороженных пассажиров — почти тысяча человек, погруженных в ледяное беспмятство, которое будет длиться до прибытия на Суон. Излишне говорить, что «спящие» были самым ценным грузом корабля и единственной целью его существования. Экипаж из ста пятидесяти человек лишь обеспечивал сохранность «спящих» и вел корабль нужным курсом.

И снова Небесный убедился, что знает о «Сантьяго» совсем мало. Как много ему предстоит освоить в будущем, когда он станет взрослым! Даже круг его знакомств состоял из десятка людей — его специально воспитывали в изоляции. Но скоро он познакомится и с остальными. Отец сказал, что на борту бодрствуют сто пятьдесят человек. Это что-то вроде магического числа. Социологи установили, что такова средняя численность населения сельской общины, она создает лучшие перспективы для достижения внутренней гармонии и общего благосостояния. Полтора ста — это достаточно много, чтобы позволить индивидуам вращаться при желании в различных кругах, но не настолько, чтобы внутренние течения разорвали единство.

Если смотреть под этим углом зрения, то Старик Бальказар был племенным вождем, а Тит Хаусманн, с его глубокими знаниями тайных обычаев и постоянной заботой о безопасности

населения, — главным шаманом или старшим охотником. В любом случае Небесный был сыном человека, облеченного властью. Взрослые называли его отца «каудильо», то есть «большой человек», — и мальчугану было обеспечено приличное будущее. Взрослые открыто говорили, что капитан уже стар. В силу своей деятельности Старик Бальказар и отец очень сблизились. Капитан всегда был готов выслушать Тита, он регулярно обращался к отцу Небесного за советом. Нынешняя прогулка тоже проходила с санкции Бальказара: летательными аппаратами «Сантьяго» не пользовались без крайней надобности, поскольку их потеря была бы невосполнимой.

За этими размышлениями Небесный не заметил, как шаттл сбрасывает скорость. Искусственная гравитация снова начала слабеть.

— Смотри внимательней, — сказал Тит.

Они пролетали мимо двигателей — поражающего воображение лабиринта из цистерн, трубопроводов и раструбов, зияющих, словно пасти оркестровых труб.

— Антивещество, — пояснил Тит, и почему-то это слово прозвучало как ругательство. — Творение самого дьявола, я тебе рассказывал. В шаттле мы храним самую малость, только чтобы запустить ядерный синтез, но меня даже от этого трясет. А сколько антивещества на борту «Сантьяго»... просто страшно представить.

Тит показал на две магнитные бутылки. В этих огромных резервуарах на корме корабля содержались макроскопические количества чистого антилития. Большой из двух резервуаров сейчас пустовал, его содержимое было полностью израсходовано на стадии первичного ускорения, когда корабль разогнался до субсветовой скорости. Вторая ничем внешне не отличалась, но по-прежнему была заполнена антивеществом. Оно висело внутри, не касаясь стенок, со всех сторон окруженное вакуумом, еще более чистым, чем тот, сквозь который летел огромный корабль. Разница в размерах резервуаров была объяснима: затормозить корабль легче, чем разогнать. Но и этого количества было довольно, чтобы даже самому невозмутимому члену экипажа снились кошмары.

Насколько было известно Небесному, никто и никогда не позволял себе шутить по поводу антивещества.

— Хорошо, — сказал отец. — А теперь возвращайся в кресло и пристегнись.

Когда пряжка была застегнута, Тит повернул рукоятку, и тяга возросла до максимума. «Сантьяго» уменьшался на глазах, пока не превратился в тонкую серебристую полоску, которая почти затерялась в россыпи звезд. Казалось, он застыл в неподвижности: трудно было поверить, что его скорость составляет восемь процентов световой. Ни один из управляемых космических аппаратов не достигал таких скоростей. И все же она была ничтожно мала для того, чтобы преодолевать безмерное межзвездное пространство.

Именно поэтому потребовалось заморозить пассажиров. Они спали в криогенных капсулах на протяжении всего путешествия, а три поколения экипажа, сменяя друг друга, проживали свои жизни, ухаживая за ними. За пассажирами закрепилось прозвище «мумий» — «момио» в переводе на каstellано, который по-прежнему был основным языком общения.

— Видишь другие корабли? — спросил отец.

Небесный довольно долго всматривался в лобовое стекло, прежде чем нашел один из них. Корабль трудно было разглядеть, хотя за время полета зрение мальчугана успело привыкнуть к темноте. Впрочем, может, ему только почудилось?

Нет, вот он — крошечная сверкающая игрушка.

— Вижу один. — Небесный ткнул пальцем в стекло.

Отец кивнул:

— Это, наверное, «Бразилия». «Палестина» и «Багдад» тоже где-то там, но значительно дальше.

— А ты его видишь?

— Не без небольшой помощи.

Руки Тита задвигались в темноте над пультом управления, и на стекле начали проступать цветные линии — словно черную доску исчертили мелками. Вскоре линии образовали квадрат, в котором, кроме «Бразилии», должны были находиться еще два корабля, летящие чуть дальше. Однако, лишь когда «Бразилия» принялась расти, заслоняя небо, Небесному удалось разглядеть два серебристых клина рядом с ней. К этому времени «Бразилия» оказалась достаточно близко, чтобы стало очевидно, что она почти не отличается от его родного корабля — вплоть до дисков, облепивших «хребет».

Небесный вглядывался в стекло. Перекрестье цветных линий должно было указывать местонахождение четвертого корабля. Однако он ничего не нашел.

— А «Исламабад» позади нас? — спросил он у отца.

— Нет, — тихо ответил отец. — Позади нас никого нет.

Его голос встревожил Небесного. Полутьма кабины смазывала черты отцовского лица, и Небесный не мог понять его выражения. Оно показалось ему суровым.

— Тогда где же он?

— Его больше нет, — медленно произнес отец. — Его уже давно нет, Небесный. Осталось только четыре корабля. Семь лет назад с «Исламабадом»... кое-что случилось.

В кабине повисла тяжелая тишина. Наконец Небесный собрался с духом и спросил:

— А что случилось?

— Взрыв. Взрыв такой силы, что невозможно себе представить.

Отец замолчал, затем снова заговорил:

— Будто миллион солнц засияли разом. Это длилось наименее короткий миг, Небесный... но, представь себе, за этот миг тысяча людей обратилась в пепел.

Небесный вспомнил вспышку, которую видел в своей детской, когда ему было три года. Вспышка обеспокоила бы его не на шутку, если бы не другое событие — то, что случилось с Клоуном, было гораздо важнее. А потом еще один суровый урок — осознание того, что Клоун был всего лишь миражем из мигающих на стене пикселей. Это было похоже на предательство. Разве какая-то короткая вспышка могла с этим сравниться?

— А кто в этом виноват?

— Не думаю, что были виноватые. Во всяком случае, я не вижу здесь умысла. Скорее всего, экипаж экспериментировал.

— С двигателями?

— Иногда мне эта версия кажется наиболее вероятной. — Отец понизил голос, словно его могли услышать посторонние. — Наши корабли очень старые, Небесный. Я родился на борту этого корабля, как и ты. Мой отец — из первого поколения экипажа. Он был очень молод, почти подросток, когда мы покинули орбиту Меркурия. Это было сто лет назад.

— Но корабль не ветшает, — возразил Небесный.

— Верно, — подхватил Тит и кивнул. — Наши корабли почти так же хороши, как в день постройки. Проблема в том, что они не становятся лучше. На Земле были люди, которые поддерживали нас и хотели помочь нам в пути. Они много лет усердно работали, проектируя наши корабли. Все было просчитано до мелочей, чтобы облегчить нам жизнь. И позже они передавали нам сообщения — советовали, как усовершенствовать системы жизнеобеспечения, как создать лучшие условия в отсеках для «спящих». Мы потеряли десятки момио в первые несколько десятилетий полета, Небесный, — но модификации помогли нам спасти остальных.

Для Небесного это тоже явилось новостью. Мысль о гибели «спящих» не укладывалась в голове. Мальчик считал, они отличаются от мертвых только тем, что в Пункте Назначения снова оживут. Но отец пояснил: момио очень уязвимы. Некоторые процессы могут оказаться необратимыми, и разморозка уже не вернет людей к жизни.

— Дело пошло на лад совсем недавно, — продолжал Тит, — уже при тебе. За последние десять лет было лишь два случая смерти.

Позже Небесный будет мучиться вопросом: что случилось со «спящими», которые... умерли окончательно? Может быть, корабль по-прежнему несет их? Взрослые трогательно заботились о момио, словно религиозная секта о предметах своего поклонения, хрупких драгоценных реликвиях.

— ...Но были и обновления иного рода.

— Двигатели?

— Да. — В голосе отца звучала нескрываемая гордость. — Сейчас двигатели бездействуют — они не понадобятся, пока не достигнем Пункта Назначения. Но будь у нас способ их усовершенствовать, в Пункте Назначения мы бы очутились скорее. По сути, торможение необходимо начать за несколько светолет до Суона. Но если модернизировать двигатели, мы бы дольше летели с крейсерской скоростью. Даже частичное улучшение, способное сэкономить несколько лет, стоит любых усилий... особенно если мы снова начнем терять «спящих».

— А начнем?

— В ближайшие годы едва ли. Но через пятьдесят лет мы будем у цели, и оборудование, поддерживающее режим замороз-

ки, начнет разрушаться. Некоторые устройства мы не можем улучшать и ремонтировать — слишком сложно, слишком опасно. Но экономия летного времени всегда полезна. Запомни мои слова — через пятьдесят лет ты будешь рад выгадать даже пару месяцев.

— И люди, которые остались на Земле, придумали, как заставить двигатели работать лучше?

— Вот именно. — Его сообразительность явно радовала отца. — Все корабли Флотилии, разумеется, получили сообщения, и всем нам удалось сделать положенные обновления. Вначале мы сомневались. Провели совещание капитанов Флотилии. Бальказар и еще трое полагали, что это опасно. Они твердили, что необходима осторожность, говорили, что не мешает подождать сорок-пятьдесят лет, изучить проект и лишь потом принять решение. Что, если Земля обнаружит ошибку в чертежах? Приказ прекратить работы будет догонять нас не один год. Или через пару лет ее инженеры придумают нечто более эффективное — сейчас бы мы не смогли это создать у себя, но такая возможность появится позже. Допускаю, что, если бы мы согласились с первым предложением, впоследствии нам бы удалось реализовать и второе.

И снова Небесный вспомнил ослепительную вспышку:

— А что случилось с «Исламабадом»?

— Повторяю, мы этого никогда не узнаем. Совещание завершилось тем, что капитаны решили отложить работы до получения новой информации. Прошел год, и мы снова вернулись к этому вопросу по просьбе капитана Хана... А потом случилось несчастье.

— Может, это была не случайная авария?

— Возможно, — отец покачал головой, — возможно. Взрыв не вызвал серьезных повреждений на других кораблях. Может быть, нам просто повезло. Хотя вначале мы думали иначе. Электромагнитный импульс выжег половину наших систем, в том числе самых важных. Даже те, что успели, заработали не сразу. У нас почти не было энергии — только на питание системы жизнеобеспечения «спящих» и поддержание магнитных бутылок. Ни в жилых отсеках, ни в носовой части корабля не осталось энергии даже для установок очистки воздуха. Это могло погубить нас, но в коридорах, к счастью, был воздух — достаточно на несколько дней, за которые мы успевали оборудовать

рабочие площадки и заменить вышедшие из строя детали. Постепенно мы выправили ситуацию. Конечно, оставались обломки — корабль не был рассеян взрывом на атомы. Его куски разлетелись с полусветовой скоростью и чудом никого не задели. Вдобавок вспышка сожгла защиту нашего корпуса, вот почему одна сторона корабля темнее другой.

Отец замолчал, но мальчик знал, что он сейчас услышит.

— Тогда погибла твоя мать, Небесный. Лукреция была снаружи, когда это случилось. Она работала с бригадой техников, осматривая корпус.

Он знал почти все — что мать умерла в тот день, что она была снаружи, — но никто не рассказывал ему, как это произошло.

— И поэтому ты привез меня сюда?

— Не только поэтому.

Шаттл накренился, разворачиваясь по широкой дуге, и устремился к «Сантьяго». Если и ощутил Небесный разочарование, то оно было самым слабым. Он не смел и надеяться, что экскурсия продолжится на борту другого корабля. Устроенная отцом прогулка сама по себе была редким подарком.

Раз уж речь зашла о смерти матери, не нужно ли обронить слезу-другую? Пожалуй, желания плакать Небесный не испытывал. Он спокойно наблюдал, как тонкая черточка растет, принимая очертания родного корабля, точно полоска берега в ночном море.

— Тебе следует кое-что понять, — наконец заговорил Тит. — «Исламабад» погиб, но это не означает, что успех нашей миссии под угрозой. Осталось четыре корабля — это почти четыре тысячи поселенцев. Мы достигнем Пункта Назначения, а создать колонию можно, даже если уцелеет только один корабль.

— По-твоему, только наш корабль может добраться до цели?

— Нет. Я как раз хочу сказать, что мы тоже можем не добраться. Ты должен накрепко усвоить, Небесный: у нас нет и не может быть незаменимых. Тогда ты поймешь схему действия Флотилии и сможешь принимать верные решения через пятьдесят лет, если ситуация станет хуже некуда. Достаточно уцелеть хотя бы одному кораблю.

— Но если взорвется еще один корабль...

— Конечно, такое не исключено. Но в этот раз, думаю, у нас обойдется без потерь. После взрыва «Исламабада» мы увеличили дистанцию. Так безопаснее. Но это затрудняет перелеты

между кораблями. И вообще я не в восторге от этой затеи. В долгом рейсе разобщенность опасна, она порождает взаимные подозрения — сам о том не ведая, наживешь врагов, которых и людьми-то назвать язык не повернется. На расстоянии им будет куда проще готовить убийство. — Голос Тита стал холодным, почти чужим, но лишь на миг. — Запомни, Небесный: мы здесь все заодно, что бы нас ни ожидало.

— Думаешь, будут проблемы?

— Не знаю. Легче не станет, я почти уверен. Но к тому времени, когда это будет иметь значение, когда мы приблизимся к Пункту Назначения, тебе исполнится столько лет, сколько мне сейчас. Ты займешь какой-нибудь ответственный пост, а может быть, даже станешь капитаном.

— Думаешь, это возможно?

— Неизбежно, я бы сказал, — если бы не знал некую талантливую девицу по имени Констанца.

Тем временем «Сантьяго» значительно вырос. К кораблю они теперь приближались с другой стороны, и сфера командного отсека маячила миниатюрной серой луной в ущербе, вся в узорах панельных стыков и гроздьях коробообразных сенсорных модулей.

Небесный подумал об упомянутой отцом Констанце. Интересно, впечатлена ли она его забортным путешествием? Пускай напрасно он рассчитывал, что для нее это будет сюрпризом, но все же выход наружу — событие не рядовое. Да и то, что ему показали и рассказали, — разве пустяки?

И это было еще не все.

— Смотри внимательно, — произнес отец, когда темная сторона сферы почти полностью загрозила обзор. — Здесь находилась твоя мать с бригадой. Люди удерживались на корпусе при помощи магнитной «обвязки». Они работали прямо на обшивке. Корабль, разумеется, вращался — совсем как сейчас. Если бы им повезло, корпус заслонил бы их от вспышки, когда взорвался «Исламабад». Но этого не произошло. Взрыв случился прямо над ними. Все они были в легких скафандрах... Впрочем, их бы все равно ничто не спасло.

Весь предыдущий разговор был лишь прелюдией.

Корабль должен был закрыть бригаду, а получилось наоборот. Люди сгорели мгновенно, даже не успев почувствовать

боли, как он узнал позже. Все, что осталось, это семь светлых пятен на обожженном корпусе, точно тени в негативе. Семь человеческих силуэтов.

Их позы не выражали мучений — вспышка застала ремонтников за работой. Все тени выглядели одинаково, и невозможно было понять, какая из них оставлена его матерью.

— Ты знаешь, которая из них она? — спросил он.

— Да, — ответил Тит. — Хотя, разумеется, обнаружил ее не я.

Небесный снова посмотрел на силуэты. Они вплавлялись в его мозг. Никогда уже он не наберется мужества, чтобы побывать здесь снова. Позже он поймет, что никому не пришлось в голову отчистить обшивку. Следы оставили память не только о семи погибших рабочих, но и о тысячах, сгинувших в той вспышке, что опалила души живых. Клеймо на теле корабля...

— Ну? — спросил Тит с ноткой нетерпения в голосе. — А ты хочешь узнать?

— Нет, — ответил Небесный. — И не захочу.

ГЛАВА 7

На следующий день Амелия принесла в коттедж мои пожитки и предоставила возможность осмотреть их в одиночестве. Меня мучило любопытство, но сосредоточиться на новой задаче оказалось трудно. Снова приснился Небесный Хаусманн, и снова я был вынужден наблюдать события его жизни. В прошлый раз это произошло, скорее всего, во время «размораживания», — по крайней мере, то был первый сон о Хаусманне, который я отчетливо запомнил.

Теперь я увидел новый эпизод, и, хотя между первым и вторым в его жизни был большой промежуток, они явно следовали в хронологическом порядке, как главы в книге.

И моя ладонь снова кровоточила. Рана покрылась жесткой коркой, кровь испачкала простыню.

Не требовалось особого воображения, чтобы обнаружить связь между этими двумя явлениями. Откуда-то всплыло воспоминание, что Хаусманн был распят, и отметины на моей ладо-

ни имитировала его рану. Я точно встречал человека с подобной раной — это было недавно и одновременно бесконечно давно. Кажется, того человека тоже мучили странные сновидения, от которых он не мог избавиться.

Может быть, вещи, принесенные Амелией, дадут ключ к разгадке? Я приказал себе на время забыть про Хаусманна и сосредоточился на другой задаче, не менее важной. Все, чем я владел сейчас, не считая имущества на Суоне, лежало в неприметном кейсе, прибывшем со мной на «Орвието».

Во-первых, валюта Окраины Неба в крупных банкнотах южан — около полумиллиона астралов. По словам Амелии — если она располагала достоверной информацией, — на моей планете это приличное состояние. Но здесь, в системе Йеллоустона, эта сумма считалась мизерной. Тогда зачем я взял деньги с собой? Ответ казался очевидным. Даже с учетом инфляции через тридцать лет после моего отлета эти деньги все еще будут чего-то стоить... по крайней мере, снять комнату на ночь я смогу.

Итак, раз я вез с собой деньги, значит предполагал, что вернусь домой. Значит я не эмигрировал, а прибыл сюда по делам. Чтобы выполнить какую-то работу.

Еще я обнаружил экспириенталии — палочки размером с карандаш, содержащие записи воспоминаний. Возможно, я планировал продать их по возвращении к жизни. Если ты не торговец-ультра, который специализируется на всякой высокотехнологичной эзотерике, то экспириенталии — едва не единственный способ сохранить часть средств при пересечении межзвездного пространства... правда, этот способ годится только для состоятельных людей. На экспириенталии всегда есть спрос, независимо от того, насколько продвинут или примитивен покупатель, — главное, чтобы у него была хоть какая-то техника для их использования. В этом отношении на Йеллоустоне проблем не возникнет. Последние два столетия планета лидировала на рынке крупных технологических и социальных разработок, а этот рынок — весь освоенный космос.

Экспириенталии были запечатаны в прозрачный пластик. Без воспроизводящего оборудования узнать об их содержимом не удастся.

Что еще?

Еще какие-то купюры, совершенно мне незнакомые: с непривычной текстурой, с портретами неизвестных людей, а уж про номиналы и говорить нечего — это просто наугад выбранные цифры.

Я спросил о них у Амелии.

— Это местные деньги, Таннер. Валюта Города Бездны. — Она ткнула пальцем в мужской портрет на банкноте. — Кажется, это Лореан Силвест. А может быть, Марко Феррис. Кто-то из древних.

— Похоже, эти деньги прогулялись из Йеллоустона на Украину Неба и обратно. Значит, им не менее тридцати лет. Они еще чего-то стоят?

— Немного. Я в этом не разбираюсь. Полагаю, этой суммы достаточно, чтобы попасть в Город Бездны. Но вряд ли хватит на что-то большее.

— А как мне попасть в Город Бездны?

— Это несложно. Вы могли бы отправиться хоть сейчас. Отсюда до Нью-Ванкувера, что на орбите Йеллоустона, — на тихоходном шаттле, он делает регулярные рейсы. Там приобретете билет на «бегемот» — это транспорт, спускающийся на поверхность. Думаю, денег хватит, если воздержаться от некоторых излишеств.

— Например?

— Ну, скажем, от страховок.

Я улыбнулся:

— Что ж, понадеюсь на удачу.

— Но вы же не собираетесь немедленно покинуть нас?

— Ну что вы. Пока нет.

Последнее, что обнаружилось в кейсе, — это два конверта: один темный, совсем плоский, другой более объемистый. Когда Амелия ушла, я вскрыл первый и высыпал содержимое на постель. Однако меня постигло разочарование: я рассчитывал найти какое-нибудь послание из прошлого, которое прояснило бы ситуацию. Наоборот, казалось, кто-то нарочно пытается меня запутать. Добрый десяток паспортов и идентификационных карточек... Они были действительны в то время, когда я поднялся на борт корабля, и могли использоваться в некоторых районах Украины Неба и ее космическом пространстве. Одни

представляли собой просто ламинированные листки картона, другие были снабжены встроенными компьютерными системами.

Я подозревал, что большинству людей достаточно одного-двух документов подобного рода, если речь не идет о запретах для посещения зонах. Изучив эту коллекцию, я понял, что она обеспечивала свободное посещение воюющих и нейтральных стран, территорий, контролируемых Южной милицией, а также доступ в зоны боевых действий и низкоорбитальное пространство. Документы принадлежали человеку, который хотел перемещаться без помех. Впрочем, я заметил и странности. Например, мелкие несоответствия в личных данных — место рождения и прочее — и в названиях посещенных пунктов. Одни документы представляли меня бойцом Южной милиции, другие — тактическим специалистом Северной Коалиции. В некоторых документах вообще не упоминалось, что я служил в армии. Рядом с удостоверением консультанта по личной безопасности лежала карточка агента экспортно-импортной фирмы.

Неожиданно обрывочные сведения сложились в четкую картину, и стало понятно, что я за человек.

Я тот, кому случалось проникать через границы, подобно призраку. Я субъект с десятком биографий и несколькими вариантами прошлого, каждый из которых правдив и ложен одновременно. Риск был для меня обычным делом, я наживал себе врагов так, как другие заводят приятелей, — и это, похоже, редко меня волновало. Я был человеком, который спокойно обдумывал убийство извращенца-монаха и воздержался от этого поступка лишь по одной причине: овчинка не стоила выделки.

Однако в конверте были еще три вещицы. Возможно, их специально положили так, чтобы они не выпали. Я сунул пальцы в конверт, нащупал гладкую поверхность фотоснимков и осторожно извлек их.

На первом была женщина поразительной красоты, смуглая, с нервной улыбкой, запечатленная на прогалине в джунглях. Снимок был сделан ночью. Повернув его к свету, я разглядел силуэт мужчины, который сидел спиной к фотографу и чистил ружье, — возможно, это был я сам.

— Гитта... — произнес я, без труда вспомнив ее имя. — Ведь ты — Гитта, верно?

На втором снимке человек в разгрузочном жилете поверх рубашки шел по тропе — сплошь в ямах и ухабах, она когда-то, наверное, была дорогой в джунглях. Он приближался к фотографу; на плече висело огромное черное оружие. Примерно моих лет и сложен как я, но на этом сходство заканчивалось. Позади я увидел упавшее поперек тропы дерево. Из-под него торчал окровавленный обрубок, и большую часть дороги покрывала густая кровавая жижа.

— Дитерлинг, — произнес я. Снова имя всплыло само собой, непонятно откуда. — Мигуэль Дитерлинг.

Я уже знал: он был моим лучшим другом. И он мертв.

Я посмотрел на третью фотографию и вначале ничего не почувствовал. Первый снимок вызывал волнение весьма интимного характера, второй — смесь гордости и тревоги. Судя по всему, человек даже не догадывался, что его фотографируют. Это был плоский снимок, сделанный с помощью дальномерной оптики. Мужчина торопливо пересекал торгово-развлекательный центр, неоновые огни магазинов расплывались черточками из-за передержанной выдержки. Лицо тоже слегка расплылось, но оставалось достаточно четким, чтобы его опознать. И прикончить, подумалось мне.

Потом я вспомнил и имя.

Второй конверт, увесистый, я перевернул над постелью. Фигурки причудливых форм, с острыми углами, словно просили, чтобы я собрал их в единое целое. Я ощутил зуд — как будто на ладони лежала привычная вещь, дожидаясь, когда для нее появится работа. Ее будет трудно заметить, она жемчужного оттенка, похожа на непрозрачное стекло.

Или на алмаз.

— Это блокирующий прием, — сказал я Амелии. — Смотрите, я обездвижен. Я выше и сильнее вас, но в этом положении не могу пошевелиться: любое движение вызовет сильную боль.

Она выжидающе смотрела на меня:

— Что теперь?

— Теперь разоружайте меня. — Я кивнул на садовый совок, который изображал оружие.

Она без усилия извлекла совок из моей ладони свободной рукой и отшвырнула в сторону, словно он был отравлен.

— Вы слишком легко уступили.

— Нет, Амелия, — возразил я. — Вы так надавили на нерв, что я чуть сам не выронил совок. Это простая биомеханика. Думаю, с Алексеем вы справитесь еще легче.

Мы занимались на лужайке перед коттеджем в хосписе «Айдлвилл». Раскаленная трубка из белой становилась тускло-оранжевой — это означало закат. Странно наблюдать такой... закат без солнца. Источник света постоянно находится над головой, лишая тебя возможности полюбоваться длинными тенями и опускающимся за горизонт солнцем. Впрочем, мы уделяли мало внимания происходящему вокруг. В последние два часа я показывал Амелии основные приемы самообороны. Весь первый час Амелия нападала на меня — попросту говоря, безуспешно пыталась хоть как-то коснуться садовым совком. Знала бы она, чего мне стоило «пропускать» ее удары! Стиснув зубы, я заставлял себя делать самые дурацкие ошибки, позволял ей выиграть, но этого так и не случилось. Преимущество в технике почти всегда обеспечивает победу, и даже наша тренировка являла собой подтверждение тому. Однако благодаря ее упорству дело сдвинулось с мертвой точки. На второй час мы поменялись ролями. Я тоже освоился — а может быть, в роли нападающего мне было проще сдерживать себя. Я двигался медленно и осторожно, чтобы Амелия освоила блокирующие приемы на каждую ситуацию. Надо сказать, она оказалась прекрасной ученицей и за этот час добилась того, на что у других обычно уходило дня два. В ее движениях пока не было пластики, они еще не закрепились в мускульной памяти, ее намерения легко угадывались... но дилетанту вроде брата Алексея хватит и такого.

— А вы не могли бы научить меня убивать?

Мы расположились на траве, чтобы немного отдохнуть, вернее, отдыхала Амелия, а я просто ждал, когда она восстановит силы.

— Вы уверены, что хотите этого?

— Разумеется, нет. Я просто хочу, чтобы он прекратил.

Я разглядывал чашеобразную долину «Айдлвилла». На террасах, на дальнем склоне, копошились крошечные фигурки, похожие на движущиеся запятые. Люди спешили закончить работу до темноты.

— Не думаю, что он примется за старое, — сказал я. — Да еще после того разговора... Но если что, вы с ним справитесь.

Только голову даю на отсечение, он даже близко не подойдет к пещере. Я знаю таких людей, Амелия. Они ищут легкой добычи.

Она задумалась — возможно, о тех, кому пришлось пройти через то же испытание, что и ей.

— Знаю, что так нельзя говорить, но я ненавижу этого человека. А завтра мы еще поработаем над приемами?

— Конечно. Более того, я на этом настаиваю. Вы еще слабоваты... хотя очень быстро учитесь.

— Спасибо, Таннер. Вы не против, если я спрошу, где вы сами всему этому научились?

— Я все-таки консультант по личной безопасности, — ответил я, вспомнив о недавно просмотренных документах, и грустно улыбнулся. Интересно, что бы она сказала о содержимом того конверта. — Ну... и не только.

— Мне говорили, что вы были солдатом.

— Да, вероятно. Но любой, кто хочет выжить на Украине Неба, должен так или иначе стать солдатом. Это входит в плоть и кровь. Если не решаешь проблему, становишься ее частью. Если не выступаешь за одну сторону, тебя по умолчанию считают приверженцем другой.

Разумеется, это было довольно грубо и упрощенно. Например, если у тебя именитая родня или толстый кошелек, ты запросто можешь купить себе нейтралитет. Но для среднего гражданина Полуострова ситуация складывалась примерно так, как я описывал.

— Кажется, вы уже многое вспомнили.

— Да, мало-помалу память возвращается. Похоже, полезно было пообщаться с личными вещами.

Она одобрительно кивнула, и я ощутил укол совести. Я все-таки солгал ей. Фотоснимки дали мне гораздо больше, чем просто воспоминания. Но в данный момент ей лучше думать, что у меня пробелы в памяти. Будем надеяться, что Амелия не настолько проницательна, чтобы разгадать мою уловку, но впредь не стоит недооценивать нищенствующих.

Я действительно был солдатом. Но комплект паспортов и прочие детали позволяли сделать вывод, что мои возможности не ограничивались боевыми навыками, хотя эти навыки, несомненно, служили основой для всего остального. До кристаль-

ной ясности пока было далеко, но я уже знал гораздо больше, чем день назад.

Я родился в семье, принадлежащей к нижним слоям аристократии. Эти люди еще не дошли до вопиющей бедности, они стремятся поддерживать иллюзию обеспеченности. Мы проживали в Нуэва-Икике, на юго-восточном побережье Полуострова. Ветшающее поселение, отделенное от войны неприступным горным хребтом, сонное и равнодушное даже в самые мрачные годы. Северяне нередко заплывали вниз по побережью и гостили в Нуэва-Икике, не опасаясь расправы, даже когда мы официально считались врагами. Браки между потомками Флотилии не были редкостью. Я вырос со способностью читать на гибридном языке противника почти столь же бегло, как на родном. Мне казалось странным, что наши вожди вдохновляли нас на ненависть к этим людям. Даже исторические книги указывали на то, что мы были едины, когда корабли покидали орбиту Меркурия.

Но с тех пор многое изменилось.

С возрастом я начал понимать, что, не имея ничего против генов или верований объединившихся в Северную Коалицию, я все же считал их врагами. Они совершили целый ряд изуверских деяний... Впрочем, мы от них не отставали. Да, я не презирал их и не считал, что они должны быть уничтожены. Но мой долг состоял в том, чтобы сделать все для нашей победы и чтобы война закончилась как можно скорее. Поэтому в двадцать два года я вступил в ряды Южной милиции. Я не был прирожденным бойцом, но быстро учился. Поневоле будешь учиться, когда тебя бросают в бой через пару недель после вручения оружия. Я оказался хорошим снайпером. Потом, после надлежащих тренировок, я стал первоклассным снайпером — и мне ужасно повезло, что моей части были нужны снайперы.

Я помню свою первую жертву, вернее сказать, первых жертв.

Мы засели на вершине холма, который торчал над джунглями, и глядели на прогалину, где войска СК выгружали припасы из наземного транспорта. С безжалостным спокойствием я поднимал оружие и прищурился. Потом поймал в перекрестье волосков одного из бойцов вражеского подразделения. Винтовка была заряжена субзвуковыми микропатронами — абсолютно бес-

шумными и запрограммированными на пятнадцатисекундную задержку детонации. Достаточно, чтобы вклеить в каждого находящегося на прогалине человека по заряду величиной с комара. Потом увидеть, как одним и тем же движением каждый из них лениво поднимает руку и почесывает шею, куда его укусило воображаемое насекомое. Восьмой, последний, что-то заподозрил, но было слишком поздно.

Солдаты падали в грязь с каким-то зловещим однообразием. Позже мы спустились с холма, чтобы реквизировать припасы для нашей части. Трупы, через которые мы переступали, были жутко раздуты внутренними взрывами.

Так я первый раз пригубил смерти. Это было похоже на сон.

Иногда я гадал, что могло случиться, если бы задержка составляла меньше пятнадцати секунд и первый солдат упал бы прежде, чем я нацелился на остальных. Хватило бы мне выдержки и холодной воли настоящего снайпера продолжать, несмотря ни на что? Или шок от содеянного ударил бы с такой силой, что я с отвращением выронил бы винтовку? Но я всегда повторял себе: нет смысла задумываться над тем, что могло бы случиться. Я знал лишь, что после первой серии нереальных расстрелов эта проблема исчезла навсегда.

Почти навсегда.

Особенность работы снайпера состоит в том, что враг для него — почти всегда просто мишень. Расстояние слишком велико, чтобы разглядеть выражение лица в тот момент, когда пуля находит свою цель. У меня почти никогда не возникало необходимости стрелять повторно.

Какое-то время казалось, что я нашел безопасную нишу. Моей психике ничто не угрожает, а значит, я защищен от худшего, что может случиться на войне. Меня ценили в подразделении, оберегали, словно талисман. Ни разу не совершив героического поступка, я стал героем благодаря чисто механическим навыкам. Можно сказать, что я был счастлив, — если военное ремесло может сделать человека счастливым. А почему нет? Я видел мужчин и женщин, для которых война была возлюбленной, капризной и злой мучительницей, калечившей их тела и души. Они уходили от нее — избитые, голодные — и все равно возвращались. То, что война делает несчастными всех без исключения, — это самая большая ложь, какую я когда-либо слышал. Будь это правдой, мы бы давно прекратили воевать, при-

чем навсегда. Возможно, придется признать, что человеческая натура не столь благородна, как хотелось бы. Но почему война обладает неким странным, темным очарованием, почему мы всегда так неохотно оставляем ее ради мира? Дело тут далеко не в явлении столь заурядном, как привычка, когда военные действия становятся нормой повседневности. Я знал мужчин и женщин, которые получали от убийства врага настоящее сексуальное удовлетворение, более того — действительно видели в этом нечто упоительно-эротическое.

Впрочем, мои радости были не столь извращенного толка. Я просто радовался, что нашел себе лучшее место, на которое мог рассчитывать в данных условиях. Я делал то, что считал правильным, я следовал своему долгу — и одновременно почти ничем не рисковал. От смерти меня всегда отделяло расстояние выстрела снайперской винтовки, чего не скажешь о тех, кто постоянно находился на передовой. Я думал, что все будет продолжаться и дальше. Потом меня наконец наградят, и если я не останусь снайпером до конца войны, то потому лишь, что армия слишком ценит мой талант, чтобы рисковать им. Вероятно, меня переведут в одно из тайных подразделений ликвидаторов — риск, конечно, там немалый, — но, скорее всего, я стану инструктором в одном из тренировочных лагерей. Потом ранняя отставка и самодовольная убежденность в том, что я помог завершить войну — конечно, если я доживу до победы.

Но человек предполагает, а обстоятельства располагают.

Однажды ночью наша часть попала в засаду. Повстанцы взвода глубокого проникновения СК окружили нас, и через пару минут я узнал, что же именно подразумевается под красивым названием «рукопашная схватка». Забудьте об излучателе частиц, о линии прицеливания, о нанобоеприпасах с замедленным взрывателем. Солдату прошлого тысячелетия этот дух рукопашной схватки был несоизмеримо ближе и понятнее — дух вопящих от ярости двуногих, вдруг оказавшихся рядом на крошечном пятнышке земли. Эффективное оружие, которым можно уничтожить этого ненавистного другого, — заостренный металлический предмет, именуемый штыком или кинжалом. Еще хороши собственные пальцы, которые смыкаются на глотке противника и впиваются ему в глаза. А единственный способ выжить — это отключить все высшие мозговые функции и уподобиться зверю.

Я так и сделал. В тот день я усвоил одну глубокую истину: война наказывает тех, кто пытается с ней флиртовать. Стоит впустить в дверь зверя, и закрыть ее уже не удастся.

Я по-прежнему был великолепным стрелком, когда того требовала ситуация. Но я перестал быть просто снайпером. Ради этого пришлось притвориться, что я утратил хладнокровие и мне уже нельзя доверять важные ликвидации. И начальство клюнуло на этот обман. Снайперы до безумия суеверны — это своеобразный защитный механизм, который лишает их возможности действовать эффективно, когда возникает угроза психике. Меня переводили из подразделения в подразделение. В ходе операций мое новое подразделение перемещалось к передовой, а когда передвижение заканчивалось, я снова добивался перевода. Чем ближе становился фронт, тем сноровистей я дрался. Скоро я работал руками лучше, чем винтовкой. Я познал удивительную легкость, — наверное, это же чувствует прирожденный музыкант, который способен заставить петь любой инструмент. Я добровольно участвовал в диверсионных операциях. Неделями мы находились в тылу врага, поддерживая свое существование тщательно отмеренными полевыми пайками. Биосфера Украины Неба в целом напоминает земную, но на уровне клеточной химии оказывается совершенно иной, так как почти не содержит микрофлоры; поэтому попытки утолить голод местными продуктами в лучшем случае будут безрезультатны, а в худшем приведут к анафилактическому шоку. В долгие периоды одиночества я снова позволял своему внутреннему зверю выйти из спячки, — это поддерживало во мне безграничное терпение и позволяло переносить любые тяготы.

Я стал стрелком-одиночкой. Отныне приказы, которые я выполнял, поступали не по обычной цепочке от командира к подчиненному, а из засекреченных иерархий милиции, и мне даже не приходило в голову проследить их путь. Мои задачи становились все более странными, бывали и непостижимые. Иногда целью был какой-нибудь офицер СК среднего ранга, иногда человек, выбранный, казалось бы, совершенно случайно... Во всяком случае, я даже не пробовал докопаться до истинной причины выбора. Достаточно того, что мои действия были частью хитрой системы, созданной кем-то очень изобретательным. Я всаживал пули в людей, которые носили такую же форму, что

и я, — наверное, они были шпионами, потенциальными предателями. А может быть, и нет — они были такими же преданными, как и я сам, но им пришлось умереть, поскольку своим существованием они мешали загадочной системе.

Прежняя задача — служить делу победы — была забыта. В конце концов я прекратил слепо исполнять приказы и начал выбирать из них, разрывая связи с иерархией и заключая контракты с любым, кто заплатит. Я был уже не солдатом, а наемником.

Именно тогда я встретил Кагуэллу.

— Меня зовут сестра Душа, — представилась старшая из нищенствующих, тощая неулыбчивая женщина. — Возможно, вы обо мне слышали — я невролог хосписа. И ваше состояние меня беспокоит, Таннер Мирабель. С вашим мозгом происходит нечто серьезное.

Душа и Амелия стояли в дверном проеме коттеджа. Всего полтора часа назад я сообщил Амелии о своем намерении покинуть «Айдлвилд» в течение суток. Теперь она выглядела смущенной.

— Мне очень жаль, Таннер, но пришлось сказать ей.

— Незачем извиняться, сестра, — перебила Душа, бесцеремонно отгесняя свою подчиненную. — Нравится это ему или нет, ты поступила правильно, сообщив мне о его планах. Итак, Таннер Мирабель... с чего мы начнем?

— С чего вам угодно, я все равно улетаю.

За спиной Души появился яйцеголовый робот и, звонко цоккая по полу, вошел в комнату. Я сделал движение, намереваясь покинуть постель, но Душа опустила мне на бедро крепкую ладонь:

— Нет, только без глупостей. Какое-то время вам придется побыть здесь.

Я покосился на Амелию:

— А как насчет того, что я могу улететь когда угодно?

— Да, вы вправе улететь, Таннер...

Это прозвучало не слишком убедительно.

— Он и сам не захочет, когда все узнает, — произнесла Душа, присаживаясь на постель. — Позвольте мне объяснить, хорошо? Когда вас «отогрели», Таннер, провели тщательное обследование, прежде всего проверили ваш мозг. Мы ожидали про-

явлений амнезии, и необходимо было убедиться в отсутствии серьезных повреждений. А также выяснить, не нуждаются ли в замене какие-нибудь имплантаты.

— У меня нет никаких имплантатов.

— Нет, есть. И, кажется, с ними не все в порядке.

Она щелкнула пальцами, и робот засеменил к кровати. Разумеется, ни на одеяле, ни на простыне ничего не было. Правда, минуту назад я занимался сборкой заводного пистолета, соединяя детали методом проб и ошибок. Половина деталей уже «срослась», когда я увидел Амелию и Душу, которые пересекали лужайку за домиком. Детали тут же оказались под подушкой. Боюсь, теперь они уж слишком напоминали оружие. Осматривая мои пожитки, сестры могли сколько угодно ломать голову над странными алмазными фигурками, но вряд ли поняли бы их назначение. Теперь догадаться было бы проще.

— Дефект? О чем вы говорите, сестра Душа?

— Сейчас вы сами увидите.

Раздался щелчок, и яйцеобразная голова робота раскрылась, как будто развалилась его черепная коробка. Сходство усиливалось из-за шаровидного экрана, который оказался внутри: его заполняло медленно вращающееся объемное изображение мозга, почему-то сиреневого цвета. В глубине клубились какие-то призрачные молочные облачка. Разумеется, это был мой мозг. Но мне проще было бы узнать себя на портрете кисти художника-абстракциониста.

Пальцы сестры Души залетали над вращающимся шаром.

— Проблема в этих светлых пятнах, Таннер. Перед вашим пробуждением я ввела вам бромдеоксиуридин. Это искусственный аналог тимидина, одной из нуклеиновых кислот ДНК. Аналог поступает вместе с тимидином в новые клетки мозга, чтобы мы могли проследить течение нейрогенеза — образования новых мозговых клеток. Светлые пятна обозначают места скопления индикатора — места скопления недавно появившихся клеток.

— А я думал, нервные клетки не восстанавливаются.

— Этот миф похоронили пятьсот лет назад, Таннер, но отчасти вы правы: для высших млекопитающих регенерация нервных клеток — весьма редкий процесс. На этом скане вы видите еще менее обычное явление: обособленные участки концентрированного нейрогенеза, который продолжается до сих пор. Это

функциональные нейроны, организованные в сложные структуры и связанные с вашими старыми клетками. Все тщательно продумано. Вы видите, что светлые пятна расположены вблизи ваших перцептивных центров? Простите, но это весьма характерный симптом, Таннер. Как и ваша рука.

— Моя рука?

— У вас на ладони рана, правда? Это симптом заражения одним из индоктринационных вирусов семейства Хаусманн. — Она выдержала паузу. — Мы обнаружили этот вирус у вас в крови, вернее сказать, искали его целенаправленно. Вирус внедряется в вашу ДНК и заставляет ее генерировать новые нервные структуры.

Блефовать не имело смысла.

— Интересно, как вы с ним познакомились.

— За последние годы возможностей было предостаточно, — сказала Душа. — В каждой бочке слякоти... ой, простите, в каждой группе «спящих», поступающей сюда с Окраины Неба, хотя бы один человек инфицирован. Вначале, конечно, мы были заинтригованы. Нам кое-что известно о культах Хаусманна. Излишне говорить, что мы не одобряем способ, которым они распространяют свою систему верований... Увы, мы потеряли много времени, пока распознали механизм вирусной инфекции и поняли, что эти люди скорее ее жертвы, нежели убежденные сектанты.

— Блаженно неведение, — вмешалась Амелия. — Но в вашем случае, Таннер, мы способны помочь. Вам является в снах Небесный Хаусманн?

Я кивнул, но воздержался от комментариев.

— Так вот, мы можем уничтожить вирус, — продолжала Душа. — Это нестойкий штамм, со временем он разрушится самостоятельно, но мы можем ускорить этот процесс, если захотите.

— Если захочу?! Я не понимаю, чего вы до сих пор ждали.

— Извините, но мы бы никогда не пошли на это по собственной инициативе. А ну как потом выяснилось бы, что вы инфицированы добровольно? В такой ситуации мы не имеем права вмешиваться...

Душа похлопала робота по блестящему корпусу. Тот закрыл свой череп и удалился, пощелкивая на ходу. Он двигался на манер краба, только куда изящнее.

— Но если вы хотите выгнать вирус, мы можем приступить безотлагательно.

— Сколько времени это займет?

— Пять или шесть дней. Как вы понимаете, нам бы хотелось проследить за процессом — иногда может потребоваться вмешательство.

— Тогда пусть вирус убирается своим ходом.

— Коли так, вся ответственность за последствия ложится на вас, — вздохнула Душа.

Она поднялась и с раздраженным видом покинула домик. За ней послушно семенил робот.

— Таннер, я... — начала было Амелия.

— Давайте не будем об этом, хорошо?

— Мне пришлось сказать ей.

— Знаю. И нисколько не сержусь. Единственное, о чем прошу: не отговаривайте меня покинуть хоспис. Пожалуйста.

Она промолчала, но просьба была принята к сведению.

После этого я еще с полчаса тренировал ее. Мы почти не разговаривали, и у меня было время поразмышлять о том, что мне показала Душа. К тому времени я вспомнил Васкеса Красная Рука. Он свято верил, что уже не заразен. Но, скорее всего, от него я и подцепил эту дрянь. Впрочем... может быть, мне просто не повезло. Я довольно долго находился на мосту, наводненном сектантами Хаусманна.

Но Душа сказала, что штамм нестойкий. Может, она и права. Пока что я мог похвастаться только стигматом и парой тематических сновидений. Небесный Хаусманн не являлся мне при свете дня и не обращался ко мне, когда я спал, так что до одержимости дело еще не дошло. Не было желания окружить себя вещами, как-то связанными с его личностью и эпохой, и я не впадал при мысли о нем в религиозный экстаз. Он для меня был тем, кем был всегда, не больше и не меньше, — историческим деятелем, человеком, который совершил жесточайшее преступление и понес столь же страшное наказание. Но он стоил того, чтобы его помнить, потому что подарил нам целый мир. В истории полным-полно таких людей со сложной репутацией; их деяния не черны и не белы, а окрашены в мутные оттенки серого. Так почему я должен поклоняться Хаусманну? Только потому, что мне приснилась пара дней из его жизни? Нет уж, я сильнее этого.

— Не понимаю, почему вы так торопитесь покинуть нас, — сказала Амелия во время передышки, отбрасывая со лба влажную прядь волос. — Вам понадобилось пятнадцать лет, чтобы попасть сюда, — что значат еще несколько недель?

— Наверное, я нетерпелив по натуре, Амелия.

Она недоверчиво посмотрела на меня. Пожалуй, требуется аргументация.

— Видите ли, этих пятнадцати лет для меня все равно что не было — будто я только вчера собирался сесть на корабль.

— Неубедительно. Сейчас или неделей-двумя позже — разница пустяковая.

Как бы не так. Разница просто огромная... Но Амелии нельзя знать всю правду. Значит, мне надо вести себя как ни в чем не бывало.

— Вообще-то, — взял я небрежный тон, — у меня есть еще один повод поторопиться. В ваших архивах, наверное, не сохранились сведения о том, что я... путешествовал не один. Моего спутника, наверное, уже успели «отогреть».

— Пожалуй, это возможно, если тот человек сел на корабль раньше вас.

— Вот и я так думаю. По сути, он мог не проходить через хоспис, если у него не было осложнений. Его зовут Рейвич.

Мои слова удивили ее, но явно не вызвали подозрений.

— Я помню человека с таким именем. Он проходил через нас. Арджент Рейвич, верно?

— Да, это он, — улыбнулся я.

ГЛАВА 8

Арджент Рейвич.

Когда-то давно это имя для меня ничего не значило. Сейчас в такое трудно поверить. Слишком уж долго это имя, вернее, существование человека, его носящего, является краеугольным камнем моей личной вселенной.

Впрочем, я хорошо помню, когда впервые услышал имя Рейвича. Это случилось в Доме Рептилий. Была ночь, и я учил Гит-ту обращаться с пистолетом. Примерно так же, как сегодня учил

Амелию защищать от брата Алексея. Аналогии обладают свойством воскрешать воспоминания.

Дворец Кагуэллы на Окраине Неба представлял собой длинное здание в виде буквы «Н», со всех сторон окруженное джунглями. На крыше дворца высилось второе Н-образное сооружение, в один этаж, но поуже основной постройки, что позволило окружить ее низкой террасой, огороженной высоким барьером. Слов нет, позиция выигрышная, но полоса расчищенной территории примерно в сотню метров шириной, опоясывающая Дом Рептилий, совершенно не просматривалась, если только не стоять на стене, глядя через край. Казалось, высокие мрачные заросли вот-вот хлынут через стену на террасу, подобно вязкому зеленому приливу, и погребут дворец в своих глубинах. Ночью джунгли превращались в море непроницаемой черноты. Все цвета исчезали, зато местные обитатели наполняли ее тысячами голосов, не похожих ни на что. На сотни километров вокруг не было ни одного человеческого жилья.

В ту ночь, когда я обучал Гитту, было необычайно ясно, звезды усеивали небо от верхушек деревьев до зенита. У Окраины Неба нет лун, а несколько ярких анклавов на орбите планеты опустились за горизонт, но террасу освещали десятки факелов, которые держали в пастях золоченые гамадриады, выстроившиеся на каменных пьедесталах вдоль стены. Кагуэлла был помешан на змеиной охоте. Последней его навязчивой идеей было поймать почти взрослую гамадриаду — в пару к юной особи, в настоящий момент обитавшей где-то в недрах Дома Рептилий. Кагуэлла ухитрился изловить ее в прошлом году.

Моя служба у него только начиналась, когда я принял участие в той охотничьей экспедиции... и тогда же впервые увидел его жену. Кагуэлла вручил ей охотничье ружье из своей богатой коллекции, и она даже сделала пару выстрелов, но это явно были ее первые в жизни выстрелы. В итоге Кагуэлла попросил меня дать ей несколько импровизированных уроков стрельбы, пока мы находились в лесу. Приказ есть приказ. Гитта даже кое-чему научилась, но было ясно, что из нее никогда не выйдет хорошего стрелка. Впрочем, это вряд ли имело значение: она не интересовалась охотой. Сохраняя стоическое спокойствие в течение всей экспедиции, Гитта совершенно не разделяла первобытной страсти Кагуэллы.

Вскоре даже Кагуэлла понял, что напрасно теряет время, пытаясь сделать из жены охотницу. Все же он настоял на том, чтобы по возвращении мы продолжали уроки — пусть не столь интенсивно, но регулярно. Теперь целью была самооборона.

— Зачем? — спросил я. — Если вы нанимаете людей вроде меня, вашей супруге можно не беспокоиться.

Разговор происходил в одном из пустых помещений вивария. Мы были одни.

— Таннер, у меня есть враги. Ты молодчина, и твои люди тоже, но они не идеальны. Убийцу-одиночку вы не остановите.

— Да, — согласился я. — Если это профи, он сумеет прикончить любого из вас, прежде чем вы поймете, что происходит.

— Профи вроде тебя, Таннер?

Я представил себе защитную систему Дома Рептилий — внутреннюю и наружную. Делом своих рук я мог гордиться.

— Нет, Кагуэлла. Для этой задачи нужен спец на голову выше меня.

— А что, такие есть?

— Всегда найдется кто-то лучше тебя. Вопрос в том, сколько стоят его услуги.

Он положил ладонь на пустой контейнер для амфибий:

— Тем более ей это необходимо. Один шанс лучше, чем ни одного.

Спору нет, в его словах присутствовала логика.

— Я научу ее кое-чему, раз вы настаиваете.

— Почему так неохотно?

— Огнестрельное оружие небезопасно в обращении.

Кагуэлла улыбнулся. Люминесцентные лампы, вмонтированные в пустые контейнеры, источали тусклый желтый свет.

— Что ж, это неплохая идея.

Вскоре мы начали упражняться. Гитта являла собой образец прилежания, но училась далеко не так быстро, как хотел Кагуэлла. Не то чтобы ей не хватало сообразительности, скорее, дело было в отсутствии моторных навыков и в слабой от природы связи между рукой и глазом. Если бы не настойчивость Кагуэллы, эти дефекты никогда бы не проявились. Нельзя сказать, что она была безнадежна. Но самые примитивные вещи, которые Амелия осваивала за час, требовали от Гитты целого дня мучительного труда. Будь она новобранцем в моей части, я нипочем бы не взялся за подобную задачу. Куда целесообразнее было бы

подобрать ей какое-нибудь задание по способностям — скажем, разведку.

Но Кагуэлла захотел, чтобы Гитта научилась пользоваться оружием.

Впрочем, имелась достаточно веская причина, чтобы усердно исполнить распоряжение. Он хозяин, он в своем праве, а мое дело подчиняться. И нельзя пожаловаться на то, что времяпрепровождение было неприятным. Жена Кагуэлле досталась просто идеальная: настоящая красавица, северянка по происхождению, гибкая и подвижная, с мускулатурой танцовщицы и лепными высокими скулами. До этих занятий я не то что не дотрагивался до нее — у меня не было даже повода заговорить с ней. Хотя смелые фантазии я себе позволял частенько.

Каждый раз, когда мне приходилось поправлять ей стойку, мягко надавливая то на предплечье, то на затылок или плечи, мое сердце принималось колотиться. Я старался выдерживать мягкий, спокойный тон, какого требовала ситуация, но в голосе сквозило напряжение и смущение. Впрочем, если Гитта и заметила что-либо в моем поведении, она не подала виду. А может быть, она действительно была сосредоточена исключительно на учебе.

Неподалеку на террасе я установил высокочастотный полевой генератор. Гитта щеголяла в очках-термовизорах, их процессор воспринимал излучение генератора. Это было стандартное учебное оснащение из арсенала, собранного Кагуэллой за многие годы. Самая различная экипировка — краденая или приобретенная на черном рынке... Мне было из чего выбирать. Перед глазами Гитты, как на экране, появляются виртуальные «призраки», которые якобы движутся по террасе. Среди них есть враги и свои, но у нее будет лишь доля секунды, чтобы решить, в кого стрелять.

Вообще-то, это просто игра. Как я уже говорил, надо быть настоящим профи, чтобы иметь некоторый шанс проникнуть в Дом Рептилий. И ни один из убийц не даст Гитте драгоценных мгновений на раздумье.

Уже к пятому уроку прогресс был налицо. По крайней мере, девять из десяти мишеней она выбрала правильно — вполне допустимый уровень ошибок, с которым можно смириться. Я мог надеяться, что не окажусь тем десятым и не паду от рук своей ученицы.

Но до необходимого уровня было еще очень далеко.

Мы работали с огнестрельным оружием не потому, что лучевики были недоступны, а по той причине, что они слишком громоздки и тяжелы для отработки приемов самообороны. Ради безопасности я мог бы поколдовать, чтобы пистолет не срабатывал, когда на линии огня нахожусь я, или Гитта, или статуя гамадриады, — этими золочеными истуканами Кагуэлла очень дорожил. Но я понимал, что в ситуации, когда оружие не действует, урок теряет свою ценность. Поэтому я заряжал пистолет «умными» патронами. В пуле сидит крошечный процессор, который получает информацию со стрельбища, как и термовизоры Гитты. Процессор управляет микровыбросами газа, заставляющими пулю свернуть, когда траектория становится опасной. Если этого недостаточно, пуля самоуничтожается, превращаясь в облачко металлического «пара». Это, конечно, не самая безопасная процедура, но лучше получить ожог, чем дырку.

— Ну как мои успехи? — спросила Гитта, когда мы перезаряжали оружие.

— Вы научились метко стрелять. Но все же старайтесь целиться ниже — лучше в грудь, чем в голову.

— Почему в грудь? Муж сказал, что вы можете убить человека одним выстрелом в голову.

— У меня большой опыт.

— Это верно, однако... Правда ли, что вы, когда стреляете в человека...

— Ну да, поражаю зону мозга с определенной функцией. Не всем слухам следует верить. Пожалуй, выбрать одно из двух полушарий я еще могу, но относительно прочего...

— И все же у вас хорошая репутация.

— Да, неплохая. Но не более того.

— Если бы такое говорили о моем муже, он бы из своей репутации выдоил всю выгоду до капли. — Гитта бросила опасливый взгляд на окна верхнего этажа. — Но вы, Таннер, всегда стараетесь держаться в тени. Мне это больше по нраву.

— В тени я держусь по одной лишь причине: чтобы вы не приняли меня за того, кем я не являюсь.

Она посмотрела на меня:

— Не думаю, Таннер, что существует такая опасность. Похоже, я точно знаю, кто вы. Человек с чистой совестью, волею обстоятельств работающий на того, кому плохо спится по ночам.

— Моя совесть не так уж чиста, к сожалению.

— А у Кагуэллы ее, по-моему, нет вовсе...

Наши взгляды на миг встретились. Потом я занялся пистолетом.

— А вот и он! — повысила голос Гитта. — Помяни черта...

— Ну что, перебиваете мне косточки? — Кагуэлла спустился на террасу с верхнего этажа. Что-то блестело у него в руке... просто бокал с «Писко». — Впрочем, разве можно обижаться на это?.. Как продвигается учеба?

— По-моему, вполне сносно, — сказал я.

— Не верь ни единому его слову, — вмешалась Гитта. — Я просто безнадежна, но Таннер слишком вежлив, чтобы это подтвердить.

— Успех даром не дается, — заметил я и добавил, обращаясь к Кагуэлле: — Теперь Гитта не только умеет стрелять, но и почти всегда знает в кого. Никаких чудес — она добилась этого усердным трудом и заслуживает похвалы. Но если вам нужно нечто большее, то этого будет нелегко достичь.

— Пусть продолжает, ей это не повредит. Разумеется, под твоим чутким руководством. — Он кивнул на пистолет, только что перезаряженный мною. — Ну-ка, покажи ей свой фокус.

— Который именно? — осведомился я, стараясь не раздражаться.

Обычно Кагуэлла остерегался называть мои нажитые тяжким трудом навыки фокусами.

Кагуэлла сделал глоток.

— Ты прекрасно знаешь, о чем я.

— Ладно, попробую угадать.

Я перепрограммировал пистолет, отключив корректировку траекторий. Если ему нужен фокус, он его получит — только пусть не пеняет на издержки.

Обычно, стреляя из маленького оружия, я принимаю классическую стойку — ноги слегка расставлены для равновесия, одна рука сжимает рукоять, другая поддерживает ее снизу, кисти подняты на уровень глаз и напряжены в ожидании отдачи, если стрельба ведется пулями, а не энергией. Но сейчас я держал пистолет в одной руке на уровне пояса, на манер старинного ковбоя с шестизарядником, и смотрел на пистолет сверху, а не вдоль ствола. Позиция была достаточно знакома, чтобы точно знать, куда полетит пуля.

Я нажал на спуск и вlepил заряд в одну из «королевских кобр» Кагуэллы.

Затем подошел и оценил результат... вернее, нанесенный ущерб.

От попадания пули позолота на статуе растеклась, как масло, вокруг входного отверстия образовалась симметричная фигура наподобие лотоса. Принцип симметрии был задан изначально. Будь моей мишенью человек, я бы целился между глазами. Но череп гамадриады имеет несколько другое строение. Чтобы математически точно поместить пулю в соответствующее место, мне пришлось выстрелить ей в пасть.

— Bravo, — похвалил Кагуэлла. — А ты хотя бы представляешь, сколько стоит эта змея?

— Меньше, чем мои услуги, — отозвался я, поспешно восстанавливая на процессоре пистолета безопасный режим.

Еще на миг задержав взгляд на искалеченной статуе, он покачал головой и усмехнулся:

— Может, ты и прав. Да, Таннер, реакция у тебя все та же... — Он щелкнул пальцами, подавая знак жене. — Ладно, Гитта, урок окончен. Нам с Таннером надо кое-что обговорить. Собственно, за этим я и пришел.

— Но мы только что начали, — возразила Гитта.

— Продолжишь потом, возможность будет. Хочешь научиться всему сразу?

«Надеюсь, этого не случится — иначе у нас не будет поводов для встреч...»

Опасная мысль. Неужели я всерьез на что-то рассчитываю — да еще и здесь, в Доме Рептилий, под боком у Кагуэллы? Полнейший бред. Тем более что до сего момента Гитта не выказывала мне особенного расположения. Впрочем, кое-что из ее слов стоило взять на заметку. Но может быть, она просто скучает от одиночества в этом доме, затерянном среди джунглей.

Из-за спины Кагуэллы возник Дитерлинг и увел Гитту в дом. Другой охранник уже разбирал полевой генератор. Мы с Кагуэллай направились к стене, окружавшей террасу. Воздух был теплым и липким, никакого намека на ветерок. Днем духота порой становилась невыносимой — ничего общего с мягким морским климатом Нуэва-Икике, где я провел детство.

Кагуэлла был рослым, широкие плечи облегалo черное кимоно с замысловатым узором в виде дельфинов, босые ноги по-

пирали грубый камень, которым была вымощена терраса. Широкое лицо, губы, застывшие в раздраженной гримасе, — внешность человека, не умеющего достойно принимать поражение. Его густые волосы, по обыкновению зачесанные назад, ловили отблески гамадриад и сами казались позлащенными. Он ошупал пробитое изваяние, затем наклонился, чтобы поднять с пола несколько золотых осколков. Те были не толще фольги, которой иллюстраторы в былые времена украшали священные тексты. Печально потеряв их в пальцах, он попытался залепить рану на голове змеи. Статуя изображала гамадриаду, что обвилась вокруг дерева и замерла за миг до слияния.

— Прошу извинить за ущерб, — сказал я. — Но вы сами велели показать фокус.

Он покачал головой:

— Пустяки, у меня в подвале их еще полсотни. Или, может, лучше оставить эту здесь?

— В качестве пугала?

— Ну да. Не пропадать же добру. — Он понизил голос. — Таннер, есть дело. Сегодня вечером нам с тобой надо прогуляться.

— Сегодня? — Было уже поздно, но у Кагуэллы довольно странный распорядок дня. — Собираетесь поохотиться ночью?

— Я бы с удовольствием, но как-нибудь в другой раз. У нас будут гости. Нужно съездить и встретить их. В двадцати километрах отсюда, если ехать по старой дороге, есть прогалина. Вот туда ты меня и повезешь.

Я тщательно прикинул ситуацию, прежде чем задал следующий вопрос:

— Что за гости?

Он любовно погладил простреленную гамадриаду.

— Не совсем обычные.

Через полчаса мы покинули Дом Рептилий. Времени как раз хватило на то, чтобы Кагуэлла переоделся, причем именно как на охоту: рубашка и брюки цвета хаки, а сверху рыжеватая разгрузка с массой карманов. Осторожно попетляв среди руин, заросших лозой, которые разбросаны в окрестностях Дома Рептилий, я вывел наземное авто на старую дорогу — как раз там, где она уходила в лес. Еще несколько месяцев — и для подоб-

ных прогулок понадобятся огнеметы, просто чтобы расчистить проход. Джунгли быстро залечивают свои раны, даже если это рана в самое сердце.

Когда-то Дом Рептилий и его окрестности были частью зоопарка, построенного во время очередного перемирия. Оно продлилось всего лет десять, но тогда людям казалось, что война уже не возобновится. Иначе никто бы не стал строить зоопарк — сугубо гражданский объект, совершенно бесполезный с военной точки зрения. Идея заключалась в том, чтобы разместить рядом земных и местных тварей, демонстрируя таким образом сходство и различие между Землей и Окраиной Неба. Но зоопарк так и не достроили. Ныне от него остался только Дом Рептилий, который Кагуэлла сделал своей резиденцией. Надо сказать, это был удачный выбор: здание без труда удалось превратить в неприступную крепость. Мой хозяин вынашивал честолюбивый замысел разместить в подвале коллекцию собственноручно пойманных животных. Главным элементом экспозиции должна была стать взрослая гамадриада, за которой он сейчас охотился. В подвале уже содержалась молодая особь, так что Кагуэлле предстояло раскошелиться на постройку нового террариума, не говоря о расходах на доскональное научное исследование. Как содержать эту тварь, пока было неизвестно, поскольку ее биохимия сильно меняется по мере созревания организма. Помимо этого, стены в доме были увешаны охотничьими трофеями Кагуэллы: шкуры, зубы, кости... Он держал змей не потому, что питал к ним нежные чувства, а просто демонстрировал их гостям как свидетельство своих талантов, — очевидно, что для поимки живой твари требуется несравненно больше ловкости, чем для того, чтобы просто выследить ее и пристрелить.

Ветви и лианы хлестали по корпусу машины. Я гнал по дороге, и визг турбин заглушал все звуки на многие мили вокруг.

— Что за гости? — спросил я в ларингофон.

Кагуэлла сидел рядом, но мог слышать мой голос лишь в наушниках, плотно прижимающих его уши к черепу.

— Скоро увидишь.

— Это их идея — встретиться на прогалине?

— Нет, моя.

— И они знают, какую поляну вы имели в виду?

— Им это не обязательно.

Он дернул головой вверх, и я рискнул поднять глаза. Когда полог леса ненадолго поредел, открывая небо, я увидел ослепительно-яркий треугольный клин, который висел у нас прямо над головой, — драгоценность, врезанная в небесный свод.

— Он следит за нами от самого дома.

— Не похоже на местные самолеты, — заметил я.

— Правильно, Таннер. Это субсветовик.

Через час езды сквозь заросли мы достигли выжженной прогалины. Она появилась несколько лет назад. Я бы не удивился, узнав, что целью упавшей сюда ракеты был Дом Рептилий: у Кагуэллы хватало врагов, чтобы подобная гипотеза выглядела правдоподобно. К счастью, большинство из них только догадывались о его местонахождении. Прогалина уже успела подрасти, но не настолько, чтобы помешать посадке летательного аппарата.

Звездолет беззвучно висел над нами, как летучая мышь. Он был дельтавидным; когда опустился ниже, мне удалось разглядеть на днище тысячи ярких теплоэлементов. При максимальной ширине пятьдесят метров, на вдвое более широкую поляну он мог приземлиться без проблем. Накатила волна тепла, затем я уловил слабейший гул.

Джунгли вокруг нас погрузились в молчание.

Дельтоид опустился еще ниже, с каждой вершины треугольника свисала элегантная перевернутая полусфера. Теперь аппарат держался на уровне верхушек деревьев. Я уже взмок от жары, а яркий свет невыносимо слепил глаза, вынуждая прикрываться рукой.

Затем сияние потускнело до кирпично-красного оттенка, и звездолет рухнул на площадку с высоты нескольких метров, словно перерезали невидимую нить. Полусферы мягко самортизировали, смягчая удар. Минуту стояла мертвая тишина. Затем из головной части аппарата, подобно языку изо рта, выскользнул трап. Бело-голубой свет, хлынувший из прямоугольного проема, превратил поляну в графический рисунок без полутонов. Боковым зрением я заметил каких-то тварей, они поспешно юркнули в темноту.

В этот момент в проеме появились две фигуры. Они показались мне похожими на веретена, поставленные вертикально.

Кагуэлла отстранил меня и зашагал к трапу.

— Вы собрались подняться на борт этой штуковины?

Мой хозяин обернулся. Сияние за спиной превращало его в черный силуэт.

— Да, черт побери. А ты пойдешь со мной.

— Но я никогда не имел дела с ультра.

— Что ж, теперь у тебя появился реальный шанс с ними познакомиться.

Оставив машину, я последовал за ним. У меня был пистолет, но не держать же его в руке — это выглядело бы глупо. Я сунул оружие за пояс и не прикоснулся к нему на протяжении всей нашей встречи.

Ультра молча поджидали наверху трапа, один из них со скучающим видом облокотился на люк. На полпути Кагуэлла опустился на колени и пошарил в траве. Я заметил нечто вроде мятой фольги, но не успел уделить должного внимания. Кагуэлла поторопил меня:

— Пошевеливайся. Они терпеливостью не славятся.

— Вот уж не думал, что на орбите болтается корабль ультра.

— Мало кто об этом знает. — Кагуэлла начал подниматься по трапу. — Они предпочитают не светиться. Им надо проверить кое-какие дела, которым противопоказана огласка.

Ультра оказались мужчиной и женщиной. Их тощие тела, почти лишенные мышц, были одеты в экзоскелеты — целую паутину аппаратов и протезов. Оба были бледны как покойники, а высокие скулы, черные губы и глаза, словно обведенные сурьмой, усиливали это сходство. Черные жесткие локоны были искусно уложены, образуя нечто вроде гадючьего гнезда. Руки у мужчины были из полупрозрачного материала, вроде матового стекла, пронизанные светящимися микросхемами и пульсирующими жилками фидеров, а в животе у женщины зияла продолговатая дыра.

— Не слишком на них пялься, — шепнул Кагуэлла. — Они это нарочно делают, зачаровывают своей внешностью. Профессиональный трюк. Бьюсь об заклад, эта парочка — самые чумовые особи в арсенале капитана.

— Похоже, капитан свое дело туго знает.

— Доверься мне, я имел дело с ультра. Вообще-то, они слабаки.

Мы поднялись по трапу. Женщина оторвалась от косяка, выпрямилась и уставилась на нас без всякого выражения.

— Вы Кагуэлла? — осведомилась она, разлепив тонкие губы.
— Ага, а это Таннер. Он со мной. Это не подлежит обсуждению.

Женщина осмотрела меня:

— Он вооружен.
— Разумеется, — подтвердил я, слегка раздраженный тем, что она разглядела под курткой пистолет. — А вы разве нет?
— У нас свои средства. Прошу вас подняться на борт.
— Пистолет не помешает?

Женщина усмехнулась — наконец-то хоть намек на эмоции.

— Пистолет — это несерьезно.

Едва мы очутились на борту, как трап втянулся и дверь закрылась. Обстановка напоминала больничную — все стерильно, пастельные тона и масса стеклянной аппаратуры. Вскоре я увидел еще двоих ультра. Они развалились на огромных лежанках, почти целиком погребенных под дисплеями и тонкими рычагами управления. Пилоты не носили одежды, у обоих была лиловая кожа и невероятно проворные пальцы, а на голове жесткие дреды, как у двух первых ультра, только погуще.

— Поднимай нас как можно мягче, Пеллегрино, — проговорила женщина с дырой в животе. — Мы же не хотим, чтобы гости вырубались и шлепнулись на нас.

— Уже взлетаем? — шепнул я.

Кагуэлла кивнул:

— Наслаждайся полетом, Таннер. Бери пример с меня. И не слушай всяких кретинов: пусть болтают, что я еще не скоро выберусь с этой планетки... и что со мной даже ультра не хотят иметь дела.

Нас проводили к паре свободных лежанок. Едва мы устроились на них и пристегнулись, как корабль взмыл. Сквозь прозрачные участки стен я видел, как прогалина в джунглях провалилась и превратилась в одинокое светящееся пятно. В отдалении, почти у горизонта, мерцало еще одно — Дом Рептилий. Остальные джунгли были черны, как океан.

— Почему вы выбрали для встречи эту поляну? — спросила женщина-ультра.

— Потому что приземляться на верхушки деревьев — это глупость.

— Я не о том. Мы могли бы оборудовать посадочную площадку в любой точке с минимальными затратами. Но эта про-

галина что-то для вас значила, верно? — Казалось, она просто проявляет праздное любопытство. — Мы просканировали ее на подлете. Под ней кое-что спрятано. Полость с границами правильной формы. Подземный зал, заполненный машинами?

— У каждого свои секреты, — буркнул Кагуэлла.

Женщина пристально посмотрела на него, потом махнула рукой, давая понять, что тема закрыта.

Корабль резко набрал высоту, и перегрузка вдавила меня в лежанку. Мне стоило нечеловеческих усилий — наверное, тщетных — притворяться, будто я не испытываю дискомфорта. Негромкий разговор спутников изобиловал техническим жаргоном — что-то о скорости воздушных потоков и векторах подъема. Те двое, что встречали нас, устроились на свои места, подсоединившись массивными серебристыми шлангами к какой-то аппаратуре — думаю, для стимуляции газообмена и кровообращения при перегрузке. Шаттл уже выбрался за пределы атмосферы, но подъем продолжался. Мы летели над дневной стороной планеты. Одета зелено-голубой дымкой, Окраина Неба выглядела хрупкой и обманчиво безмятежной. Наверное, такой она была в тот день, когда на орбите появился «Сантьяго». Ничто не говорило о том, что внизу идет война, — и лишь позже я разглядел у линии горизонта дым, похожий на комки черного кружева. Это горели нефтяные поля.

Я впервые наблюдал подобное. До сих пор мне не доводилось бывать в космосе.

— Беру курс на «Орвието», — доложил пилот, которого женщина называла Пеллегрино.

К нам быстро приближался главный корабль ультра — темный конус, массивный, точно спящий вулкан, и при этом удивительно изящный, длиной километра четыре. Типичный субсветовик, как называли ультра свои звездолеты, — стремительные, способные рассекать пространство на скорости, максимально приближенной к световой. У меня захватило дух. Устройства, обеспечивавшие полет этого корабля, превосходили любую технику, о которой я слышал на Окраине Неба и которую мог вообразить.

Для ультра наша планета была чем-то вроде хронокапсулы с результатами масштабных экспериментов по социальной инженерии, причем сохранившимися не лучшим образом. Здесь

можно увидеть образцы технологий и идеологий, безнадежно устаревших три или четыре века назад. Разумеется, вина за это лежала не только на нас. Когда в конце двадцать первого века Флотилия покидала Меркурий, ее корабли были оборудованы по последнему слову техники. Но путь до системы Суона занял целых полтора века. За этот срок в Солнечной системе произошел технологический прорыв, но для Флотилии время застыло.

К той поре, когда колонисты высадились на Суоне, уже были изобретены звездолеты, чья скорость приближалась к световой. В сравнении с их перелетами путешествие Флотилии выглядело жалким актом самоистязания.

Наконец волна прогресса докатилась и до нас. Субсветовые звездолеты приземлились на Окраине Неба. Их базы данных содержали сведения, достаточные для того, чтобы мы сравнялись с остальным населенным космосом, — стоило только захотеть.

Но у нас шли междоусобные войны.

Мы понимали, чего можно достичь, но нам не хватало времени и ресурсов на преодоление технологического отрыва от других колоний, не хватало средств на приобретение новинок у путешествующих торговцев. Раскошеливались мы лишь в тех случаях, когда наши приобретения можно было напрямую применить в целях обороны и нападения, и даже на этом едва не разорились. Вот уже почти сто лет мы по-прежнему бросали в бой пехоту, танки и реактивные истребители, уничтожали друг друга при помощи химических и ядерных бомб и даже не мечтали о таких дарах технического прогресса, как боевые излучатели частиц или наноэлектронные устройства.

Неудивительно, что ультра относились к нам с плохо скрываемым презрением. По сравнению с ними мы действительно были дикарями и, что хуже всего, воспринимали такое положение дел как само собой разумеющееся.

Мы совершили посадку в ангаре «Орвието».

Внутри звездолет напоминал сильно увеличенную копию шаттла — тот же лабиринт извилистых переходов, те же постельные тона, тот же запах антисептика и стерильная чистота. Искусственная гравитация создавалась за счет того, что корабль вращался под собственной обшивкой. Гравитация была чуть

выше, чем на Окраине Неба: возникало ощущение, будто у тебя за плечами тяжелый рюкзак. Помимо всего прочего, субсветовик выполнял функции пассажирского лайнера. На борту уже находилось несколько аристократов, все были возбуждены и громко жаловались на неподобающие условия. Похоже, ультра это не волновало. Они получили с каждого пассажира кругленькую сумму — наивные простаки думали, что таким образом гарантируют себе прибытие в Пункт Назначения. Для ультра они все равно были дикарями, разве что почище и побогаче прочих аборигенов.

Нас провели к капитану.

Он сидел в огромном кресле — настоящий трон на подъемном кране. Целая система гибких приводов перемещала эту конструкцию по всему внутреннему пространству рубки. При нашем появлении несколько таких же кресел, только поменьше, предусмотрительно разъехались в стороны, и сидящие в них члены экипажа сделали вид, что изучают замысловатые диаграммы на дисплеях, вмонтированных в стены. Телескопический трап, огороженный низкими поручнями, на котором стояли мы с Кагуэллой, выдвинулся до центра рубки.

— Господин... Кагуэлла? — промолвил мужчина на троне. — Добро пожаловать на борт моего судна. Я капитан Орканья.

Капитан ненамного уступал в представительности своему кораблю. От шеи до колен он был облачен в блестящую черную кожу, которая незаметно переходила в голенища сапог с острыми носами. Руки, сложенные «пагодой» под подбородком, были обтянуты черными перчатками. Голова Орканьи торчала над высоким воротником черного мундира, гладкая, как яйцо, — в отличие от остальных членов своего экипажа он был абсолютно лыс. Его гладкое бесстрастное лицо вполне могло принадлежать ребенку... или покойнику, а голос был высокий, почти женский.

— А вы? — Он кивнул в мою сторону.

— Таннер Мирабель, — произнес Кагуэлла, не дав мне открыть рот. — Мой личный инструктор по безопасности. Таннер повсюду со мной. Это не подлежит...

— ...обсуждению. О да, понимаю. — Орканья рассеянно уставился перед собой на нечто, видимое ему одному. — Таннер Мирабель... да. Был солдатом, пока не перешел на службу

к Кагуэлле. Скажите откровенно, Мирабель: у вас действительно отсутствуют этические критерии или вам просто ничего не известно о человеке, на которого вы работаете?

— Его работа не требует мучиться бессонницей, — вновь ответил за меня Кагуэлла.

— А все-таки? Он бы мучился бессонницей, если бы знал?

Орканья снова взглянул на меня, но прочесть что-либо на его лице было невозможно. С равным успехом мы могли говорить с куклой, управляемой бестелесным разумом, который командовал кораблем через компьютерную сеть.

— Скажите, Мирабель... вам известно, что кое-кто считает вашего работодателя военным преступником?

— Только лицемеры, которые рады купить у него оружие, пока оно не досталось другим.

— Смертоубийство на равных — это куда лучше, чем альтернативный вариант, — произнес Кагуэлла.

Это была одна из его любимых сентенций.

— Но вы не только торгуете оружием, — сказал Орканья. Казалось, его глаза опять рассматривают невидимый дисплей. — Вы при этом еще грабите и убиваете. Документально подтверждено ваше участие как минимум в тридцати убийствах на Украине Неба, и все они связаны с черным рынком оружия. В трех случаях вы ответственны за продажу оружия, списанного на основании мирных договоров. Косвенным образом вы виновны в затягивании... я бы сказал, в повторном разжигании четырех-пяти местных территориальных споров, находившихся на стадии урегулирования. В результате вашей деятельности погибли десятки тысяч людей.

Кагуэлла попытался протестовать, но Орканья не позволил перебить себя:

— Вы человек, который руководствуется исключительно заботой о личной выгоде, абсолютно чуждый этике или незнакомый с фундаментальными понятиями о добре и зле. Вы одержимы коллекционированием рептилий, возможно, потому, что в них видите собственное отражение. В душе вы бесконечно тщеславны...

Орканья погладил подбородок и позволил себе вяло улыбнуться:

— Короче говоря, вы весьма похожи на меня... то есть на человека, с которым я могу иметь дело. — Его взгляд уперся

в меня. — Но вы, Мирабель, почему работаете на него? Судя по вашей биографии, у вас мало общего с Кагуэллой.

— Он мне платит.

— И это все?

— Он никогда не заставлял меня делать что-то против моей воли. Я действительно специалист по безопасности, я защищаю его и тех, кто рядом с ним. Я принимаю за него пули. Или лазерные импульсы. Иногда я заключаю сделки и встречаюсь с потенциальными поставщиками. Это действительно опасная работа. Но меня не касается, что происходит с оружием после того, как оно меняет владельцев.

— Мм... — Орканья коснулся рта кончиком мизинца. — А должно бы касаться.

Я повернулся к Кагуэлле:

— Есть смысл продолжать разговор?

— Еще бы! — рявкнул Орканья. — Потому что речь о торговой сделке, тупица. Иначе за каким чертом я рискую и терплю у себя на борту всякую планетарную заразу?

Прекрасно. Значит, у нас деловое совещание.

— Что вы продаете? — спросил я.

— Как обычно — оружие. Это единственное, что нужно от нас вашему хозяину. Таковы местные вкусы. Время от времени мои торговые агенты предлагают вашей планете технологии продления жизни, доступные в других системах, но каждый раз вы выбираете в пользу дерьма, которое служит прямо противоположным...

— Потому что за такую цену, что вы ломите за технику для продления жизни, можно скупить половину Полуострова, — перебил Кагуэлла. — Скажу сразу, для меня она неподъемная.

— Гм... — протянул Орканья, словно размышляя вслух. — А смерть — для вас подъемная цена? Впрочем, ваши похороны — это ваша забота. Только вот еще что: приглядывайте за товаром, который от нас получите. Будет крайне неприятно, если оружие снова попадет в плохие руки.

Кагуэлла вздохнул:

— Бывает, что террористы грабят моих клиентов. С этим я ничего не могу поделать.

Инцидент, о котором шла речь, случился месяц назад, но черный рынок Окраины Неба до сих пор гудел слухами. Я за-

ключил сделку с военной фракцией, которая существовала на вполне законных основаниях и посему соблюдала все официальные соглашения. Обмен был проведен по весьма замысловатой схеме через подставных лиц, так что Кагуэлле — первому звену этой цепочки — было обеспечено надежное прикрытие. Я лично присутствовал при передаче оружия. Обмен состоялся на прогалине в джунглях — наподобие той, где нас встретили ультра, — и на этом мое участие закончилось. Однако сведения о нашей сделке просочились наружу. В итоге члены другой фракции, не столь законопослушной, накрыли наших клиентов, когда те возвращались с товаром.

Кагуэлла окрестил напавших террористами, но это, откровенно говоря, было преувеличением. На войне, где правила боя и определения преступности меняются еженедельно, законную группировку от незаконной зачастую отличает лишь юридический статус. Союзы то и дело перезаклучались, истории войн постоянно переписывались, чтобы стороны предстали в должном свете. Большинство журналистов действительно называли Кагуэлла военным преступником, но лет через сто такие же люди, возможно, выставят его героем... а меня — его верным оруженосцем.

Чего только на свете не случается!

Однако последствия были куда более скверными, чем само происшествие. Через неделю с помощью похищенного оружия был почти полностью истреблен аристократический клан в Нуэва-Сантьяго.

— Подзабыл фамилию... кажется, Рейвичи, — сказал Кагуэлла. — Но послушайте: эти террористы были зверьем, я согласен. При случае я бы сделал из их костей мебель, а кожу пустил на обои. Но это не значит, что я оплакиваю Рейвичей. Они были достаточно богаты, чтобы свалить отсюда давным-давно. Вся эта планета — просто куча дерьма. Хочешь жить в безопасности — в твоём распоряжении вся Галактика.

— Наша разведка сообщила кое-что любопытное, — сказал Орканья. — Младший из Рейвичей, Арджент, жив, и он поклялся отомстить.

— Поклялся отомстить? Это что за баллада о доблестном рыцаре? — Кагуэлла вытянул вперед растопыренную пятерню. — Вот, смотрите, я уже весь дрожу.

— Это только слова, — вмешался я. — Если бы я счел, что стоит беспокоиться, вы бы об этом уже знали. Это также входит в мои профессиональные обязанности. Вам не стоит волноваться из-за каждого чудака, который точит на нас зуб.

— Но мы не считаем, что этот субъект всего лишь чудака, как вы выразились. — Орканья опустил глаза, словно решил полюбоваться своими черными перчатками, и поочередно, с тихим щелчком, распрямил пальцы. — Наша разведка полагает, что он... приобрел оружие у тех же южан, перебивших его семью. Оружие, которое излучает тяжелые частицы и с которым можно взять любой укрепленный пункт. Правда, в активном состоянии оно оставляет очень характерные следы. — Ультра сделал еще одну выразительную паузу и небрежно добавил: — Знаете, забавно: следы оружия ведут на юг Полуострова, к Дому Рептилий.

— Дайте мне координаты, — сказал я. — Встречусь с этим парнишкой и узнаю, что ему нужно. Может быть, он отстанет, получив еще несколько единиц. Если вообще считает нас поставщиками.

— Ну да, — фыркнул Кагуэлла. — Он считает меня торговцем винами. Брось, Таннер. И на этот раз ты можешь отдохнуть. Ты слишком хорош, чтобы возиться с гнидой типа Рейвича. Мух не бьют ядерными ракетами.

Он повернулся к Орканье:

— Так, говорите, он на севере? Как далеко, в какой местности?

— Разумеется, мы можем предоставить вам информацию.

— Вот же дерьмовый кровосос. — На миг лицо моего хозяина перекосилось, но он тут же расплылся в улыбке и ткнул пальцем в сторону ультра. — Вы мне нравитесь, честное слово. Этакая гнусная пиявка... Назовите цену. Можете не углубляться в подробности. Дайте позиционные координаты с точностью... допустим, сто километров. Иначе будет неинтересно.

— Черт побери, о чем вы думаете? — Мне было уже не до субординации. — Может быть, Рейвич сто раз любитель, но это ничего не значит. У него оружие, которым южане перебили весь его клан!

— Что ж, тем забавнее. Настоящее сафари. А заодно, может быть, поймает гамадриаду.

— Вы азартный человек, — с пониманием заметил Орканья.

И тут я понял: если бы не эта встреча, Кагуэлла действовал бы совсем иначе. У себя в Доме Рептилий он бы руководствовался логикой, а не эмоциями. Он не моргнув глазом приказал бы мне или кому-нибудь другому из своих людей убрать Рейвича, потому что тратить время на подобную мелочь действительно было ниже его достоинства. Но на нас глазели ультра, которые не должны были видеть его слабым. Они должны были увидеть хищника.

Позже, когда наступила развязка — когда наша операция провалилась, когда Гитта погибла вместе с Кагуэллой, а нас с Дитерлингом ранили, — я понял еще одну вещь.

Это была моя вина.

Если мне скажут, что я ни на что не годен, я соглашусь, потому что допустил ее гибель. И гибель Кагуэллы. Эти смерти — две части ужасного целого. А Рейвич ушел невредимым — и он по праву гордится собой, потому что у него на руках кровь человека, которому он поклялся отомстить, и его жены. Вообще-то, Рейвич надеялся, что Кагуэлла уцелеет, — у меня было больше шансов отправиться на тот свет. Если бы Кагуэлла выжил, его жизнь превратилась бы в кромешный ад. И это было бы для Рейвича настоящей победой — знать, что до конца своих дней Кагуэлле суждено оплакивать Гитту. Я не знаю, какими словами можно передать боль этой утраты. Думаю, Гитта была единственным существом во Вселенной, которое мой шеф любил.

Рейвич немного просчитался. Он отнял Гитту у меня.

Я хорошо помню, как смеялся Кагуэлла над клятвой Рейвича. От рыцарской доблести до абсурда — один шаг. Похоже, я его сделал. Я поклялся, что положу жизнь, но уничтожу Рейвича и отомщу за Гитту. Скажи мне тогда кто-нибудь, что моя смерть — неперемное условие его гибели, я бы спокойно пошел на такую сделку.

В Нуэва-Вальпараисо он проскользнул у меня между пальцами. Тогда мне пришлось сделать самый сложный выбор — или оставить Рейвича в покое, или последовать за ним за пределы планетной системы.

Сейчас, по прошествии времени, это не казалось чересчур сложным.

— Не помню каких-то особенных проблем с господином Рейвичем, — сказала Амелия. — У него была временная амнезия, но слабее вашей — она длилась всего несколько часов, а затем он начал приходить в себя. Душа хотела оставить его для осмотра имплантатов, но он настоял на том, чтобы улететь немедленно.

— Вот как? — Я изобразил удивление.

— Да. Один Бог знает, чем мы обидели его.

— Уверен, вы здесь ни при чем. — Интересно, что у него с имплантатами... но об этом я спрошу позже его самого. — Скорее всего, он уже на Йеллоустоне или где-то в окрестностях. Мне не хотелось бы терять его из виду. Развлекаться все-таки лучше вместе.

Она изучающе посмотрела на меня:

— Вы были друзьями, Таннер?

— Вроде того.

— Или компаньонами в путешествии?

— Можно сказать и так.

— Понятно.

Ее лицо было совершенно бесстрастным, но я догадывался, о чем она думает. Сомневаюсь, чтобы Рейвич упоминал о попутчиках. Соответственно, нашей дружбы не существовало в природе.

— Вообще-то, мы договаривались, что он меня дождетя.

— Наверное, ему не хотелось напрасно занимать лазарет. Может быть, остаточная амнезия... Конечно, мы могли бы с ним связаться. Это не просто, но мы стараемся присматривать за теми, кого оживляем, — на случай осложнений.

А еще и на случай, если кто-нибудь вознамерится отблагодарить «Айдлвилд» за гостеприимство... когда будет жить на Йеллоустоне, не нуждаясь в деньгах, но нуждаясь в нищенствующих для слежки за новоприбывшими.

— Благодарю вас, не стоит беспокоиться. Я предпочту встретиться с ним лично.

Она внимательно посмотрела на меня:

— Тогда вам стоит поискать его на планете.

Я кивнул:

— Понимаю, как важно сохранить конфиденциальность, но...

— Он собирался в Город Бездны. — Последние два слова Амелия изрекла с таким видом, словно речь шла о святотатстве или самой гнусной непристойности. — Это наше самое большое и самое старое поселение.

— Да, я уже слышал о Городе Бездны. А можно чуть подробнее? — Я старался говорить как можно мягче. — Хотя бы район назовите.

— Вряд ли я смогу помочь вам — он не сказал, куда именно направляется. Но можете начать с Полога.

— Полог?

— Я никогда там не бывала. Говорят, стоит посетить.

Я покинул хоспис на следующий день. Несомненно, до полного выздоровления было еще далеко, но дальше тянуть я не мог, иначе шанс напасть на след Рейвича упал бы до нуля. В моей памяти еще белели пятна, но и восстановленного было достаточно, чтобы действовать. Достаточно, чтобы приступить к выполнению моей задачи.

Когда я вернулся в коттедж, чтобы забрать свои вещи — документы, дареную одежду и полуразобранный алмазный пистолет, — мой взгляд сам собой устремился к той самой нише в стене, которая вызвала у меня такой панический страх в день пробуждения. Не могу сказать, что в коттедже спалось спокойно. Мои сны так или иначе были связаны с Небесным Хаусманном, что наглядно подтверждали пятна крови на простыне, которые я обнаруживал по утрам. Тогда я вспоминал разговор с Душой. Может быть, истинная причина моих страхов — индоктринационный вирус? Это он порождает у меня в мозгу те самые пресловутые структуры, а они создают лишние связи между мозговыми центрами. Но в этом я не был уверен.

Потом за мной зашла Амелия, и мы отправились вверх по длинной извилистой дорожке, поднимаясь все выше и выше на «небеса» — к оконечности одного из конусов. Подъем был почти незаметен, поскольку вес уменьшался с каждым шагом. Казалось, кто-то ведет меня под руку, увлекая вперед. Удивительная легкость восхождения вызвала эйфорию.

Минут десять-пятнадцать мы шли молча. Потом я спросил:

— Амелия, вы действительно были когда-то одной из нас?

— Вы имеете в виду — «спящей»? Да, но тогда я была совсем маленькой и едва умела говорить. На нашем корабле про-

изошла авария, больше половины архива погибло. Рейс был транзитный, в каждой планетной системе брали пассажиров... так что теперь никто никогда не скажет, откуда я прилетела.

— Значит, вы даже не знаете, где родились?

— Я могу только догадываться... Теперь мне уже все равно.

Подъем ненадолго стал круче, и Амелия вдруг устремилась вперед, обгоняя меня.

— Теперь мой мир здесь, Таннер. Он блаженно мал, но в этом тоже есть своя прелесть. И даже здесь еще много неведомого.

— Не знаю. Здесь, должно быть, очень скучно.

— Ничуть. Все постоянно меняется. — Она указала вдаль, на изгибающийся горизонт обители. — Видите водопад? Он не всегда здесь находился. А внизу когда-то была деревушка, но теперь мы создали там озеро. И так все время. Меняем конфигурацию дорожек — это чтобы не допустить эрозию... Каждый год мне приходится заново учить карту. У нас есть времена года. Случается, что урожай не очень хорош, зато в другой раз Господь посылает нам изобилие. Всегда происходит что-нибудь интересное. К нам постоянно прибывают новые люди — и некоторые из них вступают в орден... — Она понизила голос. — И к счастью, не все они похожи на брата Алексея.

— Паршивая овца всегда найдется.

— О да. Знаю, что не следовало бы так говорить, но... получив от вас эти уроки, я почти уверена, что справлюсь с Алексеем. Даже надеюсь слегка, что он еще раз попробует.

Как я понимал ее чувства!

— Сомневаюсь, что он примется за старое... но не хотел бы оказаться на его месте.

— Я буду с ним ласкова, не волнуйтесь.

Последовала напряженная пауза. Мы преодолели последний склон у оконечности конуса. Наверное, я весил раз в десять меньше, чем в коттедже, но пока еще не взлетал, хотя, кажется, был к этому близок. Впереди, среди спутанной поросли — при низкой гравитации деревца приобретали самые причудливые формы, — пряталась предусмотрительно замаскированная бронированная дверь — вход в помещение.

— Вы в самом деле хотите улететь? — спросила Амелия.

— Чем быстрее я попаду в Город Бездны, тем лучше.

— Вряд ли, Таннер, вы хорошо представляете себе, что вас там ожидает. Жаль, что не хотите остаться с нами еще ненадолго, мы бы подготовили вас к... — Она смолкла, очевидно понимая, что я не поддамся на уговоры.

— Не беспокойтесь, постепенно я все вспомню. — Я улыбнулся, проклиная себя за эту ложь... но иного пути не было. — Спасибо за доброту, Амелия.

— Мне это было приятно, Таннер.

— Вообще-то... — я осмотрелся в поисках соглядатаев, но мы были одни, — буду рад, если вы кое-что от меня примете.

Из кармана брюк я вынул полностью собранный заводной пистолет:

— Лучше не спрашивайте, почему он был при мне. Но я в нем больше не нуждаюсь.

— Не думаю, что могу принять такой подарок.

— Тогда конфискуйте его. — Я втиснул пистолет ей в ладонь.

— Пожалуй, так и сделаю. Он исправен?

Я кивнул. Вдаваться в подробности не было необходимости.

— Он поможет вам, если попадете в настоящую переделку.

Она спрятала пистолет:

— Я его конфискую. — Она пожала мне руку. — Вот и все. Храни вас Бог, Таннер. Желаю вам отыскать друга.

Я отвернулся, надеясь, что она не увидела нового выражения на моем лице.

ГЛАВА 9

Я шагнул за бронированную дверь. При виде коридора с полированными стальными стенами я понял, что отныне романтический «Айдлвилд» будет для меня лишь искусственной конструкцией, вращающейся в вакууме, и ничем больше. Далекий плеск крошечных водопадов сменился гулом вентиляторов и силовых генераторов. В воздухе появился характерный запах больницы, которого не было минуту назад.

— Господин Мирабель? Нам сообщили, что вы улетаете. Пройдите сюда, пожалуйста.

Двое нищенствующих уже поджидали меня. Один из них жестом предложил идти следом по коридору; при каждом шаге нас подбрасывало, как на пружинах. Достигнув конца коридора, мы сели в лифт. За коротким подъемом к истинной оси вращения «Айдлвилда» последовал долгий путь в горизонтальной плоскости, к выходу на поверхность, к точке нашего назначения. К моей несказанной радости, за все это время никто из спутников не раскрыл рта. Похоже, все темы для разговоров со «слякотью» нищенствующие исчерпали давным-давно; им заранее известно, что я отвечу на тот или иной вопрос, поскольку это уже повторялось десятки раз.

А если спросят, чем я собираюсь заняться, а я скажу правду? Чем? Вообще-то, собираюсь кое-кого пришить.

Наверное, стоило так ответить хотя бы ради того, чтобы посмотреть на их физиономии. Но тогда эти ребята, пожалуй, еще примут меня за параноика, которого слишком рано выпустили на волю.

Тем временем лифт покинул внутренности «Айдлвилда» и заскользил по прозрачной трубке. Сила тяжести почти исчезла, и нам пришлось зацепиться руками и ногами за мягкие скобы, вшитые в стены лифта. Нищенствующим это удалось без труда, и они со спокойным изумлением наблюдали мои неловкие попытки «встать на якорь».

Впрочем, вид снаружи стоил усилий.

Теперь я отчетливее разглядел теснящуюся у причала стайку кораблей — то, что два дня назад показывала мне Амелия. Каждый из этих серебристых осколков на самом деле был величиной почти с «Айдлвилд», но на таком расстоянии казался миниатюрным и сливался с массой себе подобных. То и дело весь рой озарялся фиолетовым сиянием — один из звездолетов включал двигатели малой тяги, отделялся от остальных и лениво описывал дугу. Этот маневр мог быть данью этикету, сменой позиции или просто попыткой избежать столкновения. Зрелище завораживало своей красотой. Как можно не восхищаться этим творением рук человеческих — хрупкими песчинками, которые готовы потеряться в бескрайнем пространстве, но все равно бросают вызов расстоянию и времени? И не важно, будет ли то парусник, борющийся со штормовыми волнами, или звездолет с алмазным корпусом, который наперегонки со светом мчится от звезды к звезде.

Между скоплением кораблей и «Айдлвилдом» я заметил пару более ярких мазков. Это могли быть транзитные шаттлы, а возможно, подходили новые звездолеты.

Вблизи сужающийся конец «веретена» «Айдлвилда» казался ажурным. Причалы, ремонтные доки, карантинные и медицинские зоны образовывали сложнейший трехмерный лабиринт. Кругом болталась примерно дюжина разнокалиберных кораблей, и еще несколько стояли «на привязи» у хосписа. Большей частью это были маленькие служебные суда на реактивной тяге — чаще всего нищенствующие использовали их для внешних ремонтных работ. Среди них выделялись две посудины покрупнее, но и они казались карликами в сравнении с любым субсветовиком на главном причале.

Первый был обтекаемой формы и напоминал акулу, — скорее всего, он предназначался для спуска в атмосферу. На гладком корпусе, черном, словно всасывающем свет, ярко серебрилась эмблема — гарпия и nereida. Я сразу узнал шаттл, доставивший меня с вершины моста Нуэва-Вальпараисо на «Орвието» после нашего спасения. Шаттл был прикреплен к «Айдлвилду» прозрачной «пуповиной», внутри которой я увидел медленно движущийся поток «спящих». Они все еще были «холодными», то есть находились в криогенных капсулах. По всей длине пуповины проходила судорога компрессионной волны. В этом было что-то непристойное — шаттл словно откладывал яйца...

— Все еще разгружают? — спросил я.

— Нужно очистить еще несколько отсеков трюма со «спящими», и корабль освободится, — пояснил нищенствующий.

— Держу пари, вид этой «слякоти» у вас энтузиазма не вызывает.

— Мы не ропщем, — отозвался второй весьма унылым тоном. — На все воля Божья.

Корабль, к которому направлялся наш лифт, сильно отличался от шаттла. Я бы сказал, что это просто груда хлама, которой каким-то образом придали устойчивую форму и пустили дрейфовать. Похоже, она не разлетелась по всей планетной системе только потому, что висела неподвижно.

— Я лечу на этой развалине?!

— «Стрельников» — хороший корабль, — возразил нищенствующий. — Не волнуйтесь, он куда надежнее, чем кажется.

— Или куда ненадежнее? — вмешался его спутник. — Я все время путаю, брат.

— Я тоже. Может быть, проверим?

Он полез в складки своей хламиды. Не знаю, чего я ожидал, но только не появления на свет деревянной дубинки. Она была явно сделана из черенка садового инструмента и имела на узком конце кожаную петлю, а на другом, широком — несколько любобпытных царапин и пятен. Второй нищенствующий вцепился в меня сзади, а его коллега принялся методично отрабатывать удары на моей физиономии. Я почти не мог сопротивляться: эти парни чувствовали себя в невесомости как рыба в воде, да и силы им было не занимать. Похоже, обошлось без переломов, но после этой «процедуры» я еле видел одним глазом, во рту плескалась кровь с кусочками зубной эмали.

— И как это понимать? — прошепелявил я, чувствуя себя полным идиотом.

— Прощальный подарок от брата Алексея, — пояснил нищенствующий, убирая дубинку. — Ничего серьезного, господин Мирабель. Чтобы вы запомнили и впредь не лезли в наши дела.

Я выплюнул кровавый сгусток. Пунцовый шар, сохраняя форму, проплыл от одной стенки к другой и аккуратно размазался по светлomu пластику.

— Не видать вам моего пожертвования как своих ушей, — сказал я.

Они посоветовались, не добавить ли тумачков, но сочли за лучшее отпустить меня без серьезных неврологических травм. Возможно, побаивались сестры Души. Я попытался выразить свою признательность, но получилось не слишком искренне.

Тем временем подъемник приближался к «Стрельникову». В такой перспективе несчастная посуда выглядела еще менее выигрышно. Она действительно напоминала брикет мусора длиной метров двести. Множество жилых, контрольных и двигательных модулей были слеplены непонятно как. В глубине проглядывали изгибы топливных трубопроводов и желудкообразные цистерны, навевая воспоминания об анатомичке, конкретно — о вскрытой брюшной полости. От корпусной обшивки осталось несколько пластин с рваными краями. Одни блоки были покрыты блестящей оболочкой, похожей на смолу, и могли

даже претендовать на аккуратность, а другие щеголяли кое-как приваренными металлическими заплатами, за которые местным ремонтникам следовало бы оторвать руки. Из шести-семи отверстий непрерывно струился газ, но это, кажется, никого не волновало.

Ладно, пусть выглядит как угодно, лишь бы по дороге это ископаемое не развалилось. Скорее всего, «Стрельников» уже сто раз летал в Блισταющий Пояс — конгломерат анклавов на низкой орбите Йеллоустона — и обратно. Вокруг Окраины Неба выполнялись десятки подобных операций. Скорость на этом маршруте почти не меняется — соответственно, нагрузка на детали минимальна. Корабль может сто лет ползать вверх-вниз по гравитационному колодцу, пока не развалится на куски, наполнив пространство зловещими дрейфующими скульптурами. На пару пилотов-суперпрофи, которые гоняют шикарные шаттлы по скоростным маршрутам, приходится несколько ребят классом пониже. Чем проще транспортная фирма, тем заметней изношенность кораблей — здесь принято экономить на ремонте, да и вообще на чем только можно. В самом низу этой пирамиды находятся транспорты на реактивной или ионной тяге. Неторопливость, с которой они перемещаются между орбитами, способна вымотать нервы любому. «Стрельников», конечно, не был воплощением изящества и комфорта, но по сравнению с этими развалюхами выглядел весьма недурно.

В любом случае это был самый быстрый способ оказаться в Блισταющем Поясе. Скоростные шаттлы проходили маршрут куда резвее, но корабли такого типа даже не приближались к «Айдлвилду». Не надо быть спецом в экономике, чтобы понять причину. Большинству клиентов хосписа едва хватало средств, чтобы оплатить собственное оживление, не говоря уже о перелете в Город Бездны. Мне предстояло добраться до того причала с множеством кораблей и заказать билет на шаттл — без гарантии, что свободное место найдется сразу. Амелия отговорила меня садиться на скоростной летательный аппарат. По ее словам, таких теперь очень мало (а сколько их было раньше, я спросить не успел) и ожидание сведет выигрыш во времени в лучшем случае до минимума.

Наконец лифт достиг соединительного прохода на «Стрельников», и мои друзья-нищенствующие снова стали воплощени-

ем благожелательности. Теперь они расплывались в улыбках, словно синяки на моем лице были всего лишь психосоматическим проявлением вируса Хаусманна, а эти двое здесь совершенно ни при чем.

— Желаем удачи, господин Мирабель. — Нищенствующий с дубинкой весело махнул мне рукой.

— Спасибо. Я вышлю открытку. А может быть, вернусь и расскажу, как прошло путешествие.

— Это было бы чудесно.

Я выплюнул последний кровавый сгусток.

— Уверен, вы меня дождетесь.

Впереди на борт загоняли стайку будущих иммигрантов, сонно бормочущих что-то на незнакомых наречиях. Потом нас долго вели через запутанный лабиринт узких лазов, пока мы не очутились в «ступице», глубоко в утробе «Стрельникова», где нас распределили по маленьким каютам. Спуск к Блистающему Поясу начался.

Добравшись до своего отсека, я почувствовал себя усталым и больным — зверь проиграл схватку и уполз к себе в берлогу зализывать раны. Какая удача, что у меня не оказалось соседей по каюте! Здесь не было благоухающей чистоты, равно как и особенной грязи, — некое промежуточное состояние легкой запущенности и неряшливости. На «Стрельникове» не поддерживали искусственную гравитацию — тоже великолепно. Разумеется, это делалось с единственной целью не перегружать конструкцию, но кабинка была оборудована специальной нуль-койкой и всевозможными питающими и санитарными удобствами, необходимыми в условиях невесомости.

Кроме того, я обнаружил любовно сохраненный сетевой пульт, который словно перекочевал сюда из музея кибернетики; на все свободные места были наклеены бумажки, заляпанные и поблекшие, с подробными инструкциями относительно того, что можно и чего нельзя делать на борту, а также план аварийной эвакуации. Время от времени в системе громкой связи раздавался щелчок, и кто-то в очередной раз с ужасным акцентом сообщал, что отправление корабля задерживается. Наконец содержание сообщения изменилось: нас поставили в известность, что корабль покинул «Айдлвилд», двигатель вклю-

чен и мы спускаемся. Старт был таким мягким, что я даже не заметил.

Избавившись от осколков зуба во рту и тщательно исследовав болезненные синяки — прощальный подарок нищенствующим, — я постепенно погрузился в сон.

ГЛАВА 10

В тот день, когда проснулся пассажир, мир еще раз необратимо изменился.

Небесный в сопровождении двух его лучших друзей ехал в служебном вагончике, который с грохотом катился вдоль «хребта» «Сантьяго» по одному из вспомогательных тоннелей, пронизывающих корабль от носа до кормы. Состав полз по рельсам как улитка, то и дело останавливаясь, чтобы позволить экипажу выгрузить припасы либо дожидаться, пока другой поезд не освободит тоннель впереди. Как обычно, спутники Небесного коротали время, рассказывая небылицы и бахвалясь друг перед другом. Небесному доставалась роль зануды, который не способен веселиться вместе с остальными и потому изо всех сил стремится испортить им настроение.

— Мне вчера Вильетти такое рассказал! — крикнул Норкинко, стараясь перекрыть грохот поезда. — Сам он в это не верит, а другие верят! И дело касается Флотилии.

— Валяй, а мы посмеемся, — откликнулся Небесный.

— Простой вопрос: сколько кораблей было изначально, до гибели «Исламабада»?

— Разумеется, пять, — ответил Гомес.

— А если не пять? А вдруг шесть? Один взорвался — нам это известно. Но какой? Может быть, как раз «Исламабад» уцелел?

— А почему мы его не видим?

— Потому что он не подает сигналов. Он преследует нас, как призрак.

— Весьма убедительно, — фыркнул Небесный. — А у этого призрака, случайно, не было имени?

- Что касается имени, то...
- Я так и знал.
- Говорят, «Калеуче».

Небесный вздохнул. Путешествие, похоже, будет еще то. Когда-то много лет назад они втроем считали железнодорожную сеть корабля местом для игр — увлекательных и в меру опасных. Это была удивительная страна, где оживали истории о привидениях и приключениях. Там были заброшенные тоннели, которые ответвлялись от основной линии, — по слухам, они вели к засекреченным грузовым отсекам. По одной из версий, там находились тайники со «спящими», которых переправили на борт нелегально в последние минуты перед отлетом, потому что это были члены правительств-соперников. Небесный и его друзья знали места, где можно, подзадоривая друг друга, забираться на крышу поезда и ехать, едва не обдирая спину о потолок тоннеля. Сейчас он, повзрослевший, вспоминал эти игры с лукавым изумлением, отчасти гордясь былым риском, отчасти ужасаясь грозившей им тогда кошмарной смерти.

С тех пор прошла целая жизнь. Теперь их действия куда более серьезны — они выполняют нужную работу для корабля. Его ресурсы на исходе, и все члены экипажа вынуждены лезть вон из кожи. Небесному и его друзьям поручено сопровождать грузы для бригад, работающих на «хребте» и в двигательном отсеке. Обычно это включало помощь при разгрузке, после чего груз приходилось тащить через узкие переходники и спускать по эксплуатационным шахтам туда, где он был необходим. В общем, работа оказалась далеко не такой простой, как они думали поначалу. Редкая смена обходилась без свежих царапин и синяков. Зато постоянные нагрузки помогли обзавестись великолепной мускулатурой — в других условиях на это можно было даже не надеяться.

Необычная у них сложилась компания. Гомес мечтал работать в двигательном отсеке, в этом тайном ордене техников, обслуживающих силовые установки. То и дело он загонял поезд в корму и даже шептался с кем-нибудь из тамошних спецов, пытаясь произвести на него впечатление своим знанием нюансов герметизации и прочих секретов теории аннигиляторных двигателей. Временами, наблюдая за этими беседами, Небесный замечал: не всегда техники разбивали в пух и прах вопросы и от-

веты Гомеса. Изредка они даже выказывали сдержанное удивление и намекали, что однажды Гомесу будет позволено вступить в их тишайшее братство.

Норкинко был человеком совсем другого типа. Он умел с безоглядной одержимостью погружаться в любую проблему. Его могло увлечь что угодно, лишь бы явление было достаточно сложным и многоплановым. Он самозабвенно составлял списки и классификации, а серийные номера и схемы были наполнены для него глубоким очарованием. Неудивительно, его как магнитом тянуло к чудовищно сложной компьютерной «нервной системе» «Сантьяго», которая пронизывала своими жилами корабль, бесконечно ветвясь. Содержащаяся в ней информация постоянно менялась, переписывалась, подобно древним палимпсестам, — начиная со старта корабля и до недавнего аварийного сбоя систем. Для большинства взрослых, находящихся в здравом уме, понять работу хотя бы одного крошечного сегмента этой сети — уже подвиг! А Норкинко был заморожен ее бесконечным многообразием. По мнению многих, это граничило с патологией, а кое-кому внушало страх. Техники, которые занимались сетью, на протяжении поколений отрабатывали способы устранения неполадок — и тут кто-то пытается объяснить им, как решить те же проблемы более эффективно! «Это оставит нас без работы» — таков был самый вежливый ответ неугомонному Норкинко. После чего он некоторое время держался подальше от сетевиков, чтобы не нарываться на неприятности, и путешествовал вместе с Небесным и Гомесом.

— «Калеуче», — повторил Небесный. — Интересно, что бы это значило.

— Еще бы не интересно. — Презрительные нотки в голосе Небесного, похоже, заделли Норкинко. — Мои предки родом с одного острова. Так вот, там очень любили истории о привидениях. В том числе и о «Калеуче».

Норкинко уже увлекся, его обычные нервные интонации почти исчезли.

— И ты хочешь поведать эту историю нам, да?

— Это был морской корабль-призрак.

— Забавно, а я бы не догадался.

— Пожалуйста, заткнись и дай послушать, — оборвал Гомес.

Норкинко продолжал:

— Ночами до берега нередко долетали звуки аккордеона. Иногда «Калеуче» даже заходил в порт или брал матросов с других кораблей. На его борту пировали мертвецы, и этот пир никогда не кончался, а команда состояла из колдунов — брухо. Они окутали «Калеуче» облаком, которое двигалось вместе с ним. Иногда люди видели корабль, но не могли к нему приблизиться. Он погружался в волны или превращался в скалу.

— Так, значит, этот корабль так и не удалось рассмотреть как следует, потому что его скрывало облако, и он мог заодно превращаться в камень, когда к нему приближались? Ну просто чудо из чудес, Норкинко.

— Небесный, я же не говорю, что это действительно был корабль-призрак, — обиженно отозвался Норкинко. — Но сейчас... как знать? Сколько мифов описывают то, что потом становится реальностью.

— Так-то оно лучше.

— Да ладно тебе, — сказал Гомес. — Что ты прицепился к этому призраку? А вот кое в чем Норкинко прав. Вполне мог быть шестой корабль, но со временем про него просто забыли.

— Ну, допустим. Хотя, по мне, это просто корабельная байка. Помирающий от скуки экипаж насочинял мифов, чтобы придать какой-никакой смысл своей жизни. Я не стану с вами спорить.

Небесный умолк — поезд свернул в боковой тоннель и загромыхал по индукционным рельсам.

Теперь они приближались к корпусу, и сила тяжести начала расти.

— А я знаю, в чем проблема, — усмехнулся Норкинко. — Это из-за папаши твоего, да? Ты не желаешь верить ни во что такое, потому что твой отец — большой начальник. У тебя в голове не укладывается, что он ни сном ни духом о настолько важных вещах.

— А может, он знает — это тебе в голову не приходило?

— Так ты допускаешь, что шестой корабль на самом деле может существовать?

— Вообще-то, нет.

— Ну а я готов поверить, что шестой корабль был! — разгорячился Гомес. — Если смогли отправить пять кораблей, вели-

ка ли сложность добавить шестой? Корабли набрали крейсерскую скорость, потом, скажем, случилась авария... ну, или еще какая-нибудь беда. Это могла быть случайность, могла быть диверсия — не важно. Но шестой корабль, по сути, погиб. То есть он до сих пор летит по инерции, но там все заброшено, экипаж мертв, «спящие», наверное, тоже. Системы не работают, так что остаточной энергии вполне хватит на то, чтобы антивещество не разгерметизировалось.

— И о нем просто забыли? — спросил Небесный.

— Если другие экипажи приложили к этому руку... Что стоило поработать в архивах Флотилии? Лучший способ уничтожить улики — это скрыть сам факт существования жертвы. Экипаж мог дать клятву, что его потомки — то есть наши предки — никому ничего не расскажут.

Гомес с жаром добавил:

— Поэтому нашему поколению достались только слухи — реальные события наполовину забылись и обросли легендами.

— Именно так, — кивнул Норкинко.

Небесный покачал головой. Спорить было бесполезно.

Поезд остановился в грузовом отсеке, который обслуживал один из сегментов «хребта». Все трое осторожно вышли, с хрустом припечатывая липкие подошвы ботинок к настилу. Сила тяжести почти не ощущалась, поскольку отсек находился у самой оси вращения. Предметы падали на пол, но как будто нехотя, а слишком энергичный шаг мог запросто обернуться чувствительным ударом головой о потолок.

Таких отсеков было множество, и они использовались в основном для обслуживания момио. К каждому сегменту «хребта» присоединялись шесть модулей со «спящими» — в каждом по десять индивидуальных криокапсул. Однако к самим модулям вагонетки не подходили. Дальше почти все оборудование и материалы приходилось доставлять вручную по снабженным лестницами эксплуатационным шахтам и извилистым узким переходам. Хотя на корабле были грузовые лифты и роботы-доставщики, без крайней нужды ими старались не пользоваться. Технику приходилось регулярно ремонтировать, а роботы давно нуждались в перепрограммировании. Даже простейшие задания приходилось повторять по слогам, словно слабоумному

ребенку, — проще выполнить работу самому. По этой причине в отсеках околачивалась толпа техников. Обычно они стояли со скучающим видом, облокотясь о штабель поддонов, и покуривали самодельную сигарету или постукивали стилусом по компаду, тщетно пытаясь изобразить напряженную работу мысли. Заняться действительно было нечем. По уставу техникам полагалось носить синие комбинезоны с секционными знаками отличия. Однако они украшали форму живописными прорезами или аккуратно обшитыми разрезами, чтобы демонстрировать грубые татуировки. Небесный, разумеется, знал их всех в лицо — на корабле, где сто пятьдесят человеческих существ живут бок о бок, это неизбежно. Но он едва ли помнил их имена, не говоря уже о том, что не представлял, чем эти люди занимаются в досуге. Закончив смену, техники предпочитали собираться в отведенных им помещениях на «Сантьяго» и общаться только внутри своего круга — вплоть до заключения браков и зачатия детей. В этом кругу говорили на особом, тщательно засекреченном жаргоне.

Но сегодня что-то неуловимо изменилось.

Никто не слонялся по помещению, изображая занятость. Да и вообще здесь было на удивление малолюдно. Те, кто остался, явно нервничали, словно ожидали сигнала тревоги.

— Что случилось? — спросил Небесный.

Но человек, который осторожно вышел из-за ближайшего контейнера с оборудованием, не был техником. Остановившись, он оперся о хромированное плечо присевшего робота-разносчика; лоб блестел от пота.

— Отец? — произнес Небесный. — Что ты здесь делаешь?

— Я бы тебе задал тот же вопрос, если бы не догадывался, что ты занимаешься своей текучкой.

— Так и есть. Разве я не говорил, что мы иногда работаем на поездах?

Тит казался рассеянным.

— Да... говорил. Прости, вылетело из головы. Небесный, помоги людям разгрузить оборудование, а потом убирайся отсюда вместе со своими друзьями.

— Не понимаю. — Небесный взглянул на отца.

— Просто выполняй. — Тит повернулся к ближайшему технику, заросшему бородой типу, который стоял рядом. Его скрещенные на груди лапищи с буграми мышц напоминали окоро-

ка. — То же самое относится к тебе и твоим людям, Ксавьер. Убери отсюда всех лишних, и подальше. Мне необходимо эвакуировать всю двигательную секцию.

Он отдернул рукав и что-то зашептал в свой браслет. Скорее всего, рекомендации, подумалось Небесному, но Старик Бальказар обязательно последует совету Тита Хаусманна. Затем отец снова повернулся к Небесному и удивленно поднял брови:

— Сынок, кажется, я велел тебе пошевеливаться? Это не шутка.

Норкинко и Гомес не торопясь проводили двух техников к ожидающему поезду, вскрыли одну из грузовых упаковок и принялись извлекать аппаратуру, царапая о стенки контейнера костяшки пальцев. Техник принял груз, передал следующему... Ящики плыли по рукам, покидали отсек и уходили на нижние уровни, к капсулам «спящих».

— Папа, что случилось? — спросил Небесный.

Он ждал, что отец начнет ему выговаривать, но Тит только качнул головой:

— Не знаю. Пока еще не знаю. Но с одним из пассажиров что-то не так, и это меня слегка беспокоит.

— А в чем дело?

— Чертов момио просыпается. — Отец промокнул платком лоб. — Этого не должно было случиться. Я спускался к ним в отсек и все равно не понял, в чем причина. И это меня нервирует, вот почему я хочу очистить помещение.

Что за чудеса, подумалось Небесному. Никто из пассажиров прежде не просыпался, а некоторые, наверное, совсем умерли.

— А почему это плохо, папа?

— Да всего лишь потому, что им не положено просыпаться. Если это происходит, значит так было запланировано с первого дня. Еще до того, как мы покинули Солнечную систему.

— Но зачем очищать зону?

— Я это делаю, потому что мой отец, твой дед, кое о чем меня предупреждал. А теперь выполняй приказ: разгрузи состав и сматывайся отсюда к чертям, понял?

В этот момент еще один поезд вкатился в отсек с противоположной стороны и стал впрыток к тому, на котором прибыл Небесный. Из вагонетки вышли четверо охранников, подчиненных Титу, — трое мужчин и женщина — и начали облачаться

в пластиковые доспехи, слишком громоздкие, чтобы путешествовать в них на поезде. Это были силовики корабля практически в полном составе, и полиция и армия; выполняли они и другие обязанности.

Проследовав вдоль поезда, отряд разгрузил стойки с блестящими белыми автоматами; действовали при этом охранники с нервной осторожностью. Отец всегда твердил Небесному, что оружия на борту нет, но это звучало не слишком убедительно.

Со многими аспектами деятельности корабельных охранников Небесному хотелось познакомиться получше. Эта маленькая сплоченная и эффективная команда вызывала у него настоящий восторг. Но ему никогда не работать вместе с отцом. По сему поводу Тит дал юноше убедительное объяснение: начальник не может оставаться беспристрастным и справедливым, руководя собственным сыном, независимо от способностей того. От этого пилюля не стала слаще. В результате задания, которые отец поручал Небесному, никоим образом не касались вопросов безопасности. Данная ситуация не должна и не может измениться до тех пор, пока Тит возглавляет силовиков, и оба это понимали.

Небесный присоединился к своим друзьям, чтобы помочь с выгрузкой припасов. Юноши работали быстро, без привычной ленцы. Они нервничали. Здесь и впрямь происходило нечто необычное: не в правилах Тита Хаусманна придумывать проблеме на пустом месте.

То и дело Небесный поглядывал на охранников.

Уже натянув на бритые головы матерчатые подшлемники, они постукивали по микрофонам, проверяли переговорные устройства на разных частотах. Затем извлекли из вагонетки бронированные шлемы, надели их, а сверху прикрепили опускающиеся монокуляры. От шлема к автомату тянулся тонкий черный шнур — чтобы прицелиться, достаточно посмотреть в сторону противника. Вдобавок шлем был оборудован инфракрасным и звуковым датчиками, которые могли пригодиться в тусклом освещении нижних уровней.

Закончив возиться со своей техникой, охранники подошли к Хаусманну-старшему, и тот быстро и деловито отдал им какие-то указания. Небесный пытался читать по его губам. В при-

сутствии подчиненных отец выглядел абсолютно спокойным. Иногда он скупно взмахивал рукой или кивал. С тем же успехом он мог декламировать детский стишок. Даже пот у него на лбу, похоже, высох.

Вскоре Тит Хаусманн отпустил подчиненных, вернулся к поезду, на котором прибыл Небесный, и достал из вагонетки еще один автомат, для себя. Ни брони, ни шлема — только оружие, такое же ослепительно-белое, как у других. Оно было снабжено серповидным магазином и каркасным прикладом. В движениях отца читалось его отношение к оружию: никакой фамильярности, лишь спокойное уважение. Так человек обращается с ядовитой змеей, из которой только что выдоил яд.

И все это из-за единственного проснувшегося пассажира?

— Папа, — произнес Небесный, понимая, что отвлекает отца, — что на самом деле случилось?

— Тебе не о чем волноваться, — отозвался Тит.

Взяв с собой троих охранников, он оставил четвертого стеречь грузовой отсек. Группа исчезла в одном из вспомогательных колодцев, ведущих к отсекам «спящих». Некоторое время оттуда доносился, постепенно стихая, звук их шагов. Убедившись, что отец его не услышит, Небесный подошел к часовому:

— Что происходит, Констанца?

Она резко подняла монокуляр:

— А с чего ты решил, что я скажу тебе, если твой отец не сказал?

— Ни с чего я не решал, но почему бы, думаю, не попытаться? Помнится, когда-то мы были друзьями.

Он узнал ее еще в ту минуту, когда прибыл поезд. Да и не могли ее не привлечь, поскольку ситуация была достаточно серьезной.

— Ну, извини, — буркнула Констанца. — Просто мы немного на взводе.

— Ну да. — Он взглянул в девичье лицо, все такое же красивое и волевое, и вдруг понял, что хочет провести по ее подбородку пальцем. — Я слышал о пассажире, который проснулся слишком рано. Это правда?

— Вроде того, — неохотно процедила она.

— И поэтому вам понадобился целый арсенал, о существовании которого я даже не подозревал?

— Как нам действовать, в каждом конкретном случае решает твой отец.

— Но он должен был объяснить свое решение. Что особенного в этом пассажире, кроме его пробуждения?

— Поверь, я не знаю. Но этого не должно было случиться. Момио не полагается просыпаться так рано. Это просто невозможно, если только кто-то не запрограммировал капсулу заранее. А кто стал бы так рисковать без особой причины?

— Все равно не понимаю. С чего это ему понадобилось просыпаться до срока?

— Чтобы сорвать нашу задачу. — Она нервно постучала ногтями по автомату и добавила тише: — Представь: один-единственный «спящий» оказался на борту не в качестве пассажира, а в качестве мины замедленного действия. Доброволец-смертник. Может, преступник, а может, ему нечего терять. Или он до того ненавидит нас, что готов на все, лишь бы уничтожить. Знаешь, чего стоило получить место на корабле Флотилии, когда она покидала Солнечную систему? Построив свой флот, Конфедерация нажила себе врагов не меньше, чем друзей. Думаю, найти смертника было нетрудно — дай только возможность с нами разделаться.

— Но проверить такое непросто.

— Конечно. Если забудешь заплатить кому следует.

— Наверное, ты права. Ты серьезно насчет мины?

— Нет, конечно. Впрочем... кажется, это не такой уж и абсурд. Что, если нашим врагам, кем бы они ни были, удалось поместить диверсанта на каждый борт? Тогда получается, первый из смертников проступил на «Исламабаде»... и предупредить экипаж было некому.

— Боюсь, от предупреждений было бы мало пользы.

Она насупилась:

— Ничего, разберемся. Может быть, просто капсула неисправна.

И в этот миг послышались первые выстрелы.

Операция велась в десятках метров под грузовым отсеком, но стрельба звучала пугающе громко. Почти сразу раздались крики. Небесный вроде бы слышал отца, но сказать наверняка было трудно — акустика эксплуатационного ствола придавала голосам металлический оттенок, делая слова неразборчивыми и размывая разницу тембров.

— Черт! — вырвалось у Констанцы. На мгновение девушка замерла, затем устремилась к вспомогательному колодцу. Обернувшись на полпути, бросила на юношу бешеный взгляд. — Стой здесь, Небесный!

— Я с тобой. Там мой отец.

Стрельба прекратилась, но шум продолжался — перебранка, истерические вопли и грохот, словно кто-то крушил аппаратуру. Констанца проверила автомат, закинула его за плечо и уже была готова спуститься по металлической лестнице в гулкую утробу колодца.

— Констанца...

Он вцепился в автомат и сорвал его с плеча девушки, прежде чем она успела среагировать. Констанца в ярости обернулась, но он уже двигался к спуску и не то чтобы держал охранницу на прицеле — просто дуло смотрело в ее сторону. Он не имел ни малейшего представления, как пользоваться автоматом, но по его решительному виду догадаться об этом было невозможно. Констанца отстранилась, не сводя глаз с оружия. Оно все еще было связано с ее шлемом гибким проводом, который сейчас натянулся до предела.

— Давай шлем, — сказал Небесный.

— Нарываешься на неприятности, — предупредила она.

— Потому что иду выручать отца? В худшем случае будет мягкое взыскание. — Он дернул подбородком. — Шлем, Констанца.

С недовольной гримасой она стянула с себя шлем. Небесный надел его, не потребовав заодно и подшлемник. Головной доспех оказался маловат, но времени на подгонку не было. Опустив монокуляр, он обрадовался, когда на дисплее появилась панорама, которую «видел» автомат. На характерном зеленовато-сером фоне светились перекрестье прицела, шкала дальномера и другие статистические показатели оружия. Все это казалось полной бессмыслицей... пока он не взглянул на Констанцу и не обнаружил белый мазок вместо носа. Инфракрасное излучение — это все, что ему нужно знать.

Спускаясь в колодец, он чувствовал, что девушка следует за ним на почтительном расстоянии.

Крики уже прекратились, однако тишины не было. Теперь голоса звучали глуше, но по-прежнему встревоженно. Небесный

отчетливо слышал отца — интонации были какими-то странными. Юноша стоял в узловой точке сектора, отсюда можно было добраться до любой из десяти криокапсул. Коридоры расходились радиально в десяти направлениях, но лишь одна из дверей, ведущих в отсеки с капсулами, была открыта. Из-за нее доносились голоса.

Выставив перед собой автомат, Небесный двинулся туда. Обычно в коридоре царили полумрак и теснота, со всех сторон, переплетаясь между собой, извивались трубы. Сейчас он светился мертвенным серо-зеленым светом. Небесный понял, что боится, только когда оказался внизу, с оружием в руках. Чувство страха было ему почти незнакомо. Впервые он испугался, будучи один в детской комнате, всеми покинутый и забытый; лишь на стене безумным призраком кривлялась его полупрозрачная тень.

Как было бы здорово, если бы сейчас рядом появился Клоун и сказал что-нибудь дружелюбное и назидательное. Снова очутиться в детской, в крошечном мирке, чей покой не омрачен легендами о кораблях-призраках, диверсиями и прочими опасностями взрослой жизни.

Коридор резко повернул и уперся в капсулу. Огромный внешний модуль, заполненный аппаратурой, — и все это для одного «спящего»... Точно древняя усыпальница, дышащая стариной и важностью. Здесь было холодно: Небесный видел внутренности модуля в зеленовато-коричневых и черных тонах.

Позади заговорила Констанца:

— Отдай автомат, Небесный, и никто не узнает, что ты его брал.

— Отдам, когда минует угроза.

— Так ведь мы еще не выяснили даже, что это за угроза. Может, кто-то случайно выстрелил.

— А капсула со «спящим» тоже случайно дала сбой? Думай, что говоришь.

Он вошел в помещение и увидел троих охранников и отца — бледно-зеленых призраков, разукрашенных белыми пятнами.

— Констанца, — произнес один из мужчин, — кажется, тебе было велено прикрывать... Черт! С кем это я говорю?

— С Небесным Хаусманном. — Юноша сдвинул вверх монокуляр, и комната мгновенно потускнела.

— А где Констанца?

— Я взял у нее шлем и автомат... силой отобрал. — Небесный оглянулся, надеясь, что девушка слышит, как он пытается ее оправдать. — Она сопротивлялась.

Эта капсула вместе с девятью другими составляла кольцо; к каждой секции подходил отдельный коридор. Со времени старта Флотилии этот модуль посещали, может быть, пару раз. Своей сложностью система жизнеобеспечения не уступала аннигиляторным двигателям и была столь же уязвимой. Одно неумелое действие, и аварии не избежать. Лишь самые опытные специалисты обслуживали капсулу, подобно тому как отборные жрецы обслуживали египетские пирамиды. И, как мертвые фараоны, «спящие» не ожидают вторжения в свой загробный мир, пока не достигнут конца путешествия — системы 61 Лебедя А. Здесь не было места живым людям.

Но куда менее уместным оказалось зрелище, представшее глазам Небесного.

Тит Хаусманн лежал на полу, его поддерживал за плечи один из охранников. Грудь отца была залита темной липкой жидкостью, и Небесный понял, что это кровь. На мундире отца чернели огромные дыры, через которые она вытекала, отвратительно булькая при каждом вздохе и собираясь лужицей на полу.

— Папа! — воскликнул Небесный.

— Все в порядке, — отозвался один из охранников. — Бригада врачей уже на подходе.

Но Небесный знал уровень медицинского обслуживания на «Сантьяго». Пожалуй, лучше сразу вызывать священника... или похоронную команду.

Он осмотрел капсулу «спящего» — длинный саркофаг на облепленном приборами цоколе заполнял собой почти весь отсек. В крышке зияла дыра с зазубренными краями, осколки стекла покрывали пол беспорядочной мозаикой. Такое впечатление, будто кто-то разбил крышку изнутри, пытаясь вырваться из капсулы.

И в ней что-то находилось.

Пассажир мертв или должен вот-вот умереть. На первый взгляд в его облике ничего необычного — если не считать того, что обнаженное тело изрешечено пулями и утыкано проводами мониторинга, шунтами и катетерами. А ведь он моложе боль-

шинства «спящих», подумал Небесный. Тот самый возраст, когда легко становятся фанатиками. Все остальное — лысая голова, полностью расслабленное лицо — как у любого из тысяч момио.

Все, кроме оторванной по локоть руки.

Она лежала на полу — безжизненный предмет, похожий на брошенную перчатку. Но раструб из лохмотьев кожи казался пустым — ни обрывков мышц, ни кости, да и крови вытекло совсем мало. И сам обрубок... Живая плоть заканчивалась в нескольких дюймах ниже локтя. А на полу валялась металлическая конструкция, бурая от крови, — омерзительный протез, у которого вместо пальцев целый арсенал остро заточенных лезвий.

Небесный представил себе, что могло произойти.

Момио просыпается в своей капсуле — это было запланировано еще до того, как Флотилия покинула Меркурий. Его пробуждение должно остаться незамеченным. Вырвавшись на свободу, он приступает к выполнению своей задачи... то же самое, по версии Констанцы, произошло на борту «Исламабада». Одинокa действительно способен причинить огромный вред, особенно если не заботится о том, чтобы уцелеть.

Однако этот план сорвался.

По-видимому, диверсант уже просыпался, когда в модуль вошла группа силовиков. Отец Небесного склонился над капсулой, чтобы осмотреть ее, и в этот момент «спящий» разбил стекло и напал на Тита. Даже пули не сразу остановили злоумышленника, хотя охранники почти целиком опустошили магазины автоматов. Некоторые препараты, предназначенные для размораживания, обладают обезболивающим действием, и диверсант оставался опасен, пока не потерял слишком много крови.

Как бы то ни было, его остановили слишком поздно.

Небесный опустился на колени подле отца. Глаза Тита были открыты, но взгляд не мог сосредоточиться.

— Папа, это я, Небесный. Пожалуйста, держись, скоро придет помощь. Все будет хорошо.

Один из охранников тронул Небесного за плечо:

— Твой отец сильный человек. Не мог не войти первым. Ты же знаешь, он всегда так поступал.

— Всегда так поступает.

— Конечно. Он выживет.

Небесный хотел что-то сказать, слова уже сложились у него в голове, но неожиданно момио зашевелился — медленно, как во сне, а затем все более энергично. На миг юноша не мог поверить собственным глазам: ни одно живое существо не способно двигаться после таких ранений, тем более с чудовищным проворством и ожесточенностью.

Выкатившись из капсулы, момио с кошачьей грацией вскочил на ноги, шагнул к одному из охранников и изящно взмахнул уцелевшей рукой. Острое лезвие рассекло горло, охранник рухнул на колени, из раны фонтаном забила кровь. На миг момио застыл, выставив перед собой руку-оружие, затем мудреный еж из клинков застрекотал и защелкал — один нож втянулся, пуская на свое место другой, сверкающий голубым блеском хирургической стали. Пассажир следил за этим процессом с завораживающим спокойствием.

И вдруг он шагнул к Небесному.

Руки все еще сжимали автомат Констанцы, но страх был до того силен, что юноше даже не пришло в голову угрожающе поднять оружие. Момио смотрел на Небесного, мышцы лица странным образом перекатывались, словно десятки дрессированных личинок ползали между кожей и черепными костями. Но вот их беспорядочное движение прекратилось, и Небесному на мгновение почудилось, будто он смотрит в зеркало: лицо «спящего» казалось грубым подобием его собственного. Затем мышцы вновь задергались, словно по отражению пробежала рябь, и сходство исчезло.

Момио улыбнулся и ткнул Небесного в грудь сверкающим лезвием. Боли почему-то не было, — казалось, «спящий» просто толкнул его под ребра. Задышавшись, Небесный отшатнулся.

Сзади двое уцелевших силовиков взяли оружие на изготовку.

Небесный сполз на пол, пытаясь наполнить легкие воздухом. Вместо облегчения нахлынула нестерпимая боль. Нож пассажира почти наверняка проткнул легкое, а ребро оказалось сломанным при ударе. Но лезвие не задело сердце. И он может двигаться — значит, не поврежден и позвоночник.

Прошел еще миг. Почему охранники не открывают огня? Он видел спину пассажира — отличная мишень.

Разумеется, дело в Констанце. Момио стоит между ней и охранниками. Слишком велик риск, что пули, пробив тело ди-

версанта, достанут и ее. Она могла бы отступить, но двери, ведущие в соседние отсеки, герметично закрыты, и просто распахнуть их невозможно. Единственный путь — вверх по лестнице. Но диверсант тут же окажется у нее за спиной. Подниматься по вертикальной лестнице одnorукому — задача не из легких, но обычные представления о физических возможностях здесь едва ли уместны.

— Небесный, — произнесла Констанца, — у тебя мой автомат... и линия огня лучше, чем у них обоих. Стреляй же.

Все еще лежа и задыхаясь — воздух словно закипал у него в легких, — он поднял автомат и повел стволом в сторону пассажира, который спокойно шел к Констанце.

— Стреляй, Небесный.

— Я не могу.

— Сможешь. Ради безопасности Флотилии.

— Не могу.

— Стреляй!

Руки дрожали — он едва удерживал оружие, какая уж тут прицельная стрельба. Небесный повернул дуло в сторону диверсанта, закрыл глаза, борясь с черной обморочной волной, и нажал на спуск.

Короткая очередь походила на громкую отрывку. Этот звук смешался с металлическим звоном — прошедшие сквозь человеческую плоть пули вонзались в броневую обшивку коридора.

Пассажир замер, словно собираясь вернуться за чем-то забытым, и упал.

Позади него по-прежнему стояла Констанца.

Она шагнула вперед и пнула момио, но никакой реакции не последовало. Небесный выпустил автомат, пальцы безжизненно разжались. К нему уже подбежали оба охранника, продолжая целиться в пассажира.

Небесный с трудом перевел дух:

— Он мертв?

— Не знаю, — сказала Констанца. — Во всяком случае, никуда не спешит. Ты в порядке?

— Не могу дышать.

Она кивнула:

— Переживешь. Надо было застрелить его, когда я тебе сказала.

— Я застрелил.

— Нет, ты стрелял наугад, и тебе повезло с рикошетом. Ты мог бы перебить всех нас.

— Но не перебил.

Она наклонилась и подобрала с пола автомат.

В это время на лестнице появилась бригада врачей. Разумеется, ни у кого из участников происшествия не было времени вдаваться в подробности, и теперь медики рассеянно озирались, не зная, кем заняться в первую очередь. Тяжело ранен начальник, ранения двух других членов экипажа также могут представлять опасность для жизни. Но есть четвертый пострадавший — тот, чей статус еще выше, один из пассажиров, заботиться о которых команду приучили с молодых ногтей. Тот факт, что момио выглядел не совсем обычно, почему-то ускользнул от их внимания.

Медик склонился над Небесным и, бегло осмотрев юношу, прижал к его лицу респиратор. В легкие хлынул поток живительного кислорода, и обморочная волна откатилась назад.

— Помогите Титу, — проговорил Небесный, указывая на отца. — И если можно, пассажиру.

— Ты уверен? — спросил врач, уже успевший разобраться в ситуации.

Прежде чем ответить, Небесный покрепче прижал к лицу маску. В его сознании рисовались картины того, что он сделает с пассажиром. Убийца будет подвергнут самым изощренным пыткам.

— Еще как уверен.

ГЛАВА 11

Когда при очередной попытке вырваться из паутины сна я очнулся, меня била дрожь. Снова Хаусманн. Перед глазами все еще стояла пугающе яркая картина: я был рядом с Небесным и наблюдал, как его раненого отца уносили из камеры. В тусклом освещении каюты я осмотрел свою руку: в центре правой ладони смоляным пятном чернела свернувшаяся кровь.

Сестра Душа говорила, что штамм нестойкий, но болезнь едва ли оставит меня сама по себе. Разумеется, ждать мне некогда — надо догонять Рейвича. И все-таки предложение Души провести еще неделю в «Айдлвилде» и выгнать вирус показалось мне вдруг куда предпочтительней, чем надежда на возможности собственного организма. К тому же, что бы мне ни говорили, — где гарантия, что активность вируса уже достигла пика?

Следующее ощущение было знакомым и малоприятным — тошнота. Я не слишком привык к невесомости, а нищенствующие не позаботились снабдить меня таблетками для подобных ситуаций. Несколько минут я размышлял, стоит ли покинуть кабину или лучше просто лежать, терпеливо перенося мучения, пока мы не доберемся до Блещающего Пояса. Доводы желудка оказались более убедительными, и я направился в кают-компанию. В одной из инструкций, которые украшали каюту, сообщалось, что я могу купить там препараты, снимающие приступы тошноты.

Путешествие оказалось куда более авантюрным, чем мне хотелось.

Это сферическое помещение, просторное, герметичное и меблированное, находилось где-то в носовой части корабля. Там можно было приобрести пищу, лекарства и кое-что еще, помогающее скрасить одиночество. Но путь лежал через лабиринты узких проходов, они вились вокруг двигательной секции, точно змеиный выводок. Инструкции, висевшие в каюте, советовали не задерживаться в некоторых отсеках корабля, представляя пассажиру самостоятельно делать выводы о состоянии радиационной защиты на борту.

По дороге я вспоминал свой сон.

Что-то в нем меня настораживало. Прежде всего мучительное несоответствие с тем, что мне было известно о Небесном Хаусманне. Я не такой уж великий знаток биографии Небесного, но если ты вырос на Окраине Неба, то не можешь не знать некоторых фактов. Например, что Небесный боялся темноты после аварии на «Сантьяго», когда взорвался один из кораблей Флотилии. Все знали, каким образом при этом погибла его мать. Лукреция была прекрасной во всех отношениях женщиной, ее любила и уважала вся Флотилия. Тит тоже поль-

зовался всеобщим уважением. Возможно, его побаивались, но в этом чувстве не было ненависти. Этого человека называли «каудильо». Небесного воспитывали не так, как остальных детей, но в любом случае родители не виновны в его преступлениях.

Также общеизвестно, что друзей у Небесного было немного. История сохранила имена Норкинко и Гомеса — его соучастников... нет, пожалуй, равноправных участников дальнейших событий. Что еще? Тита тяжело ранил диверсант, который скрывался среди пассажиров. Отец Небесного умер несколько месяцев спустя: диверсант вырвался из корабельного изолятора, пробрался в каюту к выздоравливающему Титу и убил его.

Я был озадачен. Сон завел меня в какие-то дебри. Не помню, чтобы кто-нибудь делился со мной слухами о шестом корабле — «Калеуче», который следовал за Флотилией, подобно своему легендарному призрачному тезке. Даже само название «Калеуче» мне ни о чем не говорило. Что происходит, черт возьми? Может быть, этот индоктринационный вирус достаточно осведомлен о жизни Небесного, чтобы рассеять мое прежнее невежество? Или мне посчастливилось подцепить какую-то пиратскую версию, и теперь я наблюдаю повороты истории, неизвестные большинству людей? И опять-таки, что это за образы — забытые, хотя и достоверные, факты истории или выдумки сектантов, которым понадобилось подбросить что-нибудь свеженькое своей пресыщенной пастве?

Сейчас я ничего не узнаю, но, пожалуй, в следующих снах мне предстоит познакомиться с дальнейшими событиями жизни Небесного, хочется того или нет. Не скажу, что такая перспектива приводит в восторг — я бы предпочел сновидения иного рода, — но признаюсь, что кое-какое любопытство во мне пробудилось.

А сейчас мне предстоит ползти по трапу. Поэтому лучше выбросить из головы сновидения и обратить мысли к конечно-му пункту маршрута «Стрельникова».

Блистающий Пояс.

Я слышал о нем еще на окраине Неба. Да и кто не слышал? Это один из нескольких десятков миров, чья известность простирается на другие планетные системы и манит к себе сквозь

многие световые годы. Для обитателей сонма заселенных миров Блистающий Пояс олицетворяет безграничную щедрость, роскошь и свободу. Он то же, что и Город Бездны, но лишен его тягостной чопорности. Идею поселиться здесь обсуждал хотя бы в шутку каждый, кто заработал состояние или связал себя брачными узами с влиятельной семьей. Во всей нашей системе нет другого столь же шикарного мира. Многим он представляется просто легендой, особенно тем, для кого шанс попасть сюда ничтожен.

Но Блистающий Пояс существует на самом деле.

Он представляет собой цепочку из десяти тысяч фешенебельных анклавов, которые выстроились кольцом на орбите Йеллоустана, — восхитительная череда аркологий, «каруселей» и цилиндров, украсившая планету нимбом из сверкающих искр. Безусловно, Город Бездны можно назвать денежным мешком системы. Но, как всякий денежный мешок, он страдает консерватизмом — немудрено в трехсотлетнем возрасте — и подавляющим чувством собственной значимости. Блистающий Пояс, напротив, находится в состоянии непрерывного перерождения. Орбитальные станции то и дело извлекаются из общей конструкции и возвращаются, отремонтированные, или их место занимают другие. Субкультуры расцветают тысячами и увядают, когда их поборники решают испытать что-нибудь новое. Искусство в Городе Бездны ограничивается рамками традиционных форм — в Блистающем Поясе поощряется все, что угодно. Я знаю одного художника, чьи шедевры живут лишь доли секунды, ибо создаются из кварк-глюоновой плазмы, а их дальнейшее существование суть зыбкие следы в памяти. Другой мастер особым образом формирует атомные заряды и создает ядерные грибы, в очертаниях которых угадывается портретное сходство с разными знаменитостями. Здесь процветают безумные социальные эксперименты. Например, тирания, установленная на добровольных началах, при которой тысячи людей с готовностью отдаются диктаторской власти, ради того, чтобы избавиться от необходимости принимать решения и нести за них ответственность. Есть анклавы, чьи обитатели поголовно отключают у себя высшие мозговые функции, чтобы жить, подобно стаду, под присмотром машин. На других станциях люди имплантируют свое сознание обезьянам или дельфинам

и в буквальном смысле с головой уходят в перипетии борьбы за власть на ветвях деревьев или в меланхолические сонарные грезы. И повсюду группы ученых, чьи мозги прошли обработку у жонглеров образами, углублялись в метаструктуру пространства и времени и замыслили невероятные опыты, которые ставили под угрозу основы существования мира. Поговаривали, что однажды они откроют технологию сверхсветовых скоростей и передадут ее секрет союзникам, а те смонтируют на своих станциях необходимое оборудование. Разумеется, первый из посторонних об этом узнает не раньше, чем половина Блισταющего Пояса вдруг бесследно исчезнет.

Короче говоря, в таком местечке, как Блισταющий Пояс, даже в меру любознательный человек запросто мог прожить половину жизни и сам того не заметить. Но вряд ли Рейвич застрянет там надолго, прежде чем спустится на Йеллоустон. Его цель — как можно скорее оказаться в Городе Бездны и застрять там.

Так или иначе, но я от него не отстану.

Продолжая бороться с тошнотой, я вполз в кают-компанию и обнаружил, что там уже собралось немало народу. Положение тела в пространстве правилами не регламентировалось (разумеется, пока двигатели тихохода выключены), но все пассажиры предпочли закрепиться одинаково. Найдя в стене свободную ремennую петлю, я сунул в нее локоть и принялся ненавязчиво изучать размороженных попутчиков. «Слякоть» вполголоса беседовала, разбившись на пары и тройки, между которыми медленно плавал слуга-сфероид с крошечными пропеллерами. Он перемещался от группы к группе, предлагая свои услуги. Полный набор необходимых для этого средств размещался по его экватору под лючками. Ни дать ни взять беспилотник в поисках цели, только беззвучный.

— Не нужно так дергаться, друг, — невнятно прохрипел кто-то на русише. — Это всего лишь робот.

Решительно, чутье начинает мне изменять: я даже не заметил, как этот тип подкрался. Лениво обернувшись, я посмотрел на него. Передо мной высилась гора мяса, загородившая пол отсека. Розовая физиономия треугольной формы и шея на вид потолще моей ляжки. От бровей до фронтальной линии волос

сантиметра два, не больше, длинные черные волосы зачесаны назад и облепляют череп, напоминающий грубо обтесанный булыжник. Широкий рот, застывший в брезгливой гримасе, обрамляют густые черные усы, а по широченной челюсти пробегает узенькая черная борода. Он висел передо мной, скрестив руки на груди, словно собирался сплясать казачка. Невообразимо перекачанные мышцы, казалось, вот-вот разорвут сюртук — долгополый стеганный сюртук, на который кое-как нашиты лоскуты жесткой блестящей материи, рассыпающие миллионы радужных бликов. Его глаза смотрели сквозь меня, не фокусируясь, словно сквозь стеклянную стену. В общем, неприятности гарантированы.

— Никто и не дергается, — отозвался я.

— Э, дружок, да ты разговорчивый. — Тип закрепился рядом со мной. — Я тоже не прочь потолковать.

— Замечательно. Потолкуй еще где-нибудь, ладно?

— А что так невежливо, дружок? Не нравится тебе Вадим?

— Жалко развеивать твои сомнения в этом, — перешел я на норт, хотя мог сносно общаться на русише, — но, видно, иначе нельзя. И пока мы не познакомились поближе, я тебе не дружок. А теперь проваливай, мне надо подумать.

— Вот и я подумаю... над твоими словами.

Рядом по-прежнему вился слуга. Тупая машина, понятно, не замечала, что между нами летят искры. Она воспринимала нас как приятелей-путешественников и предлагала соответствующие товары. Прежде чем амбал в сюртуке успел произнести хоть слово или просто шевельнуться, я попросил у слуги инъекцию скополамина с декстрозой — старое доброе средство от тошноты, вдобавок самое дешевое из того, что было представлено в ассортименте. Как и у всех пассажиров, у меня была бортовая кредитная карточка, но я слегка сомневался, что моих средств хватит даже на этот «коктейль». Однако слуга повиновался, крышка распахнулась, и моему взору предстал одноразовый шприц.

Подхватив шприц, я закатал рукав и вонзил иглу в вену так, будто ожидал биологической атаки.

— Эге, а ты, похоже, профи. Никаких колебаний. — Вадим перешел на ломаный норт; он еле выговаривал слова, но в голосе звучало искреннее восхищение. — Ты, часом, не врач?

Я прикрыл рукавом шарик, вспухающий на месте укола.

— Не совсем. Хотя больные тоже по моей части.

— Правда, что ли?

— Буду рад доказать тебе на деле.

— Но я же не больной.

— Поверь, это не проблема.

Любопытно, дошло ли до него, что он выбрал не самого лучшего собеседника, чтобы скоротать время. Я вернул использованный шприц слуге. Зелье уже действовало, тошнота понемногу унималась, оставляя лишь легкое недомогание. Уверен, тут в арсенале имелись более эффективные средства от укачивания. Но они были мне явно не по карману.

— Крутой парень. — Амбал покачал головой — а мне-то казалось, что его шея не приспособлена для подобных движений! — Мне это нравится. Но насколько ты крут на самом деле?

— Не думаю, что тебя это должно интересовать, но можешь проверить.

Слуга повисел возле нас еще пару минут, после чего решил отчалить и перебраться к другой группе. В кают-компании появилось еще несколько пассажиров, они поглядывали по сторонам с тоской в глазах.

Я догадывался, что они чувствуют. Какая ирония: преодолеть десятки парсеков, разделяющих звездные системы, и только на борту этого тихоходного корыта впервые ощутить себя участником космического путешествия!

Амбал по-прежнему пялился на меня. Казалось, чуть напряги слух и услышишь, как в черепе у него усердно вращаются шестеренки. Я не сомневался: других ему было куда легче запугать, чем меня.

— Повторяю, я Вадим. Все зовут меня просто по имени. Вадима тут все знают — он, так сказать, местная достопримечательность. А ты кто?

— Таннер, — сказал я. — Таннер Мирабель.

Он кивнул медленно и с пониманием, словно мое имя ему что-то говорило.

— Что, серьезно?

— Да.

Меня действительно так зовут, но терять мне нечего. Вряд ли Рейвич знаком с этим субъектом, хотя наверняка подозре-

вает, что кто-то висит у него на хвосте. Кагуэлла держал свои операции в строжайшем секрете и всегда скрывал имена своих людей. В лучшем случае Рейвич мог раздобыть у нищенствующих список пассажиров «Орвието» — но что дальше? Кто из них охотник, а кто мирная птичка?

— Откуда ты, Мирабель? — спросил Вадим, стараясь изобразить дружеское участие.

— Тебе это знать незачем. Пойми, Вадим, я действительно не хочу с тобой разговаривать. Будь ты хоть сто раз достопримечательным.

— Но у меня к тебе деловое предложение, Мирабель. Думаю, ты должен его выслушать.

Он все пялился на меня одним глазом, словно сканером просвечивал. Другой глаз тупо и рассредоточенно смотрел куда-то через мое плечо.

— Меня не интересует бизнес, Вадим.

— А жаль. — Он понизил голос. — Мы направляемся в опасное место, Мирабель. И особенно оно опасно для новеньких.

— Что опасного в Блισταющем Поясе?

Он ухмыльнулся, но тут же помрачнел:

— Блισταющий Пояс... да. Это очень интересно. Уверен, что тебя там будут ждать... маленькие сюрпризы. — Он замолчал и погладил свободной рукой щетинистый подбородок. — А ведь мы даже не упомянули Город Бездны, да?

— «Опасность» — понятие относительное, Вадим. Не знаю, как здесь, но у меня на родине оно означает чуть больше, чем извечный риск взять не ту вилку на званом обеде. Поверь, я как-нибудь разберусь с Блισταющим Поясом. Да и с Городом Бездны тоже.

— Думаешь, тебе известно об опасности все? Да ты и понятия не имеешь, Мирабель, во что ввязался. По-моему, ты полный невежда. — Он снова умолк, теребя жесткий лоскут на лацкане своего сюртука, и на кончиках его пальцев заиграли радужные сполохи. — Потому я и говорю сейчас с тобой, понял? Я для тебя добрый самаритянин.

Кажется, до меня дошло, куда он клонит.

— Хочешь стать моей крышей?

— Какие невежливые слова, — поморщился Вадим. — Пожалуйста, не выражайся так больше. Я бы предпочел побеседовать насчет взаимного договора о безопасности.

Я кивнул:

— Давай побеседуем. Ведь на самом деле ты местный, а во-все не из размороженных? И если я что-то понимаю, ты неотъемлемая часть этого корыта. Правильно рассуждаю?

Он нервно ухмыльнулся.

— Скажем так: мне это корыто знакомо чуть лучше, чем среднестатистическому молокососу из свежей бочки «слякоти». И у меня есть друзья в окрестностях Йеллоустона. Дельные и крепкие ребята. Которые могут позаботиться о новичке, не допустить, чтобы он — или она — попал в беду.

— А как они поступают, если новичок отказывается от вашей помощи? Добрые самаритяне превращаются в источник неприятностей?

— Ты уж слишком циничен.

— Знаешь что, Вадим? — Я широко улыбнулся. — По-моему, ты просто гнусный мелкий пройдоха. Никаких ребят на самом деле нет, правда? А сфера твоего влияния ограничена корпусом этой посуды — и даже тут ты не имеешь особого веса.

Он расцепил свои огромные лапы и вновь сложил их на груди:

— Полегче на поворотах, Мирабель.

— Нет, Вадим, это тебе надо быть поосторожнее. Я мог тебя сто раз прикончить, но ты просто зануда, и никто больше. Оставь меня в покое и пробуй свои трюки на ком-то другом. — Я кивнул в сторону отсека. — Здесь навалом кандидатов. А еще лучше — ползи в свою вонючую каюту и чуточку поработай над рекламой. Стоит придумать что-нибудь поубедительнее, чем загадочные ужасы Блестающего Пояса. Займись, что ли, консультациями по вопросам моды.

— Мирабель, ты и в самом деле не знаешь?

— Чего я не знаю?

Он посмотрел на меня с жалостью, и на какой-то миг показалось, что я непоправимо ошибся в оценке ситуации. Но тут Вадим тряхнул головой, отчалил от стены отсека и пересек кают-компанию, точно фамильное привидение, хлопая полами сюртука. Наша посуда начала набирать скорость, что помогло Вадиму описать плавную дугу и весьма элегантно подлететь к новоприбывшему путешественнику-одиночке — низенькому лысоватому типу, бледному и на вид очень рассеянному.

Я увидел, как Вадим пожимает ему руку. Дубль два.

Ну что же, удачи. Вопрос — кому?

На борту в равных пропорциях смешались мужчины и женщины, представители всех генетических типов. Наверняка здесь нашлась бы и парочка аристократов с Окраины Неба, но меня они не интересовали. Я вполуха прислушивался к их разговору, но вскоре бросил это занятие: акустика превращала слова в кашу, из которой временами всплывали отдельные слова, когда кто-то из собеседников повышал голос. Однако я разобрал, что они говорят на норте. На Окраине Неба этим языком по-настоящему владеют считанные единицы, хотя почти каждый способен худо-бедно на нем объясняться: это единственный язык, который в ходу у всех фракций и потому используется при дипломатических переговорах и торговле с третьими сторонами. Южане говорят на кастеллано, наречии, которое прибыло сюда на борту «Сантьяго», — разумеется, с изрядной примесью других языков: состав Флотилии был разнообразен. На севере в ходу смесь из иврита, фарси, урду, панджаби и старого предшественника норта, английского, но с солидной примесью португальского и арабского. Обычно аристократы владеют нортом лучше среднего гражданина — это считается признаком утонченности. Мне пришлось освоить норт по несколько другой причине — по той же, по какой и на большинстве северных наречий... ну и, кроме того, я довольно неплохо говорю на русише и каназиане.

Я почти уверен: русиш и норт повсеместно используются на Блистающем Поясе и в Городе Бездны, даже при общении с помощью машин. Но основным языком демархистов, основавших Йеллоустон, все-таки остается каназиан — скользкая смесь квебекского французского и диалекта швейцарских кантонов. Говорят, каназиан толком не освоишь, если у тебя голова не набита лингвистическими процессорами, — структура этого языка слишком непривычна и слишком противоречит жестким закономерностям грамматики, которые глубоко сидят в мозгах у каждого из нас.

Пожалуй, это и мне прибавило бы головной боли. Но к счастью, демархисты — закоренелые торгаши. Более двух веков Йеллоустон был центром процветающей межзвездной торговой сети. За ее счет кормились многие молодые колонии, а потом она, точно вампир, высасывала свои вливания обратно, когда

техническое развитие колоний достигало должного уровня. Для таких кровососов умение находить общий язык — в буквальном смысле тоже — жизненная необходимость.

Само собой, путешествие не обещает быть безопасным. Насчет этого я полностью согласен с Вадимом... правда, меня ждут опасности несколько иного рода. Те, которые нельзя выявить и ликвидировать. Их источник — я сам. Я не разбираюсь в тонкостях культуры этого мира, который обогнал мою планету в развитии как минимум лет на двести. Да, это не вредно для моего здоровья, не опасно для жизни. Под угрозой оказывается моя миссия.

Этого уже достаточно, чтобы быть осторожным. Но не покупать же фальшивую «гарантию защиты» у головорезов типа Вадима — есть у него какие-то связи или нет.

Кстати, о Вадиме... Что-то привлекло мое внимание, а через секунду я понял: этот тип оказался в эпицентре разборки.

Он сцепился с каким-то парнем, который, похоже, только что вошел в отсек. Противники тузили друг друга, продолжая при этом держаться за петли. Неужели Вадим встретил достойного соперника? Нет. Вскоре я уловил в движениях моего недавнего собеседника какую-то томную скуку. Вадим просто позволял противнику строить иллюзии насчет соотношения сил. Прочие пассажиры из всех сил делали вид, что не замечают потасовки, и явно благодарили судьбу за то, что этот бандит наконец нашел себе жертву.

И тут у Вадима переменялось настроение.

В один миг притиснув новичка к стене, он принялся вдавливать свою мясистую пятерню в перекошенную от страха физиономию противника. Тот хотел что-то сказать, но Вадим нажал сильнее, загоня слова обратно в глотку, и все, что парень ел на обед, вдруг исторглось наружу. Брезгливо отодвинувшись, Вадим перехватил скобу чистой рукой и впечатал кулак в живот пассажиру, чуть пониже грудной клетки. Парень хрипло кашлянул, его глаза налились кровью. Он попытался вдохнуть прежде, чем Вадим нанесет очередной удар.

Но Вадим решил, что с него хватит. Он помедлил лишь для того, чтобы вытереть руку о матерчатую обивку стены, потом отцепился и уже был готов оттолкнуться ногами, чтобы вылететь в один из дверных проемов.

Расчет траектории занял не больше секунды. Я сделал толчок первым. Восхитительный миг свободного падения — и я ткнулся в стену в метре от Вадима и его жертвы. Вадим растерянно уставился на меня:

— Мирабель... кажется, мы завершили переговоры?

— Я их только что возобновил, Вадим, — ответил я с лучезарной улыбкой.

После чего закрепился получше и нанес удар с той же небрежной легкостью, с которой амбал отделявал пассажира, и примерно в то же место. Вадим с тихим стоном сложился по полам, точно бумажная фигурка.

К этому времени остальные пассажиры успели забыть, что должны изображать непричастность.

— Не знаю, кто из вас общался с этим человеком, — обратился я к окружающим, — но сомневаюсь, что он на самом деле профессионал. По моему мнению, это только слова. Если вы заплатили ему за охрану, то почти наверняка выбросили свои деньги.

— Ты покойник, Мирабель, — сумел выдать из себя Вадим.

— Значит, мне нечего бояться.

Я поглядел на его жертву. Пассажир, успевший чуть порозоветь, вытирал рукавом губы.

— Вы целы? Я не видел, как началась драка.

Ответ прозвучал на ноте, но с грубым акцентом, который я не смог с ходу определить. Парень был невысоок ростом и коренаст, как бульдог. Этим сходство с бульдогом не ограничивалось: к его физиономии точно приросла задиристая гримаса. Картину дополнял плоский нос и коротенький редкий «ежик», напоминающий щетину.

— Да... — он разгладил на себе одежду, — со мной все в порядке, спасибо. Этот олух начал угрожать, затем полез драться. Я рассчитывал, что кто-нибудь мне поможет, но вдруг почувствовал себя... предметом мебелировки.

— Да уж. — Я презрительно оглядел «почтенную» публику. — Однако вы дали ему отпор.

— Черта с два это мне помогло.

— Боюсь, Вадим не из тех, кто способен оценить благородный жест. Вы уверены, что не сильно травмированы?

— Разве что немного тошнит, вот и все.

— Погодите.

Я щелкнул пальцами, подзывая слугу, который все это время висел в нескольких метрах от нас, — теперь я знал, как выглядит кибернетический буриданов осел. Когда он приблизился, я попытался приобрести для спасенного порцию противорвотного «коктейля», но на этот раз мои финансы действительно были на нуле.

— Спасибо. — Пассажир скупой улыбнулся. — Но думаю, у меня на счете достаточно средств.

Он обратился к роботу на каназиане — слишком быстро и тихо, чтобы я уловил смысл, — и тот выдал ему шприц с каким-то снадобьем.

Пока пассажир возился со шприцем, пытаясь попасть в вену, я повернулся к Вадиму:

— У меня хорошее настроение, Вадим. Можешь катиться на все четыре стороны. Но мне бы не хотелось снова увидеть тебя в этой каюте.

Он посмотрел на меня, кривя губы. На усах, точно хлопья, висели капли блевотины.

— Наши переговоры не закончены, Мирабель.

Отцепившись от стены, он повис в воздухе и обвел взглядом комнату. Очевидно, рассчитывал удалиться достойно. Однако я успел позаботиться, чтобы эта попытка потерпела крах.

— Погоди. — (Вадим как раз напрягся, намереваясь оттолкнуться от стены.) — С чего ты решил, будто я позволю тебе убраться, не вернув все, что ты успел украсть?

Он замешкался, оглядываясь на меня:

— Я у тебя ничего не крал. И у вас, мистер Квирренбах...

— Это правда? — осведомился я у пострадавшего.

Квирренбах замаялся и покосился на Вадима:

— Да... да. Он у меня ничего не украл. Я даже не успел с ним толком заговорить.

— А как насчет остальных? — Я повысил голос, обращаясь к пассажирам. — Этот подонок успел у вас что-нибудь выманить?

Тишина. Примерно этого я и ожидал. Никто не решится признать первым, что его одурачила такая мелкая крыса, — теперь, когда они увидели, что он за ничтожество.

— Видишь, Мирабель, здесь таких нет.

— Может быть. — Я кивнул, выбросил вперед руку и схватил его за грудки. Лоскуты жесткой материи были холодными и сухими и на ощупь напоминали змеиную кожу. — А как насчет остальных пассажиров? У тебя были все шансы обтрясти человек десять с тех пор, как мы стартовали.

— Ну и что с того? — произнес он почти шепотом. — Это не твоя забота.

Его тон менялся с каждой секундой. Казалось, он корчится и оплывает, точно восковая фигура над огнем. Я мог смять его руками и придать любую форму.

— Как насчет того, чтобы не совать нос куда не просят и оставить меня в покое? Чего ты за это хочешь?

— Пытаешься дать мне на лапу? — рассмеялся я.

— Стоит хотя бы попробовать.

Во мне что-то щелкнуло. Я подтянул Вадима к себе и так шарахнул об стену, что вышиб воздух из легких, потом еще и еще. Красная пелена гнева окутала меня теплым гостеприимным туманом. Я чувствовал, как под моими кулаками трещат его ребра. Вадим пытался отбиваться, но я был быстрее и сильнее и не сомневался, что прав.

— Перестаньте! — донеслось будто издалека, с полпути к бесконечности. — Перестаньте, с него хватит!

Квирренбах оттаскивал меня от Вадима. Еще двое пассажиров подлетели поближе, изучая дело моих рук со смесью ужаса и изумления. Физиономия Вадима превратилась в омерзительный синяк, с уголков рта стекали блестящие алые струйки. Должно быть, я выглядел не лучше, когда меня отделали нищенствующим.

— По-вашему, я должен быть снисходителен к этой сволочи?

— Да какая уж тут снисходительность, — сказал Квирренбах. — Но не убивать же. Что, если он сказал правду и у него действительно есть друзья?

— Это ничтожество, — отозвался я. — И авторитета у него здесь не больше, чем у нас с вами. Положим, есть дружки... но мы вроде держим путь в Блισταющий Пояс, а не в пограничное поселение, где про законы никто и не слыхивал.

Квирренбах как-то очень странно посмотрел на меня:

— Вы это серьезно? Действительно думаете, что мы летим к Блισταющему Поясу?

— А разве нет?

— Блισταющего Пояса не существует. Уже несколько лет. Мы направляемся совершенно в другое место.

Багрово-сизая маска — рожа Вадима — дернулась и породила неопределенный звук: не то бульканье, словно он прополаскивал рот кровью, не то мстительный смехок.

ГЛАВА 12

— И как это понимать?

— Что именно, Таннер?

— Насчет того, что Блισταющего Пояса не существует. Или так и будем говорить загадками?

Мы с Квирренбахом пробирались сквозь спутанные внутренности «Стрельникова» к логову Вадима. Это было нелегким делом, поскольку я прихватил с собой кейс. Мы были одни: Вадима я запер в своей каюте, едва он сообщил, где находится его собственная.

По логике, в его жилище мы могли найти то, что он выманил у других пассажиров. Для начала я завладел его сюртуком. И не собирался спешить с возвратом.

— Ну, скажем, там кое-что изменилось, Таннер.

Квирренбах неуклюже следовал за мной. Сейчас он напоминал уже не бульдога, а таксу, которая лезет в барсучью нору.

— Но я об этом ничего не слышал.

— Правильно. Все произошло недавно, когда вы уже летели сюда. Что поделать, неизбежный риск, связанный со специфической межпланетных путешествий.

— Одна из его форм, — уточнил я, вспомнив, что физиономия у меня сейчас выглядит немногим лучше, чем у Вадима. — Так что стряслось?

— Боюсь, там очень многое переменялось...

Он умолк, тяжело и хрипло дыша, потом заговорил снова:

— Знаете, мне жаль разом разрушать все ваши ожидания. Но вам придется смириться с очевидным: Йеллоустон уже не тот, что был когда-то. И это, Таннер, еще мягко сказано.

Я припомнил, как Амелия называла место, где я смогу найти Рейвича.

— А Город Бездны все еще существует?

— О да... да. Конечно, многое переменялось... но не настолько. Город на месте, по-прежнему населен... и по меркам этого мира там все по-прежнему благополучно.

— Подозреваю, вам есть что добавить.

Я взглянул вперед. Лаз расширился, превращаясь в цилиндрический коридор с рядом овальных дверей вдоль одной стены. Здесь все еще было темно, и у меня на душе по-прежнему скреблись кошки.

— К сожалению... да, — ответил Квирренбах. — Город очень изменился. Он почти неузнаваем, и, наверное, то же происходит с Блистающим Поясом. Раньше Йеллоустон окружали тысячи анклавов, подобно... простите, может быть, это нескромно, но мне проще говорить метафорами... подобно ожерелью из редкостных драгоценностей самой изысканной огранки, — и у каждого камня свой блеск, своя игра.

Квирренбах перевел дух после столь длинной тирады и продолжил:

— Теперь необходимая для жизни атмосфера поддерживается от силы на сотне станций. Остальные — заброшенные, заполненные вакуумом оболочки, молчаливые и мертвые, как сплавная древесина, а среди них витает масса опасных обломков, которые затянуло на орбиту. Теперь все это называют Ржавым Поясом.

Я позволил своим мозгам переварить столь необычную информацию:

— А что случилось? Война? Или кому-то не понравилась... композиция?

— Нет... возможно, к сожалению. Всегда есть способ как-то прекратить войну. Прежние войны были не чета нынешним...

— Квирренбах!

Парень явно начинал испытывать мое терпение.

— Эпидемия, — торопливо отозвался он. — Причем весьма опасная. Но прежде чем задавать вопросы, вспомните, что я знаком с ситуацией не лучше вашего. Ведь я тоже здесь недавно.

— Вы знакомы с ситуацией куда лучше моего.

Миновав две двери, я подошел к третьей и сравнил номер с биркой на ключе, который дал мне Вадим.

— Что же это за эпидемия, если она натворила таких дел?

— Не просто эпидемия. То есть не в обычном смысле. Ее проявления были слишком... разнообразны. В них угадывалась изобретательность. Артистизм. Временами даже изощренность. Гм... мы уже пришли?

— Похоже, да. Это его каюта.

— Осторожнее, Таннер, здесь могут быть ловушки.

— Сомневаюсь. Вадим не похож на человека, привыкшего думать наперед. Для этого в мозгу должны быть извилины.

Я всунул ключ в скважину и несказанно обрадовался, когда дверь отворилась. Как только я переступил порог, включился свет, и нашим взорам предстала каюта в три-четыре раза больше моей. Освещение было тусклым из-за наслоений грязи на лампах. Квирренбах сделал шаг следом за мной и замер в нерешительности, как лощеный интеллигент, которого заставляют спуститься в канализацию.

Впрочем, мог ли я судить его строго за нежелание рисковать?

В комнате стояла невыносимая вонь немытого тела. Даже пластиковые поверхности засалились до желтизны. Едва мы вошли, на стенах ожили порнографические голограммы: двенадцать нагих женщин изгибались немыслимым образом, принимая позы, невозможные с точки зрения анатомии. Одновременно хор из двенадцати томных контральто, почти неразличимых по тембру, принялся наперебой восхвалять сексуальные доблести Вадима. Мне стало смешно, поскольку объект безудержной лести сидел в моей каюте связанный и с кляпом во рту. Женщины продолжали болтать, но через некоторое время их жесты и намеки наскучили своим однообразием.

— Судя по всему, эта комната нам и нужна, — заметил Квирренбах.

— Бездна вкуса.

— Не знаю — некоторые из пятен весьма любопытно расположены. Только зря владелец стилизовал интерьер под отхожее место — это уже не модно! — Он брезгливо, самыми кончиками пальцев, сдвинул заслонку ближайшего иллюминатора, изнутри покрытого слоем грязи, а снаружи исцарапанного микрометеоритами. — Однако у него тут еще и вид из окна. Хотя вряд ли стоящий.

Некоторое время я молча смотрел в иллюминатор. Оттуда была видна часть корпуса корабля, по которой то и дело пробегали яркие фиолетовые вспышки. Даже на ходу бригада сварщиков продолжала ремонтные работы на корпусе «Стрельникова».

— Не стоит задерживаться здесь сверх необходимого. За дело. Каждый начинает от своей стенки, двигаемся друг другу навстречу, — возможно, найдется что-нибудь занятное.

— Хорошая мысль, — отозвался Квирренбах.

Я последовал собственному совету. Вдоль всех стен и в нишах выстроились многочисленные шкафчики, — очевидно, эта комната когда-то служила кладовой. Для тщательных поисков времени не было, однако в мой кейс и глубокие карманы Вадимова сюртука перекопывала масса вещей, которые показались мне мало-мальски ценными, — как то: горсть-другая драгоценных камешков и украшений, несколько информационных монокуляров, миниатюрных голографических камер и брошей-переводчиков. Все это Вадим вполне мог вытянуть из пассажиров «Стрельникова», тех, что побогаче. Также моим трофеем стал любопытный экземпляр часов — путешественники предпочитают не брать их с собой, отправляясь в межзвездные рейсы. Помимо всего прочего, эти часы были калиброваны на время Йеллоустона и снабжены серией циферблатов в виде концентрических орбит, по которым вместо стрелок толчками двигались крошечные изумрудные планеты.

Я застегнул браслет на запястье и с удовольствием ощутил вес часов.

— Вот так просто — берете и присваиваете? — вяло пробормотал Квирренбах.

— Вадиму никто не запрещает подать жалобу.

— Дело не в этом. То, чем вы занимаетесь, ничуть не лучше, чем...

— Вы всерьез вообразили, что он купил хоть одну из этих побрякушек? Все они украдены, и явно не только у наших попутчиков.

— Но кое-что могло быть украдено недавно. Нам следует приложить все усилия, чтобы вернуть эти вещи законным владельцам. Вы со мной согласны?

— Теоретически да, если иметь в виду отдаленное будущее, — туманно отозвался я, не прекращая поисков. — Но мы

никогда не узнаем, кто был владельцем. В кают-компании претендентов не нашлось. И вообще, вам-то какое дело?

— Это называется остаточными следами совести, Таннер.

— После того, как этот мордоворот вас чуть не угробил?

— Принципы остаются принципами.

— Ладно. Если боитесь, что не сможете спать спокойно, я сам разберусь с его барахлом. И в конце концов, я что, просил вас составить мне компанию?

— Пожалуй, нет... — На его физиономии отразилась мучительная борьба чувств. Глаза лихорадочно изучали содержимое какого-то ящичка, после чего он выудил оттуда носок и печально на него уставился. — Черт побери, Таннер... надеюсь, вы не ошиблись относительно его... реального веса.

— Об этом можно не беспокоиться.

— Вы точно уверены?

— Я достаточно знаком с преступным миром.

— Ну что ж... думаю, вы правы. В любом случае это стоило обсудить.

И Квирренбах принялся без разбора распихивать по брючным карманам ту часть добычи Вадима, которая ему больше приглянулась, — купюры, в основном валюта йеллоустонцев, — нерешительно, а потом с возрастающим энтузиазмом. Я едва успел прибрать к рукам две запечатанные пачки:

— Благодарю, они мне весьма пригодятся.

— Я собирался поделиться с вами.

— Нисколько не сомневаюсь. — Я провел пальцем по ребру пачки. — Эти бумажки что-нибудь стоят?

— Да, — неуверенно ответил он. — Во всяком случае, в Пологе. Понятия не имею, какая валюта ходит в Мульче, но думаю, что эти деньги нам и вправду не помешают.

Я отправил в свой кейс еще несколько банкнот.

— Бери, пока дают, — такова моя философия.

Продолжая копаться в грудах хлама и всевозможных безделушек, я обнаружил вещицу, которая оказалась плеером для экспириенталий. Те модели, что мне доводилось видеть на Окраине Неба, не шли ни в какое сравнение с этим чудом техники. Благодаря ухищрениям разработчиков его изящный, обтекаемый корпус в сложенном виде был не толще карманной Библии.

Я обнаружил, что один карман еще свободен, и сунул туда плеер заодно с прочими мелочами, которые могли иметь определенную ценность.

— Та эпидемия, о которой вы говорили... — начал я.

— Да?

— Не понимаю, почему она нанесла такой ущерб.

— Потому что она не была биологической, то есть в общепринятом смысле. — Квирренбах перестал копаться в груди вещей и некоторое время задумчиво молчал. — Она поражала только машины, причем начиная с определенного уровня сложности. Одни вовсе прекратили работать, у других... изменился принцип действия.

Я пожал плечами:

— Пока звучит не слишком пугающе.

— Разумеется. Вы, наверное, имеете в виду роботов или системы жизнеобеспечения вроде корабельной. Но дело происходило на Йеллоустоне. Большинство устройств были микроскопическими, они находились в организмах людей, тесно связанные с их разумом и плотью. То, что стряслось с Блισταющим Поясом, — лишь один из симптомов. Что-то ужасное происходит в масштабах всего человечества. Ну скажем... представьте себе четырнадцатый век, по всей Европе гуляет «черная смерть». Это вполне может показаться концом света.

— А можно подробнее?

— Опросите систему в своей каюте. Или хотя бы в этой.

— А почему бы вам самому не рассказать?

Он покачал головой:

— Нет, Таннер. Говорю вам: я знаю немногим больше вашего. Не забывайте, что мы прибыли сюда одновременно. На разных кораблях, да, но оба мы летели сквозь звезды, когда это случилось. Времени на адаптацию у меня было примерно столько же.

— А откуда вы прилетели? — тихо и спокойно осведомился я.

— С Гранд-Титона.

Американо. Таких колоний несколько: Йеллоустон, Йосемити, Глейшер и еще две-три, их названий я не помню. Все они были основаны четыре века назад по одной и той же схеме: первыми на планету высаживаются роботы, которые создают

себе подобных и все необходимое для будущих колонистов. Ни одна из этих попыток не увенчалась успехом: через поколение-другое колония пустела. Редко какой из ныне существующих кланов может похвалиться, что ведет свою родословную от первых поселенцев-американо. Большинство обитателей этих миров — потомки более поздних волн колонизации, поселенцев, прибывших на субсветовиках. Большинство этих колоний — демархистские государства наподобие Йеллоустона.

Окраина Неба — совсем другое дело. Это единственный мир, заселенный экипажем первого поколения.

Иногда люди учатся на своих ошибках.

— Я слышал, что на Гранд-Титоне живет неплохо, — сказал я.

— Да. Наверное, вам интересно, ради чего меня сюда понесло.

— Вообще-то, нет. Это не мое дело.

Он снова прервал раскопки. Похоже, отсутствие интереса к его биографии было ему в новинку. Я перебирал вещи и мысленно считал секунды. Счет перевалил за дюжину, когда Квирренбах заговорил:

-- Я музыкант... то есть композитор. Работаю над симфоническим циклом, это труд всей моей жизни. Вот что привело меня сюда.

— Музыка?

— Да, музыка — хотя едва ли можно назвать этим затакан-ным словечком то, что рождается в моем сознании. Моя следующая симфония... это должен быть шедевр, вдохновленный не-чем иным, как самим Городом Бездны. — Он улыбнулся. — Она задумывалась как возвышенный гимн этому Городу, воплощению блеска Бель-Эпок — сочинение, бурлящее жизненной силой и энергией. Но теперь, я чувствую, это будет что-то мрачное и торжественное, в духе Шостаковича. Тяжелые чувства, вызванные осознанием суровой действительности, — колесо истории вновь повернулось, и наши бранные мечты перемолоты в пыль. Симфония эпидемии.

— И ради этого вы проделали весь путь? Чтобы нацарапать несколько нот?

— Вот именно, нацарапать несколько нот. Почему бы и нет? Ведь кто-то должен это сделать.

— Но дорога домой займет у вас десятилетия.

— Удивительно, но сей факт успел отпечататься в моем подсознании раньше, чем вы любезно сделали это замечание. Мое путешествие — всего лишь прелюдия, а потраченное на него время — просто миг в сравнении с несколькими веками, которые пролетят до его завершения. Оно будет длиться почти столетие — в два-три раза больше, чем прожил любой из великих композиторов. Разумеется, я посетю десятки миров. Я буду постоянно прокладывать новые маршруты, устремляясь туда, где происходят самые значительные события. Почти наверняка войны, эпидемии и смуты будут продолжаться, но также будут происходить чудеса и совершаться удивительные открытия. И все это послужит пищей моему грандиозному произведению. А когда я пойму, что оно завершено, и не почувствую при этом ни отвращения, ни разочарования... наверное, тогда я уже достигну заката своих дней. У меня, знаете ли, не хватает времени следить за новинками в технологии долгожительства — все силы надо отдавать работе. Так что остается прибегнуть к каким-нибудь общедоступным средствам, надеюсь, я успею завершить свое выдающееся творение. Затем займусь окончательной шлифовкой. Я сведу грубые наброски, сделанные тут и там, в единое целое и, может быть, добавлю несколько легких штрихов. Несомненно, к тому времени я достигну большего мастерства. И тогда я сяду на корабль и вернусь на Гранд-Титон — если он еще будет существовать, — где объявлю о мировой премьере. Это будет действительно мировая премьера... Конечно, она состоится лет через пятьдесят, а может быть, и больше. Все зависит от того, насколько расширятся к тому времени границы освоенного космоса. Новость должна достичь самых отдаленных колоний, а людям нужно добраться до Гранд-Титона — все это требует времени. Подготовить концертную площадку — у меня есть на примете одно подходящее место, собрать достойный состав оркестра... может быть, применив клонирование — как получится. Все это время я буду спать. И когда минуют эти пятьдесят лет, я воспряну ото сна, шагну в свет прожекторов и встану за пульт, чтобы дирижировать своим опусом. Не важно, сколько мне останется после этого. Я буду купаться в лучах славы, которой не испытывал и не испытает ни один из ныне живущих музыкантов. Имена великих композиторов будут упоминаться лишь в связи с моим именем. Они померкнут рядом с ним, точно россыпь крошечных звездочек рядом со звездой

первой величины. Мое имя прозвучит в веках мощным неумирающим аккордом...

Он умолк.

— Что ж, вам есть к чему стремиться, — заметил я после длительной паузы.

— Наверное, вы решили, что я чудовищно тщеславен.

— Ну что вы, Квирренбах. У меня даже в мыслях такого не было...

Моя рука, шарившая в этот момент в недрах одного из выдвижных ящичков, наткнулась на что-то необычное. Откровенно говоря, я рассчитывал найти хоть какое-нибудь оружие, желательнее помощнее моего заводного пистолета. Однако Вадим, похоже, обходился без подобных игрушек. И вот теперь...

— А вот это уже интересно!

— Что вы нашли?

Я извлек на свет тускло-черную металлическую шкатулку величиной с сигарный ящик и открыл ее. В маленьких отделениях обнаружилось шесть алых пузырьков. Еще там было мудреное стальное устройство наподобие шприца, но с рукояткой как у пистолета. Ее украшал изящный пестрый рельеф в виде кобры.

— Понятия не имею. Есть какие-то предположения?

— Да нет, пожалуй... — Квирренбах с искренним любопытством разглядывал пузырьки. — Одно могу сказать: это что-то... противозаконное, по крайней мере так выглядит.

— Знаете, я того же мнения.

Когда я протянул руку за шкатулкой, Квирренбах спросил, почему меня так интересует ее содержимое.

Причина была проста. Я вспомнил шприц, который выпал из кармана неумного монаха во время той памятной разборки в пещере. Не берусь утверждать — там было темно, — но Вадимовы пузырьки уж больно походили на содержимое шприца брата Алексея. Заодно я вспомнил еще кое-что: Амелия говорила, что эта дрянь действительно входит в разряд нелегальных, по крайней мере для обитателей «Айдлвилда».

— Думаю, оно откроет для меня некоторые двери.

— Оно может открыть кое-что похуже, — сказал Квирренбах. — Для начала врата ада. Я слышал краем уха разговор на корабельном причале относительно черного рынка, где торгуют самыми опасными наркотиками, — он кивком указал на строй

алых пузырьков, — один из которых известен под названием «топливо грез».

— Думаете, это оно?

— Не знаю. Но не удивлюсь, если наш приятель Вадим при-
торговывает чем-то подобным.

— И как действует это «топливо»?

— Я ведь не эксперт, Таннер. Все, что мне известно, — это что оно дает какие-то неприятные побочные эффекты и что власти этой системы не поощряют его употребление, а заодно и хранение.

— Но его, разумеется, употребляют.

— Конечно. Но я даже не представляю, каким образом. Стати, это приспособление называют свадебным пистолетом.

Похоже, он заметил, как у меня вытянулась физиономия:

— По местному обычаю молодожены обменивались нейронным материалом, культивированным из мозга супруга. Они пользовались этой штукой — ну, свадебным пистолетом, — чтобы имплантировать друг другу клетки.

— Пользовались? То есть теперь не пользуются?

— Кажется, перестали после эпидемии. — Он печально вздохнул. — Но если на то пошло, после эпидемии перестали делать очень многие вещи.

Когда Квирренбах исчез со своими трофеями — надеюсь, он отправился работать над великой симфонией, — я подошел к сетевому терминалу, который обнаружился в каюте Вадима. Впервые с момента старта я мог насладиться привычным весом своего тела: «Стрельников» сделал резкий рывок, корректируя курс следования к Блистающему... к Ржавому Поясу. Из недр корабля доносился тихий протестующий скрип какой-то конструкции. Похоже, это корыто имело все шансы развалиться, прежде чем достигнет Пункта Назначения. Впрочем, вскоре стоны и поскрипывания уже воспринимались вполне естественно, и я смог сосредоточиться на более важных вещах.

Пульт терминала выглядел допотопным, над такими любят потешаться дети в музеях. Кнопки, окружавшие плоский экран, нажимались пальцами столько раз, что символы почти не читались. Ниже располагалась клавиатура с буквами и цифрами. Не знаю, каких высот достигла техника в системе Йеллоустана, но это чудо недотягивает даже до стандартов Окраины Неба.

Ладно, сойдет за неимением лучшего.

Я нашел кнопку включения, экран замерцал серией приветственных сообщений и реклам, затем продемонстрировал разветвленное древо опций. Информация о сервисе на борту. Трансляционные сети в реальном времени — паутина потоков данных в радиусе примерно световой секунды от «Стрельникова», которая даже позволяет нормально общаться. Дальние трансляционные сети с типичными задержками времени от пары секунд до десятков часов, в зависимости от сложности запроса. Доступа к сетям с большей задержкой, разумеется, не было. Чтобы дожидаться ответа из сети анклавов, расположенных, скажем, в поясе Койпера, отправителю придется совершить не один рейс на борту этой старой посуды.

Войдя в меню для дальних сетей, я несколько секунд наблюдал, как по экрану деловито следует ряд рекламных сообщений. Наконец появилось древо каталогов. Так, сведения о прибытии и отправлении звездолетов... а вот и «Орвието». Система Йеллоустона оставалась оживленным межзвездным перекрестком, и это не стоит упускать из виду. Мор разразился меньше десяти лет назад, когда большинство этих кораблей уже были на пути сюда. Потребуется еще десятилетия, чтобы весть об эпидемии распространилась по всему населенному космосу.

Я пробежал глазами перечень опций.

Дальние трансляционные сети охватывали всю планетную систему. С их помощью поддерживалась двухсторонняя связь между многочисленными станциями на орбите газового гиганта. По большей части это были платформы для добычи руды и удаленные аванпосты, принадлежащие самым разным группировкам. Гнезда сочленителей соседствовали с анклавами угонщиков и полуавтоматическими военными или экспериментальными предприятиями. И ни слова об эпидемии. Иногда попадались материалы, посвященные «политике сдерживания» и «антикризисному управлению», но все, что касается эпидемии и ее последствий, похоже, стало такой неотъемлемой частью жизни, что не нуждалось в упоминании.

Из местных сетей я выудил чуть побольше. Пару раз о катастрофе упоминали напрямую. Оказывается, ее обозначали специальным термином, который звучал не слишком грозно, — «плавающая чума». Но большинство сообщений были рассчитаны на читателя, хорошо осведомленного об основных фактах случив-

шегося. Тут же проскальзывали слова «герметики», «Полог» и «Мульча», которые упоминались в связи с какой-то «Игрой», но что это такое — нигде не объяснялось.

О Пологе я уже слышал. Там, по мнению Амелии, у меня будут все шансы отыскать Рейвича. Это один из районов Города Бездны.

Неужели она сказала меньше, чем мне показалось вначале?

Я установил на пульте режим передачи и запросил информацию об эпидемии — хотя бы ряд общих фактов, которые полагается знать иммигрантам. Не может быть, чтобы никто до меня не интересовался этим, отправляясь в дебри Ржавого Пояса. Правда, не исключено, что мне просто не соизволят ответить. Например, потому, что ответить некому. Или все автоматические справочные системы давно не работают.

Я отправил запрос, потом несколько секунд смотрел на экран. С экрана на меня пялилась неподвижная физиономия — мое отражение.

И больше ничего.

Разочарованный в своих поисках, я механически копался в карманах Вадимова сюртука и наконец извлек воспроизводящее устройство. Собрать его было одно удовольствие: тонкие черные пластины с легкими щелчками становились на место — прямо как детали хорошей винтовки, и столь же точно подогнаны. Вскоре у меня в руках был черный каркасный шлем, усаженный полевыми генераторами и входящими портами и украшенный светящимися зелеными и красными гамадриадами. Спереди опускалась пара стереоскопических наглазников с ободками из материала, автоматически прилежавшего к коже вокруг глаз. Сходным образом функционировала пара наушников и даже особые носовые затычки для обонятельного сигнала.

Я взвесил шлем на руке и надел его.

Мой череп тут же сдавило, словно в пыточных тисках. Маленькие наглазники встали на место и прилипли к глазницам. Я по-прежнему созерцал интерьер комнаты Вадима, но чуть заметная зернистость указывала, что это изображение, которое создается воспроизводящей системой с высоким разрешением. Чтобы добиться лучшего качества, понадобились бы нейронные имплантаты и более совершенная воспроизводящая систе-

ма с обратной связью, которая посылает сигналы в мозг и считывает его импульсы, — такие штучки есть в арсенале военных.

Я открыл свой кейс.

Мне нужен был пакет с экспириенталиями, прихваченными на Украине Неба. Разорвав прозрачный пластик, я осмотрел шесть палочек, напоминающих авторучки. Ничего указывающего на содержимое записей. Что это, предмет торговой сделки или послание самому себе, составленное до того, как я потерял память?

В лобной части шлема имелся порт, явно предназначенный для металлического кончика палочки. Я взял первую попавшуюся и вставил ее туда, украсив свой лоб подобием маленького рога.

Передо мной возникло меню с опциями загрузки всевозможных режимов симуляции и прочими художествами. Я принял опцию «по умолчанию», а остальные настройки выбрал методом тыка в буквальном смысле этого слова. Шлем генерировал электрополе низкого уровня, любое движение моего тела порождало в нем возмущения, которые считывались системой. Для выбора опции мне было достаточно указать на нее пальцем.

Комната плавно растворилась в серых тонах, послышалось тихое шипение. Затем шум почти исчез, а заодно и все остальные звуки. Серая мгла посветлела, из тумана выступили прозрачные силуэты, потом появились цветные пятна.

Я стоял на поляне в джунглях и стрелял во вражеских солдат.

Почему-то я был голым по пояс и накачан так, что нынешние солдаты умерли бы от зависти. На груди у меня красовалась какая-то татуировка. В одной руке я держал лучевик старого образца, а в другой — традиционный автомат, только уж больно маленький. Однако любой, кто хоть раз имел дело с подобным оружием, понимает, что стрелять из того и другого, удерживая на вытянутых руках, физически невозможно. Стволы полыхали жаром. Я поливал огнем нескончаемый поток орущих врагов, которые вполне охотно бежали ко мне из зарослей, тогда как любой из них, хорошо прицелившись, мог снять меня из укрытия единственным выстрелом. Я тоже вопил как ненормальный, — наверное, так легче было удерживать оружие.

Как ни смешно, я не сомневаюсь, что подобный товар пользуется спросом. Например, на Украине Неба — притом что там продолжалась настоящая война.

Я заменил экспириенталию.

На этот раз я очутился в одноместной каркасной колымаге, которая мчала меня по глинистой равнине. Одновременно не менее дюжины подобных колымаг пытались проскользнуть мимо меня с обеих сторон. Войдя в эту опцию с выбранным наугад комплектом интерактивности, я мог управлять тачкой, разгонять и тормозить ее турбодвигатель. Несколько минут я развлекался, держась впереди стаи, пока не ошибся в оценке угла наклона песчаной отмели и не потерял контроль. В мою машину врезалась другая. Несколько секунд безболезненного крушения, и я обнаружил себя запускающим двигатель на линии старта. Трудно предсказать спрос на эту игру. Ее могут смести с прилавка под маркой «уникального продукта с Окраины Неба», а могут счесть безнадежно устаревшей.

Я проверил четыре оставшиеся экспириенталии, но результаты были столь же неутешительными. Две содержали мелодрамы на основе вымышленных исторических эпизодов. Первая повествовала о жизни Небесного Хаусманна на борту «Сантьяго» (только этого мне не хватало!), а вторая оказалась любовной историей. Действие разворачивалось во время заключения Небесного и завершалось судом и казнью, однако на этот раз Небесный был лишь фоновым персонажем. На двух остальных обнаружили записи о каких-то приключениях, причем их неперменной деталью была охота на змей. Сценарист имел весьма смутное представление о биологии гамадриад.

Что и говорить, от своего прошлого я ожидал более богатого наследства... Возможно, какого-то особого послания. По сравнению с тем днем, когда в первый раз проснулся в «Айдлвилде», я успел многое вспомнить, но ряд моментов так и оставался неясным. Какие-то события упорно ускользали от меня. Я мог бы жить с этими пробелами, если бы моя охота на Рейвича происходила на знакомой территории. Но мне предстояло действовать в городе, о котором я знал, мягко говоря, маловато.

Я перешел к коллекции экспириенталий, позаимствованной у Вадима. На них тоже не было никакой маркировки, кроме крошечного серебряного значка на верхнем конце. Ну что ж... раз мне не удалось узнать ничего нового о себе, попробуем познакомиться с индустрией развлечений Города Бездны. Я вставил в порт одну из палочек.

Это было ошибкой.

Я ожидал увидеть порнографию или сцену бессмысленного мордобоя. Это крайности, но и в них человеческая натура остается узнаваемой. То, что мне передалось, было настолько странным, что я засомневался: может быть, эти экспириенталии несовместимы со шлемом и он работает не с теми зонами мозга? Вряд ли. И шлем, и экспириенталии были взяты из одного арсенала: я нашел их в комнате Вадима.

Я стал другим.

Темнота, сырость... ощущение ужасающей заброшенности, пространство давит со всех сторон, вызывая ужас и панику. Череп как будто ссыхается, сдавливая мозг. Тело кажется совсем чужим — вытянутое, лишенное конечностей, бледное, мягкое и абсолютно уязвимое. Происхождение подобных ощущений оставалось для меня загадкой, пока устройство не просигналило древнему закоулку мозга и тот не выдал воспоминания о фильтрации воды вместо дыхания и плавании вместо ходьбы. Впрочем, я не был одинок, да и темнота не была непроглядной, как казалось вначале. Мое тело занимало теплую душную лауну внутри пространства, пронизанного лабиринтами черных тоннелей и камер. Где-то рядом были другие бледные вытянутые существа. Я не видел их — похоже, они находились в соседних камерах, — но ощущал их присутствие, впитывал густой химический поток эмоций и мыслей. Как ни удивительно, я был одновременно каждым из этих созданий, а они были мной. Они повиновались моим командам так же, как мои собственные руки и ноги, они чувствовали то же, что и я.

Замкнутость пространства пугает и подавляет, но одновременно внушает решимость. По ту сторону непреодолимо твердого барьера, за которым мы содержимся, — разреженная пустота; о ней даже думать страшно. Эта пустота опаснее замкнутого пространства, и я точно знаю: это не та пустота, в которой нет ничего. Где-то затаились молчаливые, бесконечно терпеливые враги.

И они приближаются.

Страх охватил меня с такой силой, что я заорал — и сорвал шлем. С минуту я плавал в каюте Вадима, еле переводя дух и пытаюсь осознать, что мне довелось пережить. В течение бесконечно долгих секунд я не мог понять, чего боюсь больше — пус-

тоты или замкнутого пространства. Меня качало от одного страха к другому — это походило на слабеющие удары зловещего колокола.

Дрожащими руками — хотя я начинал понемногу приходить в себя — я извлек палочку и внимательно ее рассмотрел. На этот раз особое внимание уделил маленькой эмблеме возле ее кончика.

Она подозрительно смахивала на личинку.

Через иллюминатор в каюте Вадима я наблюдал, как мы приближаемся к Ржавому Поясу.

Теперь я кое-что знал о том, что ждет впереди. Меня еще трясло после истории с последней экспириенталией, когда на пульте раздался звонок, возвестивший, что на мой запрос отреагировали. Странно: обычно ответ или приходит сразу, или не приходит вовсе. Значит, информационные сети системы и вправду пострадали.

Послание оказалось скорее стандартным документом, нежели ответом, составленным по индивидуальному запросу. Похоже, программа решила, что этот документ автоматически ответит на большинство моих вопросов, — вполне резонно.

Я принялся за чтение.

Уважаемый иммигрант!

Мы рады приветствовать Вас в системе Эпсилон Эрида.

Несмотря на все произошедшее, мы надеемся, что Ваше пребывание здесь окажется приятным. Данный документ составлен для того, чтобы объяснить Вам значение ряда ключевых моментов нашей истории. Мы надеемся, что эта информация облегчит адаптацию в культурной среде, поскольку она может абсолютно не соответствовать представлениям, которыми Вы руководствовались, поднимаясь на борт корабля в пункте отправления. Важно, чтобы Вы поняли: мы опирались на опыт тех, кто прибыл сюда до Вас...

Текст оказался длинным. Я пробежал его по диагонали, после чего перечитал не торопясь, а в паре мест остановился особо: они содержали информацию, которая могла помочь мне в охоте на Рейвича. О масштабах последствий пресловутой эпи-

демии мне уже сообщили. Возможно, кому-нибудь из свежеразмороженных этот документ показался бы шокирующим открытием. Однако бесстрастная холодность, с которой излагались подробности, производила жутковатое впечатление. Воображаю, какво читать такие вещи тем, кто прибыл на Йеллоустон в поисках роскоши, а не кровного врага.

Нищенствующие предпочитали подольше держать своих подопечных в счастливом неведении, но я был уверен: если бы решил остаться хоть ненадолго в хосписе, они бы стали понемногу вводить меня в курс дела. В одном я был полностью согласен с авторами этого послания: существуют факты, с которыми необходимо ознакомиться как можно быстрее, сколь бы неприглядными они ни показались.

Интересно, как долго я буду кувыркаться, пока не адаптируюсь в этой обстановке. Не хотелось бы оказаться в числе бедолаг, которым это так и не удалось.

Хотя — кто знает? Возможно, именно они сохранили здравый рассудок.

В иллиуминаторе ватными хлопьями проплывали анклавы Ржавого Пояса. Те, что побольше, начали приобретать четкие очертания. Хотел бы я посмотреть, как они выглядели семь лет назад, накануне эпидемии.

Блิสтающий Пояс составляли примерно десять тысяч станций, каждая из которых напоминала роскошный светильник, униженный драгоценностями. Архитекторы явно выделялись кто во что горазд, руководствуясь не столько практическими требованиями надежности конструкции, сколько соображениями эстетики и престижа. Станции плыли вокруг Йеллоустона по низкой орбите почти вплитык друг за другом, точно толпа разряженных аристократов, — величаво, но вежливо выдерживая дистанцию при помощи направленных микровыбросов энергии. От станции к станции по тонким серебряным нитям перекачивались бисерины коммерческих транспортов, отчего издали Пояс казался оплетенным мишурой. Эта паутина зримо отражала политическую обстановку. Одни станции, окруженные плотной паутиной, постоянно рассылали союзникам лазерные импульсы с информацией, зашифрованной методом квантовой криптографии; другие, голые, застыли в угрюмом одиночестве. Последнее отнюдь не редкость. А стоит ли удивляться? Война —

явление вездесущее, и то, что для нее нашлось место даже в такой структуре, как демархистское общество, на самом деле закономерно. На этих тысячах станций уживалось все, чем может увлекаться человек, — любые искусства, любые идеологии, любые извращения. Демархисты не запрещали ничего, включая эксперименты с политическими моделями, в корне противоречащими их основной парадигме — абсолютной демократии, отрицающей принцип иерархии. Это даже поощрялось при условии, что все останется в рамках экспериментов. Запрещалась лишь разработка оружия и его накопление, если это не служило целям искусства. Именно здесь, на Блистающем Поясе, клан Силвест — один из самых влиятельных в системе — реализовал основную часть проектов, которые увековечили имя этой семьи. Именно здесь Кэлвин Силвест осуществил первую со времен Транспросвещения попытку нейронного сканирования. Дэн Силвест собрал всю доступную информацию о затворниках — работа, логическим продолжением которой стала роковая экспедиция к Завесе Ласкаля.

Но все это осталось в далеком прошлом. Колесо истории повернулось, и слава Блистающего Пояса померкла... можно сказать, покрылась ржавчиной.

Когда разразилась пресловутая плавающая чума, Блистающий Пояс продержался дольше, чем Город Бездны: большинство станций успели объявить карантин, и эта мера себя вполне оправдала. К тому же некоторые станции были полностью автономны и настолько засекречены, что их десятилетиями никто не посещал.

Но даже они в конечном счете не были неуязвимыми.

Эпидемия проникла на одну-единственную станцию — и этого хватило. Спустя несколько дней большинство ее обитателей были мертвы, а самовоспроизводящиеся системы выходили из строя одна за другой. Потерявшая управление станция покинула свое место на орбите и поплыла, словно осколок метеорита. Обычно шансы на столкновение невелики, но... Блистающий Пояс был укомплектован столь плотно, что находился на волосок от катастрофы.

Вот первый закон столкновений между двумя телами, которые движутся по орбите: вероятность столкновения исчезающе мала — до тех пор, пока оно не произойдет. Тогда осколки

разлетаются во все стороны, и вероятность нового столкновения значительно увеличивается. Обычно долго ждать не приходится. Количество осколков растет... и теперь очередное столкновение практически неизбежно.

В течение ближайших недель почти каждая станция Блистающего Пояса получила осколочные ранения — увы, зачастую смертельные. Даже если все живое на борту не погибало при разгерметизации, осколки обычно несли заразу, которая погубила первый анклав. Мертвые станции плыли по орбите, темные и покинутые, точно сброшенные панцири гигантских ракообразных. Когда прошел год, уцелели от силы две сотни анклавов, в основном самые старые — с прочной конструкцией и оболочками из камня и льда для защиты от вспышек радиации. Кроме того, эти станции были оснащены батареями антиколлизийных лазеров, благодаря чему смогли уничтожить основную часть крупных осколков.

Это было шесть лет назад. С тех пор, по словам Квирренбаха, обстановка на Ржавом Поясе стабилизировалась. Почти все осколки удалось выловить и спрессовать, а потом огромные смертоносные глыбы были отправлены в кипящие недра Эпсилона Эридана. По крайней мере теперь Пояс уже не рассыпается на части. Опустевшие анклавы тоже не остались без внимания: время от времени роботы-буксиры водворяли их на место. Но лишь малую толику удалось снова заселить, восстановив герметичность. И разумеется, по всей системе ползали всевозможные слухи о зловещих обитателях заброшенных станций.

Вот и весь мой улов. Но воистину, лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. Желтовато-бурая громада Йеллоустона уже заслонила полнеба. Теперь он куда сильнее напоминал покинутый мною мир, чем тот плоский бледный диск, который плыл на фоне звезд несколько часов назад. «Стрельников» заложил вираж и понесся к ближайшей станции, где собирался встать на причал. Я смотрел, как наискось по лику Йеллоустона уродливыми силуэтами проплывают мертвые станции — искореженные, обгорелые, испещренные сквозными пробоинами и кратерами от чудовищных столкновений. Пожалуй, крови было достаточно, чтобы Блистающий Пояс заржавел. Когда начались столкновения, на многих станциях уже полным ходом шла эвакуация, но спасти миллион человек за столь короткое время просто невозможно.

Анклав, к которому мы направлялись, имел форму сигары и вращался вокруг продольной оси, как и «Айдлвилд», что создавало искусственное тяготение. Сестра Амелия называла это местечко Нью-Ванкуверской «каруселью». На грязно-сером ледяном панцире ярко сверкали пятна — следы недавних столкновений. Из невидимых отверстий то и дело беззвучно вырывались ленивые клубы пара, придавая станции сходство с гибридом осьминога и спиральной галактики. Сбоку к причалу прилип огромный субсветовик, похожий на ската с рядами крошечных сверкающих иллюминаторов по кромке крыльев.

Но вот «Стрельников» устремился к ближайшему концу «сигары», и навстречу нам гостеприимно распахнулась змеиная пасть о трех челюстях. Мы нырнули в камеру, стены которой представляли собой переплетение трубопроводов и топливных баков. Я увидел еще несколько шаттлов, втиснутых в причальные доки: два обтекаемых атмосферных катера, напоминающие бутылочно-зеленые наконечники стрел, и пару близких родственников нашего тихохода — те же скругленные углы и торчащие наружу механизмы. Вокруг кораблей, болтаясь на «пуповинах», сустились ремонтники в скафандрах и с инструментальными чемоданчиками. Среди них я заметил несколько роботов, но в основном починкой корпуса занимались люди или животные-киборги.

Похоже, мои прежние опасения подтверждались. Я ожидал, что окажусь в мире, который опередил мою планету почти во всех отношениях на несколько веков, и мне останется только хлопать глазами, точно деревенскому олуху, которого занесло в столицу. То, что я наблюдал сейчас, вполне могло происходить в отдаленном прошлом на моей планете... а то и во времена старта Флотилии.

Нас основательно потрянуло — «Стрельников» ткнулся в причал. Я прихватил свои пожитки, а заодно и то конфискованное у Вадима и полез вверх, к выходу из корабля.

— Что ж, попрощаемся, — промолвил Квирренбах, высовываясь из очереди ожидающих высадки на Нью-Ванкувер.

— Конечно.

Если он рассчитывал на другой ответ, то ему не повезло.

— Я... заходил проведать Вадима.

— Такая мразь сумеет о себе позаботиться. Надо было выкинуть его из воздушного шлюза, пока была возможность. —

Я криво улыбнулся. — Правда, он называет себя местной достопримечательностью. Мне бы ужасно не хотелось быть последним, кто ее увидит.

— Вы здесь надолго? То есть в НВ?

Я не сразу понял, что он говорит о Нью-Ванкувере.

— Нет.

— Значит, сядете на первый «бегемот» и отправитесь на планету?

— Вполне вероятно.

Я посмотрел через его плечо на проем выхода; там протискивалась толпа. В иллюминатор было видно, как рабочие прилаживают на место кусок обшивки «Стрельникова», отвалившийся в процессе швартовки.

— Да, я тоже намерен как можно скорее оказаться на планете. — Квирренбах похлопал по своему кейсу, который прижимал к груди, словно ребенка. — Чем скорее начну работать над «Симфонией эпидемии», тем лучше.

— Я уверен, ей обеспечен потрясающий успех.

— Благодарю. А вы? Может быть, я слишком любопытен... но вы уже решили, что будете делать там, внизу?

— О да, кое-что решил.

Уверен, он бы еще долго — и безрезультатно — пытался меня расколоть. Но внезапно в толчее перед нами образовалась разреженная область, и я незамедлительно вклинился туда. Через пару минут я уже вышел из зоны досягаемости Квирренбаха.

Изнутри Нью-Ванкувер совершенно не походил на хоспис «Айдловилд». Ни искусственного солнца, ни общей атмосферы. Вся конструкция являла собой подобие пчелиного улья, где лепились друг к другу тысячи крошечных замкнутых ячеек, или внутренностей старинного радио. Я даже не надеялся, что Рейвич все еще ошивается где-то неподалеку. В Город Бездны ежедневно отправлялись не менее трех «бегемотов». Как пить дать, он покинул анклав при первой возможности.

И все же не стоит терять бдительность.

Оценка Амелии оказалась безошибочной: валюты Йеллоу-стона, которую я взял с собой, хватило как раз на рейс в Город Бездны. Путешествие на «Стрельникове» сократило мои ресурсы наполовину, а остаток должен был уйти на оплату приземления. Правда, я прихватил кое-какую мелочь у Вадима. Однако

после подсчета обнаружилось, что сумма конфиската не превышает остатка моих собственных финансов. Очевидно, его жертвы-иммигранты не принадлежали к числу толстосумов.

А теперь сверим часы.

Концентрические циферблаты на часах Вадима позволяли определить время для обеих временных систем Йеллоустона — для суток из двадцати шести и двадцати четырех часов. До старта шаттла около двух часов. Я решил прогуляться по НВ, чтобы скоротать время, а заодно разузнать что-нибудь из местных источников информации. Но вскоре выяснилось, что люди, летающие на столь убогом корыте, не должны осквернять станцию своим присутствием. Пассажиры скоростных шаттлов были отделены от нас стенами из бронированного стекла. Я отыскал местечко, присел и, потягивая скверный кофе (кажется, единственная общедоступная услуга), понаблюдал за двумя потоками людей, разделенных прозрачной стеной.

Место, где я сидел, было грязным проходным вестибюлем. Стулья и столы боролись за пространство с промышленными трубами метровой толщины, которые упирались в потолок и походили на деревья гамадриад. Главные артерии ветвились, изгибались, и вся конструкция подозрительно напоминала кишечник. Трубы беспокойно подрагивали, словно тонкий металл и крошащиеся заклепки чудом выдерживали титаническое давление. Кто-то попытался облагородить интерьер с помощью искусственных лиан, накрученных вокруг труб, но усилиям явно не доставало энтузиазма.

Я бы не сказал, что окружающие выглядели несчастными. Однако почти все расхаживали по вестибюлю с таким видом, словно желали оказаться подальше отсюда, и как можно скорее. Я узнал несколько пассажиров «Стрельникова» и кое-кого из хосписа, но большинство людей были мне незнакомы. Сомневаюсь, что все они прибыли из-за пределов системы Эпсилона Эридана. С тем же успехом НВ мог служить перевалочным пунктом для тех, кто перемещался внутри системы. Я даже увидел нескольких напыщенных ультра, шеголяющих причудливыми модификациями своих тел, но куда больше их собратьев находилось по ту сторону стекла.

Я вспомнил ультра, которых видел на борту «Орвието», — экипаж капитана Орканьи и женщину с дырой в животе, кото-

рая нас встречала. Кстати, откуда Рейвичу стало известно о нашей засаде? Не выдал ли нас в конечном счете сам Орканья? Тогда не исключено, что моя посткриогенная амнезия — дело его рук: капитану захотелось сбить меня со следа.

А может, у меня просто началась паранойя.

Вдруг я увидел за стеклом нечто еще более странное, чем пилоты субсветовиков. Если ультра напоминали мертвецов в черном, то эти походили на гробы, поставленные вертикально. Они пробирались сквозь толпу с какой-то зловещей грацией. Впрочем, окружающие не обращали на них никакого внимания — почти никакого, разве что осторожно уступали дорогу. Я глотнул кофе. Некоторые из этих гробов были снабжены неуклюжими руками-манипуляторами. И в каждом на передней стенке темнело окошко.

— Похоже на паланкины.

Я узнал голос Кви́рренбаха и не смог удержать тяжкий вздох. Композитор приземлился на соседний стул.

— Ага. Еще не закончили свою симфонию?

Он искусно притворился, что не расслышал:

— Мне рассказывали про эти паланкины. Там внутри люди, их называют герметиками. Чудаки до сих пор ходят с имплантатами и не желают от них избавляться. Каждый из этих шкафов — маленький замкнутый мирок, который вполне пригоден для путешествий. Как по-вашему, это действительно настолько опасно?

Я раздраженно поставил чашку:

— Откуда мне знать?

— Извините, Таннер... я просто пытаюсь поддерживать беседу. — Он покосился на свободные стулья. — Кажется, вы не обременены спутниками?

— Возможно, но не впадаю по этому поводу в отчаяние.

— Ах, перестаньте. — Он щелкнул пальцами, подзывая к нашему столу замызганного робота-официанта. — Нас кое-что связывает, Таннер. Обещаю, что перестану преследовать вас, как только мы доберемся до Города Бездны. Но пока — неужели вам претит быть со мной чуточку повежливее? Как знать, может, я чем-то сумею вам помочь? Согласитесь, я все-таки осведомлен об этих местах чуть получше вашего.

— Вот именно «чуть получше».

Он взял у робота кофе и посоветовал мне повторить заказ. Я с нарочитой вежливостью отклонил предложение.

— Господи, какая гадость, — произнес он после пробного глотка.

— Ну вот, хоть в чем-то мы сошлись, — попытался пошутить я. — Теперь мне хотя бы известно, что течет в этих трубах.

— В этих трубах? — Квирренбах огляделся. — Ах да... Нет, это паровые трубы, Таннер. И очень важные.

— Паровые?

— НВ использует собственный лед, чтобы не допустить перегрева. Мне рассказывал об этом кто-то на «Стрельникове». Лед из наружной оболочки измельчают до состояния кашицы и закачивают в трубы. Затем прогоняют его через все помещения между главными жилыми зонами — вроде этого. Снеговая кашица впитывает в себя избыток тепла, постепенно тает и закипает, так что трубы заполняются перегретым паром. А пар выбрасывают обратно в космос.

Я вспомнил о гейзерах на поверхности станции, которые заметил на подлете.

— Довольно расточительно.

— Так было не всегда. Раньше у НВ были гигантские радиаторы, словно крылья бабочки размахом в сотню километров. Но анклав их лишился, когда посыпался Блισταющий Пояс. Доставка льда стала вопросом жизни и смерти. Теперь приходится поддерживать регулярные поставки, иначе станция превратится в жаровой шкаф. Они берут лед с Глаза Марко — это местная луна, там у полюсов есть постоянно затененные кратеры. Можно было бы завозить метановый лед с Йеллоустона, но это действительно слишком накладно.

— Вы много знаете.

Он просиял и похлопал по своему кейсу, который лежал у него на коленях.

— Подробности, Таннер. Подробности. Нельзя написать симфонию о месте, которое не изучил досконально. У меня уже есть замысел для первой части. Вначале мрачные созвучия, играют только духовые, затем постепенно включается ритмическое остинато. — Он прочертил пальцем в воздухе, словно обводя контуры невидимого пейзажа. — Адажио — аллегро — энергико. Это будет олицетворять разрушение Блισταющего

Пояса. Я почти уверен, что оно само по себе заслуживает целой симфонии... А как по-вашему?

— Никак, Квирренбах. Я не силен в музыке.

— Но ведь вы образованный человек, верно? Вы немногословны, но за каждой сентенцией — глубокая мысль. Кому принадлежит изречение, что мудрец говорит, когда ему есть что сказать, а глупец говорит, потому что иначе не может?

— Не знаю. Но этот человек определенно не был болтуном.

Я глянул на свои часы — уже воспринимал их как свои, — загадав, чтобы положение зеленых камешков возвестило время отлета. Но с тех пор, как я смотрел на них последний раз, они словно не сдвинулись с места.

— Чем вы занимались на Окраине Неба, Таннер?

— Я был солдатом.

— Но в этом нет ничего особенного, верно?

Терять все равно нечего. Скуки ради я рискнул углубиться в подробности:

— Война вошла в нашу жизнь. От нее невозможно было спрятаться. Даже там, где я родился.

— И где это?

— В Нуэва-Икике. Сонный прибрежный городок вдалеке от главных полей сражений. Но у каждого хоть кто-то да погиб — из родственников, из знакомых. По идее, у каждого был повод, чтобы ненавидеть противника.

— А вы испытывали к врагу... личную ненависть?

— Я бы так не сказал. Для ненависти существует пропаганда... но, если разобраться, по ту сторону фронта про нас тоже рассказывали всякие небылицы. Ну конечно, кое-что было правдой. Не надо ничего придумывать — жестокости и грязи хватало и тем и другим.

— А война действительно началась из-за того, что случилось во Флотилии?

— В общем, да.

— Так, значит, проблема заключалась не столько в идеологии, сколько в территории?

— Меня это не интересует. Поймите, Квирренбах, все это давние дела.

— А что вы знаете о Небесном Хаусманне? Я слышал, на вашей планете до сих пор живут его почитатели.

— Ну, кое-что знаю.

Мне попался заинтересованный собеседник. Казалось, чуть напряги слух и уловишь, как он делает в голове записи, готовя материал для своей симфонии.

— Это входит в вашу систему воспитания?

— Не совсем так.

Мне действительно нечего терять. Я поднял руку и продемонстрировал Квирренбаху рану посередине ладони:

— Видите? Это знак того, что до меня добралась церковь Небесного. Я инфицирован индоктринационным вирусом. Теперь вижу сны о Небесном Хаусманне, даже когда мне этого не хочется. В конечном итоге вирус, естественно, распадется, но очень скоро. Я получаю дозу Небесного каждый раз, когда закрываю глаза.

— Это ужасно. — Он изо всех сил старался держаться в рамках приличия, вот только глаза сияли от восторга. — Но полагаю, что вы, просыпаясь, хотя бы отчасти остаетесь...

— В своем уме? Да, безусловно.

— Я хотел бы узнать об этом побольше, — пробормотал Квирренбах. — Вы не против продолжить разговор?

Одна из громоздких труб рядом с нами с пронзительным свистом извергла струю едкого пара.

— Боюсь, он будет не слишком долгим.

— В самом деле? — Похоже, мой собеседник приуныл.

— Извините, Квирренбах... я предпочитаю работать в одиночку. — Мне хотелось, чтобы отказ прозвучал как можно мягче. — И вам тоже нужен покой, чтобы трудиться над вашими симфониями...

— Да, да... но это позже. К чему торопиться? Нам еще многое предстоит сделать, Таннер. Меня все же беспокоит плавающая чума. Вы действительно считаете, что здесь опасно?

— Говорят, она еще не ушла окончательно. У вас есть имплантаты, Квирренбах?

Он явно не понял, о чем речь, и я пояснил:

— Сестра Амелия, которая ухаживала за мной в хосписе, сказала, что иногда у иммигрантов удаляют имплантаты, но тогда я не понял зачем.

— Черт побери! — вырвалось у него. — Мне следовало удалить их еще на стоянке. Но я не решился — те, кто предлагал

свои услуги, выглядели уж больно несимпатично. А теперь придется искать какого-нибудь живодера в Городе Бездны...

— Я уверен: в желающих помочь недостатка не будет. Мне, кстати, тоже придется поговорить с такими людьми.

Коротышка-композитор почесал свою жесткую щетину:

— Ах, и вам тоже? Но тогда есть смысл путешествовать вместе.

В тот миг, когда я подыскивал предлог, чтобы ему отказать, чьи-то руки сомкнулись вокруг моего горла.

Меня грубо стащили со стула и весьма чувствительно приложили об пол. Воздух вырвался из груди стайкой напуганных птиц. Я балансировал на грани обморока, не находя в себе сил отдышаться, тогда как все инстинкты вопили, что спасти меня может только движение.

Но Вадим уже склонился надо мной, уперев колено в мою грудную клетку:

— Сознайся, Мирабель, что не ожидал снова увидеть Вадима. Небось жалеешь теперь, что не убил.

— Я не... — прохрипел я, не в силах закончить фразу из-за нехватки воздуха в легких.

Вадим разглядывал свои ногти, делая вид, будто его одолела скука.

Поле зрения темнело по краям, но я видел Квирренбаха, который стоял со сведенными за спиной руками: какой-то тип крепко держал его. На заднем плане расплывчатыми пятнами маячили пассажиры. Никто не обращал на нас ни малейшего внимания.

Он ослабил хватку, и я глотнул воздух.

— Продолжай, — милостиво произнес Вадим. — Валяй, говори, я весь внимание.

— Ты должен быть благодарен мне за то, что я не убил тебя, Вадим. Но для такого подонка слово «благодарность» — пустой звук.

Он изобразил улыбку и снова надавил мне на грудь. Похоже, я ошибался на его счет. У него был напарник — тот тип, который держал Квирренбаха. Получается, широкая сеть помощников — это не просто байка.

— Это я-то подонок? Ха-ха, кто бы говорил. Вижу, ты не побрезговал моими часами, гадкий воришка.

Вадим повозился с браслетом на моем запястье и с победной ухмылкой стащил часы. Потом поднес их поближе и сощурил глаз с таким умным видом, будто изучал работу механизма:

— Надеюсь, ты их не поцарапал...

— Забирай на здоровье. Вообще-то я тут ни при чем.

Вадим надел часы и покрутил рукой, любуясь возвращенным имуществом:

— Хорошо. Хочешь сказать еще что-нибудь?

— Ага, имеется вопросик.

Одна рука оставалась свободной, но я не пытался пустить ее в ход, и он не обращал на нее ни малейшего внимания. Я не успел вынуть ее из кармана, когда меня стащили со стула. Ну что же... может быть, у Вадима богатый опыт, но профессионализма ему не хватает. Я понял это, когда мы сцепились в кают-компании.

Теперь пора вынуть руку из кармана.

Движение было быстрым и плавным, словно атака гамадриады. Понятно, что Вадим оказался к такому совершенно не готов.

Одна из его черных палочек-экспириенталий сама легла в кулак. Получилось просто идеально. Когда моя рука пошла вверх, Вадим оказался как раз на таком расстоянии, чтобы я смог дотянуться до его физиономии. И изумленно раскрытый глаз — легкая цель, словно Вадим мне подыгрывал.

Именно туда я воткнул палочку.

Помню, я засомневался, уж очень этот глаз смахивал на искусственный. Но когда увидел, как блестящий кончик экспириенталии вошел в глазницу, то убедился: это не стекло.

Вадим грохнулся навзничь и завопил, кровь хлестала из его глаза гаснущим закатным протуберанцем. Он безумно размахивал руками, но не смел даже коснуться инородного тела, которое сидело в его глазнице.

— Черт! — проговорил его напарник.

Пока я с трудом поднимался на ноги, Квирренбах внезапно пнул его, а в следующий миг уже удирал прочь.

Мыча, Вадим повалился на наш столик. Напарник поддерживал раненого и лихорадочно нашептывал что-то на ухо — похоже, толковывал, что пора смываться.

Мне тоже было что сказать:

— Я в курсе, Вадим, что это чертовски больно, но тебе необходимо кое-что узнать. Эту штуку я мог бы всадить тебе прямо в мозг. Для меня это пара пустяков. Но не всадил. Какой из этого вывод?

Он ухитрился поднять голову, обратив ко мне похожее на окровавленную маску лицо:

— Какой?

— А такой, что ты опять у меня в долгу.

Я осторожно снял у него с руки часы и застегнул браслет на своем запястье.

ГЛАВА 13

Возможно, среди лабиринта паровых труб в чреве Нью-Ванкувера скрывались какие-то силы охраны правопорядка. Но они делали это чрезвычайно искусно и ничем не выдавали своего присутствия. Вадим и его помощник, пошатываясь, удалились с места происшествия, так и не дождавшись вопросов. Я задержался, поскольку честь обязывала меня дать объяснения, но никто так и не появился. Стол, за которым мы с Квирренбахом лишь несколько минут назад пили кофе, выглядел весьма плачевно — а что поделать? Конечно, можно оставить чаевые для робота-уборщика, он наверняка вот-вот притащится. И заодно полюбоваться, как тупая машина будет оттирать кровь и содержимое глазного яблока с тем же безмозглым усердием, что и кофейные пятна.

Я ушел, и никто не пытался меня остановить.

Заглянув в уборную, я побрызгал на лицо ледяной водой и смыл кровь с кулака. На всякий случай я двигался подчеркнуто спокойно и неторопливо.

Однако в уборной никого не было. Дверцы длинного ряда кабинок были украшены загадочными рисунками. При желании в них можно было узнать инструкцию, объясняющую, каким образом включать слив.

Я тщательно простучал и прощупал свою грудную клетку. Похоже, удалось отделаться синяками. Теперь можно пройти в зону посадки.

Не знаю, кому пришло в голову назвать шаттл «бегемотом». Корабль по форме напоминал ската, а тем, как он «присосался» к оболочке анклава, вращаясь вместе с ним, — миногу. Вблизи эта штукавина оказалась далеко не столь гладкой и обтекаемой, как издали. Ее корпус был испещрен вмятинами и шрамами, а между ними красовались угольно-черные разводы.

С противоположных сторон на борт «бегемота» медленно проникали два потока пассажиров. Мой поток выглядел унылой тускло-серой массой, которая ползла вниз по спиральному тоннелю, будто толпа осужденных на казнь. Другой двигался чуть бодрее. За прозрачной оболочкой соединительной трубы я увидел клерков, прислуживавших им роботов, домашних любимцев невероятного размера и даже людей, чьи фигуры напоминали животных. Среди них скользили паланкины герметиков; эти высокие темные ящики напоминали метроном.

Позади меня поднялась суматоха: кто-то пытался пробиться вперед.

— Таннер! — донесся театральный шепот. — Вам тоже удалось бежать! Когда вы исчезли, я боялся, что эти головорезы вас нашли!

— Он лезет без очереди, — вяло возмущился кто-то за моей спиной. — Вы видели? Я, право же...

Еще не успев обернуться, я уже знал, кого увижу.

— Он со мной. Если вам это не нравится, давайте разбираться. А пока что заткнитесь и встаньте где стояли.

Квирренбах втиснулся в очередь следом за мной:

— Благодарю...

— Ладно. Только говорите потише и не поминайте Вадима.

— Так вы считаете, у него здесь действительно полно друзей?

— Ничего я не считаю. Просто хочу немного отдохнуть от приключений.

— Понимаю. Особенно после... — Он побледнел. — Даже думать об этом не хочу.

— Ну так и не думайте. Если повезет, это вам не понадобится.

Очередь ринулась вперед, проходя последний виток спирали, и ввалилась в шаттл. Просторный, ярко освещенный, его холл сделал бы честь фешенебельному отелю. Лестница совер-

шала еще несколько витков вверх и выходила к небольшой площадке. Повсюду прогуливались люди с бокалами в руках, носильщики катили багаж, а контейнеры побольше перемещали лебедками. Огромные арочные иллюминаторы образовали почти непрерывный ряд, стена повторяла очертания части крыла. Кажется, нутро «бегемота» было почти полым, но с того места, где я стоял, мне было видно не более десятой доли его внутренности.

Там и сям темнели скопления кресел — в одних размещалась группа собеседников, другие окружали тонкую струйку фонтана или какой-то экзотический куст. Иногда через зал, точно шахматная ладья по доске, скользил прямоугольный силуэт паланкина.

Я направился к свободной паре кресел, развернутых к одной из оконных панелей. Хотя я порядком вымотался и не отказался бы вздремнуть, сейчас было не до того. Что, если предыдущий рейс «бегемота» отменили и Рейвич находится сейчас где-то здесь, на корабле?

— Задумались, Таннер? — произнес Квирренбах, садясь рядом со мной. — У вас такой озабоченный вид.

— Вы уверены, что отсюда самый лучший обзор?

— Очко в вашу пользу, Таннер. Но если я не сяду рядом с вами, кто расскажет мне о Небесном? — Он побарабанил пальцами по крышке кейса. — Теперь у вас масса времени, чтобы рассказать мне все остальное.

— Вы чуть не погибли, а в голове у вас все одно?

— Вы не понимаете. Я думаю сейчас... ну, скажем, о симфонии, посвященной Небесному. — Он выставил палец пистолетиком. — Нет, не симфония — месса, внушительное хоровое произведение эпического характера... Гармония строгого стиля... последовательные квинты и ложные связи... погребальная песнь потерянной невинности, гимн преступлению и подвигу Шуйлера Хаусманна.

— Не было никакого подвига, Квирренбах. Только преступление.

— Но я-то этого не знаю, раз вы не рассказали, верно?

Последовала серия толчков и вибраций — это «бегемот» отстыковался от приемного порта. В иллюминаторе я увидел стремительно удаляющуюся станцию и ощутил приступ голо-

вокружения. Прежде чем последовали еще менее приятные реакции, анклав загородил полнеба и исчез. Остался только космос. Я огляделся: люди как ни в чем не бывало прогуливались по вестибюлю.

— А без свободного падения было не обойтись?

— Только не «бегемоту», — сказал Квирренбах. — Сразу после отстыковки он летит по касательной относительно поверхности станции, словно камень из пращи. Но уже через миг корабль запускает двигатели малой тяги и создает ускорение в одно g . Затем ему необходимо чуть свернуть, чтобы избежать столкновения, проходя мимо станции. Полагаю, это единственная по-настоящему сложная часть путешествия — одна минута, когда мы действительно рискуем напитками в желудке. Но наш пилот-кашалот, кажется, знает свое дело.

— Кашалот?

— Для управления этими штуками используют генетически модифицированных китообразных. Дельфинов, китов... Система управления шаттлом напрямую связана с их нервной системой. Не беспокойтесь, они еще никого не убили. Большую часть пути полет будет плавным, как сейчас. Корабль просто погрузится в атмосферу очень мягко и медленно. Попав в любую плотную среду, «бегемот» двигается как дирижабль, только с жесткой оболочкой. По мере приближения к поверхности он накапливает такой запас плавучести, что вынужден включить двигатели малой тяги, чтобы не всплыть. Это действительно напоминает погружение.

Квирренбах щелкнул пальцами, подзывая слугу:

— Однако не помешает выпить. Что желаете, Таннер?

Я выглянул в окно: диск Йеллоустона встал вертикально, так что планета напоминала глухую желтоватую стену.

— Не знаю. А что здесь принято пить?

Горизонт Йеллоустона начал медленно выпрямляться. В это время «бегемот» перестал подстраиваться под скорость, с которой «карусель» двигалась по орбите. Полет действительно проходил гладко и без неожиданностей. Но за этим стояли точнейшие расчеты. Достигнув геостационарной орбиты, мы должны были зависнуть точно над Городом Бездны, а не на расстоянии от него.

Однако, хотя мы и находились в тысячах километрах над поверхностью, гравитация Йеллоустана уже давала о себе знать. С тем же успехом мы могли сидеть на вершине высочайшей горы, пронизывающей атмосферный слой. Медленно, с неторопливым спокойствием, которое вполне подходило к его прозвищу, «бегемот» начал спуск.

Мы с Квирренбахом молча любовались панорамой.

Йеллоустон походил на Титан из Солнечной системы как родной брат, но был потяжелее и являлся планетой, а не спутником. Хаотические ядовитые смеси азота, метана и аммиака образовали атмосферу, окрашенную всеми мыслимыми оттенками желтого: охристый, оранжевый и коричневатый тона, вплетаясь в великолепные спирали циклонов, создавали причудливые узоры, словно нарисованные тончайшей кистью. На большей части Йеллоустана царил леденящий холод. Прибавьте к этому ураганы, ливневые паводки и электрические бури. В далеком прошлом орбита, по которой планета вращается вокруг Эпсилона Эридана, изменилась после сближения с Мандариновой Мечтой — массивным газовым гигантом, который сейчас занимал место на дальней орбите. Это случилось сотни миллионов лет назад, но кора Йеллоустана все еще не отошла от тектонических потрясений, энергия все еще сочится из глубины планеты к поверхности. Бытует гипотеза, что Глаз Марко — единственный спутник Йеллоустана — прежде вращался вокруг газового гиганта, что объясняет наличие странных кратеров на одной стороне луны.

Согласитесь, Йеллоустон — неприветливое местечко. Но люди все равно обосновались здесь. Я попытался представить себе эту планету в расцвете Бель-Эпок. Спускаясь в атмосферу Йеллоустана, ты знаешь, что под слоями золотистых облаков лежат города, прекрасные как мечта, и самый величественный из них — Город Бездны. Более двухсот лет сияющей славы... До последних дней невозможно было предположить, что ей не дано продлиться еще столько же. Ни декадентского увядания, ни героического перенапряжения. Но затем пришла эпидемия, и желтый стал цветом болезни, приобрел оттенки блевотины, желчи и гноя. Под желтушным покровом атмосферы скрывались недужные города, язвами рассыпанные по поверхности планеты.

Я пригубил коктейль, заказанный для меня Квирренбахом. Славный был мирок. Увы, именно «был».

Сказать, что «бегемот» врзался в атмосферу, было бы ошибкой. Он погрузился в нее, опускаясь так медленно, что корпус почти не испытывал трения. Небо над нами перестало быть непроглядно-черным и начало приобретать слабые оттенки пурпура, а затем охры. Наш вес то и дело колебался — видимо, «бегемот» попадал в зоны давления, которые не мог проскочить быстро, — но не более чем на десять-пятнадцать процентов.

— Она все еще прекрасна. Вам не кажется?

Мой спутник был прав. Иногда случайный шквал или перемена в химическом составе нижних слоев атмосферы делали прореху в желтом облачном покрове, и тогда перед нами открывалась восхитительная картина. Блестящие зеркала озер замерзшего аммиака, психоделические обнажения горных пород, с выветрелыми донельзя останцами-шпилями и арками высотой в милю — этакие полузарытые кости исполинских животных. И колонии одноклеточных — их лиловые и изумрудные пленки покрывали землю огромными глянцевыми пятнами и пронизывали, словно жилами, геологические пласты. Эти организмы существовали еще в ледниковый период, и то, что они уцелели до сих пор, не укладывалось в голову. Повсюду виднелись купола маленьких аванпостов, но нигде ничего похожего на города. Сейчас на Йеллоустоне осталась лишь горстка поселений величиной с десятую часть Города Бездны — и ни одного равного ему. Даже второй по величине город, Феррисвил, по сравнению с ним просто захолустная дыра.

— Гостеприимное местечко, — произнес я насмешливо.

— Да... пожалуй, вы правы, — отозвался Квирренбах. — Вот поднакоплю впечатлений, заработаю денег — сразу уберусь отсюда.

— А чем вы собираетесь зарабатывать?

— Для композитора это не проблема. Нужно лишь найти богача, который не прочь спонсировать создание шедевра. Богачам кажется, что таким образом они приобщаются к бессмертию.

— А если ваш спонсор уже бессмертен... или посмертен — как там они себя называют?

— Даже посмертный не может быть уверен, что однажды не умрет окончательно. Так что желание оставить след в исто-

рии этой публике не чуждо. Вдобавок в Городе Бездны много людей, которые были послесмертными, но сейчас столкнулись с неминуемой перспективой смерти.

— У меня сердце кровью обливается.

— Ну что ж... скажем просто, что смерть для многих снова стала реальной проблемой, чего не было несколько веков.

— Но вдруг среди этих людей не найдется богатых покровителей?

— Ах, что вы. Видели эти паланкины? Обеспеченных людей в Городе Бездны всегда хватало, хотя экономической инфраструктуры здесь как таковой нет. Богатство и влияние существовали и будут существовать всегда и везде. Готов держать пари, что кое-кто сильно поднялся за последнее время. Самое страшное бедствие непременно принесет кому-нибудь выгоду.

— Обычное дело во время катастроф, — заметил я.

— Что?

— Они способствуют расслоению. Все... мм... самое неприятное обязательно всплывает на поверхность.

По мере дальнейшего спуска я обдумывал легенды и маскировку. Впрочем, особо голову не ломал. Я стараюсь обеспечить себе оружие и тылы, в остальном же предпочитаю действовать по обстановке, а не готовить ходы заранее. Но как быть с Рейвичем? Он не мог знать об эпидемии плавающей чумы. Что бы он ни задумал, ему придется менять планы. Правда, между нами было одно важное отличие: Рейвич аристократ — значит у него должна быть целая сеть связей, которая распространяется на добрую половину освоенного космоса и основана на узах родства, уходящих в глубь веков. Вполне возможно, что у Рейвича есть знакомые среди элиты Города Бездны.

Даже если он не успел связаться с ними до прибытия, эти знакомые ему очень пригодятся. Но если он сумел предупредить их еще по пути, ему просто повезло. Субсветовик движется почти со скоростью света, но в начале рейса ему нужно набирать скорость, а в конце — тормозить. Допустим, перед стартом с Окраины Неба «Орвието» отправил радиосообщение. Оно достигнет Йеллоустана за год, а то и за два, до появления самого корабля, и у сообщников Рейвича будет масса времени, чтобы подготовить ему встречу.

А может, у него нет никаких сообщников. Или они не получили послание. Возможно, оно затерялось, когда коммуника-

ционная сеть планетной системы превратилась в скомканный лабиринт, и теперь обречено до окончания Галактики метаться между неисправными узлами. Наконец, у Рейвича могло не быть времени на отправку послания. Или это вообще не пришло ему в голову.

Хорошо бы принять одну из версий и на этом успокоиться. Но я никогда не полагаюсь на везение — так проще.

Я снова поглядел в окно. Облака разошлись, и я впервые увидел Город Бездны. Рейвич — он где-то там, внизу... ждет, потому что знает. Город показался мне необъятным, и миссия, которую я взвалил на свои плечи, вдруг отяжелела стократ.

Откажись от нее прямо сейчас. Цель недостижима, тебе никогда не найти Рейвича.

Но я вспомнил Гитту.

Город гнезвился внутри кратера, края которого образовали широкую зубчатую стену — почти шестьдесят километров в поперечнике, а сама стена достигала двух километров в самой высокой точке. Первопроходцы, прибыв сюда, искали убежище от ураганов Йеллоустона. Они селились в кратерах и возводили хрупкие, заполненные воздухом постройки, которые на открытом месте простояли бы минут пять, не больше. А может быть, их чем-то привлекала сама Бездна — глубокое, с вертикальными стенами туманное ущелье точно по центру кратера.

Бездна постоянно отрыгивала теплым газом. Здесь был один из очагов тектонической энергии, пробудившейся в коре при сближении планеты с газовым гигантом. Этот газ оставался непригодным для дыхания, но содержал значительно больше свободного кислорода, водяных паров и прочих примесей, чем любой из подобных «фонтанов» на поверхности Йеллоустона. Разумеется, необходимо было обрабатывать газовую смесь, прежде чем дышать ею. Но здесь это оказалось гораздо проще, чем где-либо еще, и вдобавок горячий пар годился для огромных турбин — они полностью обеспечивали энергией развивающуюся колонию. Город расстелился по кратеру, обступая Бездну и даже чуть спускаясь в нее. Здания, облепленные лифтами и галереями, чудом удерживались на выступах в сотнях метрах ниже кромки провала.

Впрочем, большая часть Города лежала под огромным торoidalным куполом, опоясавшим Бездну. Квирренбах сказал

мне, что местное население называет его Москитной Сеткой. Строго говоря, это были восемнадцать отдельных куполов, но они давно слились в единое целое, так что трудно было сказать, где начинался один и кончался другой. Поверхность купола не очищали уже семь лет. За это время она покрылась слоем коричнево-желтой грязи и стала почти непрозрачной. Правда, в некоторых местах купол не успел зарости до такой степени, чтобы находящийся под ним Город было невозможно рассмотреть.

Сейчас, с борта шаттла, я поначалу не заметил ничего особенного. Обычный урбанистический пейзаж — фантазмагорическое нагромождение гигантских построек, втиснутых в гниющее лоно Города, словно в нутро наимудреннейшей футуристической машины. Но в этих конструкциях было что-то неправильное, что-то болезненное даже — столь чудовищно искаженные формы не привиделись бы и безумному архитектору в наркотическом угаре. Над землей они многократно разветвлялись, точно бронхи, и сливались в единую массу. Не считая россыпи огней на верхних и нижних ярусах, здания были темны и казались безжизненными.

— Теперь вы видите, что они не шутили, — сказал я.

— Что?

— Они не шутили. Это был не розыгрыш.

— Конечно, — согласился Квирренбах. — Конечно не розыгрыш. Я тоже сделал глупость. Я видел собственными глазами, во что превратился Блισταющий... Ржавый Пояс, и даже после всего этого тешил себя надеждой, что Город остался прежним. Как сокровище, которое скупец прячет от любопытных.

— Но Город никуда не делся. Там по-прежнему живут люди, существует какое-то общество.

— Но не совсем то, чего мы ожидали.

Мы пронеслись над самым куполом. Он действительно напоминал кое-как натянутую сетку из металла и строительного алмаза. Эта сеть тянулась на многие мили, насколько хватало глаз, и терялась в коричневой атмосферной мути. Бригады крошечных ремонтников в скафандрах копошились на куполе, словно муравьи. Их работу отмечали прерывистые вспышки сварочных аппаратов. То здесь, то там из щелей в куполе вырывались клубы серого пара, который тотчас замерзал в атмосфере Йел-

лоустана, высоко над термальной ловушкой кратера. Кое-где сеть почти лежала на крышах зданий, которые тянули к ней свои подагрические пальцы. Между их болезненно распухшими, искривленными фалангами чернели перепонки, очень похожие на полусгнившие перчатки. На кончиках этих пальцев поблескивали огни, светящиеся волокна переплетались с густой паутиной мостов, соединяющих здания. Теперь, когда мы приблизились, я заметил необычную ажурность конструкции — здания окутывал клубок тонких темных волокон, словно неистовые пауки пытались соорудить вокруг них паутину. Но в итоге получилась клочковатая масса висящих нитей, и в этой массе по пьяным траекториям сновали огни.

Я вспомнил послание к иммигрантам, с которым ознакомился на борту «Стрельникова», и понял, что имелось в виду. Здания трансформировались на глазах настолько быстро, что убивали находившихся внутри людей куда более грубо и эффективно, чем собственно эпидемия. Согласно проекту здания могли восстанавливать сами себя или изменяться, подчиняясь командам из демархистской сети. Достаточно определенному количеству людей пожелать, и дом послушно принимал новую форму. Однако изменения под воздействием чумы происходили внезапно и бесконтрольно, как сейсмические подвижки. Никому и в голову не могло прийти, что этот проект таит такую опасность. Город обладал поистине утопической пластичностью, что позволяло время от времени придавать ему новый вид, растапливать и снова замораживать, словно ледяную скульптуру. Никто не сообщил этому городу-протею, что в нем живут люди, что они могут быть раздавлены, когда здания начнут менять форму. Многие мертвецы до сих пор лежат в чудовищных постройках, заполонивших Город Бездны.

Вскоре он проплыл под нами и исчез за иззубренной кромкой стены кратера. Я заметил в ней тесную выемку, а через миг «бегемот» грациозно скользнул туда.

На берегу светло-коричневого озера я увидел россыпь брошенных построек. Приближаясь к нему, корабль пошел на снижение. Теперь был отчетливо слышен вой двигателя малой тяги, который не давал шаттлу взмыть в небо.

— Пора на выход. — Квирренбах поднялся с кресла и кивнул в сторону потока людей в вестибюле.

— Куда они все идут?

— К посадочным капсулам.

Я последовал за ним через вестибюль, туда, где по одной из многочисленных спиральных лестниц можно было спуститься на нижнюю палубу. На посадочной площадке уже выстроилась очередь. Люди проходили через стеклянные шлюзы и садились в каплевидные капсулы, которые цепочкой ползли по направляющим. Заполненные капсулы соскальзывали на короткий пандус, торчащий из брюха «бегемота», и, пролетев по воздуху остаток дистанции — две-три сотни метров, — шумно падали в озеро.

— Хотите сказать, что эта штукавина, по сути, не приземляется?

— Ну конечно же нет, — улыбнулся Квирренбах. — Это же рискованно, тем более в нынешнее время.

Наша капсула выскользнула из-под брюха «бегемота». Кроме нас с Квирренбахом, в ней были еще двое пассажиров. Они с жаром спорили о местной знаменитости по фамилии Воронофф, но говорили на норте с таким сильным акцентом, что я понимал лишь одно слово из трех. Все остальное их совершенно не волновало, даже когда мы погрузились в озеро с явным риском не всплыть на поверхность. Но все обошлось. Сквозь стеклянную оболочку я увидел, как справа и слева из воды выскакивают остальные капсулы.

Через озеро уже шагала пара машин, готовых подобрать нас. Это были высоченные скелетообразные треноги, передвигающиеся при помощи целой системы поршней. По одной вылавливая плавающие капсулы приспособлениями, похожими на краны, они укладывали добычу в сетку, которая болталась под брюхом треноги. Операторы в герметичных кабинах лихорадочно работали рычагами.

Затем треноги выбирались на берег и разгружали свои кошелки над лентой конвейера — она ползла к одному из зданий, которые я заметил на подлете.

Там нас доставили в герметичную приемную камеру, где капсулы были сняты с конвейера. Группа рабочих со скучающим видом вскрывали оболочки, а пустые капсулы направляли к посадочной площадке наподобие той, где пассажиры на борту

«бегемота» ожидали отправки. Думаю, треножники снова отнесут эти капсулы на середину озера и поднимут повыше, чтобы «бегемот» смог их подхватить.

Мы с Квирренбахом выбрались наружу и присоединились к толпе пассажиров, которая устремилась из приемной камеры через лабиринт холодных, тускло освещенных тоннелей. Воздух был затхлым, словно каждым его глотком до тебя уже успели подышать несколько человек. Но дышать им было можно, а сила тяжести была не намного выше, чем на станциях Ржавого Пояса.

— Не знаю, чего именно я ожидал, но уж точно не столь ненавязчивого сервиса, — сказал я. — Ни пояснительных надписей, ни охранников — куда податься бедному гостю? Где тут хотя бы сектор иммиграционного и таможенного контроля?

— Об этом можете не беспокоиться, — сказал Квирренбах. — Таможню мы только что прошли.

Тут я вспомнил об алмазном пистолете, который отдал Амелии, будучи уверен, что пронести его в Город Бездны нереально.

— Это была таможня?

— Подумайте немного — и поймете, что Город Бездны трудно чем-то удивить. Нет смысла проверять вас на наличие оружия — здесь его столько, что лишняя единица ничего не изменит. Скорее, вам предложат обмен с доплатой за новинку. И нет смысла проверять вас на предмет болезней. Слишком сложная процедура, и вам легче подцепить инфекцию здесь, чем протащить ее в Город. Наоборот, пара милых инопланетных бактерий может принести нам реальную пользу.

— Нам?

— Им. Извините, оговорился.

Мы прошли в залитый светом холл с широкими окнами, выходящими на озеро. «Бегемот» принимал капсулы. «Спинной плавник» космического ската по-прежнему был подсвечен: двигатели малой тяги поддерживали шаттл в положении устойчивого равновесия. Прежде чем вернуться в лоно «бегемота», каждая капсула стерилизовалась, проходя сквозь кольцо лилового пламени. Быть может, Городу было все равно, что в него поступает, но остальную Вселенную этот вопрос все еще беспокоил.

— Полагаю, вы уже знаете, как попасть в Город?

— По сути, только одним способом: «зефир» до Города Бездны.

Не спеша спускаясь по тоннелю-переходу, мы вынуждены были протиснуться мимо паланкина. Вертикальный ящик был украшен черным рельефным узором, изображающим какие-то сцены из славного прошлого Города Бездны. Когда мы обогнали этот медленно ползущий гроб, я рискнул обернуться и встретился взглядом с герметиком. За толстым зеленоватым стеклом маячило бледное пятно, не слишком похожее на человеческую физиономию. У меня мороз пробежал по коже.

Тут же роботы-слуги довольно примитивного вида разносили багаж. Это были не элегантные разумные машины, а неуклюжие механизмы с интеллектом вроде собачьего, которые то и дело ошибались. Похоже, по-настоящему разумные роботы остались только в орбитальных анклавах. Но здесь ценили даже этих тупиц: они напоминали о прежних временах.

И наконец, тут были аристократы — эти не прятались в паланкины, точно святые мощи в раку. Думаю, ни у кого из них не было сколько-нибудь сложных имплантатов, которые могли пострадать от спор чумы. Но и аристократы явно чувствовали себя не в своей тарелке и перемещались группами в окружении роботов-слуг.

Тоннель стал шире и влился в подземную пещеру, тускло освещенную сотнями мигающих ламп на подставках наподобие канделябров. Ровный поток теплого воздуха нес с собой вонь машинного масла.

В пещере нас поджидало нечто огромное и звероподобное.

Машина двигалась на четырех парах рельсов: один путь вниз, другой наверху и еще два по бокам. Рельсы эти поддерживались скелетной конструкцией из скоб и растяжек, а в обоих концах пещеры, где пути исчезали в круглых тоннелях, они крепились прямо к стенам. Помнится, поезда на «Сантьяго» были снабжены подобными комплектами рельсов, которые, впрочем, там служили просто направляющими для индукционных полей.

Здесь было по-другому.

Собственно поезд был построен с четырехсторонней симметрией. В центре торчал цилиндрический сердечник, закругленный на конце, где сиял прожектор, похожий на глаз циклопа. Из сердечника торчали четыре ряда двойных железных колес невероятного размера, каждое имело по двенадцать осей

и сцеплялось с одной из пар рельсовой дороги. Три пары огромных цилиндров распределялись вдоль каждого комплекта из двенадцати основных колес, и каждый цилиндр скреплялся с четырьмя комплектами колес поразительной конструкции из блестящих поршней и жирных от смазки коленчатых рычагов с человеческое бедро толщиной. Вся эта конструкция была опутана трубопроводами, точно клубком змей, что лишало ее последних намеков на элегантность. Картину дополняли несколько выхлопных труб, размещенных, по-видимому, произвольно; они дружно изрыгали в потолок пещеры клубы пара. Машина шипела, подобно дракону, терпение которого роковым образом истощалось. Она казалась живой. И опасной.

Позади тянулась цепочка пассажирских вагонов, сконструированных с той же четырехсторонней симметрией и состыкованных с теми же рельсами.

— Это и есть...

— «Зефир» собственной персоной, — сказал Квирренбах. — Сущая бестия, верно?

— Неужели эта штукавина действительно куда-то едет?

— А что еще, по-вашему, она делает?

Должно быть, я посмотрел на Квирренбаха очень красноречиво, и он продолжал:

— Говорят, раньше между Городом Бездны и внешними колониями ходили магнитолевитационные поезда. Для них были сооружены вакуумные тоннели. Но поезда, должно быть, вышли из строя после эпидемии.

— И здешние жители не нашли ничего лучшего, чем заменить их вот этим?

— А у них был выбор? В наше время торопиться стало некуда. Теперь никого не беспокоит, что поезд не может нестись со сверхзвуковой скоростью. Двести километров в час — этого более чем достаточно, даже для поездки в другие поселения.

Квирренбах зашагал к поезду, где начинались пандусы, поднимающиеся к пассажирским вагонам.

— А почему пар?

— На Йеллоустоне нет полезных ископаемых. Несколько ядерных генераторов еще работают, но по большому счету здесь один источник энергии — сама Бездна. Поэтому Город использует энергию сжатого пара где только возможно.

— Не могу поверить, Квирренбах. Неужели обязательно возвращаться на шестьсот лет назад из-за невозможности пользоваться нанотехнологиями?

— Вы не представляете, что здесь натворила чума. Веками почти вся промышленность использовала исключительно нанотехнологии. Добыча сырья, производство изделий — все вдруг стало просто и доступно. Даже механизмы, не использующие нано, сами были построены с помощью нано, а проектировались с тончайшими допусками. Но теперь воссоздать их невозможно. Дело не только в том, что более сложную технику здесь не применить. Прежде чем начать воссоздание, необходимо спуститься до уровня, на котором оно возможно. В частности, вернуться к грубым сплавам и древней металлообработке. Не забывайте, что была утрачена масса необходимой информации; с тех пор люди, можно сказать, шарят вокруг себя в потемках. Это все равно что человек из двадцать первого века попытался бы выковать средневековый меч, абсолютно не разбираясь в тогдашней металлургии. Примитивность технологии не означает, что ее легко открыть заново.

Квирренбах умолк, переводя дыхание, и остановился под расписанием рейсов в Город Бездны, Феррисвиль, Лореанвиль, Нью-Европу и далее. По всем направлениям, кроме Города Бездны, в день следовал лишь один поезд.

— Поверьте, горожане сделали все, что смогли, — продолжал Квирренбах. — Конечно, некоторые технологии пережили эпидемию. Вот почему здесь все еще можно встретить подобные реликты — роботов, транспорт... Но обычно ими владеют те, кто побогаче. В их распоряжении ядерные генераторы и несколько силовых установок на антивеществе — все, что есть в Городе. Думаю, в Мульче дело обстоит по-другому. Но там куда опаснее.

Пока он говорил, я изучал расписание. Рейвич существенно упростил бы мне задачу, если бы отправился в один из этих городков. Там он был бы на виду и в то же время заперт, как в ловушке. Но сдается, он все-таки поехал первым же рейсом в Город Бездны.

Мы оплатили дорогу и сели на поезд. Вагоны, тянущиеся за локомотивом, выглядели куда более старыми, чем окружающая обстановка, а следовательно, были намного современнее. По-

хоже, их сняли с левитационного поезда и поставили на колеса. Дверь закрылась, точно диафрагма антикварного фотоаппарата, и сооружение с лязгом тронулось. Вначале поезд еле полз, но вскоре принялся усердно набирать скорость. Колеса локомотива то и дело взвизгивали, потом движение стало более плавным, а мимо окон понеслись клубы пара. Поезд въехал в узкий тоннель с огромной дверью-диафрагмой, проследовал через целую серию шлюзов и наконец понесся в вакууме.

Теперь он двигался тихо, как призрак.

В пассажирском салоне царила теснота, точно в тюремном транспорте. Сходство усиливалось оттого, что пассажиры находились в каком-то сонно-подавленном состоянии, — при перевозке в центр принудительного содержания заключенных обычно накачивают наркотиками. С потолков опустились экраны, на них замелькали объявления, но продукты и услуги, которые они рекламировали, вряд ли пережили эпидемию. В одном конце вагона я заметил тесное скопление паланкинов, похожих на коллекцию гробов на складе похоронного бюро.

— Прежде всего нам необходимо избавиться от имплантатов, — сказал Квирренбах, склоняясь ко мне с видом заговорщика. — От мысли, что эти штуки все еще сидят у меня в голове, дурно становится.

— Нужно найти человека, который сделает это быстро, — отозвался я.

— А заодно и безопасно — одно без другого ничего не стоит.

— Вам не кажется, что поздновато заботиться о безопасности? — улыбнулся я.

Квирренбах насупился.

На экране, который висел у нас над головой, крутили рекламу невероятно элегантного летательного аппарата. Он отдаленно напоминал волантор, но выглядел так, будто был собран из частей насекомых. Потом по экрану поползли помехи, и на нем появилась женщина, которую я мысленно обозвал гейшей.

— Дорогие гости, добро пожаловать на борт нашего «зефира». — Она напоминала фарфоровую куклу с накрашенными губами и розовыми щеками. Ее серебряный наряд был продуман с абсурдной тщательностью, а изогнутые концы воротника поднимались за головой. — Сейчас мы движемся по тоннелю «Транскальдера» и прибудем на вокзал Гранд-Сентрал через

восемь минут. Надеемся, что вы получите удовольствие от путешествия и пребывание в Городе Бездны будет для вас и приятным, и полезным. Ну а пока, с нетерпением ожидая вашего прибытия, мы приглашаем вас полюбоваться некоторыми достопримечательностями нашего Города.

— Это интересно, — заметил Квирренбах.

Окна вагона мигнули и превратились в голографические дисплеи. На фоне проносящихся мимо стен появилась величественная панорама Города. Казалось, мы перенеслись на семь лет назад. Поезд мчался между фантастическими постройками, которые вздымались справа и слева, подобно горам из цельного опала и обсидиана. Под нами проплывали многоярусные террасы, украшенные садами и озерами невероятной красоты, оплетенные лабиринтом переходов и транспортных трубопроводов. Они таяли внизу, в туманной синеве, пронизанной залитыми неоновым светом пропастями, гигантскими торговыми комплексами и отвесными стенами. В воздухе густым роем носились ярко расцвеченные летательные аппараты, похожие на экзотических стрекоз и колибри. Пассажирские дирижабли лениво пробирались сквозь эти скопища, над перилами их гондол сотнями торчали головы крошечных зевак. А над всем этим великолепием вырастали самые высокие здания — точно облака, которым придали геометрически безупречную форму. Чистейшую гладь неба цвета электрик расчертила ажурная сеть купола.

Этот город чудес тянулся в нескончаемую даль, насколько хватало глаз. Расстояние не превышало шестидесяти километров, но оно могло быть бесконечностью. Кажется, диковин в Городе Бездны могло хватить на целую жизнь — даже в нынешнем понимании.

И никаких признаков чумы. Прекрасная иллюзия... Мне пришлось напоминать себе, что мы по-прежнему несемся по тоннелю сквозь стенку кратера и до Города еще ехать и ехать.

— Ясно, почему они называли тот период Бель-Эпок, — сказал я.

Квирренбах кивнул:

— Это и была прекрасная эпоха. И знаете, что хуже всего? Они чертовски хорошо это понимали. В отличие от других золотых веков в истории... они знали, что живут в лучшие из времен.

— И это, должно быть, сделало их совершенно несносными.

— Что ж, они заплатили сполна.

И в этот миг мы выскочили на свет — или что тут, в Городе Бездны, заменяет свет дня? Как я понял, поезд выехал из тоннеля и почти сразу миновал границу купола. Теперь мы мчались внутри подвесной трубы, и вид за окнами должен был повторять то, что изображала голограмма, но труба была облеплена грязью и едва позволяла разглядеть тесное скопление трущоб. Голографическая трансляция продолжалась, и картины старого города казались тусклым призраком былого величия. Впереди наша труба делала поворот и исчезала в многоярусном цилиндрическом здании, из которого во все стороны расходились такие же путепроводы. Мы уже подъезжали, и поезд начал сбрасывать ход.

Вокзал Гранд-Сентрал, Город Бездны.

Когда мы въехали в здание, голографический мираж растаял, унося с собой последние воспоминания о Бель-Эпок. Судя по всему, только мы с Квирренбахом отдали должное голофильму. Все прочие стояли молча, изучая обожженный и замусоренный пол под ногами.

— Все еще надеетесь здесь освоиться? — спросил я у Квирренбаха. — После того, что видели?

Он долго думал, прежде чем ответить.

— А почему бы и нет? Что, если сейчас здесь больше возможностей, чем их было раньше? Впрочем, ясно лишь одно.

— Что именно?

— Что бы я здесь ни написал, эта музыка никому не поднимет настроение.

На вокзале Гранд-Сентрал было душно, как в джунглях Полуострова, и так же сумеречно. Вскоре я взмок. Пришлось снять сюртук Вадима, скомкать его и сунуть под мышку.

— Нам нужно удалить имплантаты, — повторил Квирренбах, дергая меня за рукав.

— Не беспокойтесь, — отозвался я. — У меня хорошая память.

Крышу поддерживали колонны с каннелюрами, напоминающие деревья гамадриад. Столбы эти проходили сквозь кровлю и терялись где-то в бурой мгле. У подножия колонн теснился

местный базар — целый городок из пестрых палаток и прилавков, пронизанный сетью невероятно узких и извилистых пешеходных дорожек. Некоторые лавки громоздились друг на друга, и между ними надо было пробираться в полумраке, как по тоннелю. Повсюду сновали сотни разносчиков, прохаживались покупатели — лишь немногие в сопровождении роботов-слуг. Зато в изобилии встречались экзотические животные на поводках, гигантские слуги-модификанты, птицы в клетках и змеи. Несколько наивных герметиков попытались пересечь базар, вместо того чтобы найти обходной путь, и теперь их паланкины застряли как в трясине, окруженные торговцами и мошенниками.

— Рискнем или поищем другую дорогу? — спросил я.

Квирренбах крепче прижал свой кейс к груди:

— Это, конечно, против здравого смысла, но все же предпочту рискнуть. Интуиция, не более того. Возможно, мы найдем тех, кто окажет нам обоим столь неотложное содействие.

— Это может быть ошибкой.

— При чем не первой на сегодняшний день. Однако я изрядно проголодался. Здесь наверняка найдется что-нибудь съедобное — и желательное неядовитое.

Мы двинулись через базар, но не успели пройти и нескольких шагов, как вокруг нас собралась толпа оптимистично настроенных детишек, к которым присоединилось несколько мрачных попрошайек.

— У меня на лбу в самом деле написано неоновыми буквами «богатый и легковверный»? — осведомился Квирренбах.

— Дело в нашей одежде, — сказал я, отпихивая очередного сорванца. — Кажется, вас тоже экипировали нищенствующие. Я просто не обратил внимания.

— Не понимаю, при чем тут одежда?

— Просто это означает, что мы не местные, — пояснил я. — И более того, не из этой системы. Кто еще будет носить одежду нищенствующих? Это автоматически означает, хотя бы с некоторой долей вероятности, что мы люди обеспеченные.

Квирренбах прижимал драгоценный кейс, похоже не на шутку опасаясь грабителей. Мы проталкивались все дальше, пока не обнаружили прилавок, на котором лежало что-то съестное, — по крайней мере, оно так выглядело. Конечно, в хосписе «Айдлвилд» мой желудок прошел обработку для совместимости с мик-

рофлорой Йеллоустана. Она включала в себя довольно широкий спектр, но не гарантировала защиты от чего-нибудь из ряда вон выходящего. Теперь можно проверить, насколько приемлема для меня местная пища.

Мы купили горячие жирные пироги с начинкой из какого-то таинственного мяса. Помимо того, что оно казалось полусырым, повар не поскупился на приправы — возможно, для маскировки прогорклого привкуса. Но на Окраине Неба мне доводилось употреблять и менее аппетитные продукты, поэтому я счел пирог более-менее съедобным. Квирренбах с жадностью проглотил свою порцию, затем купил еще одну и прикончил ее с той же безрассудностью.

— Эй, вы, — послышался голос. — Имплантаты вынимай?

Какой-то мальчуган тянул Квирренбаха за полу куртки, увлекая его в гущу базара. Одежда паренька через пару недель должна была перейти в разряд тряпок, но пока еще балансировала на грани обветшания.

— Имплантаты вынимай? — повторил мальчуган. — Вы только приехать, господа. Нет нужен имплантат, господа. Мадам Доминика, она вынимай, хороший цена, быстро, мало-мало больно, мало-мало кровь. Идти со мной, большой дядя.

Паренек вцепился в мой ремень, пытаюсь сдвинуть меня с места.

— Это... гм... не обязательно, — вяло возразил Квирренбах.

— Вы здесь ничего не знать, одежда ледяных, надо имплантат вынимай скоро-скоро, пока они не спятить.

— Нет, большое спасибо.

Рядом возник еще один паренек и вцепился Квирренбаху в рукав:

— Эй, господина, не слушать Тома — посетить доктора Шакала! Убивать только одного из двадцати! Самый низкий уровень смертности в Гранд-Сентрал! Не валять дурака, посетить Шакала!

— Ну да, и оставляй там мозги, — подхватил зазывала мадам Доминики. — Не верить врака, все знать, что Доминика — лучший в Город Бездна!

— И чего мы ждем? — спросил я у Квирренбаха. — Кажется, именно это собирались сделать?

— Да! — прошипел Квирренбах. — Но не на базаре, в какой-то грязной палатке! Я представлял себе клинику, хорошо

оборудованную, хотя бы с намеком на стерильность. Я знаю, мы сможем найти место получше, Таннер, поверьте мне...

Я пожал плечами, и Том заставил меня сделать шаг в свою сторону.

— А чем вам не угодила палатка, Квирренбах?

— Нет! Это не пойдет. Здесь должна быть...

Он беспомощно посмотрел на меня, надеясь, что я перехвачу инициативу и вырву его из рук маленьких агитаторов, но я только улыбнулся и указал на палатку — сине-белую коробку со слегка провисающей крышей. Растяжки были привязаны к толстым ржавым штырям, вбитым прямо в пол вокзала.

— Заходите первым. — Я пропустил Квирренбаха в палатку.

Мы очутились в передней, отделенной от основного помещения. Кроме нас и мальчугана, здесь никого не было. Только сейчас я заметил, что Том отличался поистине волшебной красотой. Мешковатая одежда не позволяла определить пол, лицо обрамляла копна прямых черных волос. С таким же успехом его могли звать Томасиной, но я решил не торопиться с выводами. Из маленькой малахитовой шкатулки, стоящей на столике в окружении ароматических свечек, лилась мелодия ситара, и Том покачивался ей в такт.

— А здесь недурно, — заметил я. — По крайней мере, никаких луж крови. И разбрызганных мозгов я тоже не вижу.

— Нет! — неожиданно решился Квирренбах. — Не здесь и не сейчас. Я ухожу, Таннер. Вы можете остаться или уйти со мной — решайте сами.

— Том говорит правду. — Я взял нарочито спокойный тон. — Нужно извлечь имплантаты сейчас, если нищенствующие еще не успели этого сделать.

Он поднял руку и прошуршал ладонью по щетине на голове:

— Может, они просто запугивали нас этими байками.

— Возможно. Но стоит ли рисковать? Сейчас у вас в голове сидит бомба с часовым механизмом. И ее надо извлечь. В конце концов, имплантаты всегда можно вернуть назад.

— Но вынимать их в палатке у какой-то мадам Доминики? Я лучше попробую сам — перед зеркалом, ржавым перочинным ножиком.

— Как вам угодно. Если только раньше не спятите от боли.

Паренек уже тянул Квирренбаха за перегородку.

— Что касается денег, Таннер, мы оба не слишком богаты. Вы уверены, что услуги мадам Доминики нам по карману?

— А вот это уже аргумент.

Я поймал Тома за воротник и мягко втянул обратно в прихожую:

— Нам с приятелем нужно срочно продать кое-какой товар, если только ваша мадам Доминика не занимается благотворительностью.

Поскольку мои слова остались без внимания, я открыл свой кейс и продемонстрировал Тому его содержимое:

— Продать за наличные. Где?

Это сработало.

— Зеленый и серебряный палатка, через рынок. Сказать, что от Доминика, и вас не слишком облапошить.

— Эй, погодите-ка минутку.

Квирренбах уже стоял одной ногой в комнате. Я увидел невероятно тучную женщину, которая сидела на длинной кушетке, рассматривая ногти. Над кушеткой на шарнирных кронштейнах развешены медицинские инструменты. Пламя свечей, которые освещали операционную, отражалось от полированного металла.

— Ну?

— Почему я должен быть морской свинкой? Кажется, вы упоминали, что вам тоже нужно удалить имплантаты.

— Верно. И я скоро вернусь. Вы же сами говорили про средства. Мне нужно кое-что продать. Том сказал, что я смогу сделать это на базаре.

Недоумение на лице Квирренбаха сменилось яростью.

— Но вы не можете уйти! Я думал, мы заодно! Компаньоны по путешествию! Не предавайте дружбу раньше, чем она завязалась, Таннер!..

— Эй, остыньте. Я еще никого не предал. К тому времени, как мадам закончит с вами, я вернусь с наличными.

Я повернулся к толстухе и шелкнул пальцами:

— Доминика?

Она томно повернула голову и скривила губы в немом вопросе.

— Сколько на него уйдет времени?

— Один час, — ответила она. — Доминика очень быстрая.

— Времени более чем достаточно, Квирренбах. Усаживайтесь, и пусть она сделает свое дело.

Он поглядел на Доминику и, кажется, немного успокоился:

— Вот как? А вы точно вернетесь?

— Конечно. Не пойду же я гулять по городу с имплантатами в голове. По-вашему, я похож на сумасшедшего? Нам нужны деньги.

— И что вы собираетесь продать?

— Кое-что из личного имущества. Кое-что из подарков нашего общего друга. На такие вещи должен быть спрос, иначе Вадим не стал бы их собирать.

Тем временем Доминика потянула Квирренбаха к кушетке, но он ухитрился устоять на ногах. Столь же быстро он переменял мнение, когда мы обчищали кабину Вадима, — поначалу возмущался, а потом начал действовать весьма энергично. Подобную «перемену погоды» я наблюдал и сейчас.

— Черт побери. — Он покачал головой, потом смерил меня взглядом и открыл свой кейс. Там действительно лежал ворох исписанной нотной бумаги. Покопавшись, Квирренбах нашупал тайничок и достал несколько экспириенталий, «конфискованных» у Вадима. — Торговец из меня все равно никудышный. Держите, продайте за хорошую цену, Таннер. Полагаю, это покроет мои расходы.

— Вы мне настолько доверяете?

Он прищурился:

— Постарайтесь не продешевить.

Я принял у него экспириенталии и поместил в свой кейс.

Толстуха Доминика двигалась позади него по комнате, словно дирижабль, едва касаясь ногами пола. На ней была черная металлическая обвязка, при помощи которой ее непомерная туша была подвешена на мощном металлическом штативе. При каждом движении поршни и шарниры с шипением выпускали пар. Складки жира надежно маскировали то место, где голова крепится к туловищу. Мадам держала пальцы чуть растопыренными, словно только что сделала маникюр. Каждый ее ноготь представлял собой подобие наперстка, и она выпускала крошечные скальпели и прочие медицинские причиндалы, как кошка когти.

— Нет, сперва он, — произнесла она, указывая на меня мишином, украшенным миниатюрным сверкающим гарпуном.

— Спасибо, Доминика, — ответил я. — Но вначале лучше займитесь Квирренбахом.

— А вы вернетесь?

— Да, только добуду немного денег.

Я улынулся и покинул палатку. За занавеской, набирая обороты, взвизгнули сверла.

ГЛАВА 14

Скупщик рассматривал мой товар через укрепленный на голове оптический прибор, который непрерывно жужжал и пощелкивал. Его безволосый скальп был простеган тонкими шрамами и напоминал вазу, разбитую, а потом кое-как склеенную. Он принимал экспириенталии пинцетом, подносил к своему окуляру и изучал, как старый энтомолог изучает экзотических бабочек. Рядом, дымя самодельной сигаретой, стоял юноша в шлеме наподобие того, что я стянул у Вадима.

— Ну, кое-что из этого барахла, возможно, подойдет, — произнес человек с оптикой. — По-вашему, тут все подлинное?

— Батальные сцены — запись воспоминаний солдата, который участвовал в этих боях. Сделано в процессе обычного сбора разведданных.

— Да? А к вам они как попали?

Не дожидаясь ответа, он достал из-под стола жестянку, перехваченную эластичной лентой, раскрыл и отсчитал несколько десятков купюр. Я еще раньше заметил, что здешние деньги весьма странного достоинства: три, четыре, тринадцать, двадцать семь.

— А вот это, черт подери, не ваше дело.

— Согласен, но это не значит, что я не имею права задать вопрос, — насупился он. — Что-нибудь еще или так и будете тратить мое время?

Я позволил скупщику осмотреть экспириенталии, взятые мною у Квирренбаха, и увидел, как скривились губы — вначале презрительно, затем брезгливо.

— Ну и?..

— Мне не нравится ваш тон.

— Если товар негодный, так и скажите, и я уйду.

— Товар как раз годный, — сказал он после вторичного осмотра. — Месяца два назад я бы его взял. Гранд-Титон популярен. Людям только подавай такие палочки.

— Так в чем проблема?

— Этого барахла на рынке уже пруд пруди, вот в чем проблема. Спрос на такие экспириенталии уже падает. Они... как бы это сказать... контрабанда не то третьего, не то четвертого поколения. Просто дешевка для простаков.

Однако он соизволил кое-что заплатить, правда на порядок меньше, чем за мои экспириенталии.

— Придержали еще что-нибудь в рукаве?

Я пожал плечами:

— Смотря за чем вы охотитесь.

— А вы пошевелите мозгами. — Продавец подал экспириенталию помощнику с юношеским пушком на лице.

Тот извлек палочку, которую просматривал, и вставил взамен мою, не поднимая лицевой пластины шлема.

— Что-нибудь черное, — продолжал торговец. — Матово-черное. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Догадываюсь.

— Тогда выкладывайте либо выметайтесь.

И тут юноша начал корчиться в кресле.

— Эй, что за чертовщина?

— Его шлем имеет достаточное разрешение для стимуляции центров наслаждения и боли? — осведомился я.

— А если да, то что?

Скупщик повернулся к своему напарнику и резким ударом сбил шлем у него с головы.

Парень обмяк и затрясся, по подбородку бежала струйка слюны, глаза остекленели.

— Тогда ему, наверное, не следовало выставлять настройки «по умолчанию», — сказал я. — Кажется, он попал на сеанс допроса по методам Северной Коалиции. Вам когда-нибудь удаляли пальцы?

Человек с оптическим прибором хихикнул:

— Ох ты, страсти какие. Для подобной дряни существует свой рынок, как и для черного товара.

Момент был подходящий, чтобы проверить экспириенталии Вадима. Я сунул ему одну из черных палочек с изображением серебряной личинки:

— Вы это имели в виду?

Торговец осмотрел мой товар вначале недоверчиво, потом с возрастающим интересом. Глаз у него был явно наметан и мог отличить подлинник от второсортной подделки.

— А вот это свежая контрабанда, а значит, товар стоящий, что бы он собой ни представлял. Эй, дурак, проверь-ка.

Он поднял помятый шлем и нахлобучил на голову парню, который только начал приходить в себя. Увидев палочку, помощник замахал руками и отпихнул хозяина, прежде чем тот вставил экспириенталию в порт.

— Сними с меня эту мерзкую личинку!

— Я просто хотел, чтобы ты поймал кайф, дубина. — Скупщик сунул палочку себе за пазуху.

— Почему вы сами не хотите ее проверить? — спросил я.

— По той же причине, мать вашу, по которой он эту дрянь даже к своему черепу не поднесет. Слишком неприятные ощущения.

— Сеанс допроса СК тоже не подарок.

— По сравнению с этим допрос — детская забава. Здесь настоящая боль. — Он осторожно похлопал себя по нагрудному карману. — То, что здесь содержится, в десять миллионов раз неприятнее.

— Так они действуют по-разному?

— Конечно. Это рискованно, в том-то весь смак. Крыша едет всегда по-разному. Иногда просто видишь личинок, иногда сам становишься личинкой, а иногда... бывает хуже, гораздо хуже. — Он неожиданно просиял. — Впрочем, спрос на них есть, так что не мне жаловаться!

— А чего ради люди ставят над собой подобные эксперименты? — поинтересовался я.

Он с ухмылкой глянул на юношу:

— Эй, у нас тут что, час философии в креслах-качалках? Мне-то почем знать? Уж таков человек. Натура у него совершенно извращенная.

— Давайте-ка вы мне об этом расскажете поподробнее, — попросил я.

В самом центре базара над толпой возвышалась башня. Украшенная причудливой инкрустацией, она напоминала минарет, на который водрузили часы с четырьмя циферблатами. Часы показывали местное время. По двадцатishестичасовым суткам только что пробило семнадцать, из-за циферблата показались движущиеся фигурки в космических костюмах и принялись от-правлять какой-то сложный псевдорелигиозный ритуал. Я све-рил время по часам Вадима... по моим часам, ибо это был два-жды завоеванный трофей. Расхождений не было. Если Домини-ка рассчитала правильно, она все еще возится с Квирренбахом.

Герметики и основная часть аристократов уже успели поки-нуть рынок, но я заметил несколько человек, которые с расте-рянным видом бродили взад-вперед. Они выглядели так, слов-но только что получили уведомление о банкротстве. Возмож-но, лет семь назад они были сравнительно богаты. Но для того, чтобы удержаться на плаву во времена потрясений, нужны не только средства, но и связи. Не думаю, что до эпидемии в Го-роде Бездны кто-то был по-настоящему беден, однако у состо-ятельности всегда существуют градации. Несмотря на жару, эти люди ходили в плотных темных одеждах, нередко расшитых тяжелыми драгоценностями. Женщины носили перчатки и из-нывали от духоты, но ни одна не сняла мягкой широкополой шляпы даже для того, чтобы обмахнуться. Некоторые прятали лицо под вуалью или чадрой. Мужчины поднимали воротник тяжелого пальто, а панамы и бесформенные береты отбрасыва-ли густую тень. У многих на шее я увидел стеклянные шкату-лочки наподобие ладанок. Я знал, что там хранятся импланта-ты, — напоминание о былой роскоши. На мой взгляд, это все равно что носить с собой заспиртованного паразита, которого извлекли из твоего кишечника. Здесь были люди самых разных возрастов, но я не увидел никого, кто выглядел действительно старым. Вероятно, старики слишком одряхлели, чтобы отпра-виться в рискованную прогулку по базару. Помнится, Орканья что-то говорил о том, как обстоят дела с технологиями продле-ния жизни в разных системах. Кое-кому из этих чудаков, может быть, двести или триста лет, и они все еще помнят Марко Фер-риса и американо. Странные были времена... но не думаю, что кому-то довелось пережить нечто более странное, чем недавняя трансформация их города и крушение общества, где долгожи-

тельство и изобилие казались незыблемыми. Неудивительно, что многие из прохожих выглядели такими печальными. Ситуация способна улучшиться, но старые времена никогда не вернутся. Эта вселенская скорбь не может не вызвать сострадания.

Возвращаясь к палатке Доминики, я раздумывал, не последовать ли примеру Квирренбаха.

Пожалуй, стоит задать Доминике несколько вопросов. Но с равным успехом я могу обратиться к любому из ее конкурентов. Не исключено, что придется поговорить с каждым из них. С Доминикой меня связывал лишь Квирренбах. Сказать по правде, я уже начал к нему привыкать. Но рано или поздно нам придется расстаться, хочу я этого или нет. Можно сделать это прямо сейчас. Покинуть вокзал — и мы вряд ли когда-нибудь увидимся.

Я проталкивался через толпу, пока не вышел за пределы базара.

Дальняя стена наполовину развалилась, и через дыру открывался вид на нижние уровни Города, скрытые за плотной завесой грязного дождя. Его потоки непрерывно низвергались через край терминала. Поблизости в ожидании пассажиров бездельничали рикши. Некоторые из повозок — вертикальные ящики, закрепленные между двумя большими колесами, — передвигались при помощи паровых двигателей или пыхтящих моторов на метане. Другие были снабжены только педалями на манер велосипедов, а несколько повозок, похоже, были переделаны из паланкинов. Позади разместился транспорт, рассчитанный на более состоятельную публику. Пара элегантных летательных аппаратов на продольных направляющих, словно присев на корточки, сильно напоминали воланторы, весьма популярные на Украине Неба. Рядом красовалась не менее живописная тройца — конструкции, похожие на вертолеты с компактно сложенными винтами. В настоящий момент команда рабочих загружала в один из них паланкин. Поскольку он не проходил в дверь, ящик вполне бесцеремонно привели в горизонтальное положение. Интересно, что это было — похищение или просто посадка в такси?

Сейчас я вполне мог разориться на волантор, но путешествие на рикше почему-то показалось мне более предпочтительным. Как минимум, я познакомлюсь с местными достоприме-

чательностями — небольшая прогулка без конкретной цели не помешает.

Я уже начал протискиваться сквозь толпу, решительно глядя прямо перед собой, но на полпути передумал и направился обратно, к палатке мадам Доминики.

— Господин Квирренбах уже закончил? — осведомился я у Тома.

Паренек все еще пританцовывал под музыку ситара, он явно удивился тому, что кто-то добровольно вошел в палатку.

— Господин еще не готовый — десять минут. Деньги есть?

Я понятия не имел, во сколько обойдется операция. Пожалуй, денег, полученных от реализации экспириенталий с Гранд-Титона, должно хватить. Я отсчитал долю Квирренбаха и выложил банкноты на стол.

— Недостаточно, господин. Мадам Доминика хотеть еще одна.

Я неохотно извлек из своей пачки мелкую купюру и добавил ее в долю Квирренбаха.

— И постарайтесь как следует, — предупредил я. — Господин Квирренбах мой друг. Если вздумаешь заниматься вымогательством, когда он выйдет, я вернусь.

— Мы постараемся, господин.

Я проследил, как мальчуган скользнул за перегородку. Пока она была приоткрыта, успел заметить порхающую мадам Доминику и ее длинную кушетку. Операция шла полным ходом. Квирренбах, обнаженный до пояса, распростерся на кушетке, его голова была чисто выбрита и опутана сетью крошечных датчиков. Доминика шевелила пальцами, словно кукловод, — и действительно, от ее пальцев тянулись почти невидимые нити. Повинуясь ее движениям, вокруг черепа Квирренбаха плясали блестящие разнокалиберные бусинки. Ни крови, ни явных следов уколов на коже композитора я не заметил.

Похоже, я недооценил Доминику.

— Хорошо, — сказал я, когда Том вернулся. — Хочу попросить у тебя об одолжении, которое стоит этой бумажки. — Я показал ему мелкую купюру. — Только не говори, что я тебя обижаю, ведь ты не знаешь, о чем я собираюсь попросить.

— Говорить, большой дядя.

Я махнул рукой в сторону рикш:

— Эти штуки ездят по всему Городу?

— Почти по весь Мульча.

— Мульча — это район, где мы находимся?

Ответа не последовало, поэтому я просто вышел из палатки, а паренек следом за мной.

— Мне нужно попасть в другой район. Я не знаю, насколько это далеко, но не хочу, чтобы меня обманули. Уверен, что ты можешь устроить мне такую поездку. Ведь сможешь? Тем более что мне известно, где ты живешь.

— Большой дядя кататься за хороший цена, беспокойся не надо. — В его мозгах явно что-то шевельнулось. — Не ждать твой друг?

— Нет. У меня срочные дела, которые не касаются господина Квирренбаха. Мы на время расстанемся.

Я искренне надеялся, что это правда.

Большинство рикш в той или иной степени напоминали волосатых приматов неопределенной породы. Такая генетическая модификация была весьма полезна с профессиональной точки зрения: ноги у них были длиннее и сильнее, чем у обычных обезьян. Том неразборчивой скороговоркой переговаривался на каназиане с другим пареньком. Они могли быть близнецами, но собеседник Тома был короче подстрижен и, пожалуй, на год постарше. Мой помощник представил его как Хуана. Похоже, ребята были знакомы не первый день и давно сотрудничали. Хуан пожал мне руку и проводил к ближайшей повозке. Я торопливо оглянулся. Ладно, будем надеяться, что Квирренбаху пока не до меня. Совершенно неохота оправдываться, если он придет в себя достаточно быстро и Том сообщит ему, что я покинул вокзал. Некоторые пилюли невозможно подслать. Например, когда тебя бросает человек, которого ты принимаешь за друга, хотя он всего лишь случайный попутчик.

Впрочем, муки отверженного вполне могут воплотиться в один из его грядущих шедевров.

— Куда ехай, господина?

Речь Хуана не уступала речи Тома. Я поневоле подумал о смешении языков: это был дикий коктейль из русиша, каназиана, норта и дюжины других диалектов, на которых говорили здесь в период Бель-Эпок.

— В Полог, — сказал я. — Ведь ты знаешь, где это?

— Конечно, — отозвался он. — Моя знай, где Полог, моя знай, где Мульча. Твоя думай, моя идиот, как Том?

— Ну, так вези меня туда.

— Нет, господина. Моя не моги везти твоя туда.

Я собрался было подогреть его энтузиазм очередной банкетной, но понял, что причина отказа куда серьезнее, нежели заниженная плата. И проблема, скорее всего, возникла по моей вине.

— Полог — это район Города?

Последовал сосредоточенный кивок.

— Твоя чужак, да?

— Да, я тут впервые. Поэтому будь добр, объясни, почему не можешь отвезти меня в Полог.

Купюра, которую я наполовину извлек, исчезла из моих рук, и Хуан так торжественно предложил мне занять заднее сиденье повозки, словно это был трон, отделанный роскошным бархатом.

— Моя показать твоя. Но моя не везти твоя туда, понимать? Для этого твоя нужен что-то побольше, чем рикша.

Он вскочил на соседнее сиденье, наклонился, шепнул что-то на ухо вознице, и примат завертел педалями. При этом он громко ворчал — должно быть, выражал крайнее недовольство судьбой, на которую его обрекла генетика.

Позже я узнал, что биоинженерия животных была одной из немногочисленных областей промышленности, которые процветали и после эпидемии. Когда полагаться на механизмы стало нельзя, генетики мгновенно заполнили эту нишу.

Как недавно сказал Квирренбах, самое страшное бедствие непременно принесет кому-нибудь выгоду.

И чума — не исключение.

Отсутствие стены позволяло воланторам (и, по-видимому, прочим летательным аппаратам) свободно покидать здание, но рикшам приходилось пользоваться наклонным бетонным тоннелем. Сырые стены и потолок сочились густой слизью. Но здесь, по крайней мере, было прохладнее. Шум терминала вскоре стих, молчание нарушалось лишь тихим поскрипыванием шестеренок и цепей, при помощи которых вращательное движение педалей передавалось колесам.

— Твоя здесь чужак, — повторил Хуан. — Не из Феррисвилль и не из Ржавый Пояс. И даже не из остальная система.

Неужели мое невежество настолько бросается в глаза, что его заметил даже этот ребенок?

- Наверное, у вас сейчас мало туристов?
- С тех пор как приходи плохой времена — да.
- Как вам удалось их пережить?
- Не знай, господина, моя только два год.

Ну конечно! Это случилось семь лет назад. С точки зрения ребенка — давным-давно. Хуан, Том и прочие уличные мальчишки едва ли могли помнить, каким был Город Бездны до эпидемии. Они застали лишь несколько лет изобилия и безграничных возможностей, но восприятие у ребенка слишком примитивное, чтобы оставить отчетливые воспоминания. Все, что дети знали и помнили, — это Город нынешнего времени. Огромный, темный, он вновь таил в себе массу возможностей, но теперь они были связаны с опасностью беззакония. Город воров и попрошаек, город тех, кто способен существовать благодаря своим мозгам, а не кредитным рейтингам.

Не хотел бы я жить в таком месте.

Мы встречали других рикш, которые возвращались на вокзал. Их гладкие, мокрые от дождя бока блестели, как лакированные. Иные везли пассажиров, те угрюмо горбились, кутаясь в дождевики. Весь вид этих людей говорил о сильном желании очутиться подальше от Города Бездны. Пожалуй, я бы и сам был не прочь. Я устал, было душно, одежда пропиталась дождевой влагой и моим потом, кожа зудит, источая запах. Пожалуй, есть еще одно желание — немедленно залезть в ванну.

За каким чертом меня сюда принесло?

Я пролетел пятнадцать световых лет, преследуя жертву. И вот я в Городе, который давно превратился в уродливую пародию на себя самого. А главное, на своем веку я встречал уйму людей куда более отвратительных, чем тот, за кем я гнался. Он аристократ, а не военный. Сложись история планеты иным образом, и мы могли бы стать друзьями. Я даже уважал его — чего стоил хотя бы взрыв моста в Нуэва-Вальпараисо, поступок, которого я никак не ожидал. Да, он был совершен с небрежной жестокостью. Но любой человек, недооцененный мною так сильно, заслуживает уважения.

И все же я убью Рейвича с чистой совестью.

— Господина, моя думай, твоя нужна урок история, — произнес Хуан.

Не сказать что на борту «Стрельникова» я многое узнал, но просвещаться сейчас? Пожалуй, к этому я не готов.

— Если тебе кажется, что я не знаю об эпидемии...

Впереди забрезжил свет. Не слишком яркий, но этого было достаточно, чтобы я понял: скоро мы окажемся в Городе. Свет понемногу набирал силу, заливая тоннель. Он был бурым, как жженный сахар, и казался таким же вязким. Я уже видел с борта «бегемота» это сумеречное сияние, проникающее сквозь еще более густую пелену.

— Эпидемия приходит — дома спятить, — продолжал Хуан.

— Мне об этом уже рассказали.

— Но они не все тебе говорить, господина.

Его синтаксис находился в зачаточном состоянии. Правда, человекообразный возница, как я подозревал, не был способен и на такое.

— Эти дома меняйся очень быстро. — Он резко развел руками. — Много-много человека умирай, много-много быть раздавленная или стать стенка.

— Звучит не слишком весело.

— Я покажу человеки в стенка, и твоя больше не шутить. Твоя какать своя штаны.

Мы вильнули, уворачиваясь от встречной повозки, но избежать столкновения по касательной не удалось.

— Твоя слушай: эти дома меняйся быстрее наверху, понимай?

— Не понимаю.

— Эти дома как деревья. У них много-много корни, они сидеть земля, да?

— Ты имеешь в виду питающие оси конструкции? Они высасывают сырье из коренной породы для ремонта и регенерации.

— Ну да. Моя говорить то же. Как большой дерево. Но как дерево в другой смысл тоже. Всегда расти верхушка. Твоя понимай?

Он вновь развел руками, изображая грибовидное облако.

Похоже, до меня дошло.

— Ты говоришь, что системы роста были сосредоточены в верхних частях построек?

— Ну да.

— Еще бы, — кивнул я.

По замыслу проектировщиков эти постройки могли демонстрировать себя, а не только вырастать. Всегда проще добавить ма-

териал или убрать его с верхушки. Поэтому нервный центр самовоспроизводящихся механизмов всегда растет вместе с постройкой. Нижним уровням нужны сточные системы — строгий минимум для функционирования, для устранения износа, а также для периодических перепланировок.

Трудно было сказать, что означала улыбка Хуана — то ли одобрение моей запоздалой догадки, то ли сочувствие потерянной мной на это времени.

— Чума попадай сначала наверх от корня. Потом заставляй верхушку здания спать. Ниже все оставайся как прежде. Когда чума попадай вниз, люди перерезай корни, здание голодай. Все изменения кончайся.

— Но к тому времени верхние части уже изменятся до неузнаваемости. — Я покачал головой. — Скверные были времена.

— Еще бы, господина.

Мы вырвались на свет, и я наконец понял, чему улыбается Хуан.

ГЛАВА 15

Мы находились на нижнем уровне Города Бездны, почти на самом дне кальдеры. Улица, по которой мы ехали, переходила в понтонный мост и пересекала черное озеро. С неба — то есть с многокилометрового купола над нашими головами — падал ласковый дождь. Вокруг нас из воды вырастали огромные призматические здания. Они были повсюду, куда ни взглянешь — целый лесной массив, который в отдалении сливался в безликую стену и пропадал в туманной дымке. Шесть-семь нижних этажей, покрытых грязной коростой, обросли ветхими хижинами и магазинчиками. Они казались привязанными к большим зданиям при помощи хлипких подвесных дорожек и веревочных лестниц. В хижинах горели очаги, а воздух был еще более едким, чем на базарной площади. Но здесь было чуть прохладнее и благодаря легкому ветерку не так душно.

— Как называется это место? — спросил я.

— Мульча, — ответил Хуан. — Все, что внизу, на уровень улица, — Мульча.

Понятно. Если Мульча — район Города, это означает, что районы располагаются подобно геологическим напластованиям. Он включал в себя первые шесть-семь этажей выше уровня затопления. Можно сравнить этот Город с лесом, и тогда Мульча будет чем-то вроде лесной подстилки.

Я изогнул шею, чтобы не мешала крыша повозки, и поглядел вверх. Постройки с гладкими стенами вонзались в небо. На высоте не менее километра они смыкались — хотя это была просто игра перспективы. До некоторого предела геометрия зданий более-менее соответствовала замыслу архитекторов: прямоугольные, с параллельными рядами темных окон постройки портило лишь случайное выбухание или моллюсковидные наросты. Выше картина была иной. Хотя ни одна пара зданий не мутировала одинаково, в их метаморфозах было нечто общее. Если бы это происходило с людьми, врачам удалось бы диагностировать болезнь и выявить ее источник. Одни здания раскололись пополам по всей длине, другие жутко раздулись, точно страдали водянкой. Некоторые обросли крошечными подобиями самих себя, превратившись в уступчатые башни и потайные темницы сказочных замков. Выше эти структурные новообразования многократно ветвились, переплетаясь и сцепляясь, подобно бронхиолам или метастазам зловещей мозговой опухоли, пока не образовывали нечто вроде гигантского плота из сросшихся ветвей, который висел на высоте одного-двух километров над землей.

Разумеется, я уже видел это на подлете. Но поражающие воображение масштабы осознал лишь при взгляде с этой точки обзора, равно как и подлинный смысл названия.

Полог.

- Теперь твоя понимай, почему я не везти туда, господина?
- Начинаю понимать. И что, весь Город этим покрыт?
- Как Мульча, только выше, — кивнул Хуан.

Единственное, что не бросалось в глаза, когда я разглядывал Город с борта «бегемота», — это сравнительно небольшая толщина фантастического сплетения зданий.

Полог был чем-то вроде воздушной экосистемы, а ниже располагался другой мир — и абсолютно другой город. Теперь сложность структуры стала очевидной. Она заключала в себе целые общины — исполинские герметичные постройки, каждая

величиной с дворец, усеивали Полог на манер птичьих гнезд. Тончайшие шелковистые нити заполняли пространство между крупными ветвями, свисая почти до самой поверхности планеты. Трудно сказать, возникли они в результате мутаций или их появление было запланировано человеком.

Казалось, будто Полог опутан тенетами, сотканными пауками-невидимками — чудищами размером с дом.

— Кто здесь живет?

Мой вопрос не был безнадежно глупым, поскольку я уже видел среди ветвей огоньки. Это доказывало, что уродливые оболочки — больные или мертвые дома — по-прежнему служили в качестве жилья.

— Никто, кого твоя захотеть бы узнать, господина, — процедил Хуан, затем добавил: — И никто не захотеть узнать твоя. Только без обиды.

— Я не обижаюсь, но прошу ответить на мой вопрос.

Хуан замолчал надолго. Наш рикша продолжал огибать корни гигантских построек, а колеса прыгали по заполненным водой ухабам. Сверху, конечно, по-прежнему лило, но я, втянув голову под навес, ощутил тепло и уют — почти как дома. Интересно, прекращается ли когда-нибудь этот дождь? Возможно, конденсация на куполе подчиняется смене дня и ночи или какому-то иному строгому графику. Впрочем, я все больше склонялся к тому, что подавляющее большинство процессов в Городе Бездны никем прямо не контролируется.

— Тут одни богач, — произнес паренек. — Настоящая богач — не ерунда вроде мадам Доминика. — Он постучал по лбу костяшками пальцев. — Да они и не нуждайся в мадам Доминика.

— Значит, в Пологе есть анклав, куда не добралась чума?

— Нет, эпидемия добирался везде. Но в Полог ее вычищай после того, как дома перестать меняйся. Некоторые богач оставаться на орбите. Некоторые никогда не покидать Город или спускаться сюда, когда дела совсем паршивый стать. Некоторых депортировать.

— А к чему людям было прибывать сюда после чумы без крайней необходимости? Даже если Полог вычистили, как ты говоришь, мне непонятно, почему кто-то предпочитает жить здесь, а не в оставшихся обителях Ржавого Пояса.

— Потому что они надеются все пройдет и хотеть быть здесь, когда это случится. Тогда будет много способ делать деньги, но мало кто всерьез разбогатеть. Сейчас тоже много способ делать деньги — и полиция тут меньше, чем наверху.

— Значит, здесь нет законов, верно? И купить можно что угодно?

Представляю, насколько это соблазнительно после строгостей демархистского режима.

— Господина, твоя смешно говорить.

Мой следующий вопрос был вполне очевиден:

— Как мне попасть туда? То есть в Полог?

— Это не такой простой дело.

— Хочешь сказать, что я недостаточно богат?

— Недостаточно богат, — повторил за мной мальчуган. — Твоя нужна знакомый. Без свой человек в Полог твоя никто.

— Предположим, знакомства у меня есть, но как я туда попаду? Может, под зданиями есть какие-то ходы, старые эксплуатационные шахты, не поврежденные чумой?

Кому знать о таких лазейках, как не уличному сорванцу.

— Твоя не захотеть пойти внутренний маршрут, господина. Очень опасно. Особенно когда начинаться охота.

— Охота?

— По ночам там плохо, господина.

Я огляделся: действительно, сумерки уже сгустились.

— А ты откуда знаешь? Нет, не отвечай. Просто подскажи, как мне туда попасть.

Я подождал, но ответа не последовало, и я сменил формулировку:

— Люди из Полога когда-нибудь ездят в Мульчу?

— Иногда. Особо во время охота.

Ну вот, хоть какой-то прогресс. Но если каждое слово выдирать клешнями...

— А как они туда попадают? Я видел летательные аппараты, у нас их называют воланторами. Но не могу представить, как пролететь через Полог, не задев паутины.

— Мы тоже называть их волантор. Они есть только у богат — трудно чинить, трудно летать. В Городе с них не везде толк. Ребята из Полог обычно спускаться в вагон, который ехай по трос.

— Фуникулер?

На его лице промелькнула безнадежность, и до меня дошло, что он отчаянно пытается угодить мне. Просто мои расспросы требовали от него таких интеллектуальных усилий, что это вызвало физическую боль.

— Паутина из тросы. Ее развешать между здания.

— А ты можешь показать такой вагон?

— Это небезопасно, господина.

— Я сам небезопасен.

Сдобрив просьбу очередной банкнотой, я откинулся на сиденье. Повозка покатила под ласковым дождем через Мульчу.

Наконец Хуан велел рикше притормозить и повернулся ко мне:

— Вот он, вагон на трос. Они часто спускаться сюда. Твоя хотеть подъехать ближе?

Вначале я не понял, что он имел в виду. На разбитом дорожном полотне стоял наискосок элегантный аппарат из тех, которые я видел на базарной площади и вокруг нее. Одна дверца была поднята на манер крыла чайки, а рядом с вагоном стояли под дождем двое в пальто. Их лица почти полностью скрывали широкие поля шляп.

Я пялился на них и соображал, что делать дальше.

— Эй, господина, моя спросить твоя, хотеть подъехать ближе?

Один из тех двоих закурил сигарету, пламя на мгновение согнало тень с его лица. Это было лицо аристократа, с тонкими правильными чертами, я таких не видел с момента прибытия на планету. Глаза прятались под выпуклыми защитными очками, из-за которых скулы казались заострившимися. В его спутнике я узнал женщину. Ее изящная рука, обтянутая перчаткой, сжимала бинокль, маленький, точно игрушка. Поворачиваясь на острых каблуках-шпильках, она обозревала улицу, пока ее взгляд не остановился на мне. Я заметил, как она при этом вздрогнула, хотя и пыталась сдержаться.

— Они дергаться, — выдохнул Хуан. — Обычно Мульча и Полог держаться порознь.

— Причина?

— Еще какая. — Его голос упал до шепота, и я едва разбирал слова из-за непрерывного шума дождя. — Мульча слишком приближаться, Мульча исчезать. — Он провел пальцем поперек горла, но осторожно. — Полог любить игры, господина. Они скучать, все эти бессмертные. Поэтому они играть игры. Беда в том, что не все, кого просить, хотеть участвовать.

— Ты об охоте?

Он кивнул:

— Но только не говорить сейчас.

— Ладно. Тогда остановись здесь, Хуан, будь добр.

Повозка уже теряла инерцию хода, мышцы на спине рикши мучительно напрягались при каждом движении. Я следил за выражением лиц жителей Полога — они пытались выглядеть спокойными, и почти успешно.

Я вышел из повозки. Под ногами чавкнуло, и я по щиколотку утонул в раскисшем дорожном покрытии.

— Господина, — произнес Хуан, — твоя теперь быть осторожный. Моя еще не найти пассажир до дому.

— Никуда не уезжай. А впрочем... Слушай, если тебя что-то беспокоит, отъезди и вернись минут через пять.

Похоже, эта идея привела его в восторг.

Женщина сунула бинокль за пазуху дорогого, с вычурным шитьем пальто, мужчина поднял руку и изящным движением поправил очки. Я спокойно зашагал к ним, не сводя глаз с их тачки. Это была блестящая черная «пилюля» на четырех колесах, которые втягивались внутрь. Сквозь тонированное лобовое окно можно было рассмотреть мягкие сиденья и сложный пульт управления. На крыше изгибались три лопасти несущего винта. Однако это не вертолет: лопасти крепились иначе. Они не сидели на вращающейся оси, а выходили из круглых отверстий куполообразного бесшовного выступа на корпусе. Я пригляделся: это даже не лопасти, а телескопические рычаги, снабженные на концах крючьями.

На этом время осмотра истекло.

— Не подходите ближе, — предупредила женщина.

Эти слова она произнесла на безупречном каназиане и в подтверждение своих слов взмахнула чем-то крошечным, чуть больше броши, но явно опасным.

— Он безоружен, — произнес мужчина намеренно громко, чтобы я мог слышать.

— Это правда. — Я медленно развел в стороны руки. — Видите, как одет? Я только что высадился. Просто хочу узнать, как попасть в Полог.

— Полог? — переспросил мужчина, словно слышал нечто забавное.

— Все хотят туда попасть, — сказала женщина. Оружие в ее руке не шелохнулось. Интересно, нет ли в нем крошечных гироскопов либо биоустройства с обратной связью, действующего по команде мускулов ее кисти? — Почему мы должны с вами говорить?

— Потому что я не причиню вам вреда: я не вооружен, как заметил ваш друг, но у меня есть кое-что любопытное, то, что способно вас развлечь.

— Вы понятия не имеете о наших развлечениях.

— Возможно, однако повторяю: у меня есть кое-что любопытное... и достаточно средств.

Последнее могло вызвать насмешку, но я очертя голову добавил, что прибыл в Мульчу, к несчастью не имея связей в Пологе.

— Вы сносно говорите на каназиане. — Мужчина отвел руку от очков. — Большинство жителей Мульчи даже выругаться толком не могут на чужом языке. — Он отшвырнул недокуренную сигарету.

— С акцентом, — сказала женщина. — Я не улавливаю его происхождение, он мне совершенно не знаком.

— Я с Окраины Неба. Вам могли встречаться люди с других территорий моей планеты, у нас говорят на разных языках. Она заселена достаточно давно, поэтому языки успели смешаться.

— На Йеллоустоне то же самое, — произнес мужчина; похоже, эта тема его не интересовала. — Но большинство из нас все еще живут в Городе Бездны, где единственное лингвистическое смешение идет по вертикали. — Он издал короткий смешок, словно за простой констатацией факта стояло нечто большее.

Я стер с глаз теплые и вязкие капли дождя.

— Возница сказал, что в Полог можно добраться только с помощью фуникулера.

— Верно. Но это не означает, что мы готовы вам помочь. — Мужчина снял шляпу, демонстрируя длинные светлые волосы, стянутые на затылке.

— У нас нет причин доверять вам, — добавила его спутница. — Любой житель Мульчи может стянуть одежду нищенствующего и выучить несколько слов на каназиане. Никто в здравом уме не прибывает сюда, не наладив заранее связей с Пологом.

Что ж, рискнем.

— У меня есть «топливо грез». Вам это интересно?

— Несомненно. Но как, черт побери, жителю Мульчи удалось его раздобыть?

— Долгая история. — Я полез в сюртук Вадима и извлек шка тулку с пузырьками. — Придется поверить мне на слово, что это не подделка.

— Верить кому-то на слово не в моих правилах, — сказал мужчина. — Ну-ка, дайте пузырек.

Снова риск, но вполне рассчитанный. Этот тип может сбежать с пузырьком, но у меня останутся другие.

— Я вам его брошу. Идет?

Аристократ сделал несколько шагов в мою сторону:

— Бросайте.

Я бросил пузырек, мужчина поймал и исчез в машине. Женщина оставалась снаружи, все еще держа меня под прицелом своего пистолетика. Прошла минута-другая, затем мужчина выbralся из машины, не давая себе труда надеть шляпу. Он поднял пузырек повыше:

— Похоже, настоящее.

— Что вы сделали?

— Просветил его, разумеется. — Он посмотрел на меня как на идиота. — У «топлива грез» уникальный спектр поглощения.

— Хорошо. Теперь, когда вы поверили в подлинность препарата, бросайте пузырек назад, и мы обговорим условия.

Мужчина симитировал бросок, но в последний миг придержал пузырек, словно хотел меня подразнить:

— Нет... не будем спешить, ладно? Говорите, у вас есть еще? Нынче «топливо грез» в дефиците. По крайней мере качественное. — Он выдержал паузу. — Я оказал вам услугу, можете считать ее платой за этот пузырек. Сейчас за вами придет фу-

никулер. Надеюсь, вы не солгали и у вас действительно есть средства.

Он снял очки. Глаза у него были серые, как сталь, и холодные, как лед.

— Благодарю вас. Но какое имеет значение, солгал ли я?

— Станный вопрос. — Женщина движением профессионального шулера заставила свое оружие исчезнуть.

Похоже, оно вернулось в наручную кобуру.

— Повторяю, я любопытен.

— В Пологе законы не действуют, — сказала она. — Кроме одного, который нас устраивает, — это закон «Игры». Сейчас мы не в Пологе. Здесь, внизу, может случиться что угодно. Но мы не потерпим присутствия обманщика.

— Не беспокойтесь, у меня тоже не ангельское терпение.

Они влезли в свой аппарат, но не торопились опускать дверцы.

— Может быть, увидимся в Пологе. — Мужчина улыбнулся мне.

Милая, однако, у него улыбка... Нечто подобное я наблюдал через стекло террариума в Доме Рептилий.

Дверцы захлопнулись, и машина чуть слышно загудела.

Телескопические рычаги на крыше фуникулера раздвинулись и поднялись. Они росли на глазах — вдвое, втрое, вчетверо... словно хотели дотянуться до неба. Я поднял голову, держа руку козырьком. Капли дождя текли по лицу, лаская кожу. Мой провожатый говорил, что паутина тросов, оплетающая искривленные постройки Полога, иногда свешивается до уровня Мульчи, подобно виноградной лозе, но я оставил эти слова без внимания. Вот один из крючьев зацепился за нижний трос... Схема движения стала ясна. Пара свободных рычагов вытянулась еще немного — теперь они были раз в десять длиннее прежнего. Сперва один, потом второй наткнулся на трос и закрепился.

После этого плавно, словно на двигателях малой тяги, фуникулер пошел вверх, понемногу ускоряя движение. Ближайший рычаг отцепился от троса, мгновенно сократился в несколько раз, точно язык хамелеона, потом снова выстрелил и сомкнулся вокруг другого троса.

Аппарат продолжал подниматься, рычаги поочередно отрывались от тросов и цеплялись за следующие. Машина, успев

пройти добрую сотню метров, понемногу исчезала из виду. Она двигалась без малейших рывков, но, черт возьми, мне не раз казалось, что она вот-вот сорвется и рухнет в Мульчу.

— Эй, господина, твоя еще здесь?

Заглядевшись на фуникулер, я не заметил возвращения рикши. Я ожидал, что мой провожатый подчинится голосу осторожности и вернется на базарную площадь, удовлетворившись полученной прибылью. Но Хуан оказался человеком слова, — наверное, он бы даже возмутился, вырази я ему свое удивление.

— Вот честно: ты думал, меня здесь не будет?

— Никто не знает, когда Полог рухнет. Эй, почему твоя стоять под дождь?

— Потому что ты возвращаешься без меня.

Я предложил щедрые отступные. Он не сумел подобрать слова, чтобы выразить свое разочарование, но мордашка скривилась так, что я понял: мною нанесено грубое оскорбление и ему, и всей его родне.

— Это больше, чем ты мог заработать, отвезя меня обратно.

Он хмуро уставился на две купюры по семь феррисов.

— Господина, твоя не хотеть оставаться. Эта часть Мульча совсем паршивый.

— Не сомневаюсь.

Надо же, и в такой дыре, как Мульча, есть кварталы хорошие и плохие!

— Люди из Полога сказали, что пришлют за мной фуникулер. Может, соврали. Но если я уеду, то не смогу это выяснить. А если они сказали правду, я попытаюсь пробраться в одно из тех зданий.

— Это плохо, господина. В Полог хреновый люди, они никогда не делают хорошо.

Пожалуй, о «топливе грез» упоминать не стоит.

— А если они поверили, что я человек влиятельный? Или хотя бы допускают, что я именно таков? Думаешь, захотят рискнуть и нарваться на неприятности?

Хуан пожал плечами. Вероятность благополучного исхода была слишком низкой, чтобы мой довод его убедил.

— Господина, я ехать. Не хотеть оставаться здесь, если твоя не возвращаться.

— Никаких проблем. Прости, что заставил ждать.

Вот и все. Хуан покачал головой — похоже, смирился с тем, что меня невозможно переубедить, — и поехал прочь. Вскоре грохот его колес замер вдали. Я остался один под дождем — на этот раз по-настоящему один. Повозка исчезла за углом, и я потерял единственного человека, способного сыграть роль моего союзника в Городе Бездны... Вернее, я сам от него избавился. Это было странное чувство. Но я знал, что так поступить было необходимо.

Я остался ждать.

Прошло с полчаса — достаточно, чтобы я заметил, что в Городе темнеет. Эпсилон Эридана опустился за горизонт, и его свет, окрашиваемый в светло-коричневые тона куполом, приобрел оттенок запекшейся крови. Теперь лучам приходилось сочиться через переплетение зданий — задача для них совсем не из легких. Башни вокруг меня мрачнели, пока и впрямь не уподобились гигантским деревьям; переплетенные конечности Полога, усыпанные огоньками жилищ, напоминали ветви, украшенные китайскими фонариками и иными светильниками, — зрелище одновременно жуткое и восхитительное.

Наконец один из огней покинул небесный свод, превратившись в падающую звезду, и начал приближаться. По мере того как мои глаза привыкали к темноте, я опознал снижающийся ко мне фуникулер.

Забыв о дожде, я зачарованно наблюдал, как машина замедляет движение и опускается почти до уровня улицы, а тросы в вышине звенят, то напрягаясь, то ослабляясь. Луч прожектора, укрепленного на кабине, пробежал по залитой дождем дороге, освещая каждую трещину, затем устремился ко мне. Неподалеку от моих ног вдруг забавно всплеснула из лужи вода.

Одновременно раздался выстрел.

Любой солдат, внезапно оказавшийся под обстрелом, отложит анализ ситуации на потом, не станет рассуждать о типе и калибре оружия и местонахождении стрелка и тем более не станет выяснять, является ли он объектом уничтожения или просто случайной мишенью. Именно так я и поступил.

Я со всех ног бросился к темному основанию ближайшего здания, подавляя абсолютно разумный рефлекс, требующий бросить на ходу кейс. Без него мне суждено очень быстро опуститься на безликое дно Мульчи. Лучше сразу встать под пули.

По мне продолжали стрелять.

Судя по тому, что пули ударили в метре от моих каблуков, стрелок был не новичком. Убить меня не трудно — достаточно перенести линию огня чуть вперед, а снайперского навыка ему вполне хватало. Но стрелку — или стрелкам — захотелось со мной поиграть. Если бы он хотел уложить меня выстрелом в спину, это можно было бы сделать в любой момент.

По щиколотку в воде, я добежал до здания. Дом был сплошь облицован гладкими плитами — ни единой ниши или щели, где можно затаиться. Стрельба прекратилась, эллипс прожектора замер. В конусе слепящего голубого света между мной и фуникулером колыхался занавес дождя.

Из темноты возникла фигура в пальто. Вначале мне показалось, что это один из моих недавних собеседников. Но человек шагнул в луч прожектора, и я понял, что вижу его впервые. Он был лыс, с карикатурно квадратным подбородком, один глаз скрывался за пульсирующим монокуляром.

— Замрите на месте — и будете целы.

Его пальто распахнулось, и я увидел оружие, куда массивнее, чем пугач той дамочки из Полога, и предназначенное для более серьезных задач, — черный параллелепипед на рукояти, из которого торчала четверка таких же темных стволов. Суставы державшей штуковину кисти побелели, указательный палец ласкал спусковой крючок.

Он выстрелил от бедра, и в моем направлении ударило нечто вроде лазерного импульса. Луч угодил в стену здания, выбросив сноп искр. Я бросился бежать, но во второй раз он прицелился точнее. Ощувив острую боль в бедре, я вдруг обнаружил, что уже не бегу. Теперь я только кричал.

А вскоре и кричать стало невмоготу.

Медики прекрасно поработали, но не стоило ждать от них чудес. Диагностическая аппаратура, окружавшая постель его отца, неусыпно стояла на страже, озвучивая медленную и печальную литургию биологического угасания.

Прошло шесть месяцев с тех пор, как проснулся «спящий» и ранил отца Небесного. Лишь благодаря общим стараниям Тит Хаусманн и тот, кто на него покушался, были живы до сих пор. Но запасы медикаментов таяли, а опыта у людей не хватало.

Вместе с ними угасала надежда на выздоровление обоих раненых.

Недавние переговоры между кораблями никоим образом не помогли делу. Беда никогда не приходит одна. В подтверждение этой пословицы несколько недель спустя на борту «Бразилии» был обнаружен шпион. Служба безопасности проследила за ним до «Багдада». Однако командование корабля сообщило, что шпион родился не у них на борту, — скорее всего, он прибыл с «Сантьяго» или «Палестины». По подозрению были арестованы несколько человек. Задержанные, а вместе с ними и многие другие, выразили возмущение по поводу неправомерности сроков заключения и прямо заявили о нарушении закона Флотилии. Градус отношений опустился до точки замерзания, торговля почти прекратилась, равно как и всякие контакты между кораблями. Правда, было предпринято несколько отчаянных дипломатических миссий, но все они провалились, и дело закончилось взаимными упреками.

На этом фоне требования увеличить поставки медикаментов и оказать отцу Небесного квалифицированную помощь игнорировались. В оправдание было заявлено, что кризисная ситуация распространяется на всю Флотилию. В качестве руководителя службы безопасности Тит не избежал подозрений в изначальном провоцировании инцидента со шпионом.

Отец пытался заговорить:

— Шуйлер... — Губы были сухими, как пергамент. — Шуйлер, это ты?

— Я здесь, папа. Я никуда не уходил.

Небесный присел на табурет у кровати и всмотрелся в серую маску, искаженную гримасой страдания. Как не похож этот человек на его отца, каким он был до покушения. Это не тот Тит Хаусманн, которого в равной мере опасались и любили все на корабле и сдержанно уважали на всех кораблях Флотилии. Это не тот человек, что спас сына из детской во время аварии. Не тот, кто взял его за руку и усадил в шаттл, чтобы в первый раз отправиться за пределы корабля и показать мальчугану величие и бесконечное одиночество его дома. Это не тот каудильо, который шагнул в капсулу впереди своей команды, прекрасно зная, что может столкнуться со смертельной опасностью. От того человека осталась лишь бледная тень, слепок, снятый со ста-

туи. Черты не исказились, пропорции совпадали, но внутри уже ничего не было. Вместо твердой поверхности — лишь оболочка, тонкая, как бумага.

— Небесный, как там наш заключенный? — Отец попытался приподнять голову над подушкой. — Он еще жив?

— Можно сказать, что нет, — ответил Небесный. После того как отец получил ранения, сын добился себе места в службе безопасности. — Честно говоря, не думаю, что он протянет долго. Его раны гораздо серьезнее твоих.

— Но тебе же удалось поговорить с ним?

— Да, кое-что мы из него вытянули.

Небесный подавил вздох. Он уже сообщал отцу о результатах допроса, но то ли Тит теряет память, то ли хочет услышать еще раз.

— Что именно он сказал?

— Ничего, о чем мы не могли бы догадаться. Нам все еще неизвестно, кто устроил его на корабль, но это почти наверняка была одна из фракций, способных на такого рода дела.

Отец поднял палец:

— Вспомни о его оружии, о механизмах, вживленных в руки...

— Они не столь уникальны, как ты думаешь. К концу войны такие вещи, очевидно, появились повсюду. Еще хорошо, что ему в руку не встроили ядерное взрывное устройство, хотя его, разумеется, не в пример труднее спрятать.

— Он когда-нибудь был просто человеком?

— Наверное, мы этого уже не узнаем. Некоторые из ему подобных выращивались в лабораториях. Других делали из заключенных или добровольцев. Они подвергались мозговой хирургии и психологической обработке, с тем чтобы их могла применять в качестве оружия любая заинтересованная сторона. Такие роботы из плоти и крови обладали ограниченной способностью общения с другими людьми, когда это совпадало с их оперативными задачами. Они могли вести себя вполне убедительно, отпуская шутки и болтая о пустяках, пока не достигали своей цели, после чего мгновенно переключались в другой режим и превращались в фанатичных убийц. В тела некоторых из них вживлялось оружие для особых заданий.

— У него в руке было много металла.

— Конечно. — Намек отца был вполне понятен. — Слишком много, чтобы он мог пробраться на корабль без посторонней помощи. Это подтверждает версию о заговоре, которая возникла еще до инцидента.

— Но мы нашли только одного заговорщика.

— Только одного.

В течение нескольких дней после нападения всех «спящих» просканировали на предмет имплантированного оружия. Процедура была сложной и опасной, и никаких результатов она не дала.

— Это показывает, насколько наши враги были самоуверенны.

— Небесный... он не сказал, почему это сделал или почему его заставили это сделать?

Небесный недоуменно поднял бровь. Расспросы такого рода были ему в новинку. Прежде отец сосредоточивался только на специфических деталях.

— В общем, он кое-что упоминал.

— Продолжай.

— Однако я не нашел в его словах никакого смысла.

— Может быть, но мне бы хотелось их знать.

— Он говорил о фракции, которая что-то обнаружила. Правда, не сказал, кто эти люди и где они находятся.

— И что именно они нашли? — пробормотал отец еле слышно.

— Нечто странное.

— Расскажи об этом, Небесный.

Тит умолк. Догадавшись, что его мучит жажда, Небесный приказал дежурившему в палате роботу поднести стакан с водой к потрескавшимся губам отца.

— Это случилось незадолго до того, как Флотилия стартовала и покинула Солнечную систему. В одной из научных областей, которая активно развивалась в последние годы войны, было сделано открытие.

— И это...

— Человеческое бессмертие.

Небесный произнес эти слова осторожно, словно они обладали волшебной силой и их не следовало говорить всуе.

— Он сказал, что эта фракция в течение века вела исследования в нескольких смежных областях и ей удалось разработать

курс терапии. Они добились успеха там, где другие потерпели неудачу или были вынуждены свернуть работу по политическим причинам. Конечный результат оказался неоднозначным. Это не таблетку принять один раз и забыть о ней.

— Продолжай, — сказал Тит.

— У них был целый комплекс технологий. Генетика, химиотерапия... Кое-что зависело от крошечных устройств, вживленных в организм. Весь процесс фантастически сложный, масса тонкостей... К тому же процедуры должны были проводиться регулярно. Но при правильном применении они давали неплохой результат.

— И что ты об этом думаешь?

— Абсурд, разумеется. Нет, я не отрицаю, что такое в принципе возможно. Но разве об открытии подобного масштаба не должно быть известно каждому?

— Не обязательно. Не забывай, война уже выдыхалась. Обычные каналы связи были нарушены.

— Значит, по-твоему, такая фракция могла существовать?

— Да, я верю, что она существовала. — Отец замолчал, восстанавливая силы. — Можно сказать, я это знаю. Подозреваю, почти все, о чем этот химерик тебе рассказал, — правда. Здесь нет никакого волшебства. Наверняка существуют болезни, против которых даже столь передовая технология бессильна. Но это лучшее из того, что когда-либо создавалось цивилизацией. Да, она увеличивает продолжительность жизни до ста восьмидесяти лет, самое большее до двухсот. Конечно, о бессмертии речь не идет. Но это не важно — важно то, что у человека есть шанс оставаться живым, пока не появится нечто поэффективнее.

Тит бессильно откинулся на подушку.

— Кто об этом знал?

Отец улыбнулся:

— Кое-кто из людей с достатком, кто же еще? Те, кого даже война пощадит. Те, кто смог оказаться в нужном месте или был знаком с нужными людьми.

Следующий вопрос был очевидным и пугающим. Флотилия стартовала, когда война находилась в конечной стадии. Многие из тех, кто ныне спал в капсулах, просто пытались бежать. Солнечная система была полуразрушена, но по-прежнему только и ждала возможности вновь окунуться в полномасштабное кро-

вопролитие. Претенденты на право лететь проходили суровый отбор. Но хотя места на кораблях распределялись на основании заслуг, для достаточно влиятельных людей находились способы попасть на борт. Если у Небесного когда-либо были сомнения, их рассеяло появление диверсанта. Кто-то и где-то подергал за нужные ниточки, чтобы доставить химерика на борт.

— Ну хорошо. А как насчет «спящих»? Многие ли из них знали об открытии?

— Знали все, Небесный.

Юноша посмотрел на отца, лежащего перед ним. Сколько ему еще осталось? От колотых ран можно оправиться — они не особенно серьезны. Но они вызвали осложнения: в организме проснулись затаившиеся до поры банальные инфекции. Было время, когда медики Флотилии могли его спасти. Несколько дней — и они без особых усилий поставили бы Тита на ноги. Но теперь им остается лишь поддерживать естественные процессы регенерации. И врачи медленно проигрывают битву.

Небесный размышлял над словами отца:

— И сколько из них получили терапию бессмертия?

— Ответ тот же.

— Все? — Он недоверчиво покачал головой. — Все «спящие», которых мы везем?

— Да. За незначительным исключением — кое-кто, например, отказался от нее по этическим или медицинским соображениям. Но большинство прошли терапию незадолго до посадки на борт. — Отец снова умолк. — Такова тайна всех тайн моей жизни, Небесный. Я узнал ее еще от своего отца. Нелегко было ее хранить, поверь.

— Как тебе удавалось?

Отец еле заметно пожал плечами:

— Это входит в мои должностные обязанности.

— Не говори так. Должностные обязанности — не оправдание. Ведь нас предали, разве нет?

— Да как сказать. Они действительно не поделились своим секретом с экипажем. Однако правильно сделали, я думаю.

— Скажи почему.

— Представь себе, что мы бессмертны. Это означает полтора века заключения на борту нашей машины. Мы бы просто понемногу спятили. Этого они и опасались. Поверь: экипажу лучше

прожить нормальный жизненный срок, а затем передать бразды правления новому поколению.

— Ты считаешь это правильным?

— А разве нет? Да, мы обслуживаем «спящих». Но не все они благополучно проснутся в Пункте Назначения. Так что завидовать нечему. К тому же нам нужно заботиться и о себе. Мы управляем кораблем не только ради «спящих», но и ради себя.

— Да. Весьма объективно. Но тебе известно, что от нас утаили секрет бессмертия. И ты хочешь сказать, что это не влияет на твоё отношение к ним?

— Не знаю. Вот почему я никому не раскрываю этой тайны.

— Но ты только что раскрыл её мне.

— Тебе ведь хотелось знать, правду ли сказал химерик? Что ж, теперь ты знаешь.

Лицо отца на минуту стало безмятежным, словно с его души сняли тяжкий груз. Небесному даже показалось, что отец ушел в небытие. Но вскоре веки шевельнулись, Тит облизнул губы. Он собирался сказать что-то еще, хотя это давалось ему с огромным трудом.

— И еще одна причина... Мне тяжело говорить об этом, Небесный. Я не уверен, что поступаю правильно.

— Так, может, позволишь мне решать?

— Прекрасно. Тогда изволь выслушать. Я много раз собирался рассказать тебе об этом, но не хватало убежденности в своей правоте. Как говорится, всякое полужнание хуже незнания.

— Поясни, о чем идет речь.

— О твоём происхождении.

Тит попросил воды. Небесный подумал о воде в стакане, молекулы которой просачивались между губами отца. Каждая капля воды на корабле проходила цикл преобразований, чтобы её можно было пить снова и снова. В межзвездном пространстве не должно быть отходов. Через много месяцев — или лет — Небесный будет пить ту же воду, которая сейчас приносила облегчение его отцу.

— О происхождении?

— К сожалению, ты не мой сын.

Тит мрачно уставился на Небесного, словно ожидая, что тот тронется рассудком от подобного откровения.

— Ну вот, я это сказал, и теперь нет пути назад. Тебе придется выслушать остальное.

Возможно, он сдает быстрее, чем это регистрируют машины, подумал Небесный. Он скользит в темную траншею безумия, его кровоток отравлен, а мозгу отчаянно не хватает кислорода.

— Я твой сын.

— Нет. Мне лучше знать, Небесный. Я собственными руками вытащил тебя из капсулы.

— О чем ты говоришь?

— Ты был одним из них. Одним из момио, одним из «спящих».

Небесный кивнул, мгновенно принимая эту истину. На каком-то уровне он знал, что нормальной реакцией было бы недоверие, быть может, даже гнев, но ни того ни другого не чувствовал. Было только глубокое ощущение умиротворяющей правды.

— Сколько мне было лет?

— Тебе было несколько дней от роду, когда тебя заморозили. На борту находилось очень мало младенцев вроде тебя.

Он слушал, как отец — не его отец — продолжал рассказ. Лукреция Хаусманн, женщина, которую Небесный считал своей матерью, родила на борту корабля, но ее младенец, мальчик, умер через несколько часов. Опечаленный Тит скрывал правду от Лукреции, часами, затем днями пуская в ход всю свою изобретательность. Пока она находилась под действием успокоительных препаратов, Тит опасался, что правда убьет ее — возможно, не физически, но ее дух будет сломен. Эту женщину любили на корабле больше, чем кого бы то ни было. Если с ней что-то случится, это повлияет на всех и каждого как смертельный яд. Они были одной семьей, все знали друг друга. Лукреции будет не под силу перенести потерю ребенка.

И тогда Тит решился. Он знал, что пожалеет об этом, едва успев осуществить свой план. Но к тому времени будет слишком поздно.

Он украл ребенка у «спящих». Оказалось, что дети не в пример взрослым лучше приспособлены к оживлению, — это связано с отношением объема тела к площади его поверхности. Разморозить ребенка не составило серьезных проблем. Он выбрал самого младшего, чтобы ложь выглядела убедительной.

Все остальное было не важно. Лукреция слишком долго не видела сына, чтобы обнаружить подмену.

Он положил мертвого ребенка на место, снова охладил капсулу и мысленно попросил у него прощения. К тому времени, как маленького покойника обнаружат, сам Тит давно будет мертв. Проснувшихся родителей также ожидает ужасное испытание, но они окажутся в новом мире, и у них будет достаточно времени на попытки зачать еще одного ребенка. Для них потеря сына окажется меньшим потрясением, чем для Лукреции. Наконец... если бы он не решился на это преступление, ситуация на корабле могла бы осложниться настолько, что сама миссия оказалась бы под угрозой. Такая вероятность, как ни крути, существовала. Значит, в это просто надо поверить — поверить, что совершенный Титом поступок послужит общему благу.

Преступление ради любви.

Конечно, Тит не смог бы осуществить задуманное в одиночку. Несколько его лучших друзей знали правду. Но эти люди оказались надежными, никто из них потом не заговаривал о случившемся. Все они уже мертвы.

А сейчас пора открыть тайну Небесному.

— Теперь ты понял, почему я так часто упоминал о твоей непохожести на других? — спросил Тит. — Ты действительно особенный. Единственный бессмертный среди нас. Именно по этой причине я вначале воспитывал тебя в изоляции. Именно по этой причине ты столько времени проводил один в детской. Прежде всего хотелось уберечь тебя от инфекций — ты более восприимчив к ним, чем другие дети, и эта восприимчивость остается высокой и ныне, хотя ты и вырос. Но главная причина в том, что мне хотелось изучить ход твоего развития. У тех, кто прошел терапию, развитие замедляется, Небесный. И чем дальше, тем сильнее. Сейчас тебе двадцать, но тебя можно принять за пятнадцатилетнего подростка, разве что слишком высокого. Когда тебе исполнится тридцать или сорок, люди будут говорить, что ты выглядишь очень молодо. Правду никто не узнает — во всяком случае, пока ты не станешь старше... гораздо старше.

— Значит... я бессмертный?

— Да. И это меняет многое, если не все, согласись.

И Небесному Хаусманну пришлось согласиться.

Позже, когда отец снова провалился в бездну забытья — неизбежного предвестника смерти, — Небесный отправился к диверсанту. Пленный химерик лежал на такой же точно постели, как и отец Хаусманна, его тоже окружали роботы, но этим сходство и ограничивалось. Аппаратура только осуществляла наблюдение — он был достаточно силен, чтобы обходиться без помощи... даже слишком силен. Трудно было поверить, что из него извлекли целый магазин пуль. На кровати пленника удерживали оковы из прочного пластика: широкий обруч стягивал его грудь, два обруча поменьше — предплечья. Это позволяло ему подносить к лицу одну руку, другая оканчивалась оружием, которым он изувечил Тита. Впрочем, оружия уже не было. Рука киборга представляла собой аккуратно зашитый обрубок. Его тщательно просканировали, но никаких скрытых устройств не обнаружили, не считая имплантатов, которые заставляли его выполнять заложенную программу.

Фракционеры, внедрившие на корабль агента, явно страдали недостатком фантазии. Они сделали ставку на механические разрушения, тогда как вирус, невидимый и легко передающийся, мог оказаться куда более эффективным оружием. Правда, без живого экипажа «спящие» вряд ли долетят до Пункта Назначения.

Однако у химерика могут быть другие способы выполнить задание.

Как это странно — вдруг узнать, что ты бессмертен. Небесный не собирался заниматься самокопанием. Бессмертие не делает его неуязвимым, но осторожность и предусмотрительность помогут снизить риск до минимума.

Он отступил от койки. На вид диверсант безоружен, но полной уверенности нет и быть не может. Пусть мониторы показывают, что он находится в забытии не менее глубоком, чем отец Хаусманна. Лучше не рисковать. Эти существа созданы для обмана. Они способны проделывать любые трюки с сердечным ритмом и нейронной активностью. Одной свободной руки достаточно, чтобы схватить Небесного за горло и задушить... или подтянуть его к себе и перегрызть горло.

Небесный заметил на стене медицинский набор. Он распахнул ящичек, изучил аккуратно разложенные препараты, затем извлек скальпель. Голубоватая стерильная сталь сверкнула

в приглушенном свете изолятора. Покрутив ее перед глазами, Хаусманн с восхищением проследил, как исчезает лезвие при повороте кромкой вверх.

Чудесное оружие. Можно сказать, воплощение совершенства. Сжав скальпель в руке, он шагнул к диверсанту.

ГЛАВА 16

— Он приходит в себя, — произнес голос.

Мои мысли кристаллизовались, и я переключился в сознательный режим.

Вот одно из правил, которые солдат усваивает очень быстро, по крайней мере на Окраине Неба: не каждый, кто в тебя стреляет, непременно хочет убить. Во всяком случае, в тот момент, когда стреляет. Причин может быть тысяча. Взять хотя бы простой захват в плен. Из пленного можно выкачать полезные воспоминания, не прибегая к жестоким пыткам, — для этого требуется лишь технология траления памяти, которую ультра-навты могут предоставить за определенную сумму. В общем, добыть тактические или оперативные сведения, что наверняка сидят в мозгу у любого мало-мальски стоящего бойца.

Но со мной такого не случилось никогда. В меня стреляли и попадали, однако при этом никто не рассчитывал, что я проживу даже тот короткий отрезок времени, за который можно что-то выкачать из моей головы. Мне посчастливилось ни разу не попасть в плен, и я никогда не имел сомнительного удовольствия очнуться в недружественных руках.

Похоже, теперь я узнаю, каково это в ощущениях.

— Господин Мирабель, вы слышите меня?

Что-то мягкое и холодное скользнуло по лицу. Я открыл глаза и тут же сощурился: после неопределенного периода отключки свет показался нестерпимо ярким.

— Где я?

— В безопасном месте.

Кое-как оглядевшись, я обнаружил, что полулежу в кресле, которое стоит на возвышении у стены. Пол длинной комнаты

был наклонным, а стены отделаны рифленным металлом. Ощущение такое, будто я спускаюсь на эскалаторе по слегка изогнутому тоннелю. В стенах имелись овальные окна, но я мог разглядеть лишь темноту, расцвеченную длинными перепутанными цепями светящихся гирлянд. Все ясно: я нахожусь высоко над поверхностью планеты... почти наверняка где-то в Пологе. Пол действительно походил на эскалатор — несколько очень широких и низких «ступеней» спускались метра на два-три. До дальнего конца было метров пятнадцать. Похоже, уклон образовался произвольно, после чего пол пришлось спешно переделывать.

И разумеется, я был не один.

Рядом стоял тот самый тип с квадратной челюстью и монокуляром. Одной рукой он поглаживал подбородок, словно напоминая себе о его внушительных размерах, в другой руке держал кусок мягкой фланели, с помощью которой я был столь деликатно приведен в чувство.

— Должен признаться, с дозой лучевого шокера я ошибся, — проговорил он. — Кое-кого она могла бы убить. Я думал, вы пролежите в отключке еще несколько часов. — Он положил руку мне на плечо. — Но сейчас с вами, кажется, все в порядке. Вы крепкий парень. Примите мои извинения — уверяю, впредь такое не повторится.

— Я тоже на это надеюсь. — В поле моего зрения появилась женщина.

Я сразу узнал ее и ее спутника, возникшего передо мной справа с неизменной сигаретой, поднесенной к губам.

— Ты становишься неаккуратным, Уэверли. Этот человек мог подумать, что ты хочешь его убить.

— А он не хотел?

Приятная неожиданность: мне казалось, что не смогу шевелить языком.

Уэверли мрачно покачал головой:

— Вовсе нет. Я изо всех сил пытался спасти вам жизнь, господин Мирабель.

— Довольно оригинальный способ.

— Пришлось действовать быстро. Вам устроила засаду группа свиней. Знаете, кто такие свиньи, господин Мирабель? И вряд ли хотите узнать. Это одна из самых мерзких иммигрантских

групп, с которыми нам пришлось иметь дело после гибели Блистающего Пояса. У них милая манера — например, натянуть через дорогу проволоку, соединенную с арбалетом. Обычно они выходят на охоту ближе к ночи, но сегодня, должно быть, проголодались.

— Чем вы меня подстрелили?

— Я уже сказал: лучевым шокером. Вообще-то, довольно гуманное оружие. Лазерный луч прокладывает в воздухе ионизированную дорожку, по которой можно пустить парализующий электрический разряд.

— Это небезболезненно, между прочим.

— Знаю, знаю. — Он вскинул руки, точно защищаясь. — В свое время мне тоже досталось. Я настроил эту штуковину, чтобы глушить свиней, а не людей. Но может быть, это к лучшему. Вы могли оказать сопротивление, и пришлось бы принять более радикальные меры.

— И все-таки, почему вы бросились меня спасать?

Вопрос вроде бы озадачил его.

— Просто решил поступить как порядочный человек.

— Вначале я недооценила вас, господин Мирабель, — заговорила женщина. — Вы заставили меня волноваться, и я усомнилась в ваших словах.

— Я всего лишь просил совета.

— Да-да, и здесь только моя вина. Хотя в последние дни мы все на нервах. Когда мы уехали, мне стало стыдно, и я попросила Уэверли присмотреть за вами. Что он и сделал.

— Именно присмотреть, Сибиллина, — подхватил Уэверли.

— И где я теперь нахожусь?

— Покажи, Уэверли. Ему давно пора размяться.

Я, пожалуй, ожидал, что окажусь привязанным к креслу. Ничего подобного. Уэверли дружески подал мне руку, и я попробовал встать. В том месте, где меня зацепил луч, мышца как будто превратилась в желе, но это, судя по всему, скоро пройдет. Обойдя женщину, я принялся осторожно спускаться по «ступеням» к дальнему концу комнаты. Двойная дверь явно вела наружу: из-за нее чуть заметно тянуло ночным воздухом. Уэверли вывел меня на покатый балкон, окруженный металлическими перилами. Лицо овеял теплый ветерок.

Я оглянулся. Балкон опоясывал здание по всей окружности... только это было не здание.

Это была гондола воздушного корабля, висящая слегка под углом. Над нами, точно дождевая туча, темнел аэростат, втиснутый между отростками Полога. Должно быть, когда разразилась эпидемия, корабль застрял, точно воздушный шарик в ветвях, и не смог освободиться. Баллон аэростата был настолько герметичен, что почти не сдулся, хотя со времен эпидемии прошло целых семь лет. Однако он был изрядно деформирован, словно «ветки» пытались его раздавить. Интересно, сколько он еще протянет и что случится с гондолой, если баллон все-таки прорвется?

— Наверное, все произошло очень быстро, — произнес я.

Воображение живо рисовало воздушный корабль, к которому тянет свои щупальца уродливо разрастающееся здание.

— Не так уж и быстро, — возразил Уэверли. Судя по его тону, я спорил основательную чушь. — Это экскурсионный корабль — в те времена таких было немало. Когда бушевала катастрофа, людям было не до экскурсий. Корабль поставили на мертвый якорь. Здание росло, и за пару дней ветви оплели его полностью.

— И теперь вы в нем живете?

— Не совсем так. Здесь не совсем безопасно. Зато нам не докучают посторонние.

Позади нас распахнулась дверь, и на балкон вышла женщина:

— Это действительно не самое безопасное место. — Она встала у перил рядом с Уэверли и смело склонилась над пропастью. До поверхности было не меньше километра. — Но у него есть свои достоинства. Например, уединенность. А теперь... если я правильно поняла, господин Мирабель, вам нужны хорошая пища и кров?

Я кивнул. Пожалуй, с этими людьми стоит наладить отношения. Так я смогу заручиться их помощью и попасть в Полог. Это был аргумент рассудка. Другим аргументом было чувство облегчения и искренней благодарности. К тому же я устал и проголодался.

— Я не хочу быть назойливым.

— Ничего страшного. Из-за меня у вас были серьезные неприятности в Мульче, а Уэверли усугубил ситуацию со своим дурацким шокером — ты согласен, Уэверли? Ладно, об этом

больше ни слова, учитывая, что вы окажете нам честь, поделив с нами ужин и позволив предоставить вам отдых.

Женщина извлекла из кармана небольшой черный предмет, раскрыла его как пудреницу, выдвинула антенну и проворковала:

— Дорогой? Мы уже готовы. Иди на верхний конец гондолы. Захлопнув крышку телефона, она вернула его в карман.

Мы прошли вдоль борта гондолы, держась за перила, чтобы не поскользнуться на наклонном полу. В верхней точке перила закончились. Между мной и землей остался только воздух. При желании Уэверли и Сибиллина запросто могут столкнуть меня отсюда, особенно сейчас, когда я еле на ногах держусь. Впрочем, у них была масса возможностей сделать это до того, как я очнулся.

— А вот и он, — указал Уэверли чуть вверх, где между ветвями тяжело вспучивался аэростат.

К нам спускался фуникулер. Он очень походил на тот, в котором я впервые увидел Сибиллину, но я недостаточно подкован в этой области техники, чтобы делать выводы. Рычаги цеплялись за паутину тросов, обтянувших аэростат. Баллон проминался, но его каким-то образом ухитрялись не проткнуть. Затем фуникулер остановился, дверца открылась, из нее выдвинулся трап. Мостик над пропастью выглядел очаровательно.

— После вас, Таннер, — улыбнулась Сибиллина.

Я повиновался. Всего пара шагов — но ухватиться было не за что, и пришлось собрать волю в кулак. Сибиллина и Уэверли проворно последовали за мной. Должно быть, жизнь в Пологе научила местных обитателей спокойно переносить высоту.

В заднем отсеке, отделенном от водительской кабины перегородкой с окошком, располагалось четыре сиденья. Прежде чем окошко закрылось, я успел разглядеть водителя и узнал скуластого сероглазого спутника Сибиллины.

— Куда мы направляемся? — спросил я.

— Ужинать, куда же еще? — Ладонь Сибиллины успокаивающе легла на мое предплечье. — Лучшее место в Городе, Таннер. И я клянусь, там открывается великолепный вид.

Ночной перелет через Город Бездны...

При виде россыпи огней, похожей на недочерченный план Города, я готов был поверить, что эпидемии не случилось во-

все. Силуэты зданий терялись в темноте, и лишь верхние отростки сияли гирляндами и брызгами окон и неоновыми каракулями реклам. Все тексты были на каназиане, и я мог только догадываться, что они означают. То и дело мы проезжали мимо зданий постарше. Чума не коснулась их, и они, прямые и элегантные, гордо высились среди своих изуродованных потомков. Некоторые из этих домов все же пострадали, хотя и по другой причине. Соседние постройки пронзали их своими отростками, подкапывались под фундаменты, обвивали, точно хищная лоза. Кроме того, в разгар эпидемии здесь гремели взрывы, бушевали пожары и бунты. В общем, мало кому удалось выйти из переделки без потерь.

— Видите памятник? — спросила Сибиллина, указывая на сооружение, напоминающее пирамиду.

Эта приземистая постройка обросла трущобами Мульчи, как водорослями, но неплохо сохранилась. Теперь, в лучах прожекторов, ее даже можно было разглядеть.

— Это Монумент Восьмидесяти. Полагаю, вам знакома их история?

— В самых общих чертах.

— Давным-давно один ученый пытался сканировать людей для создания компьютерных копий, но технология была несовершенной. В процессе сканирования люди погибли, а копии оказались неудачными. Их было восемьдесят, включая самого изобретателя. Когда все кончилось, родственники умерших воздвигли этот памятник. Поверьте, в прежние времена он выглядел куда лучше.

— Как и весь Город, — добавил Уэверли.

Полет продолжался. Вскоре мой желудок напомнил, что ко всему надо привыкать понемногу, в том числе и к путешествиям на фуникулере. Там, где тросы переплетались достаточно плотно, он двигался плавно и ровно, словно дисколет. Но едва паутина начинала редеть — в некоторых районах Полога ответвлений почти не было, — как наше движение становилось похожим на прыжки гиббона в джунглях. Широкие дуги, когда захватывало дух, перемежались толчками, словно кто-то пинал нас под днищем. Возможно, я и получил бы от этого удовольствие, если бы наши далекие предки не сочли за лучшее слезть с деревьев.

Наконец, описав несколько головокружительных дуг, фуникулер опустился на поверхность. Квирренбах говорил, что местные жители прозвали купол над Городом Москитной Сеткой. Здесь, у края Бездны, он почти касался земли.

В этом районе вертикальная стратификация Города не так бросалась в глаза. Полог и Мульча прорастали друг в друга настолько, что граница становилась неразличимой. Мульча тянулась вверх, пытаясь коснуться изнанки купола, а Полог забивался под бронированные крыши площадей, где состоятельные люди могли прогуливаться, ничем не рискуя.

Именно в такое место нас доставил приятель Сибиллины. Выдвинулись шасси, и наша кабинка опустилась на площадку, где стояли другие фуникулеры. Край купола казался отсюда почти отвесной стеной, испещренной коричневыми пятнами. Она нависала над Городом, словно застывшая волна цунами. Там, где Сетка была относительно прозрачной, зияла широкая пасть Бездны. Где-то на другом ее берегу далеким лесом мерцающих огней сиял Город.

— Я позвонил и заказал нам стол у Стебля, — произнес мужчина с глазами цвета стали, выходя из водительской кабины. — Говорят, сегодня там ужинает Воронофф, так что ресторан будет переполнен.

— Я в восторге, — отозвалась Сибиллина. — Воронофф способен придать блеск любой вечеринке.

Она небрежно открыла контейнер сбоку машины, вынула из него черную сумочку и продемонстрировала несколько пузырьков с «топливом грез», а также узорчатый свадебный пистолет, наподобие того, который я прикарманил на борту «Стрельникова».

Она оттянула воротник, приставила пистолет к шее и, скрипнув зубами, выпустила кубик темно-красной жидкости в сонную артерию. Затем передала пистолет своему сероглазому другу, который также укололся и возвратил прибор Сибиллине. Машинка была украшена в стиле барокко.

— Не желаете приобщиться, Таннер?

— Спасибо, я пас.

— Ну вот и славно. — Сибиллина убрала комплект обратно в контейнер — так, словно ничего особенного не происходило.

Мы покинули машину и прошли через посадочную площадку к крутому пандусу, который спускался на ярко освещенную

площадь. Место оказалось на удивление приятное. Здесь было чисто и прохладно, среди респектабельной публики мелькали паланкины, роботы-слуги и животные-киборги. Из стен доносилась пульсирующая музыка. Наверное, именно таким был Город до эпидемии. Чуть в стороне я заметил странного робота с вертенообразным туловищем. Возвышаясь над толпой, он куда-то пробирался, неловко переставляя похожие на клинки ноги; впрочем, он весь состоял из острых блестящих лезвий и напоминал коллекцию заколдованных мечей.

— Это автомат Секварда, — произнес мужчина со стальными глазами. — Раньше Секвард работал в Блισταющем Поясе, он был одной из ключевых фигур в движении глюонистов. Теперь делает эти штуковины. Они опасны, так что будьте начеку.

Мы проворно обошли механизм, избегая плавных, размашистых движений его смертоносных конечностей.

— Не припоминаю вашего имени, — сказал я водителю.

Он взглянул на меня так, будто я осведомился о размере его обуви:

— Фишетти.

Мы спускались по улице. Вскоре нам встретился такой же робот, но у этого на конечностях отчетливо виднелись красные пятна. Затем мы миновали цепочку декоративных прудов, где у поверхности, разевая рот, плавали пухлые золотые и серебряные рыбины. Черт побери, куда меня занесло? Мы приземлились возле самой Бездны и постоянно шли к ней, но как будто не ступали с места.

Наконец проход расширился, и мы оказались в огромном зале под куполом — добрая сотня столиков располагалась здесь вполне свободно. Почти все места были заняты, а вокруг одного столика я увидел несколько паланкинов. Он был роскошно сервирован. Хотел бы я посмотреть, как заказавшие его посетители будут принимать пищу. Еще я успел заметить ряды ступеней, ведущие вниз, сквозь стеклянный пол зала.

Но тут нас повели через зал к пустому столику. В непосредственной близости от нас темнело огромное окно. Еще несколько таких же были вделаны в полуночно-синий купол, а с его вершины свисала люстра совершенно немыслимого облика.

— Как я и говорила, лучший вид во всем Городе Бездны, — произнесла Сибиллина.

Теперь я понял, где мы находились. Ресторан размещался почти на самом конце Стебля, растущего из края Бездны, метрах в пятидесяти-шестидесяти от его вершины. Стебель был высотой с километр, тонок и с виду хрупок, как стекло. Его поддерживала на краю Бездны хрустальная консоль филигранной работы, из-за чего конструкция казалась еще менее прочной.

Сибиллина подала мне меню:

— Выбирайте что хотите, Таннер... или позвольте мне самой выбирать — вы, наверное, не знакомы с нашей кухней. Я не выпущу вас отсюда, пока не накормлю как следует.

Я глянул на цены. У меня что, нули в глазах двоются?

— Мне это не по карману.

— Разве я сказала, что вы должны платить? Мы все в долгу перед вами.

Посоветовавшись с Сибиллиной, я кое-что выбрал, затем откинулся на спинку стула и настроился ждать заказ. Разумеется, мне здесь было не по себе, однако я действительно проголодался. Кроме того, в обществе этих людей я рассчитывал побольше разузнать о жизни в Пологе. К счастью, от меня не требовалось поддерживать светскую беседу. Сибиллина и Фишетти перемывали косточки своим знакомым. Иногда кто-то из объектов обсуждения обнаруживался в зале, и тогда в его сторону следовал неприметный указующий жест. Уверли то и дело вставлял комментарии; ко мне же если и обращались, то лишь из вежливости.

Я оглядел помещение, оценивая посетителей. Даже люди, изменившие свои тела и лица, казались красивыми, словно обаятельные актеры в костюмах животных. У одних был изменен лишь цвет кожи, другие позволили себе гораздо больше новшеств. Вот человек с аккуратными полосатыми шипами, радикально расходящимися со лба, а рядом женщина, чьи огромные глаза то и дело подергиваются радужными узорчатыми пленками, похожими на крылья бабочки. Неподалеку от них вполне обычный с виду мужчина, но из его рта то и дело вылетает черный раздвоенный язык, словно пробуя на вкус воздух. Потом я заметил стройную, почти нагую женщину, всю разрисованную черно-белыми полосами. На миг наши взгляды встретились. Думаю, она еще долго смотрела бы на меня, но я опустил взгляд себе под ноги.

Под нами, исходя паром, зияла Бездна. Я с удивлением обнаружил, что головокружение почти прошло. Была глубокая ночь, но ресторан тонул в призрачном сиянии Города. Мы находились в километре от ближайшего склона Бездны, но ее диаметр мог запросто составлять пятнадцать-двадцать километров, и противоположный край казался таким же далеким, каким я видел его с посадочной площадки. Склон, как правило, был почти отвесным, если не считать узких, сильно выветрелых выступов горных пород. Иногда на этих выступах виднелись здания, от них во все стороны тянулись лифтовые шахты или крытые переходы. У Бездны действительно не было дна, по крайней мере так казалось. Стены вырастали из нетронутого слоя белых облаков, и я мог только догадываться, что находится ниже этого ватного покрова. Оттуда, точно артерии, торчали трубопроводы. Мне было известно, что внизу располагались атмосферные энергоустановки — невидимые машины, снабжающие Город Бездны электричеством, воздухом и водой. Они оказались достаточно прочными, чтобы выдержать удар эпидемии. Над самыми облаками носились разноцветные светящиеся объекты, похожие на крошечные треугольники.

— Планеры, — пояснила Сибиллина, перехватив мой взгляд. — Это старинный спорт. Когда-то я тоже этим занималась — возле стен идут теплые восходящие потоки. Но сколько дыхательного снаряжения приходится на себя нацеплять... — Она покачала головой. — А хуже всего туман. Скользишь по инерции над облачным слоем, но стоит туда погрузиться, и ты теряешь ориентацию в пространстве. Если повезет, ты взлетишь и выскочишь из тумана прежде, чем врежешься в скалу. Если нет, то уже не разберешь, где верх, где низ, попадешь в зону возрастающего давления и сваришься заживо. Либо украсишь склон Бездны симпатичным цветным пятном.

— А радар в тумане не действует?

— Действует. Но без него интереснее, верно?

Подали ужин. Я ел с осторожностью, стараясь не привлекать к себе внимания. Пища была отменная. Сибиллина сказала, что лучшую пищу по-прежнему выращивают на орбите и доставляют вниз «бегом». Это объясняло лишние нули в меню.

— Взгляните-ка, — произнес Уэверли, когда мы принялись за второе. — Если не ошибаюсь, Воронофф?

Глазами он указал на человека, который только что встал из-за стола в другом конце зала.

— О да, — подтвердил Фишетти с самодовольной улыбкой. — Я знал, что сегодня он будет здесь.

Я посмотрел на того, о ком шла речь. Если бы мне не сказали, в жизни не обратил бы на него внимания. Маленький, безукоризненно одетый и тщательно завитый брюнет с приятным, но ничего не выражающим лицом мимического актера.

— Вроде я слышал о нем, но не помню от кого. Кто он вообще? — осведомился я.

— Воронофф — настоящая знаменитость, — пояснила Сибиллина, доверительно касаясь моей руки. — Один из старейших послесмертных. Для некоторых — герой. Чем только он не занимался! Кажется, освоил все виды развлечений.

— Что-то вроде профессионального игрока?

— Берите выше, — сказал Уэверли. — Воронофф разрабатывает совершенно немыслимые экстремальные ситуации. Он создает правила, а все остальные просто их соблюдают.

— Я слышал, на сегодня он что-то задумал, — вмешался Фишетти.

— Прыжок в туман? — Сибиллина хлопнула в ладоши.

— А иначе зачем бы пришел сюда ужинать? Похоже, нам повезло. Ему наверняка давно надоела эта скучная панорама.

Воронофф уже направлялся куда-то в сопровождении мужчины и женщины, которые до этого сидели за его столиком. Кажется, тут действительно намечалось нечто особенное: все взгляды устремились к ним, и даже паланкины развернулись в одном направлении.

Троица покинула зал, но напряженное ожидание продолжало витать в воздухе. Еще пара минут, и я понял, в чем дело. Воронофф и его спутники появились на балконе, который опоясывал ресторан по внешней стенке купола. Все трое были в защитных костюмах и масках, почти скрывающих лица.

— Они полетят на планерах? — спросил я.

— Ну что вы, — отозвалась Сибиллина. — Воронофф считает это абсолютно устаревшим. Прыжок в туман — вот что несравнимо опаснее.

Тем временем стоящие на балконе люди застегивали на своих поясах какие-то светящиеся снасти. Я пригляделся: каждый

из этих предметов был присоединен к свернутой кольцами веревке, другой ее конец крепился к куполу. К этому времени половина посетителей столпилась возле окон ресторана, чтобы ничего не пропустить.

— Видите веревку? — спросила Сибиллина. — Каждый прыгун должен рассчитать под себя ее длину и эластичность. Еще надо подгадать время прыжка — в зависимости от скорости и направления воздушных потоков. Там, внизу, планеры — обратите внимание, как за ними следят.

В этот миг с балкона прыгнула женщина. Должно быть, сошла момент подходящим.

Сквозь пол было видно, как она падает в туман, превращаясь в крошечное живое пятнышко. За ней разматывался тонкий, почти невидимый «хвост».

— И в чем идея? — поинтересовался я.

— По-моему, зрелище бесподобное, — сказал Фишетти. — Весь фокус в том, чтобы войти в туман и полностью скрыться с наших глаз. Однако я не позавидую улетевшему слишком далеко. Даже если верно угадать длину веревки, есть еще фактор воздушных потоков.

— Она ошиблась в расчетах, — проговорила Сибиллина. — Ах, дурочка... Ее тащит вниз, вон к тому выступу.

Стремительно падающий огонек врезался в склон Бездны. На миг в ресторане повисло молчание. Я ожидал возгласов ужаса и жалости. Но вместо этого послышались вежливые аплодисменты, кто-то вполголоса выражал соболезнования.

— Ну вот, я же говорила, — вздохнула Сибиллина.

— Как ее звали? — спросил Фишетти.

— Не знаю. Кажется, Оливия... или что-то в этом роде. — Сибиллина взяла со стола меню и принялась выбирать десерт.

— Внимание, вы пропустите следующего. — Фишетти постучал по столу. — Думаю, это будет Воронофф... да!

Знаменитый человек шагнул с балкона и изящно полетел в туман.

— Видели, как он спокоен? Вот что называется высший класс!

Это походило на прыжок искусного ныряльщика. Воронофф словно летел сквозь вакуум, почти не отклоняясь от прямой. До меня дошло, по какому принципу рассчитывается время. Воро-

нофф выжидал момент, когда воздушные потоки изменяют силу и направление так, чтобы работать на него, а не против. Во время полета они словно дружески отталкивали его от стен Бездны. На экране посередине зала появилась картинка, — похоже, следом за игроком в Бездну летела камера. Впрочем, большинство предпочитало пользоваться оптикой — от подзорных труб до театральных биноклей и элегантных лорнетов.

— А какой в этом смысл? — спросил я.

— Риск, — ответила Сибиллина. — Острые ощущения — когда делаешь что-то новое и по-настоящему опасное. Это единственное, что дала нам эпидемия, — возможность испытать себя, посмотреть в глаза смерти. Биологическое бессмертие не помогает, когда ты врезаешься в скалу на скорости двести километров в час.

— Но все-таки зачем это делать? Разве потенциальное бессмертие не придает жизни еще большую ценность?

— Разумеется. Но время от времени полезно сказать себе: помни о смерти. Какой смысл добивать старого врага, когда при этом лишаешься волнующего воспоминания о его изначальной сути? Победа теряет свой смысл, если не знать, над чем она одержана.

— Но при этом можно умереть.

Она отвлеклась от меню и подняла на меня глаза:

— Что ж... лишний повод точнее рассчитывать время.

Воронофф приближался к конечной точке маршрута. Я уже еле различал его.

— Сейчас пойдет перегрузка, — сказал Фишетти. — Он начинает притормаживать. Потрясающая координация... Видите?

Веревка натянулась почти до предела, замедляя падение прыгуна. Но расчет действительно был точен — Воронофф не обманул ожидания поклонников. На три-четыре секунды он исчез в мутной белизне тумана. Потом веревка начала сокращаться, вытягивая игрока из Бездны.

— Как по учебнику, — прокомментировала Сибиллина.

Снова послышались аплодисменты, но на этот раз их переполняла энергичная восторженность — люди даже колотили по столам приборами.

— Знаете что? — сказал Уэверли. — Он освоил прыжок в туман, но это занятие ему вскоре наскучит, и придется выдумыв-

вать нечто еще более опасное. И по-настоящему безумное, попомните мое слово.

— А вот и следующий, — произнесла Сибиллина, когда последний прыгун шагнул с балкона. — По виду координация неплохая — лучше, чем у той бедняжки. Впрочем, он мог хотя бы подождать, пока поднимется Воронофф, просто ради приличия.

— А как он поднимется? — спросил я.

— В снаряжение входит моторизованная лебедка, так что он сам себя вытащит.

Я увидел, как последний прыгун ринулся в Бездну. На мой неискушенный взгляд, этот прыжок не уступал предыдущему. Тепловые потоки не прижимали падающего к краям кратера, а его поза казалась восхитительно изящной. Затихшая толпа напряженно следила за прыжком.

— Что ж, он не новичок, — произнес Фишетти.

— Просто скопировал расчет, — возразила Сибиллина. — Я следила за планерами, когда прыгал Воронофф.

— Это не возбраняется. Вы же знаете, за оригинальность очков не дают.

Прыгун все падал, светящееся снаряжение превратило его в зеленый болид, уносящийся в туман.

— Ого! — Уэверли показал на веревку, кольцами свернувшуюся на балконе. — Веревка должна была размотаться!

— Судя по тому, как прыгал Воронофф, да, — согласилась Сибиллина.

— Этот идиот отмотал себе слишком много, — сказал Фишетти. Потягивая вино из бокала, он с живейшим интересом глазел в Бездну. — Ну вот, запас израсходован, но теперь уже слишком поздно.

Он был прав: достигнув верхней кромки тумана, светящаяся точка несколько не снизила скорость. На экране снова показалась фигура человека, снятая откуда-то сбоку, потом все исчезло в белой дымке — осталась только веревка. Прошли секунды — три, четыре... к этому времени Воронофф уже успел вынырнуть из тумана. Десять... двадцать... Через полминуты люди занервничали. Очевидно, это был не первый случай, и они понимали, чего следует ожидать.

Прошла почти минута, прежде чем прыгун показался из тумана.

Мне уже рассказывали о том, что происходит с пилотами планеров, рискнувшими заблудиться в тумане, но я не думал, что это выглядит настолько скверно. Защита костюма оказалась слишком слабой, чтобы выдержать давление и температуру. Он умер, сварившись заживо за несколько секунд. Камера задержалась на трупе, смакуя подробности. Я поспешил отвернуться от экрана. На войне мне доводилось видеть и не такое, но не сразу после роскошного ужина.

— Что ж, ему стоило взять веревку покороче, — пожалала плечами Сибиллина.

Позже мы прошли по Стеблю назад, к посадочной площадке, где нас ожидал фуникулер Сибиллины.

— Таннер, куда прикажете вас отвезти? — спросила она.

Должен признаться, общество этих людей вызывало у меня все меньше энтузиазма. Все пошло из рук вон плохо. Я был благодарен за ужин и экскурсию на Стебель, но ледяное спокойствие, с которым они отреагировали на гибель прыгунов, наводило на неприятные мысли. Возможно, мне стоило предпочесть общество пресловутых свиней.

Однако я не мог упустить шанс.

— Наверное, вы хотите вернуться в Полог? — Сибиллина выглядела очень довольной. — Если желаете поехать с нами, это абсолютно не проблема. Простите, но я рискну настаивать.

— Только не чувствуйте себя обязанными. Вы уже проявили достаточное великодушие. Но если это не нарушает ваших планов...

— Ничуть. Садитесь в машину.

Фуникулер распахнул двери, Фишетти снова уселся в кабине водителя, остальные разместились позади, и мы взмыли в воздух. Теперь движение вагончика казалось привычным, и я, без преувеличения, получал удовольствие. Земля быстро исчезла внизу, мы достигли паутины Полога, и фуникулер вошел в размеренный ритм, пробираясь по одному из главных путей.

Именно тогда я снова подумал о том, что мне стоит рискнуть и пообщаться со свиньями.

— Как вам понравился ужин? — спросила Сибиллина.

— Это было великолепно. И вид, как вы и обещали, бесподобный.

— Хорошо. Вам нужно было запастись силами, они еще пригодятся. — Женщина откинула панель в плюшевой обшивке салона, проворно пошарила в нише и достала пистолет весьма угрожающего вида. — Как вы, очевидно, догадались, это оружие, и я держу вас под прицелом.

— Высший балл за наблюдательность.

Нефритовый корпус пистолета был украшен выпуклыми красными демонами. Она крепко сжимала рукоятку, и короткое темное дуло смотрело прямо на меня.

— Это для того, — продолжала Сибиллина, — чтобы вам не пришлось в голову сопротивляться.

— Если бы вы хотели убить меня, то могли бы сделать это уже сто раз.

— Правильно. Но в ваших заключениях есть одна неточность. Мы действительно хотим убить вас. Только несколькими необычным способом.

— И в чем его суть?

Сибиллина обратилась к Уэверли:

— Ты можешь сделать это здесь?

— Инструменты при мне, но я предпочел бы заняться этим на нашем корабле, — кивнул Уэверли. — Пока держи его на прицеле.

Я повторил свой вопрос, но они вдруг потеряли интерес к моим словам. Похоже, я влип основательно. Уэверли был не слишком убедителен, рассказывая о том, как стрелял в меня, спасая от каких-то свиней, — но мне не до предъявления претензий. Тем не менее если эти странные люди захотят убить меня...

Сибиллина уже отметила, что в моих логических суждениях наблюдаются слабые места.

Довольно скоро мы добрались до воздушного корабля. На подходе я смог полюбоваться великолепной панорамой с плененным судном, которое висело высоко над городом, — казалось, оно готово рухнуть в любой момент. Огни Полога мерцали где-то вдаль, не было даже намеков на то, что рядом в ветвях есть другие жилища. Помнится, мне говорили, что это уютное и спокойное место.

Мы причалили. К этому времени Уэверли тоже нашел себе пушку, а когда я вступал на трап, ведущий на гондолу, Фишет-

ти целился в меня из третьей. Все, что я мог сделать по собственному выбору, — это прыгнуть в пустоту.

Но ситуация не настолько отчаянная. Пока, во всяком случае.

Внутри гондолы меня проводили к креслу, в котором я очнулся лишь пару часов назад. На этот раз Уэверли меня привязал.

— Итак, перейдем к делу, — произнесла Сибиллина. Она стояла в небрежной позе и держала пистолет на манер шикарного мундштука. — Как вам известно, мозговой хирургией мы не занимаемся.

Она рассмеялась.

Следующие несколько минут Уэверли описывал круги вокруг моего кресла, что-то бормоча и аккуратно ощупывая мой череп. Затем, очевидно удовлетворенный, он извлек откуда-то из-за моей спины инструменты. Несомненно, они имели отношение к медицине.

— И что вы собираетесь делать? — Черт возьми, я должен получить ответ! — Пытать меня? Все равно ничего интересного не узнаете.

— Пытать, говорите? — Уэверли держал в руке сложную хромированную штуковину — вроде щупа, но с мигающими датчиками. — Признаться, это было бы забавно. Такого садиста, как я, поискать. Но в данном случае не вижу ни малейшего практического смысла причинять вам боль. Мы прокачали вашу память, так что знаем, о чем вы можете рассказать под пыткой.

— Блефуете.

— Ничуть. Мы просили вас представиться? Если помните, нет. Но мы знали, что вас зовут Таннер Мирабель, верно?

Он наклонился ко мне. На его голове пощелкивали и жужжали линзы, поглощая визуальную информацию в невесть какой зоне спектра.

— Вообще-то, мы не знаем, что нам нужно, господин Мирабель... Полагаю, вас действительно так зовут. Я вижу путанные следы воспоминаний — к некоторым пластам вашего прошлого не подступиться. И это отнюдь не располагает доверять вам. Согласитесь, наша подозрительность небезосновательна.

— Меня только что оживили.

— Ах да, ледяные нищенствующие. Обычно они выполняют свою работу превосходно. Но с вами эти ребята дали маху,

их мастерства оказалось недостаточно, чтобы восстановить всю картину.

— Вы работаете на Рейвича?

— Вряд ли. Даже не слышал о нем никогда.

Он вопросительно глянул на Сибиллину. Женщина постаралась сохранить бесстрастный вид, но все же удивление промелькнуло — на миг расширились глаза. Похоже, она действительно ничего не знает о Рейвиче.

Что ж, в это даже можно поверить.

— Ну ладно, — сказал Уэверли. — Пожалуй, я смогу сделать это качественно и чисто. Хорошо, что у него в голове нет имплантатов, способных мне помешать.

— За дело, — сказала Сибиллина. — Черт побери, у нас нет времени — ночь на исходе.

Уэверли что-то поднес к моему виску, и я ощутил, как холодный металл вдавился в кожу. Затем услышал щелчок спускаемого курка.

ГЛАВА 17

Начальник службы безопасности стоял перед пленником, изучая его, как скульптор изучает свою работу на стадии предварительной модели — удовлетворенный результатом усилий, но отчетливо представляющий всю сложность задачи. Сделать нужно еще немало, и ошибок быть не должно.

Небесный Хаусманн и диверсант были наедине — почти наедине. Пыточная камера находилась в отдаленном полузабытом закоулке корабля. Сюда вела железнодорожная ветка, которая, по общему мнению, давно вышла из строя. Небесный собственноручно оборудовал камеру и соседние помещения. Чтобы поддерживать нужный состав воздуха и температуру, пришлось подключиться к системам жизнеобеспечения корабля при помощи вспомогательных трубопроводов.

В принципе, тщательная проверка потребления электроэнергии и воздуха могла бы выявить факт существования этой камеры, однако первым должностным лицом, к которому поступило бы соответствующее донесение, был сам Небесный.

До сих пор такого донесения не поступало — и вряд ли секрет когда-нибудь будет раскрыт.

Пленник был распят перед Небесным на стене и обвешан аппаратурой. Из черепа торчали нейрошунты, которые создавали связь с контролирующими имплантатами, спрятанными у него в мозгу. Эти имплантаты были чрезмерно грубы даже по меркам химериков, но они выполняли свою задачу. В основном они были внедрены в височную долю мозга, связанную с глубокими религиозными переживаниями. Когда-то при электрическом раздражении этой области эпилептики сообщали о снижении на них благодати; имплантаты предназначались для того, чтобы подвергать диверсанта легкому воздействию подобного рода. По-видимому, именно так прежние хозяева управляли им, воспитав слепую преданность жестокой цели.

Теперь через те же каналы им управлял Небесный.

— Знаешь, о тебе уже никто не вспоминает, — сказал Хаусманн.

Тяжелые веки поднялись, приоткрыв налитые кровью глаза диверсанта.

— Что?

— Похоже, весь корабль решил спокойно забыть о твоём существовании. Каково это — быть стертым из памяти общества?

— Ты помнишь меня.

— Да. — Небесный кивнул в сторону бледного, с гладкими обводами существа, которое плавало в емкости из зеленого бронированного стекла на другом конце комнаты. — И он тоже. Но двое — это не так уж много, верно? О тебе помнят только два палача.

— Это лучше, чем никто.

— Другие, конечно, подозревают.

Констанца... единственная серьезная помеха.

— Вернее, подозревают, только когда вспоминают о случившемся. Все-таки ты убил моего отца. Разве это не дает мне моральное право пытаться тебя?

— Я не убивал...

— Нет, убил.

Небесный улыбнулся, стоя у наскоро собранного пульта управления, позволяющего ему «разговаривать» с имплантатами диверсанта, и празднично поглаживая черные круглые верньеры и застекленные аналоговые циферблаты. Он сам смонтировал

это устройство, собрав детали по всему кораблю, и назвал его «ларцом Господа Бога». Разве не приводило оно убийцу в блаженство сродни религиозному? Вначале Небесный пользовался «ларцом Господа Бога» исключительно для причинения боли, но позже, сломав диверсанта, взялся переделывать его личность с помощью выверенных доз нервного экстаза. В данный момент височная доля пленника подвергалась лишь минимальному воздействию. В этом неопределенном состоянии он не испытывал благоговейного страха перед Небесным и начинал рассуждать в духе агностицизма.

— Вообще не помню, что я сделал, — произнес пленник.

— Я так и думал. Напомнить тебе?

Диверсант отрицательно покачал головой:

— Может, я и убил твоего отца. Но кто-то должен был дать мне такую возможность. Перерезать путы, оставить в постели нож...

— Это был скальпель, инструмент куда менее грубый.

— Конечно, тебе виднее.

Небесный повернул черную ручку на пару делений и проследил за движением стрелок.

— И зачем было мне подстраивать убийство собственного отца? Я ведь не сумасшедший.

— Он все равно умирал. Ты ненавидел его за то, что он с тобой сделал.

— И откуда такие сведения?

— Ты сам мне сказал, Небесный.

Так забавно подвести жертву к границе абсолютного страха, а когда у нее скорчатся внутренности от отчаяния, дать слабину. Это можно проделывать с помощью машины. А можно просто показывать хирургические инструменты.

— Он не сделал мне ничего, за что бы я его ненавидел.

— Разве? Но прежде я слышал от тебя другое. — Пленник говорил с чуть заметным архаичным акцентом. — Твои родители — бессмертные, и, если бы не Тит, выкравший тебя, ты бы сейчас спал среди других пассажиров. А так несколько лет жизни прошло в этой дыре. Ты стареешь, подвергаешься смертельному риску и даже не можешь быть уверен, что доберешься до Пункта Назначения. А если Тит обманул? Что, если ты не бессмертный? Чтобы узнать наверняка, потребуются годы.

Небесный повернул рукоять дальше.

— По-твоему, я выгляжу на свой возраст?

— Нет... — У диверсанта задрожала нижняя губа — несомненный симптом приближения экстаза. — Просто у тебя могут быть хорошие гены.

— Что ж, рискнем. — Хаусманн резко добавил напряжения. — Знаешь, я могу сделать тебе больно.

— О-ох... знаю. Еще бы не знать.

— Однако считаю это излишним. Ну как, пошел экстаз?

— Да. Я ощущаю присутствие... О господи... этого никакими словами не передать...

Лицо пленника исказила нечеловеческая гримаса. К его черепу прирастили двадцать дополнительных лицевых мускулов, и при необходимости он мог менять внешность до неузнаваемости. Скорее всего, таким образом он и пробрался на корабль — превратив себя в подобие человека, которому предназначалось место в камере. Теперь он «копировал» Небесного, искусственные мускулы произвольно подрагивали, подстраиваясь под новое выражение лица.

— Это слишком красиво.

— Ты уже видишь яркие огни?

— Я не могу говорить...

Небесный повернул верньер на несколько делений, почти до упора. Стрелки на циферблатах зашкаливали. Нет, еще не предел, благодаря логарифмической калибровке приборов оставался крошечный запас. Это последнее смещение стрелки могло означать разницу между чувством просветления и появлением ярких картин рая и ада. Он еще не заводил пленника так далеко и не был уверен, хочется ли рискнуть.

Оставив пульт, он подошел к диверсанту. Позади того вздрагивал в своем резервуаре Слик, вверх и вниз по телу дельфина пробегала рябь — он предвкушал нечто особенное.

Пленник истекал слюной, потеряв контроль над основными мышцами лица, и оно расслабилось, оплыло. Небесный, взяв голову диверсанта в руки, заставил смотреть себе в глаза. У него покалывало кончики пальцев, он словно ощущал, как разряды проникают в чужой мозг. И вот взгляды встретились — зрачок смотрел в зрачок, — но это оказалось для пленника чрезмерным испытанием. Все равно что увидеть Бога — не самое

приятное из переживаний, даже для человека, охваченного благоговейным трепетом.

— Послушай меня, — прошептал Небесный. — Нет, не пытайся говорить. Просто слушай. Я мог бы убить тебя, но решил пощадить. Я выбрал милосердие, проявил сострадание и хочу, чтобы ты запомнил это. Но запомни и кое-что другое: я точно так же могу быть недобрым и мстительным.

В этот миг на руке Небесного зазвенел браслет-коммуникатор. Тот самый, что достался ему от отца, когда он вступил в должность начальника корабельной охраны. Хаусманн тихо выругался, выпустил из рук голову диверсанта, которая тотчас безвольно повисла, и повернулся к нему спиной. Надо было ответить на вызов.

— Хаусманн, это ты? — послышался голос Старика Бальказара.

Небесный улыбнулся, надевая маску немногословного профессионала:

— Да, капитан.

— Тут кое-что намечается. Мне нужен эскорт.

Свободной рукой Небесный снизил напряжение, но не до исходного уровня. Пленник может прийти в себя и заговорить. Следует держать его в отключке, по крайней мере во время беседы с капитаном.

— Эскорт? У нас на борту? Сэр, я не понял.

— Нет, Хаусманн, не у нас на борту. Мы летим на «Палестину». Я хочу, чтобы ты сам меня сопровождал. Надеюсь, это не покажется тебе слишком обременительным.

— Я буду в ангаре для такси через тридцать минут, сэр.

— Хаусманн, ты там будешь через пятнадцать минут, такси уже ждет. — Флегматичный капитан выдержал паузу. — Конец связи.

Дисплей мигнул, и изображение Бальказара исчезло. С минуту Небесный простоял, растерянно глядя на браслет.

Интересно, что это может означать? Между прочим, все четыре корабля находятся в состоянии холодной войны. Подобные визиты случаются крайне редко, каждый из них становится настоящим событием. Обычно они планируются за несколько дней, все детали тщательно прорабатываются и сопровождение делегированного лица обеспечивается службой безопасности

в полном составе. Небесный при этом оставался на борту в качестве координатора. Но на этот раз Бальказар дал ему лишь несколько минут. И до того, как прозвучал вызов, не было даже никаких слухов.

Пятнадцать минут. Одну Хаусманн уже потратил. Резко одернув обшлаг мундира, он сделал несколько шагов к двери, но на пороге остановился. Пленник все еще подключен к «ларцу», и его мозг погружен в электрический экстаз.

Слик снова вздрогнул.

Небесный вернулся к аппарату и сменил настройки. Теперь управлять электростимуляцией мог дельфин. По длинному телу Слика пробежала лихорадочная дрожь, он забился о стенки тесного резервуара, окутываясь пузырящейся пеной. Сейчас диалог с аппаратурой вели имплантаты из дельфиньего черепа. Они точно так же заставят пленника вопить от боли или задыхаться от наслаждения.

Слик обычно предпочитал первое.

Он услышал, как Старик, тяжело дыша и шаркая, бредет по ангару, и только потом увидел капитана. Двое врачей, Вальдивия и Ренго, следовали за своим подопечным на почтительном расстоянии. Они сутулились, перебирая на ходу распечатки жизненных показателей; их лица были хмурыми, словно Старик в любую минуту мог умереть. Однако Небесному не передалось беспокойство медперсонала. Он прекрасно знал, что это лишь имитация профессионализма, — Вальдивия и Ренго годами носят маску озабоченности, внушая каждому встречному, что капитан балансирует на грани жизни и смерти, а иначе их заставят применять сомнительное мастерство где-нибудь еще.

Но разумеется, нельзя сказать, что Бальказар пребывал в расцвете лет. Жизнь Старика поддерживал стимулятор, закрепленный на груди под плотно застегнутым мундиром, что придавало капитану вид откормленного петуха. Впечатление усиливал жесткий седой хохолок и подозрительный блеск широко посаженных глаз.

Он был старейшим членом экипажа, получив назначение на эту должность еще до того, как Тит возглавил службу безопасности. В ту пору ум Бальказара был подобен стальному капкану, и капитан с ледяным спокойствием успешно руководил

командой в бесчисленных мелких кризисах. Теперь же ни у кого не оставалось сомнений, что капкан успел проржаветь. Многие считали, что Старик выжил из ума, что пора бы ему задуматься о смене; как ни крути, капитан должен быть молодым или хотя бы среднего возраста, чтобы не превратился в развалину, прежде чем Флотилия достигнет цели. Если прождать слишком долго, преемник не успеет получить необходимые навыки, когда наступят по-настоящему трудные времена.

Люди выражали свое недоверие капитану, говорили о необходимости контроля за его действиями, даже об отставке по состоянию здоровья. Впрочем, до мятежа не доходило — Старик свое дело знал туго. Однако сейчас его положение было, как никогда, шатким. Умерли самые преданные союзники Бальказара, среди них Тит Хаусманн, о котором Небесный по-прежнему не мог думать иначе как об отце. Потеря стала тяжким ударом для капитана, привыкшего целиком и полностью полагаться на этого человека. Бальказар прибегал к его советам, узнавал от него о подлинном настроении экипажа. Кажется, капитан так и не смог привыкнуть к случившемуся; он был, конечно же, рад доверить Небесному роль своей «правой руки».

Но быстрое повышение было лишь надводной частью айсберга. Иногда капитан даже называл Небесного Титом. Поначалу тот считал ничего не значащими такие оговорки, но, поразмыслив, решил, что это весьма серьезный симптом. Похоже, не зря говорят, что у капитана мозги набекрень, что события путаются у него в голове, а недавнее прошлое то и дело скрывается в тумане. Нельзя в таком состоянии управлять кораблем.

С этим необходимо что-то делать.

— Конечно, мы будем его сопровождать, — шепнул самый доверенный из помощников.

Его звали Вальдивия, и он внешне был очень похож на своего напарника Ренго — ни дать ни взять братья. У обоих были коротко стриженные белые волосы и озабоченные морщинки на лбу.

— Исключено, — отозвался Небесный. — У нас есть только двухместный шаттл.

Он указал на ближайший летательный аппарат, стоявший на транспортном поддоне. Рядом выстроились другие, более крупные корабли, но у всех недоставало деталей либо были

вскрыты панели доступа. Система обслуживания полностью деградировала. Оборудование, которое должно было пережить путешествие и использоваться на последних этапах миссии, разваливалось на глазах. Все могло быть не так серьезно, если бы между кораблями продолжался обмен запчастями и специалистами. Но дипломатический климат стал настолько суровым, что сотрудничество исключалось.

— Сколько времени займет ремонт одного из тех, что побольше? — спросил Вальдивия.

— Полдня как минимум, — сказал Небесный.

Должно быть, Бальказар расслышал обрывок разговора, потому что пробормотал:

— Никаких задержек, Хаусманн.

— Видите?

— Разрешите мне, капитан! — выскочил вперед Ренго.

Через этот ритуал они проходили много раз. Бальказар со страдальческим вздохом позволил медику расстегнуть мундир, выставив на обозрение нечто похожее на хромированную кольчугу. Механизм жужжал и хрипел, как изношенная установка для очистки воздуха. Ряды встроенных окошечек позволяли видеть стрелки шкалированных циферблатов и пульсирующие кривые. Ренго вытянул щуп из прибора, который держал в руке, и потыкал им в разные отверстия, то коротко кивая, то медленно покачивая головой из стороны в сторону при виде скользящих по экрану тестера цифр и диаграмм.

— Что-то не так? — спросил Небесный.

— Сразу по возвращении он должен явиться в медчасть для полного осмотра, — сказал Ренго.

— Пульс отчасти нитевидный, — заметил Вальдивия.

— Ничего страшного, поднимем уровень релаксанта. — Ренго нажал несколько кнопок на своем приборе. — В пути он может задремать, Небесный. Только не позволяйте на другом корабле его нервировать. Если все-таки разволнуется, тащите его сюда. Скажете — на основании медицинских показателей.

— Непременно.

Небесный помог подвести капитана к двухместному шаттлу. Старик засыпал на ходу. Разумеется, несколько многоместных шаттлов вполне могли лететь. Но среди присутствующих никто не разбирался в технике достаточно хорошо, чтобы разоблачить Небесного.

Полет прошел гладко. Они покинули вспомогательный тоннель, отстыковались от платформы и полетели по дуге прочь от «Сантьяго». Выбросы энергии направляли шаттл к цели. Капитан сидел рядом с Небесным, его отражение в стекле кабины напоминало официальный портрет какого-нибудь старца-деспота, жившего много веков назад. Небесный ожидал, что Бальказар погрузится в дремоту, но тот выглядел бодрым. По привычке через каждые несколько минут он самодовольным тоном изрекал высокопарные сентенции, перемежая их взрывами кашля.

— Этот Хан был безрассудным ослом, черт его дери... Вот что я тебе скажу: не следовало оставлять его на посту после тех волнений... Будь по-моему, никчёма оставался бы замороженным до конца полета либо его вышвырнули бы в космос... Может, потеря его массы дала бы ту самую долю импульса, которой не хватило для торможения...

— Сэр, вы правда так считаете?

— Я не в буквальном смысле, олух ты этакий! Каков вес человека — одна десятиллионная от массы корабля? Ну и много это даст для торможения?

— Почти ничего, сэр.

— Вот и я так думаю, черт побери. Твоя беда в том, Тит, что ты принимаешь все мои слова за чистую монету, будто я диктую Священное Писание... Прямо дурацкий секретарь с гусиным пером и пергаментом наготове.

— Я не Тит, сэр. Тит был моим отцом.

— Что?! — Бальказар уставился на Небесного, глаза подозрительно пожелтели. — Ой, да какая разница, дьявол тебя побери!

Сегодня Старик держался еще вполне прилично. Его разум не погружался в сюрреалистические дебри. Капитан мог вести себя гораздо хуже: например, говорить поэтическими полунамеками, подобно сфинксу, — все зависело от настроения. Возможно, когда-то существовал контекст, в котором даже самые сумбурные изречения Бальказара могли что-то означать, но сейчас они представлялись Небесному чем-то вроде предсмертного бреда. Впрочем, проблема была в другом. Увлеченный «монологом» Бальказар не приветствовал находчивые комментарии. Если бы Небесный вставлял свои замечания или хотя бы про-

сил что-либо пояснить, это могло бы вызвать у Бальказара шок и полиорганную недостаточность. Тогда не поможет и релаксант, введенный медиками.

— Полагаю, вы посвятите меня в суть нынешней проблемы, сэр, — произнес Небесный через несколько минут.

— Ну конечно, Тит. Еще бы.

Безмятежным тоном — точно старые друзья сидели за бокалом коктейля и вспоминали славное прошлое — капитан поведал, что они направляются на тайное совещание командного состава Флотилии. Каковое состоится впервые за многие годы, и назначено оно в связи с неожиданно прибывшим из Солнечной системы посланием. И это послание особого рода — в нем содержатся подробные чертежи. Столь мощный внешний фактор способен снова сплотить Флотилию, пусть даже холодная война сейчас в самом разгаре. С другой стороны, это может оказаться даром данайцев — даже сейчас нет уверенности в том, что причиной гибели «Исламабада» была какая-то роковая случайность; не исключено, что Хан поплатился за риск отпить из отравленной чаши. Новая посылка дает возможность произвести очередную модернизацию двигателей. Все, что требуется от экипажей, — это внести незначительные изменения в топологию плазмодерживающего магнитного поля. По уверениям землян, это вполне безопасный метод, многократно проверенный на аналогичных двигателях. При условии соблюдения базовых мер предосторожности вероятность ошибки ничтожно мала.

Но одновременно прибыло другое послание.

«Не делайте этого, — гласило оно. — Вас пытаются обмануть».

Причины обмана не раскрывались, но это вряд ли имело значение. Зародились сомнения, и этого было достаточно, чтобы Флотилию снова начало лихорадить.

Наконец шаттл очутился в зоне видимости «Палестины», на борту которой должно было состояться совещание. Сюда уже слетелся целый рой такси и шаттлов — с трех других звездолетов прибыл весь старший офицерский состав. Место для совещания назначили в спешке, и вряд ли «Палестина» была лучшим вариантом. Впрочем, выбор был очевиден. В любой войне, будь она холодной или горячей, ее участникам лучше всего встречаться на нейтральной территории — для перегово-

ров, обмена пленными или, если остальное не помогает, для демонстрации нового оружия. Эту роль и взяла на себя «Палестина».

— По-вашему, действительно обман, сэр? — спросил Небесный, когда Бальказар справился с очередным приступом кашля. — Но зачем им это понадобилось?

— Что понадобилось, черт возьми?

— Уничтожить нас, сэр. Путем передачи ложных технических данных. Там, дома, они ничего не выиграют, если нас не станет. Удивительно, что они вообще взялись нам помогать.

— Точно. — Бальказар выплюнул это слово так, будто усомниться в очевидности происходящего мог лишь последний болван. — Невыгодно посылать нам нечто полезное, гораздо проще послать нечто опасное. Неужели тебе это не ясно, дурачок? Помоги нам всем Господь, если командование примет человек твоего поколения...

Капитан смолк.

Небесный подождал, пока Бальказар не справится с кашлем.

— Но должна же быть какая-то причина...

— Исключительно зловредность.

Небесный ступил на очень скользкую почву, однако рискнул продолжить:

— Но зловредностью можно объяснить и второе сообщение — чтобы мы не приступали к модернизации.

— Хочешь рискнуть четырьмя тысячами жизней, чтобы проверить свою гипотезу? На такое способен разве что сопливый школьник.

— Принимать решения — не мое дело, сэр. Я просто имею в виду, что не завидую вашей ответственности.

— Да что ты вообще знаешь об ответственности, наглый щенок?

Пока еще щенок, подумалось Небесному. Однажды все может измениться... и как знать, не настанет ли этот день довольно скоро. Но сейчас лучше держать язык за зубами. Он продолжал молча управлять шаттлом, прислушиваясь к тяжелому кашлю и хриплому дыханию старика.

Небесный лихорадочно размышлял. Помнится, Бальказар говорил, что мертвых лучше хоронить в космосе, чем везти до конца. Пожалуй, в этом есть толика здравого смысла.

Каждый килограмм на борту — это масса, которая потом скажется на торможении. Масса корабля приближается к миллиону тонн — как сказал Бальказар, в десять миллионов раз больше массы человеческого тела. Достаточно вспомнить элементарные Ньютоновы законы физики: уменьшение массы корабля на определенную величину обеспечит пропорциональный прирост коэффициента торможения при постоянной мощности двигателя.

Облегчение на одну десятиллионную едва ли что-то изменит... но кто сказал, что следует ограничиться массой лишь одного человека?

«Сантьяго» несет множество мертвых пассажиров — «спящих», которых не удастся оживить никакими средствами. Только человеческая сентиментальность требует доставить их в конечный пункт. А вместе с мертвецами можно сбросить уйму громоздкой и тяжелой аппаратуры.

Небесный еще раз представил себе эту картину. Да, вполне реально избавить корабль от нескольких тонн груза. Масса уменьшится менее чем на одну тысячную, но кто знает, сколько еще «спящих» будет потеряно в последующие годы? Могут возникнуть тысячи новых проблем.

Рискованное это дело — путешествовать в космосе замороженным.

— Тит, может, нам просто подождать и посмотреть? — произнес капитан, отвлекая его от размышлений. — Как тебе кажется, это не слишком глупо?

— Подождать и посмотреть, сэр?

— Да.

Теперь в голосе капитана слышалась холодная ясность, но Небесный знал: она может исчезнуть так же внезапно, как и появилась.

— То есть подождать и посмотреть, что они будут делать. К ним, как ты догадываешься, поступит то же самое послание, и придется обсуждать дальнейшие шаги, но только не с кем-нибудь из нас.

Капитан рассуждал вполне здраво, но проследить за его мыслью было нелегко. Небесный постарался не выказывать непонимания:

— Вы уже давно не говорили об этих людях, сэр.

— Конечно, Тит. И нечего поминать их лишний раз. Кому, как не тебе, это знать. Корабли тонут не столько от болтанки, сколько от болтовни, слышал такую пословицу? Это и кротов касается.

— Кротов, сэр?

— Ну да. О которых, похоже, наши «друзья» на других трех кораблях ничего не знают. Мы внедрили своих информаторов, и тем удалось продвинуться в высшие круги власти, оставаясь, судя по всему, незасвеченными.

— Мы можем быть в этом уверены, сэр?

— Думаю, что да, Тит. Ты же держишь руку на пульсе «Сантьяго» и знаешь, что в экипаже ходят байки о шестом корабле. Правда, в них никто не верит.

Небесный волевым усилием скрыл свое изумление:

— Большинство действительно считают шестой корабль мифом, сэр.

— И мы будем поддерживать это мнение. Поддерживать — и при этом знать правду.

Выходит, это не миф. Через столько лет выясняется, что чертова шутовина действительно существует. Как минимум в уме Старика Бальказара.

И что странно — капитан говорит о шестом корабле так, словно Тит принадлежал к числу посвященных в эту тайну. Может, и принадлежал — все мало-мальски секретное входило в сферу его компетенции, на то он и глава службы безопасности. Но Тит умер, не успев передать эту информацию своему преемнику.

Норкинко, друживший с Небесным еще с той поры, когда они работали на поездах, был абсолютно убежден в реальности шестого корабля. Гомес тоже верил, хоть и оставлял место сомнениям. Небесный не разговаривал с обоими уже почти год, но сейчас друзья словно находятся рядом, кивают, любуются, как он с каменным выражением на физиономии принимает факт, истинность которого прежде ядовито оспаривал. После того разговора в поезде Хаусманн почти забыл о шестом корабле, и теперь он торопливо вылавливал из глубин памяти слова Норкинко.

— Те, кто верит слухам, — сказал Небесный, — полагают, что шестой корабль мертв, что он просто дрейфует позади нас.

— Что лишний раз доказывает: в каждой сказке есть доля истины. Корабль, разумеется, темный — никакого освещения, никаких признаков людей. Но все это может быть уловкой. Его экипаж цел и невредим, управляет судном как ни в чем не бывало. Конечно, для нас непостижима их психология и мы не знаем, что произошло в действительности.

— Очень жаль. Особенно сейчас.

Небесный умолк. Пожалуй, стоит пойти на крайний риск.

— Учитывая нынешнюю ситуацию и послания с родины, хочу спросить: нужны ли нам дополнительные сведения о шестом корабле? Нечто такое, что поможет сделать правильный выбор?

К его облегчению, капитан беззлобно качнул головой:

— Тит, я знаю то же, что и ты. У нас есть только слухи, а много ли в них правды — поди угадай.

— Одна экспедиция, и вопрос был бы снят.

— Сколько ты будешь мне об этом твердить? Но подумай о факторах риска. Да, корабль находится в пределах досягаемости нашего шаттла. Когда мы в прошлый раз снимали точные показания, выяснилось, что он отстает всего лишь на половину световой секунды, и с тех пор он мог значительно приблизиться. Заправиться на нем для обратного полета — казалось бы, что может быть проще. Вот только как там с гостеприимством? Экипаж этого корабля уже целое поколение поддерживает у нас иллюзию, будто он вовсе не существует. Думаешь, люди на его борту сдадутся без боя?

— Если они действительно живы. Кое-кто из наших подозревает, что мы уничтожили корабль, а потом почистили архивы.

Капитан пожал плечами:

— Может, так оно и было. А ты бы не стал замечать следы преступления? Правда, часть команды могла выжить. И затаиться до времени, чтобы позже нанести нам внезапный удар.

— Полагаете, они тоже получили весточку с родины и теперь как-то себя выдадут?

— Почему бы и нет? Если послание наведет их на мысль повозиться со своими аннигиляторами и окажется...

— Тогда будет вспышка на полнеба!

Капитан усмехнулся и сочно плямкнул губами, словно давая себе сигнал задремать.

Остаток пути прошел без происшествий, но мозг Небесного лихорадочно перерабатывал новую информацию. Он мысленно повторял слова Норкинко, и каждое из них звучало как небрежная пощечина.

Это ему наказание за высокомерие, за недоверие к приятелю. Шестой корабль существует. Проклятый шестой корабль действительно существует...

И это предвещает большие перемены.

ГЛАВА 18

Меня снова отвезли в Мульчу. Я очнулся в фуникулере, который полз куда-то вниз сквозь ночную темноту. По окнам стучал дождь. В первый момент показалось, что я по-прежнему лечу со Стариком Бальказаром к одному из кораблей Флотилии, где состоится встреча капитанов. Похоже, эти сны все более настойчиво заставляли меня влезать в шкуру Небесного. И с каждым разом было все труднее избавляться от его мыслей, когда я просыпался. Но в кабинке фуникулера не было никого, кроме меня и Уэверли.

Может, оно и к лучшему. Но мне почему-то не верилось.

— Ну как самочувствие? Похоже, я неплохо поработал.

Он сидел напротив меня с пистолетом в руке. Я вспомнил, как этот человек приставил к моей голове медицинский зонд, и непроизвольно потянулся, чтобы ощупать это место. Над правым ухом обнаружился выбритый участок кожи, покрытый корочкой засохшей крови. И я не мог избавиться от ощущения, будто там засело нечто твердое.

Боль была адская.

— По-моему, вам не мешает потренироваться.

— Да, вынужден признать. Но в вас есть что-то странное. Почему из ладони идет кровь? Какие-то медицинские противопоказания, о которых мне следует знать?

— Зачем? Разве от этого что-нибудь изменится?

Мой ответ заставил его задуматься.

— Мм... пожалуй, нет. Вы в состоянии бегать, значит достаточно здоровы.

— Здоров для чего? — Я снова ощупал кровяную корочку. — Что вы загнали мне под кожу?

— Сейчас попробую объяснить.

Я не слишком рассчитывал на откровенность, но понемногу сообразил, почему он решил довести до моего сведения некоторые моменты. Это было продиктовано не столько заботой о моем благополучии, сколько желанием добиться от меня определенного образа действий. Мне уже доводилось попадать в подобные заварушки. Охота становится более занимательной, когда жертва знает расклад.

— По сути своей это охота, — начал он с изысканной вежливостью. — Мы называем ее «Игрой». Разумеется, она носит неофициальный характер. Даже на территории Полога есть законы, которые приходится уважать. Об охоте знают, о ней говорят, но всегда с должной осмотрительностью.

— Кто? — спросил я, чтобы поддержать разговор.

— Бессмертные, послесмертные — называйте их как угодно. Понятно, что играют не все, некоторые вообще не хотят принимать участие. Но имена игроков на слуху — эти люди образуют что-то вроде сети, и она обеспечивает само существование «Игры».

— И давно эта «Игра» продолжается?

— Последние семь лет. Пожалуй, ее можно считать варварством, но она возникла как противовес аристократической изнеженности, господствовавшей на Йеллоустоне перед эпидемией.

— Варварством?

— Конечно. Именно за это мы ее любим. В ней нет ничего сложного, никаких тонкостей — ни методологических, ни психологических. Да ей и необходимо быть достаточно простой, чтобы можно было в самые сжатые сроки организовать ее в любом районе Города. Разумеется, у нее есть правила, но, чтобы их понять, не нужно обращаться к жонглерам образами.

— Расскажите поподробнее об этих правилах, Уэверли.

— Они вас никоим образом не касаются, Мирабель. Все, что вы должны делать, — это бежать.

— А потом?

— Умереть. И умереть достойно. — Он говорил мягко, снисходительно — ни дать ни взять добрый дядюшка. — Это все, что нам от вас нужно.

— И для чего же вам это нужно?

— Мирабель, лишить человека жизни — ни с чем не сравнимое удовольствие. Причем в исполнении бессмертного это деяние приобретает абсолютно иной смысл, выходит на новый уровень совершенства. — Он умолк, словно ненадолго погрузился в свои мысли. — Мы не способны постичь истинную природу смерти даже в эти безумные времена. Но когда убиваем человека — особенно обычного человека, у которого еще не притупилось чувство страха за свою жизнь, — мы отчасти общаемся к ее потаенному смыслу.

— Значит, люди, на которых вы охотитесь, — смертные?

— Как правило. Обычно мы выбираем жителей Мульчи — тех, кто побогаче. Разумеется, мы готовы потратиться, чтобы обеспечить хорошую охоту, поэтому не прочь вначале покормить их.

И он рассказал, что «Игру» финансирует засекреченная сеть подписчиков. В основном это обитатели Полога, но, по слухам, их ряды пополняют охотники за удовольствиями, которые прибывают из анклавов, где проповедуется свобода воли, — такие еще сохранились на Ржавом Поясе — либо из других поселений Йеллоустона, например из Лореанвиля. Подписчик знаком лишь с ограниченным числом других, причем все подлинные сведения прячет сложнейшая система псевдонимов и более изощренных уловок. В итоге никому не грозит разоблачение со стороны властей Полога, которые еще сохранили остаток влияния, несмотря на всеобщий упадок нравов. Охота организуется спонтанно, и каждый раз о ней оповещаются лишь небольшие группы подписчиков, что собираются в заброшенных районах Полога. В тот же вечер — или накануне, но не раньше — жертву вывозят из Мульчи и готовят к охоте.

Имплантаты были одним из последних нововведений.

Они позволяли следить за охотой большему числу подписчиков, на порядок увеличивая потенциальную прибыль. Зрители помогают «освещать процесс». Они спускаются в Мульчу — хотя это рискованно, — чтобы вернуться с видеозаписями и прославиться благодаря наиболее эффектным кадрам. Правила «Игры» просты, но соблюдаются строже, чем постановления городских законодательных органов. Эти правила определяют выбор территории охоты, следящих устройств и оружия — в общем, всех составляющих «честной игры».

— Есть одна проблема, — сказал я. — В отличие от жителей Мульчи я плохо знаю Город. Так что вряд ли оправдаю ваши затраты.

— Мы как-нибудь справимся. Вы получите достаточную фору, чтобы оторваться от охотников. Но скажу честно: есть обстоятельство, которое дает нам преимущество, — вы нездешний. Местный знал бы тут все укрытия, все короткие пути.

— Как это непорядочно с вашей стороны. Уэверли, я хочу вам кое-что пообещать.

— Да?

— Я намерен вернуться и прикончить вас.

Он рассмеялся:

— Извините, Мирабель, но я такое уже слышал.

Фуникулер приземлился, дверь открылась, и Уэверли предложил мне выйти.

Как только фуникулер погасил огни и начал подниматься, возвращаясь в Полог, я побежал.

Он не спеша полз вверх, похожий на темное пятнышко в молочных лучах левитирующих прожекторов, а навстречу, точно рой светляков, двигались другие машины. Нет, они не стали спускаться прямо ко мне — это было бы неинтересно, — но явно направлялись в мою сторону.

«Игра» началась.

Я бежал со всех ног.

Район Мульчи, где меня оставил мальчуган-рикша, действительно можно назвать скверным, но здесь было еще хуже. Место казалось настолько обезлюдившим, что язык не поворачивался назвать его опасным. Правда, это не касалось ситуации, когда ты участвуешь в ночной охоте в роли добычи, причем не по доброй воле. На нижних уровнях — ни одной искорки света. Пристройки, что гроздьями облепили здания, казались ветхими и неприступными — картина полного запустения. Наземные дороги были не в пример хуже тех, по которым я проезжал прежде. Скрученные и покрытые трещинами, похожие на засохшую молочную тянучку, эти пути то и дело обрывались прямо над затопленными пропастями — или просто погружались в них. Было темно, и мне приходилось постоянно смотреть под ноги.

Уэверли оказал мне услугу, убавив перед посадкой свет в кабине, поэтому мои глаза успели привыкнуть к темноте, но особой благодарности я почему-то не испытывал.

Я бежал, время от времени оглядываясь. Фуникулеры опускались за соседние здания. Теперь машины были достаточно близко, чтобы я мог разглядеть их пассажиров. Поначалу я почему-то решил, что охотиться за мной будет только знакомая пара. Оказывается, я ошибался. Если я правильно понял, по законам сети те двое всего лишь подыскивали очередную жертву, а я по счастливой случайности оказался неподалеку.

Неужели предстоит умереть вот так? На войне я десятки раз оказывался на волосок от гибели. Десятки раз рисковал головой, работая на Кагуэллу. Рейвич пытался убить меня как минимум дважды и дважды едва не добился успеха. Любая из этих встреч со смертью могла закончиться для меня не столь удачно, но я, по крайней мере, воздал бы должное искусству противника. Вступая в схватку с ним, я делал свой выбор, а значит, принимал как должное любой исход боя, в том числе и неблагоприятный.

Но на этот раз ничего подобного не было.

Для начала надо найти убежище. Вокруг множество зданий, и проблема лишь в том, чтобы проникнуть в одно из них. Правда, там я буду несколько ограничен в перемещении. Но пока я снаружи, у преследователей есть все шансы меня пристрелить. К тому же не оставляет мысль, что стены здания будут экранировать излучение имплантированного передатчика. И еще я подозревал, что охотники не горят желанием завершить «Игру», схватившись со мной врукопашную, — скорее предпочтут стрелять с приличной дистанции. Что ж, буду рад разочаровать их, пусть даже сумею выиграть лишь несколько минут.

Собрав все силы, я по колено в воде побежал к ближайшему зданию — постройке с гофрированными стенами, которая вознеслась на семьсот-восемьсот метров, прежде чем мутировать и пустить побеги в Пологе. На уровне улицы этот дом пострадал куда сильнее остальных, он напоминал дерево, получившее удар молнии. Я разглядел множество отверстий, от неглубоких вмятин до дыр, которые достигали мертвой сердцевины постройки. Возможно, через них я смогу попасть внутрь и добраться до верхних уровней.

Ослепительный голубой свет скользнул по пустынным развалинам. Присев так, что поток воды скрыл меня по плечи, и задыхаясь от невыносимой вони, я подождал, пока луч прожектора не уйдет подальше. Потом я услышал голоса — будто шакалы твкали на случке. Между ближайшими зданиями замелькали черные силуэты. Орудия убийства — из числа разрешенных правилами «Игры» — не мешали охотникам жестикулировать, подзадоривая друг друга.

Несколько одиночных выстрелов, и со стены здания в воду посыпались осколки обызвествленной кладки. Очередной луч света принялся обшаривать стену буквально в паре дюймов у меня над головой. Я был изнурен борьбой с грязным потоком, дыхание было шумным и хриплым, похожим на выхлопы неисправного двигателя.

Сделав глубокий вдох, я погрузился в воду.

Разумеется, я ничего не видел, но это не беда. Двигаясь наугад, я ощупывал стену здания, пока не обнаружил край отверстия. Под водой до меня донеслись звуки новых выстрелов, они сопровождалась всплесками. Меня затошнило. Но тут я вспомнил улыбку человека, из-за которого оказался в плену. Он умрет первым, затем Фишетти и Сибиллина. После этого я убью Уэверли и разберу эту «Игру» на мелкие винтики.

Именно в этот миг я понял, что ненавижу этих людей больше, чем Рейвича.

Впрочем, он тоже получит свое.

Все еще стоя на коленях, я крепче ухватился за края отверстия и протиснулся внутрь здания. Я пробыл под водой несколько секунд, не больше, но в этот момент пережил такой всплеск гнева и облегчения, что едва не завопил, когда воздух хлынул в легкие. Однако ограничился судорожным вдохом, чтобы ничем не выдать своего присутствия.

Найдя относительно сухой выступ, я выкарабкался из темной воды. На нем пролежал довольно долго, пока дыхание не восстановилось в достаточной мере — достаточной для того, чтобы обеспечивать работу мозга, а не просто поддерживать во мне жизнь. Снаружи раздались голоса и выстрелы, на этот раз громче прежнего. Сквозь проломы в стенах то и дело врвался голубой луч, вызывая резь в глазах.

Когда снова стало темно, я огляделся и кое-что увидел.

Оно было очень тусклым — по большому счету я вообще не должен был его видеть. Правда, я читал, что сетчатке человеческого глаза достаточно двух-трех фотонов при условии достаточной чувствительности. Я слышал о солдатах с необычайно острым ночным зрением и даже встречал таких. Они старались проводить как можно больше времени в темноте, чтобы «не потерять форму».

Но я такой способностью ноктовидения не обладал.

То, что я увидел, было лестницей, вернее, оставшимся от нее скелетом. Спиральный каркас с ребрами перекадин достигал площадки, а затем снова тянулся вверх, к неровному пятну бледного света, на фоне которого превращался в неясный силуэт.

— Он внутри. Термальный след в воде.

Сибиллина. По крайней мере голос очень похож: те же высокомерие и самоуверенность.

— Необычно для жителя Мульчи, — тоном знатока отозвался мужчина. — Вообще-то, эта публика не любит входить в здания. Все эти истории о привидениях...

— Дело не только в привидениях — там прячутся свиньи. Так что будем осторожнее.

— И как мы попадем внутрь? Я в воду не полезу. Черт с ними, с деньгами.

— У меня есть план этого дома. С другой стороны находится дверь. Но давай поторопимся, Скэмельсон и его команда отстают всего на квартал, а ищейки у них получше наших.

Спустившись с выступа, я направился к подножию разрушенной лестницы и наткнулся на нее, плохо рассчитав расстояние. Но с каждой минутой становилось светлее, и я увидел, что лестница поднимается на десять-пятнадцать метров, прежде чем исчезнуть в провисающем тестообразном потолке. Он напоминал скорее часть пищеварительного тракта, чем архитектурную деталь.

Я всматривался в полумрак, но так и не понял, как далеко мои преследователи и насколько прочна лестница. Если она рухнет, когда я буду подниматься, я упаду в поток. Здесь неглубоко, но без травм не обойдется.

И все же я двинулся вверх, цепляясь за хлипкие перила — там, где они были, — и перелезая через дыры в ступенях и про-

валы на месте ступеней. Лестница поскрипывала, но я продолжал путь даже после того, как одна из ступеней, не выдержав моего веса, сорвалась в воду.

Помещение подо мной затопило светом, потом люди в черном появились из отверстия в стене и побрели по воде. Я видел их довольно отчетливо: Фишетти и Сибиллина, оба в масках и во всеоружии, — такого арсенала хватило бы для не слишком продолжительной войны. Я замер на площадке, до которой успел добраться. Вокруг по-прежнему было темно, но детали прояснялись на глазах, возникая из мрака, словно обретающие плоть призраки. Я лихорадочно соображал, не пойти ли направо или налево, вместо того чтобы подниматься выше, — прежде чем положение окажется безвыходным.

И тут я разглядел в темноте странное существо. Оно как будто сидело на корточках, и в первый момент я принял его за собаку. Нет, для собаки оно, пожалуй, великовато. Приплюснутая физиономия более походила на свиное рыло. Потом существо поднялось на задние ноги и выпрямилось, насколько это позволял низкий потолок. В такой позе оно напоминало человека, но передние конечности вместо пальцев заканчивались чем-то вроде продолговатых копытцев, которые непонятно как удерживали угрожающего вида арбалет. Одеждой этому созданию служило нечто вроде средневековой брони из кожаных лоскутов и грубо кованного металла. Бледное и безволосое, оно походило на гибрид человека со свиньей — и в достаточной мере, чтобы внушить самые серьезные опасения. Глазки — черные пуговицы, а рот словно застыл в плотоядной ухмылке. За спиной у чудовища я разглядел пару его сородичей, которые приближались на четвереньках. Судя по строению задних ног, прямохождение было для этих тварей по меньшей мере неудобным.

Вскрикнув, я дал пинка свинье, стоявшей ближе всех, и угодил прямо в пяточок. Существо недовольно хрюкнуло и упало навзничь, выронив свой арбалет. Однако остальные двое тоже были вооружены: они держали в руках длинные изогнутые тесаки. Я подхватил упавший арбалет, надеясь, что он не подведет, если придется стрелять.

— Убирайтесь. Пошли к черту, я сказал.

Свинья, которую я ударил, поднялась на задние ноги. Ее челюсть шевельнулась, словно эта тварь пыталась заговорить, но из пасти исходило лишь прерывистое сопение. Затем она

потянулась ко мне, размахивая копытцами прямо у меня перед носом.

Я выстрелил из арбалета, и стрела вонзилась свинье в ногу.

Она взвизгнула и снова упала, вцепившись в торчащую из ноги стрелу. Я увидел, как из раны заструился ручеек ярко-алой крови. Ее приятели шагнули ко мне, я попятился и поудобнее перехватил арбалет. Достав новую стрелу из приклада, я кое-как приладил ее на место и, вращая колесико, натянул тетиву. Свиньи подняли свои кинжалы, но ближе подходить не решились. Вскоре они с сердитым хрюканьем утащили раненого назад, в темноту. Какое-то время я неподвижно стоял на месте, затем снова полез наверх. Будем надеяться, что я доберусь до отверстия раньше, чем свиньи или охотники доберутся до меня.

Мне это почти удалось.

Сибиллина заметила меня первой и завопила, не то от восторга, не то от ярости. Она вскинула руку, и я заметил, как блеснул крошечный пистолетик, выскочивший из наручной кобуры. Почти в тот же миг помещение осветила белая вспышка выстрела, и мне в глаза словно впились тысячи иголок.

Первый выстрел разнес лестничный пролет подо мной, и весь спиральный каркас обрушился, подобно лавине. Сибиллина пригнулась, укрываясь от разлетающихся обломков, потом выстрелила снова. Я уже наполовину поднялся над перекрытием, очутившись неизвестно где и шаря руками над головой в надежде за что-нибудь ухватиться. В этот момент разряд впился мне в бедро. Вначале боль была едва ощутима, а потом раскрылась в моей плоти, точно цветок на рассвете.

Я выронил арбалет, и он покатился по лестничному пролету на площадку, где его с победным хрюканьем подхватила одна из свиней.

Фишетти поднял свое оружие. Единственного выстрела оказалось достаточно, чтобы остатки лестничной клетки разлетелись вдребезги. Прицелься он точнее — или промедли я еще полсекунды, — и разряд угодил бы мне в ногу.

Пересиливая боль, я влез в отверстие, вытянулся и замер. Понятия не имею, каким оружием воспользовалась эта стерва, и что в меня попало: пуля, лазерный импульс или сгусток плазмы, — и насколько серьезна была рана. Возможно, я истекал кровью. Но моя одежда настолько пропиталась водой, что прилипла к коже и к поверхности, на которой я лежал. Разобрать,

где кровь, а где влага, было невозможно. Впрочем, тогда это было не важно. Я оторвался от охотников — им нужно время, чтобы найти путь на этот ярус здания. У них есть план строения, так что искать придется недолго — конечно, если такой путь вообще существует.

— Вставайте, если можете.

Голос был спокойным и незнакомым. Говоривший находился не снизу, а рядом и совсем близко.

— Идем, у нас мало времени. Нет... погодите. Вряд ли вы меня видите. Так будет лучше?

Мне опять пришлось зажмуриться от яркой вспышки. Надо мной стояла женщина, одетая в том же стиле, что и игроки из Полога, — во все темное, точно на похороны. На ней были черные ботфорты до середины бедра, с причудливыми каблуками, иссиня-черное пальто до пят, с воротником, скрывающим затылок, и шлем — тоже черный и полупрозрачный. Очки, похожие на фасеточные глаза насекомых, закрывали пол-лица. Которое, насколько я смог разглядеть, было до того бледным, что напоминало набросок на мелованной бумаге. Каждую скулу по диагонали пересекала черная татуировка, сужаясь к губам, ярко-красным, как кошениль.

В руке она держала огромный лучевик, обожженное энергетическими разрядами дуло смотрело мне в голову. Но не создавалось впечатления, что женщина целится намеренно.

Другую руку, обтянутую черной перчаткой, она протягивала мне:

— Повторяю, Мирабель, вам лучше пошевеливаться. Если не собираетесь здесь умереть.

Она знала этот дом, по крайней мере ту часть, где мы находились. Впрочем, долго бродить не пришлось, к счастью, потому, что я уже не мог похвастаться быстротой передвижения. Мне удавалось идти вперед, только опираясь на стену, чтобы поменьше нагружать раненую ногу. Мои движения нельзя было назвать грациозными, и я знал, что пройду не больше сотни метров, прежде чем кровопотеря, шок и усталость возьмут свое.

Мы поднялись по лестнице — на этот раз целой — и вышли в ночь, на открытую площадку. Можно представить, чего мне стоило продержаться последние несколько минут, — воздух, ворвавшийся в легкие, показался необычайно холодным и даже

чистым. Однако я чувствовал, что нахожусь на грани обморока, и до сих пор не понимал, что происходит. Даже когда она указала на нишу в стене строения, где стоял на груде обломков маленький фуникулер, я не смог полностью свыкнуться с мыслью, что меня хотят спасти.

— Зачем вы это делаете? — спросил я.

— «Игра» — мерзость, — ответила она и подала, шевеля губами, беззвучную команду машине, после чего та вздрогнула, ожила и двинулась к нам, выбрасывая телескопические рычаги, которые цеплялись за неровности в полуразрушенном потолке пещеры. — Игроки полагают, что пользуются негласной поддержкой всего Полога, но они ошибаются. Возможно, раньше так и было, когда «Игра» не была варварством, — но не сейчас.

Ввалившись в салон фуникулера, я рухнул на заднее сиденье. Только теперь заметил, что брюки, выданные мне нищенствующими, покрыты кровью, словно ржавчиной. Но кровотечения, кажется, прекратилось. Голова шла кругом, но не сказать что за последние несколько минут мне стало заметно хуже.

Когда моя спасительница опустилась в водительское кресло и выровняла в одну линию рычаги управления, я спросил, действительно ли когда-то «Игра» не была просто варварством.

— Да, сразу после эпидемии. — Она опустила затянутую в перчатку руку на пару латунных джойстиков, толкнула их вперед, и фуникулер двинулся к выходу из пещеры, проворно перебирая рычагами. — Тогда жертвами становились преступники — жители Мульчи, которые вторглись в Полог, или те, кто совершал преступления против себе подобных. Убийцы, насильники, мародеры.

— Вполне справедливое наказание.

— Я не оправдываю «Игру» никоим образом. Но раньше, по крайней мере, существовало моральное равновесие. Жертвы были подонками, за ними охотились другие подонки.

— А сейчас?

— Кажется, вы настроены на светскую беседу, Мирабель? Большинство моих знакомых после такого ранения вопили бы без умолку.

В это время мы покинули пещеру, и я пережил несколько отвратительных мгновений — фуникулер свободно падал, пока не ухватился за ближайший трос. Падение замедлилось, а потом мы начали подниматься.

— Теперь ответу на ваш вопрос, — продолжала она. — У нас возникла проблема с подбором подходящих жертв. Организаторы стали проявлять некоторую... как бы это сказать... привередливость.

— Понимаю, — подхватил я. — Понимаю, потому что моя вина заключалась лишь в том, что я по ошибке забрел в неподходящий район Мульчи. Кстати, кто вы такая? И куда меня везете?

Убрав руку с рычага, она сняла полупрозрачный шлем с фасеточными очками и повернулась, чтобы я мог ее рассмотреть.

— Мое имя Тарин, — представилась она. — Но друзья из подрывного движения называют Зеброй.

Я вспомнил, что видел ее этим вечером среди посетителей ресторана на Стебле. Тогда я отметил экзотическую красоту этой девушки, но сейчас она показалась мне поистине прекрасной. Возможно, у меня начинался жар, возможно, дело в боли, которую вызывала рана, или сказывались выбросы адреналина в процессе погони и неожиданного спасения. Прекрасная и очень странная... Да и была ли она по-настоящему человеком? Кожа местами белая как мел, местами иссиня-черная. Не только лоб и скулы украшены татуировками, но и большая часть тела, судя по тому, что я успел увидеть тогда на Стебле. Черные полосы, изгибаясь, тянулись от уголков глаз, как броский макияж, наложенный с маниакальной тщательностью. Ее волосы напоминали жесткий черный гребень, который шел вниз вдоль позвоночника.

— Не думаю, Зебра, что встречал когда-нибудь женщину вроде вас.

— Ничего, — кивнула она. — Кое-кто из друзей считает меня консервативной и не склонной к приключениям. Ведь вы не житель Мульчи, господин Мирабель?

— Значит, вам известно мое имя. Что еще вы обо мне знаете?

— Не так много, как хотелось бы.

Она снова убрала руки с рычагов, видимо запустив автопилот и позволив машине самостоятельно выбирать маршрут через паутину Полога.

— Может, не стоит предоставлять эту штуковину самой себе?

— Нам нечего опасаться, Таннер, поверьте. Система управления фуникулером вполне разумна, она ненамного уступает

технике, которая была у нас до эпидемии. Но в Мультче с машиной такого типа лучше не задерживаться.

— Относительно моего прежнего вопроса...

— Мы знаем, что вы прибыли в Город в одежде, которую можно получить у нищенствующих. Ну и, кроме того, нам известно о некоем Таннере Мирабеле, тоже побывавшем у нищенствующих.

Интересно, откуда им это известно? Я хотел спросить Зебру, но она уже продолжала:

— Мы не знаем, не является ли это имя частью легенды, которую вы кропотливо разработали для каких-то тайных целей. Почему вы позволили себя поймать, Таннер?

— Меня подвело любопытство. — Я это повторял как привязчивый мотивчик из второсортной симфонии — возможно, раннего творения Квирренбаха. — В социальной стратификации Йеллоустана я не силен. Просто хотел добраться до Полога и не знал, как это сделать, никому не угрожая.

— Все ясно. Такого пути не существует.

— А откуда вы узнали обо мне?

— От Уэверли. — Она внимательно посмотрела на меня — глаза у нее были черные и бездонные — и вдруг подмигнула. По ее вискам точно пробежала рябь. — Возможно, он не представился. Уэверли — тот, кто подстрелил вас из шокера.

— Вы знаете его?

Она кивнула:

— Это наш человек. Вернее, он нам сочувствует. А еще точнее, у нас есть способы добиться от него сочувствия.

— Мне он показался настоящим садистом. Или у него такие шутки?

— Поверьте, он не шутил.

Боль волной разлилась по ноге, и меня передернуло.

— Откуда вы знаете мое имя?

— От Уэверли. Прежде мы не слышали ни о каком Таннере Мирабеле. Но как только стало известно имя, мы смогли проследить за всеми вашими передвижениями. Впрочем, Уэверли выяснил немного. Либо просто солгал — что не исключено, я не очень доверяю этому одноглазому подонку, — либо ваши воспоминания действительно настолько отрывочны.

— У меня была «амнезия пробуждения». Поэтому я некоторое время пробыл у нищенствующих.

— Уэверли показалось, что дело не только в этом. Что вы человек с двойным дном. Таннер, это так? Поскольку я собираюсь помочь, вы должны мне доверять.

— Я тот, за кого вы меня принимаете. — Ничего лучшего тогда мне в голову не пришло.

Как ни странно, я не мог поручиться, что сказанное мною — правда.

И вдруг произошло нечто странное: течение моих мыслей прервалось резко, внезапно. Нет, я не потерял сознание. Я по-прежнему понимал, что сижу в фуникулере Зебры, понимал, что вокруг ночь, что мы движемся по Городу Бездны, что эта женщина спасла меня от Сибиллины и отряда охотников. Я по-прежнему ощущал боль в ноге, хотя она уже не была мучительной, а превратилась в ритмичные пульсирующие толчки.

Передо мной разворачивался очередной эпизод жизни Небесного Хаусманна.

До сих пор это происходило лишь в бессознательном состоянии. Видения напоминали сон, только отличались большей последовательностью. Однако на этот раз полностью оформленная картина буквально ворвалась в мой мозг. Я был обескуражен, если не шокирован. Это напоминало электромагнитный импульс, который превратил в хаос стройную череду операций компьютерной системы.

К счастью, это продолжалось недолго. Небесный все еще летел со Стариком Бальказаром (Господи, я уже помню имена всех второстепенных персонажей этой истории!) на совещание, которое должно было проходить на борту другого корабля, «Палестины».

На чем мы остановились? Ах да: Бальказар поведал Небесному о том, что шестой корабль, корабль-призрак, действительно существует.

Помнится, Норкинко называл его «Калеуче».

Пока Небесный размышлял над полученной информацией, взвешивая факты, шаттл прибыл к цели. «Палестина» казалась огромной и практически не отличалась от «Сантьяго» — все корабли Флотилии были построены по одному проекту, — однако ее вращающийся корпус был почти однотонным. Она находилась гораздо дальше от «Исламабада», когда тот взорвался. Закон обратных квадратов справедлив и для распространения

радиоактивного излучения, поэтому смертоносный ураган, заклеивший тенью матери Небесного оболочку «Сантьяго», достиг «Палестины» теплым ветерком. Разумеется, это была не единственная проблема. Случались эпидемии, психозы и бунты, а «спящих» на «Палестине» умерло не меньше, чем на «Сантьяго». Небесный представил себе этот груз мертвецов, отягощающий корабль, — гроздь замороженных трупов, висящие вдоль его «хребта», словно гнилые плоды.

— Дипломатический рейс ТГ-пять, передайте управление причальной сети «Палестины», — произнес резкий голос.

Небесный повиновался. Шаттл сильно вздрогнул, когда мощный звездолет взял в свои руки электронику шаттла и, не слишком заботясь о том, что внутри находятся люди, направил его к назначенному причалу. Перед лобовым стеклом шаттла возник подлетный коридор с оранжевым неоновым обрамлением. Панорама звездного неба за кормой беспорядочно закружилась — они подстраивались к режиму вращения «Палестины», одновременно скользя к открытому шлюзу. Навстречу выплыли люди в непривычной экипировке и не слишком миролюбиво взяли гостей на прицел. Похоже, здесь были своеобразные представления о дипломатическом этикете.

Когда шаттл встал на платформу, Небесный повернулся к Бальказару:

— Сэр, мы почти на месте.

— Что? Черт возьми, Тит... да ведь я спал!

Небесному не давал покоя один вопрос: как на самом деле относился к этому старику его отец? И не возникало ли у Тита — хотя бы изредка — желания убить капитана?

Пожалуй, эта задача не относится к разряду невыполнимых...

ГЛАВА 19

— Таннер? Очнитесь! Не хватало только, чтобы вы отключились.

Мы приближались к какому-то строению — если это можно было назвать строением. Скорее это было сказочное дерево с могучими узловатыми ветвями, беспорядочной россыпью дуп-

лообразных окон и посадочными площадками фуникулеров. Паутина кабелей исчезала в недрах этой фантастической кроны. Зебра бесстрашно направила туда машину — так, словно выполняла этот маневр в тысячный раз. Я посмотрел сквозь умопомрачительное хитросплетение ветвей и далеко внизу разглядел тускло мигающие огни очагов Мульчи.

Жилище Зебры находилось в Пологе, почти в центре Города, на краю Бездны, у самой границы внутреннего купола, которая огибала гигантскую извергающую пар дыру в коре Йеллоустона. С посадочной площадки был виден хрупкий Стебель, словно осыпанный драгоценными камнями. Он тянулся горизонтально, глубоко под нами, образуя километровую дугу параллельно краю Бездны. Я заглянул в пропасть, но не заметил ни светящихся планеров, ни прыгунов в туман, совершающих свои смертельные полеты.

— Вы живете здесь одна? — осведомился я, придавая голосу оттенок вежливого любопытства, когда Зебра провела меня в свои апартаменты.

— Сейчас — да.

Она ответила быстро, почти машинально. Однако потом добавила, что прежде с ней жила ее сестра Маура.

— Маура уехала?

— Мауру убили. — Зебра выдержала паузу, достаточную, чтобы слова произвели должный эффект. — Она слишком близко сошлась с дурными людьми.

— Мне очень жаль, — проговорил я в замешательстве. — Это были охотники вроде Сибиллины?

— Не совсем так. Она проявила интерес к запретной теме и задала не те вопросы не тем людям. Это не имело прямого отношения к «Игре».

— А к чему имело?

— Вас это так интересует?

— Не могу назвать себя праведником, Зебра, но мне не нравится, когда кто-то гибнет из-за простого любопытства.

— В таком случае будьте осторожны. И старайтесь не задавать не те вопросы не тем людям.

— Например?

Она вздохнула. Ей явно не нравилось, что наш разговор принял такое направление.

— Ну, скажем, насчет одного вещества...
— «Топлива грез»?
— А, так оно вам знакомо?
— Я видел, как им пользуются, но этим мое знакомство и ограничилось. Сибиллина применяла его в моем присутствии, но я не замечал, чтобы ее поведение как-то менялось. А что это «топливо» собой представляет?

— Сложный вопрос, Таннер. Маура успела сложить лишь несколько частей картинки, прежде чем с ней расправились.

— Значит, это наверняка наркотик.

— Это нечто большее, чем наркотик. Послушайте, не можем ли мы поговорить о чем-нибудь другом? Мне было нелегко свыкнуться с ее смертью, так что не будем беречь старые раны.

Я кивнул, решив оставить на время эту тему.

— Вы были близкими друзьями?

— Да, — ответила она так, будто я обнаружил глубочайшую тайну их отношений. — И Мауре тут нравилось. Она говорила, что во всем Городе нет такого обзора, как отсюда, не считая Стебля. Но когда она жила здесь, мы не могли себе позволить посещение этого ресторана.

— Вы там смотрелись эффектно. Если вас не пугает высота...

— А вас, Таннер?

— Пожалуй, к ней нужно немного привыкнуть.

Квартира Зебры, расположенная внутри одной из крупных ветвей, представляла собой комплекс беспорядочно сочлененных комнат и коридоров и напоминала скорее нору животного, чем жилище человека. Ветка, в которой мы находились, была не самой толстой. Она протянулась на двухкилометровой высоте над Мульчей, а под ней располагались нижние уровни Полога, связанные с нашим зданием вертикальными тросами и пустотелыми стволами.

Зебра провела меня в комнату, выполнявшую роль гостиной.

Я не мог отделаться от ощущения, что путешествую внутри гигантской анатомической модели. Стены, пол и потолок мягко скруглялись, перетекая друг в друга. Очевидно, их поверхности повторяли форму отростков. Все комнаты соединялись между собой пандусами и лестницами. Твердый и жесткий ма-

териал создавал неприятное ощущение омертвевших тканей организма — то ли сухожилий, то ли скопления тромбоцитов. Одну из стен украшало нечто вроде природной скульптуры — композиция из трех фигур, в которых угадывались тела людей. Казалось, они отчаянно пытаются вырваться из стены, точно пловцы в надежде остановить нависший над ними девятый вал. Их тела были почти не видны, наружу выступали лишь лица, напоминая рельеф на монетах, пальцы рук и ног, но выглядело это весьма впечатляюще.

— У вас очень необычный вкус, Зебра, — заметил я. — Подзреваю, теперь мне кошмары будут сниться.

— Это не скульптура, Таннер.

— Хотите сказать, это были живые люди?

— В некотором роде они до сих пор живы. Конечно, не совсем живы, но и не совсем мертвы. Структура этих изваяний невероятно сложна, там можно заметить даже нейроны. Такие «окаменелости» есть не только у меня. Откровенно говоря, ни у кого не возникает желания освободить людей из породы — даже в том случае, если найдется способ вернуть их в прежнее состояние. Так что приходится мириться с такими соседями. Когда-то никто не желал делить с ними жилье, но сейчас, говорят, это даже модно. Один человек в Пологе даже подделывает их для одержимых коллекционеров.

— Но те, что у вас, настоящие?

— Уж поверьте, Таннер. А теперь вам не помешает присесть на минутку... Нет, стойте, где стоите.

Щелкнув пальцами, она подозвала кушетку.

Почти вся мебель в квартире Зебры была самоуправляющейся, и теперь эти предметы реагировали на наше присутствие на манер чутких домашних любимцев. Кушетка зашевелилась и осторожно шагнула с возвышения. В Мульче повсеместно отдавали предпочтение паровой тяге, считая такие устройства самыми надежными. Но здесь, в Пологе, сохранились более совершенные полуразумные машины. Комнаты Зебры были битком набиты подобной техникой — не только мебель, но и сервоботы, от «шершней» величиной с мышь до механизмов размером с увесистый кулак, ползающих по потолку и летающих по комнате. Стоило потянуться к чему-нибудь, как услужливый робот спешил на помощь. Должно быть, до эпидемии такие

устройства показались бы примитивными, но я не мог избавиться от ощущения, что в мебель вселилось семейство фамильных привидений.

— Теперь можете садиться. — Зебра помогла мне опуститься на кушетку. — А лучше прилягте. Я скоро вернусь.

— Поверьте, я никуда не спешу.

Она исчезла из комнаты, а я лежал, балансируя на грани дремоты. Не хотелось так легко поддаться сну. Хватит с меня видений из жизни Небесного.

Когда Зебра вернулась, на ней не было пальто, а в руках она держала два стакана с горячим травяным отваром. Я послушно влил питье себе в глотку. Не могу сказать, что сильно полегчало, но это было получше, чем галлон дождевой воды, которой мне пришлось отведать в Мульче.

Зебра вернулась не одна. Из-за спины выскользнул потолочный робот — белый цилиндр-многоножка с зеленой яйцевидной головой, на которой мерцали дисплеи медицинской аппаратуры. Подобравшись поближе, штуковина выпустила чуткие датчики и занялась моей ногой. Время от времени она попискивала, и на дисплеях возникали диаграммы, позволявшие судить о серьезности моего ранения.

— Ну как? Я выживу или умру?

— Вам повезло, — отозвалась Зебра. — Она стреляла из низкоразрядного лазера. Это дуэльное оружие, оно не наносит серьезных повреждений, разве что окажутся задеты жизненно важные органы. Луч хорошо сфокусирован, поэтому окружающие ткани затронуты минимально.

— По-моему, вы меня дурачите.

— Черт возьми, а разве я сказала, что это не больно? Но жить вы будете, Таннер.

— Может быть, — пробормотал я, извиваясь от боли, пока машина бесцеремонно исследовала мою ляжку. — А вот пользоваться этой ногой — вряд ли.

— Вам это и не понадобится, по крайней мере до завтра. Машина может лечить вас, пока вы спите.

— Не уверен, что мне хочется спать.

— Почему? У вас бессонница?

— Можете удивляться, но это действительно так.

Она не выразила никакого участия. Пожалуй, стоит рассказать ей об индоктринационном вирусе.

Что я и сделал.

— Можно было выгнать его еще в хосписе «Айдлвилд», — сказал я, — но мне не хотелось ждать. В результате я время от времени путешествую в голову Небесного Хаусманна, когда засыпаю. — Я показал струп на руке.

— Человек с раной в ладони, приходи на наши убогие улицы и покарай неправедных... — пробормотала Зебра.

— Я прилетел только для того, чтобы отдать кое-какие долги. Надеюсь, вы понимаете: возможность лишний раз посмотреть такой сон не вызывает у меня энтузиазма. Разум Небесного Хаусманна — не то место, где хочется задержаться подольше.

— Я о нем почти ничего не слышала. Если не ошибаюсь, это какая-то очень древняя история, случившаяся на другой планете.

— Мне она не кажется древней. Когда она становится частью тебя — точно голос, который все громче звучит в голове... Я знал одного типа, подцепившего этот вирус еще до того, как мы познакомились, — подозреваю, он мне его и передал. Этот парень дошел до того, что впадал в панику, если поблизости не было какой-нибудь вещички, связанной с Небесным.

— С вами ничего подобного не происходит, — отозвалась Зебра. — А давно начали распространяться индоктринационные вирусы?

— Все зависит от штамма, но вообще это старое изобретение.

— Тогда вам, похоже, повезло. Если вирус появился в медицинских базах данных Йеллоустона до эпидемии, он должен быть известен моему медицинскому роботу. Тогда удастся синтезировать антитела.

— Нищенствующие считали, что это займет несколько дней.

— Они предпочитают перестраховаться. День или два — этого вполне хватит, чтобы выгнать вирус. Если только он нам знаком. — Зебра ласково похлопала по белому корпусу аппарата. — Но мы постараемся. Ну как, теперь сможете спать спокойно?

Мне нужно найти Рейвича, твердил я себе. Значит, нельзя терять времени — ни единого часа. Я уже потерял полночи с тех пор, как прибыл в Город Бездны. Но на то, чтобы выследить Рейвича, потребуется не один час, а может, и не один день. Чтобы продержаться, мне необходимо залечить свежую рану. Вот

славно будет, если я сыграю в ящик от усталости, поймав Рейвича на мушку! Впрочем, на его месте я бы все равно не спешил смеяться.

— Подумаю об этом, — отозвался я.

Как ни странно, на этот раз Небесный Хаусманн мне не приснился — может быть, потому, что я рассказал о своей проблеме Зебре?

Мне приснилась Гитта.

Я думал о ней постоянно, с тех пор как пробудился в «Айдловилде». Стоило вспомнить о том, какой она была красивой, о том, что ее больше нет, — и боль, словно от удара кнутом, прожигала меня насквозь. Ее голос звучал в ушах, я ощущал ее аромат, как будто она стояла рядом и внимательно слушала, когда я по настоянию Кагуэллы давал ей очередной урок. Не думаю, что эти воспоминания покидали меня хоть на минуту с тех пор, как я прибыл на Йеллоустон. В лице каждой женщины, что попадалась навстречу, я искал сходство с Гиттой, пусть даже не всегда осознавал это. Я не снимаю с себя ответственности за смерть Гитты. И все же ее настоящим убийцей был Рейвич.

Я очень редко размышлял о событиях, которые привели к ее гибели, и почти не вспоминал о том, как это произошло.

Теперь эти воспоминания обрушились на меня во сне.

Само собой, этот сон был совсем иным. Во-первых, события жизни Хаусманна обычно проигрывались в моей голове в строгой хронологической последовательности. Во-вторых, то, что я видел, далеко не всегда совпадало с моим представлением об этом человеке. Но мои настоящие сны были отрывочными и спутанными — обычные человеческие сны. И сон, в котором я участвовал в походе по Полуострову и в засаде, закончившейся гибелью Гитты, не напоминал документальную съемку в отличие от снов о Небесном. Но когда я проснулся, показалось, будто этот сон открыл дорогу целому потоку воспоминаний, которые я считал утраченными. Утром я смог подробно осмыслить все, что произошло тогда.

Последнее, что я помнил довольно ярко, — это визит на корабль ультра, во время которого я сопровождал Кагуэллу. В тот день капитан Орканья предупредил нас, что Рейвич задумал на-

падение на Дом Рептилий. Если Орканья не лгал, Рейвич продвигался через джунгли на юг. Ультра отслеживали путь по излучению тяжелого оружия, которое нес его отряд.

К счастью, Кагуэлла довольно быстро провернул все дела с ультра. Уже тогда он изрядно рисковал, посещая висящий на орбите корабль, а неделю спустя это стало бы практически невозможным. Награда за голову Кагуэллы достигла таких размеров, что некоторые из фракций, до сих пор сохраняющих позицию нейтральных наблюдателей, объявили, что перехватят любое судно, где он предположительно находится, а в случае отказа выдать — просто собьют. Будь ставка поменьше, ультра могли бы не обращать внимания на подобные угрозы. Но на этот раз они официально объявили о своем присутствии и уже проявляли определенную заинтересованность, прощупывая почву в ходе торговых переговоров с этими фракциями. Кагуэлла оказался фактически заперт на своей территории, которая постоянно уменьшалась.

Но Орканья держал слово. Он продолжал снабжать нас информацией о местонахождении Рейвича, который приближался к Дому Рептилий, причем ультра сообщал координаты с той самой точностью, какой требовал Кагуэлла.

Наш план был достаточно прост. К северу от Дома Рептилий, в джунглях, очень мало дорог, и Рейвич уже выбрал одну из них. Есть место, где джунгли подступают вплотную к тропе; его-то мы и выбрали для засады.

— Это будет нашей экспедицией, — сказал Кагуэлла, когда мы в подвале Дома Рептилий склонились над столом с разостланной картой. — Там настоящая страна гамадриад, мы еще ни разу в нее не забирались — просто не представлялось случая. Так что можем сказать Рейвичу спасибо.

— У вас уже есть гамадриада.

— Мелюзга! — презрительно бросил он, словно эту рептилию вообще не стоило держать в террариуме.

Я не сдержал улыбки, вспомнив, как он торжествовал, когда заполучил эту «мелюзгу». Чтобы поймать гамадриаду, какой бы величины она ни была, требуется настоящее мастерство. Но он хотел большего. Он был настоящим охотником, страстным и ненасытным. Всегда существовала более крупная добыча, и он не мог успокоиться, пока не добивался своего, — но после этого непременно должно было появиться нечто невиданное.

Он снова ткнул пальцем в карту:

— Мне нужна взрослая гамадриада. Вернее, почти взрослая.

— Никому еще не удалось поймать живьем почти взрослую гамадриаду.

— Тогда мне придется стать первым.

— Забудьте об этом, — сказал я. — Хватит с нас и Рейвича. Раз уж представился случай, можно провести разведку, а потом, через несколько месяцев, вернемся и устроим охоту по всем правилам. У нас даже нет транспорта, чтобы вывезти убитую взрослую змею, — о живой я не говорю.

— Я уже думал об этом, — ответил Кагуэлла. — И даже принял некоторые шаги для решения проблемы. Дай-ка я тебе кое-что покажу, Таннер.

Во мне зашевелилось скверное предчувствие.

По лабиринту коридоров мы прошли на другой подвальный уровень Дома Рептилий. Здесь находился подземный ви-варий — сотни огромных застекленных террариумов, оборудованных увлажнителями и температурным контролем, чтобы рептилии чувствовали себя как дома. Большинство тварей, обитающих за этими «витринами», привыкли ползать в сумраке, что царит под пологом леса. Тщательно подобранные виды местной растительности дополняли картину, максимально приближая условия к природным. Самый крупный террариум содержал в себе ряд ступенчатых каменистых водоемов, куда предполагалось поместить пару боа-констрикторов, но их эмбрионы погибли несколько лет назад.

Строго говоря, рептилии Окраины Неба рептилиями не были. Впрочем, земные рептилии — лишь один из бесконечного множества путей, которым может идти эволюция.

Самые крупные беспозвоночные Земли — спруты и им подобные — обитают в морях, но на Окраине Неба бесхребетные существа завоевали не только море, но и сушу. Никто не знает, почему местная эволюция избрала такой путь. Наиболее правдоподобной выглядит версия о некой глобальной катастрофе, в результате которой океаны съезжились примерно до половины прежней величины, обнажив шельф. Формы жизни, обитающие на их периферии, получили мощный стимул к адаптации на суше, но эволюция не успела к тому моменту наделить их

хребтом — вот и пришлось как-то обходиться без него. Ныне фауна Окраины Неба представлена исключительно беспозвоночными. У гамадриад — самых крупных обитателей планеты — форма тела сохраняется лишь за счет давления, возникающего при циркуляции жидкостей, которые перекачиваются чуть ли не сотней сердец, разбросанных по всему объему организма. Эти твари холоднокровны, то есть температура их тела изменяется вместе с температурой окружающей среды. На Окраине Неба не бывает зим, пережить которые способны лишь млекопитающие. Что же касается рептилий, то они, как и полагается холоднокровным, двигаются медленно, питаются редко и живут очень долго. Самые крупные из них, гамадриады, даже не умирают в обычном смысле. Они просто претерпевают метаморфозу.

По коридорам мы пришли в подвальное помещение, где содержались молодые особи. Изначально оно предназначалось для семейства крокодилов, но те пока что пребывали в анабиозе. Юная гамадриада едва помещалась в террариуме. К счастью, она успела не слишком подрасти в неволе. Но нам наверняка придется построить новое помещение, если Кагуэлла всерьез намерен отловить почти взрослую рептилию.

Я не видел нашу пленницу уже несколько месяцев, и, откровенно говоря, она меня не слишком интересовала. В конце концов я понял, что эта тварь, по сути, вообще ничего не делала. После кормления аппетит у нее почти пропадал, тогда она сворачивалась в кольцо и впадала в состояние, близкое к смерти. У гамадриад нет естественных врагов, поэтому они могут спокойно переваривать пищу и сохранять энергию.

Мы осмотрели глубокий сухой бассейн с белыми стенами, изначально предназначавшийся для крокодилов. Один из моих подчиненных, Родригес, склоняясь над резервуаром, подметал дно десятиметровой метлой. Именно на такой глубине находился пол, окруженный вертикальными стенами, отделанными белой керамической плиткой. Иногда Родригесу приходилось спускаться в бассейн, чтобы что-то наладить, — и не могу сказать, что я ему безумно завидовал, хотя гамадриада и находилась по ту сторону барьера. Есть такие места, куда лучше не соваться, и террариум со змеями — одно из них. Родригес улыбнулся мне сквозь усы, извлек из ямы свою метлу и водрузил ее

на полку у стены, где размещался набор подобных длинномерных инструментов — клещи, гарпуны для анестезии, электрошокеры и прочее.

— Как поездка? — спросил я.

Родригесу было поручено прошупать в Сантьяго почву для заключения новых сделок.

— Рад, что наконец вернулся. Там, куда ни глянь, одни высокородные болтуны. Их хлебом не корми, только дай сказать что-нибудь «доброе» в наш адрес. Военные преступления... При этом дурачье от души надеется, что война никогда не кончится, — какое-никакое разнообразие. Просто с жиру бесятся, сволочи.

— Но кое о ком из присутствующих они не только говорят, — заметил Кагуэлла.

Родригес очистил шетину метлы от листьев.

— Ага, слышал. Только сегодня ты военный преступник, а через год — спаситель народа. Или я не прав? И вообще, людей убивают не пушки, знаете?

— Верно, людей обычно убивают металлические снаряды, — с улыбкой произнес Кагуэлла, любовно поглаживая электрострекало, — возможно, вспоминал, как с его помощью загонял гамадриаду в транспортировочную клетку. — А как поживает моя малышка?

— Кажется, у нее какая-то кожная инфекция. Не нравится мне это. Гамадриады линяют?

— Черт их знает. Возможно, мы будем первыми, кто это выяснит.

Кагуэлла перегнулся через парапет, доходивший ему до пояса, и заглянул в бассейн. Тот выглядел недостроенным. Кое-где торчали растения — все, что осталось от попыток озеленения. Мы быстро обнаружили, что окружающая среда почти не влияет на поведение пленницы. Она дышит, чует добычу и изредка ест. В остальное время гамадриада просто лежит свернувшись, точно канатная бухта на палубе корабля.

Спустя некоторое время это наскучило даже Кагуэлле. Впрочем, рептилия по меркам своего вида была еще мелкой и могла умереть задолго до того, как достигнет величины взрослой особи.

Гамадриады видно не было. Я тоже перегнулся через барьер, но бассейн выглядел пустым. Прямо под нами, в стене, была

прохладная темная ниша, в которой эта тварь обычно пряталась от посторонних глаз.

— Спит, — сказал Родригес.

— Ну да, — согласился я. — Можешь вернуться через месяц — глядишь, к тому времени она хоть разок шевельнется.

— Ничего подобного, — сказал Кагуэлла. — Вот, смотрите.

На стене висел белый металлический ящичек, не замеченный мною раньше. Кагуэлла откинул крышку и извлек из него нечто вроде переносной рации с антенной и кнопками управления.

— Вы, часом, не шутите?

Кагуэлла встал, чуть расставив ноги и держа пульт управления в вытянутой руке. Пальцем другой руки он неуверенно потыкал в кнопки, словно сомневался, что помнит комбинацию. Однако у него получилось. Снизу донесся характерный шелест — змея разворачивала свои кольца. Так шуршит сухой брезент, когда его волочат по бетону.

— Что происходит?

— Попробуй догадаться.

Кагуэлла наслаждался произведенным эффектом. Наклонясь над бассейном, он наблюдал, как тварь выползает из своего убежища.

Вполне возможно, она относилась к молодняку, но ее размеры не внушали мне ни малейшего желания подойти поближе. От головы до хвоста добрых двенадцать метров, и туловище почти везде толщиной с мою грудную клетку. Разумеется, она двигалась как нормальная змея — как еще может двигаться тварь, не имеющая конечностей да вдобавок весящая больше тонны? Тело рептилии казалось бескровным — она пыталась маскироваться под белые стены бассейна — и бесформенным. Эти существа не боялись хищников и мастерски нападали из засады.

Змея была безглазой. Неизвестно, каким образом это племя ухитряется маскироваться, будучи слепым. Подозреваю, что у гамадриад на коже есть какие-то клетки, не связанные с центральной нервной системой, которые реагируют на длину волны. Нет, эти существа не слепые. Они обладают бинокулярным зрением, только их глаза — невероятно зоркие, с широким полем — находятся на верхнем нёбе, наподобие тепловых сенсоров в пасти земных змей. Эта тварь видит окружающий мир в тече-

ние нескольких секунд, когда разевает пасть перед броском. Однако множество других сенсоров — в основном инфракрасного излучения и запаха — позволяет ей выбрать и выследить подходящую добычу. Глаза во рту — средство точного прицеливания, они нужны лишь для того, чтобы нанести последний удар. Я слышал о мутации у лягушек, когда глаза выросли в пасти без серьезного ущерба для здоровья особи. Можно также вспомнить о земных змеях, которые действуют вслепую не намного хуже, чем если бы видели.

Змея полностью выползла из ниши и замерла, свернувшись с элегантной небрежностью.

— Отличный трюк, — заметил я. — Не поделитесь секретом?

— Контроль над мозгом, — отозвался Кагуэлла. — Мы с доктором Вайкуной усыпили ее и слегка поэкспериментировали с нервной системой.

— Этот упырь опять здесь?

Вайкуна — местный ветеринар. А еще он был когда-то специалистом по допросам и, если верить слухам, совершил немало военных преступлений, включая медицинские опыты над заключенными.

— Этот упырь — эксперт по организации нервной системы. Именно Вайкуна определил, где находятся главные узлы центральной нервной системы гамадриад — кстати, довольно примитивной. А также изобрел простые электрошоковые имплантаты, которые мы разместили в стратегических точках — откровенно говоря, по всему мозгу этой твари.

Кагуэлла рассказал, как они экспериментировали с этими имплантатами, пока у змеи не закрепился ряд простейших поведенческих рефлексов. Впрочем, особенной изощренности не потребовалось — рефлексы змеи вообще весьма незамысловаты. Какой бы огромной ни выросла гамадриада, по сути своей она остается машиной для охоты, у которой есть еще несколько довольно простых дополнительных функций. С крокодилами было то же самое, пока мы их не заморозили. Они опасны, но работать с ними легко, когда поймешь, как у них устроены мозги. Каждый стимул вызывает строго определенную реакцию. Гамадриады реагировали иначе — они были приспособлены к жизни на Окраине Неба, — но не намного сложнее.

— Я всего лишь воздействовал на точку, которая говорит змее, что пора проснуться и поискать пищу, — пояснил Кагуэлла. — Конечно, она не слишком голодна — неделю назад мы скормили ей козу, но маленький мозг этого не помнит.

— Я восхищен. — Это действительно было так... хоть мне и стало немного не по себе. — А что еще она делает по вашей указке?

— Хороший вопрос. Смотри внимательно.

Он постучал по кнопкам пульта, и гамадриада, хлестнув хвостом, как плетью, атаковала стену. В последний миг ее пасть раскрылась, и скругленная голова звучно ударилась о керамические плитки.

Оглушенная, змея снова свернулась кольцом.

— Дайте подумать. Вы внушили ей, что она видит нечто съедобное.

— Детские игры, — ухмыльнулся Родригес, словно это зрелище его позабавило.

Очевидно, он наблюдал подобное не в первый раз.

— Смотри, — продолжал Кагуэлла. — Я могу заставить ее вернуться в нору.

Я проследил, как змея собирается в клубок и осторожно вытягивает тело в нишу. Наконец исчезли последние метры ее хвоста толщиной с ляжку.

— И какой в этом смысл?

— А как ты думаешь? — В его взгляде сквозило неприкрытое разочарование моей недогадливостью. — Мы уже узнали о воздействии транквилизаторов на нервную систему нашей малютки. Мозг у взрослой гамадриады устроен не намного сложнее. Если поймает большую змею, то усыпит ее прямо там, в джунглях. Как только она отключится, Вайкуна заберется на нее и вживит такой же имплантат, связанный с пультом управления наподобие вот этого. Тогда нам останется лишь направить змею к Дому Рептилий, внушая, что у нее перед носом пища. Она поползет за вкусненьким до самого порога.

— Сотни километров через джунгли?

— А что ей помешает? Если эта бестия покажет признаки истощения — накормим. А с остальным она справится сама, верно, Родригес?

— Он прав, Таннер. Мы будем следовать за ней на машинах и защищать от других охотников, которым она приглянется.

Кагуэлла кивнул:

— А когда она приползет сюда, мы поместим ее в новую яму, прикажем свернуться и малость поспать.

Я улыбнулся, попытался подыскать какой-нибудь веский аргумент технического характера, но в голову так ничего и не пришло. То, что я услышал, было полным безумием, но найти слабое место в плане Кагуэллы оказалось нелегко. Нам было достаточно известно о повадках почти взрослых гамадриад, чтобы приблизительно знать, где охотиться, и мы могли рассчитать дозы транквилизатора под размер нашей добычи.

Иглы тоже не проблема, пусть даже они будут смахивать на гарпуны, — в арсенале Кагуэллы наверняка имеются гарпунные ружья.

— Придется копать новую яму, — заметил я.

— Поставь задачу своим людям. К нашему возвращению они управятся.

— Получается, что Рейвич тут как бы и ни при чем? Даже если он заявится завтра, у вас найдется повод отправиться в джунгли за своей взрослой особью.

Кагуэлла аккуратно спрятал пульт, прислонился к стене и с укоризной поглядел на меня:

— Нет. Ты что, считаешь меня ненормальным? Будь это так, мы бы уже ехали по джунглям. Я просто говорю, что глупо терять такую возможность.

— Убить двух птиц одним выстрелом?

— Двух змей, — поправил он, осторожно подчеркивая последнее слово. — Одну настоящую, другую — в переносном смысле.

— Вы действительно считаете, что Рейвича можно назвать змеей? По-моему, это просто богатый молокосос, который делает то, что считает правильным.

— Тебе не все равно, что я думаю?

— Пожалуй, необходимо понять, какие мотивы им движут. Тогда мы сможем предсказать его действия.

— Да что нам до его мотивов? Мы знаем, куда он направляется. Приготовим встречу — и дело сделано.

Под нами, в нише, пошевелилась змея.

— Вы его ненавидите?

— Рейвича? Нет. Иногда даже кажется, что я ему сочувствую. Если бы он обратил свой гнев на кого-нибудь другого —

скажем, на тех, кто действительно перебил его семью, это же не моя вина, — я бы, наверное, пожелал ему удачи.

— А стоит ли он всех этих хлопот?

— Ты можешь предложить что-то другое, Таннер?

— Ну, к примеру, отогнать его. Ударить первыми, вывести из строя кое-кого из помощников — просто охладить его пыл. Да и без этого можно обойтись при желании. Если создадим какой-нибудь барьер между ним и нами — скажем, лесной пожар. До муссонов еще несколько недель. У нас и так забот хватает, а парню не обязательно умирать.

— Нет, здесь ты не прав. Тот, кто выступает против меня, расстается с жизнью. Плевать, что он похоронил всю свою семью заодно с долбаной собачкой. Ты понимаешь, к чему я веду? Если мы не сделаем этого сейчас, придется заниматься этим в будущем — всякий раз, когда какой-нибудь вонючий аристократишка сочтет себя чересчур крутым.

Я вздохнул. В этом споре мне победу не одержать. Знал ведь, чем дело кончится, — если Кагуэлла задумал отправиться на охоту, его не отговорить. Но я чувствовал, что необходимо выразить несогласие. Я достаточно долго служил ему, у меня есть право подвергать его приказы сомнению. Отчасти за это он и платил — я заменял ему совесть, когда он искал ее в себе и находил лишь зияющую дыру.

— Главное — ничего личного, — сказал я. — Мы можем убрать Рейвича чисто, не доводя дело до взаимной бойни. Наверное, вы не шутили насчет того, что целюсь я не в голову, а в определенные участки мозга. При необходимости я на такое способен.

Я вспомнил нашего солдата, которого мне пришлось убить; я вспомнил еще нескольких ни в чем не повинных мужчин и женщин, чья смерть послужила непостижимому высшему плану. Знаю, это не может быть оправданием, но я всегда старался убивать быстро и безболезненно, насколько позволял мой опыт.

Тогда мне казалось, что Рейвич тоже достоин подобного милосердия.

Теперь, в Городе Бездны, я думал совсем иначе.

— Не беспокойся, Таннер, мы разделаемся с ним быстро и чисто. Как хирурги в клинике.

— Хорошо. Разумеется, я сам подберу себе команду... Вайкуна идет с нами?

— Конечно.

— Тогда нам понадобятся две палатки. Я не стану есть за одним столом с этим упырем, даже если он переключился исключительно на змей.

— Палаток будет больше чем две, Таннер. С нами поедет Дитерлинг, он самый лучший знаток гамадриад. А еще я возьму Гитту.

— Должен вам кое-что объяснить, — сказал я. — Поход в джунгли всегда сопряжен с риском. Как только Гитта покинет Дом Рептилий, она окажется в большей опасности, чем если останется. Вы же знаете: за каждым нашим шагом внимательно следят. Не говоря уже о том, что джунгли — не место для прогулок. — Выдержав паузу, я продолжал: — Не снимаю с себя ответственности, но во время этой экспедиции никому не смогу гарантировать полной безопасности. Разумеется, я сделаю все, что от меня зависит, но этого может оказаться недостаточно.

Он похлопал меня по плечу:

— Уверен, этого будет достаточно, Таннер. Ты еще ни разу не подводил меня.

— Все когда-нибудь случается в первый раз.

Наш маленький охотничий караван состоял из трех бронированных наземных машин. Кагуэлла, Гитта и я ехали в первой машине, которую вел Дитерлинг. Небрежно опустив руки на джойстик, он вез нас по заросшей тропе. Здешние места этот парень знал не хуже, чем гамадриад. Мне и сейчас больно при мысли о том, что он погиб.

Следом за нами, во второй машине, ехали Вайкуна и еще трое моих людей — Летельер, Орсоно и Шмидт. У каждого из этой тройки был за плечами не один год службы в джунглях. Третья машина везла тяжелое вооружение, в том числе гарпунные ружья упыря Вайкуны, а также боеприпасы, медицинские комплекты, пищевые рационы, запасы воды и надувные палатки-купола. Эту машину вел один из старых проверенных служак Кагуэллы, а Родригес сидел позади с дробовиком, держа под прицелом тропу, — на тот случай, если кто-нибудь попытается напасть на нас с тыла.

На приборной доске красовалась карта Полуострова, разделенная на секторы. Наше положение на данный момент было обозначено мигающей синей точкой. В нескольких сотнях ки-

лометров севернее, на той же тропе, по которой двигались мы, мигала красная точка, мало-помалу перемещаясь в южном направлении. Это был отряд Рейвича; они полагали, что движутся скрытно, но их выдавало излучение, которое отслеживал Орканья. Они делали пятьдесят-шестьдесят километров в день — весьма неплохо для передвижения в джунглях. Мы планировали разбить лагерь, когда Рейвич приблизится на расстояние дневного перехода.

Тем временем мы пересекли южную границу ареала гамадриад. Глаза Кагуэллы горели нетерпением, его взгляд обшаривал джунгли в поисках огромного зверя. Взрослые особи двигаются степенно, вяло — они настолько неуязвимы для любых хищников, что не развили в себе никаких защитных инстинктов. Единственное, что заставляет гамадриад двигаться, — это голод. Кроме того, их цикл размножения включает миграцию. Если верить Вайкуне, у них нет даже того, что мы называем инстинктом самосохранения. Он нужен им не больше, чем леднику.

— А вот и дерево гамадриад, — объявил Дитерлинг на исходе дня. — Судя по его виду, слияние произошло недавно.

Он указал в сторону от дороги, где царил непроницаемый мрак. Мне грех жаловаться на зрение, но у Дитерлинга была просто нечеловеческая зоркость.

— Боже!.. — произнесла Гитта, опуская на глаза инфракрасные очки-бинокль. — Какое огромное!

— Так и сами гамадриады не маленькие, — сказал ее муж. Он смотрел в ту же сторону, что и Дитерлинг, напряженно шуря глаза. — Ты прав. Похоже, у этого дерева было восемь-девять слияний?

— Как минимум, — согласился Дитерлинг. — И последнее, возможно, еще не закончилось.

— То есть... дерево еще теплое?

Я понял, к чему он клонит. Там, где есть дерево с недавно выросшими слоями, могут находиться и почти взрослые гамадриады.

Мы решили разбить лагерь на ближайшей прогалине, метрах в двухстах впереди по дороге. Водители нуждались в отдыхе после того, как целый день пробирались через заросли, а машины успели получить мелкие повреждения, которые было

необходимо исправить, прежде чем продолжить путь. Мы не топились достичь места, где планировали устроить засаду, и Кагуэлла решил немного поохотиться перед сном в окрестностях лагеря.

Я воспользовался моноволоконной косой, чтобы расчистить прогалину, затем помог накачивать палатки-купола.

— Пойду прогуляюсь, — сказал Кагуэлла, похлопав меня по плечу. Он был в охотничьей куртке, с ружьем за плечом. — Вернусь примерно через час.

— Будьте осторожнее со змеями, — полушутя предостерег я.

— Это просто прогулка, Таннер.

Я протянул руку к стоявшему перед палаткой складному столу, на котором размещалось кое-что из нашего оборудования.

— Если собираетесь далеко, — я поднял инфракрасные очки-бинокль, — не забудьте вот это.

Он помедлил, потом взял у меня прибор и сунул его в нагрудный карман рубашки:

— Спасибо.

Кагуэлла ушел из освещенного лагеря, снимая с плеча оружие. Разобравшись с первой палаткой, которая предназначалась шефу и его супруге, я отправился на поиски Гитты, чтобы сообщить ей об этом. Она сидела в кабине машины, с дорогим электронным блокнотом на коленях, и, небрежно постукивая по клавишам, бегло просматривала страницы какого-то поэтического сборника.

— Ваша палатка готова, — сказал я.

Она закрыла блокнот с видимым облегчением и позволила проводить ее ко входу в палатку. Я заблаговременно проверил прогалину на предмет потенциальной угрозы — например, мелких ядовитых родственниц гамадриад, которых мы называли व्यюнами, — но ничего не обнаружил. Гитта шла неуверенно, боялась шагнуть за пределы ярко освещенного участка земли, несмотря на мои заверения.

— Ну как, наслаждаетесь путешествием? — спросил я.

— Это шутка, Таннер? По-вашему, я могу этим наслаждаться?

— Я говорил ему, что будет лучше для всех, если вы останетесь в Доме Рептилий.

Я расстегнул длинную молнию. Роль прихожей играл крошечный воздушный шлюз — благодаря ему палатка не съжи-

вается всякий раз, когда кто-то входит или выходит. Мы установили временные жилища треугольником, соединив их короткими герметичными коридорами. Генератор, наполнявший палатки воздухом и придававший им форму, был невелик и работал бесшумно.

— Вы полагаете, что это подходящее место для женщины, Таннер? — спросила Гитта, шагнув внутрь. — Если не ошибаюсь, подобные устройства вышли из употребления еще до стар-та Флотилии.

— Нет, что вы... — пробормотал я, стараясь, чтобы тон не казался извиняющимся. — Вовсе я так не думаю.

Я хотел застегнуть наружную дверь, чтобы Гитта могла войти в палатку без сопровождения. Но она подняла руку, не позволив мне коснуться молнии.

— Хорошо, а что вы думаете?

— Думаю, здесь произойдет нечто не слишком приятное.

— Вы имеете в виду засаду? Забавно, а я бы никогда не догадалась.

Я почувствовал себя идиотом:

— Гитта, поймите, вы не все знаете о Кагуэлле. Да и обо мне тоже, раз уж на то пошло. Думаю, скоро вы поймете, за какое дело мы взялись.

— Для чего вы мне это говорите?

— Наверное, просто для того, чтобы вы были к этому готовы. Полагаю, так будет лучше. — Я оглянулся на джунгли, в которых исчез ее муж. — Гитта, мне нужно заняться другими палатками.

— Да, конечно... — Ее голос звучал как-то странно.

Она пристально смотрела на меня. Возможно, дело было лишь в игре света и тени, но в ту минуту ее лицо показалось мне сверхъестественно прекрасным, словно портрет кисти Гогена. Наверное, именно тогда я полностью осознал, что готов предать Кагуэлла. Эта мысль постоянно была рядом, но понадобился миг обжигающей красоты, чтобы высветить ее. Интересно, принял бы я такое решение, если бы тени упали на ее лицо чуть иначе?

— Таннер, вы знаете, что ошибаетесь?

— По поводу чего?

— Я знаю о Кагуэлле гораздо больше, чем вам кажется. Гораздо больше, чем кажется кому-либо. Я знаю, что он жесто-

кий человек, и знаю, что он делал плохие дела. Плохие — не то слово. Ужасные.

— Вот так сюрприз!

— Нет. Что бы вы ни сказали, я не удивлюсь. Я говорю не о мелких злодействах, совершенных с тех пор, как вы с ним познакомились. Они едва ли стоят внимания в сравнении с тем, что Кагуэлла творил прежде. Но если вам не известно прошлое этого человека, значит вы не знаете его по-настоящему.

— Если он настолько плох, то почему вы до сих пор с ним?

— Потому что сейчас он не то чудовище, каким был раньше.

Между деревьями мелькнула голубоватая вспышка, это выстрелило лазерное ружье. Потом в чаще затрещало — что-то упало на землю. Наверное, Кагуэлла шел вперед, пока ему не попала добыча — по-видимому, небольшая змея.

— Гитта, говорят, горбатого могила исправит.

— Неправильно говорят, Таннер. Плохими людьми нас делают наши поступки, и ничто иное — ни наши намерения, ни чувства. Но что такое несколько давних дурных поступков в сравнении с целой жизнью, особенно с той жизнью, которую мы можем вести теперь?

— Это справедливо лишь для немногих из нас, — возразил я.

— Кагуэлла старше, чем вы думаете, Таннер. И настоящие преступления он совершал давным-давно, когда был совсем молод. То, что я с ним, по большому счету результат его деяний.

Гитта помолчала, глядя на деревья. Я хотел попросить, чтобы она пояснила свою мысль, но не успел.

— Человек, которого я встретила, не был чудовищем. Он был жесток, склонен к насилию, опасен, но вместе с тем обладал способностью дарить любовь и принимать ее от другого человека. Он видел красоту вещей, видел зло в людях. Он не был тем, кого я рассчитывала найти. Но он оказался лучше. Не идеалом, по большому счету, но и не монстром. Я поняла, что не могу возненавидеть его с той легкостью, на которую надеялась.

— Вы надеялись возненавидеть его?

— Не только. Я надеялась убить его или передать в руки правосудия. Вместо этого...

Гитта помедлила. В джунглях снова полыхнуло и протрещал выстрел, знаменуя гибель какой-то твари.

— Я задала себе вопрос, который не приходил мне в голову раньше. Как долго нужно жить добродетельно, прежде чем сум-

ма твоих добрых дел перевесит причиненное тобой зло? Способен ли человек просуществовать так долго?

— Не знаю, — искренне ответил я. — Допустим, Кагуэлла сейчас лучше, чем был когда-то. Но разве можно назвать его образцовым гражданином? Если вы считаете его нынешнюю жизнь добродетельной, то меня ужасает мысль о том, каким он был раньше.

— Вполне резонно, — сказала Гитта. — И не думаю, что вы смиритесь с этой мыслью.

Я пожелал ей спокойной ночи и отправился ставить палатки.

ГЛАВА 20

Поздним утром, пока остальные разбирали лагерь, мы впятером двинулись назад по дороге, к тому месту, где видели дерево гамадриад. Оттуда оставалось пройти неудобным, но коротким путем через заросли до широченного комля. Я шел первым, широкими взмахами моноволоконной косы расчищая проход в зарослях.

— Оно еще больше, чем казалось с тропы, — сказал Кагуэлла. В то утро он улыбался, лицо раскраснелось — причиной воодушевления были развешенные на опушке туши. — Как повашему, сколько ему лет?

— Больше, чем нашим колониям, — отозвался Дитерлинг. — Думаю, лет четырехста. Если хотите узнать точнее, придется его срубить.

Он прошелся вокруг дерева, легонько постукивая по коре костяшками пальцев.

С нами были Гитта и Родригес. Они смотрели на вершину дерева, запрокинув голову и шурясь от ярких лучей солнца, которые просачивались сквозь завесу джунглей.

— Оно мне не нравится, — заметила Гитта. — А вдруг сюда...

Казалось, Дитерлинг не мог услышать ее, но ответил прежде, чем она договорила:

— Шансы на то, что сюда приползет другая змея, чертовски малы. Тем более что слияние прошло совсем недавно.

— Ты уверен? — с сомнением спросил Кагуэлла.

— Можете проверить сами.

Дитерлинг наполовину обошел дерево, и мы с трудом пробрались к нему сквозь заросли.

В сказочные довоенные годы дерево гамадриад было мечтой первых исследователей. Они ураганом носились по этой части Полуострова, и дивились чудесам нового мира, и верили, что все это будет изучено самым тщательным образом. Словно дети, которые торопливо срывают бумагу с подарка, чтобы, едва взглянув на содержимое, схватить очередной сверток. Вокруг было слишком уж много непознанного.

При более планомерном подходе вскоре бы обнаружилось, что деревья гамадриад действительно достойны самого пристального изучения, но вместо этого они просто пополнили длинный список местных диковинок. Достаточно было бы лишь понаблюдать за группой деревьев в течение нескольких лет, чтобы раскрыть тайну их происхождения. Но сделать это удалось через десятки лет после того, как разразилась война.

Деревья гамадриад встречаются редко, однако распространены почти по всему Полуострову. Они не похожи ни на что из произрастающего в местных лесах — именно этим объясняется львиная доля интереса, который они к себе привлекают. Такое дерево никогда не вымахает выше полога леса — это сорок-пятьдесят метров от поверхности земли, в зависимости от высоты соседей. По форме оно напоминает витой подсвечник, утолщенный к основанию, а у вершины образует широкий плоский зонт — нечто вроде шляпки гриба диаметром в десятки метров. Именно эти темно-зеленые «грибы» заинтересовали первых исследователей, облетающих джунгли на шаттлах «Сантьяго».

Иногда возле дерева обнаруживалась прогалина, и тогда колонисты спускались, чтобы продолжить экспедицию пешком. Биологи, которые входили в состав этих групп, пытались найти объяснение форме дерева и странной дифференциации клеток на поверхности ствола и внутри его, вдоль радиальных линий. Они быстро установили, что сердцевина дерева мертва, а живые ткани образуют относительно тонкую оболочку.

Я уже отметил некоторое сходство этих деревьев с витыми подсвечниками. Но более точной будет, пожалуй, аналогия с высоченной тонкой спиральной горкой — такие стоят в парках

аттракционов. Помнится, я видел одну в Нуэва-Икике. Она стояла без дела уже который год; нежно-голубая краска шелушилась и год от года облезала. Ствол дерева имеет форму правильного конуса, обвитого от основания до вершины аккуратной спиралью, причем ее витки нигде не соприкасаются друг с другом. Эта спираль гладкая, точно полированная, и покрыта причудливым орнаментом из коричневых и зеленых фигур, поблескивающих наподобие металлической чеканки. В промежутках между витками можно разглядеть остатки такой же спирали, то ли разрушенной временем, то ли поглощенной деревом, — а иногда и более старые слои. В этих тонкостях разберется разве что опытный ботаник.

Дитерлинг определил главную спираль. У основания, там, где спираль, казалось, должна была уйти в землю наподобие корня, зияло глубокое отверстие. Он указал:

— Смотри, братишка, она пустая почти до самой вершины.

— И что это значит? — спросил Родригес.

Он умел обращаться с молодыми особями, но не разбирался в тонкостях биологического цикла этих тварей.

— Это значит, что дерево вывело потомство, — произнес Кагуэлла. — И молодой уже покинул свой дом.

— Они прогрызают себе путь в теле собственной матери, — прокомментировал я.

Пока еще неизвестно, есть ли у гамадриад такое понятие, как пол. Не исключено, что они прогрызают себе путь в собственном отце — или в ком-то еще, не знаю. Когда закончится война, биология гамадриад увлечет тысячи исследователей.

— И какой величины они были? — поинтересовалась Гитта.

— Примерно с нашу пленницу, — указал я носком ботинка на отверстие в основании спирали. — Может, чуть меньше. Но не настолько, чтобы хотелось встретиться с ними без тяжелой артиллерии.

— А мне казалось, они слишком медлительны, чтобы представлять для нас угрозу.

— Эти особи почти взрослые, — сказал Дитерлинг. — В любом случае от гамадриады трудно убежать в зарослях.

— Но захочет ли змея нас глотать... то есть поймет ли, что мы годимся в пищу?

— Может, и не захочет, — ответил Дитерлинг. — Но это будет слабым утешением после того, как она по нас проползет.

— Хватит, — буркнул Кагуэлла, обнимая одной рукой Гитту. — Гамадриада — зверь, такой же дикий, как и любой зверь в лесу. Разумеется, он опасен для дураков, которые не знают, как с ним справиться. Но мы-то к числу этих дураков не относимся...

В зарослях позади нас затрещало. Мы испуганно обернулись, ожидая увидеть безглазую голову почти взрослой гамадриады, которая надвигается на нас с неуклонностью товарного поезда через податливую растительность, не способную остановить ее натиск.

Вместо этого мы увидели доктора Вайкуну.

Когда мы покидали лагерь, он не выразил желания присоединиться, и сейчас я задался вопросом: что заставило его передумать? Только не сочтите, что меня радовала перспектива оказаться в обществе этого вурдалака.

— В чем дело, доктор?

— Мне стало скучно, Кагуэлла.

Высоко поднимая ноги, доктор зашагал по скошенной мною траве. Его одежда, как всегда, выглядела безупречно в сравнении с нашей, на которой каждый день появлялись новые прорехи и пятна, — длинная, мышиного оттенка полевая куртка с расстегнутой спереди молнией. На шее болтались изящные очки-бинокль, а волосы были прихотливо завиты, что придавало ему вид хмурого отощавшего херувима.

— А вот и наше дерево!

Я уступил ему дорогу. Моя потная ладонь еще сжимала рукоять моноволоконной косы. Интересно, что бы случилось с этим уродом, увеличь я ненароком радиус секущей дуги? Почему-то подумалось: его мучения не искупили бы тех, что он причинил людям за многие годы своей «профессиональной деятельности».

— Экземпляр хоть куда, — заметил Кагуэлла.

— Последнее слияние, похоже, случилось пару недель назад, — сказал Дитерлинг, которого присутствие доктора смущало не больше, чем его хозяина. — Взгляните на распределение типов клеток.

Доктор вразвалочку двинулся вперед, чтобы увидеть то, о чем говорил Дитерлинг.

Тот извлек из бокового кармана своей разгрузки плоскую серую коробочку. Этот прибор, изготовленный ультра, величи-

ной с карманную Библию, был снабжен экраном и несколькими кнопками с загадочной маркировкой. Прижав устройство боком к спирали, Дитерлинг ткнул большим пальцем в одну из кнопок. На экране появились бледно-голубые увеличенные изображения клеток. Приплюснутые цилиндрики походили на беспорядочно сваленные мешки с телами в море.

— Здесь преимущественно эпителиальные клетки, — проговорил Дитерлинг, водя пальцем по деталям картинки. — Обратите внимание на структуру липидной мембраны. Она мягкая — и это верный признак.

— Признак чего? — спросила Гитта.

— Животной ткани. Если бы я взял препарат вашей печени, он бы не слишком отличался по структуре от этого.

Он переместил прибор к другой части спирали, чуть ближе к стволу:

— Теперь взгляните сюда. Абсолютно иные клетки, расположенные куда более упорядоченно, с ровными сросшимися стенками — это обеспечивает прочность структуры. Видите дополнительный слой по обе стороны оболочки? В ней преимущественно целлюлоза.

Он коснулся другой кнопки, и клетки стали прозрачными, наполнились какими-то туманными силуэтами, похожими на привидения.

— Видите коконовидные органеллы? Это зарождающиеся хлоропласты. А структура вроде лабиринта — эндоплазматическая сеть. Все это можно наблюдать исключительно в растительных клетках.

Гитта постучала по коре в том месте, куда Дитерлинг первый раз направлял сканер:

— Значит, здесь дерево больше напоминает животное, а там — растение?

— Разумеется, это морфологический градиент. Ствол состоит из сугубо растительных клеток — ксилемный цилиндр вокруг сердцевины. Когда змея впервые прикрепляется к дереву и оборачивается вокруг ствола, она все еще животное. Но в тех местах, где гамадриада соприкасается с деревом, ее клетки изменяются. Мы не знаем, отчего так происходит, — порождается ли этот процесс чем-то содержащимся в лимфатической системе змеи, либо дерево дает химический сигнал для начала слия-

ния. — Дитерлинг указал туда, где спираль словно прирастала к стволу. — Такая клеточная консолидация должна занимать несколько дней. По ее окончании змея оказывается неотделимой от дерева — по сути, становится его частью. Но и в этот период она все еще остается животным.

— А что происходит с ее мозгом? — спросила Гитта.

— Он ей больше не нужен. По большому счету, и нервная система тоже — в нашем понимании.

— Вы не ответили на мой вопрос.

Дитерлинг улыбнулся:

— В первую очередь молодняк поедает материнский мозг.

— Они пожирают свою мать? — ужаснулась Гитта.

Гамадриада, слившись с деревом, сама становится растением. Но это происходит лишь после того, как змея достигает зрелости и обретает способность спирально обвить ствол от земли и вплоть до зеленого полога. К тому времени новые гамадриады в ее псевдочреве уже почти сформировались.

Наше дерево наверняка перенесло несколько слияний. Возможно, настоящее дерево давно сгнило и от него остались лишь сросшиеся оболочки мертвых гамадриад. Впрочем, не исключено, что последняя присоединившаяся змея в некотором смысле все еще жива — широко расправив свой фотосинтетический капюшон на вершине дерева, упивается солнечным светом. Никто не знает, как долго змеи способны прожить в этой последней, «безмозглой», растительной фазе. Однако рано или поздно другая зрелая особь приползет к этому дереву и заявит на него свои права. Она заскользит вверх по стволу и пронзит своей головой капюшон предшественницы, а затем расправит собственный капюшон над ним. В тени, без солнечного света, капюшон быстро засохнет, а новая змея сольется с деревом и сделается почти растением. Остатки ее животной ткани пригодятся лишь для того, чтобы снабдить пищей молодняк, который появится через несколько месяцев после слияния. Некий химический сигнал разбудит новорожденных, и они прогрызут себе путь из чрева, переваривая на ходу свою мать. Сожрут мозг, затем спустятся по спирали, продолжая питаться родительским телом, пока не выйдут наружу у самой земли, — полностью сформировавшиеся, готовые охотиться молодые гамадриады.

— Тебе это кажется отвратительным, — угадал Кагуэлла мысль Гитты. — Но на Земле случаются вещи и похуже. Так на-

зываемый австралийский паук по мере созревания его потомства просто превращается в кашу. Согласись, в этом есть некая дарвинистская чистота эксперимента. Эволюция не слишком обеспокоена тем, что случается с существами, которые уже передали по наследству генетическую информацию. Ты привыкла, что взрослые животные некоторое время присматривают за потомством, воспитывая и оберегая его от хищников. Но гамадриадам чужды подобные условности. Даже только что вылупившаяся змея куда сильнее любого из местных животных, а значит, не нуждается в защите. И учиться чему-то новому незачем — все уже давно заложено. Для взрослых особей почти не существует селекционного отбора, препятствующего их гибели в момент рождения потомства. Поэтому для молодняка абсолютно логично насыщаться собственными матерями.

Пришла очередь улыбнуться и мне.

— Вы, похоже, восхищаетесь этим.

— Да разве можно не восхищаться столь безупречным процессом?

Не совсем уверен, что дальше события развивались именно так. Я смотрел на Кагуэллу, одновременно приглядывая за Гиттой. Первым начал действовать Вайкуна... или все-таки тот парень, Родригес?

Вайкуна сунул руку в карман и достал пистолет.

— Родригес, отойди в сторону! — приказал он.

Я был в полном недоумении. Родригес держал руку в кармане, словно собирался оттуда что-то вынуть. Вайкуна выразительно повел дулом пистолета:

— Я велел тебе отойти.

— Доктор, — вмешался я, — вы не желаете объяснить, с какой стати угрожаете одному из моих людей?

— С радостью объясню, Мирабель. После того, как разделаюсь с ним.

Родригес посмотрел на меня широко открытыми глазами. Он казался изумленным:

— Таннер, не знаю, что ему нужно. Я просто собрался перекусить...

Я перевел взгляд на доктора-упыря:

— Итак, доктор?

— У него в кармане нет упаковки с пайком. Он полез за пистолетом.

Что за чушь! Зачем Родригесу доставать пистолет, если у него на плече, как и у Кагуэллы, висит охотничье ружье?

Оба застыли, прожигая взглядом друг друга.

Необходимо было принять решение. Я кивнул Кагуэлле:

— Позвольте, я разберусь. Уведите Гитту подальше — мало ли начнется перестрелка. Увидимся позже, в лагере.

— Вот именно! — проскрипел Вайкуна. — Уходите прочь, пока Родригес не убил вас.

Взяв жену за руку, Кагуэлла неохотно отошел в сторону:

— Вы это серьезно, доктор?

— На мой взгляд, он вполне серьезен, — пробормотал Дитерлинг, в свою очередь потихоньку отступая.

— Итак? — повторил я, обращаясь к упырю.

Рука Вайкуны дрожала. Он стрелял плохо, однако не обязательно быть снайпером, чтобы уложить Родригеса на разделяющей их дистанции. Доктор заговорил медленно, с нарочитым спокойствием:

— Это самозванец, Таннер. Я получил сообщение из Дома Рептилий, пока вы были здесь.

Родригес покачал головой:

— Что за чепуха!

Доктор вполне мог получить сообщение из Дома Рептилий. Обычно я пристегивал браслет связи, покидая лагерь, но в то утро засуетился и забыл об этом. Поэтому сигнал из Дома не мог выйти за пределы лагеря.

Я повернулся к Родригесу:

— Вынь руку из кармана, только медленно.

— Неужели вы поверили этому подонку?!

— Я не знаю, кому верить. Но если ты говоришь правду, то в кармане у тебя действительно сандвич.

— Таннер, ей-богу, это...

— Делай, как сказано, черт побери!

— Осторожно! — прошипел Вайкуна.

Родригес вынул руку из кармана с высокомерной медлительностью, не сводя глаз с меня и Вайкуны. Двумя пальцами — большим и указательным — он сжимал нечто плоское и черное. В джунглях всегда сумерки, да и манера обращения с предметом могла создать впечатление, что это действительно пища. На миг я поддался внушению.

Но только на миг. Это был пистолет — маленькое элегантное и жестокое оружие, предназначенное для заказного убийства.

Вайкуна выстрелил. Возможно, для того, чтобы серьезно ранить стоящего напротив человека, требуется гораздо больше мастерства, чем я предполагал. Так или иначе, но пуля попала Родригесу в левое плечо, заставив его пошатнуться и вскрикнуть, но не более того. Вспышка у дула пистолета Родригеса — и доктор навзничь рухнул на землю.

Кагуэлла, стоявший на краю прогадины, скинул с плеча ружье и приготовился стрелять.

— Нет!

Я успел крикнуть, желая только одного: чтобы мой хозяин убрался как можно дальше. Но — я осознал это слишком поздно — Кагуэлла был не из тех, кто уклоняется от боя, даже если это грозит ему гибелью.

Гитта закричала, пытаясь тащить мужа за собой.

Родригес навел оружие на Кагуэллу и выстрелил...

И промахнулся. Его пуля лишь оцарапала кору стоящего рядом дерева.

Я пытался понять смысл происходящего, но на это не было времени. Пожалуй, Вайкуна прав. Все действия Родригеса в течение последних секунд подтверждали обвинения упыря... но кто, в таком случае, Родригес? Самозванец или...

— Это тебе за Арджента Рейвича, — произнес Родригес, снова целясь в Кагуэллу.

Я понял, что на сей раз он не промахнется.

Подняв моноволоконную косу, я сдвинул большим пальцем рычажок, увеличивая до максимума радиус невидимой режущей нити. Пьезоэлектрические кристаллы развернули передо мной сверхжесткий пятнадцатиметровый веер толщиной в одну молекулу.

Краем глаза Родригес уловил мое движение. И сделал ошибку — ошибку, которую мог допустить любитель, но не профессиональный убийца.

Он чуть помедлил.

Возможно, до него дошло, что случилось, — боли он не мог ощутить, поскольку невидимый резец действовал с хирургической точностью. Родригес выронил пистолет. За несколько секунд тишины у меня успело родиться сомнение: не допустил ли

я той же ошибки, что и он, и удалось ли мне выдвинуть лезвие косы на необходимую длину?

Но ошибки не было.

Родригес рухнул на землю. Дважды.

— Мертв, — констатировал Дитерлинг.

Мы снова были в лагере, собрались в единственной накачанной палатке. После происшествия миновало три часа. Дитерлинг говорил, склонившись над телом доктора Вайкуны:

— Если бы я знал, как пользоваться этими вещами... — Дитерлинг разложил перед собой хирургические игрушки доктора — одна круче другой, — никак не желающие раскрывать свои зловещие секреты.

Чтобы спасти человека, пораженного оружием Родригеса, обычных медикаментов было недостаточно. Мы надеялись на волшебный сундучок, за который врач заплатил торговцам-ультра немалые деньги. Возможно, наши надежды оправдались бы, окажись эти инструменты в умелых руках. Но сейчас единственный человек, обладавший соответствующим знанием, больше всего нуждался в их применении.

— Ты сделал все, что мог, — положил я руку на плечо Дитерлиngu.

Кагуэлла смотрел на труп Вайкуны с неприкрытой яростью:

— Вполне в стиле этого гада — сдохнуть в самый подходящий момент, не выполнив своей задачи! И кто теперь, черт побери, вживит змее имплантаты?

— Мне кажется, — заметил я, — сейчас ловля змей не является задачей номер один.

— Думаешь, я этого не понимаю?

— Тогда подтвердите это делом.

Он ответил на мою нахальную реплику злым взглядом, но я продолжал:

— Вайкуна мне никогда не нравился, но ради вас он пожертвовал жизнью.

— А кто, мать твою, виноват в том, что Родригес оказался предателем? Мне казалось, ты хорошо проверяешь своих рекрутов, Мирабель.

— Я проверил его.

— И что же?

— Человек, которого я убил, не мог быть Родригесом. Кажется, Вайкуна тоже говорил об этом.

Кагуэлла посмотрел на меня, точно на кусок дерьма, прилипший к подошве его ботинка, а затем молча вышел из палатки, оставив нас с Дитерлингом наедине.

— Надеюсь, у тебя есть какие-нибудь соображения по этому поводу, Таннер? — Он прикрыл простыней мертвого Вайкуну и принялся собирать идеально блестящие хирургические инструменты.

— Нет. Пока еще нет. Это действительно был Родригес... или, по крайней мере, нечто похожее на него.

— Попробуй еще раз связаться с Домом Рептилий.

Он был прав. Прошел примерно час с момента последней попытки — попытки, которая не увенчалась успехом. Скорее всего, какая-то прореха в кольце спутников связи — не исключено, что в очередной раз не обошлось без военных. Спутники таинственным образом то выходили из строя, то снова начинали работать, когда это отвечало шкурным интересам какой-нибудь из фракций.

Однако на этот раз связь заработала.

— Таннер, у вас там все в порядке?

— Да как сказать... — Я не собирался вдаваться в подробности. Сейчас мне нужно было узнать, что за сообщение получил доктор Вайкуна. — Что ты говорил насчет Родригеса?

Человека, с которым я разговаривал, звали Саути. Я знал его много лет, но никогда еще не видел таким расстроенным, как сейчас.

— Таннер, ради бога... Я надеюсь, что... Короче, мы получили предупреждение от одного из союзников Кагуэллы. Информацию о Родригесе.

— Продолжай.

— Родригес мертв! Его тело найдено в Нуэва-Сантьяго. Он был убит, затем утоплен.

— Ты уверен, что это он?

— В его досье есть образцы ДНК. Наш связной в Сантьяго провел генетический анализ клеток — полная идентичность.

— Значит, Родригес, который вернулся из Сантьяго, — кто-то другой. Я правильно понимаю?

— Да. Только это не клон. Просто наемный убийца, который перенес ряд пластических операций. Из него сделали двойника Родригеса. Изменили даже его голос и запах.

Я не спешил с ответом.

— На Окраине Неба нет специалистов столь высокого класса. Тем более таких, которые способны сотворить подобное за несколько дней. За то время, пока Родригес отсутствовал в Доме Рептилий.

— Совершенно с тобой согласен. Но это могли сделать ультра.

Что правда, то правда. Помнится, Орканья походя бахвалился перед нами мастерством, которого добились его ученые.

— Но одной пластической операцией дело не ограничилось.

— Поясни.

— Самозванец вел себя как настоящий Родригес. Он знал вещи, известные только Родригесу. И я за свои слова отвечаю. В последние дни мы часто с ним болтали.

Сказать по правде, временами в его поведении проскальзывала уклончивость... но ничего достаточно серьезного, чтобы вызвать подозрения. Он с удовольствием разговаривал со мной на любые темы.

— Думаешь, протралили Родригеса?

Саути кивнул:

— Тут поработали настоящие профессионалы. Мы не обнаружили ничего такого, что указывало бы на траление как на возможную причину смерти. Однако ультра способны на многое.

— Считаешь, они умеют записывать чужие воспоминания своим наемникам?

— Я слышал о подобных вещах, — сказал Саути. — Крошечные механизмы проникают в мозг человека и создают новые нейронные связи. Это называется эйдетическим импринтингом. Северная Коалиция применяла этот способ в учебных целях, но ничего хорошего в конечном счете не получилось. Впрочем, если тут приложили руку ультра...

— Для них это детская забава. В общем, убийца получил память Родригеса, но дело этим явно не ограничилось. Он изменился. Он стал Родригесом. Почти.

— Поэтому он и вел себя так убедительно. Хотя эти новые структуры памяти вряд ли могут быть прочными. Рано или поздно исходная личность должна взять свое. Но к тому времени Родригес успевал завоевать твое доверие.

Саути был прав: только в последние день-два уклончивость Родригеса казалась мне странной. Может быть, именно в это время личность убийцы стала проступать сквозь маскировочный покров ложной памяти?

— Что ж, ему это удалось на славу, — вздохнул я. — Если бы Вайкуна нас не предупредил...

И я рассказал Саути о том, что случилось у дерева гамадриад.

— Привезите тела, — попросил Саути. — Хочу взглянуть, насколько хорошо им удалось замаскировать своего парня. Что это, банальная хирургия или они попытались заменить его ДНК?

— Думаешь, они бы пошли на такую мороку?

— В этом-то все и дело, Таннер. Стоит обратиться к нужным людям — и никакой мороки.

— Насколько мне известно, сейчас на орбите планеты находится только одна группа ультра.

— Да. Я почти уверен, что здесь не обошлось без Орканьи и его компании. Если не ошибаюсь, ты с ними встречался? Как думаешь, им можно доверять?

— Это ультра, — ответил я многозначительно. — Я не могу относиться к ним как к обычным партнерам Кагуэллы. Впрочем, это не значит, что их надо автоматически записывать в предатели.

— А какой им прок хранить наши секреты?

Тут до меня дошло, что я не удосужился задать себе этот вопрос. Я сделал ошибку, отнесясь к Орканье так же, как к любому деловому партнеру Кагуэллы — партнеру, с которым не исключено дальнейшее сотрудничество. А если экипаж Орканьи не намерен возвращаться на Окраину Неба в ближайшие лет десять, а может, и сто? И что им мешает сжечь за собой все мосты?

— Орканья мог не знать, что убийцу пошлют к нам, — пробормотал я. — Представь себе: некто, связанный с Рейвичем, просто представил им парня, которому необходимо было изменить внешность, а затем другого, чью память требовалось перенести первому...

— И ты полагаешь, что Орканье не пришло в голову задать пару вопросов?

— Не знаю, — отозвался я.

Аргумент был откровенно слаб.

Саути вздохнул. Я знал, о чем он думает. Я думал о том же самом.

— Таннер, по-моему, впредь нам нужно действовать очень осторожно.

— Во всем этом есть как минимум один положительный момент, — заметил я. — Доктор убит, и Кагуэлле придется забыть об охоте на змей. Правда, до него это еще не дошло.

Саути растянул губы в улыбке:

— Мы уже наполовину выкопали новую яму.

— На твоём месте я бы не стал надрываться и подождать возвращения Кагуэллы.

Я замолчал и сверился с картой, по которой ползла мигающая точка, отмечая путь Рейвича.

— Вечером разобьем лагерь примерно в шестидесяти километрах к северу отсюда. А завтра тронемся в обратный путь.

— Решили устроить засаду нынче ночью?

В связи со смертью Родригеса и доктора у нас было мало ватаги, чтобы осуществить эту затею. Но достаточно, чтобы почти с гарантией одержать победу за счет численного преимущества.

— Завтра утром. Рейвич должен попасть в нашу ловушку за два часа до полудня. Если будет продвигаться с прежней скоростью.

— Удачи, Таннер.

Я кивнул и прервал связь.

Выбравшись из палатки, я увидел Кагуэллу и доложил ему обо всем, что узнал от Саути. Кагуэлла успел немного остыть после нашего разговора. Люди в лагере суеились, заканчивая сборы. Хозяин снял с пояса черный кожаный патронташ с множеством карманчиков для патронов, магазинов и прочих предметов, необходимых охотнику, перекинул его через плечо и застегнул.

— Значит, им по зубам даже пересадка памяти?

— Не уверен, что внедренная память устойчива. Но в том, что они смогли протралить Родригеса достаточно глубоко, я не сомневаюсь. У этого типа оказалось достаточно сведений, чтобы не вызывать у нас подозрений. Кстати, вас не удивляет, что они смогли столь убедительно изменить его внешность?

Он помедлил, затем неохотно ответил:

— Мне известно, что они... могут делать определенные изменения.

Иногда казалось, что я знаю Кагуэллу, как никто другой. Временами мы были почти как братья. Я отдавал себе отчет, что в порыве вдохновения он способен на фантастические проявления жестокости, превосходящие любые мои замыслы. Самому мне жестокие поступки давались нелегко — подобно усердному музыканту, от природы не способному творить с виртуозной легкостью гения, я, можно сказать, возмещал нехватку таланта трудолюбием. Но мы видели ситуацию схожим образом, судили о людях с одинаковым цинизмом и обладали врожденным умением пользоваться оружием. Однако порой — как в этот момент — возникало такое чувство, будто я встретил Кагуэллу впервые, и думалось, что он никогда не поделится своими бесчисленными тайнами. Я вспомнил свой давешний разговор с Гиттой. Она дала понять: все, что я знал о Кагуэлле, лишь верхушка айсберга.

Через час мы тронулись. Вайкуна и обе половинки тела Родригеса были помещены в гробы-холодильники и погружены в машину, которая шла последней. До сих пор эти ударопрочные контейнеры служили для хранения пайков. Как и следовало ожидать, наша экспедиция перестала быть развлекательной поездкой. Разумеется, я и не считал ее таковой в отличие от Кагуэллы. Теперь, наблюдая, как он стоит на тропе и всматривается в даль и как вздуваются при этом мышцы на его шее, я почти физически ощущал его напряжение. Рейвич был совсем близко.

— Извини, что наехал на тебя, Таннер, — сказал Кагуэлла позже, когда мы остановились, чтобы починить турбину.

— Я бы все равно поступил так, как поступил.

— Но разве дело в этом? Я доверяю тебе, как брату. Доверял и раньше, и сейчас. Ты спас всех нас, когда убил Родригеса.

Впереди, над дорогой, порхала какая-то зеленая тварь с кожистыми крыльями.

— Я не могу называть этого гада Родригесом. Настоящий Родригес был хорошим парнем.

— Конечно... я выразился коротко, но не точно. Ты уверен, что у нас не появятся новые самозванцы?

Я немного подумал.

— Мы от этого не застрахованы... хотя маловероятно. Родригес вернулся из поездки. Больше никто из нас не покидал Дом Рептилий в последние несколько недель. Не считая, разумеется, вас и меня — мы навещали Орканью. Но себя, думаю, подозревать трудно. Еще Вайкуна, но с него подозрения снимаются... можно сказать, автоматически.

— Хорошо. Еще один вопрос... — Он сделал паузу и подозрительно покосился на своих людей, которые не слишком профессионально молотили по какому-то механизму под капотом машины. — Тебе не кажется, что на самом деле это мог быть Рейвич?

— Двойник Родригеса?

Кагуэлла кивнул:

— Ведь он говорил, что со мной поквитается.

— Возможно... но мне сдается, что Рейвич идет с основным отрядом. Орканья сказал нам то же самое. Возможно, самозванец рассчитывал побыть с нами, не раскрываясь, пока не появятся остальные.

— И все-таки это мог быть Рейвич.

— Едва ли. Разве что ультра оказались еще умнее, чем мы думали. У Рейвича и Родригеса совершенно разные конституции организма. Я могу поверить, что парню изменили лицо, но вряд ли хватило бы времени переделать скелет и мускулатуру — за несколько дней тут не справишься. А потом еще и перепрограммировать координацию движений, чтобы он не стукался о потолок. Нет, они выбрали наемника, который сложен примерно так же, как Родригес.

— А он не мог предупредить Рейвича?

— Возможно. Но похоже на то, что Рейвич не принял предостережения всерьез. Сигналы от оружия продолжают двигаться к нам с обычной скоростью.

— Значит, по большому счету ничего не изменилось?

— По большому счету — не изменилось, — согласился я, но мы оба не слишком в это верили.

Вскоре, вопреки стараниям наших бойцов, турбина вновь запела, и мы отправились дальше. Я всегда серьезно относился к вопросу безопасности экспедиции, но теперь удвоил свои усилия и отдал новые распоряжения. Отныне никто не должен был

выходить за пределы лагеря в одиночку и без оружия. Впрочем, это не относилось к Кагуэлле, он даже под угрозой смерти не отказался бы от своих ночных вылазок.

Лагерь, который нам предстояло разбить этим вечером, должен был играть роль базы в нашей операции, поэтому я не пожалел времени и нашел оптимальное место для размещения палаток. Стоянка не должна просматриваться с дороги и при этом должна находиться достаточно близко, чтобы с нее можно было атаковать группу Рейвича. Не хотелось бы оказаться слишком далеко от склада боеприпасов. Значит, палатки следует разместить между деревьями, не более чем в пятидесяти-шестьдесят метрах от дороги. До наступления ночи мы могли выкосить стратегически важные участки, чтобы растительность не мешала стрелять из подлеска, и подготовить пути для отступления на тот случай, если люди Рейвича начнут подавлять нас ответным огнем. А позволит время, так мы расставим ловушки или мины вдоль других, более очевидных путей отхода.

В ту минуту, когда я мысленно чертил перед собой карту, нанося на нее скрещенные линии смерти, на просеке показалась змея.

Я почти перестал следить за дорогой, и только резкий оклик Кагуэллы заставил меня сообразить, что происходит нечто неладное.

— Стой! — скомандовал он, и наши машины шлепнулись брюхом оземь.

Метрах в двухстах впереди, там, где дорога уходила за поворот, из зеленой завесы высунулась гамадриада. Над бледной башкой тошнотворного зеленоватого цвета нависали оливковые складки светочувствительного капюшона — он напоминал раздувшийся капюшон королевской кобры. Змея пересекала дорогу справа налево — она ползла к морю.

— Почти взрослая, — заметил Дитерлинг, словно речь шла о жужелице, шлепнувшейся на лобовое стекло.

Голова гамадриады была немногим меньше нашей машины. За ней уже показались первые несколько метров извивающегося тела. Шкуру покрывал узор, такой же как я видел на спирали, обвивающей дерево гамадриад, — совсем как у обычной змеи.

— По-твоему, сколько в ней метров? — поинтересовался я.

— Тридцать — тридцать пять. Я видел и покрупнее. Если не ошибаюсь, в семьдесят первом году мне попалась шестидесятиметровая. Но эта тварь уже почти взрослая. Если она сможет найти дерево подходящей высоты, которое достигает полога, то, вероятно, вступит в слияние.

Голова достигла кустов на другой стороне просеки. Тварь медленно ползла мимо нас.

— Подъезжай поближе, — произнес Кагуэлла.

— Вы уверены? — возразил я. — Здесь мы в безопасности, она скоро уберется. У нее нет инстинкта самосохранения, но вдруг она решит, что мы годимся в пищу? Вы точно хотите рискнуть?

— Ближе, — повторил он.

Я завел турбину, выставил минимальные обороты — так, чтобы машина только приподнялась над землей, — и немного подал ее вперед. Считается, что у гамадриад нет органов слуха, но вибрации почвы — совсем другое дело. А если змея, почувствовав отраженную от земли дрожь воздушной подушки, решит, что приближается добыча?

Пересекая дорогу, гамадриада постоянно держала переднюю часть тела приподнятой над землей. Движения огромной твари были медленными и плавными. Ничто не говорило о том, что она заметила наше присутствие. Возможно, Дитерлинг прав: змея занята поисками подходящего дерева, вокруг которого можно обвиться, чтобы забыть об изнурительном «шевелении мозгами» и необходимости куда-то двигаться.

Теперь ее отделяло от нас метров пятьдесят.

— Стой, — проговорил Кагуэлла.

На этот раз я повиновался охотно. Когда я обернулся, он уже выпрыгивал из машины. Теперь мы слышали непрерывный низкий гул, с которым рептилия проталкивала свое тело сквозь заросли. Никакое животное не могло издавать подобных звуков. Больше всего это напоминало грохот танка, сминающего все на своем пути.

Кагуэлла обогнул машину и извлек из багажника с оружием свой арбалет.

— О нет... — вырвалось у меня, но было слишком поздно.

Он уже вставлял в арбалет ампулу с транквилизатором, рассчитанную на тридцатиметровую взрослую особь. По большому

счету эта штука только изображала из себя оружие, но для данной задачи она вполне подходила. Для того чтобы обездвигнуть взрослую змею, необходима огромная доза транквилизатора. Наши ружья просто не предназначались для подобной цели в отличие от арбалета, из которого можно стрелять массивными ампулами. Что касается очевидных его недостатков — ограниченной дистанции и точности, — они едва ли имеют значение, когда имеешь дело с глухой и слепой тридцатиметровой тварью, которая покрывает длину своего тела за минуту.

— Заткнись, Таннер! — рявкнул Кагуэлла. — Я приехал сюда не для того, чтобы полюбоваться на эту красотку и убраться восвояси.

— Вайкуна мертв, некому вживить ей имплантаты.

Я просто сотрясал воздух. Кагуэлла, с арбалетом в руке, пошел по дороге, и могучие мышцы на его спине, облепленной потной рубашкой и перетянутой патронташем, так и перекатывались.

— Таннер, — сказала Гитта, — остановите его, пока не поздно.

— Там неопасно...

Я солгал. Имей мы дело с молодой гамадриадой, он действительно ничем бы не рисковал, но поведение взрослых змей изучено недостаточно. Выругавшись, я открыл дверцу со своей стороны, трусцой пробежал к багажнику и снял с держателя лучевик, убедился, что заряд батареи на максимуме, и бросился за Кагуэллой. Услышав мои шаги, хозяин раздраженно оглянулся:

— Мирабель! Отправляйся в машину, к чертовой матери! Не хочу, чтобы кто-нибудь испортил мне удовольствие!

— Буду держаться в стороне, — пообещал я.

Голова гамадриады исчезла в лесу. Теперь дорогу пересекало лишь тело, изогнутое элегантно дугой. Я стоял достаточно близко, чтобы слышать оглушительный шум, который она производила, — треск веток, ломающихся под ее весом, и ровное шуршание сухой кожи о древесную кору.

И точно такие же звуки доносились с другой стороны. Вначале мой разум лениво отмахивался от очевидного и восхищался акустическими эффектами джунглей. Я все еще пребывал в оцепенении, когда справа от меня зеленый полог пробила го-

лова второй змеи. Она ползла так же медленно — полметра в секунду, но была гораздо ближе, отчего ее движения казались куда более энергичными. Она была не такой громадиной, но по любым меркам — настоящее чудовище. Мне вспомнился неприятный факт из биологии гамадрид: чем мельче змея, тем быстрее способна двигаться.

Вскоре клиновидная голова змеи, украшенная капюшоном, застыла в нескольких метрах надо мной. Безглазая, она, казалось, парила на фоне неба подобно жуткому воздушному змею, украшенному могучим хвостом.

Ни разу за все время военной службы меня не парализовало страхом. И всегда было интересно, что чувствует при этом человек. Теперь я познакомился с этим явлением на собственном опыте. Рефлекс бегства от опасности не был полностью отделен от воли: частица моего разума создавала, что бежать не менее опасно, чем застыть истуканом. Пока змея не выбрала цель, она слепа. Но это не мешает ей прекрасно различать перепады температуры и запахи. Несомненно, гадина знала, что я стою под ней, иначе бы не остановилась.

Что делать?

Подстрелить ее? Но опыт подсказывал, что лазерное ружье — не лучший помощник в данной ситуации. Несколько отверстий диаметром с карандаш не причинят змее серьезного вреда. Бить в особые точки, в органы, выполняющие роль мозга, тоже бессмысленно. По большому счету у нее и мозга-то нет, нельзя же назвать таковым крошечный клубок нейронов, который поедают, появившись на свет, новорожденные змеи. Лазер бьет импульсами, слишком короткими, чтобы действовать им как мечом. Куда больше пользы было бы от косы, что обезвредила двойника Родригеса.

— Таннер, стой на месте. Она нацелилась на тебя.

Краем глаза, не рискуя повернуть голову, я увидел Кагуэллу, который крался ко мне — пригибаясь, прижимая к плечу арбалет и шурясь в прицел.

— Вряд ли это заставит ее убраться, — пробормотал я еле слышно.

— Еще как заставит, — отозвался он театральным шепотом. — Доза рассчитана на первую змею. Эта тварь не длиннее

пятнадцати метров... то есть двенадцать процентов от первоначального объема... Значит, доза будет примерно восьмикратной.

Кагуэлла смолк и остановился. Он подошел на расстояние выстрела.

Гигантская голова покачивалась надо мной, точно колеблемая ветерком. Возможно, эта тварь по-прежнему намеревалась преследовать своего сородича, но проигнорировать предмет, который, возможно, годался в пищу, она не могла. Не исключено, что она уже несколько месяцев не ела. Дитерлинг говорил, что перед слиянием гамадриаде необходимо наесться. Быть может, эта особь слишком мала, чтобы обвиться вокруг дерева, но нет оснований предполагать, что она не голодна.

Изо всех сил стараясь не делать резких движений, я поднял предохранитель и почувствовал, как оружие дрогнуло. Энергия с чуть слышным, но усиливающимся гулом наполнила батареи разрядника.

Голова змеи качнулась в мою сторону, привлеченная звуком.

— Оружие готово к боевому применению, — бодро доложил лучевик.

Гамадриада широко распахнула пасть. На пунцовом треугольном нёбе мерцали злобные глаза.

И я выстрелил прямо туда.

Голова тяжело врезалась в землю в нескольких шагах от меня. Бросок был бы точнее, если бы не импульс лазера. Разгневанная рептилия снова поднялась и широко разинула пасть, издавая утробный рев. На меня пахло смрадом, точно с поля, усеянного трупами. Я торопливо выпустил десять разрядов, стробоскопической очередью оставив десяток черных кратеров в нёбной кости змеи. И заметил, как на ее затылке появились выходные отверстия шириной с палец. Я ослепил змею.

Но ей удалось запомнить — хотя бы приблизительно, — где я стоял. Новый бросок; я отскочил, едва удержавшись на ногах, и одновременно в воздухе сверкнул металлический стержень. Я услышал, как звякнула тетива арбалета.

Ампула вошла в шею змеи, мгновенно выбросив дозу транквилизатора.

— Таннер! В сторону, мать твою!

Мой хозяин извлек из патронташа новую ампулу и, натянув тетиву, опустил ее на ложе. Через миг снаряд присоединился к собрату, торчащему из шеи рептилии. Содержимое было рассчитано на взрослую особь, то есть в шестнадцать раз превышало дозу, необходимую для временного усыпления нашей противницы, конечно, если мы не ошиблись в расчетах.

Непосредственная опасность миновала, я приготовился стрелять и понял, что проблем у нас прибавилось.

— Кагуэлла! — окликнул я.

Хозяин заметил, что я смотрю через его плечо, — он обернулся и застыл, не дотянувшись до очередной ампулы.

Первая змея изогнулась петлей, и ее голова показалась слева от дороги, всего в двадцати метрах от Кагуэллы.

— Сигнал бедствия получен, — пробормотал он.

До сих пор мы даже не подозревали, что змеи способны обмениваться сигналами. Но похоже, он был прав: раны, нанесенные мною молодой змее, привлекли внимание старшей, и теперь Кагуэлла оказался между двумя гамадриадами.

Однако младшая змея уже вышла из игры.

В этом не было ничего неожиданного. Перед нами как будто терпел крушение дирижабль: шея уже не могла удерживать голову, и та неумолимо клонилась к земле.

Что-то опустилось мне на плечо.

— Отойди-ка в сторонку, братишка, — сказал Дитерлинг.

Я покинул машину как будто целую вечность назад, но на самом деле прошло лишь полминуты. Дитерлинг стоял у меня за спиной, но все это время казалось, что рядом нет никого, кроме Кагуэллы и змей.

Я взглянул на оружие, которое держал в руках Дитерлинг. Пожалуй, для наших проблем это то, что надо.

— Милая вещица, — похвалил я.

— Просто хороший рабочий инструмент.

Он метнулся мимо меня, вскидывая к плечу вороненую базу, снятую с оружейного кронштейна. Ее приклад был украшен рельефным изображением скорпиона, огромный полукруглый магазин торчал асимметрично, точно сбитый набок. Перед лицом Дитерлинга с тихим жужжанием поднялся экран целеуказателя, пестрящий колонками информации и прицельными схемами. Смахнув экран в сторону, Дитерлинг быстро оглянул-

ся и, убедившись, что меня не заденет пламенем отдачи, нажал на спуск.

В толстой туше первой змеи образовалась дымящаяся дыра, похожая на тоннель. Хлюпая сапогами по мерзкой красной жиже, Дитерлинг зашагал вперед.

Тем временем Кагуэлла влепил в нее последнюю ампулу. Теперь у него оставались только заряды с малыми дозами, предназначенными для мелкой дичи. Казалось, рептилия даже не заметила, что в нее стреляли. Я слышал, у этих тварей всего несколько болевых рецепторов на всем теле.

Когда Дитерлинг подошел к взрослой гамадриаде, его сапоги были красными по колено. Змея приближалась, ее голова была уже метрах в десяти от охотников.

Они коротко пожали друг другу руки и обменялись оружием.

Повернувшись спиной к Кагуэлле, Дитерлинг спокойно зашагал назад ко мне. Он нес ненужный более арбалет на полусогнутой руке.

Кагуэлла вскинул базуку. То, что он сделал, относилось к категории «нанесение невосполнимого ущерба».

Зрелище было не из приятных. Хозяин включил режим стрельбы очередями, и мини-ракеты вылетали из ствола дважды в секунду. Он методично разделялся со змеей, точно садовник, подрезающий куст. Первым делом сшиб голову. Но даже после того, как от башки остались красные лохмотья, тварь продолжала двигаться. Очевидно, потеря мозга не была для нее серьезным увечьем. Шорох, сопровождающий ее скольжение, не прервался ни на миг.

Поэтому Кагуэлла продолжал стрелять.

Он стоял на месте, расставив ноги и всаживая ракету за ракетой в рану. Деревья вокруг были облеплены кровью и кусками внутренностей. Но змея продолжала ползти вперед, хотя между ее головой и хвостом уже не оставалось живого места. Только в считанных метрах от стрелка гигантская рептилия наконец подергалась в конвульсиях и замерла на земле. Кагуэлла всадил в нее для верности последнюю ракету, затем повернулся и зашагал ко мне той же неспешной походкой, что и Дитерлинг.

Вблизи я заметил, что его рубаха покрыта красной пленкой, а на лицо как будто нанесен тончайший слой румян. Он отдал

мне базуку. Я поставил оружие на предохранитель, хотя в этом не было нужды: магазин опустел совершенно.

Вернувшись к машине, я открыл контейнер с боеприпасами, заменил магазин и закрепил базуку на стойке рядом с остальным оружием. Кагуэлла выжидающе смотрел на меня — но что я мог ему сказать? Не хотелось поздравлять его с удачной охотой. Если не брать в расчет выдержку и физическую силу, необходимую для удержания базуки, любой ребенок мог бы расправиться со змеей точно таким же образом.

Вместо этого я поглядел на двух зверски убитых тварей, лежащих поперек нашей тропы и совершенно не похожих на то, чем они были минуту назад.

— Не думаю, что помощь Вайкуны была бы необходима, — заметил я.

Он посмотрел на меня, затем качнул головой, словно досадуя на мою ошибку, из-за которой пришлось спасти мне жизнь, упуская шанс поймать добычу, а заодно признавая правдивость моих слов.

— Поехали, Таннер, — сказал он.

В ту же ночь мы разбили лагерь и устроили засаду.

Судя по данным Орканьи, отряд Рейвича находился в тридцати километрах к северу от нашей позиции и продвигался на юг все в том же спокойном темпе. Создавалось впечатление, что он не отдыхал ни днем ни ночью в отличие от нас. Но поскольку в среднем он двигался чуть медленнее, чем мы, расстояние между нами почти не сокращалось. Сейчас нас разделяла река, которую надо было пересекать вброд, но, если Рейвич не наделает серьезных ошибок и не решит расположиться на ночлег, к рассвету он будет на дороге в пяти километрах от нас.

Мы установили надувные палатки, на этот раз укутав каждую оболочкой из камуфляжной ткани. Теперь мы находились в самом сердце ареала обитания гамадриад, поэтому я не поленился установить дальнедействующие датчики, температурные и акустические. Они должны сработать, если к нам вздумает приблизиться взрослая особь средней величины. Молодняк — дело другое, но он хотя бы не разнесет наш лагерь. Дитерлинг осмотрел все деревья в округе и подтвердил, что ни одно из них за последнее время не выпускало молодых гамадриад.

— Лучше побеспокоиться насчет других местных хищников, — сказал он, встретив нас с Кагуэллой около одной из палаток. — Здесь кто только не водится!

— Возможно, змеи размножаются в определенное время года, — предположил Кагуэлла. — Надо будет это учесть, когда снова отправимся на охоту. И уж тогда-то мы спланируем все как следует.

Я недовольно взглянул на хозяина:

— Все еще хотите повозиться с игрушками Вайкуны?

— Почему бы не отдать дань памяти нашему славному доктору? Ему бы это понравилось.

— Как знать. — Я подумал о змеях, которых злая судьба вынудила оказаться на нашем пути. — Вообще-то, мы сами чуть не отправились в мир иной.

— В учебниках не говорится, что гамадриады мигрируют парами.

— Хотите сказать, что добросовестно учите уроки? И как, польза есть?

— Мы выбрались из большого дерьма, Таннер, и это не твоя заслуга. — Хозяин бросил на меня строгий взгляд, потом кивком указал на Дитерлинга. — Вот он хотя бы знал, какое оружие нам нужно.

— Базука? — уточнил я. — Ну да, ну да. Убойная штуковина. Но я бы не назвал это охотой.

— Тут ты прав, — согласился Кагуэлла. Его настроение менялось непредсказуемо. — Ты тоже неплохо поработал. — Он положил руку мне на плечо. — Мы получили ценный опыт. Приедем сюда снова — пригодится.

Я видел, что Кагуэлла абсолютно серьезен. Он твердо решил заполучить почти взрослую гамадриаду.

— Чудесно. — Я резким движением высвободил плечо. — Но только в следующий раз я доверю руководить экспедицией Дитерлингу. А сам останусь в Доме Рептилий и буду выполнять работу, за которую вы мне платите.

— Я плачу за то, чтобы ты был здесь, — сказал Кагуэлла.

— Да. За то, чтобы прикончил Рейвича. Но отстрел гигантских змей не входит в условия моего контракта, насколько мне известно.

Он вздохнул:

— Рейвич по-прежнему наша главная цель, Таннер.

- В самом деле?
- Разумеется. Все остальное просто... бутафория.
- Он кивнул и исчез в своей палатке.
- Послушай, братишка... — пробормотал Дитерлинг.
- Я знаю. Тебе незачем извиняться. Ты был прав, что схватил базуку, а я ошибся.

Дитерлинг кивнул и отправился к стойке, чтобы выбрать лучевик. Проверил прицел, повесил оружие за спину.

- Куда ты идешь?
- Проверю еще разок территорию.

Я заметил, что инфракрасные очки-бинокль он не взял.

— Уже темнеет, Мигуэль. — Я кивком указал на свои очки, лежащие на столе рядом с картой, где были отмечены перемещения Рейвича.

Но Мигуэль Дитерлинг лишь улыбнулся и отвернулся.

Позже, гораздо позже, уже после того, как я установил примерно половину ловушек (остальными решил заняться на рассвете, чтобы они не создавали проблем нам самим), Кагуэлла позвал меня к себе в палатку.

- Да? — осведомился я, ожидая очередного приказа.
- Мне нужен противник.

Я увидел подготовленную к партии шахматную доску на складном столике, рядом стулья с брезентовыми спинками и пожал плечами. Шахматист я совсем неплохой, но не сказать что заядлый. Эта игра входила в число обязанностей, которыми не стоит пренебрегать.

А еще не стоит в ней выигрывать.

Кагуэлла навис над столиком. Он был экипирован по-боевому: крест-накрест патронташи, пояс с целым арсеналом кинжалов и метательных ножей, на шее брелок с дельфином. Когда его рука потянулась к доске, мне вспомнились генералы былых времен, расставлявшие флажки и фигурки танков и пехотинцев на широченном песочном макете местности. На лице шефа застыло безмятежное спокойствие, зеленоватое сияние электрических ламп странным образом отражалось в его глазах — как будто эти глаза вносили свою долю в освещение.

Все это время Гитта находилась с нами. Иногда она подливали мужу «Писко», но редко произносила хоть слово.

На этот раз партия выдалась непростая из-за необходимости постоянно прибегать к тактическим уловкам. Я смыслил в шах-

матах побольше Кагуэллы, но ему не очень нравилось проигрывать. С другой стороны, он был достаточно умен и мог обнаружить, что противник играет не в полную силу. Так что мне приходилось удовлетворять его самолюбие на обоих фронтах. Я действовал жестко, загоняя Кагуэлла в угол, но непременно создавал в своей позиции слабое место — нечто едва уловимое, но чреватое сокрушительным поражением. И в тот момент, когда положение казалось для него безнадежным, я позволял увидеть эту слабинку, подобную тончайшей трещине на гладкой поверхности. Впрочем, иногда он не замечал подсказки, и тогда ничего не оставалось, как допустить его поражение. В этой ситуации мне приходилось делать вид, что победа была вырвана почти чудом. «Снова ты побил меня, Таннер». — «Но и вы заставили меня попотеть. Иногда и мне улыбается победа».

Гитта бесшумно появилась рядом с мужем и капнула ему в рюмку спиртного.

— Таннер всегда играет хорошо, — заметила она, пристально глядя на меня. — Он достойный противник, и ты это знаешь.

— Стараюсь, — пожал плечами я.

Кагуэлла смахнул фигуры с доски, словно в приступе раздражения, но его голос оставался спокойным.

— Еще разок?

— Почему бы и нет? — устало отозвался я, понимая, что теперь мне обязательно придется продуть.

Партия была закончена. Мы с Кагуэллой допили «Писко», затем обсудили план операции, хотя уже делали это десятки раз и как будто предусмотрели любые мелочи. Это уже стало чем-то вроде ритуала, который мне порядком надоел. Напоследок проверили оружие, и Кагуэлла проговорил мне на ухо:

— Я ненадолго выйду, Таннер. Хочу потренироваться в последний раз. Позаботься, чтобы меня не беспокоили.

— Рейвич может заметить вспышки.

— Погода портится. Он решит, что это молнии.

Я кивнул, но настоял на личной проверке его оружия, прежде чем позволил ему уйти. Не взяв с собой фонаря, повесив за плечо небольшой лучевик, он шагнул в темноту и вскоре исчез из виду. Ночь была темная. Я надеялся, что ему знакомы окрест-

ности нашей поляны. Как и Дитерлинг, Кагуэлла был уверен, что весьма неплохо видит в темноте.

Прошло несколько минут, и я услышал голос лучевика. Раздавалось несколько выстрелов с интервалом в секунду-другую, потом следовала долгая пауза — Кагуэлла регулировал оружие или выбирал новую цель. Каждый выстрел освещал верхушки деревьев ослепительной вспышкой, вспугивая крылатых обитателей леса, и они черными пятнами метались на фоне звездного неба. Потом я увидел еще одно пятно, до того большое, что заслонило рой звезд на западе. Это была гроза, предсказанная Кагуэллой. Она подкралась с океана, готовая обрушиться на Полуостров ливень. словно в подтверждение моей догадки, теплый неподвижный воздух отяжелел, а по верхушкам деревьев пробежал ветер.

Я вернулся в палатку и нашел фонарь, а потом зашагал по тропе, которую выбрал мой хозяин, — там, точно маяк в ночи, полыхало его ружье. Пробираясь через заросли было небезопасно, но скоро я вышел на небольшую поляну, где уже несколько минут упражнялся в стрельбе Кагуэлла. Я махнул в его сторону фонарем, объявляя о своем присутствии.

— Просил же не мешать, — буркнул он, не опуская лучевика.

— Гроза идет. Я боялся, что вы ее не заметите, пока не хлынет, а тогда будет трудно найти дорогу в лагерь.

— Разве я не говорил тебе, что погода портится? — возразил Кагуэлла, не поворачиваясь ко мне, — он был слишком увлечен стрельбой.

Лазерные импульсы вспарывали темноту, устремляясь к невидимым целям и, как я заметил, находя их с безукоризненной точностью. Время от времени хозяин менял позу или перезаряжал оружие.

— Да вообще-то, поздно уже. Нужно поспать. Если Рейвич где-нибудь застрянет, завтрашний день будет долгим. Вам понадобятся силы.

— Ты прав на все сто, — согласился он, выдержав подобающую паузу. — Просто хочу убедиться, что сумею изувечить этого гада.

— Изувечить? А я думал, мы его ликвидируем, и дело с концом.

— И какой в этом смысл?

Я шагнул к Кагуэлле:

— Убить его — это одно. Наверняка он хочет убить вас, так что намерение покончить с ним не лишено смысла. Но искалечить? Чем он заслужил подобную ненависть?

Кагуэлла снова прицелился и пальнул.

— А кто сказал, что ее нужно заслужить?

Резким движением он перевел приклад и прицел в нерабочий режим и повесил оружие за спину, где оно казалось частью хлипкой корабельной оснастки, случайно прицепившейся к китовой туше.

Мы возвращались молча. Беременная молниями туча вздымалась над нами подобно скале из обсидиана. Когда мы достигли лагеря, первые капли дождя уже провалились сквозь кроны деревьев. Проверив, надежно ли укрыто от непогоды оружие, и включив выставленные по периметру датчики, которые должны были оповестить нас о вторжении, мы спрятались в своих герметичных палатках. Дождь забарабанил по материи, словно нетерпеливые пальцы по столешнице; где-то на юге прокатился гром. Все было готово. Мы улеглись в походные койки, чтобы отдохнуть, прежде чем отправимся на поиски нашего недруга.

— Выспись как следует, — посоветовал напоследок Кагуэлла, просунув голову в мою палатку. — Завтра будет драка.

Было еще темно, буря не утихала. Я проснулся и прислушался к дробу, которую отбивал дождь по натянутой ткани палатки.

Что-то встревожило меня настолько, что я проснулся. Иногда такое случается. Мозг трудится над проблемой, которая кажется очень сложной при свете дня, — трудится, пока не найдет ключ к решению. Именно таким образом я расставлял самые изощренные ловушки в Доме Рептилий — воображал себя диверсантом, затем придумывал способ обойти преграду, которая казалась абсолютно надежной. С этим ощущением я и проснулся, словно мне вдруг открылось очевидное: я по самонадеянности допустил ужасную ошибку. Но в первую минуту я не мог вспомнить подробности сна, не мог понять, что за тайну открыло мне прилежное подсознание.

Через секунду я понял: на нас напали.

— Нет... — пробормотал я.

Но было слишком поздно.

Одна из непреложных истин войны, которые мне в свое время пришлось усвоить, заключается в том, что большинство стереотипов не слишком далеки от реальности. Война состоит из скучных, бедных событиями сцен, перемежаемых пронзительными интерлюдиями, которые и принято называть военными действиями. Во время этих интерлюдий события сменяются с головокружительной быстротой. А само время при этом растягивается, как во сне, и каждый миг клеймом выжигается в памяти. Особенно в такой жестокой, острой ситуации, как засада.

Нет, никакого предупреждения не было. Возможно, что-то потревожило мой разум, точно сторожевая нить, и вырвало меня из сна — понимание того, что на нас напали, понимание собственной ошибки. Быть может, сработал датчик на периметре, хрустнула ветка под ногой или закричал напуганный зверь.

Это не имело значения.

Нас было восемь, их трое, но они положили нас с безжалостной легкостью. Все трое были с головы до пят упакованы в бронированные костюмы-хамелеоны, способные менять не только цвет, но и форму, и текстуру. Разумеется, о таких доспехах местные ополченцы могли только мечтать. Либо обратиться за помощью к ультра — больше никто не продал бы им подобную технику или технологию. Значит, я не ошибся: Рейвич тоже сносился с экипажем субсветовика. Возможно, щедро заплатил, чтобы ультра обманули Кагуэллу, предоставив ложную информацию о местонахождении отряда. Кстати, не исключено, что именно эта догадка, родившаяся в моем полуспящем сознании, стала причиной пробуждения.

Конечно, Рейвич мог разделить свои силы. Одна группа двигалась на юг в тридцати километрах к северу от нас, с меченым вооружением, под контролем Орканьи. Мы решили, что это единственный отряд. А если существовал второй, который шел впереди? Его бойцы были легко вооружены, и ультра просто не отследили их. Недостаток огневой мощи можно с лихвой компенсировать эффектом неожиданности.

Так оно и случилось.

Оружие нападавших не превосходило наше ни совершенством, ни убойной силой, но им пользовались с педантичной аккуратностью, скопив часовых за пределами лагеря, прежде чем те успели ответить.

В тот момент я не думал ни о чем подобном. Я все еще боролся со сном. Мне даже казалось, что я слышу не пульсацию и треск энергетических разрядов, а звуки агонизирующей бури, которая уползала вглубь Полуострова. Затем донеслись вопли, и до меня дошла суть происходящего.

Но к тому времени, разумеется, было уже слишком поздно.

ГЛАВА 21

В конце концов я проснулся. Лежа в золотистом утреннем свете, который струился в комнату Зебры, еще долго прокручивал в голове картины, увиденные во сне. Немного успокоившись, я переключился на свою раненую ногу.

За ночь машина-целительница сотворила настоящее чудо — медицинские технологии, которые она использовала, превосходили все, чем располагала Окраина Неба. Рана превратилась в беловатую звездочку новой плоти. Зато я испытал еще одно психологическое потрясение: мозг отказывался признать тот факт, что моя нога могла действовать абсолютно нормально. Поднявшись с кушетки, я сделал на пробу несколько неуклюжих шагов в направлении ближайшего окна, вверх по широким ступеням, образующим пол. Мебель заботливо отползала в сторону, уступая мне дорогу.

При свете дня — или времени суток, которое заменяло в Городе Бездны день, — огромная дыра в сердце Города казалась еще более мрачной, до головокружения глубокой. Нетрудно представить, как она манила первых исследователей, тех, кто, подобно новорожденным, появился из чрева роботов или прилетел на Йеллоустон следом на хрупких звездолетах. Пятно теплых газов, изливающихся из Бездны, при благоприятных атмосферных условиях можно было увидеть из космоса.

Пересекали вновь прибывшие территорию на гусеничных вездеходах или скользили среди многослойных облаков облачности, от первой встречи с Бездной не могло не захватить дух. Тысячи веков назад некая сила нанесла планете рану, и та все еще не залечена. Говорят, нашлись смельчаки, они спустились

в недра, облаченные лишь в легкие скафандры, и добыли там сокровища, на которые можно построить целую империю. Если это правда, значит они предпочли оставить сокровища себе. Что не остановило других авантюристов и любителей приключений. Они-то и основали поселение, со временем превратившееся в Город Бездны.

Общепринятой теории, объясняющей возникновение Бездны, пока не создано. Правда, наличие кальдеры, в которой лежал Город, защищенный от ураганов, коварных наводнений и вторжения аммиачно-метановых ледников, наводило на мысль о катаклизме, случившемся достаточно недавно по геологическим меркам, чтобы тектоника и эрозия не успели стереть его следы. По-видимому, Йеллоустон подошел на опасно короткую дистанцию к своему соседу, газовому гиганту, и получил нечто вроде впрыска энергии в литосферу. Бездна была одной из точек, откуда эта энергия медленно, капля за каплей, уходила обратно в космос. Но благодаря чему такое стало возможным? Кто-то говорил о крошечных черных дырах, которые каким-то образом попали в поверхностный слой коры планеты, о вкраплениях кварковой материи... но подлинная причина не была известна никому. Ходили слухи и легенды об инопланетных артефактах, погребенных под верхним слоем горных пород. В таком случае Бездна имеет искусственное происхождение — по крайней мере, в ее нынешнем виде. Возможно, пришельцы прибыли сюда по той же причине, что и люди, — чтобы добывать из Бездны энергию и химические вещества. Я представил себе щупальца труб, цепкие пальцы, которыми Город тянулся в зияющую пропасть, стремясь достать до самого дна.

— Не пытайся изображать равнодушие, — сказала Зебра. — Многие согласились бы совершить убийство, чтобы увидеть подобную картину. Да что там, я знаю людей, которые действительно убивали ради этого!

— Почему-то не слишком удивляет.

Зебра вошла в комнату совершенно беззвучно. В первый момент показалось, что на ней ничего нет, — длинное платье было прозрачным, словно сотканным из дыма.

В руках она держала мою одежду, подарок нищенствующим, — выстиранную и аккуратно сложенную.

Только теперь я заметил необычайную худобу Зебры. Черные полосы, оттененные серовато-голубой дымкой платья, покрыва-

ли все тело, следуя изгибам фигуры и сгущаясь на груди и в паху. Жесткий гребень волос сбегал по позвоночнику до поясницы и исчезал между полосатыми полушариями ягодич. Ее шаг был скользящим, точно у балерины, а крошечные ступни, похожие на копытца, скорее не позволяли ей оторваться от пола, нежели служили опорой. Похоже, она вполне может участвовать в «Игре» — из нее бы получился первоклассный охотник. А разве она не поучаствовала, хотя бы с целью испортить развлечение своим врагам?

— На планете, с которой я прибыл, такой наряд сочли бы провокационным, — заметил я.

— Но это не Окраина Неба, — ответила она, кладя мою одежду на кушетку. — И даже не Йеллоустон. Это Полог, и здесь мы ведем себя так, как нам вздумается. — Ее ладони скользнули вниз по бедрам.

— Прости за нескромный вопрос: ты такой родилась?

— Ничего страшного. Я даже не всегда была женщиной и сомневаюсь, что останусь ею до конца жизни. И уж точно не всегда буду зваться Зеброй. Кому охота быть прикованным к одному телу, к одной личности?

— Не знаю, — осторожно произнес я. — Просто на Окраине Неба у большинства людей нет средств, чтобы хоть в малой степени измениться.

— Да, я понимаю. Вы слишком заняты умерщвлением друг друга.

— Это чересчур краткое изложение нашей истории, хотя ты не слишком далека от истины. А впрочем, что тебе об этом известно?

И снова мне вспомнился тревожный сон — лагерь Кагуэллы и короткий взгляд Гитты, устремленный на меня. Она ничем не напоминала Зебру, но в момент пробуждения, когда мысли еще спутаны, я легко обнаружил у них нечто общее. Гибкое тело, высокие скулы, темные волосы... Не то чтобы Зебра не казалась мне привлекательной, но я никогда не оказывался в одной комнате со столь странным созданием.

— Поверь, достаточно много, — сказала Зебра. — Кое-кто из нас питает к вашей истории самый живой интерес, правда несколько извращенного толка. Согласись, в ней есть нечто пикантное... и жуткое.

Я кивнул в сторону «замурованных» в стене людей, которых вчера принял за барельеф:

— А меня ужасает то, что здесь произошло.

— Согласна. Но мы пережили это. Тем, кто остался в живых, не довелось столкнуться с наиболее жестокими проявлениями плавающей чумы.

Теперь она стояла совсем близко, и я внезапно почувствовал, что во мне просыпается похоть.

— Это только кажется, что между эпидемией и войной нет ничего общего. Нашим врагом был наш Город, наши собственные тела.

Я взял ее за руку и прижал ладонью к своей груди:

— Зебра, кто ты на самом деле? И почему хочешь мне помочь?

— Кажется, мы обсудили это ночью.

— Да, но... — Ответ не убедил. — Меня все еще ищут? Охота не закончится только потому, что ты доставила меня в Полог?

— Здесь ты в безопасности. Мои комнаты экранируются от электронных сигналов, так что запеленговать твой имплантат не удастся. К тому же Полог не на территории «Игры». Охотники не стремятся привлекать к себе внимание.

— Значит, я вынужден остаться здесь до конца жизни?

— Нет, Таннер. Еще пара дней, и ты в безопасности.

Ее рука выскользнула и ласково коснулась моей головы, походя задев шишку над имплантатом.

— Устройство, которое вживил тебе Уэверли, посылает сигналы в течение пятидесяти двух часов. Вот так тут предпочитают играть.

— Пятьдесят два часа? Одно из правил, упомянутых Уэверли? Зебра кивнула:

— Разумеется. Они экспериментировали с разными сроками.

Это слишком долго. След Рейвича и без того остывает, но, если я промедлю еще два дня, у меня не будет ни малейшего шанса.

— А почему они играют?

Интересно, услышу ли я то же самое, что говорил мне Хуан, юный рикша.

— Им скучно, — сказала Зебра. — Среди нас много после-
смертных. Несмотря на эпидемию, смерть все еще кажется от-

даленной перспективой. Может, не столь отдаленной, как семь лет назад... но она перестала быть той животворной силой, какой остается для смертных, таких как ты. Это тихий, почти беззвучный голос, побуждающий делать что-то сейчас, потому что завтра может быть слишком поздно; большинство из нас его не слышит. За два столетия общество Йеллоустона почти не изменилось. К чему создавать шедевр сегодня, если через пятьдесят лет удастся сотворить нечто лучшее?

— Понимаю, — кивнул я. — По крайней мере, отчасти. Но ведь ваше общество должно было измениться. Разве чума не сделала смертными многих из вас? Насколько мне известно, вам пришлось отказаться от большинства терапевтических процедур и от механизмов, которые жили у вас в клетках.

— Так оно и было. Имплантированные устройства получили приказ демонтироваться, распасться на безвредные пылинки. Иначе из спасителей они бы превратились в убийц. И дело этим не ограничилось. Нам стало нелегко пользоваться даже генетическими технологиями, поскольку все они были основаны на взаимодействии машин с дублирующими процессами в ДНК. Проблем не возникло только у людей, которые унаследовали от родителей гены долгожительства, но таких очень немного.

— Куда меньше, чем реально бессмертных.

— Конечно... — Она помедлила, словно собираясь с мыслями. — У герметиков — ты их видел — внутри по-прежнему весь комплект наномеханизмов, которые постоянно восстанавливают погибшие клетки. Но плата за это — трудности с перемещением по Городу. Если кто-нибудь из них захочет покинуть свой паланкин, то сможет появляться лишь в некоторых местах, где гарантированно отсутствуют чумные споры. И даже в этом случае риск очень велик.

Я критически посмотрел на Зебру:

— Но ты не герметик. Значит, ты больше не бессмертна?

— Нет, Таннер... Все далеко не так просто.

— Тогда поясни.

— После эпидемии кое-кому из нас удалось разработать новую технологию. Она позволяет сохранять большую часть наномеханизмов и при этом перемещаться по Городу, ничего не опасаясь. Это медицинский препарат, можно сказать, наркотик. Принцип его действия никому не известен. То ли это вещество

делает имплантаты неуязвимыми для спор чумы, то ли просто не позволяет спорам проникать в тело.

— Этот препарат... как он выглядит?

— Тебе незачем знать, Таннер.

— Предположим, меня интересует бессмертие.

— Правда?

— Ну, допустим, что правда.

— Так я и думала. — Зебра глубокомысленно кивнула. — Там, откуда ты прибыл, бессмертие считается чем-то вроде бессмысленной роскоши, верно?

— Те, кто не произошел от момио, так и полагают.

— Момио?

— Иначе мы называем их «спящими». Они были бессмертными в отличие от экипажа «Сантьяго».

— «Мы»? Говоришь так, словно сам там был.

— Просто оговорился. Вообще какой смысл в бессмертии, если ты имеешь все шансы в ближайшие десять лет получить пулю в голову или штык в сердце? Да и при всем желании цена, которую запрашивают ультра, непомерна.

— А у тебя есть такое желание, Таннер Мирабель?

Она поцеловала меня, потом отстранилась и посмотрела в глаза, совсем как Гитта в моем сне.

— Я хочу заняться с тобой любовью, Таннер. Тебя это не шокирует? Хотя вряд ли. Ты не просто симпатичный парень — ты не похож на других. Не играешь в наши игры и даже не пытаешься в них разобраться. Хотя, будь у тебя желание, ты стал бы неплохим игроком. Я не знаю, кем тебя считать.

— У меня та же проблема, — печально отозвался я. — Мое прошлое — сплошное белое пятно.

— Милое выражение, хотя не слишком оригинальное.

— Ну, извини.

— За что? Все верно, Уэверли сказал, что протрапил тебя и не обнаружил ничего определенного. Все равно что клеить разбитую вазу. Нет, даже не так. Он сказал: все равно что клеить одновременно две или даже три разбитые вазы, не имея представления, какой они были формы.

— Посткриогенная амнезия, — сказал я.

— Что ж, возможно. По мнению Уэверли, у тебя в голове хаос. Уэверли считает... Ладно, хватит про Уэверли.

— Прекрасно. Но ты так и не рассказала об этом препарате.
— А почему он тебя интересует?
— Потому что мне кажется, я уже встречался с ним. Это «топливо грез», правильно? Твоя сестра пыталась узнать о нем побольше, и это ее погубило.

Зебра ничего не ответила, но спросила:

— Этот сюртук... он твой?
— Нет, подарил один добрый самаритянин. А при чем здесь сюртук?

— Наводит на мысль, что ты пытаешься меня душить. Ты и правда мало знаешь о «топливе грез»?

— Пару дней назад вообще ничего не знал.

— Ну, так узнай кое-что, — сказала Зебра. — Нынче ночью я вколола тебе малую дозу «топлива».

— Что?!

— Совсем чуть-чуть, правда. Наверное, надо было спросить разрешения, но ты был ранен и изнурен, а я знала, что риск почти нулевой. — Она показала свадебный пистолет, которым сделала инъекцию, — маленький, бронзовый, заряженный полным флаконом снадобья. — «Топливо» защищает тех из нас, у кого остались в теле машины, к тому же обладает лечебными свойствами. Поэтому я и ввела его тебе. Теперь придется достать для себя новую дозу.

— И это так просто?

Она чуть улыбнулась и покачала головой:

— Не так просто, как было когда-то. Если только у тебя нет прямой связи с Гидеоном.

Я хотел спросить, в связи с чем она упомянула мой сюртук, но теперь мои мысли приняли другое направление. Если не ошибаюсь, это имя мне совершенно незнакомо.

— Гидеон?

— Заправила преступного мира. Никто не знает, как он выглядит и где живет. Впрочем, известно, что он полностью контролирует распространение «топлива грез» по Городу и что люди, которые на него работают, относятся к своему делу очень серьезно.

— И теперь они сократили поставки? Как раз когда все привыкли к «топливу»? Может, мне стоит побеседовать с этим Гидеоном?

— Не влезай в это глубже, чем следует, Таннер. Добром не кончится.

— Ты говоришь так, словно не раз имела с ним дело.

— Совершенно верно.

Зебра подошла к окну и провела пальцем по стеклу:

— Я уже рассказывала о Мауре, Таннер, о моей сестре, которой нравился вид из этого окна?

Вспомнив, о чем мы беседовали вскоре после того, как пришли в эту комнату, я кивнул.

— Если помнишь, я говорила, что она погибла. Так вот, моя сестра связалась ни больше ни меньше как с людьми Гидеона.

— И эти люди с ней расправились?

— Мне не удалось выяснить наверняка, но я думаю, так и было. Маура полагала, что они нарочно душат нас, придерживая самый необходимый Городу препарат. «Топливо грез» — опасное вещество, Таннер. За ним охотятся многие, а для большинства из нас оно поистине бесценно. Ради «топлива» люди не просто готовы убивать — из-за него развязывают войны.

— Значит, она пыталась убедить Гидеона увеличить ставки?

— Маура смотрела на вещи трезво. Она была не настолько наивна, чтобы такое пришло ей в голову. И она знала, что Гидеона нелегко убедить. Но если бы удалось выяснить технологию изготовления «топлива» или хотя бы его состав, она передала бы добытые сведения людям, способным его синтезировать. Это было бы как минимум нарушением монополии.

— Восхищен ее смелостью. Она должна была понимать, что рискует жизнью.

— Конечно понимала. Если Маура начинала охоту, то не сходила с тропы.

Зебра умолкла, но ненадолго.

— Я ей обещала: если случится непоправимое, то...

— Продолжишь ее дело?

— Что-то в этом роде.

— Возможно, еще не поздно. Когда шум уляжется... — Я потрогал шишку на голове. — Может быть, я помогу найти Гидеона.

— А зачем это тебе?

— Ты выручила меня, Зебра. Я обязан как минимум отплатить.

К тому же мы с Маурой очень похожи, мысленно добавил я. Наверное, она почти нашла то, что искала. Поэтому те, кто ее помнит — а теперь и я оказался в их числе, — обязаны продолжить ее дело.

Но был еще один повод. Гидеон представлялся мне кем-то вроде паука, который сидит в центре темной паутины, контролируя каждую нить, и мнит себя неуязвимым. Я снова вспомнил Кагуэллу.

— «Топливо грез», которое ты ввела... Мне снились странные сны. Это не из-за него?

— Иногда такое бывает. Особенно если это твоя первая доза. Наркотик проникает в мозг, воздействуя на нейронные связи. Потому-то его и называют «топливом грез». Но этим эффект не ограничивается.

— Значит, теперь я бессмертный?

Зебра позволила платью-дымке соскользнуть с тела. Я привлек ее к себе, глядя в лицо.

— Сегодня — да.

Я проснулся раньше Зебры, напялил на себя одежду нищенствующих, заботливо вычищенную ею, и бесшумно исследовал комнаты, пока не нашел то, что нужно. Моя ладонь задержалась на могучем оружии, с которым Зебра меня спасала. Теперь оно небрежно, словно обычная тросточка, валялось в боковом крыле апартаментов. На Окраине Неба плазменное ружье оказалось бы весьма кстати, но пользоваться им в Городе Бездны казалось чем-то неподобающим.

Впрочем, смерть — это тоже нечто неподобающее.

Я взвесил находку на руке. Модель была мне незнакома, но принцип управления оказался стандартным, а дисплеи выдавали привычную информацию. Это оружие требовало тонкого обращения, и я не был уверен, что оно уцелеет при контакте с остаточными следами чумы. Однако оставлять его здесь не было смысла — оно словно само просилось, чтобы его украли.

— Весьма неосмотрительно с твоей стороны, Зебра, — заметил я вслух.

Вспоминая события предыдущей ночи, я пришел к выводу, что в первую очередь Зебру беспокоила моя рана. Понятно, что

она бросила оружие у дверей и забыла о нем, понятно, что это действительно неосмотрительно... Я тихонько положил ружье на место. Когда вернулся в комнату, Зебра все еще спала. Пришлось двигаться осторожно, не давая мебели поводов уступать мне дорогу, — любой звук мог разбудить женщину. Найдя ее пальто, я обшарил карманы и обнаружил пачки купюр.

И комплект полностью заряженных аккумуляторов для плазменного ружья.

Разложив деньги и батареи по карманам украденного у Вадима сюртука — и чем же, интересно, он так заинтересовал Зебру? — я погрузился в раздумья. Может, оставить записку? Наконец я нашел ручку и бумагу — похоже, после эпидемии старомодные писчие принадлежности снова вошли в моду — и нацарапал, что благодарен ей за все, но просто не способен ждать два дня, зная, что на меня охотятся, а потому не могу воспользоваться предоставленным мне убежищем.

Уходя, я прихватил плазменное ружье.

Фуникулер стоял снаружи в нише стены ее жилища. Похоже, Зебра действительно спешила — машина была запитана, панель управления подсвечена, на дисплее надпись: «Ожидаю инструкций».

Я видел, как Зебра работала с панелью, и решил, что фуникулер управляется полуавтоматически, — водителю не нужно выбирать, за какие тросы цепляться. Достаточно джойстиком и дросселями задавать направление и регулировать скорость. Остальное — забота внутренних процессоров фуникулера: они найдут нужный трос, обеспечат движение по маршруту с оптимальной или близкой к тому эффективностью. Если водителю вздумается направить машину в ту часть Полога, где нет тросов, фуникулер откажется выполнять команду или, что вероятнее, выберет кружной путь.

Тем не менее управление машиной требовало куда больше мастерства, чем я думал. Поначалу она совершала чудовищные прыжки, раскачиваясь, точно утлый челнок в бурном море. Я едва справлялся с приступами тошноты. Однако через какое-то время удалось добиться от нее более плавного продвижения. Фуникулер спускался через сеть тросов, напоминающую решетку кристалла, неизвестно куда...

Нет, у меня была цель, причем я прекрасно знал какая. Однако в ночных похождениях окончательно потерял ориентацию

в пространстве. Даже не представлял, где находится жилище Зебры, хотя и помнил, что где-то неподалеку от Бездны.

Солнце поднималось по Москитной Сетке. Теперь, при дневном свете, передо мной разворачивалась панорама Города, и я узнавал особенно приметные дома-калеки, на которые обратил внимание вчера, правда я видел их под другим углом и с другой высоты.

Один из них выглядел жутким подобием человеческой руки, тянувшейся к небу, — пальцы превратились в шупальца и переплелись с отростками соседних строений. Другой походил на гигантский дуб, а рядом несколько зданий словно покрылись пузырящейся пеной, напоминая лицо человека, пораженного ужасной болезнью.

Я вел машину вниз. Полог нависал надо мной, точно пелена из диковинных облаков. Вот и нейтральная территория, отделяющая его от Мульчи. Рывки усилились — рычагам фуникулера становилось все труднее найти точку опоры, он все чаще скользил вниз по одиночным тросам.

Наверное, Зебра уже обнаружила мое отсутствие. Еще через пару минут она убедится в пропаже своего оружия, денег и машины — но что дальше? Если в «Игру» действительно вовлечены все слои общества Полога, Зебра и ее союзники вряд ли объявят о краже. Ведь Зебре придется объяснять, как я оказался у нее дома. Подозрение падет на Уэверли, и оба будут объявлены саботажниками.

Подо мной уже расстилалась Мульча — петляющие дороги, затопленные водой и покрытые наростами трущобы. Кое-где пылали очаги, выбрасывая в воздух клубы дыма, горели электрические лампы. Похоже, мне повезло: я попал в густонаселенный район. Я даже видел снаружи людей, рикш и животных. Открыв дверцу машины, наверняка почувствовал бы запах пищи, которую они готовили на своих очагах.

И тут фуникулер дернулся и устремился вниз.

Головокружительные падения случались и раньше, но это явно затянулось. В кабине гнусаво взывала сирена. Потом нормальное движение возобновилось, хотя толчки стали сильнее. Фуникулер мчался вниз, раскачиваясь как пьяный. Что случилось? Оборвался трос? Или поблизости не оказалось точки опоры — и фуникулер будет падать, пока не ухватится за спасительную нить?

Наконец я взглянул на пульт управления и увидел пульсирующую схему фуникулера. Место повреждения было обозначено мигающим красным прямоугольником.

Один из рычагов просто исчез.

ГЛАВА 22

Судя по всему, меня подбили.

Доверившись машине — пусть ищет наиболее короткий и безопасный путь, — я взял плазменное ружье Зебры и встал поустойчивее, стараясь не обращать внимания на беспорядочные толчки и пронзительный вой сирены. Прежде всего надо пробраться за пассажирское сиденье, в задний отсек, — там, раненый, я лежал прошлой ночью. Опустившись на колени и открыв крыловидную боковую дверь, я дотянулся до противоположной дверцы, распахнул ее и высунулся насколько мог. Снаружи бушевал ветер, а до земли оставалось несколько сот метров. Осторожно посмотрев вверх, я разглядел обугленный обрубок. Рычаг был аккуратно срезан явно лучевым оружием.

Я проследил траекторию своего движения. Так и есть: метрах в двухстах надо мной двигались два фуникулера. Из ближайшего свесилась темная фигура. Вот преследователь поднял оружие, и меня едва не ослепила вспышка. Розоватая струя ионизированного воздуха пронеслась мимо, в нос ударил запах озона, а через долю секунды рядом с грохотом схлопнулся вакуумный тоннель, пробитый лучом.

Я снова глянул вниз. Еще сотня метров, пожалуй, многовато. Но долго ли продержится моя машина, прыгая на одном рычаге? Прикладывая к плечу ружье Зебры, я молился, чтобы эта штукавина не оказалась снабжена устройством опознания владельца. Впрочем, если такая система и находилась, то была отключена: едва ружье поднялось до уровня плеча, прицел немедленно повернулся, подстраиваясь под движение моих глаз. Я почувствовал, как оружие вздрогнуло: гироскопы и аккумуляторы вошли в режим немедленного реагирования, словно напитываясь магической энергией. Удовлетворенно ощущая, как

карманы оттягивает груз запасных батарей, я выжидал, пока не закончится сканирование моей сетчатки, — тогда можно будет стрелять. На миг система как будто засомневалась, — возможно, она привыкла к чрезвычайно темным «лошадиным» глазам Зебры, а к моим принаравливалась с трудом. Графические образы то вспыхивали, то рассыпались неразборчивыми символами, не успевая обрести четкость.

Мимо снова пронеслась розоватая струя воздуха, затем еще одна. Последняя оставила серебристую царапину на боку фуникулера. Вонь горячего металла и пластика ненадолго наполнила кабину.

Я выругался. Система наведения все еще не действовала. По большому счету она мне ни к чему — цель не особенно далеко, да и сверхточного попадания не требуется. Все, что мне нужно, — это подбить машину охотников. И ничего страшного, если при этом я снесу полчерепа какому-нибудь подонку... вместе того, чтобы попасть в область мозга, выполняющую определенную функцию.

Я нажал на спуск и ощутил слабый толчок в плечо.

Светящийся след моего луча прошел совсем недалеко от ближайшего фуникулера. Отлично! Я промахнулся намеренно. Последовал ответный выстрел, и я поспешно спрятался в кабину. Сейчас поставлю этих гадов перед непростым выбором: или они будут крушить мою машину, или попытаются прикончить меня. Снова высунувшись, я плавным, не требующим осознания движением прижал ружье к плечу — на этот раз я не промахнусь. По крайней мере, постараюсь.

Я выстрелил.

Выбрав в качестве цели лобовое стекло ближайшего фуникулера, я получил более чем очевидное преимущество. На моих глазах машина разлетелась серым облаком расплавленных внутренностей. Водитель, скорее всего, погиб мгновенно, а стрелка выбросило наружу взрывом. Я видел, как одетая в черное фигура падает в Мульчу, выпустив свое оружие, а затем беззвучно приземляется среди скопления торговых прилавков и ветхих жилищ.

И тут что-то случилось. Перед моими глазами разворачивались совершенно иные картины. Очередной эпизод из жизни Небесного... Я боролся, отчаянно цепляясь за настоящее, но

призрачный слой иной реальности становился все плотнее, захватывая мое внимание.

— Пошел к черту, — сказал я вслух.

Оставшийся фуникулер некоторое время продолжал спуск, затем развернулся, быстрым и элегантным движением перехватив тросы. Я увидел, как он поднимается в Полог, а затем — впервые после того, как меня атаковали, — осознал, что в кабине по-прежнему воеет сирена. Причем ее голос стал еще более настойчивым.

Я опустил оружие на пол и, невзирая на толчки, сотрясающие машину, кое-как добрался до кресла водителя. Интерьер «Палестины» уже стоял у меня перед глазами, делаясь частью происходящего.

Земля приближалась слишком быстро. Фуникулер почти падал, — возможно, он просто скользил по тросу. Люди, рикши и животные мельтешили внизу, словно пытались оказаться точно на месте моего приземления. Я плюхнулся в кресло и принялся почти наобум дергать рычаги, надеясь хоть как-то замедлить движение. Уже можно было разглядеть лица обывателей — никто не выражал особой радости по поводу моего прибытия.

Затем я рухнул в Мульчу.

Конференц-зал, где проводилось совещание, находился глубоко в чреве «Палестины». Массивные герметичные двери, украшенные металлическим орнаментом в виде вьющихся лоз, отделяли его от остальных помещений корабля. В центре возвышался массивный прямоугольный стол красного дерева, окруженный по периметру двадцатью стульями с высокими спинками. Тринадцать из них пустовало. Обсуждение депеш с родины проходило в обстановке чрезвычайной секретности. Обычно с каждого корабля прибывало не более двух или трех делегатов.

Сейчас представители сидели вокруг стола. Темная полированная поверхность столешницы отражала их фигуры в жестких скафандрах. Гладкая и блестящая, она походила льдину, пронизанную лунным светом. Посреди стола возвышался проекционный аппарат, над ним одна за другой возникали поразительные по сложности трехмерные графические схемы, содержащиеся в первой депеше.

Небесный сидел рядом с Бальказаром, прислушиваясь к слабому шуму его медицинского жилета.

— ...И судя по всему, данные изменения обеспечат нам лучший, по сравнению с имеющимся, контроль над топологией магнитной бутылки, — говорил старший специалист «Палестины» по теории двигателей, остановив просмотр на одной из схем. — Наряду с прочими характеристиками мы получим более крутой профиль кривых торможения... не говоря уже о возможности сбрасывать скорость потока, не опасаясь отдачи магнитного поля. Это позволит нам останавливать работу двигателя, не израсходовав полностью содержащееся в резервуаре антивещество, и запускать его позже — сегодняшняя конструкция такого не допускает.

— А вы уверены, что мы сможем провести модернизацию, если даже убедимся в ее необходимости? — спросил Омдурман, капитан «Багдада».

На нем был роскошный черный мундир с серо-белыми знаками ранга. Бледное лицо под шапкой смоляных волос, обрамленное бородой, походило на рисунок углем.

— В принципе, да. — Лицо ученого блестело от пота, но оставалось непроницаемо-бесстрастным. — Однако вынужден заметить: нам придется выполнить большой объем работ буквально в сантиметрах от горла бутылки и в это время все агрегаты должны работать в обычном режиме. Мы не сможем никуда переместить антивещество из резервуара, пока не закончим монтаж. Одно неверное движение, и на следующем совещании вам понадобится куда меньше стульев.

— К черту следующее совещание, — пробормотал Бальказар.

Небесный вздохнул и провел пальцем между шеей и влажной стойкой воротника. В конференц-зале стояла невыносимая жара, и от этого через несколько минут начало клонить в сон.

Здесь вообще все было не так. На борту «Палестины» царил атмосфера, которая почему-то казалась странной, — и из-за этого странными выглядели даже самые привычные вещи. Планировка и интерьер поначалу показались Небесному знакомыми. Когда их с капитаном встретили у шаттла и проводили на борт корабля, он сразу почувствовал себя в своей тарелке. Но их, прибывших с дипломатическим визитом, охраняли как пленников, а не как гостей. Конечно, вздумай Небесный улучшить мо-

мент, когда охранники потеряют бдительность, и ускользнуть, ему бы ничего не стоило скрыться в недрах корабля. Он нашел бы дорогу без посторонней помощи и даже не попался бы никому на глаза, благо знал все тупики и закоулки «Сантьяго», а «Палестина», судя по всему, была точной копией его родного корабля. Впрочем, на этом сходство заканчивалось. Небесный не мог отделаться от ощущения, что видит сон, в котором привычные предметы выглядят чуть иначе, чем в реальности. Прежде всего корабельные помещения: указатели и маркировка на незнакомом языке, выполненные непривычным шрифтом, лозунги и плакаты там, где на «Сантьяго» пустые стены. Форма тоже была непривычной, с непонятными знаками различия, а когда члены экипажа говорили между собой, он не понимал ни слова. Здесь было другое оборудование; приветствия, которыми обменивались люди, походили на агрессивные выпады; в словах и жестах то и дело проскальзывала фальшь. Температура и влажность в помещениях были заметно выше, чем на его корабле. И постоянно, куда ни сверни, в воздухе витал запах готовящейся пищи. Нельзя сказать, что он был неприятным, но усиливал ощущение чуждости. Может, просто разыгралось воображение, но и гравитация была здесь сильнее, отчего шаги в коридорах гремели как удары молота. Возможно, экипаж слегка увеличил коэффициент вращения, чтобы по достижении Пункта Назначения получить преимущество над другими колонистами. А может, температуру в помещениях специально повысили, чтобы гостям с остальных кораблей было неудобно. Не исключено, что у Небесного в самом деле разгулялась фантазия.

Совещание шло напряженно, но не настолько, чтобы приходилось опасаться за здоровье капитана. Старик Бальказар оживился, а временами к нему даже возвращалась былая проницательность — срок действия успокоительного, которое ввел ему Ренго, к моменту прибытия на «Палестину» уже закончился.

Хаусманн заметил, что некоторые из старших офицеров выглядели немногим лучше его капитана. Похоже, они тоже поддерживают свою жизнь при помощи биостимуляторов, решил Небесный, — вокруг неустанно суетились медики. Этакое сборище поскрипывающих механизмов, которые по странному капризу прихватили с собой своих белковых хозяев.

Как и следовало ожидать, основной темой совещания были вести с родной планеты. Все сошлись на том, что обе депеши следует считать подлинными, хотя никто не выражал стопроцентной уверенности. Во всяком случае, послания вряд ли были хитроумной мистификацией наподобие той, которую один из кораблей подсунил остальной Флотилии. Кроме того, задержки некоторых частотных компонентов сигнала относительно соседних были очень характерными и отражали картину распределения облаков электронов в пространстве между Солнечной системой и Флотилией. Подобную «размытость» крайне трудно подделать, даже если передатчик будет следовать за Флотилией на достаточном расстоянии. Насчет шестого корабля никто не заикнулся, в том числе и Старик Бальказар. Возможно, о существовании «Калеуче» действительно знали только на борту «Сантьяго». Другими словами, это стоило по-прежнему хранить в тайне.

— Разумеется, все это может оказаться ловушкой, — добавил теоретик.

— Хорошо, — ответил Самудио, капитан «Палестины». — Но кто заинтересован в том, чтобы мы получили ложную информацию? Я готов поверить, что Земле нет никакого дела до Флотилии, но зачем пытаться нас уничтожить?

— А зачем пытаться нам помочь? — парировал Омдурман. — У Земли нет для этого никаких оснований. Разве что дань приличиям.

— Шла бы она к дьяволу со своими приличиями! — изрек Бальказар.

— Вообще-то, причины могут быть двоякими, — торопливо произнес Небесный, перекрывая голос своего капитана.

Взгляды, выражающие вежливое терпение, устремились на него, точно на ребенка, который собирается рассказать анекдот. Для большинства присутствующих он был сыном Тита Хаусманна, но и только. Лучшего и желать нельзя. Пусть его недооценивают, тем легче будет осуществить то, что он задумал.

— Возможно, организация, которая отправила Флотилию, до сих пор существует на Земле. Каковой факт, скорее всего, засекречен. Эти люди заинтересованы в благополучном исходе нашего путешествия, хотя бы ради того, чтобы их усилия не пропали даром. Не забывайте: возможно, мы остаемся единствен-

ной межзвездной экспедицией. И единственной надеждой человечества достичь других звезд.

Омдурман погладил бородку:

— Пожалуй, такое не исключено. Так огромная мечеть строится веками, но никому из первых зодчих не суждено увидеть ее во всей красе...

— Ну и черт с ней... и с нами всеми.

Омдурман запнулся, но притворился, что не расслышал слов Бальказара, и продолжил:

— Эти люди знают, что умрут, не достигнув цели. Но они радуются, что внесли свой вклад в общее дело, даже будь это лишь крошечный элемент малозаметного узора. Беда в том, что нам крайне мало известно о происходящем на родине.

Самудио улыбнулся:

— И даже если Земля передала нам самые последние новости, кто знает, насколько ей можно доверять?

— Иначе говоря, мы пришли к тому, с чего начали, — заключил Арместо, капитан «Бразилии».

Он был не намного старше Небесного и моложе всех остальных. Хаусманн тщательно изучал этого человека, который станет его противником через годы или десятилетия.

— Я знаю, по каким причинам Земля может желать нам смерти, — произнес Небесный и повернулся к Бальказару. — Вы позволите, капитан?

У того дернулся подбородок, как у внезапно разбуженного.

— Давай, Тит. Давай, мой мальчик.

— Предположим, мы не единственные участники игры. — Небесный наклонился вперед, облокотившись на столешницу. — Мы покинули родину сто лет назад. За это время были разработаны проекты других, более быстрых кораблей — и, возможно, эти корабли уже построены. А теперь представим себе, что есть некая фракция, которая хочет помешать нам достичь Суона, потому что надеется сама заявить на него права. Разумеется, она может решить спор, сразившись с нами, но у нас четыре больших корабля с бухторями.

Он имел в виду установленную на борту технику для ландшафтной архитектуры, — возможно, она пригодится, когда корабли достигнут Пункта Назначения. Ядерные заряды предна-

значались для пробивания проходов в горах или создания искусственных гаваней, но при этом оставались оружием.

— Они понимают, что с нами нелегко справиться, — сказал Небесный. — Гораздо проще сделать так, чтобы мы уничтожили сами себя.

— Считаете, у нас есть веские основания не доверять депеше?

— Именно так. Все говорит не в пользу модернизации, которую нам предлагают.

Специалист по двигателям откашлялся:

— Он прав. Мы можем лишь оценить техническое содержание послания.

— Это нелегкая задача.

— Придется рискнуть.

Совещание продолжалось. Доводы «за» и «против» следовали один за другим, общее мнение склонялось то к одному, то к другому... Кто-то предположил, что одна из сторон утаивает важную информацию — так и было, отметил про себя Небесный, — но прямых обвинений не последовало, и собрание закончилось в обстановке скорее неприязни, нежели открытой враждебности. Единственное, о чем удалось договориться, — это о дальнейшем обмене трактовками посланий, а также о создании сборной экспертной группы, которой предстоит оценить, насколько технически осуществимы предложенные новшества. Было оговорено, что ни один из экипажей не будет действовать в одностороннем порядке и не предпримет попыток модернизации без согласия всех остальных. Кто-то предложил в виде исключения разрешить такие эксперименты — при условии, что корабль отделится от Флотилии и отойдет на расстояние, вчетверо превосходящее нынешнюю дистанцию.

— Это просто безумие! — воскликнул Самудио — высокий красивый мужчина, пожилой, но на вид моложавый и крепкий. Вспышка, уничтожившая «Исламабад», лишила его зрения. Теперь у него над плечом торчала камера, пристегнутая под мышкой. Она напоминала попугая, с каким обычно изображают морских разбойников, и объектив поворачивался из стороны в сторону, точно по собственной воле. — Когда мы отправлялись в эту экспедицию, на наших кораблях царил дух товарищества, а она превратилась в гонку за призом.

На скулах Арместо заиграли желваки.

— Тогда почему вы не желаете поделиться с остальными продовольствием, которое успели скопить?

— Вы напрасно думаете, что мы сидим на куче продуктов, — не слишком уверенно возразил Омдурман. — С теми же основаниями можно сказать, что вы придерживаете запчасти, необходимые для ремонта саркофагов.

Камера Самудио нацелилась на него.

— Это просто смешно. Нет, никто не спорит: уровень жизни на кораблях различается. Более того, это предусматривалось изначально. Каждому экипажу была предписана автономная жизнедеятельность, хотя бы для того, чтобы избежать общих ошибок в непредвиденных ситуациях. Разве это означает, что в конечном счете жизнь на всех кораблях станет одинаковой? Конечно же нет. Введение единого базового стандарта жизни означало бы критическое отклонение от плана. Коэффициенты смертности для разных экипажей будут немного различаться, и это неизбежно; они лишь показывают, хорошо или плохо командование корабля следит за уровнем медицинского обслуживания.

Почувствовав себя в центре внимания, Самудио понизил голос. Его невидящий взор казался устремленным в никуда, а тем временем камера поочередно вглядывалась в лица присутствующих.

— Потери среди «спящих» на кораблях также неодинаковы. Может, диверсия? Не думаю, хотя эта мысль представляется весьма привлекательной.

— Привлекательной? — переспросил кто-то.

— Вот именно. Нет ничего более удобного, чем впасть в паранойю и устроить охоту на заговорщиков. За этим обычно кроется более серьезная проблема. Забудьте о диверсантах, лучше подумайте о том, что вы организовали не на должном уровне, какие технические инструкции истолковали, мягко говоря, неадекватно... Список можно продолжить.

— Кончайте этот детский лепет, — произнес Бальказар — у него наступил очередной миг просветления. — Мы не затем здесь собрались. Если кому-то приспичило сделать то, что написано в этом треклятом послании, — вперед. А я с удовольствием посмотрю, что из этого выйдет.

Понятно, что охотников сделать первый ход не нашлось. Каждый испытывал вполне естественное желание предоставить другому возможность совершить ошибку. Очередное собрание должно было состояться через три месяца, когда депеши будут изучены более тщательно. Пройдет еще какое-то время, и их содержание предадут огласке на каждом корабле. Взаимные обвинения, которые только что сотрясали конференц-зал, прекратились. Делегаты мгновенно сошлись на том, что подобный акт не только не обострит отношения между экипажами, но даже приведет к их умеренному потеплению.

— Скоро мы прибудем на «Сантьяго», сэр, — сказал Небесный, когда они летели обратно в «такси». — Вы не хотите немного отдохнуть?

— Черт побери, Тит, если бы я захотел отдохнуть, то...

Бальказар уснул, не успев закончить фразу.

На дисплее панели управления уже появился крохотный силуэт родного корабля. Иногда суда Флотилии представлялись Небесному островками архипелага, разделенными проливом, таким широким, что ближайший сосед скрывался за горизонтом. Архипелаг был погружен в вечную ночь, а огни островов тлели так слабо, что увидеть их удавалось только вблизи. Немалое мужество и вера требовались, чтобы покинуть свое пристанище и отчалить, полагаясь лишь на то, что навигационные системы не увлекут хрупкое суденышко — «такси» — вглубь безбрежного океана тьмы. По привычке прокручивая в уме возможные сценарии покушения на жизнь капитана, Небесный решил, что диверсант прежде всего выведет из строя автопилот шаттла. Достаточно лишь узнать, когда намеченная жертва отправляется на другой корабль. «Такси» просто умчится в никуда. Потом внезапно закончится топливо или откажет система жизнеобеспечения... Весьма заманчивая перспектива.

Но только не для Хаусманна. Он постоянно находится при Старике, так что ценность этого способа сомнительна.

Он снова сосредоточил мысли на недавнем собрании. Капитаны Флотилии старательно делали вид, что не замечают у Бальказара приступов рассеянности, которая сменялась периодами полного помрачения. Но от Небесного не укрылось, как делегаты озабоченно переглядывались через широкий полированный стол, когда считали, что Старик на них не смотрит. Один из них

явно терял рассудок — неудивительно, что это вызывало тревогу. Кто застрахован от подобного? Не такая ли участь ждет каждого из них, достигшего возраста Бальказара? Разумеется, Небесный тоже ничем не показал, что обеспокоен состоянием здоровья капитана. Он выслушивал невразумительные сентенции, с готовностью кивал в ответ и ни разу, даже намеком, не дал понять, что разделяет общее мнение и считает Бальказара окончательно выжившим из ума стариком.

Одним словом, Небесный являл собой образец преданности.

С пульта управления донесся предупреждающий писк. Гигантский силуэт «Сантьяго» уже маячил впереди, хотя разглядеть его было трудно: в кабине шаттла горел свет. Бальказар дремал. Серебристая нитка слюны легла ему на погон, словно еле приметный знак очередного повышения.

— Убей его, — сказал Клоун. — Просто возьми и убей. У тебя еще есть время.

На самом деле Клоуна в «такси» не было, и Небесный знал это. Но в некотором смысле Клоун всегда присутствовал. Его тонкий голос дребезжал как будто не в голове, а за спиной у Небесного.

— Я не хочу его убивать, — произнес Небесный.

И мысленно добавил: «пока».

— Неправда, хочешь. Он мешает, всегда путается под ногами. Это просто больной старик. Ты окажешь ему услугу, если прикончишь прямо сейчас. — Голос Клоуна смягчился. — Погляди на него — спит как ребенок. Наверное, ему снится счастливое детство.

— Ты не можешь этого знать.

— Я Клоун. Клоуны всегда все знают.

Тихий металлический голос с пульта предупредил Небесного, что они вот-вот войдут в окружающую корабль запретную зону. Скоро управление шаттлом будет перехвачено автоматической системой, которая и направит его к причалу.

— Я никого еще не убивал, — сказал Небесный.

— Но часто думал об этом.

Спорить было бессмысленно. В своих мечтах Небесный действительно совершал убийства. Представлял, как расправится со своими недругами — с теми, кто унижал его, с теми, кто за глаза дурно говорил о нем. Пожалуй, некоторых стоит умертвить хотя бы за слабость и доверчивость. На таком огромном

корабле, как «Сантьяго», ничего не стоит совершить убийство, но сделать это так, чтобы при расследовании не вскрылись обстоятельства преступления, практически невозможно. Однако богатое воображение Небесного слишком долго работало над этой проблемой, и в его голове успел набраться добрый десяток весьма эффективных способов изрядного сокращения численности врагов.

И на этот раз, прежде чем Клоун заговорил, фантазия Небесного уже работала вовсю. Он вознаграждал себя за терпение, проигрывая в уме мрачные сцены гибели недругов, — сцены, которые воображение насыщало множеством подробностей. Однако Клоун прав: что толку создавать план здания, если не собираешься приступить к строительству, как только придет благоприятный момент?

Хаусманн снова посмотрел на Бальказара. Спит как ребенок, сказал Клоун.

Так же спокоен.

И беззащитен.

ГЛАВА 23

Похоже, я легко отделался.

Я мог упасть прямо на землю, миновав Мульчу, — два яруса построек, похожих на разлагающиеся трупы, и торговых палаток. При падении фуникулер перевернулся. Было темно, я различал тусклые пятна фонарей и пламя очагов. Откуда-то доносились громкие голоса, но в них звучали скорее тревога и недоумение, чем гнев. Будем надеяться, мой визит не привел к жертвам среди населения. Выждав несколько секунд, я поднялся с сиденья и попытался оценить свое состояние. Судя по первому впечатлению, я ничего себе не сломал, правда все места потенциальных переломов наверняка отмечены роскошными синяками. По мере того как я пробирался в тыльную часть фуникулера, голоса снаружи приближались.

Я услышал суетливое поскребывание — может быть, местная мелюзга, которой не терпится покопаться в покореженной машине, а может быть, крысы. Схватив оружие, я проверил, не

вывалились ли из карманов похищенные у Зебры купюры, и, покинув вагончик, шагнул на хрупкую бамбуковую платформу, которую аккуратно протаранил нос моего фуникулера.

— Эй! — крикнул я в темноту — кто-нибудь да услышит. — Я вам не враг, я не из Полога. На мне одежда нищенствующих, я нездешний. Срочно нужна ваша помощь. Меня пытаются убить.

Это было произнесено на норте. Речь получилась бы куда более убедительной, перейди я на каназиан, язык аристократии Города Бездны.

— Тогда положи оружие и расскажи, где его взял, — отозвался мужской голос.

Судя по акценту, говоривший был не из Полога. Я с трудом разбирал слова — у парня явно проблемы с дикцией. Как и я, он говорил на норте, но при этом то глотал слоги, то произносил слова излишне четко, без обычных для носителя языка элизий.

— К тому же ты прибыл на фуникулере. Это тоже придется объяснить.

Теперь я разглядел человека, стоящего на краю бамбуковой платформы. Только он не был человеком.

Он был свиньей.

Маленького роста, с бледной кожей, он стоял на задних ногах с характерной неуклюжей грацией, которую я успел подметить у его собратьев. Глаза скрывались за темными очками, причем дужки заменяла пара кожаных тесемок, связанных на затылке. Рука, торчащая из-под красного пончо, оканчивалась чем-то средним между копытцем и человеческой кистью и сжимала секач с небрежностью, выдающей профессионала, которому не впервой работать клинком.

Пожалуй, не стоит разоружаться — по крайней мере, пока.

— Меня зовут Таннер Мирабель. Я только вчера прилетел с Окраины Неба. Разыскивал в Мульче одного человека и по ошибке забрел в чужой район. Меня захватил некто Уэверли и заставил участвовать в «Игре».

— И тебе удалось сбежать, да еще прихватить пушку и фуникулер? Неплохо для чужака, Таннер Мирабель. — Он произнес мое имя, словно ругательство.

— На мне одежда ледяных нищенствующих, — повторил я. — И по моему акценту можно понять, что я с Окраины Неба. Я немного говорю на каназиане, если угодно.

— Сойдет и норт. Мы, свиньи, не так глупы, как ваш брат предпочитает думать. — Помолчав, он спросил: — А винтовку тебе дали за акцент? Вот бы и мне такой!

— Нашлись хорошие люди. — Я собирался упомянуть Зебру, но передумал. — Не всем в Пологе нравится «Игра».

— Это верно, — проговорил человек-свинья. — Но они все равно живут в Пологе. И гадят на нас.

— Ему и правда могли прийти на выручку, — произнес другой голос, явно женский.

Всмотревшись в полумрак, я увидел, что к нам направляется еще одна свинья. Она ступала по обломкам осторожно, но с таким равнодушием, словно ей приходилось наблюдать подобные перестрелки и крушения каждый день. Поравнявшись с нами, она взяла моего собеседника под локоть:

— Я слышала о таких людях. Они называют себя сабами. Саботажниками то есть. Лоран, может, он из них?

Лоран сдернул очки и протянул их женщине — иначе я не мог ее назвать. Кукольное личико этой хрюшки, украшенное рыльцем, обрамляли вполне человеческие локоны, правда изрядно засаленные. Она на секунду поднесла очки к глазам, а потом кивнула:

— Он не похож на жителя Полога. Для начала, это человек. У него все соответствует замыслу бога Полога, разве что глаза... хотя это может быть игрой света.

— Это не игра света, — возразил Лоран. — Он способен видеть нас без очков. Я это понял, когда он уставился на тебя. — Лоран забрал у спутницы свои очки. — Возможно, кое-что из сказанного тобой, Таннер Мирабель, соответствует истине. Но готов поспорить, что не все.

Поспоришь — и не проиграешь, подумал я.

— В мои намерения не входит причинить вам даже малейший вред. — Я с подчеркнутой неспешностью положил ружье на бамбуковый настил. Дотянусь без труда, если этот хряк вздумает помахать своим ножиком. — У меня серьезные проблемы. Люди из Полога скоро вернутся, чтобы покончить со мной. Возможно, я нажил себе врагов и среди этих ваших сабов. Ружье я украл у них.

Будем надеяться, что это рискованное признание не только не повредит мне, но даже пойдет на пользу.

— И еще, мне ничего не известно о вас — ни хорошего, ни плохого.

— Но тебе известно, что мы свиньи.

— Однажды я уже столкнулся с такими, как вы.

— Столкнулся... как с нашей кухней?

— За кухню заплачу, деньги у меня есть. — Порывшись в бездонных карманах Вадимова сюртука, я выудил пачку купюр. Правда, здесь немного — надеюсь, хоть на частичное покрытие убытков хватит?

— Имей в виду, что это не наша собственность, — проговорил Лоран, разглядывая мою протянутую руку. Пожелай он принять деньги, ему бы пришлось сделать шаг вперед — шаг, на который в ту минуту никто из нас не был готов. — Владелец этой кухни сейчас в Монументе Восьмидесяти, у могилы брата; он вернется лишь к вечеру. Этого человека трудно назвать снисходительным и способным легко прощать. Когда я доложу о нанесенном тобой ущербе, он, естественно, обрушит свой гнев на меня.

Я достал пачку купюр — тех, что позаимствовал у Зебры, — отделил примерно половину и протянул Лорану:

— Возможно, это решит часть твоих проблем. Здесь еще сотня марок Ферриса. Чуть больше — и я заподозрю, что ты пытаешься меня надуть.

Он изобразил нечто похожее на улыбку:

— Я не могу дать тебе приют, Таннер Мирабель. Слишком опасно.

— Он имеет в виду, что у тебя в голове имплантат, — пояснила женщина-свинья. — Все это время людям из Полога было известно твое местонахождение. И если ты рассердил их, то нам всем не поздоровится.

— Я в курсе. Поэтому от вас потребуется кое-какая помощь.

— Хочешь, чтобы мы извлекли имплантат?

— Нет. Но я знаю, кто может это сделать. Ее зовут мадам Доминика. Правда, я понятия не имею, как до нее добраться. Сможете доставить меня туда?

— А где она живет?

— Вокзал Гранд-Сентрал, — ответил я.

Спутница Лорана окинула взглядом то, что осталось от кухни:

— Что ж, Таннер Мирабель... непохоже, что сегодня у меня много стряпни.

Они были беженцами с Ржавого Пояса.

Там они тоже были беженцами — с какой-то планетной системы, с самой ее окраины, где нет ничего, кроме комет. Единственное, чего не знали повар и его жена (я больше не могу называть жителей Мульчи свиньями), — откуда первоначально бежали их собратья. Все предположения были сродни домыслам и мифам. Наиболее правдоподобной выглядела версия об экспериментах инженеров-генетиков, но сколько веков назад они проводились, никто уже не помнил. Когда-то хирурги использовали для трансплантации ткани свиней — оказалось, что между людьми и свиньями больше сходства, чем различий. Потом кому-то пришло в голову, что риск отторжения станет еще ниже, если часть генов у животных-доноров заменить человеческими. Возможно, у экспериментаторов были какие-то далекоидущие планы, а может быть, это произошло случайно, но вместе с человеческими генами свиньи получили разум. По другой версии, целью эксперимента было создание расы слуг, лишенных неприятных особенностей, которые свойственны машинам.

В один прекрасный день свиньи оказались посреди космоса, предоставленные сами себе. Насчет того, почему это произошло, также существуют различные мнения. Может быть, систематический отстрел «излишков производства» оказался слишком хлопотным делом. Кроме того, свиньи могли сбежать из лабораторий и создать тайные поселения. По словам Лорана, уже на тот момент существовало несколько подвидов, различавшихся по соотношению генов. Так, у одной из пород, хоть и вполне разумной, отсутствовала способность к связной речи. Я вспомнил свиней, на которых наткнулся перед тем, как меня спасла Зебра. Одна из них хрюкала, это могло быть попыткой что-то сказать мне. К сожалению, достичь взаимопонимания нам не удалось.

— Я встречал ваших сородичей. Вчера.

— Можете называть нас свиньями, не обидимся. Мы и есть свиньи.

— В общем, эти... свиньи, кажется, пытались меня убить.

Я в двух словах рассказал Лорану, что со мной произошло, стараясь не заострять внимание на том, каким образом я пытал-

ся попасть в Полог. Он внимательно выслушал, затем медленно и печально покачал головой:

— Не думаю, что им был нужен ты, Таннер Мирабель. Скорее всего, им понадобились люди, которые за тобой охотятся. Эти помощники должны были догадаться, что тебя преследуют. Наверное, они уговаривали пройти с ними в убежище.

Я задумался. Пожалуй, он прав.

— Одну из них я подстрелил, — признался я. — Не смертельно, но ногу придется прооперировать.

— Не переживай. Сам понимаешь, это не ангелочки. У нас вечные проблемы из-за таких шаек, юные свиньи мастера устраивать беспорядки.

Я осмотрелся. Беспорядок, устроенный мною, легким не назовешь.

— И в довершение появляюсь я.

— Все это можно починить. Но пожалуй, я помогу тебе добраться, Таннер Мирабель, пока ты не натворил новых бед.

Я улыбнулся:

— Это будет просто замечательно, Лоран.

Покинув Ржавый Пояс, Лоран и его жена получили место у одного из богатейших обитателей Мульчи. У них была собственная наземная повозка — на метановом двигателе, с тремя гигантскими надувными колесами. Кабина представляла собой фантастическую конструкцию из пластмассы, металла и бамбука, увенчанную тентом из непромокаемой ткани. Казалось, она развалится, стоит мне хотя бы дунуть в ее сторону.

— Не нужно глядеть на нее с таким отвращением, — произнесла жена Лорана. — Она движется. И сдается мне, что в твоём положении не стоит привередничать.

— Ты права.

Повозка действительно двигалась, причем довольно резво, а неуклюжие колеса даже смягчали толчки, когда наш экипаж подпрыгивал на выбоинах. Я убедил Лорана сделать крюк и подъехать туда, где упал фуникулер моих преследователей.

На месте крушения уже собралась толпа. Лоран неохотно согласился подождать меня. Протиснувшись поближе к фуникулеру, я увидел среди обломков кабины мертвого Уэверли. Его грудь была пробита бамбуковой палкой, которыми часто пользуются в Мульче, — казалось, что он попал капкан из тех, что я

когда-то ставил в джунглях на Рейвича. Лицо Уэверли было залито кровью — я не узнал бы его, если бы не заполненный алой гущей кратер на месте глаза. Очевидно, монокуляр был имплантатом.

— Кто это сделал? — спросил я.

— Уже сперли, — процедила сквозь редкие зубы сутулая женщина, стоявшая рядом. Наверное, не расслышала моего вопроса. — Хорошая была стекляшка. Немалые денежки ребята получают.

Я подавил жгучее желание выяснить, кто эти таинственные мародеры.

Возвращаясь к трехколеснику Лорана, я не мог избавиться от чувства, что какая-то частица моей совести вырвана с мясом — не менее грубо, чем монокуляр из глазницы Уэверли.

— И что же вы у него забрали? — произнес Лоран, когда я вскарабкался на сиденье трехколесника.

— По-вашему, я возвращался ради трофея?

Он пожал плечами, словно ему было все равно. Но когда мы поехали дальше, я вынужден был спросить у себя: может быть, я действительно хотел что-то найти?

Дорога до вокзала Гранд-Сентрал заняла час. Мне показалось, что большую часть времени мы петляли, стремясь избежать опасных или непроходимых районов Мульчи. Возможно, проезжали в каких-нибудь трех-четыре километрах от места, где на меня напали люди Уэверли. Как бы то ни было, я не увидел ни одного примеченного ранее ориентира. Впрочем, с другой точки они могли выглядеть совершенно иначе... Чувство ориентации в пространстве, внушавшее мне некоторую уверенность, — когда карта Города только-только начала возникать у меня в голове — исчезло, как глупый сон. Разумеется, оно бы вернулось, если бы я уделил этому достаточно времени. Не сегодня завтра и вряд ли в ближайшие недели, но вернулось бы. Однако я не собирался застревать здесь надолго.

Наконец мы прибыли на Гранд-Сентрал. Казалось, что с тех пор, как я отчаянно пытался избавиться от Квирренбаха, прошло не больше секунды. Судя по косым лучам, пробивавшимся сквозь Мосkitную Сетку, еще даже не наступил полдень. Однако под крышей вокзала царил полумрак. Я поблагодарил Лорана за помощь и предложил угостить завтраком — это вдобавок

к уже уплаченной сумме. Но он отказался, не желая покидать кабину своего трехколесника. В защитных очках и надвинутой на уши мягкой фетровой шляпе, он выглядел совсем человеком, но в кафе эта иллюзия развеялась бы моментально. Похоже, свиньи не пользовались в Мультче всеобщей любовью и многие районы были для них запретны.

Мы обменялись рукопожатиями — копытца не помешали, — и он уехал обратно.

ГЛАВА 24

Первым пунктом моей программы стало посещение палатки перекупщика, где я продал ружье Зебры, — увы, за сумму, ничтожную по сравнению с его настоящей стоимостью. Однако сокрушаться по этому поводу не стоило. Сейчас меня интересовали не столько наличные, сколько возможность избавиться от вещи, по которой меня можно опознать. Само собой, торговец поинтересовался, не краденая ли она, но в его глазах не было ни капли любопытства. Ружье слишком привлекало внимание — прежде всего своими размерами, — а потому для охоты на Рейвича не годилось. Пожалуй, оно бы не вызвало изумленных взглядов разве что на фестивале любителей тяжелой артиллерии.

К моей радости, мадам Доминика по-прежнему предлагала свои услуги. На этот раз меня не пришлось тащить к ней силой. Я бодро вошел в палатку, ощущая, как карманы сюртука оттягивают комплект аккумуляторов для ружья, которые я забыл продать.

— Она пока не работать, — произнес юный Том, тот самый паренек, что заманил сюда нас с Квирренбахом.

Выудив несколько банкнот, я припечатал их ладонью к столу, и глаза у Тома сделались пошире, чем стекла его защитных очков.

— Уже работать, — сказал я и прошел во внутреннее помещение.

Там было темно, но через пару секунд я начал различать окружающие предметы — словно кто-то включил тусклый се-

рый фонарь. Доминика спала на своей операционной кушетке, ее могучие тела были полуприкрыты одеянием, которому следовало родиться на свет парашютом.

— Проснитесь, — негромко произнес я. — У вас клиент.

Ее глаза медленно расширились, как трещинки в разбухающем пироге.

— В чем дело, где ваша учтивость? — Она отреагировала мгновенно, но сонный голос не выражал ни малейшей тревоги. — Сюда так просто нельзя.

— Ваш помощник уже сменил гнев на милость. — Я выудил очередную банкноту и помахал у Доминики перед носом. — А вы что скажете?

— Не знаю, я ничего не вижу. А что у вас с глазами? Почему они... такие?

— С глазами у меня все в порядке.

Признаться, сам я так не считал. Лоран тоже говорил что-то про мои глаза. Способность видеть в темноте я обнаружил у себя еще раньше.

Отбросив эти мысли, довольно неприятные кстати, я возобновил наступление:

— Мне от вас нужна одна профессиональная услуга и ответы на несколько вопросов. Согласитесь, это не слишком много.

Мадам Доминика соскользнула с кушетки, переместив нижнюю часть своей необъятной туши в сбрую, подвешенную к штативу. Приняв в себя ее тела, приспособление зашипело, стравливая избыточное давление, и Доминика отчалила от постели с грацией речной баржи.

— Что за услуга и что за вопросы?

— Мне нужно удалить имплантат. Затем я попрошу кое-что рассказать о своем приятеле.

— Может, и я захочу порасспросить о вашем приятеле.

Я не понял, что она имела в виду, но выяснить не успел. В палатке вспыхнул свет, явив моему зору размещенные вокруг кушетки инструменты. Теперь я увидел на них тусклые разводы засохшей крови — всю гамму оттенков ржавчины.

— Это стоит немало. Покажите имплантат.

Я ткнул в шишку на затылке. Некоторое время мадам Доминика осматривала мою голову. Казалось, острые металлические насадки на ее наперстках скребут прямо по костям черепа.

— Похоже на имплантат «Игры». Но вы еще живой.

Очевидно, она имела в виду, что это не может быть имплантатом «Игры». Безупречная логика: много ли шансов у человека, оказавшегося в роли добычи, добраться до спеца вроде мадам Доминики, чтобы избавиться от «маячка»?

— Можете извлечь?

— Если нейронные связи неглубоки, то без проблем. — Она подвела меня к кушетке и, опустив на глаза какое-то сканирующее устройство, некоторое время рассматривала мою голову, покусывая губы. — Угу, связи мелкие, еле достают до коры. Хорошая новость. Но похоже, это все-таки имплантат «Игры». Как он сюда попал? Нищие? — Она покачала головой, и складки жира на шее заколыхались. — Нет, они тут ни при чем, если только вы мне правду сказали вчера, что у вас нет имплантатов. Ага, вот и разрез от внедрения. Меньше одного дня.

— Просто вытащите эту чертову штуковину. Или я уйду отсюда с деньгами, которые уже отдал вашему малышу.

— Можете так поступить, но вы не найдете никого лучше Доминики. Это не угроза, а обещание.

— Ну так действуйте.

— Вначале задайте вопрос.

Она уже левитировала вокруг кушетки, готовя инструменты и проворно заменяя одни наперстки другими. Где-то в складках плоти — там, где обычно находится талия, — располагался инструментальный пояс, и Доминика извлекала из него все необходимое одним прикосновением, ухитряясь при этом не уколоться и не порезаться.

— У меня есть приятель, его фамилия Рейвич, — сказал я. — Он прибыл за день или два до меня, и мы потеряли друг друга. Посткриогенная амнезия, как сказали нищенствующие. Они сообщили, что он в Пологе, а больше ничего не сказали.

— И что дальше?

— Думаю, ему вполне могли понадобиться ваши услуги...

Или, скажем, ему пришлось ими воспользоваться.

— Насколько я помню, у него были имплантаты — значит, их пришлось удалить. Как у господина Квирренбаха, того джентльмена, который приходил к вам со мной.

Я описал ей Рейвича — с той допустимой долей небрежности, которая отличает портрет доброго приятеля от списка примет опасного преступника.

— С чего вы решили, что этот человек мне знаком?

— Не знаю... Сколько стоит более точный ответ, как вы думаете? Скажем, еще сотню? Чтобы немного освежить вашу память?

— Память Доминики не столь хороша ранним утром.

— Ну, тогда две сотни. Как, вспоминается господин Рейвич?

На ее лице отразилась напряженная работа мозга — надо признать, это было проделано с театральным изяществом.

— Вот и отлично. Рад, что у вас получается.

Знала бы она, насколько я рад.

— Господин Рейвич — это особый случай.

Ну еще бы. Рейвич — аристократ, а тело любого аристократа, даже обитающего на Окраине Неба, нашпиговано всякой всячиной, как у представителей высшего общества Прекрасной Эпохи. В этом им уступают даже высокопоставленные демархисты. Можно не сомневаться, что Рейвич, как и Квирренбах, ничего не слышал о плавающей чуме, пока не прибыл на Йеллоустон. У него тоже не было времени искать какую-нибудь клинику на орбите, где его могли бы излечить от имплантатов. Он должен был спешить — спуститься на поверхность и затеряться в Городе Бездны.

Доминика была его первым и последним шансом на спасение.

— Это действительно особый случай, — согласился я. — Именно поэтому вы обязаны были принять его.

— С чего вы это решили?

Я вздохнул. Похоже, придется или потрудиться, или раскошелиться — скорее всего, сделать и то и другое.

— Предположим, вы из него кое-что извлекли. Он выглядел здоровым, но через день вы обнаружили, что в удаленном имплантате есть нечто ненормальное — скажем, остаточные следы чумы. В этом случае вы обязаны были связаться с ним, верно?

На ее лице не дрогнула ни одна складка. Попробуем капельку безобидной лести:

— Так поступил бы любой уважающий себя хирург. Я знаю, не каждый станет прилагать усилия, чтобы разыскать бывшего клиента. Но вы сами сказали, что здесь вам нет равных.

Она утвердительно хмыкнула:

— Информация о клиенте конфиденциальна.

Мы оба поняли, что она имела в виду.

Через несколько минут мои карманы стали легче на пачку банкнот, и тяжелее на бумажку с адресом в Пологе. Место носило название Эшер-Хайтс. Это могла быть квартира, как у Зебры, здание или целый район Полога.

— А теперь закройте глаза, — скомандовала толстуха, ткнув мне в лоб пальцем в тупом наперстке, — и Доминика покажет свое волшебство.

Местная анестезия уже действовала. Операция не заняла много времени — я даже не заметил, как был удален имплантат. По ощущениям — все равно что вырезать кисту. Интересно, почему Уэверли не догадался использовать имплантат с защитной системой? Возможно, такое здесь считается фолом. Насколько я понял со слов Уэверли и Зебры, правила «Игры» запрещали охотникам пеленговать передатчик. Разрешалось находить добычу любыми способами, но идти за сигналом вживленного передатчика — это представлялось чересчур простым. Имплантаты были нужны исключительно зрителям, а также людям вроде Уэверли, которые контролировали ход «Игры».

Лежа на кушетке в палатке Доминики, я лениво размышлял о том, как бы усовершенствовал «Игру», будь на то моя воля. Для начала стоит более надежно вживлять имплантаты, задействовав глубокие нейронные пути, о которых беспокоилась Доминика. Далее, снабдить их защитной системой — она поджарит мозг жертвы, если кто-нибудь попытается удалить имплантат раньше времени. Не мешало бы и охотника оснастить имплантатом, защищенным столь же надежно. Оба типа имплантатов — для охотников и для добычи — должны транслировать некий закодированный сигнал, известный обоим участникам. При сближении на определенное расстояние — скажем, при появлении в одном квартале или ближе — имплантаты будут сообщать своим носителям о местоположении противника с помощью тех же нейронных связей. Никаких зрителей на территории «Игры». Если хотят следить за ходом «Игры» — пусть сами придумают, как это сделать. И напоследок ввести элемент личной заинтересованности. Ограничить число охотников оптимальным и очень простым числом — единицей. Тогда забава превратится в настоящий поединок. И к чему ограничивать время охоты — какие-то жалкие пятьдесят часов? На мой взгляд, в таком большом го-

роде охота запросто может длиться целые месяцы — главное, чтобы сначала жертва успела убежать и спрятаться в лабиринте Мульчи. Кстати, почему только Мульча, или даже только Город Бездны? Почему бы не задействовать все поселения планеты, если им хочется настоящих приключений?

Конечно, им это ни к чему. Все, что им нужно, — побыстрее сцапать дичь и пустить ей кровь где-нибудь в укромном месте. Минимум затрат, минимум риска и прочих хлопот.

— Готово, — сказала Доминика, прижав к моему затылку стерильный тампон. — Теперь вы в порядке, господин Мирабель.

Она держала двумя пальцами имплантат, поблескивающий, словно гематитовая горошина.

— И если это не охотничий имплантат, то Доминика — самая стройная женщина в Городе Бездны.

— Не зарекайтесь, — сказал я. — Чудеса иногда случаются.

— Только не с Доминикой. — Она помогла мне подняться с кушетки.

У меня слегка кружилась голова, но ранка на ощупь была крошечной — ни припухлости, ни рубца.

— Вам не интересно? — спросила она, когда я поспешил накиннуть на себя сюртук Вадима, — эта одежда давала вожаделенную анонимность, хоть и заставляла потеть.

— Что именно?

— У меня есть вопросы о вашем приятеле.

— О Рейвиче? Мы уже о нем побеседовали.

Она принялась укладывать свои наперстки.

— Нет. О господине Квирренбахе. О другом приятеле — вы с ним приходили вчера.

— Вообще-то, мы скорее просто знакомые, нежели приятели. А о чем вы хотите спросить?

— Он заплатил хорошие деньги, чтобы я вам не говорила. Поэтому я не скажу. Но теперь вы богатый человек, господин Мирабель. Гораздо богаче Квирренбаха. Вы улавливаете намек Доминики?

— Квирренбах заплатил вам за молчание, но, если я перебую его ставку, вы нарушите тайну?

— Вы просто умница, господин Мирабель. Доминика оперирует без опасности для мозга.

— Я в восторге.

С тяжким вздохом я снова полез в карман. Интересно все-таки, что хотел скрыть от меня Квирренбах. Я не знал, чего ожидать, поскольку до сих пор мне даже в голову не приходило, что у Квирренбаха вообще есть какие-то секреты.

— Он пришел с вами, — сказала Доминика. — В такой же одежде нищенствующих. Попросил удалить имплантаты.

— Расскажите что-нибудь поновее.

Доминика лукаво улыбнулась, и я понял: чем бы она со мной ни поделилась, это доставит ей удовольствие.

— У него не было имплантатов, господин Мирабель.

— Неужели? Но я видел его на вашей кушетке. Вы его оперировали, выбрили ему голову...

— Он попросил, чтобы это выглядело убедительно. Доминика не задает вопросов. Просто выполняет просьбу клиента. Клиент всегда прав. Особенно когда он платит, как господин Квирренбах. Клиент просит симитировать операцию. Побрить ему голову и все такое. Но я не вскрываю ему голову. Нет нужды. Однако я его сканирую — там пусто. Он уже чист.

— Тогда какого черта...

Вот и все. Квирренбаху не нужно было удалять имплантаты, потому что их удалили много лет назад, во время эпидемии, — а может, их у него вообще не было. Он не прилетал с Гранд-Титона. Скорее всего, он даже не выбирался за пределы системы Йеллоустона. Этого местного гения наняли, чтобы он следил за мной и выяснял, каковы мои цели.

Он работал на Рейвича.

Рейвич прибыл в Город Бездны раньше меня — тогда я еще не лечился от амнезии у ледяных нищенствующих. Несколько дней — немного, но ему хватило, чтобы нанять себе помощника. По-видимому, Квирренбах был первым, кто ему подвернулся. Затем композитор отправился на орбиту и смешался с иммигрантами, которые только что прибыли в систему Йеллоустона. Его миссия была несложной: выследить людей с «Орвието» и найти среди них потенциального убийцу.

Я прокрутил в голове последние события.

Вначале ко мне в кают-компанию «Стрельникова» пристает Вадим. Я избавляюсь от «доброго самаритянина», а через несколько минут вижу, как он избивает Квирренбаха. Я вмешива-

юсь, требую, чтобы Вадим оставил Квирренбаха в покое, а когда слова не действуют, пускаю в ход более веский аргумент. Первая зацепка, которую я пропустил: Квирренбах просит меня пощадить Вадима.

Тогда я объяснил это гуманностью композитора.

Потом мы забираемся в каюту Вадима. Зацепка номер два: когда мы начали рыться в вещах Вадима, Квирренбах чувствовал себя весьма неуютно. Даже пытался читать мне мораль. Тогда я переубедил его.

Все это время я не замечал очевидного: Квирренбах и Вадим работали вместе.

Квирренбаху необходимо было сблизиться со мной, не вызывая подозрений, и узнать обо мне побольше. Эта парочка разыграла меня как последнего идиота. Разумеется, в кают-компании Вадим не слишком деликатничал со своим компаньоном — но чего не сделаешь ради правдоподобия ситуации! Наверное, у них был запасной вариант — на тот случай, если я улизну после первой стычки с Вадимом. И еще один факт, которому я не придал значения: во время драки на «Карусели», пока я расправлялся с Вадимом, его напарник держал Квирренбаха.

Мне следовало задуматься над этим.

Квирренбах прицепился ко мне, словно на корабле больше никого не было. Похоже, парень настоящий профи... А может быть, и нет. Рейвич мог нанять с полдюжины других агентов для слежки за другими пассажирами, и у каждого была своя стратегия и тактика. Разница в том, что другие ошиблись в выборе цели, а Квирренбах — благодаря везению, интуиции или дедукции — попал в самое яблочко. Вот только знал ли об этом сам «композитор»? Во время наших продолжительных бесед я был достаточно осторожен и, кажется, ничем не намекнул, что работал на Кагуэллу.

Попробуем поставить себя на место Квирренбаха.

Должно быть, они с Вадимом испытывали сильное желание прикончить меня побыстрее. Но сделать этого не могли, не убедившись окончательно, что я — именно тот, кого они ищут. Если бы поторопились, то никогда бы не узнали, действительно ли убрали нужного человека, и никто не смог бы рассеять их сомнения.

Поэтому Квирренбах, очевидно, планировал следить за мной до тех пор, пока не выяснится, что я разыскиваю человека по

фамилии Рейвич, — не важно, с какой целью. Посещение Доминики было важной частью его легенды. Вряд ли он знал, что у тех, кому довелось воевать на Окраине Неба, имплантатов нет и быть не может, а значит, мне не понадобятся услуги этой мадам. Но он принял это спокойно и доверил мне свои пожитки на время, пока находился на «операции». Браво, маэстро Квирренбах! Содержимое кейса, несомненно, тоже служило маскировке.

Здесь я тоже кое-что упустил. Торговец посетовал, что экспириенталии Квирренбаха — контрабанда, копии оригиналов, сделанные несколько недель назад. А ведь Квирренбах, по его словам, прибыл на Йеллоустон одновременно со мной. Интересно, что бы я обнаружил, проверив списки субсветовиков, прилетевших в последнюю неделю? Был ли среди них хотя бы один с Гранд-Титона? Может, да, а может, нет. Все зависит от того, насколько тщательно Квирренбах проработал свою легенду. Боюсь, о его бессмертной симфонии того же самого сказать нельзя. Шедевры редко создаются за пару дней на пустом месте.

По правде говоря, он весьма неплохо справился.

Около полудня, когда я простился с Доминикой, на меня обрушился очередной эпизод из жизни Хаусманна.

Я стоял, прислонясь спиной к стене вокзала Гранд-Сентрал, и лениво наблюдал, как кукольник забавляет компанию ребятнишек. Склонившись над миниатюрной будкой, он управлял крошечной, очень изяшной фигуркой Марко Ферриса в космическом скафандре, спускающейся по скале, роль которой играла куча битой штукатурки. Предполагалось, что Феррис спускается в Бездну, поскольку у основания склона лежала горка «драгоценных» камней, охраняемая свирепым инопланетным монстром с девятью головами. Детишки захлопали в ладоши, а потом пронзительно завопили, когда кукольник заставил монстра броситься на Ферриса.

И тут мир вокруг меня застыл, а через миг я уже видел нечто совершенно другое.

Позже, когда появилось время осмыслить то, что мне открылось, я вспомнил заодно и предыдущий эпизод. Эти видения начинались вполне безобидно, в них не было ничего, кроме известных мне фактов из жизни Небесного. Но чем дальше, тем заметнее становилась разница между прочитанным или услы-

шанным мною раньше и увиденным сейчас. Поначалу это касалось мелких деталей, потом... Ни в одном жизнеописании не упоминался шестой корабль. Нигде не говорилось, что Небесный оставил в живых диверсанта, который убил — или получил возможность убить — его отца. И это были еще мелочи по сравнению с тем, что мне показали на этот раз. Небесный умертвил своего начальника. До сих пор капитан Бальказар считался лишь проходным персонажем нашей истории, одним из предшественников Небесного. Нигде и никогда не упоминалось о том, как именно он погиб.

Из моей ладони на вокзальный пол тонкой стружкой текла кровь. Стиснув кулак, я задумался. Что это все-таки за напасть?

— Я ничего не смог сделать. Он спокойно спал — мне даже в голову не пришло, что с ним не все в порядке.

Двое врачей — Вальдивия и Ренго, которые сейчас осматривали Бальказара, — появились в кабине шаттла сразу после стыковки, когда Небесный поднял тревогу. Медики закрыли за собой воздушный шлюз, чтобы не мешали посторонние. Небесный пристально наблюдал за ними. Оба выглядели неважно: изнуренные, бледные, под глазами темные мешки.

— Он не вскрикнул, когда начал задыхаться... ну, или что-нибудь в этом роде? — спросил Ренго.

— Я ничего не слышал, — ответил Небесный.

Он изображал огорчение, но старался не переусердствовать. Теперь, когда Бальказара не стало, путь к должности капитана неожиданно приобрел четкие очертания, словно, поблуждав в мудреном лабиринте, Хаусманн понял, как добраться до его середины. Это ясно не только ему, но и всем окружающим — и покажется подозрительным, если его горе не будет окрашено легким оттенком радости по поводу такой небывалой удачи.

— Готов поспорить, его отравили на «Палестине», — сказал Вальдивия. — Вот же сволочи! Позволю себе напомнить, что я всегда был против этой затеи.

— Совещание проходило в стрессовой обстановке, — сказал Небесный.

— В том-то и дело, — кивнул Ренго, почесывая пятнышко раздраженной кожи под глазом. — И незачем винить кого попало. Он просто не выдержал напряжения.

— Значит, я ничего не мог сделать?

Тем временем Вальдивия расстегнул мундир на груди Бальказара и вгляделся в переплетение проводов. Наконец он с сомнением ткнул пальцем в какое-то устройство:

— Должна была сработать сигнализация. Как я понимаю, вы ничего не слышали?

— Повторяю, я не слышал ни звука.

— Черт бы ее побрал... — Вальдивия покачал головой. — Похоже, опять забарахлила. Послушайте, Небесный, если кто-нибудь узнает, нам конец. В этом агрегате постоянно что-то барахлило, а мы с Ренго в последнее время и так работаем как проклятые... — Он шумно вздохнул, словно поражаясь объему проделанной работы. — Я не говорю, что система ни разу не чинилась, но мы же не могли все время заниматься Стариком в ущерб остальным. Я знаю, что на «Бразилии» есть устройства получше этой рухляди, но нам-то с того какая польза?

— Можно сказать, никакой. — Небесный снисходительно кивнул. — Вы могли уделить Старiku чуть больше внимания, но тогда бы умер кто-нибудь еще. Я вас прекрасно понимаю.

— Очень надеюсь. Представляете, какая вонь поднимется в нашем болоте? — Вальдивия снова посмотрел на капитана, но в его взгляде не было надежды на чудо. — Теперь нам предстоит отчитываться о качестве медицинского обслуживания. А вас замучают расспросами, как проходил визит на «Палестину». Эти болваны из совета, вроде Рамиреса, постараются все свалить на нас с вами. Что мы оплошали, проявили преступную халатность... Поверьте, я такое видел не раз.

— Мы знаем, что ни в чем не виноваты, — ответил Небесный, глядя на капитана. На погоне все еще виднелась полоска высохшей слюны, точно след слизняка. — Он был прекрасным человеком и долго оставался на посту, хотя мог бы выйти в отставку. Бальказар просто состарился.

— Конечно. В любом случае больше года он бы не протянул. Но попробуйте объяснить это экипажу.

— Значит, нам необходимо прикрыть тылы.

— Небесный... вы не скажете им, ладно? О том, что слышали от нас?

В люк воздушного шлюза забарабанили. Кто-то пытался войти в кабину, но Небесный решил не обращать внимания.

— А что, по-вашему, мне следует сказать?

Медик глубоко вздохнул:

— Что сработала сигнализация. Не важно, что не приняли никаких мер. Все равно не могли ему ничем помочь. У вас не было оборудования, вы просто не знали, что делать, и до корабля оставалось лететь немало.

Небесный кивнул. Это звучало вполне логично и полностью совпадало с его мнением.

— Значит, мне не следует говорить, что сигнализация вообще не сработала?

Врачи переглянулись.

— Да, — сказал Вальдивия. — Именно так. Вас никто не станет винить, Небесный. Они поймут, что вы сделали все возможное.

Небесный поймал себя на мысли, что сейчас капитан выглядит непривычно спокойным. Глаза были закрыты — один из медиков опустил Старику веки, отдавая дань уважения. Можно подумать, что капитану действительно снится детство, как говорил Клоун. И не важно, что это детство прошло на борту корабля, точно такое же пустое и клаустрофобическое, как детство Небесного.

Стук не прекращался.

— Пожалуй, ребят стоит впустить, — сказал Хаусманн.

— Не говорите им, — с мольбой повторил Вальдивия, и Небесный похлопал его по плечу:

— Не беспокойтесь.

Собравшись с духом, Хаусманн положил ладонь на дверной пульт. Возле шлюза столпилось не меньше двадцати человек. Каждый стремился первым попасть в кабину. Каждому хотелось взглянуть на мертвого капитана и продемонстрировать озабоченность, за которой скрывалась тайная надежда, что на этот раз тревога не окажется ложной. В последние годы Бальказар обзавелся неприятной привычкой время от времени «умирать».

— Ради всего святого, скажите, что случилось? — произнесла женщина из службы проектирования двигателей.

Кто-то из техников открыл рот, но Небесный опередил.

— Сломалась система жизнеобеспечения, — пояснил он.

— Что?

— Что слышали. Я постоянно наблюдал за капитаном. С ним все было в порядке, и вдруг сработала сигнализация.

Я расстегнул мундир и считал диагностику. Согласно прибору, это коронаротромбоз.

— Нет... — пробормотал один из медиков, но с тем же успехом он мог обращаться к пустой комнате.

— Однако вам кажется, что это не так? — спросила женщина.

— Я почти уверен. Он постоянно говорил со мной, рассуждал вполне разумно. Ни малейших признаков дискомфорта, только раздраженность. Затем штуковина объявила, что собирается применить дефибрилляцию. Разумеется, в эту минуту он разволновался.

— И что было дальше?

— Я попытался снять с него медицинский жилет или хотя бы отсоединить провода, но увидел, что до дефибрилляции осталась пара секунд. Пришлось отойти, иначе бы меня убило.

— Он жлет! — воскликнул медик.

— Не обращайтесь внимания, — мягко произнес Небесный. — На его месте вы вели бы себя точно так же. Я не хочу сказать, что это было сделано умышленно...

Он умело выдержал паузу, предоставив каждому закончить фразу самостоятельно.

— Я не хочу сказать, что это было сделано умышленно. Просто трагическая оплошность, которая вполне объяснима. Взгляните на них. Эти люди давно пребывают в состоянии нервного истощения. Неудивительно, что они начали ошибаться. Нельзя судить их слишком строго.

Теперь экипажу запомнятся не попытки Небесного избежать обвинения, а его великодушие и сострадание к неудачникам. Люди отметят это и воздадут ему должное, одновременно соглашаясь с тем, что отчасти в смерти капитана виноваты сомнамбулы в белых халатах. И она уже не покажется команде бедой, подумал Небесный. Всеми уважаемый Старик скончался в результате трагического стечения обстоятельств. Последуют взаимные обвинения, но это вполне объяснимо и закономерно.

Он хорошо защитил тылы.

Вскрытие покажет, что капитан действительно умер от сердечного приступа. Ни вскрытие, ни анализ памяти системы жизнеобеспечения не помогут установить подлинный момент его смерти.

— Молодец, — похвалил его Клоун.

Он действительно молодец. Но Клоун тоже заслуживает похвалы. Именно он приказал Небесному расстегнуть мундир спящего Бальказара. Именно он объяснил, как использовать скрытые функции медицинского жилета, чтобы вызвать у Старика аритмию, хотя тот чувствовал себя не хуже, чем обычно. Клоун молодец. Правда, подсознательно Небесный понимал, что его наставник всегда знает ровно столько, сколько он сам. Однако Клоун умел вылушивать из его памяти нужные сведения — очень и очень полезная способность.

— Думаю, мы отлично сработаемся, — пробормотал Небесный.

Он смотрел, как тела медиков, кувыркаясь, исчезают в темноте.

Для Вальдивии и Ренго назначили казнь, которую проще всего осуществить на борту звездолета: смерть от удушья в воздушном шлюзе с последующим выбросом в вакуум.

Расследование гибели Старика Бальказара заняло почти два года по бортовому времени. Сначала бесконечное рассмотрение апелляций, затем противоречия, обнаруженные в отчете Небесного... Но апелляции были отклонены, а Небесный сумел представить объяснения, которые удовлетворили почти всех. Сейчас свита старших офицеров толпилась у соседних иллюминаторов, напряженно всматриваясь в темноту. Они уже слышали, как умирающие медики стучали в дверь шлюза, когда из него уходил воздух.

Да, наказание было суровым — с учетом того, что расследование затянулось сверх всякой меры. Но на преступления такого рода нельзя смотреть сквозь пальцы. Вряд ли имеет значение, что эти люди не собирались убивать Бальказара. Они просто проявили небрежность... хотя отсутствие намерений само по себе наводит на подозрение. Небрежность на борту корабля — почти такое же преступление, как и открытый мятеж. И не делать этих людей примером — значит проявить такую же небрежность.

— Ты убил их, — проговорила Констанца достаточно тихо, чтобы ее не услышал никто, кроме Небесного. — Может быть, других ты одурачил, но не меня. Я слишком хорошо знаю тебя, Небесный.

— Ты меня совсем не знаешь, — процедил он сквозь зубы.

— Ошибаешься, я знаю тебя с самого детства. — Она демонстративно улыбнулась, словно произнесла какую-то шутку. — Тебя всегда больше привлекали странные твари вроде Слика, чем нормальные люди. Или чудовища вроде того диверсанта. Ведь ты оставил его в живых?

— Кого я оставил в живых? — Лицо у Небесного было таким же непроницаемым, как у Констанцы.

— Диверсанта. — Она глядела на него сквозь недоверчивый прищур. — Подозреваю, ты давно это задумал. И вообще, где он? На «Сантьяго» есть сотни мест, где можно спрятать человека. Когда-нибудь я его найду, не сомневайся, и положу конец твоим садистским экспериментам. Точно так же я со временем докажу, что ты подставил Вальдивию и Ренго. И ты будешь наказан.

Небесный улыбнулся, вспомнив о камере пыток, в которой держал Слика и химерика. В последнее время дельфин заметно деградировал, из разумного существа он превратился в машину, не способную ни на что, кроме ненависти и причинения боли. Путем нехитрых манипуляций Небесный заставил Слика видеть в диверсанте главного виновника своих злоключений. Дельфин взял на себя роль дьявола и вступил сражение с Богом, каковым в глазах химерика стал Небесный. Это было очень удобно — создать для него воплощение всего жуткого и ненавистного в противовес объекту обожествления. Медленно, но верно химерик приближался к идеалу, задуманному Небесным. К тому времени, когда химерик понадобится — а в ближайшие годы этого не случится, — процесс будет завершен.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — сказал Небесный.

Чья-то рука опустилась ему на плечо. Рамирес, глава Исполнительного совета — органа, имеющего право выбирать кандидатов на вакантную должность капитана. О Рамиресе говорили как о наиболее вероятном преемнике Бальказара.

— Опять монополизировали его, Констанца?

— Мы просто вспоминали старые времена, — ответила она. — Ничего неотложного, уверяю вас.

— Вам не кажется, что мы должны им гордиться? — спросил Рамирес. — Кое-кто мог бы поддаться искушению и усомниться в виновности этих ребят, но только не наш Небесный.

— Да, только не он, — согласилась Констанца и отвернулась.

— Во Флотилии нет места сомнениям, — проговорил Небесный, провожая взглядом тела. — Знаете, какой урок преподавал мне этот славный старик? — Он кивнул на саркофаг-гибернатор, в котором покоилось тело капитана. — Никогда ни в чем не сомневаться.

— Славный старик? — изумленно переспросил Рамирес. — Вы имеете в виду Бальказара?

— Он был для меня как отец. К сожалению, был. Останься он в живых, эти ребята так легко бы не отделались. Бальказар предложил бы что-нибудь посерьезнее, он только мучительную смерть считал действенной мерой устрашения. — Небесный пристально посмотрел на Рамиреса. — Вы ведь тоже придерживаетесь этого мнения, сэр?

— Я... не буду притворяться, что разбираюсь в таких делах, — смутился Рамирес. — К сожалению, я не знал Бальказара так близко, как вы, Хаусманн. Поговаривают, что он до последнего дня оставался в здравом уме. Вам легче об этом судить, ведь вы были его любимцем. — Рука Рамиреса снова легла на плечо Небесного. — И для некоторых из нас это кое-что значит. Мы доверяли мнению Старика и помним, как он доверял твоему отцу Титу. Скажу откровенно, твоя персона обсуждается. Что бы ты сказал насчет...

— Должности капитана? Давайте не будем ходить вокруг да около. Вам не кажется, что это несколько преждевременный разговор? К тому же человек с вашими заслугами, с вашим опытом...

— Год назад я бы, возможно, согласился. Быть может, я и сейчас соглашусь. Но я уже не молод. Не уверен, что в ближайшем будущем мне не придется решать вопрос о преемнике.

— У вас впереди много лет, сэр.

— Возможно. Возможно, я даже смогу дожить до конца полета. Но у меня просто не будет права руководить колонией в первые, самые трудные годы. Даже ты будешь немолод, Хаусманн, когда это произойдет... однако гораздо моложе, чем большинство из нас. Главное, у тебя есть не только проницательность, но и выдержка. — Рамирес вдруг удивился: — Тебя что-то беспокоит?

Небесный следил за тем, как тела казненных исчезают во мгле, — так растворяются в черном кофе капли сливок. Разуме-

ется, корабль двигался по инерции — он дрейфовал на протяжении всей жизни Небесного, — и это означало, что казненные будут удаляться целую вечность.

— Ничем, сэр. Я просто думал. Вот мы избавились от этих людей, и не нужно везти их с собой. Это пусть и мало, но скажется на торможении, когда запустим реверсные двигатели. Еще это означает, что мы можем дольше двигаться с крейсерской скоростью, а следовательно, раньше достигнем Пункта Назначения. Короче говоря, эти негодяи в меру своих ничтожных возможностей заплатили нам за свое преступление.

— Странные у тебя мысли, Хаусманн. — Рамирес приложил палец к губам и придвинулся поближе к собеседнику. Можно было не опасаться, что кто-нибудь из офицеров услышит разговор, но Рамирес продолжал шепотом: — Один маленький совет. Я не шутил насчет того, что твоя кандидатура рассматривается. Но не только твоя. Одно неверное слово, и ты потеряешь все шансы. Намек ясен?

— Абсолютно, сэр.

— Хорошо. Тогда будь начеку, думай, прежде чем делать, и тебе, возможно, повезет.

Небесный кивнул. Видимо, Рамирес ожидал благодарности, но единственным чувством, которое он вызывал у Хаусманна, было презрение. Как будто желание Рамиреса и его компании перестарков может что-то изменить! Как будто от них и впрямь зависит, станет Небесный капитаном или нет! Несчастные слепые глупцы.

«Экое ничтожество, — подумал о нем Небесный. — Однако надо дать ему почувствовать, что он полезен для нас».

— Ну конечно, — согласился Клоун, он, как всегда, был поблизости. — Я бы поступил так же.

ГЛАВА 25

Когда эпизод закончился, я бродил по вестибюлю вокзала, пока не нашел палатку, где смог на несколько минут арендовать телефон. Прежние информационные сети, работавшие

с непринужденной легкостью, прекратили свое существование, и обществу пришлось перейти на телефоны, и это было длинным шагом назад — благодаря машинам дистанционная коммуникация напоминала телепатию. Однако телефоны приобрели дополнительную функцию, превратившись в модный аксессуар. Малообеспеченные жители Йеллоустона не могли позволить себе такую роскошь, зато те, кто побогаче, гордо носили разнообразные аппараты, причем наиболее престижными считались массивные, привлекающие внимание.

Доставшийся мне телефон больше всего напоминал старинную армейскую рацию уоки-токи — неуклюжая черная коробка с выдвижным двухмерным экраном и потертыми кнопками с каназианскими буквами.

Я спросил менеджера, как дозвониться до орбитальной станции и Полога, и получил инструкцию с таким количеством пунктов, что едва мог удержать их в памяти, — главное, конечно, не перепутать варианты. С орбитальным номером получилось проще, поскольку я уже знал его, — он был выгравирован на кредитной карточке нищенствующих, которую оставила мне Амелия. Но пришлось пройти через четыре или пять слоев межпланетной сети, прежде чем мне ответили.

У нищенствующих весьма любопытный способ вести дела. Они долгое время поддерживают связь с большинством своих клиентов после того, как те покидают «Айдлвилд». Некоторые из этих клиентов впоследствии занимают высокие должности, добиваются положения в обществе и расплачиваются с целителями пожертвованиями, позволяющими обители держаться на плаву. Но этим дело не ограничивается. Нищенствующие не без основания рассчитывают на кое-какие дополнительные услуги со стороны бывших клиентов — в том, что касается так называемого сверхделикатного шпионажа. Отсюда стремление постоянно находиться в пределах легкой досягаемости.

Мне пришлось выйти из здания вокзала под дождь, прежде чем телефон сумел подключиться к одной из уцелевших городских сетей. И все же прошла не одна секунда, прежде чем система, то и дело подвися, отыскала путь к хоспису. После того как связь была установлена, разговор часто прерывался из-за технических пауз. Я очень ясно представлял себе, как пакеты данных перемещаются в околопланетном пространстве Йел-

лоустана, рикошетом отскакивая от орбит и время от времени уходя по касательной в никуда.

— Брат Алексей из ледяных нищенствующих. Чем могу угождать через вас Господу?

На экране замаячило тощее лицо с квадратным подбородком и глазами совы, попавшей на дневной свет, — глазами, которые буквально излучали спокойную благожелательность, невзирая на то, что один был оттенен темно-лиловым синяком.

— Так-так, — произнес я. — Брат Алексей. Очень приятно. Что случилось? Споткнулись о свою мотыгу?

— Не уверен, что понимаю вас, друг мой.

— Отлично, я немного освежу твою память. Меня зовут Таннер Мирабель. Я прибыл на «Орвието» и прошел через хоспис несколько дней назад.

— Я... не уверен, что помню вас, друг мой.

— Забавно. А ты не помнишь, как мы кое-что пообещали друг другу в пещере?

Он скрипнул зубами, удерживая на лице доброжелательную улыбку:

— Нет... извините. Ничего такого не припомню. Но продолжайте, пожалуйста.

На нем была мантия ледяных нищенствующих, руки сцеплены в замок на животе. За спиной брата Алексея уступами поднимались террасы с виноградниками. Высоко над его головой они смыкались в арку, утопающую в солнечном свете, отраженном экранами обители. Террасы были усеяны шале и павильонами — прохладными белыми кубиками в буйной роскоши зелени, походившими на осколки айсберга в пенящемся соленом море.

— Я бы хотел поговорить с сестрой Амелией, — сказал я. — Она была очень добра ко мне и помогла в делах. Если не изменяет память, ты с ней знаком?

Его безмятежное лицо не дрогнуло.

— Сестра Амелия — одна из добрейших душ. Неудивительно, что вы желаете выразить ей свою благодарность. Но боюсь, она занята — обслуживает криокапсулы. Могу ли я оказать вам посильную помощь? Конечно, мне не сравниться с самоотверженной преданностью блаженной сестры Амелии...

— Что ты ей сделал, Алексей?

— Ничего, прости вас Бог.

— Хватит строить из себя невинность. Я тебе шею блаженную сверну, если ты хоть пальцем тронул девчонку, понятно? Вообще-то, надо было это сделать еще в прошлый раз.

Он ненадолго задумался.

— Нет, Таннер... Я ничего ей не сделал. Вы удовлетворены?

— Тогда позови ее.

— Почему вы так хотите поговорить именно с ней, а не со мной?

— Из наших разговоров мне известно, что сестра Амелия имела дело со многими иммигрантами, прошедшими через хоспис. Я хочу узнать, не помнит ли она господина...

«Квирренбаха». Я едва не сказал это, но вовремя прикусил язык.

— Извините, я не расслышал имени.

— Не важно. Просто соедини меня с Амелией.

Он помедлил, затем снова попросил меня представиться, словно нас только что познакомили.

— Таннер, — процедил я сквозь зубы.

— Попрошу минутку вашего... терпения, друг мой.

Он продолжал изображать спокойствие, но в голосе появились напряженные нотки. Задрав рукав рясы, он заговорил, обращаясь к бронзовому браслету на запястье, еле слышно, на особом наречии нищенствующих. На браслете появилась картинка — слишком мелкая, ничего не видно, кроме туманного розового пятна. Это было человеческое лицо, оно могло принадлежать кому угодно, в том числе и сестре Амелии.

Через пять-шесть секунд Алексей опустил рукав.

— Ну как?

— Сейчас я не могу с ней связаться, друг мой. Она копается в слякоти... простите, занимается вновь прибывшими, поэтому беспокоить ее крайне нежелательно. Однако мне сообщили, что она тоже вас разыскивает.

— Разыскивает меня?

— Если хотите, можете оставить сестре Амелии свои координаты...

Я прервал связь с хосписом, прежде чем Алексей успел договорить. Должно быть, бедолага стоит посреди виноградника и мрачно пялится на темный экран в надежде, что я восстанов-

лю связь. Какая блаженная досада... Похоже, он хотел определить мое местонахождение, однако не удалось. Да, люди Рейвича времени зря не теряют, уже обзавелись агентами среди нищенствующих. Они догадывались, что я попытаюсь связаться с обителью и по неосторожности засвечусь.

Их план едва не сработал.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы узнать телефон Зебры. Я вспомнил, что сначала она назвала себя Тарин и лишь потом именем, под которым ее знали друзья-саботажники. Я понятия не имел, сколько в Городе Бездны женщин по имени Тарин. На сей раз мне повезло — их оказалось меньше дюжины. Даже не пришлось обзванивать: на экране появилась карта Города с соответствующими пометками. Поблизости от Бездны располагалась лишь одна точка. На сей раз меня соединили гораздо быстрее, но все равно не мгновенно. По-прежнему досаждали статические разряды, — казалось, сигналу приходится ползти по телеграфному проводу на другой конец континента, а не перепрыгивать через пять-шесть километров отягощенной смогом атмосферы.

— Таннер, где ты? Почему сбежал?

Я замялся, чудом удержавшись, чтобы не сообщить ей, что нахожусь возле Гранд-Сентрал. Впрочем, при желании она могла разглядеть вокзал у меня за спиной.

— Меньше знаешь, крепче спишь. Я доверяю тебе, Зебра, но ты слишком тесно связана с «Игрой».

— Думаешь, выдам?

— Нет, хотя в упрек я бы этого не поставил. Просто не могу допустить, чтобы кто-то узнал мои координаты через тебя.

— А кому нужны твои координаты? Слышала, ты успел поквитаться с Уэверли. — Ее полосатое лицо заполнило экран, так что я увидел розоватые жилки в уголках глаз.

— Он координировал «Игру» и должен был знать, что рано или поздно я его убью.

— Конечно, Уэверли садист... но он был одним из наших.

— А что мне было делать — мило улыбнуться и сказать «я в домике»?

Внезапный заряд ливня заставил меня спрятаться под карнизом здания. Я прикрыл рукой трубку, и лицо Зебры покрылось рябью, словно поверхность озера.

— Если хочешь знать, лично я ничего против Уэверли не имел. Ничего такого, за что следовало бы пустить пулю в лоб.

— Насколько мне известно, ты пользовался не пулями.

— Он припер меня к стенке, не оставил выбора, вот и пришлось убить. И я справился быстро, имей в виду.

Я не стал подробно расписывать, как на самом деле погиб Уэверли. Он стал жертвой жителей Мульчи, но что это меняет?

— Вижу, ты вполне способен о себе позаботиться. Мне стоило догадаться, когда я нашла тебя в том доме. Обычно до него добраться не успевают. Тем более получив до этого ранение. Кто ты такой, Таннер Мирабель?

— Человек, который очень хочет выжить, — сказал я. — Извини, пришлось у тебя кое-что прихватить. Я благодарен и при случае непременно отплачу. За заботу и прочее.

— Не надо никуда идти, — сказала Зебра. — Я обещала спрятать тебя до конца «Игры».

— У меня есть срочные дела.

Я зря это сказал. Зебре совершенно не следует знать о том, что я ищу Рейвича или кого-то еще. Теперь у нее появится повод подумать, каким образом выманить меня из убежища.

— Странно, но я почти готова поверить твоему обещанию, — проговорила она. — Не знаю почему, Таннер, но мне кажется, что ты держишь слово.

— Ты права. И когда-нибудь это будет стоить мне жизни.

— Что ты имеешь в виду?

— Не важно. Лучше скажи, сегодня кто-нибудь играет? Кому, как не тебе, об этом знать.

Зебра ненадолго задумалась.

— Да. Но что тебе до этого, Таннер? Неужели ты ничему не научился? Твое счастье, что остался жив.

Я улыбнулся:

— Пожалуй, пока я не могу сказать, что Город Бездны мне осточертел.

Вернув телефон менеджеру, я попытался обдумать дальнейшие перспективы. Но лицо Зебры, ее голос стояли за каждой моей мыслью. Зачем я ей позвонил? Единственный повод, который я смог придумать, — необходимость принести извинения. Совершенно бессмысленный поступок. Он скорее должен был

успокоить мою совесть, нежели женщину, обокраденную мной. Я прекрасно понимал, насколько ее оскорбило мое предательство, понимал, что в обозримом будущем не смогу отплатить ей. Однако что-то заставило меня позвонить. Сняв поверхностный слой, чтобы докопаться до подлинной причины, я обнаружил лишь калейдоскоп эмоций и порывов. Ее запах, ее смех, изгиб ее бедер. Полосы на спине, которые сначала превратились в волны, а потом выпрямились, когда наша любовная игра закончилась и женщина откатилась от меня. То, что я обнаружил, мне не понравилось. Поэтому я захлопнул эту шкатулку, словно в ней кишели ядовитые змеи.

Я вернулся на рынок, чтобы шум толпы приглушил мои мысли и помог сосредоточиться на более важных вещах. У меня еще оставались деньги. По меркам Мульчи я был настоящим богачом, хотя в Пологе эта сумма показалась бы смешной. После расспросов я смог сориентироваться в ценах и снял комнату в нескольких кварталах от рынка, в одном из районов Мульчи — надо сказать, не самом захолустном.

Правда, о моем жилище сказать такого было нельзя. Квартира занимала угол пристройки — качающегося восьмьярусного куба, одного из наростов, облепивших основание огромного здания. Скорее всего, возраст этого нароста был весьма почтенным, поскольку он успел обзавестись новообразованиями вроде лестниц — приставных и обычных, горизонтальных площадок, сточных систем, шпалер для растений и клеток для животных. В общем, это сооружение, далеко не самое безопасное в Мульче, пребывало в таком состоянии уже не первый год и вряд ли сочло бы мое прибытие сигналом к обрушению.

Я проследовал по бесконечной череде лестниц и площадок, перешагивая через дыры в бамбуковом настиле, сквозь которые с головокружительной высоты просматривалась улица. Мою комнату освещали газовые светильники. Однако, как я заметил, в другие части комплекса было проведено электричество. Где-то внизу без умолку жужжали метановые движки, ведя неравное состязание с уличными музыкантами, зазывалами, муэдзинами, разносчиками и животными. Но вскоре я перестал замечать эти звуки, а когда задернул шторы, в комнате воцарился вполне уютный полумрак.

Кроме кровати, мебели там не было. Но что мне еще нужно?

Усевшись на кровать, я задумался. Пока сцены из жизни Хаусманна не вклинивались в мое сознание, я мог анализировать их с холодной отстраненностью патологоанатома.

В них было нечто странное.

Я прибыл сюда, чтобы убить Рейвича, и вдруг — совершенно неожиданно — столкнулся еще с одной проблемой. Она состояла не только в том, что меня начали посещать видения. А ведь все начиналось вполне заурядно. Нельзя сказать, что я был этим галлюцинациям рад, но не сомневался, что смогу от них избавиться, поскольку знал, чем все может обернуться.

Эти сны — их уже нельзя было назвать снами, поскольку они приходили среди бела дня, — открывали мне далекое прошлое. Я становился свидетелем преступлений Небесного, о которых никто даже не подозревал. А такие сомнительные факты, как существование диверсанта и легендарного шестого корабля под названием «Калеуче», как принадлежность Небесного к числу пассажиров-бессмертных, — тайна, которую раскрыл ему Тит? Но разве Небесный Хаусманн не умер? Разве не его распятое тело я видел в Нуэва-Вальпараисо? Даже если это подделка, никто не может отрицать, что вскоре после приземления Флотилии он был арестован, заключен в тюрьму, подвергнут пыткам, осужден и казнен на глазах у тысяч людей.

Тогда почему я уже сомневаюсь в его смерти?

Это просто индоктринационный вирус, сказал я себе. Он морочит тебе голову, Таннер Мирабель.

Впрочем, засыпая, я думал не только о Небесном.

На этот раз мне приснилось прямоугольное помещение — не то тюремная камера, не то арена для крысиных боев. Я стою на смотровой площадке, огороженной перилами. Сверху льется ослепительный белый свет, стены и пол отделаны керамической плиткой и украшены огромными лоснящимися листьями папоротника и искусно декорированными древесными ветками, — очевидно, это должно изображать джунгли. Среди растений на полу — человек.

Как будто бы я узнал эту комнату.

Человек был наг, он лежал, скорчившись в позе эмбриона. Похоже, его вначале поместили сюда, а затем дали очнуться. Бледная кожа была покрыта пленкой пота, словно сахарной глазурью. Вот он приподнял голову, открыл глаза, огляделся и по-

пытался встать, но тут же пошатнулся и принял исходное положение, то есть съежился на полу. Он не мог стоять, потому что одна из ног ниже щиколотки заканчивалась чистым бескровным обручком и походила на аккуратно разрезанную колбасу. Человек повторил попытку и на этот раз ухитрился добраться до стены прыжками, но снова не удержал равновесия. Потом лицо исказилось от невыразимого ужаса. Человек вскрикнул.

Его сотрясала дрожь. В противоположном конце помещения, в темной нише, кто-то шевельнулся. Неведомое существо двигалось медленно и тихо, но человек ощущал его присутствие. Теперь он уже не вскрикивал, а визжал, точно свинья под ножом. Раздался звучный шлепок — из ниши на пол вывалилась грудa темных колец толщиной с человеческое бедро. Не прекращая неспешного движения, тварь подняла украшенную капюшоном голову, словно принюхиваясь; туловище продолжало выползать из ниши. Вопли стали прерывистыми — человек задыхался — и от этого все более жуткими. Нет, сам-то я ничего не чувствовал, просто ждал в некоем странном напряжении, как будут развиваться события. Гамадриада подползала все ближе, и бежать было некуда.

Я проснулся в холодном поту.

Спустя некоторое время я вышел на улицу. Я проспал почти весь день. Не могу сказать, что хорошо отдохнул — мои мысли пребывали в крайнем смятении, — но по крайней мере не валялся с ног от усталости. Прогуливаясь по улицам Мульчи, я наблюдал за городским движением. Кругом сновали пешеходы, рикши, экипажи на паровой тяге и на метане, изредка встречались паланкины, воланторы или фуникулеры, впрочем последнее не задерживались здесь надолго. Я заметил, что уже не привлекаю к себе такого внимания, как при первом появлении в Городе. Небритый, с провалившимися усталыми глазами, я теперь больше походил на жителя Мульчи.

Ночные торговцы устанавливали палатки, некоторые уже развешивали фонари, готовясь к приходу сумерек. Наполненный метаном дирижабль, похожий на уродливую гусеницу, гордо парил в небе. Какой-то тип, высунувшись из гондолы, вскрикивал в мегафон невнятные лозунги. Под днищем гондолы висел проекционный экран, на нем менялись расплывчатые пестрые картинки. Я слушал, как над Мульчей разносится прон-

зительный голос муэдзина, созывая верующих на молитву или на какое-то иное богослужение. Потом заметил человека, чьи уши отвисали под тяжестью драгоценных камней. Его передвижной прилавок был увешан тростниковыми корзинками, в них шевелились змеи всевозможных размеров и раскрасок. Торговец приоткрыл одну из клеток и потыкал палочкой в змею из тех, что потемнее. Когда она начала нехотя разворачивать свои кольца, я вспомнил отделанную белым кафелем камеру, которую видел во сне.

Это был резервуар, где Кагуэлла держал молодую гамадриаду. Я мог только догадываться, что бы это могло значить, но мне стало страшно.

Чуть позже я купил себе оружие.

Оно не было громоздким и не бросалось в глаза, то есть не обладало теми недостатками, из-за которых пришлось продать ружье, украденное у Зебры. Приобретение было столь мало, что помещалось в кармане сюртука. Это был пистолет, изготовленный в другой планетной системе и предназначенный для стрельбы ледяными пулями, — их разгоняли до сверхзвука последовательные магнитные импульсы, возникающие в обмотке внутри ствола. Ледяные пули не менее опасны, чем металлические или керамические, но обладают одним преимуществом: попав в тело, они тают в течение нескольких секунд. Кроме того, для их изготовления достаточно стакана воды, желательно чистой. К пистолету прилагалась специальная обойма с портативным криогенным элементом. После того как преступление совершено, выследить владельца такого пистолета почти невозможно — идеальное орудие убийства. Не важно, что пули не снабжены системой самонаведения и не могут пробить некоторые типы брони. Сверхмощное оружие вроде ружья Зебры пригодно лишь для стрельбы с большого расстояния. В моем случае это весьма маловероятно. Я не в той ситуации, когда можно часами сидеть у окна, щуриться в мощную оптику и ждать, когда в прицельной сетке покажется силуэт, размытый многокилометровой толщей воздуха и тепловыми излучениями. Настоящая работа выглядит совсем иначе. Тыходишь в комнату и пускаешь единственную пулю с расстояния достаточно близкого, чтобы увидеть белки расширившихся от ужаса глаз.

На Мульчу опустился вечер. Повсюду, кроме улиц по соседству с базаром, поток пешеходов заметно редел. Корни Полога

тянулись вниз, отбрасывая зловещие тени, и эта картина вызывала чувство неотвратимой угрозы.

Мне предстояло поработать.

Повозкой управлял рикша — либо тот же самый паренек, что в прошлый раз привез меня в Мульчу, либо его брат-близнец. Во всяком случае, он испытывал к месту, которое я назвал, точно такое же отвращение. Юнец наотрез отказывался доставить меня туда, пока я не пообещал щедрые чаевые. Нельзя сказать, что это сильно подняло его настроение. Скорость, с которой мы двигались по темнеющим закоулкам Города, указывала на страстное желание возницы поскорее закончить рейс и отправиться восвояси. Отчасти его беспокойство передалось и мне. То и дело моя рука непроизвольно опускалась в карман, чтобы прикоснуться к холодному пистолету, точно к какому-то талисману. Это действительно успокаивало.

— Зачем вам туда, господина? Все знать, что эта часть Мульча плохой и лучше держаться отсюда подальше, если вы умный.

— В который раз уже это слышу, — вздохнул я. — Ладно, считай меня не слишком умным, если тебе от этого будет легче.

— Я не говорить про вас так, господина. Вы хорошо платить — значит, вы очень умный. Я просто давать совет.

— Спасибо. Я тоже хочу дать тебе совет: поезжай и следи получше за дорогой. Об остальном позабочусь я.

На этом наш разговор закончился. Впрочем, мое настроение и не годилось для беседы о пустяках. Я смотрел, как мимо ползут темные стволы зданий. Их уродливые очертания понемногу делались привычными — странно, но мне казалось, что все города в конечном итоге должны стать такими.

Кое-где Полог поднимался выше, и в нем виднелись разрывы. В других местах он вращался прямо в плотные наслоения построек, полностью заслоняя Москитную Сетку. Очевидно, лучи солнца не проникали сюда даже в полдень. Это были самые скверные кварталы Мульчи — зона, где постоянно царила ночь, где правила преступность, где местные жители от рождения и до смерти вели игру не менее жестокую, чем игры, которыми развлекались обитатели верхнего уровня. Я так и не убедил рикшу отвезти меня вглубь трущоб и в конце концов расстался с ним, сжимая в кармане пистолет с ледяными пулями.

Несколько минут я брел по щиколотку в дождевой воде, пока не достиг стены здания. Я узнал его по описанию Зебры. За-

таившись в нише, худо-бедно спасавшей от дождя, я ждал, пока не погасли последние отблески дневного света. Тогда все тени, словно по команде, слились и окутали Город гигантским покрывалом серой мглы.

Ожидание казалось бесконечным.

В Городе Бездны наступила ночь. Надо мной сиял полог Полога. Сцепленные пальцы домов покрылись россыпью мерцающих точек и уподобились фосфоресцирующим щупальцам морских тварей. Я видел, как по паутине двигаются фуникулеры, — они прыгали, точно плоские камешки с волны на волну.

Прошел час. За это время я раз десять сменил положение, но так и не нашел позу, в которой через несколько минут не начинали затекать руки или ноги. Вынув пистолет, я позволил себе небольшое транжирство — выпустил обойму в угол здания напротив, чтобы оценить силу отдачи и точность боя. Поблизости никого не было, а может, просто никто не обратил внимания на свист выстрелов.

Наконец они прибыли.

ГЛАВА 26

В двух-трех кварталах от меня опускался фуникулер, черный и блестящий, как уголь. Вот его пять телескопических рычагов втянулись под крышу... Потом боковая дверца распахнулась, и из кабины выскочили четверо. По сравнению с ружьями, которые они несли на руках, точно младенцев, мой пистолет выглядел жалким недоразумением. Зебра сообщила мне, что сегодня ночью состоится охота. В этом не было ничего необычного — скорее правило, чем исключение. Но после настоящих уговоров она мне еще кое-что выдала, а именно место, где ребята собрались повеселиться. На карту было поставлено многое. Зебра сорвала попытку убить меня, испортив привычное ночное развлечение зрителям, которые присутствуют на каждой охоте и платят за это немалые деньги.

— Я отвечу тебе, — сказала она наконец, — но с условием. Ты воспользуешься моей информацией только для того, чтобы

держаться от этого места подальше. Один раз я спасла тебя, Таннер Мирабель, а ты обманул мое доверие. Это обидно, и почему-то нет желания помогать тебе впредь.

— Зебра, ты ведь догадываешься, как я поступлю.

— Пожалуй, догадываюсь. По крайней мере на этот раз не врешь. Ведь ты держишь слово?

— Я не совсем тот, за кого ты меня принимаешь.

Пожалуй, стоило сказать ей это, если она еще не догадалась сама.

Зебра сообщила, какой квартал выбран для охоты. По ее словам, добычу уже нашли и снабдили имплантатом. Иногда охотники делали несколько рейдов за ночь, позволяя остальным жертвам спать, пока не освобождалось очередное вакантное место.

— Кому-нибудь удалось спастись?

— Тебе, Таннер.

— Нет, я имею в виду — самостоятельно, без помощи саботажников. Такое случается?

— Иногда случается, — ответила она. — Возможно, даже чаще, чем ты думаешь. Но не потому, что добыче удастся перехитрить охотников. Просто так решают организаторы. Иначе «Игра» стала бы слишком скучной.

— Скучной?

— Без элемента риска. Полог побеждал бы всегда.

— Это нечестно, — согласился я.

Теперь я следил, как они крадутся под дождем, держа оружие наготове и торопливо заглядывая в каждую щель и закоулок. Скорее всего, добычу незаметно высадили где-то неподалеку несколько минут назад. Возможно, бедняга еще не совсем проснулся, как тот парень в камере с белыми стенами, — медленно очухивается, чтобы обнаружить, что оказался один на один с чем-то ужасным.

Отряд состоял из двух женщин и двоих мужчин. Когда они приблизились, я разглядел на их лицах маски, похожие на карнавальные, но очень практичные. На женщинах были маски кошек, в хищных миндалевидных прорезях для глаз поблескивали линзы. Перчатки были дополнены когтями, а когда черные плащи распахивались, виднелись трико, у одной в тигровых полосах, у другой в леопардовых пятнах. Затем до меня

дошло, что это вовсе не трико, а голая кожа, видоизмененная и поросшая мехом. Перчаток тоже не было. Одна из женщин усмехнулась, отпустив какую-то шутку, и в темноте драгоценными камнями блеснули клыки. Мужчины не были столь сильно трансформированы. Они тоже походили на хищников, но только за счет костюмов. Ближайший ко мне изображал медведя, но под верхней челюстью косматой маски виднелось вполне человеческое лицо. Физиономию его спутника украшала пара огромных фасеточных глаз, постоянно ловивших и преломлявших блеск ярусов Полога.

Когда охотники оказались в двадцати метрах от моего убежища, я пригнулся и бросился наперерез, почти не сомневаясь, что они не успеют прицелиться. Расчет оказался верным, хотя я несколько недооценил противников. По воде у самых моих каблуков хлестнули выстрелы, но я успел пересечь улицу и нырнуть в какую-то щель.

— Это не он, — услышал я голос игрока, кажется женский. — Здесь никого не должно быть!

— Значит, у нас есть возможность пристреляться. Вперед, господа. Всем разойтись, и прикончим паршивца.

— Повторяю, это другой! Наш должен находиться в трех кварталах южнее. И вообще, почему он покинул укрытие?

— Потому что мы его почти обнаружили.

— Этот слишком быстро двигается, в Мульче таких резвых нет.

— Значит, тебе брошен вызов. Ты недовольна?

Я рискнул выглянуть из своего убежища. В тот же миг передо мной ударила молния, и я успел отчетливо разглядеть фигуры охотников.

— Он только что был здесь! — воскликнула женщина.

Послышался визг энергетического разряда, вслед за которым в ночи протрещала очередь из пулевого оружия.

— Ты видел лицо? — спросила охотница. — У него глаза светятся!

— С каких пор ты боишься привидений, Шантерель?

Это был голос одного из мужчин, возможно «медведя». Он был совсем близко. Вызвав в памяти фигуры охотников, я мысленно переместил их туда, где они должны были находиться, пройдя несколько шагов, — словно представил следующую ми-

зансцену спектакля. Потом вышел из укрытия и открыл огонь. Пистолет трижды коротко пискнул.

Я почти не целился: то, что увидел, полностью совпадало с картиной, которую создало воображение. Стреляя от бедра, я продырявил ляжку троем из четверки, потом пустил пулю наугад, имитируя промах, и метнулся назад, за стену.

Получивший пулю в бедро человек на ногах не удержится. Может, мне показалось, а может, я и впрямь услышал три всплеска, как при падении тела в воду. Полной уверенности не было: обычно такое ранение не располагает к молчанию. Рану, которую я получил прошлой ночью, можно назвать безболезненной, поскольку в меня стреляли из дуэльного лазерного оружия, — луч у него очень тонкий. Правда, мои ощущения трудно назвать приятными.

Теперь можно рискнуть. Скорее всего, эти трое уже не опасны, они лежат в луже и, даже если не выронили свое оружие, не смогут толком воспользоваться им. Оно ведь не слишком отличается от того, из которого меня подстрелили, а значит, высокой точностью не обладает. И если кто-нибудь выстрелит в мою сторону, он, скорее всего, промахнется.

Что касается четвертого охотника, то насчет этой дамочки у меня были особые планы. Именно поэтому ее кровь сейчас не увеличивала лужи на тротуаре.

Выйдя из-за укрытия, я демонстративно помахал пистолетом — весьма смело, учитывая его размер. Сейчас куда уместнее была бы здоровенная пушка вроде Зебриной.

— Стоять! — воскликнула женщина. — Ни с места, а то прикончу!

Она находилась метрах в десяти и держала меня под прицелом. Мисс Леопард в маске с миндалевидными прорезями. Впрочем, сейчас ее движения уже не отличались кошачьей грацией.

— Положите игрушку, — велел я. — Или помогу вам это сделать.

Задумайся эта женщина хоть на секунду о ранениях, из-за которых ее дружки сейчас хныкали в луже, она бы сообразила, что перед ней весьма опытный снайпер, способный выполнить свою угрозу. Но она, очевидно, не утруждала себя размышлениями. Я заметил, как дуло поднялось на полдюйма, а руки напрыглись в ожидании отдачи.

Поэтому я выстрелил первым. Оружие выскочило с певучим звоном и упало в воду одновременно с ледяной пулей. Женщина заскулила, как собачонка, и принялась осматривать руку, проверяя, целы ли пальцы.

Я чувствовал себя оскорбленным. Неужели она так и не поняла, что перед ней профессионал?

— Прекрасно, — сказал я. — Вы разоружились. Мудрое решение — оно избавляет меня от необходимости прострелить плечевой нерв. Теперь отойдите от своих сопливых дружков к машине.

— Мерзавец! Они же ранены!

— Считайте, что им повезло. Они могли умереть.

«И наверняка умрут, — мысленно добавил я, — если не получат медпомощь в самое ближайшее время».

Вода, в которой они лежали, уже принимала зловещий вишневый оттенок, заметный даже в сгустившихся сумерках.

— Идите к фуникулеру, — повторил я. — Вы сможете позаботиться о них, когда мы будем в воздухе. Само собой, им очень повезет, если раньше сюда не доберется кто-нибудь из местных жителей.

— Скотина! — сказала она.

Продолжая держать охотницу на мушке, я прошел между ней и ее стонущими друзьями.

— Надеюсь, у них нет имплантатов, — произнес я, окинув взглядом раненых. — Жители Мульчи любят пожить в таких трофеях, едва ли при этом они заполняют необходимые бумаги.

— Вы просто дерьмо!

— Сердитесь? Должно быть, не привыкли получать отпор.

— Кем бы вы ни были, мы охотились не за вами.

— Вас, случайно, не Шантерелью зовут? — Я вспомнил, как один из охотников произнес это имя. — Звучит весьма изысканно. Держу пари, что ваша семья принадлежала к демархистской аристократии, прежде чем Прекрасной Эпохе пришел конец.

— Моя жизнь и мои проблемы вас не касаются.

— Простите... совершенно с вами согласен.

Я поднял одно из ружей, считал данные с дисплеев и убедился, что оно готово к применению. Ситуация находилась под

контролем, но меня не покидало беспокойство. Я не мог избавиться от ощущения, вернее, от смутного предчувствия, что за основным отрядом пробирается еще один охотник и что именно сейчас он смотрит на меня сквозь прицел мощного и точного оружия. Не стоит подавать виду, Таннер.

— Боюсь, вас подставили, Шантерель. Взгляните на мою голову. Видите? Ранка от имплантата. Но он не действовал, как ожидалось.

Я шел на риск. Будем надеяться, что покойный Уэверли не успел сообщить необходимую информацию своему преемнику.

— Вас одурачили. Человек, вжививший мне эту штучку, работал на сабов и хотел заманить вас в ловушку. Этот имплантат переделан, он выдавал искаженные данные, чтобы направить вас по ложному следу.

Я сомневался, что подобное осуществимо технически, но все же самодовольно ухмыльнулся:

— Вы думали, что я нахожусь далеко отсюда, и не ожидали засады. И наверняка не рассчитывали, что добыча будет вооружена. Небось уже поделили шкуру неубитого медведя... — Я покосился на троицу, корчашуюся в лужах. — Прошу прощения за бестактность.

Охотник в маске медведя стонал, зажимая рану на бедре. Он хотел что-то сказать, но я пинком заставил его успокоиться.

Шантерель подошла к черному обелиску фуникулера. Если внутри кто-то есть, моя карта бита. Но прежде чем мисс Леопард открыла дверцу, я понял, что рисковал не зря. Салон был пуст.

— Лезьте в кабину! — приказал я. — И без шуток. Говорят, у меня не слишком хорошо с чувством юмора.

Салон был оборудован с подлинной роскошью: четыре кресла, обитые бордовым бархатом, удобный пульт управления с мерцающей подсветкой и неплохой выбор напитков в мини-баре. Рядом красовалась стойка с полированным оружием и трофеями. Теперь мой пистолет смотрел Шантерель в висок. Думаю, она чувствовала себя не слишком уютно, но старт получился довольно плавным.

— Полагаю, вы знаете, чего хотите.

— Разумеется. Для начала хочу попросить, чтобы вы подняли вагон повыше, — мы немного прогуляемся. Я бы не отказался

от небольшой экскурсии по Городу, если вы не против. Ночь сегодня просто дивная.

— Вы правы, — отозвалась Шантерель. — Ваше чувство юмора недооценивают. А деликатность сделала бы честь плавящей чуме.

Отпустив эту колкость, она склонилась над пультом и установила курс. Когда фуникулер, раскачиваясь, двинулся вперед, Шантерель медленно обернулась и пристально поглядела мне прямо в глаза:

— Кто вы на самом деле и чего от меня хотите?

— Повторяю: я тот, кто добавил в вашу маленькую забаву толику крайне необходимого равновесия.

Шантерель вскинула руку, словно хотела дать мне пощечину. Эта женщина или очень смела, или очень глупа, учитывая расстояние от моего пистолета до ее очаровательной головки и готовность в любой момент спустить курок, которую я не скрывал. Но она всего лишь коснулась ранки, откуда Доминика извлекла имплантат.

— Его здесь нет, — произнесла Шантерель. — А может, и не было.

— Значит, Уэверли солгал и мне. — Я искал у нее на лице признаки волнения, но, похоже, она ожидала услышать нечто подобное. — Он и не думал вживлять устройство.

— Тогда кого же мы преследовали?

— Откуда мне знать? Может, вам не нужны имплантаты, чтобы отслеживать добычу? Или это очередное усовершенствование, о котором мне ничего не известно?

В этот момент фуникулер сделал очередной головокружительный прыжок с троса на трос — похоже, слишком далеко расположенный, чтобы ощущения пассажиров в процессе скачка можно было назвать комфортными. Впрочем, Шантерель даже не моргнула.

— Не возражаете, если я... позабочусь о своих друзьях?

— Как вам будет угодно.

Ни секунды за все время нашего знакомства она не выглядела такой взволнованной, как в ходе этого разговора на борту вагона канатной дороги. По ее словам, они с друзьями отправились в Мульчу, чтобы сделать снимки «Игры», но на них напала шайка агрессивно настроенных свиней. В ее голосе было столько твердости, что я едва не поверил.

— Не надо бояться, — сказал я, хотя это вряд ли прозвучало столь же убедительно. — Мне нужна лишь информация самого общего характера, так что с вас несколько не убудет. А потом вы отвезете меня в Полог.

— Я вам не доверяю.

— Еще бы. На нашем месте я бы тоже не доверял. Но меня совершенно не интересуют ваши чувства. У меня в руке пистолет, и поэтому вы будете выполнять мои приказы. — Я облизнул губы, они совсем пересохли. — Другой вариант: украсить этот салон содержимым черепа. Надеюсь, это не самый трудный выбор на свете?

— Что вы хотите узнать?

— Расскажите об «Игре», Шантерель. Я впервые услышал о ней от Уэверли, и его слова походили на правду, но хотелось бы получить исчерпывающие сведения. Вы можете их предоставить?

Она могла. Похоже, пистолет у виска способен пробудить дар красноречия в ком угодно. Кроме того, ей явно нравилось слушать собственный голос. Честно говоря, я не мог упрекнуть ее за эту маленькую слабость. Голос у Шантерели действительно был очень приятным, особенно в сочетании со словами, которые она произносила.

Ее семья принадлежала к клану Саммартини, как я узнал позже, одному из самых могущественных кланов Бель-Эпок. Это означало, что родословная Шантерели уходит корнями к первопоселенцам-американо, то есть насчитывает не один век. Семьи, способные проследить свою генеалогию так далеко, пользовались королевским почетом, притом что особ королевской крови в безоблачные дни Прекрасной Эпохи просто не существовало.

Саммартини состояли в близком родстве с Силвестами — кланом, занимавшим первую строчку в табели о рангах. Я вспомнил рассказ Сибиллины о Кэлвине Силвесте. Этот человек воскресил забытые технологии нейросканирования, от которых в свое время отказались, — технологии, превращавшие живых людей в бессмертные компьютерные копии-симулякры, правда оригиналы при этом погибали.

Поначалу трансмигрантов этот факт не слишком беспокоил. Но когда копирование стало давать сбой, люди заволновались.

Первыми трансмигрантами были семьдесят девять добровольцев — восемьдесят, если считать самого Кэлвина. Симулякры большинства из них утратили способность к воспроизводству задолго до того, как логические базы, на которых они создавались, поразила чума. В память о погибших посреди Города Бездны был возведен Монумент Восьмидесяти — огромный мрачный склеп, где оставшиеся во плоти родственники усопших могли ухаживать за их гробами. Когда разразилась эпидемия, Монумент решили пощадить.

В числе восьмидесяти было несколько членов семьи Саммартини.

— Нам повезло, — сообщила Шантерель. — Сканы Саммартини оказались среди пяти процентов уцелевших, а поскольку мои бабушка и дедушка уже имели детей, наша линия сохранилась.

Голова у меня пошла кругом. Значит, у Шантерели два типа родственников: одни воспроизводятся в виде бесконечных копий-симулякров, а другие... размножаются естественным способом. И то и другое Шантерель Саммартини воспринимала как само собой разумеющееся. Эти компьютерные копии действительно были для нее чем-то вроде родни, проживающей на удаленном анклав в другой части системы.

— Поскольку все прошло нормально, — продолжала она, — наша семья финансировала дальнейшие исследования, которые прекратились после гибели Кэлвина. Как я уже говорила, мы всегда состояли в близких отношениях с кланом Силвест. У нас есть доступ к большей части информации, накопленной их лабораториями. Поэтому мы очень быстро добились успехов. Теперь нам известны способы сканирования без смертельного исхода... Но зачем вам это? — В ее голосе появилось раздражение. — Вы же не из Мульчи, а из Полога. Значит, я не сообщу ничего нового.

— Почему вы решили, что я не из Мульчи?

— Вы умны, — по крайней мере, вас не назовешь непроходимым идиотом. Между прочим, это не комплимент, а констатация факта.

Очевидно, ей даже в голову не пришло, что я могу быть родом из другой системы. Это полностью противоречило ее представлениям о мире.

— Отчего бы вам не развлечь меня? Вы подвергались сканированию, Шантерель?

Она посмотрела на меня как на сумасшедшего:

— Разумеется.

— Как у вас называются такие интерактивные сканы?

— Симулякрами альфа-уровня.

— Значит, сейчас где-то по Городу разгуливает ваша копия?

— Она на орбите, тупица. Технология сканирования никогда не пережила бы эпидемию, если бы не карантин.

— Ах, ну да. И правда, тупицей надо быть, чтобы не догадаться.

Она сделала вид, что не слышала.

— Шесть или семь раз в году я поднимаюсь в «Убежище» отдохнуть и развеяться. «Убежище» — это анклав над Ржавым Поясом. Туда никогда не попадали споры чумы. Там меня сканируют, и действующая копия вбирает в себя последние два-три месяца моей жизни. Я уже не думаю о ней как о моей копии, скорее как о старшей сестре, более умной и осведомленной обо всем, что со мной когда-либо случалось, — словно она всю жизнь была рядом.

— Представляю, насколько обнадеживает такая мысль: когда приходит срок, ты вовсе не умираешь, а просто расстаешься с одним из вариантов существования. Впрочем, как я понимаю, никто из вас еще не умирал физически?

— До эпидемии так и было. Но не сейчас.

Я вспомнил о том, что говорила мне Зебра.

— А вы, Шантерель? Вы явно не герметик. Может, бессмертная, из тех, кому достались гены долголетия?

— Мне достались не самые худшие гены, если вас это интересует.

— Но и не самые лучшие, — поправил я. — Следовательно, вам по-прежнему необходимо, чтобы крошечные машинки уничтожали в теле ненужные клетки и помогали расти нужным. Я правильно понял? Кажется, для этого не надо быть гением дедукции. Кстати, о машинах... Что с ними случилось после эпидемии?

Я посмотрел вниз. Фуникулер только что совершил прыжок над подвесной железной дорогой. По ней скользил сквозь ночь одинокий паровоз-«зефир» с четырехсторонней симметрией, везя цепочку вагонов в какой-то отдаленный район.

— Вы не заставили их самоуничтожиться прежде, чем до них добрались споры чумы? Пожалуй, люди вашего типа должны были так поступить.

— А вам-то какое дело?

— Просто интересуюсь, не пользуетесь ли вы «топливом грез»?

Шантерель не ответила.

— Я родилась в две тысячи триста тридцать девятом. Мне сто семьдесят восемь стандартных лет. Я видела чудеса, недоступные вашему воображению, ужасы, которые свели бы вас с ума. Я чувствовала себя богиней, играющей в некую игру, изучала параметры этой игры и даже выходила за ее рамки, словно ребенок, которому подсунули слишком простенькую головоломку. Этот Город менялся у меня на глазах тысячи раз. Сначала он становился все прекраснее, потом превращался в нечто отвратительное, мрачное, ядовитое. Я буду здесь, когда он вновь найдет способ вернуться к свету, случись это через сотню или тысячу лет. Может, вы думаете, что я должна с легкостью отказаться от бессмертия? Или запереться в дурацком металлическом ящике и трястись от страха? — Ее глаза с вертикальными зрачками в прорезях кошачьей маски экстатически блестели. — Ни за что! Я уже пригубила огненную чашу, и моя жажда неутолима. Вы хоть представляете, каково это — незащищенной прогуливаться по Мульче, где все совершенно чужое, и знать, что внутри тебя все еще находятся механизмы? От этого испытываешь какой-то первобытный восторг — все равно что плясать на углях или плавать с акулами.

— В «Игре» вы тоже участвуете ради первобытного восторга?

— А сами как думаете?

— Думаю, спасаетесь от скуки. Я прав? Мне сказал об этом Уэверли. К началу эпидемии вы испробовали все способы развлечений, разрешенные обществом. Все, что можно было инсценировать и симулировать; все, что вызывало острые ощущения или бросало вызов интеллекту. — Говоря, я смотрел ей прямо в глаза. — Похоже, этого оказалось недостаточно. Вы никогда не пытались устроить проверку своему бессмертию, никогда не ставили его под удар. Могли бы отправиться за пределы своей системы — там можно пережить настоящие приключения и даже прославиться. Но это означает отказ от поддержки друзей, от культурной среды, в которой вы выросли.

— Дело не только в этом, — возразила Шантерель. Стоило услышать нечто по ее мнению ошибочное, и она сразу становилась разговорчивее. — Некоторые из нас действительно покинули систему. Но они знали, от чего отказывались. Они больше не могли пройти сканирование, чтобы обновить свои копии. Через какое-то время различие между сканом и оригиналом становилось настолько сильным, что наступало отторжение.

Я кивнул:

— Вот поэтому вам — тем, кто остался дома, — понадобилось придумать нечто вроде «Игры», дающей возможность испытать себя, пройти по грани жизни и смерти. Небольшая, строго отмеренная доза опасности.

— Но это помогло. Чума развязала нам руки, мы могли заниматься чем угодно. И только тогда начали вспоминать, что такое настоящая жизнь.

— Но для этого вам приходится убивать.

Она даже не моргнула:

— Только тех, кто заслуживает смерти.

Наша воздушная прогулка по Городу продолжалась. Теперь я старался вытянуть из Шантерели все, что ей было известно о «топливе грез». Я обещал Зебре, что помогу продолжить дело ее сестры. Это означало, что надо выяснить как можно больше о наркотике и таинственном Гидеоне, который снабжал им Город Бездны. Несомненно, Шантерель употребляла «топливо», но вскоре стало очевидным: эта женщина знает о нем не больше, чем те, с кем я уже поговорил.

— Попробуем подойти с другой стороны, — сказал я. — Вы слышали что-нибудь о «топливе грез» до эпидемии?

— Нет. То есть... иногда трудно вспомнить, как было раньше. Я уверена, что «топливо грез» появилось примерно семь лет назад.

— Значит, оно каким-то образом связано с чумой?

— Не понимаю.

— Что бы ни представляло собой «топливо», оно защищает вас от чумы. Позволяет разгуливать по Мульче с имплантатами и всем прочим. Это наводит на мысль, что между одним и другим должна быть тесная связь. «Топливо» распознает споры чумы и нейтрализует их, не причиняя вреда носителю. Это не может быть случайным совпадением.

— Значит, кто-то это спланировал, — пожала плечами Шантерель.

— И этот кто-то хорошо разбирается в наномеханике, правильно рассуждаю? — Я покачал головой. — Извините, но я не верю, что среди вас нашелся бы умник, способный изобрести такой полезный механизм. Только не здесь и не сейчас.

— Вы даже не подозреваете о возможностях, которыми располагает Гидеон.

— Верно. Тогда, может быть, расскажете об этом? Вы явно неплохо осведомлены, и у меня будет какая-то отправная точка.

— А чем объясняется такой острый интерес?

— Я дал кое-кому обещание.

— Тогда придется вас разочаровать. Я ничего не знаю о Гидеоне. И не могу назвать никого, кто мог бы в этом помочь. Пожалуй, лучше поговорить с тем, кто стоит поближе к поставщику.

— И вам неизвестно, где находятся лаборатории Гидеона?

— Где-то в Городе...

— Уверены? Впервые я столкнулся с «топливом грез» в... — Стоп. Не следует рассказывать о том, как меня оживляли в хосписе «Айдлвилд». — В общем, не на Йеллоустоне.

— Не могу сказать точно, но я слышала, что его изготавливают не в Пологе.

— Значит, в Мульче?

— Полагаю, да. — Ее вертикальные зрачки превратились в узкие щелки. — Кстати, кто вы такой?

— Это слишком долго объяснять, — уклончиво ответил я. — Хотя, думаю, вы уже почти догадались.

Она кивнула в сторону пульта управления:

— Мы не можем кружить здесь вечно.

— Тогда отвезите меня в Полог, поближе к Эшер-Хайтсу.

— Куда именно?

Я показал Шантерели адрес, полученный от Доминики, — даже не представляя себе, конкретное это здание или район Города, и надеясь, что мое невежество не слишком бросается в глаза.

— Не уверена, что мне знакомо это место.

— Ну так попробуйте вспомнить, Шантерель. И вообще, в этой штуковине должна быть карта. Почему бы не поискать ее?

Она неохотно повиновалась. Понятно, я не был уверен, что карта Полога вообще существует. Но если так, то она должна быть загружена в память фуникулера.

— Кажется, припоминаю, — пробормотала Шантерель. То, что появилось на дисплее пульта управления, напоминало увеличенное изображение синапсов в глубоких слоях головного мозга и было украшено броскими подписями на каназиане. — Но я плохо знаю этот район. Чума приняла там странные формы. Совсем не такие, как в остальном Пологе, и некоторым из нас это не нравится.

— Это не важно. Просто отвезите меня туда.

Следующие полчаса фуникулер пробирался в паутине троев, огибая Бездну по длинной волнистой дуге. С высоты Бездна казалась круглым черным пятном среди светящихся зарослей Полога. Огни строений на ее периферии напоминали фосфоресцирующие наросты-приманки вокруг пасти чудовищного глубоководного хищника. В «пасти», на километровой глубине, можно было разглядеть какие-то выступающие конструкции. Еще ниже располагалась могучая городская система снабжения, которая всасывала воздух, энергию и влагу, — но ее элементы были уже не видны. Даже по ночам Бездна извергала из себя темный туман испарений.

— Вот он, — произнесла наконец Шантерель. — Эшер-Хайтс.

— Теперь мне понятно, — отозвался я.

— Что?

— Понятно, почему он вам не нравится.

В этом месте «заросли» Полога мутировали, превратившись в нечто неправдоподобное, на площади в несколько квадратных километров и на сотни метров в глубину. Больше всего это напоминало беспорядочное нагромождение уродливых кристаллов — то ли увеличенный снимок из учебника геологии, то ли микрофотография фантастического вируса, который адаптировался непонятно к чему. Заросли пронизывали комнаты, коридоры и бытовые помещения. Свет электрических ламп и газовых рожков наполнял их яркими сполохами всех оттенков розового, зеленого и голубого. Над верхними ярусами Полога громоздились мощные наслоения, похожие на золотисто-серую слюду. Хрупкие наросты — бирюзовые и турмалиновые — скручивались в шпильи, рядом высились шпильи розоватого кварца

размером с особняк. Кристаллы пронизывали, обволакивали друг друга, образуя немыслимые геометрические формы, которые не могли быть порождением человеческого разума. Через несколько минут созерцания Эшер-Хайтса у меня разболелась голова.

— Это безумие, — сказал я.

— В основном они полые, — пояснила Шантерель. — Иначе не могли бы висеть так высоко. То, что отломилось много лет назад, вобрала в себя Мультча.

Я посмотрел вниз и под нависающими массами светящихся кристаллов увидел то, о чем она говорила, — кубические постройки, слишком правильные для Мультчи. Они напоминали диковинный лишайник, сплошным ковром покрывший городские руины.

— Здесь есть достаточно людное место для посадки?

— Поищу, — сказала Шантерель. — Только какой в этом смысл? Вряд ли вы сможете сойти на площади, держа пистолет у моего виска.

— Надеюсь, нас примут за любовников-извращенцев и оставят в покое.

— И это все, на что вы рассчитываете? — В ее голосе слышалось разочарование.

— Вообще-то, нет. Я куда предприимчивей. Видите, какие большие карманы у моего сюртука? Спрятать пистолет труда не составит. Буду держать вас на мушке, притворяясь, что безмерно рад нашей встрече.

— Вы это серьезно? Хотите пересечь площадь, толкая меня стволом в спину?

— Было бы глупо целиться в лицо. Одному из нас пришлось бы идти задом наперед. Сами понимаете, это неприемлемо. Мы можем случайно наткнуться на кого-нибудь из ваших приятелей.

ГЛАВА 27

Наше прибытие было почти лишено помпезности.

Фуникулер Шантерели опустился на плоскую металлическую площадку, выступающую из стены Эшер-Хайтса, — до-

статочно просторную, чтобы на ней разместились еще десяток разнообразных машин. В основном это были фуникулеры, но я заметил и пару тупокрылых воланторов. Внешне они мало отличались от тех, что я видел в Городе. Обтекаемая форма гипер-адаптивного корпуса говорила о том, что их построили еще до эпидемии. Я представил, каково это — мчаться на такой машинке сквозь чашу искореженных зданий, в которую превратился Город. Опасное развлечение, но владельцам, похоже, оно нравится. А может быть, это стало экстремальным видом спорта.

Пассажиры выходили из машин, другие тут же занимали их места — я заметил множество такси, украшенных эмблемами фирм-владельцев. Несколько человек спокойно стояли на самом краю посадочной площадки, любясь панорамой в укрепленные на стойках телескопы. Одежания этих людей — развевающиеся накидки и плащи, немыслимые головные уборы, ткани самых безумных расцветок — причудливостью соперничали с окружающими строениями. Лица скрывались под масками, мерцающими вуалями, веерами или маленькими зонтами. Некоторых сопровождали домашние любимцы на поводках — генетически измененные создания, в принципе не поддающиеся классификации. К какому типу можно отнести кошку с гребнем игуаны? Впрочем, эти существа выглядели не намного более странно, чем их хозяева. Например, четвероногие кентавры... Другие, в целом, оставались людьми, но пропорции их тел были до такой степени искажены, что напоминали творения буйнопомешанного скульптора. Здесь присутствовала женщина, чьи челюстные кости были заменены роговыми пластинами, похожими на клюв фантастической птицы, и мужчина, щеголявший в облике мифического инопланетянина с нелепо тощим удлинненным торсом и темными миндалевидными глазами.

Если верить Шантерели, для приобретения подобного облика требовались считанные дни, самое большее пара недель. При желании человек мог изменять свое тело сто раз за год — так же часто иные меняют прическу.

И в этом Городе я надеялся найти Рейвича?

— На вашем месте, — продолжала Шантерель, — я бы не стояла столбом и не таращилась по сторонам. Вроде у вас не было желания намекнуть окружающим, что вы нездешний?

Я нащупал в кармане пистолет с ледяными пулями и сжал его покрепче. Будем надеяться, она почувствовала, как напряглась у меня рука.

— Идите вперед. Когда понадобится совет, я к вам обращусь.

Шантерель умолкла. Через несколько шагов я ощутил укол совести. Нельзя быть таким грубым.

— Извините, — пробормотал я. — Понимаю, вы хотели помочь...

— Это в моих интересах, — фыркнула она. — Мне ни к чему, чтобы вы привлекали внимание. Чего доброго, кто-нибудь попытается меня освободить, начнется перестрелка...

— Спасибо за заботу.

— Я забочусь о собственной безопасности. С чего мне заботиться о вас, когда вы только что ранили моих друзей, а я даже не знаю вашего имени.

— С друзьями все будет в порядке. Уже через сутки они избавятся от хромоты, если только не предпочтут щеголять боевыми увечьями. По крайней мере, будет о чем рассказать на вечеринке.

— Может, вы все же представитесь?

— Зовите меня Таннер. — Я ткнул дулом в спину, заставляя прибавить шагу.

Под порывами теплого влажного ветра мы пересекли площадку и подошли к арке, ведущей внутрь Эшер-Хайтса. Впереди замелькали паланкины, похожие на помесь гробов с метрономами. Дождь прекратился, чему я был несказанно рад. Похоже, в этой части Города дожди шли реже, а может быть, мы забрались выше уровня облаков. Моя одежда еще не просохла после прогулки по Мульче, впрочем, Шантерель выглядела немногим лучше.

Арка вела в ярко освещенное внутреннее помещение. Здесь воздух был прохладным и насыщенным ароматами, с потолка свисали фонари, транспаранты и медленно вращающиеся вентиляторы. Крытый пассаж плавно сворачивал направо, то и дело пересекая декоративные водоемы; через них мы переходили по каменным мостикам. Здесь я — второй раз с тех пор, как прибыл в Город, — увидел парчовых карпов, которые глазели на меня, разевая пасть.

— Почему все так молятся на этих рыбок? — осведомился я.
— Напрасно вы с таким пренебрежением. Они много значат для нас.

— По-моему, рыбы как рыбы.

— Да, но именно этим рыбкам мы обязаны первыми шагами к бессмертию. Знаете, как долго они живут? Даже в природе парчовые карпы, можно сказать, никогда не умирают от старости. Просто становятся больше и больше, пока не выдерживает сердце. Но это же не означает умереть от старости.

Пока мы шли через мостик, я слушал, как Шантерель возносит хвалу парчовому карпу, и мои губы механически производили в ответ такую же сентиментальную ерунду. Надеюсь, это выглядело достаточно естественно.

Своды коридора, казалось, были сделаны из хрусталя. Бесконечные ряды выпуклых восьмиугольников перемежались нишами. Крошечные магазинчики и салоны, размещенные в них, оповещали о предоставляемых услугах яркими надписями из неоновых трубок или пульсирующих голограмм. Жители Полога делали покупки или просто прогуливались, чаще всего парами, — все они выглядели очень молодо. Правда, детей почти не было. Те немногие, кого я встретил, вполне могли оказаться взрослыми людьми, которые предпочли в своем последнем воплощении предстать в таком виде, или даже человекоподобными домашними животными, обученными лепетать по-детски.

Шантерель провела меня в огромный зал под куполом, сияющим великолепной россыпью кристаллов. К залу примыкали пешеходные аллеи и площади, с потолка свисали люстры величиной с посадочную капсулу. Дорожки огибали друг друга, петляли вокруг водоемов с парчовыми карпами, искусственных водопадов, пагод и чайных домиков. Середину атриума занимал огромный стеклянный резервуар, помещенный в узорчатый металлический каркас. В резервуаре что-то находилось, но его загораживали от меня люди, толпящиеся по периметру, — с зонтиками, веерами и всевозможными тварями на поводках.

— Сейчас я присяду за столик, — сказал я, дождавшись, пока Шантерель не обратит на меня внимание. — А вы заглянете вон в тот чайный домик и закажете мне чашку чая и что-нибудь для себя. Затем вернетесь за мой стол так, будто мы пришли сюда скоротать время.

— И все это время вы будете держать меня под прицелом.
— Считайте это комплиментом: я просто не могу отвести от вас глаза.

— Вы шутник, Таннер.

Я с улыбкой уселся в кресло... и внезапно сообразил, что весь покрыт грязью, которая слегка подсохла с тех пор, как мы покинули Мульчу. В Пологе, среди нарядной толпы, я выглядел точно землекоп на карнавале.

Честно говоря, я почти не верил, что Шантерель вернется с чашкой чая. Неужели она действительно думает, что я способен выстрелить ей в спину прямо здесь? Неужели вообразила, что я идеальный снайпер — смогу попасть в нее, не вынимая пистолета из кармана и не рискуя задеть кого-нибудь из прохожих? Ей достаточно было непринужденно отойти от меня подальше, и на этом бы наше знакомство закончилось. После этого она могла бы рассказывать о том, какой неожиданный оборот приняла ночная охота, — история получилась бы не менее занимательной, чем у ее друзей. И мне бы не в чем было упрекнуть свою пленницу. Я пытался вызвать в себе неприязнь, но из этого ничего не вышло. Можно представить, как восприняла бы эту ситуацию Зебра. Однако позиция Шантерель тоже не лишена основания. Она верит, что люди, на которых охотятся, — подонки, которые должны поплатиться жизнью за свои преступления. Разумеется, она ошибается — но откуда ей об этом знать? Моя точка зрения основана на информации, которую мне сообщил Уэверли. Шантерель считает это занятие едва ли не похвальным. Разве она не делает одолжение Мульче, уничтожая паразитов?

Стоп. Достаточно того, что я позволил этой мысли появиться у меня в голове, хотя и не закрепиться.

Не сомневаюсь, Небесный Хаусманн гордился бы мной.

— Вы смотрите на меня с такой благодарностью, Таннер. Право, не стоит.

Шантерель все-таки вернулась.

— Почему не сбежали?

Она поставила на металлическую столешницу две чашки и уселась напротив. В ее движениях опять появились кошачья гибкость и грация. Любопытно, эти повадки хищницы у нее благодаря модификации нервной системы или упорным тренировкам?

— Наверное, вы еще не слишком мне надоели. Скорее наоборот, я заинтригована. К тому же мы находимся в общественном месте. Кажется, здесь вы не представляете такой опасности.

Я сделал глоток. Чай почти не имел вкуса — как изысканно размытая акварель, если бы цвет вызывал вкусовые ощущения.

— Недоговариваете, Шантерель.

— Вы сдержали слово насчет моих друзей. Могли бы перебить, но вместо этого сделали им настоящий подарок. Дали понять, что такое боль — настоящая боль, а не жалкое подобие, которое можно испытать при помощи экспириенталий. Теперь будет чем похвастаться. Разве я не права? Если бы вы просто прикончили их, это не нарушило бы ваших планов.

— С чего вы взяли, что у меня есть планы?

— Поняла из ваших вопросов. И еще мне кажется, что у вас мало времени.

— Могу я задать еще один вопрос?

Шантерель кивнула и воспользовалась этим моментом, чтобы снять свою кошачью маску. У нее были глаза львицы, но, если не считать вертикальных зрачков, лицо оставалось вполне человеческим — широким, открытым, с высокими скулами, обрамленное тяжелой гривой каштановых локонов, ниспадающих до плеч.

— Спрашивайте, Таннер.

— Перед тем как я уложил ваших друзей, один из вас что-то сказал. Может быть, это были вы, я не помню точно.

— Может быть. О чем шла речь?

— Якобы у меня что-то с глазами.

— Это была я, — смущенно призналась Шантерель.

Значит, мне не показалось.

— Что вы тогда увидели?

Она понизила голос. Разговор действительно принимал странный оборот.

— У вас светились глаза. Это не был отраженный свет. Они горели, точно сияние шло из глазниц. — Ее речь стала торопливой и нервной. — Я подумала, что на вас какая-то маска и вы скинули ее, прежде чем снова появились перед нами. Но ведь маски не было?

— Конечно. Но мне жаль, что ее не было.

Она смотрела мне в глаза, словно что-то разглядывала. Вертикальные щелки сузились еще больше.

— Во всяком случае сейчас этого нет. В самом деле не знаете, почему у вас светились глаза?

— В самом деле, — отозвался я, без особого энтузиазма потягивая водянистый чай. — Будем считать, что это одна из маленьких тайн моей жизни.

— Полагаете, это хороший ответ?

— Лучшего я сейчас дать не могу. И думаю, вы не слишком ошибетесь, если сочтете это ответом человека, который боится узнать правду.

Я сунул руку под сюртук и почесал грудь. Одежда, полученная от нищенствующих, пропиталась потом, кожа нестерпимо зудела.

— Давайте не будем об этом.

— Простите, — с нескрываемым сарказмом ответила Шантерель. — В таком случае, Таннер... что дальше? Поскольку мое возвращение оказалось для вас сюрпризом, могу сделать вывод, что вы не слишком нуждаетесь в моем присутствии. Может, каждому из нас пойти своей дорогой?

— Да вы, никак, разочарованы.

Интересно, заметила ли она, что моя рука вот уже несколько минут не сжимает рукоятку пистолета? Более того, я почти забыл об оружии.

— Неужели я вас настолько заинтересовал? Или просто решили развеять скуку?

— И то и другое. Вы действительно удивительный человек, Таннер. Будто головоломка, которую я разгадала лишь наполовину.

— Уже наполовину? Тогда лучше притормозить. Я не такой загадочный, как вам кажется. Удивитесь, если узнаете, как мало скрыто под оболочкой. Я всего лишь...

Кто? Солдат-наемник, человек, исполняющий свою клятву... Я почувствовал себя шутником, который собрался рассказать анекдот и понял, что не слишком удачно выбрал момент.

Я поднялся и демонстративно вынул руку из кармана, оставив там пистолет.

— Мне просто нужна ваша помощь, Шантерель. Если хотите показать местные достопримечательности, то я буду благодарен. Но можете уйти прямо сейчас.

— У вас есть деньги, Таннер?

— Немного. Боюсь, что здесь этого будет недостаточно.

— Покажите.

Я вынул из кармана пригоршню феррисов и выложил на стол:

— Как думаете, еще на одну чашку чая хватит?

— Не знаю. Здесь достаточно, чтобы купить новую одежду. На мой взгляд, это вам не помешает, конечно, если не хотите стать центром внимания.

— Неужели я выгляжу настолько нелепо?

— Настолько нелепо, Таннер, что рискуете сделаться законодателем моды. Но мне почему-то не кажется, что вам этого хочется.

— И вы совершенно правы.

— Я не настолько знаю Эшер-Хайтс, чтобы рекомендовать лучшее, но по дороге видела несколько бутиков...

— Вначале мне хотелось бы осмотреть вон тот резервуар, если не возражаете.

— Ах, тот... Там Мафусаил. Я и забыла, что его здесь держат.

Имя показалось смутно знакомым, но Шантерель уже вела меня прочь.

— Можем вернуться сюда позже, когда вы будете не так приметны.

Я со вздохом поднял руки, сдаваясь на милость победителя:

— Заодно покажете мне остальной Эшер-Хайтс.

— Почему бы и нет? Вечер еще только начинается.

Пока мы шли к ближайшему бутику, Шантерель сделала несколько звонков — вероятно, своим друзьям — и убедилась, что они живы, здоровы и находятся в Пологе. Но она не оставила для них никаких сообщений и больше не упоминала их ни единым словом. Это было правильно: я допускал, что многие жители Эшер-Хайтса знают об «Игре» и даже с волнением следят за ее ходом. Но никто не признается в этом за пределами гостиницы, где подобное развлечение считается даже почетным.

Персонал бутика состоял из двуногих роботов, блестящих, черных, — настолько совершенных машин мне не доводилось видеть даже в Городе Бездны. Они непрерывно расточали лицемерные комплименты, хотя со стороны я наверняка выглядел

гориллой, случайно вломившейся в театральную кладовую. Следуя указаниям Шантерели, я остановился на костюме, вполне приемлемом как для моего вкуса, так и для кошелька. Брюки и куртка напоминали покроем одежду нищенствующих, которую я с удовольствием скинул, но из броской сверкающей материи, расшитой золотым и серебряным люрексом, что переливался всеми цветами радуги. Поверх новой одежды я, как и прежде, набросил щегольской сюртук Вадима. Не могу сказать, что чувствовал себя очень комфортно. Но когда мы покинули бутик, прохожие едва достаивали меня вниманием, хотя прежде я постоянно ощущал на себе подозрительные взгляды.

— А теперь, — сказала Шантерель, — поведайте мне, откуда прибыли.

— А сами как думаете?

— Думаю, вы не с Йеллоустона. Почти наверняка не с Ржавого Пояса и, вероятно, не с какого-нибудь анклава.

— С Окраины Неба. Я прилетел на «Орвието». Вообще-то, вы должны были догадаться: на мне одежда от нищенствующих.

— Я почти догадалась, но меня сбил с толку сюртук.

— Эта старая тряпка? Ее мне пожертвовал один обитатель Ржавого Пояса.

— Извините, но никто не станет жертвовать подобную вещь. — Шантерель потрогала блестящую жесткую «заплату». — Вам известно, что это за одежда?

— Ну хорошо, я ее украл. И судя по всему, украл уже краденое. Правильнее было бы сказать — взял с боем.

— Это больше похоже на правду. Однако, увидев вас впервые, я была в недоумении. А потом вы упомянули «топливо грез»...

Последние слова она произнесла шепотом, почти выдохнула.

— Простите, но вы немного отклонились от темы. Какое отношение «топливо грез» имеет к этому сюртуку?

Очевидно, имеет. Зебра намекала на что-то подобное.

— Самое непосредственное, Таннер. Но вы задаете о «топливе грез» вопросы, которые не задал бы никто из местных... и в то же время на вас сюртук члена системы распределения. Конкретно — поставщика.

— То есть вы мне рассказали о «топливе» не все, что знаете?

— Почти все. Но сюртук заставил меня заподозрить, что вы ведете какую-то игру, поэтому я не была откровенна до конца.

— В таком случае расскажите остальное. Насколько велики поставки? Я видел, как люди вводят себе несколько кубических сантиметров зараз, оставляя еще сотню в запасе. Как я понимаю, «топливом грез» пользуются немногие. Верхушка общества, к которой принадлежите вы и ваши веселые приятели... ну и, наверное, кое-кто еще. Несколько тысяч человек по всему Городу, не больше.

— Думаю, вы близки к истине.

— Значит, «топливо» регулярно поступает в Город. В каком объеме? Сколько приходится на человека в год — несколько сот кубических сантиметров? То есть около миллиона кубиков на целый Город? Всего получается не так много — около кубометра.

— Не знаю... — Шантерель выглядела смущенной. — Скорее всего, так оно и есть. Мне лишь известно, что сейчас достать «топливо» труднее, чем год или два назад. Большинству из нас приходится ограничивать себя — не более трех-четырёх доз в неделю.

— И больше никто не пытался производить «топливо»?

— Ну разумеется, пытались! Всегда находится прохвост, который пытается продать суррогат. Но тут не просто вопрос качества. Либо это «топливо грез», либо нет.

Я кивнул, хотя не вполне понимал, к чему она клонит.

— Очевидно, продавец владеет рынком, а Гидеон — единственный, у кого есть доступ к подлинным технологиям. После смертным «топливо» необходимо, без него вам просто не жить. Это означает, что Гидеон может поднимать цену, сколько ему угодно, — в разумных пределах. Но мне непонятно, зачем ему ограничивать объем поставок.

— Он еще не раз поднимет цену, Таннер. Не беспокойтесь.

— Вероятно, он не может продавать «топливо» в прежних количествах. Или не позволяет процесс, или возникла проблема с приобретением сырья.

Шантерель пожала плечами.

— Ну ладно, — кивнул я. — Объясните значение сюртука.

— Человек, который подарил его вам, был поставщиком. Вот что означают «заплаты». Ну, или поставщиком был предыдущий владелец сюртука.

Я вспомнил, как мы с Квирренбахом обыскивали каюту Вадима, и сказал себе еще раз, что они действовали в паре.

— У него действительно было «топливо грез», — сказал я. — Но мы с ним столкнулись на Ржавом Поясе. Хозяин сюртука не мог быть напрямую связан с поставщиком.

Само собой. А как насчет его напарника? Похоже, Квирренбах и Вадим работали вместе не только на Рейвича. В таком случае Квирренбах мог быть поставщиком, а Вадим — его подчиненным, обслуживающим Ржавый Пояс.

Хорошо бы еще раз побеседовать с Квирренбахом. У меня накопились к нему вопросы.

— Допустим, ваш друг не имел отношения к поставкам, — предположила Шантерель. — В любом случае вам необходимо кое-что понять. Что-нибудь слышали о Гидеоне? О людях, которые исчезают, потому что задают не те вопросы?

— И что же?

— Все это правда.

Через некоторое время я позволил Шантерели сводить меня на гонки паланкинов. Рейвич вполне мог появиться на подобном мероприятии. Однако в толпе зрителей я не заметил никого похожего.

Гоночная трасса представляла собой серпантин с бесконечными подъемами и спусками; он петлял, пересекая себя то сверху, то снизу. Временами даже выходил за пределы здания, нависая высоко над Мульчей. Множество крутых поворотов, препятствий и ловушек... Некоторые участки уходили в темноту и не были огорожены, так что паланкину ничто не мешало свалиться, если возница не рассчитает скорость на повороте. В каждом заезде — или забеге — принимали участие десять-одиннадцать изящно украшенных паланкинов, а все дозволенное и недозволенное регламентировалось целым сводом правил. Впрочем, по словам Шантерели, эти правила соблюдались не слишком строго. Случалось, что возницы снабжали паланкины приспособлениями, с помощью которых избавлялись от других участников состязания, например выдвигающимися таранами — таким можно столкнуть соперника за край на подвесном отрезке трассы.

— Изначально гонку устраивали на спор скучающие бессмертные седуки паланкинов, — добавила Шантерель. — Но

теперь принять в ней участие может почти любой желающий. В доброй половине паланкинов разъезжают люди, которым не стоит опасаться чумы. За один раз здесь можно было выиграть или, скорее, проиграть целое состояние.

Пожалуй, это лучше, чем охота на людей.

— Послушайте, — сказала Шантерель, когда мы покидали трассу, — что вам известно о миксмастерах?

— Не слишком много. — Я не был настроен откровенничать, тем более что на этот раз сказать было действительно нечего. Где-то слышал о них, но не более того. — А почему спрашиваете?

— Я не ослышалась, Таннер? Вы действительно нездешний. В этом можно не сомневаться.

Миксмастера появились еще до плавающей чумы. Кроме них, лишь немногим обществам системы Йеллоустона удалось пережить чуму почти без потерь. Подобно нищенствующим, они сами обеспечивают свое существование и, подобно нищенствующим, связывают свою деятельность с божественным. Но на этом сходство кончается. Нищенствующие, чем бы они ни занимались, творят все свои дела во славу божества. Миксмастера, напротив, сами претендуют на роль бога.

И в определенном смысле они в этом преуспели.

Когда американо высадились на Йеллоустоне — это был лучший период за ближайшие четыреста лет, — они имели при себе весь багаж знаний в области генетики, который был накоплен их цивилизацией. Сиквенсы геномов, карты сцепления генетических признаков и функций для миллионов земных видов, включая всех высших приматов и млекопитающих... Они знали генетику изнутри. Достаточно вспомнить, что первопоселенцы прибыли на Йеллоустон в виде оплодотворенных яйцеклеток. Их принесли в своих чревах хрупкие роботы, которые по прибытии соорудили искусственные утробы для родового развития организмов. Разумеется, первое поколение прожило недолго, но оставило потомков, которые сохранили наследие. Их ДНК дала возможность поселенцам, прилетевшим позже, смешать кровь американо со своей, обогатив генофонд.

Однако американо этим не ограничились. Они оставили после себя богатейшие банки данных — знание, которое впослед-

ствии стало считаться не то чтобы утраченным, но утратившим новизну. Это привело к недооценке многих тонких нюансов и закономерностей. Именно миксмастерам удалось добраться до этого кладеза мудрости. Они сделались хранителями и неустанными накопителями знаний о биологии и генетике и наладили торговлю с ультра, которые время от времени подбрасывали им крохи информации — инопланетные геномы или технологии управления генетическими процессами, открытыми в других системах. Но, несмотря на это, миксмастера редко оказывались у кормила власти Йеллоустана. В системе правил клан Силвест, древний род, пропагандировавший постижение высших материй при помощи кибернетических методов расширения сознания.

Конечно, миксмастера не остались без средств к существованию, поскольку не все жители системы были адептами доктрины Силвеста. Крах опыта Восьмидесяти заставил многих разочароваться в идее трансмиграции. Миксмастера действовали осторожно: они исправляли генетические аномалии новорожденных, находили и ликвидировали дефекты, добиваясь чистоты наследственных линий. Результаты этой работы были тем незаметнее, чем выше становился уровень исполнения. Она была сродни безупречному убийству, когда со стороны кажется, что преступление словно и не совершалось, и вскоре никто не может вспомнить даже имя жертвы. Миксмастера работали подобно реставраторам, что восстанавливают шедевры, стараясь ничем не выдать своего вмешательства. Они владели искусством трансформации — могучей силой, которой до поры позволяли проявляться очень ограниченно. Общество не могло вынести одновременного воздействия двух столь могущественных систем, и на каком-то уровне миксмастера это понимали. Дай они волю своему умению, и общество Йеллоустана разлетелось бы на куски.

Но потом началась эпидемия, и общество разлетелось на куски. Но, подобно осколкам астероида, взорванного слишком слабым снарядом, эти осколки не набрали достаточной скорости, чтобы рассеяться необратимо, и вскоре с треском и грохотом соединились. Общество Йеллоустана возродилось — раздробленное, слепленное кое-как из фрагментов и готовое рассыпаться в любой миг. Общество, в котором кибернетика была немедленно приравнена к ереси.

Миксмастера с легкостью заполнили вакуум, образовавшийся во властных структурах.

— У них есть салоны по всему Пологу, — сказала Шантерель. — Места, где вы можете получить информацию о вашей наследственности, проверить родственные связи или просмотреть брошюры по генетической модификации. — Она указала на свои глаза. — Все недостающее при рождении или не запланированное природой. Даже трансплантация — редкая услуга. Но, возможно, вам захочется приобрести нечто из ряда вон выходящее, вроде крыльев Пегаса. Миксмастера перестроят вашу ДНК таким образом, чтобы изменения произошли естественным образом или максимально близким к естественному.

— Как это происходит?

— Процесс несложен. Когда порежетесь, чем зарастает ваша рана — мехом или чешуей? Разумеется, ни тем ни другим. В ДНК записана информация об архитектуре вашего тела. Миксмастера всего лишь избирательно редактируют эту запись — и тело начинает ремонт изношенных или травмированных участков, но по измененной схеме. В итоге вырастает нечто, не присутствовавшее изначально в вашем фенотипе. — Шантерель выдержала паузу. — Повторяю, салоны миксмастеров находятся в Пологе повсюду. Если вас беспокоят глаза, мы можем записаться на прием.

— А при чем тут мои глаза?

— Уверены, что они в порядке?

— Не знаю, — произнес я, стараясь не показаться раздраженным. — Но, возможно, вы правы. Надеюсь, миксмастера мне кое-что расскажут. Я могу рассчитывать на конфиденциальность?

— В не меньшей степени, чем любой местный житель.

— Замечательно. Это весьма обнадеживает.

Ближайший салон представлял собой павильон с голографической витриной — вроде тех, что мы видели по дороге к бассейну с парчовыми карпами. Внутри было еще теснее, чем в палатке мадам Доминики. Служащий был затянут в очень строгий пепельно-серый китель, на рукаве пониже плеча одиноко красовалась эмблема миксмастеров — «кошачья колыбель» с ДНК в протянутых ладонях. Служащий сидел перед левити-

рующей консолью в форме бумеранга, над которой вращались, пульсируя, всевозможные молекулярные модели, яркие, разноцветные, точно игрушки. Обтянутые перчатками руки миксмастера порхали среди них, создавая сложнейшие каскады расщеплений и рекомбинаций. Не сомневаюсь, что он заметил, как мы вошли в павильон, но не подавал виду и продолжал свои манипуляции еще минуту-другую, прежде чем соизволил обратить на нас внимание:

— Чем могу быть полезен?

Шантерель взяла инициативу на себя:

— Мой друг хочет, чтобы вы осмотрели его глаза.

— Вот как?

Миксмастер отодвинул консоль и извлек из кармана окуляр, приблизился ко мне и наморщил нос, словно от меня дурно пахло. Сощурился, он исследовал мои глаза — сначала один, потом другой. Каждый раз огромная линза, казалось, заполняла собой всю комнату.

— Так что с ними случилось? — осведомился он устало.

По дороге в павильон мы отрепетировали легенду.

— Я сделал глупость, — сказал я. — Хотел глаза как у пантеры, но не мог оплатить услуги миксмастеров. Находясь на орбите, я...

— Что вы делали на орбите, если не можете позволить себе наши услуги?

— Разумеется, проходил сканирование. Это стоит недешево, но если работаешь с хорошим посредником, который готов за тебя поручиться...

Невразумительное хмыканье положило конец расспросам такого рода. Миксмастера выступали против нейронного сканирования, утверждая, что душу можно обслуживать лишь биологически, но не удерживая ее в плену у машины.

Служащий покачал головой так, словно я нарушил торжественное обещание.

— Похоже, вы действительно сделали глупость. Но это и так понятно. Что случилось дальше?

— На «карусели» были черные генетики, так называемые мясники, которые предлагают те же услуги, что и вы, но за смехотворную цену. Поскольку операция не подразумевает масштабной анатомической реконструкции, я решил рискнуть.

— А теперь, как и следовало ожидать, приползли к нам.

В ответ я лишь покорнейше улыбнулся, в качестве утешения представив себе несколько любопытных и весьма мучительных способов, которыми не моргнув глазом прикончил бы этого нахала на месте.

— Прошло несколько недель после возвращения к «карусели», — продолжал я, — и с моими глазами ничего не случилось. Они выглядят как прежде. Мне просто хочется узнать, не выкинул ли я свои деньги на ветер.

— Это обойдется вам недешево. Очень бы хотелось взять с вас сверх тарифа — за глупость нужно платить. За то, что вы обратились к мясникам. — Его тон неувовимо изменился. — Однако вы, похоже, усвоили урок. Теперь все зависит от того, найду ли я какие-либо изменения.

То, что происходило далее, не доставило мне особого удовольствия. Ложе, на котором мне пришлось вытянуться, было устроено не в пример сложнее, чем кушетка Доминики, и, в отличие от нее, действительно было стерильным. Затем миксмастер зафиксировал мою голову в каркасе с мягкой внутренней обивкой. К лицу опустилось устройство, из него вытянулся щуп толщиной с волос, подрагивающий на манер кошачьего уса. Датчик пропутешествовал по моим глазам, исследуя их лихорадочными импульсами голубого лазерного луча. Неожиданно щуп «нырнул» в мой глаз, ухватил частицу ткани, отдернулся, переместился на другой участок и снова погрузился в глаз. Быстрое прикосновение, которое напоминало жгучий укол холода, повторялось снова и снова — каждый раз щуп входил на иную глубину.

Я даже не успевал моргать. Вскоре машина закончила работу и занялась моим вторым глазом.

— Достаточно, — объявил миксмастер. — Этого хватит, чтобы мне стало понятно, что с вами сделали эти... мясники и почему незаметен результат. Говорите, прошло несколько недель?

Я кивнул.

— Возможно, результат еще не успел проявиться. — Он как будто рассуждал вслух, не обращая на нас внимания. — Иногда черные генетики применяют довольно хитроумные методы, но только те, что украдены у нас. Разумеется, они нарушают все

правила безопасности и пользуются устаревшими технологическими циклами.

Он снова уселся в кресло и опустил консоль. Дисплей мгновенно представил непосильный моему разуму объем информации: серии гистограмм, сложные таблицы, заполненные бегущими буквами и цифрами.

Потом в воздухе возник глаз диаметром около полуметра, напоминающий набросок из тетради да Винчи. Миксмастер вновь натянул перчатки, сделал несколько пассов над консолью, и от глазного яблока отделились наружные оболочки, обнажая более глубокие слои.

— Изменения присутствуют, — заключил он через несколько минут, задумчиво помассировав подбородок и запустив руку в недра гигантского глаза. — Я бы даже сказал — тотальные генетические изменения. И ничего похожего на нашу сигнатуру.

— Сигнатуру?

— Информация об авторском праве, закодированная в дополнительных базовых парах нуклеиновых кислот. Непохоже, что мясники использовали наши цепочки, иначе сохранились бы остаточные следы проекта миксмастера. — Он многозначительно покачал головой. — Нет, эта работа выполнялась не на Йеллоустоне. Весьма своеобразный стиль, но...

Я поднялся с кушетки, протирая слезящиеся глаза:

— Продолжайте.

— Я уверен: вы получили не то, что заказывали.

Само собой — поскольку я вообще никому ничего не заказывал. Но я добросовестно изобразил удивление и возмущение, как и полагается человеку, который обнаружил, что его одурачили. Можно не сомневаться, миксмастеру это понравилось.

— Мне известно, какого рода изменения необходимы для мутации типа «кошачий зрачок». Я не вижу в соответствующих участках хромосом ничего похожего. Зато изменения есть в другом месте — там, куда их не следовало вносить.

— Нельзя ли поточнее?

— Тот факт, что циклы в большинстве цепей фрагментарны, не меняет ситуацию. Обычно конкретные изменения в ДНК производятся с помощью ретровируса, созданного нами — или

мясниками, — который программирует мутации, создающие желаемые изменения. В вашем случае вирус, похоже, скопировал себя не совсем точно. В тех участках, где изменения произошли полностью, присутствует некоторое количество нетронутых спиралей. Это перечеркивает всю работу. Возможно, именно поэтому изменения повлияли на общую структуру ваших глаз. Если это действительно работа мясников, значит они применили абсолютно неизвестную нам технологию.

— Это плохо?

— По крайней мере, технологии, украденные у нас, почти наверняка дают эффект. И никогда не вызывают опасных последствий. — Он пожал плечами. — Боюсь, в данном случае такой гарантии нет. Полагаю, вы уже жалеете о своем визите. Но для сожалений слишком поздно.

— Благодарю за сочувствие. Однако мне кажется, вы можете не только обнаружить эти изменения, но и ликвидировать их.

— Это гораздо сложнее, чем внести их изначально. Но за определенную сумму — вполне осуществимо.

— Вы меня не удивили.

— Желаете воспользоваться нашими услугами?

Я шагнул к двери, пропустив вперед Шантерель:

— Поверьте, я вам обязательно об этом сообщу.

Интересно, как, по мнению моей спутницы, я должен был вести себя после обследования? Может быть, она надеялась, что расспросы миксмастера оживят мою память и я внезапно пойму, что случилось с глазами? Честно говоря, я тоже на это надеялся. Просто забыл на время — еще один побочный эффект «амнезии оживления».

Но все оставалось по-прежнему. Мне становилось не по себе. С моими глазами действительно творится что-то скверное. Теперь уже невозможно отрицать, что они светятся в темноте. И если бы только это! По прибытии в Город Бездны у меня появилась необычная способность: я хорошо различал в темноте, словно носил ноктовизор или специальные контактные линзы. Впервые эта способность проявилась — впрочем, я сначала не придавал этому значения — в разрушенном здании, когда я увидел лестницу, ведущую вверх, где меня ждало спасение, как выяснилось, в лице Зебры. Я видел все довольно ясно, хотя

освещение было недостаточным. Правда, в тот момент мне хватало других проблем. Позже, когда фуникулер рухнул на кухню Лорана, ситуация повторилась. Я выполз из-под обломков машины и обнаружил человека-свинью и его жену задолго до того, как они заметили меня, хотя, в отличие от них, я не пользовался ноктовизором. Я снова не обратил внимания на свое необычное умение, поскольку за миг до встречи получил изрядную дозу адреналина, — правда, в этот раз у меня на подкорке кое-что отложилось.

Теперь выясняется, что в клетках моих глаз происходят изменения на генетическом уровне, так что винить разгулявшееся воображение нет оснований. Возможно, цикл изменений уже завершен, что бы там ни говорил миксмастер, — кажется, он назвал это степенью генетической фрагментации?

— Что бы он ни сказал, — нарушила молчание Шантерель, — вам хотелось услышать нечто другое, угадала?

— Вы были рядом и слышали все, что он мне говорил.

— Мне показалось, что его слова имели для вас какой-то особый смысл.

— Хотелось бы, но надежда не оправдалась.

Мы неторопливо вернулись на открытую площадку с чайным домиком. В голове царил неразбериха. Кто-то решил провести генетический эксперимент и избрал меня в качестве подопытного кролика. Из моих глаз сделали что-то... нечеловеческое. А может быть, так действует индоктринационный вирус? Не исключено. Но какое отношение может иметь Небесный к ночному зрению? Насколько я помню, Небесный терпеть не мог темноты. Боялся ее больше всего на свете.

И уж тем более не мог в ней видеть.

Ничего не происходило, пока я не прибыл на Йеллоустон. Может быть, мадам Доминика не ограничилась тем, что удалила у меня имплантат? Я был в сознании, но порядком дезориентирован, так что она вполне могла сотворить что угодно. Нет, едва ли. Ночное зрение появилось у меня еще раньше.

А как насчет Уэверли?

Учитывая временной фактор — вполне возможно. Тогда, в Пологе, пока Уэверли вживлял мне имплантат, я был без сознания. В таком случае первые генетические изменения про-

явились уже через несколько часов после операции. По-видимому, они затронули относительно небольшую часть клеток, хотя обычно касались органа в целом или даже отдельных систем организма. Да, конечно. Внезапно я понял, что это предположение отнюдь не лишено основания. Уэверли работал на обе стороны. Он предупредил Зебру насчет меня, честно дав мне шанс уцелеть во время «Игры». Так почему бы ему не снабдить меня еще одним преимуществом — ночным зрением?

В этом было что-то утешительное.

Но я не настолько легковверен.

— Вы хотели взглянуть на Мафусаила, — заметила Шантерель, указывая на огромный резервуар, заключенный в металлическую клетку привлечший мое внимание. — Ваше желание может исполниться.

— Мафусаил?

— Сами увидите.

Я протиснулся сквозь толпу, окружающую резервуар... На самом деле протискиваться не пришлось. Люди первыми уступали дорогу, стараясь не встречаться со мной взглядом, — с той же презрительной гримасой, которую я заметил на лице миксмастера. Мило, нечего сказать.

— Это Мафусаил, — проговорила Шантерель, присоединяясь ко мне у зеленовато-матового стекла. — Очень большая и очень старая рыба. Можно сказать, самая старая.

— Сколько ему лет?

— Этого не знает никто. Думаю, он родился еще до прибытия американца. Следовательно, Мафусаил один из старейших организмов на планете, древнее только некоторые культуры бактерий.

Огромный, почти бесформенный и чудовишно старый парчовый карп, заполнявший собой резервуар, напоминал греющегося на солнышке ламантина. Он пялился на нас одним глазом, похожим на плоскую тарелку, и в этом взоре не отражалось ни малейшей мысли — мы словно смотрели в чуть замутненное зеркало. Глазное яблоко было усеяно беловатыми катарактами, похожими на архипелаг в свинцово-сером море. Раздутую тушу покрывала блеклая, почти бесцветная чешуя, не таящая омерзительных выпуклостей и впадин на больной плоти Мафусаила. Жабры открывались и закрывались так медленно, что каза-

лось, будто жизненные силы теплятся в нем лишь благодаря подводным течениям резервуара.

— Почему Мафусаил не умер, как другие парчовые карпы?

— Если не ошибаюсь, ему делали пересадку сердца — по моему, даже не один раз. Не исключено, что вживили искусственное сердце. Так или иначе, оно практически бездействует. Я слышала, что вода в бассейне очень холодная, почти на грани замерзания. Ему вводят какое-то вещество, чтобы не застывалась кровь. Обмен веществ почти не происходит... — Шантерель прикоснулась к стеклу, оставив на обледеневшей поверхности отпечатки пальцев. — Впрочем, это не мешает ему быть чем-то вроде объекта поклонения. Особенно для стариков. Они верят, что общение с ним — хотя бы прикосновение к стеклу — обеспечивает им долголетие.

— А вы, Шантерель, верите?

Она кивнула:

— Когда-то и я в это верила, Таннер. Но это, как и все остальное, было лишь этапом взросления.

Я снова поглядел в зеркальный глаз рыбины. Чего только не довелось повидать за все эти годы Мафусаилу! Интересно, отложилось ли хоть что-то в мозгу, если, конечно, эта раздутая тварь еще не впала в старческий маразм. Где-то я читал, что у парчовых карпов исключительно короткая память. Они способны запоминать лишь на три-четыре секунды, не дольше.

Но мне уже надоели эти бессмысленные глаза почтенного и почти бессмертного парчового карпа. Мой взгляд скользнул вниз, по изгибу отвисшей челюсти Мафусаила — туда, где в бутылочно-зеленом колеблющемся полумраке маячили лица людей, толпящихся по ту сторону стеклянного резервуара.

И я увидел Рейвича.

Это было невозможно, но он стоял почти напротив меня — он, и никто иной. Его лицо было безмятежно-спокойным, словно он медитировал на висящее между нами древнее существо. В этот момент Мафусаил шевельнул плавником — шевельнул до бесконечности лениво, — и вода колыхнулась, смазывая картину. С минуту я пытался себя обмануть. Сейчас рябь успокоится, и я увижу физиономию местного бездельника, которому в силу сходности генотипа досталась та же стерильная аристократическая красота.

Но вода успокоилась, и я снова увидел Рейвича.

А он меня — нет. Хотя мы стояли друг против друга, его взгляд еще не встретился с моим. Отвернувшись, но продолжая наблюдать за ним боковым зрением, я сунул руку в карман, где должен был лежать мой пистолет с ледяными пулями, и едва не вздрогнул, обнаружив, что он на месте.

Я щелкнул рычажком предохранителя.

Рейвич стоял на месте, никак не реагируя.

Он был совсем близко. Что бы я ни говорил Шантерели, мне ничего не стоит угостить его пульей, не вынимая пистолета из сюртука. Если выпущу два заряда, то смогу точно определить поправку на искажение, создаваемое двумя листами бронированного стекла и толщей воды, и третий выстрел будет точен. Но обладает ли ледяная пуля достаточной начальной скоростью, чтобы пробить эту преграду? Трудно сказать. Пожалуй, задача носила чисто теоретический характер. Проблема состояла в другом. Если выстрелить под тем углом, с какого можно попасть в Рейвича, пуля встретит живое препятствие.

Я могу просто-напросто убить Мафусаила...

...Или не могу?

Разумеется, могу. Проблема лишь в том, чтобы нажать на курок и прекратить жалкое существование гигантской твари. Слишком просто, чтобы считать это злодеянием. Не более гнусное дело, чем, скажем, уничтожение знаменитого произведения искусства.

Слепая серебряная чаша — глаз Мафусаила — снова приконала мой взгляд. Я не смог нажать на курок и невольно чертыхнулся.

— В чем дело? — Шантерель почти загородила мне обзор, едва я отступил на шаг от стеклянной стены.

Нас вновь окружала толпа, и люди вытягивали шеи, чтобы разглядеть легендарную рыбу.

— Я кое-кого увидел. На той стороне бассейна.

Пистолет уже показался из кармана. Сейчас любой зевака мог разгадать мое намерение.

— Таннер, вы что, ненормальный?

— Весьма вероятно, что у меня целый букет психических болезней, — ответил я. — Но боюсь, это ничего не меняет. Своим бредовым состоянием я пока вполне доволен.

С этими словами я спокойно двинулся в обход резервуара, ощущая, как металл пистолета влажнеет от пота. Сейчас я небрежным жестом извлеку оружие из кармана. Будем надеяться, что сторонний наблюдатель примет его за портсигар.

Но это так и осталось намерением, поскольку случилось нечто странное.

Я почти обошел резервуар.

Рейвича не было.

ГЛАВА 28

— Вы собирались кого-то убить, — сказала Шантерель, когда мы возвращались домой.

Ее фуникулер, раскачиваясь, пробирался через Полог, этот коралл-мозговик, усеянный искрами фонарей. Далеко внизу темнела Мульча, лишь кое-где отмеченная россыпью очагов.

— Простите, что?

— Вы почти вынули из кармана пистолет, как будто хотели им воспользоваться. Не для угрозы, как в моем случае, а словно готовы были хладнокровно нажать на курок... Приблизиться к кому-то, всадить в него пулю и уйти прочь.

— Похоже, лгать не имеет смысла.

— Вам придется быть откровенным, Таннер. И кое-что рассказать. Должно быть, вы считаете, что правда мне не понравится, она слишком усложнит дело. Поверьте, ситуация и без того сложна. Вы готовы чуть-чуть приподнять маску? Или будем продолжать игры?

Недавний инцидент все еще не выходил у меня из головы. Я видел лицо Арджента Рейвича. Он стоял всего в нескольких метрах от меня, в людном месте.

Неужели все это время он меня видел? Неужели он оказался гораздо умнее, чем я предполагал? Он узнал меня и сбежал, пока я обходил резервуар с Мафусаилом. Я был слишком сосредоточен на мысли о стоящем у стекла Рейвиче, чтобы обратить внимание на недавно ушедших людей. Да, это вполне возможно. Но если допустить, что Рейвича заранее предупредили о том,

что я здесь, возникает ряд куда более неприятных вопросов. Если он увидел меня, то зачем остался? И почему так легко позволил себя увидеть? Ведь в тот момент я даже не разыскивал его. Я просто осваивался в новой обстановке перед тем, как раскинуть свою ловчую сеть.

И еще. Прокручивая в голове этот эпизод — несколько секунд, которые прошли с того момента, когда я увидел Рейвича, до его исчезновения, — я вспомнил нечто очень важное. Тогда я кое-что заметил, вернее, кое-кого. Но не придавал значения. Я был слишком сосредоточен на том, чтобы сделать выстрел.

Я увидел за стеклом еще одно знакомое лицо, совсем рядом с Рейвичем.

Она изменила раскраску, но черты лица так быстро изменить невозможно. Тем более что я хорошо знал это лицо.

Зebra.

— Я еще жду, — проговорила Шантерель. — Но ваша мрачная мина начинает меня раздражать, как и многозначительное молчание.

— Извините. Дело в том, что... — Я непроизвольно улыбнулся. — Мне подумалось, что вы можете проникнуться к моей персоне излишней симпатией.

— Не искушайте судьбу, Таннер. Всего пару часов назад вы целились в меня из пистолета. Как правило, подобные знакомства заканчиваются печально.

— Согласен, обычно так и бывает. Но вы тоже целились в меня. Причем калибр вашего оружия...

— Хм... Возможно.

Похоже, я ее не убедил.

— Но если мы хотим двигаться дальше, потрудитесь приоткрыть завесу, за которой прячется ваше темное прошлое. Прежде чем мы доберемся до дому, я хочу узнать, почему этот человек должен умереть. На вашем месте я бы постаралась доказать, что он действительно заслуживает смерти. Иначе потеряете мое уважение.

Машина дергалась и раскачивалась, но ее движение уже не вызывало рвотных позывов.

— Он действительно заслуживает смерти, — сказал я. — Не могу сказать, что это дурной человек. На его месте я поступил бы точно так же.

«Только сделал бы это чисто, — добавил я мысленно. — И никого бы не оставил в живых».

— Слабое начало, Таннер. Но продолжайте.

Пожалуй, стоило бы выдать Шантерели стерильную версию моей истории, но я вспомнил, что такой версии просто не существует. Поэтому я рассказал о солдатской службе и о том, как попал к Кагуэлле. Я сообщил, что Кагуэлла был властным и жестоким, но не злым. Ему не были чужды такие вещи, как доверие и преданность. Его трудно было не уважать, и трудно было не стремиться заслужить его уважение. Наверное, наши отношения с Кагуэллой сложились удачно по очень простой причине. Он был перфекционистом. Все, что его окружало, должно было являть собой совершенство: вещи, которые он коллекционировал, женщины, с которыми спал, — вот почему он выбрал Гитту. Это относилось и к людям, на него работавшим. Я считался отличным солдатом, превосходным телохранителем, знатоком оружия, убийцей — я соответствовал по всем параметрам. Но лишь Кагуэлла дал мне возможность оценить себя, предоставив в качестве эталона совершенство.

— Преступник, но не чудовище? — уточнила Шантерель. — И этого было достаточно, чтобы на него работать?

— Ну, еще он неплохо платил.

— Продажная ваша душа.

— Это не все. Он ценил мой опыт и не хотел мной рисковать, поэтому не давал слишком опасных заданий. Скорее, я выполнял роль консультанта. Мне почти не приходилось носить оружие. Для этого у нас были настоящие телохранители — помоложе, лучше натренированные. Тупые копии меня самого.

— А при чем здесь человек, которого вы увидели в Эшер-Хайтсе?

— Его зовут Арджент Рейвич, — сказал я. — Раньше он жил на Окраине Неба. Его семья пользовалась там большим почетом.

— В Пологе тоже.

— Неудивительно. Если здесь у Рейвича есть связи, это объясняет, каким образом ему удалось так быстро освоиться в Пологе, пока меня мариновали в Мутье.

— Забегаете вперед. Что привело сюда Рейвича, ну и вас тоже?

Я рассказал, как оружие Кагуэллы попало не по назначению, как из-за этого погибла семья Рейвича. И как Рейвич, поклявшись отомстить, отследил путь оружия и вышел на моего хозяина.

— Вам не кажется, что он предстает в весьма выгодном свете?

— Не спорю. Но на его месте я бы никого не оставил в живых. Это была его единственная ошибка, которую я не могу простить.

— Не можете простить, что он оставил вас в живых?

— Это не было актом милосердия, Шантерель. Совсем наоборот. Негодяй хотел заставить меня страдать из-за того, что я подвел Кагуэллу.

— Извините, я не сильна в логических построениях.

— Он убил жену Кагуэллы — женщину, которую я обязан был охранять. Но оставил в живых Кагуэллу, Дитерлинга и меня. Дитерлингу просто повезло, его приняли за мертвого. Рейвич знал, что делает. Он хотел, чтобы Кагуэлла наказал меня за то, что я позволил Гитте умереть.

— И?..

— Что — и?

Было видно, что она вот-вот потеряет терпение:

— Как с вами поступил Кагуэлла?

Простой вопрос, предполагающий простой ответ. Нет, не совсем, поскольку Кагуэлла вскоре умер. Раны доконали его, хотя поначалу казалось, что они не представляют угрозы для жизни.

Почему же так трудно ответить? Почему язык онемел, а в голову пришло нечто другое? Нечто, заставившее меня усомниться в том, что Кагуэлла действительно мертв?

— Да никак, — сказал я наконец. — Но мне пришлось жить с этим позором. Наказание не слабее любого другого.

— Однако Рейвич, наверное, рассчитывал на другое.

Мы пробирались через район Полога, напоминавший увеличенный снимок внутренней легкого, — бесконечные шарики альвеол на разветвляющихся стебельках, соединенные, как мостиками, темными жгутиками свернувшейся крови.

— А разве могло быть иначе? — спросил я.

— Возможно, Рейвич пощадил вас, потому что не считал врагом. Вы всего лишь наемник, а его месть предназначалась для Кагуэллы.

— Замечательная мысль.

— И скорее всего, верная. Вам не приходило в голову, что убивать этого человека не следует? И что ему вы, быть может, обязаны жизнью?

Разговор начинал меня утомлять.

— Нет, не приходило, по той простой причине, что это не имеет никакого значения. Мне плевать, что думал обо мне Рейвич и почему решил подарить жизнь — из мести или из милосердия. Это абсолютно не важно. Важно то, что он убил Гитту и что я поклялся Кагуэлле отомстить за ее смерть.

— Отомстить за ее смерть. — Шантерель невесело улыбнулась. — Вам не кажется, что это отдает Средневековьем? Верность вассала сюзерену и все такое. Клятвы чести, кровная вражда... Не подскажите, который сейчас год, Таннер?

— Шантерель, только не притворяйтесь, будто вы хоть что-то в этом понимаете.

Она зло тряхнула головой:

— В таком случае я бы усомнилась в состоянии своего рассудка. Но все же на кой черт вы прилетели сюда? Чтобы исполнить клятву? Ради этого идиотского принципа — кровь за кровь?

— А вам это кажется смешным?

— Нисколько, Таннер. Напротив, это трагично.

— Ну, для вас — может быть?

— Для любого, кто способен взглянуть на ситуацию со стороны. Вы хоть знаете, сколько времени пройдет, прежде чем вернетесь к себе на Окраину Неба?

— Не принимайте меня за ребенка, Шантерель.

— Ответьте на мой вопрос, черт побери!

Я вздохнул. Похоже, я слишком расслабился, и ситуация выходит из-под контроля. Или ее дружелюбие — еще одна аномалия, отклонение от естественного положения вещей?

— Минимум тридцать лет, — ответил я небрежно, как будто речь шла о паре недель. — И заметьте, я прекрасно понимаю, что за это время многое может измениться. Но главное не из-

менится, поскольку оно уже произошло. Погибла Гитта. И Ди-терлинг. И Мирабель.

— Что?

— Кагуэлла погиб.

— Нет, вы сказали «Мирабель».

Я смотрел в окно, как мимо проплывают здания. Голова гудела. Черт побери, что со мной происходит, если я начинаю такое нести? Подобную оговорку не спишешь на усталость. Треклятый вирус... Похоже, он уже не ограничивается тем, что впикивает мне в голову картинки из жизни Небесного — не только во сне, но и в часы бодрствования. Он теперь вмешивается в важнейшие предпосылки, из которых складывается мое восприятие собственной личности. Тем не менее... нет, это еще полбеды. Нищенствующие сказали, что их терапия довольно скоро выгонит вирус, но сцены из жизни Небесного атакуют меня все настойчивей. А главное, зачем поклонникам Хаусманна впутывать в мое прошлое события, не имеющие никакого отношения к Небесному? Почему им нужно, чтобы я считал себя Мирабелем?

Мирабелем?! Кагуэллой!

В памяти против воли всплыл сон о белой камере, в котором я разглядывал человека без ступни. Отогнав видение, я попытался подхватить ускользающую нить разговора:

— Я просто хотел сказать, что...

— Продолжайте.

— ...Я не рассчитываю по возвращении найти то, что оставил. Но хуже, чем сейчас, уже не будет. Людей, что-то для меня значивших, давно нет в живых.

Похоже, вирус сводит меня с ума.

Я уже отождествляю себя с Небесным, а Таннер Мирабель постепенно становится... кем? Неким второстепенным персонажем?

Это напоминало партию в шахматы, что приснилась мне у Зебры. Казалось, я то выигрываю, то проигрываю.

Но я полностью контролировал ход игры.

Должно быть, это только начало. Моя оговорка означает, что процесс вышел за пределы снов заодно с вирусом Хаусманна.

Стараясь не показать тревоги, я снова вернулся к разговору:

— Эти люди погибли до того, как я покинул планету.

— Наверное, вам просто надо получить удовлетворение, — сказала она. — Как в экспириенталиях по древней истории. Дворянин бросает недругу перчатку и требует сатисфакции. Очень похоже на то, что вы сейчас делаете. Поначалу это казалось мне абсурдным, даже смешным, хотя такое реально происходило в прошлом. Но я ошибалась. Это не история. Это живет и процветает, возродившись в Таннере Мирабеле.

Она снова опустила на глаза кошачью маску — нарочный жест, чтобы привлечь внимание к ее усмешке, к губам, которые мне внезапно захотелось поцеловать. Это был лишь миг, но он прошел навсегда. Если вообще был.

— Таннер требует удовлетворения. И готов получить его любой ценой. Его даже не волнует, что в конечном итоге он может оказаться в дураках.

— Прошу не оскорблять меня, Шантерель. Я верен своим убеждениям.

— Это не убеждения, напыщенный вы болван. Это всего лишь идиотская мужская гордость.

Ее глаза превратились в щелки, в голосе появилась мстительная нотка. До чего же мила, тихонько заметил из своего укромного уголка некий сторонний наблюдатель, все это время слушавший наш спор.

— Объясните мне только одно, Таннер. Одну маленькую деталь, которую вы так и обошли вниманием.

— Все самое лучшее только для вас, моя очаровательная богачка.

— Не ехидничайте, Таннер. Все эти выпады, уколы так утомляют... У нас с вами доверительный разговор, а не дуэль на шпагах...

— Вы хотели задать вопрос.

— Да, о вашем хозяине, о Кагуэлле. Он узнал, что Рейвич направляется на юг, в сторону — как вы это назвали? — Дома Рептилий, и решил на него поохотиться.

— Продолжайте, — буркнул я.

— Так почему Кагуэлла не захотел самостоятельно довести дело до конца? Рейвич убил Гитту, то есть второй раз бросил ему вызов. И дал еще один повод потребовать сатисфакции.

— Не тяните.

— Мне любопытно, почему я говорю с вами, а не с Кагуэллой. Почему Кагуэлла сам не прилетел сюда?

Непростой вопрос. Кагуэлла был мужественным человеком, но он не хлебнул солдатской службы. У него просто не было определенных навыков, которыми я обзавелся очень давно, — и ему бы понадобилось полжизни, чтобы их приобрести. Он разбирался в оружии, но не знал, когда его надо применять. Его познания в стратегии и тактике носили сугубо теоретический характер. Он хорошо усвоил правила игры и даже кое-какие ее тонкости. Но его никогда не швыряло в грязь ударной волной, ему не приходилось видеть в стороне кусок собственного тела, дрожащий, как выброшенная на берег медуза. Не факт, что от подобного ты станешь сильнее, но прежним тебе уже не быть. Впрочем, разве Кагуэлле это мешало? По большому счету это была не война — то, во что мы ввязались. Да и я оказался не на высоте... Подобные соображения отрезвляют, но мне было трудно полностью отказаться от мысли, что за это время Кагуэлла тоже мог бы добиться успеха.

И все же почему сюда прилетел я, а не он?

— Ему было бы трудно покинуть планету, — сказал я. — Он считался военным преступником. И был ограничен в передвижениях.

— Он мог бы что-нибудь придумать, — заметила Шантерель.

Беда в том, что она, пожалуй, права. И размышлять над этим мне хотелось меньше всего на свете.

— Приятно было познакомиться, Таннер.

— Шантерель, не...

Когда дверца разделила нас непреодолимой преградой, она качнула головой — ее скрытое под кошачьей маской лицо по-прежнему казалось бесстрастным. Фуникулер устремился вверх, двигаясь шумными толчками. Тросы, за которые цеплялись его рычаги, мелодично позванивали, то натягиваясь, то провисая.

По крайней мере, она не поддалась искушению и не высадила меня в Мультче.

Шантерель это сделала в незнакомом районе Полога. Впрочем, чего я ожидал? Наверное, меня подвела таившаяся в закоулках мозга мысль о том, что мы могли бы встретить утро в одной постели. Такое продолжение знакомства, которое началось

с похищения под дулом пистолета и обмена угрозами, трудно назвать неожиданным. Она была достаточно красива, пусть эта красота и не была такой экзотической, как у Зебры. Возможно, не столь самоуверенна, но подобное неизбежно приводит к тому, что во мне просыпается покровитель. При этом она не побоялась посмеяться над пресловутой мужской гордостью — и была права. Ну и что с того? Шантерель мне понравилась, и, если я нуждался в оправдании этой своей слабости, не имело значения, насколько она иррациональна.

— Черт бы тебя побрал, Шантерель, — не слишком уверенно произнес я, сойдя на посадочную площадку вроде той, что находилась снаружи Эшер-Хайтса, но менее людной.

Машина Шантерели была здесь единственной, а теперь исчезла и она. Мелкий дождь походил на пар из пасти гигантского дракона, витающего где-то в вышине над Пологом.

Я двинулся к краю платформы, чувствуя, как вместе с дождем ко мне снова нисходит Небесный.

ГЛАВА 29

Это был обычный обход «спящих».

Небесный и Норкинко шли по железнодорожному тоннелю вдоль корабельного «хребта», грохоча башмаками по подвесному настилу. Время от времени мимо по рельсам с шумом проносились цепочки автоматических вагонеток. Эти составы везли запчасти и продовольствие небольшой группе техников, которые обитали в дальнем конце корабля, — они денно и нощно обхаживали двигатели с энтузиазмом идолопоклонников. Сейчас навстречу, мигая оранжевыми сигнальными огнями, двигался один из таких поездов. Он почти заполнил собой тоннель. Небесный и Норкинко вошли в нишу, чтобы подождать, пока вагонетки не проползут мимо. При этом Небесный заметил, как его друг что-то спрятал в карман рубашки — кажется, листок бумаги, исписанный рядами цифр, частью зачеркнутых.

— Давай быстрее, — сказал Небесный. — Я хочу быть на третьем узле до того, как придет следующий состав.

— Без проблем, — отозвался Норкинко. — Следующий будет здесь через... семнадцать минут, не раньше.

Небесный поглядел на него с подозрением:

— Ты точно знаешь?

— Конечно. Они же ходят по графику.

— Само собой. Мне просто непонятно, как ты умудряешься держать в голове все расписание.

После этого ни один не проронил ни слова, пока они не дошли до ближайшего узлового пункта. Здесь, вдали от главных жилых отсеков, стояла непривычная тишина, почти не нарушаемая шумом воздушных насосов и прочих систем жизнеобеспечения. Хотя мониторинговые устройства непрерывно контролировали состояние «спящих», на это расходовалась лишь ничтожная часть энергии корабля. Системы охлаждения тоже были не слишком прожорливы: моими намеренно разместили почти в открытом космосе. Пассажиры лежали в анабиозе и не ведали, что от абсолютного межзвездного вакуума их отделяет лишь несколько дюймов. Небесный и Норкинко были одеты в термокостюмы, при выдохе изо рта вырывался белый клуб. Небесный то и дело накидывал капюшон, чтобы согреться, а Норкинко вообще ни разу не обнажил голову.

Они давно не общались. Их отношения почти прекратились после смерти Бальказара. Все время и силы Небесный тратил на укрепление своего авторитета среди экипажа. С поста главы службы безопасности — третьего человека на корабле — он сделал еще один шаг вверх. Теперь лишь Рамирес стоял между ним и абсолютной властью на «Сантьяго». Несомненно, определенные проблемы создавала Констанца, правда, сейчас он перевел ее на незначительную должность в охране. Ни ей, ни кому-либо другому он не позволит сорвать свои планы. Положение капитана оказалось весьма шатким. Корабли пребывали в состоянии холодной войны друг с другом, на борту царил атмосфера подозрительности, доходящей до паранойи. Любое неосторожное слово могло повлечь за собой самое беспощадное наказание. Достаточно будет одного скандала, тщательно спланированного, чтобы устранить Рамиреса, в то время как убийство может вызвать ненужные подозрения. Небесный уже начал действовать в этом направлении. Скандал, который уничтожит Рамиреса, одновременно обеспечит надежное прикрытие его собственным планам.

От узла Небесный и Норкинко прошли в модуль со «спящими» — один из шести, расположенных в этой части «хребта». Каждый модуль содержал десять капсул. Добраться сюда было непросто, поэтому за один день удавалось осмотреть лишь ничтожную часть момио. Но Небесный был вторым человеком на корабле и не мог надолго оставлять «спящих» без внимания.

Впрочем, эта задача с каждым годом облегчалась. То один, то другой модуль выходил из строя. После этого на оживление содержащихся в нем момио не оставалось ни малейшей надежды. Небесный вел тщательный учет мертвых, выявляя сектора, в которых системы жизнеобеспечения могли вскоре отказать. Несмотря на это, случаи гибели момио распределялись по всему «хребту» почти непредсказуемо. А что еще ожидать от оборудования, давным-давно отработавшего свой срок? На момент старта Флотилии оно считалось последним словом техники, но это были опытные образцы. С Земли приходили инструкции, которые позволяли существенно улучшить криогенные установки. Рядом с модернизированными старые капсулы показались бы египетскими саркофагами. Но ни один корабль Флотилии не воспользовался этими советами. Реконструировать действующие капсулы было слишком рискованно.

Небесный и Норкинко пробрались в первый модуль и вошли в одну из десяти капсул, расположенных по окружности. Немедленно восстановилась атмосфера, затеплились огоньки приборов, ожили дисплеи, однако в камере по-прежнему царила смертельная стужа.

— Небесный... этот мертв.

— Знаю.

До сих пор Норкинко не посещал «спящих». Но на этот раз Небесный решил взять его с собой.

— Я отметил его еще в прошлый раз.

Аварийные лампочки на саркофаге пульсировали, словно охваченные паникой, — увы, напрасно. Стеклопанельная крышка была по-прежнему герметично закрыта. Небесный наклонился поближе, чтобы убедиться в смерти «спящего», — показаниям приборов не всегда можно доверять. Но вид мумифицированного тела не оставлял места для сомнений. Бросив взгляд на табличку с именем «спящего», Хаусманн сверился со списком и удовлетворенно кивнул. Ошибки не было.

Он покинул камеру, Норкинко вышел следом, открыл следующую...

Та же история. Еще один мертвый пассажир, и причина смерти та же — сбой в работе оборудования. В криогенной установке больше не было никакого смысла. Вряд ли в этом теле сохранилась хоть одна живая клетка.

— Кошмарные потери, — заметил Норкинко.

— Не знаю, — отозвался Небесный. — В определенном смысле их смерть нам на пользу. Знаешь, Норкинко, зачем я привел тебя сюда? Выслушай меня внимательно и запомни: ни одно слово, которое ты услышишь, не должно покинуть эти стены. Понял?

— А я еще думал, почему ты захотел снова со мной встретиться. Прошло несколько лет...

— Конечно, — кивнул Небесный. — И многое изменилось. Но я не упустил тебя из виду. Все думал, где можно найти применение твоим талантам, и вижу теперь, что ты справишься. Это касается и Гомеса, с ним я уже переговорил.

— О чем речь, Небесный?

— Вообще-то, о двух вещах. Я начну с главного... но для начала чисто технический вопрос. Что ты знаешь о модулях?

— Только самое основное. Их девятью шесть, они распределены по всему «хребту», в каждом десять «спящих».

— Правильно. И многие из этих «спящих» уже мертвы.

— К чему ты клонишь?

— Это балласт. Причем не только погибшие момио, но и системы жизнеобеспечения, которые теперь бездействуют. Подсчитай их общую массу. Какой процент она составит от массы корабля?

— Все равно не понимаю.

Небесный вздохнул. Почему никто, кроме него, не способен понять такие очевидные вещи?

— Это в буквальном смысле слова мертвый груз. Сейчас, правда, он не слишком мешает. Но когда начнем сбрасывать скорость, он не даст затормозить достаточно быстро... Тебе разжевать? Мы хотим остановиться в пределах системы шестидесят первой Лебеда. Чем больше наша масса, тем раньше нам придется начать торможение. Но если отсоединим модули, которые больше не нужны, то затормозим гораздо быстрее. Мы

получим преимущество перед другими кораблями и достигнем планеты на несколько месяцев раньше остальных. Выберем лучшие места и начнем строить колонии.

Норкинко некоторое время размышлял.

— Непростая задача, Небесный. Существуют... хм... предохранительные устройства. Модули не рассчитаны на то, чтобы их отстыковали до выхода на орбиту. До Пункта Назначения.

— Прекрасно понимаю. Поэтому я и обратился к тебе.

— А-а-а... теперь ясно.

— Предохранители снабжены электроникой. Значит, мы сможем вывести их из строя, это только вопрос времени. А времени у тебя предостаточно. Годы! Модули не придется отстыковывать до последнего момента перед торможением.

— И зачем же ждать?

— А ты не понимаешь? Мы ведем войну, Норкинко. Необходим элемент внезапности.

Небесный сурово посмотрел на бывшего приятеля. Если нельзя доверять Норкинко, его придется убить. Но нет. Эта задача должна показаться ему слишком увлекательной.

— Да, — произнес наконец Норкинко. — Я даже представляю, как можно вскрыть эти предохранители. Дело крайне сложное, но я справлюсь. Правда, на это действительно нужен не один год. Возможно, лет десять. Чтобы никто не догадался, буду делать это под видом полугодовых полных проверок системы... Единственная возможность заглянуть в эту святая святых, не говоря уже о том, чтобы покопаться...

Он уже загорелся и приступил к просчету вариантов. Небесный не ошибся в выборе.

— Но я не вхожу в команду, которая проводит проверки.

— Почему? Неужели мозгов не хватает?

— Говорят, в коллективе не уживаюсь. Если бы меня послушали, проверки занимали бы вдвое меньше времени.

— Действительно, почему бы и нет, — отозвался Небесный. — Проблема всех гениев, Норкинко, в том, что их редко ценят.

Норкинко расплылся в улыбке. Наивный! Вообразил, будто их отношения наконец перешли ту зыбкую границу, которая отделяет взаимовыгодное сотрудничество от искренней дружбы.

— Нет пророка в своем отечестве, так вроде говорят? Ты прав, Небесный.

— Знаю, — согласился Небесный. — Я всегда прав.

Откинув плоскую крышку своего портативного компьютера, он просматривал данные, пока не нашел обобщенную схему расположения «спящих». Та напоминала симметричный до противоестественного неоновый кактус с множеством веточек, увешанный красными и черными значками. Красные обозначали местонахождение живых момио, черные — мертвых. Вот уже несколько лет Небесный отделял одних от других, чтобы собрать всех покойников в нескольких модулях. Это была сложная и кропотливая работа. Перемещать живых приходилось не размораживая. Саркофаги отцеплялись от модуля и следовали с вагонетками из одного конца «хребта» в другой, при этом криогенные системы запитывались от резервных аккумуляторов. Иногда они отказывали, и пассажир отправлялся в другой отсек.

Но все это только часть замысла. Придет время, и с помощью Норкинко Хаусманн доведет его до конца.

Кстати, с Норкинко надо обсудить еще кое-что.

— Небесный, ты хотел еще что-то спросить?

— Да. Помнишь, Норкинко, мы были мальчишками? Еще до смерти моего отца? Ты рассказал нам с Гомесом одну очень интересную историю. О шестом корабле. Правда, называл его иначе.

Норкинко недоверчиво покосился на Небесного, словно заподозрил подвох.

— Ты имеешь в виду... мм... «Калеуче»?

— Вот именно, — кивнул Небесный. — Кстати, напомни мне эту историю.

Норкинко повторил рассказ, который когда-то слышал Небесный, но добавил несколько деталей. Похоже, он не потерял интереса к этой легенде. Но под конец, поведав о дельфине, пилотирующем корабль-призрак, сказал, что никакого шестого корабля не существует. «Калеуче» — просто сказка, что передается из уст в уста.

— Нет. Я тоже так думал, но знаю, что он существует. По крайней мере, существовал до последнего времени.

Небесный пристально смотрел на Норкинко, пытаясь понять, какое впечатление произвела эта фраза.

— Мне рассказал об этом отец. Люди из службы безопасности всегда знали о существовании корабля-призрака. А сей-

час выяснилось еще кое-что. «Калеуче» следует за нами в половине световой секунды. По размерам и форме он напоминает «Сантьяго». Это корабль Флотилии, Норкинко.

— А почему, Небесный, ты говоришь об этом только сейчас?

— Потому что до сих пор у меня не было возможности изменить ситуацию. Но теперь... она есть. Я хочу отправиться туда, но наша маленькая экспедиция, Норкинко, должна быть абсолютно секретной. Стратегическая ценность этого корабля немислима. На нем должны быть запасы пищи. Запчасти. Техника. Лекарства. Все, без чего мы вынуждены обходиться десятки лет. Более того, на нем есть антивещество, и, возможно, двигатели еще не вышли из строя. Вот для чего мне нужен Гомес. И ты. Не думаю, что на корабле кто-то выжил, и все же мы должны попасть на борт, запустить системы. Но прежде всего — предохранители.

Норкинко как зачарованный смотрел на него:

— Я с этим справлюсь, Небесный.

— Хорошо. Я знал, что ты не подведешь.

Хаусманн сказал, что экспедиция на корабль-призрак состоится, как только он подготовит шаттл, — причем сделает это так, чтобы никто не догадался о его истинных намерениях.

Для этого нужно все тщательно продумать. Они будут отсутствовать несколько дней, и никто не должен этого заметить. Игра стоит свеч. Корабль — манящий приз — следует за ними. Он словно приглашает поживиться сокровищами на его борту. И только Небесный знает наверняка, что «Калеуче» существует.

— Сам понимаешь, — пробормотал рядом голос Клоуна, — это было бы преступлением — упустить такую возможность.

Когда Небесный оставил меня в покое — как обычно, в реальности прошла лишь пара секунд, — я полез в карман за пистолетом. Это было чисто символическое действие, нечто вроде утверждения своей мужественности. Я пожал плечами. Следующий поступок был более рациональным — я направился к освещенному входу, чтобы покинуть площадку, на которую сошел с фуникулера.

Оказавшись внутри, я увидел зал, похожий на площадь. Теперь лучше держаться непринужденно. Я просто заглянул сюда

от нечего делать. Возможно, эта напускная небрежность могла добавить мне уверенности.

Как и в Эшер-Хайтсе, здесь былолюдно, хотя время давно перевалило за полночь. Архитектура представляла собой нечто невообразимое. В общих чертах она напоминала здания Полога, где меня высадил Уэверли, или жилище Зебры. Та же невероятная топология с чудовищно изогнутыми линиями, те же трубки-катетеры, тестообразные потолки и стены. Но здесь все это выходило за пределы разумного.

Я бродил по залу целый час, разглядывал лица прохожих, время от времени присаживался у водоемов с вездесущими парчовыми карпами — просто для того, чтобы лишний раз прокрутить в голове последние события. Может быть, очередной фрагмент головоломки вдруг встанет на место — и я пойму, что происходит и какое место я в этом занимаю. Но головоломка не складывалась. Вероятно, в ней не хватало деталей. Так или иначе, но некая таинственная асимметрия досадным образом лишала картину достоверности. Возможно, кто-то более сообразительный разгадал бы эту загадку, но я слишком устал, чтобы искать хитроумные ловушки. Я видел лишь последовательность событий. Сюда я прибыл, чтобы убить человека. Вопреки всем законам вероятности очутился в нескольких метрах от него, даже не успев начать поиски. Казалось бы, радоваться надо, но использовать шанс не удалось. И никак не избавиться от омерзительного ощущения, что меня одурачили. Получить в первой взятке четыре туза...

Обычно с такой удачи начинается крупное невезение.

Сунув руку в карман, я нащупал пачку оставшихся денег. За этот вечер я поиздержался — одежда и консультация миксмастера обошлись недешево, — но нельзя сказать, что карманы Вадимова сюртука опустели. Я направился обратно, к площадке, где меня высадила Шантерель. Что делать дальше, я не представлял и чувствовал лишь сильнейшее желание еще раз поговорить с Зеброй.

Уже собираясь покинуть площадь, я увидел, как из мрака появляется рой ярко разряженных прохожих, сопровождаемых домашними животными, роботами-слугами и «левитирующими» камерами, — ни дать ни взять процессия средневековых святых в окружении херувимов и серафимов. Мимо меня про-

шествовала пара бронзовых паланкинов размером не больше детского гробика, украшенных в стиле барокко. За ними двигалась модель пострже — серый шкаф с острыми кромками и крошечным зарешеченным оконцем спереди. Манипуляторов у него не было. Доносился натужный шум каких-то механизмов, за паланкинами тянулись хвосты жирных выхлопов.

У меня созрел план, правда не слишком надежный. Я затесываюсь в толпу и пытаюсь выяснить у прохожих, не знает ли кто-нибудь Зебру. А затем придумаю, как добраться до нее, даже, если придется, «уговорю» одного из них подвезти меня на фуникулере.

В этот момент шествие остановилось, и человек с головой-полумесяцем извлек из кармана шкатулку с флаконами «топлива грез». Его движения были очень осторожными, — казалось, он хочет скрыть ящичек от чужих глаз и одновременно показать его своим участникам процессии.

Я шагнул в тень и с удовольствием отметил, что на меня пока никто не обращает внимания.

Другие члены группы столпились вокруг него. Я заметил тусклый блеск свадебных пистолетов и других устройств подобного назначения, украшенных не менее вычурно. Мужчины и женщины оттягивали воротники, готовые вонзить себе под кожу сталь. Два «детских» паланкина присоединились к остальным, но серый паланкин начал огибать толпу. Я заметил косые взгляды некоторых участников шествия, ожидавших своей порции «топлива».

Человек в сером паланкине не был одним из них.

Я убедился в этом, когда он остановился, передняя дверца со скрипом распахнулась, выпустив из петель струйки пара, и из нее неуклюже выбрался пассажир. Кто-то вскрикнул, указывая на него, и в тот же миг вся толпа отпрянула, в том числе и миниатюрные паланкины, а кто-то бросился прочь.

С ним происходило нечто ужасное.

Глядя на него с одной стороны, можно было обмануться. Нагое тело казалось столь же вызывающе красивым и юным, как у любого участника процессии. Но с другой стороны его покрывала блестящая короста, из которой, пронзая плоть, тянулись бесчисленные тускло-серебристые волокна. Они достигали фута длиной и окутывали тело серой вуалью. Волоча ноги, человек побрел вперед.

Каждый шаг сопровождался нежным шелестящим звоном колышущихся волокон, словно они были из льда.

Человек попытался заговорить, но из перекошенного рта вырвался лишь мучительный стон.

— Сожгите его! — крикнул кто-то в толпе. — Ради всего святого, сожгите!

— Бригада уже на подходе, — отозвался другой голос.

Человек с головой-полумесяцем осторожно приблизился к бедняге и покачал у него перед лицом полупустым флаконом:

— Ведь ты этого хочешь?

Зачумленный что-то пробормотал. Судя по всему, он рискнул оставить у себя имплантаты, но недостаточно позаботился о своей безопасности. Возможно, выбрал дешевый паланкин, который оказался негерметичным в отличие от более дорогих моделей. А может, приобрел его, уже будучи зараженным, потому что надеялся остановить течение болезни, оградив себя от дальнейшего контакта с окружающей средой.

— Вот. Бери быстрее и уходи. Оставь нас в покое. Бригада скоро будет здесь.

Человек с головой-полумесяцем бросил ему флакон. Зачумленный метнулся вперед, чтобы поймать его здоровой рукой, но не успел. Флакон разбился, и «топливо» растеклось по тротуару.

Продолжая движение, человек упал, почти ткнувшись лицом в алую лужицу. Часть волокон сломалась, образовав облачко серой пыли, и недужный застонал — то ли от удовольствия, то ли от боли. Зачерпнув скрюченными пальцами здоровой руки несколько капель «топлива», поднес его ко рту. Остальные смотрели на него через объективы, замерев от ужаса и любопытства. Зрелище привлекло несколько посторонних. Они тоже наблюдали за конвульсиями и внимали стонам больного, словно посетили экзотическое театральное действо.

— Это особый случай, — произнес кто-то. — Я никогда не видел подобного рода асимметрии. Как думаешь, мы не слишком близко стоим?

— Ты это непременно узнаешь.

Человек все еще корчился на земле, когда с площади прибыла упомянутая бригада. Сомневаюсь, что ей пришлось проделать долгий путь. Группа техников в скафандрах толкала пе-

ред собой громоздкую машину, похожую на гигантский паланкин с распахнутой дверцей, украшенную выпуклым значком «биологическая опасность». Не обращая на них внимания, зачумленный продолжал собирать капли драгоценного зелья — даже в тот миг, когда машина, гудя, накрыла его и захлопнула дверцу. Техники двигались с быстротой и точностью отлаженных механизмов, переговариваясь между собой скупыми жестами и шепотом, создающим странный контраст со стуком и гулом машины. Толпа молча наблюдала за ними. Я заметил, что пузырьки с «топливом грез», пистолеты и шприцы исчезли, словно их и не было.

Когда техники откатали «паланкин», на тротуаре не было ничего. Один из чистильщиков деловито подметал площадку чем-то похожим на помесь швабры с миноискателем. Взмахнув прибором еще несколько раз, он поднял большой палец, и бригада, обступив несмолкающую машину, вернулась в здание.

Участники шествия какое-то время оставались на месте, но случившееся явно заставило их изменить планы на вечер. Один за другим они садились в свои фуникулеры, лишая меня шанса втереться к кому-нибудь в доверие.

И тут я кое-что заметил на тротуаре, возле того места, где стоял человек с головой-полумесяцем. Вначале я принял этот предмет за флакон с «топливом грез». Но, поспешив незаметно приблизиться — пока мою находку не обнаружил кто-нибудь еще, — понял, что это экспириенталия. Очевидно, «полумесяц» потерял ее, доставая свою шкатулку.

Опустившись на колени, я поднял экспириенталию. Это была тонкая черная палочка с маркировкой в виде крошечной серебряной личинки на конце.

Такие же я обнаружил у Вадима вместе с запасом «топлива грез».

— Таннер Мирабель?

В голосе звучал лишь намек на любопытство.

Я обернулся. Человек, который произнес эти слова, был невысок ростом и одет в темное пальто, по минимуму — необходимому минимуму — отдающее дань уважения моде Полога. Мрачное невыразительное лицо, как у гробовщика, который узнал скверную новость. Но его поза говорила о готовности к бою, а на шее играли мускулы.

Кем бы он ни был, с ним не стоит шутить.

— Я из службы безопасности, — продолжал он тихо, еле шевеля губами, — знал, что мое внимание приковано к нему. — Вооружен нейротоксическим оружием, которое убьет вас в течение трех секунд совершенно бесшумно и незаметно для окружающих. Вы не успеете даже моргнуть.

— Спасибо за предупреждение, — перебил я.

— Вы уже поняли, что я специалист в своем деле, — продолжал он, кивком подчеркивая собственные слова. — Меня, как и вас, учили убивать наиболее эффективными способами. Надеюсь, теперь, когда у нас обнаружились общие интересы, мы сможем спокойно обсудить ситуацию.

— Я не знаю, кто вы и чего хотите.

— Вам незачем знать, кто я. Даже если я представляюсь, мне придется солгать. Так какой в этом смысл?

— Справедливо.

— Вот и прекрасно. В таком случае зовите меня Пранский. Что касается остального, то все просто: я здесь для того, чтобы проводить вас к одному человеку, который желает с вами встретиться.

— А если я этого не желаю?

— Как вам будет угодно. — Он продолжал спокойно и тихо, тоном послушника, читающего требник. — Но тогда придется смириться с дозой тетрадоксина, способной убить двадцать человек. Разумеется, я не исключаю, что биохимия ваших мембран несколько иная, чем у обычного человека или высокоорганизованного позвоночного. — Он улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами. — Но боюсь, убедиться в этом вы сможете только на личном опыте.

— Пожалуй, я не стану рисковать.

— Разумное решение.

Пранский коротко махнул ладонью в сторону овального водоема с парчовыми карпами, который был фокусной точкой данного крыла здания, указывая мне направление.

— Не слишком задавайтесь, — заметил я, удерживая позицию. — Вам не мешает узнать, что я тоже вооружен.

— Я знаю. Если хотите, могу даже сообщить вам характеристики вашего пистолета. А заодно вероятность, с которой я погибну от ледяной пули прежде, чем вколю вам тетрадоксин. Бо-

юсь, правда, что эта информация вас не обрадует. Замечу также, что в данную минуту ваш пистолет находится у вас в правом кармане, чего нельзя сказать о вашей руке. Следовательно, ваши возможности несколько ограничены. Продолжим?

Я шагнул вперед:

— Вы работаете на Рейвича?

Впервые на его лице появилось нечто, указывающее на отсутствие полного контроля над ситуацией.

— Никогда о нем не слышал, — раздраженно ответил он.

Я позволил себе улыбнуться. Маленькая, но победа. Конечно, это может оказаться ложью, но я был уверен, что Пранский мог бы солгать правдоподобнее. Похоже, я застал его врасплох.

На площади меня ожидал просторный серебристый паланкин. Убедившись, что никто из прохожих не смотрит в нашу сторону, Пранский распахнул дверцу. Внутри было сиденье, обитое красным плюшем.

— Думаю, вы не догадывались, что я предложу вам такое, — произнес Пранский.

Я вошел внутрь и сел. После того как дверца захлопнулась, я поэкспериментировал с кнопками на пульте управления, вделанном в стенку, но ничего не добился. Затем в зловещей тишине паланкин тронулся с места. В зеленое оконце я увидел, как мимо проплывает площадь. Впереди шагал Пранский.

Потом меня стало клонить в сон.

Зебра смотрела на меня долгим оценивающим взглядом. Этот взгляд достался мне явно по ошибке, скорее, он мог предназначаться ружью, которое она собиралась купить. Описать выражение ее лица одним словом невозможно. Все мои ожидания сводились по большому счету к двум вариантам: или радости (хотя бы и напускной), или крайней досаде по случаю моего возвращения.

Но она выглядела раздраженной... обеспокоенной...

— Могу я поинтересоваться, что это значит, черт побери?

Зебра медленно покачала головой:

— И у тебя хватает наглости спрашивать об этом после того, что ты сделал?

Она стояла передо мной — ноги на ширине плеч.

— Но теперь, кажется, мы квиты, — отозвался я.

— Где ты его нашел и чем он занимался? — спросила она Пранского.

— Просто шатался на площади, привлекая к себе внимание.

— Я хотел с тобой увидеться.

Пранский указал на одно из подчеркнуто утилитарных кресел; никакой другой мебели в этой комнате не было.

— Присаживайтесь, Мирабель. Спешить вам некуда.

— Говоришь, хотел со мной увидеться? — спросила Зебра. — Я потрясена. То-то ты так засиделся у меня в прошлый раз.

Я поглядел на Пранского. Какую роль он во всем этом играет? И что ему известно?

— Я оставил тебе записку, — жалобно проговорил я. — А потом позвонил, чтобы извиниться.

— И совершенно случайно решил, что мне известно, где будет проходить «Игра».

Я пожал плечами, оценивая общий уровень дискомфорта, — кресло оказалось довольно жестким.

— А у кого еще мне было узнать?

— Ты подонок, Мирабель. Сама не знаю, зачем я это делаю, но ты этого абсолютно не заслуживаешь.

Она была прежней Зеброй, если не сосредоточиваться на мелочах. Но она сделала раскраску кожи менее контрастной, и теперь полосы казались серебристыми волнами, лишь подчеркивая лепку лица и совершенно исчезая при недостаточном освещении. Черные волосы стали пепельными, жесткий гребень превратился в изящную короткую стрижку с густой челкой, прикрывающей лоб. Наряд был неброским — плащ из темной материи, почти такой же, как и мой сюртук; полы касались щиколоток, обтянутых голенищами сапог на шпильках. Не хватало лишь парчовых «заплат».

— Никогда не говорил, будто чего-то заслуживаю, — возразил я. — Разве что определенных объяснений. Например, как получилось, что мы не встретились чуть раньше. Правда, тогда между нами была та здоровенная рыбина по имени Мафусаил...

— Я стояла у тебя за спиной, — ответила Зебра. — Ты увидел не меня, а мое отражение. Я не виновата, что ты не обернулся.

— Могла бы окликнуть.

— Таннер, твое поведение было в высшей степени красноречивым.

— Хорошо. Тогда начнем с самого начала? — Я вопросительно посмотрел на Пранского. — Предлагаю сделать следующее. Я поделюсь с вами своими соображениями, а потом вместе решим, как быть дальше.

— На мой взгляд, исключительно разумное предложение, — ответил специалист по безопасности.

Я глубоко вздохнул. Дело зашло слишком далеко, но другого выхода не было.

— Вы работаете на Рейвича, — сказал я. — Оба.

Пранский взглянул на Зебру:

— Он уже упоминал это имя. Но мне оно ни о чем не говорит.

— Все в порядке, — отозвалась Зебра. — Я знаю, о ком идет речь.

Я кивнул. Меня охватило странное чувство — смесь облегчения и безразличия. Не могу сказать, что обрадовался, узнав, на кого работает Зебра, — тем более что сейчас она держала меня под прицелом. Скорее, это было удовлетворение проигравшего, которому тем не менее удалось разгадать некую важную тайну.

— Полагаю, Рейвич связался с тобой, как только очутился здесь, — сказал я. — Ты, случайно, не наемный специалист по безопасности, вроде Пранского? Это было бы вполне логично. Ты умеешь обращаться с оружием. Ты на два хода опередила Уэверли и его команду, когда они охотились на меня. Вся эта история про саботажников — просто сказка. Насколько мне известно, ты саботируешь «Игру» каждый вечер и даже числишься среди лучших охотников. Ну как тебе начало?

— Просто восхитительно, — кивнула Зебра. — Продолжай, пожалуйста.

— Рейвич поручил тебе найти меня. Он заподозрил, что кто-то с Окраины Неба гонится за ним, поэтому тебе оставалось лишь приложить ухо к земле и прислушаться. Еще один участник операции — композитор, который выследил меня, как только я покинул хоспис нищенствующих.

— Композитор? — переспросил Пранский. — Сначала Рейвич, теперь какой-то композитор... Эти люди действительно существуют?

— Заткнись! — резко бросила Зебра. — Пусть говорит.

— Маэстро оказался на высоте. Правда, я не уверен, что выложил ему много интересного, а главное — то, что нужно. Возможно, он поверил, что я просто невинный иммигрант.

Я посмотрел на Зебру, ожидая подтверждения своей догадки, но она промолчала.

— Скорее всего, он сообщил Рейвичу лишь о том, что не снимает с меня подозрения. Поэтому к слежке подключили тебя. С помощью твоих агентов из числа игроков, или саботажников, как ты их называешь. Ты узнала от Уэверли, что меня выбрали на роль жертвы.

— Что он говорит? — спросил Пранский.

— К сожалению, правду, — ответила Зебра, угостив испепеляющим взглядом специалиста по безопасности. Как я понял, он был ее подчиненным, дублером и мальчиком для битья в одном лице. — По крайней мере, относительно охоты. Таннера занесло в тущобы Мульчи, и там он попал в плен. Само собой, он храбро сражался, но силы были неравны. Его бы убили, но я вовремя подроспела.

— Ей пришлось меня спасти, — перебил я. — И не надо называть это актом милосердия. Зебре всего лишь была нужна информация. Допустим, меня прикончили. Каким образом Рейвич определит, был ли я убийцей, который за ним охотился? Он бы оказался в весьма щекотливом положении, причем, очевидно, до конца жизни. Постоянно дожидаться появления убийцы — настоящего убийцы. Не спать ночами... Ведь так оно и есть, Зебра?

— Так и было бы, — мрачно ответила она, — если бы я вступила в тайный сговор с твоими фантазиями.

— Тогда для чего ты меня спасла? Разве не для того, чтобы сохранить мне жизнь и выяснить, тот ли я, кто вам нужен?

— Я уже объясняла тебе. Спасла, потому что ненавижу «Игру». Потому что хотела, чтобы ты уцелел. — Она покачала головой почти смущенно. — Извини, Таннер, но при всем желании я не могу согласиться с твоими параноидальными измышлениями. Я не притворялась, а действовала по известным тебе причинам. И буду очень благодарна, если ты не станешь распространяться о сабах, даже в обществе Пранского.

— Но разве ты не сказала мне и ему тоже, что знаешь Рейвича?

— Да, теперь знаю. Но тогда не знала. Может быть, продолжим? Тебе не помешает выслушать мою точку зрения.

— Я весь внимание.

Зебра вздохнула, с любопытством окинула взглядом необъятный тестообразный потолок и снова посмотрела на меня. Кажется, сейчас я услышу нечто неожиданное.

— Я спасла тебя от шайки Уэверли, — проговорила она. — Не обманывай себя, Таннер. Не думай, что сумел бы уйти от них живым. У тебя большой опыт — это очевидно, — но не настолько.

— Думаю, ты не слишком хорошо меня знаешь.

— Не уверена, что хочу узнать получше. Мне продолжать?

— Конечно.

— Ты украл у меня вещи. Не только одежду и деньги, но и оружие, с которым вряд ли умеешь обращаться. Про фуникулер я не говорю. Ты мог оставаться у меня до тех пор, пока имплантат не отключится сам собой. Но почему-то решил, что одному будет безопаснее.

— Но я до сих пор жив. Разве не так?

— Так, — неохотно согласилась она. — Но Уэверли погиб, а он был одним из немногих наших союзников среди организаторов «Игры». Я знаю, что его убил ты, Таннер. Ты оставил такой яркий след, словно рассыпал за собой плутоний. — Она расхаживала по комнате, и кинжально-острые каблучки сапог шелкали мерно, как метроном. — В общем, тебе не повезло.

— Скорее, не повезло Уэверли. Этот садист в моем черном списке не значился.

— Почему ты не подождал?

— У меня было срочное дело.

— Ты о Рейвике? Наверное, умираешь от любопытства: как я с ним познакомилась и откуда мне известно, что он для тебя значит?

— Кажется, ты уже начала об этом рассказывать.

— Разбив мою машину, ты очутился на вокзале Гранд-Сентрал. И позвонил мне...

— Продолжай.

— Мне тоже стало любопытно, Таннер. Я узнала, что Уэверли мертв, и удивилась. Это ты должен был стать мертвецом, даже с украденным у меня оружием. Поэтому я задумалась: кто

он такой — человек, которому я предоставила убежище? — Зебра остановилась. — Я решила это выяснить. Все оказалось довольно просто. Тебя подозрительно заинтересовало место, где в эту ночь должна была идти «Игра». Поэтому я дала тебе информацию. Знала, что ты придешь туда.

Я мысленно вернулся к событиям вчерашнего вечера. Казалось, с тех пор прошла не одна сотня часов.

— Ты была там, когда я поймал Шантерель?

— Да. Я этого не ожидала.

— А Рейвич? Как он со всем этим связан?

— Через нашу общую знакомую по имени Доминика.

Должно быть, у меня вытянулась физиономия, потому что Зебра улыбнулась.

— Ты ходила к Доминике?

— Прогулка оказалась весьма плодотворной. Отправив Пранского за тобой в Эшер-Хайтс, я прогулялась на рынок и потолковала с этой особой. Я знала, что тебе удалили имплантат. А поскольку ты уже побывал на рынке, Доминика должна была знать, кто тебя прооперировал, — если только не сделала это собственными руками. Впрочем, так оно и оказалось, что существенно упростило ситуацию.

— Интересно, есть ли в Городе Бездны хоть один человек, которого она не обманула?

— Возможно. Правда, это очень смелое предположение. Доминика — воплощение основной парадигмы нашего Города: все продается и все покупается.

— Что она тебе сказала?

— Только то, что ты очень любопытная личность, Таннер, и что тебя весьма интересует местонахождение некоего господина по имени Арджент Рейвич. Человека, который поселился в Эшер-Хайтсе несколько дней назад. Пранский обнаружил, что ты направился именно в этот район Полога. Забавное совпадение, правда?

Специалист по безопасности воспринял этот вопрос как приглашение к разговору:

— Я следил за вами почти всю ночь, Таннер. Кажется, вы неплохо ладили с Шантерелью Саммартини? Подумать только, вы повсюду гуляли вместе как старые друзья. — Он покачал головой, словно на его глазах был нарушен один из основных

физических законов Вселенной. — Я видел вас даже на гонках паланкинов.

— Весьма романтическое зрелище, хоть и утомительное, — бархатным голосом вставила Зебра.

— Потом я позвонил Тарин и договорился с ней о встрече, — продолжал он. — Мы по-прежнему следили за вами — разумеется, скрытно. Вы посетили бутик и вышли оттуда новым человеком — скажем так, слегка обновленным. Затем вы отправились к миксмастеру. Этот тип оказался крепким орешком. Он так и не сказал о цели вашего посещения, и меня до сих пор мучит любопытство.

— Обычный медосмотр, — буркнул я.

— Возможно. — Переплетя тонкие изящные пальцы, Пранский пошелкал суставами. — Возможно, это даже не имеет значения. Но я не понимаю, как этот визит связан с тем, что случилось дальше.

Я попытался изобразить заинтересованность:

— С чем именно?

— С тем, что ты едва не убил человека, — вмешалась Зебра, резким жестом заставляя замолчать своего помощника. — Я видела тебя, Таннер. Хотела подойти и спросить, что ты здесь делаешь, как вдруг ты достал из кармана пистолет. В этот момент я не видела твоего лица. Но я достаточно долго следила за тобой, чтобы узнать по силуэту и движениям. Потом ты зашагал вперед с пистолетом в руке — мягко, спокойно, как настоящий профессионал...

Она помолчала.

— А потом убрал пистолет. За все это время никто не обратил на тебя внимания. Я увидела, как ты огляделся, — очевидно, человек, которого ты искал, исчез. Это был Рейвич?

— Вот ты мне и скажи, раз тебе все известно.

— Думаю, ты сюда прибыл, чтобы убить его, — сказала Зебра. — Зачем — понятия не имею. Рейвичи — старые обитатели Полога, но врагов они нажили куда меньше, чем иные семьи... В общем, все становится понятным. И твое горячее стремление попасть в Полог, из-за чего ты попался охотникам. И нежелание остаться у меня, хотя там ты был бы в безопасности. Боялся упустить Рейвича. Скажи, что я ошибаюсь, Таннер.

— А какой смысл спорить?

— Думаю, никакого. Можешь попробовать, если хочешь. Она была права.

И я рассказал ей все, точно так же как рассказал Шантере-ли. Нет, не совсем. Я не мог быть столь откровенным. Возможно, дело было в Пранском, который стоял рядом, впитывая каждое слово. Возможно, в подозрении, что они оба знают обо мне больше, чем говорят, и не услышат почти ничего нового. Я сказал, что Рейвич прибыл с той же планеты, что и я, и что не считаю его прожженным негодяем. Причиной преступления, которое он совершил, была или глупость, или слабость. Но это не означает, что он не должен понести наказание — столь же суровое, как если бы его угораздило родиться головорезом и психопатом.

Наконец Зебра и Пранский вытряхнули из меня все, что я знал, — все подробности моей истории, словно были уверены, что в ней кроется какой-то подвох, и хотели непременно его обнаружить. Теперь оставался один вопрос, на этот раз у меня.

— Зебра, зачем ты привезла меня сюда?

— А почему это тебя интересует? — подбоченилась она так, что острые локти показались из-под черной ткани плаща.

— Просто из любопытства.

— Тебе угрожает опасность, Таннер. Я делаю тебе одолжение.

— С тех пор как я сюда прибыл, мне постоянно что-нибудь угрожает. Уже привык.

— Речь идет о реальной опасности, — вмешался Пранский. — Вы по уши в дерьме, Мирабель. Потому что привлекли к себе слишком большое внимание.

— Он прав, — сказала Зебра. — Тебя подвела Доминика. Думаю, она успела всполошить пол-Города. Я почти уверена: Рейвич уже знает, что ты здесь. Знает и то, что сегодня ты его чуть не убил.

— А вот это вряд ли, — сказал я. — Если его успели предупредить о моем присутствии, какого черта он подставился? Будь я чуть расторопнее, и у него в голове появилась бы дырка.

— Возможно, это случайность, — заметил Пранский.

— В таком большом Городе? — Зебра наградила его презрительным взглядом. — Нет, Таннер прав. Встреча случилась потому, что так хотел Рейвич. И это еще не все. Взгляни на меня, Таннер. Не замечаешь ничего необычного?

— Ты немного изменилась.

— Вот именно. И это не слишком сложно, поверь. Рейвич мог сделать то же самое. Ничего серьезного — какая-нибудь мелочь, из-за которой его будет не узнать при беглом взгляде, особенно в толпе. Максимум несколько часов под ножом. С этим справится даже полуграмотный мясник.

— Бред какой-то, — пробормотал я. — Получается, он меня просто подразнил. Словно ему хотелось, чтобы я выстрелил.

— Вероятно, так оно и было, — сказала Зебра.

В следующую минуту мне показалось, что я никогда уже не выйду из этой комнаты; Пранский и Зебра привели меня сюда, чтобы убить. Пранский, несомненно, профессиональный киллер, да и Зебре смерть знакома не понаслышке, сколько бы она ни твердила, что ненавидит охоту на людей.

Однако они не убили меня.

Мы с Зеброй сели в фуникулер и поехали к ней домой, а Пранский отправился по своим делам.

— Кто он такой? — полюбопытствовал я, когда мы остались наедине. — Платная группа поддержки?

— Частный сыщик. — Зебра сбросила плащ, и он растекался у нее под ногами черной лужицей. — Сейчас это очень модно. В Пологе идет постоянная борьба. Кровавые тихие войны — иногда между семьями, иногда внутри семей.

— Ты решила, что он сможет меня выследить?

— И кажется, не ошиблась.

— Все же я не понимаю.

Я снова посмотрел туда, где зияла пасть Бездны, похожая на жерло вулкана. Зачумленный Город теснился на ее кромке, словно готовый обрушиться вниз. На горизонте проступали краски рассвета.

— Разве что ты хочешь использовать меня в каком-то ином качестве, но тогда, боюсь, обратилась не по адресу. Возможно, ты замешана в каких-то играх, которые ведет верхушка Полога, но меня они не интересуют. У меня здесь одна цель.

— Убить невинного человека.

— Что поделать, мир жесток. Не возражаешь, если я присяду?

Прежде чем она ответила, я опустил в кресло, которое с суетливостью подобострастного лакея подъехало ко мне.

— Я солдат по натуре. И не привык подвергать сомнению подобные аспекты. Если я начну колебаться, то провалю задание.

Зебра, словно состоящая из углов и острых кромок, уютно свернулась в роскошном кресле напротив меня, подтянув колени к подбородку.

— Кто-то охотится за тобой, Таннер. Вот почему пришлось тебя найти. Нельзя оставаться в Городе, это опасно. Нужно бежать отсюда.

— Чего и следовало ожидать. Рейвич постарается завербовать всех, кого только сможет.

— Ты имеешь в виду местных жителей?

Странный вопрос.

— А как иначе? Зачем ему нанимать людей, которые не знают Город?

— Но за тобой охотятся не местные, Таннер.

Я потянулся в кресле, отдавая приказ его скрытой мускулатуре, и сиденье ответило приятными массирующими волнами.

— Что тебе известно?

— Не слишком много. Доминика сказала, что тебя ищут двое. Мужчина и женщина. Они так себя вели, словно очутились здесь впервые. Как будто прибыли с другой планеты. И очень хотели тебя найти.

— Мужчина уже нашел меня. — Наверное, речь идет о Квирренбахе. — Он представился иммигрантом и увязался за мной еще на орбите. Я бросил его у Доминики. Похоже, он вернулся с подкреплением.

Странно, почему не с Вадимом. Но принять Вадима за женщину довольно сложно.

— Он опасен?

— Как любой, кто готов обманывать ради денег.

Зебра дала команду подвесному сервроботу. Вскоре перед нами появился поднос, уставленный сосудами всех цветов и размеров. Зебра наполнила мой кубок. Вместе с выпитым вином во рту исчезал привкус Города, а течение мыслей становилось спокойным.

— Я очень устал, — сказал я. — Зебра, вчера ты предлагала убежище. Могу я воспользоваться этим предложением? Хотя бы до утра.

Женщина поглядела на меня поверх матовой кромки бокала. День уже наступил, но она поняла меня правильно:

— Хочешь сказать, после всего, что ты натворил, я соглашусь?

— Я оптимист, — пояснил я, придавая голосу надлежащую интонацию полного безразличия.

Затем я снова пригубил вино и только тогда понял, насколько устал.

ГЛАВА 30

Экспедиция на корабль-призрак едва не сорвалась. Небесный и его сообщники, Норкинко и Гомес, успели добраться до грузового отсека, когда им навстречу из тени шагнула Констанца.

Она выглядит старше, подумал Небесный. А рядом с ним она казалась преждевременно постаревшей. Трудно поверить, что когда-то они были ровесниками — детьми, изучавшими темную, изрезанную лабиринтами Страну чудес. Сейчас тени легли очень невыгодно, подчеркивая каждую морщинку на подвижном лице.

— Ты не хочешь сказать, куда вы направляетесь? — осведомилась Констанца. Она стояла между мужчинами и шаттлом, подготовка которого стоила таких трудов. — Кажется, никто не получал разрешения покидать «Сантьяго».

— Ты просто не в курсе, — сказал Небесный.

— Меня еще не выгнали из службы безопасности, высокомерный ты червяк. Почему это я не в курсе?

Небесный поглядел на своих спутников, давая понять, что берет переговоры на себя.

— Хорошо, в двух словах. Это дело слишком секретное, чтобы сообщать о нем по обычным каналам безопасности. Больше я сказать не могу. У нас дипломатическая миссия, причем весьма непростого свойства.

— Тогда почему Рамирес не с вами?

— Слишком велик риск. Не исключено, что я попаду в ловушку. Если такое произойдет, Рамирес потеряет заместителя,

но никаких потрясений на «Сантьяго» не последует. Мой визит должен выглядеть как искренняя попытка установить дружеские отношения. Тогда на другом корабле не смогут пожаловаться, что мы не послали никого из старших офицеров.

— Но капитан Рамирес знает об этом?

— Само собой. Он санкционировал полет.

— Может, проверить?

И она оттянула манжету, чтобы связаться с капитаном.

Небесный позволил себе секундное колебание. Оба варианта дальнейших действий были почти одинаково рискованными. Рамирес действительно полагал, что речь идет о дипломатической миссии — о поводе, который позволял Небесному покинуть «Сантьяго» на пару дней без особых проблем. Для этого потребовалось несколько лет кропотливой подготовки. Он подделывал сообщения с «Палестины», изменял подлинные... Но Рамирес — умный человек, и у него могут возникнуть подозрения, особенно если Констанца проявит повышенный интерес к миссии.

Поэтому он решил идти ва-банк.

Один удар — и Констанца рухнула на жесткий полированный пол, глухо стукнувшись затылком.

— Убил? — спросил Норкинко.

— Не знаю, — пробормотал Небесный, опускаясь на колени.

Констанца была жива.

Они протащили бесчувственное тело через грузовой отсек и аккуратно положили у груды разбитых поддонов. Со стороны должно было показаться, что она зашла в отсек и потеряла сознание от удара по голове, когда на нее обрушился штабель.

— Она ничего не вспомнит, — сказал Небесный. — Если до нашего возвращения не очухается, я сам ее найду.

— Но подозрения у нее все равно останутся, — заметил Гомес.

— Это не проблема. Я обо всем позаботился. Мы докажем, что Рамирес и Констанца вместе подготовили... санкционировали эту экспедицию.

Небесный покосился на Норкинко — по сути, большую часть этой работы выполнил он, — но лицо техника оставалось бесстрастным.

Когда Констанца очнется, они будут уже далеко. Обычно Небесный запускал двигатели шаттла, как только покидал причальную площадку, но сейчас это могло привлечь лишнее внимание. Вместо этого он включил двигатели, чтобы дать единственный толчок, пока шаттл еще скрывался за корпусом «Сантьяго», и сразу заглушил. Этого должно было хватить, чтобы достичь скорости сто метров в секунду относительно Флотилии. Освещение в кабине было погашено, связь полностью отключена. Они падали в Бездну, все больше удаляясь от родного корабля.

Небесный смотрел, как гигантское тело «Сантьяго», похожее на серую скалу, проплывает мимо. Пришлось потрудиться, чтобы скрыть свое отсутствие, учитывая атмосферу всеобщей подозрительности на борту. Хотя вряд ли у кого-нибудь хватит духу лишний раз задать вопрос. Да, суденышко могут обнаружить другие корабли Флотилии. Но Небесный знал не понаслышке: их радары в основном заняты поиском объектов, которые движутся от корабля к кораблю. Вряд ли кто-то заметит шаттл, понемногу отстающий от Флотилии. К тому же сейчас корабли стараются превзойти друг друга, избавляясь от лишней массы. Сброс устаревшего оборудования — уже не редкость. Правда, обычно от мусора избавлялись таким образом, чтобы корабли не столкнулись с ним при торможении, но это было незначительной подробностью.

— Мы будем дрейфовать двадцать четыре часа, — сказал Небесный. — В конечном счете должны отстать от последнего корабля Флотилии на девять тысяч километров. Потом мы сможем включить двигатели и радар, чтобы сделать бросок к «Калеуче». Даже если вспышку заметят, ни одному шаттлу за нами не угнаться.

— А если все-таки устроят погоню? — спросил Гомес. — У нас будет всего несколько часов форы. Самое большее — сутки.

— Значит, надо распорядиться этим временем с умом. Нам хватит нескольких часов, чтобы попасть на корабль и разобраться, что там произошло. Еще несколько часов, чтобы найти все упревшее: медицинское оборудование, запчасти для саркофагов... ну и прочее. Мы успеем загрузиться, не теряя преимущества во времени. Если на шаттле не хватит места, будем удержи-

вать корабль, пока «Сантьяго» не отправит за нами достаточное количество шаттлов.

— Ты говоришь так, словно мы собрались драться за «Калеуче».

— Думаю, оно того стоит, Гомес.

— А если кто-нибудь с другого корабля давным-давно выгреб все подчистую? Ты об этом подумал?

— Да. Тогда у нас будет повод, чтобы начать войну.

Норкинко с момента отлета не произнес ни слова, поскольку изучал план одного из кораблей Флотилии, сложный до умопомрачения. С такими головоломками он мог возиться сутками — стеклenea глазами, забывая про сон и пищу, — до тех пор, пока не находил решение. Небесный завидовал его несгибаемому упорству, но не допускал даже мысли о том, чтобы позволить себе подобную одержимость. Норкинко представлял для него ценность особого рода — как инструмент для решения проблем с четкими условиями и предсказуемыми результатами. Поручи ему разобраться с чем-то сложным и таинственным, и он будет как рыба в воде.

Создание модели внутренних информационных сетей «Калеуче» представляло собой именно такую задачу. Разумеется, до определенного момента она будет служить лишь наглядным пособием, но Небесный не поручил бы эту работу никому другому.

Он отдавал себе отчет, что слишком мало знает о корабле-призраке. Ясно лишь одно: когда-то это был такой же элемент Флотилии, как и остальные. Он был построен заодно с другими звездолетами и вместе с ними покинул орбиту Меркурия. Это не могло оставаться в тайне, даже если когда-то он носил более прозаическое имя, не имеющее отношения к легендарному призраку. По-видимому, «Калеуче» разогнался до крейсерской скорости синхронно с остальными пятью кораблями и некоторое время — возможно, несколько лет — двигался в общем строю.

Но в течение первых десятилетий путешествия к Суону что-то произошло. По мере того как Солнечную систему раздирали политические и социальные катаклизмы, усугублялась изоляция Флотилии. С каждым световым годом, отделяющим корабли от родной планеты, становилось все труднее поддерживать связь. С Земли поступали известия, Флотилия отправляла отчеты, но интервалы между передачами продолжали увеличи-

ваться, а сообщения делались все более бессвязными. Порой они противоречили друг другу, что свидетельствовало о вражде фракций, преследующих разные цели. Далеко не все желали, чтобы Флотилия успешно достигла Пункта Назначения. Время от времени экипажи узнавали, что некоторые фракции вообще отрицают существование экспедиции. На Земле снова пытались переписать историю. Со временем это перестали принимать всерьез. Досадно было слышать другое: эти попытки встречали поддержку.

Слишком велик груз времени и пространства.

Эти слова вновь и вновь звучали в голове у Небесного подобно мантре. В конечном счете все проблемы сводились к отрыву от родины.

И еще это означало, что ответственность Флотилии перед кем-либо, кроме ее экипажей и пассажиров, постепенно уменьшалась. А значит, появилась возможность скрыть правду о том, что случилось с «Калеуче».

Судя по всему, дед Небесного, вернее, отец Тита Хаусманна знал истинную причину случившегося. Кое-что он успел рассказать Титу, но не исключено, что сделал это на пороге смерти, а потому уже не помнил всех деталей. Теперь Небесному оставалось лишь строить догадки.

События могли развиваться по двум сценариям. Согласно первому между кораблями вспыхнула война, в ходе которой «Калеуче» подвергся атаке. Возможно, дело дошло до применения ядерного оружия. Тит говорил, что призрак на экране радара выглядит так же, как любой из кораблей Флотилии, но это не значит, что ему не мог быть нанесен значительный ущерб. Впоследствии экипажи остальных кораблей, устыдившись, предпочли вычеркнуть этот постыдный прецедент из своей истории. Их поколению пришлось жить с бременем позора — но только одному.

Другая гипотеза нравилась Небесному куда больше. Она выглядела не так драматично, но Флотилия представала в еще менее выгодном свете. На «Калеуче» произошло нечто чрезвычайное — скорее всего, разразилась эпидемия. Остальные экипажи предпочли отказать ему в помощи. Конечно, история знает случаи, которые выглядят еще более неприглядно. Как можно поставить в упрек стремление оградить себя от заразы?

Это был постыдный шаг. И вместе с тем абсолютно логичный.

Если гипотеза верна, им необходима крайняя осторожность. Впрочем, любая ситуация может обернуться катастрофой. И в любом случае риск будет оправдан — слишком велика награда. Он вспомнил об антивеществе, возможно заключенном в резервуарах призрака. Подобно дремлющему чудовищу, оно дожидается, когда его выпустят на свободу. Этот день все еще может наступить, но он будет не таким, каким виделся создателям корабля.

И не таким, каким видится экипажам остальных кораблей.

Несколько часов спустя они были уже далеко. Однажды луч радара «Бразилии» скользнул по шаттлу, словно пальцы слепого, изучающие незнакомый предмет. Это был миг предельного напряжения. Небесный подумал было, что допустил какую-то фатальную оплошность. Но луч двинулся дальше и больше не вернулся. Даже если на «Бразилии» что-то обнаружили, то, скорее всего, приняли пятно на радаре за дрейфующий хлам — например, такой же шаттл, изношенный до невосстановимости и выброшенный в пустоту космоса.

Соблазн запустить двигатели малой тяги был велик. Однако Небесный проявил выдержку, и в течение двадцати четырех часов шаттл продолжал дрейфовать, как и было запланировано. Сообщений с «Сантьяго» не поступало, и Небесный успокоился. Это означало, что их отсутствие еще не превратилось в проблему. Не будь рядом Норкинко и Гомеса, он был бы сейчас одинок, как никогда в жизни. Нечто подобное уже случилось с ним однажды. Как он был напуган, оказавшись запертым, точно в ловушке, в темной детской! Поразительно, но теперь он по собственной воле покинул дом и отправился в такую даль.

Но в этот раз у него был повод.

Выждав до последней секунды, Небесный снова запустил двигатели. Пламя вырвалось из дюз и расцвело на фоне звездного неба — прозрачное, чистое, густо-сиреневое. Небесный очень постарался, чтобы выхлоп не был направлен в сторону Флотилии, но скрыть его полностью все равно не удастся. Впрочем, это не важно. Они уже слишком далеко. И первыми доберутся до «Калеуче», что бы ни предприняли на других кораблях. Небесного охватил восторг — и упоительное предчувствие новой, по-настоящему великой победы. Он добьется, чтобы «Сантьяго» достиг Пункта Назначения. А пока он сделал только первый шаг.

Есть еще одно различие. Мир, именуемый Пунктом Назначения, существует, и о нем знают все. О существовании «Калечу» знает лишь Небесный, и то со слов Тита.

Небесный настроил радар на максимальную дальность, и луч-щупальце начал обшаривать темноту космоса.

Если корабль-призрак существует, Хаусманн найдет его.

— Почему бы тебе не оставить Рейвича в покое? — спросила Зебра.

— Ни за что. Даже если решу простить его — а это вряд ли, — все равно нужно узнать, зачем он устроил этот маскарад на площади. Чего добивался?

Мы сидели в квартире Зебры. Близился полдень. По небу ползли редкие облака, солнце поднималось к зениту. Сейчас Город выглядел скорее печально, чем зловеще. Даже самые жуткие здания, казалось, переносили свою участь с достоинством больных, смирившихся с перспективой доживать свои дни в изуродованной оболочке.

Но это меня не успокаивало. Я лишний раз убедился, что с моей памятью случилось нечто непоправимое. По-прежнему я наблюдал эпизоды из жизни Хаусманна. Правда, ладонь кровоточила слабее, чем в первые дни моей болезни. Похоже, индоктринационный вирус спровоцировал выброс уже имевшихся образов, причем резко противоречащих официальной версии событий на «Сантьяго». Возможно, вирус должен был вот-вот уйти из моего организма. Однако видения становились все более четкими, и я все глубже отождествлял себя с Небесным. Если вначале я был зрителем, то теперь сам играл роль главного героя. Слышал его мысли, чувствовал едкий привкус его ненависти.

Но этим дело не ограничивалось. Вчерашний сон, где я смотрел на раненого человека в белой комнате, тревожил меня не меньше. После некоторых размышлений я, кажется, понял, в чем тут дело.

Этим человеком без ступни мог быть только я сам.

В таком случае, кто смотрел с площадки в резервуар с гамадриадой в Доме Рептилий? Это мог быть только Кагуэлла.

Конечно, все можно списать на переутомление. Но я не первый раз видел мир глазами Кагуэллы. Вот уже несколько дней меня преследовали сны, похожие на обрывки воспоминаний, —

сны, где мы с Гиттой занимались любовью. Оказалось, что я мог вызвать из памяти самые потаенные изгибы ее тела. Почему-то я помнил, как моя рука скользит по ложбинке вдоль ее позвоночника, по выпуклостям ее ягодиц. Я мог представить себе вкус и аромат ее кожи. Здесь была какая-то тайна, которую я не мог разгадать... или не хотел, потому что разгадка содержала в себе нечто слишком мучительное.

Я знал лишь одно: это связано с гибелью Гитты.

— Послушай, — сказала Зебра, вновь наполняя мою чашку горячим кофе, — а может, Рейвич сам решил искать смерти?

Я заставил себя сосредоточиться на ее словах.

— С этим я бы мог ему посодействовать еще на Окраине Неба.

— Ну а может, он бы предпочел непростую гибель. Какая возможна только здесь.

Она была невероятно красива. Блеклые полосы подчеркивали природную лепку лица, придавая ему сходство с неокрашенной маской. Сейчас, сидя за завтраком, друг напротив друга, мы впервые ощутили некое подобие близости, с тех пор как нас соединил Пранский. Сегодня мы не занимались любовью, и дело не только в том, что я был до предела измотан. Зебр также не проявила инициативы. Ничто в ее поведении или манере одеваться не указывало на то, что наши отношения когда-либо носили не только холодновато-деловой характер. Вместе с внешними проявлениями исчезла и причина, и я не считал это тяжелой потерей. Не только потому, что не был способен сосредоточиться на такой простой и естественной вещи, как физическая близость. Просто в прежних поступках Зебры слишком явно ощущалась наигранность.

Я попытался почувствовать себя обманутым, но безуспешно. Меня ведь тоже не назовешь образцом честности.

Но как легко она изменила внешность...

— Вообще-то, — проговорил я, — есть еще один вариант.

— Какой?

— Человек, которого я видел, не был Рейвичем. — Я поставил пустую чашку и встал.

— Ты куда?

— Пойду прогуляюсь.

В Эшер-Хайтс мы отправились вместе.

Вагончик приземлился, осторожно коснувшись рычагами-опорами скользкой от дождя поверхности выступа. К этому времени движение успело снова оживиться. День был в разгаре. Костюмы прохожих, равно как их анатомические особенности, выглядели чуть менее вызывающими. Казалось, общество Полога предстало в ином виде, преобладали граждане, ведущие более размеренную жизнь, чуждые безумным ночным развлечениям. Конечно, и здесь не обошлось без эксцентризма. Я не встретил особенных отклонений от пропорций нормальной человеческой фигуры, хотя в этих пределах было представлено все разнообразие видоизменений. За исключением экзотических вариантов кожной пигментации и волосяного покрова, наследственные признаки не всегда можно было отличить от работы миксмастеров или их подпольных коллег.

— Надеюсь, ты не просто решил прогуляться, — заметила Зебра, когда мы высадились. — И не забывай, что тебя кое-кто ищет. Можешь считать, что они работают на Рейвича, но хочу напомнить: у Уэверли были друзья.

— В других системах?

— Думаю, нет. Зато они могут выдавать себя за иммигрантов. А еще есть твой Квирренбах.

Она закрыла за собой дверцу, и фуникулер немедленно умчался выполнять очередное поручение.

— Квирренбах может вернуться с подкреплением. И начать поиски с Доминики, если ты действительно оставил его там. Правильно рассуждаю?

— Ну да, — согласился я, надеясь, что мой голос звучит не слишком озабоченно.

Мы подошли к краю посадочного карниза, к одному из телескопов, установленных на парапете. Сам парапет был мне по грудь, но перед телескопами возвышалась небольшая платформа. В итоге наблюдатель словно висел над головокружительной пропастью Бездны. Прикинув к оптическому прибору, я поворачивал его и обшаривал взглядом панораму, одновременно сражаясь с колесиком регулировки фокуса. Наконец понял: я не добьюсь четкого изображения, поскольку воздух пропитан смогом. В узкой перспективе Полог еще сильнее напоминал трехмерную головоломку — или срез живой ткани, пронизан-

ной то ли жилками, то ли капиллярами. И где-то здесь, в этом лабиринте, находится Рейвич — одинокая молекула в кровеносной системе огромного Города.

— Что-нибудь видишь? — спросила Зебра.

— Пока нет.

— Кажется, ты волнуешься, Таннер.

— А ты бы на моем месте не волновалась? — Я резко развернул телескоп вокруг оси. — Я прибыл сюда, чтобы убить человека. Возможно, он этого не заслуживает, возможно, единственная причина моих действий — следование идиотскому кодексу чести, который никто здесь не понимает и не уважает. Тот, кого я должен убить, издевается надо мной. В свою очередь, на меня охотится какая-то парочка. Моя память вытворяет черт знает что. И в довершение всего я выясняю, что человек, на которого я полагался, постоянно лгал мне.

— Не понимаю, — проговорила Зебра, но по ее тону было ясно обратное.

Во всяком случае, она знала, к чему я веду.

— Ты не та, за кого себя выдаешь.

Ветер, налетев на нас, едва не унес с собой ее удивленное восклицание.

— Ты работаешь на Рейвича? — прямо спросил я.

Она тряхнула головой: мол, что за нелепое утверждение, однако явно переигрывала. Не могу назвать себя блестящим актером, но Зебра не лучше. Может, организуем театральный кружок для самообразования?

— Ты сумасшедший, Таннер. Мне с самого начала показалось, что у тебя мозги набекрень, но теперь я знаю точно.

— Ты уже работала на него в ту ночь, когда нашла меня, — продолжал я. — История с саботажем была просто легендой — довольно неплохой, но все же легендой.

Я шагнул с возвышения. И неожиданно почувствовал себя абсолютно беззащитным, — казалось, порыв ветра мог швырнуть меня в Бездну или в Мульчу.

— Возможно, меня действительно схватили игроки. Но ты вышла на меня еще раньше. Рейвич подослал Квирренбаха; потом, по-видимому, мне удалось стряхнуть «хвост». Но оставался еще кто-то — он держался в отдалении, не привлекая к себе внимания. На какое-то время ты потеряла меня из виду,

пока Уэверли не вживил мне в голову имплантат. Тогда тебе удалось снова выследить меня. Ну как тебе версия?

— Полный бред, Таннер.

В ее голосе не было уверенности.

— Хочешь узнать, как до меня это дошло? Самое главное, не говоря о мелких деталях.

— Давай, я послушаю.

— Тебе не следовало упоминать Квирренбаха. Я ни разу не называл его имени. Честно говоря, нарочно. Я ожидал, что ты промахнешься, и у тебя вырвалось. Кажется, мне повезло.

— Ты подонок. — Она произнесла это слово с такой нежностью, будто оно было ласковым прозвищем, какие дают друг другу любовники. — Ты хитрый подонок, Таннер.

Я улыбнулся:

— Ты могла бы оправдаться, если бы захотела. Почему бы не сказать, что это имя упоминала Доминика? Ты же спрашивала ее, с кем я был. Я думал, ты так и поступишь, — честно говоря, не ожидал другого ответа. Но теперь уже поздно. Маска сорвана.

— А что за мелочи, о которых ты говорил? Мне просто любопытно.

— Профессиональная гордость?

— Вроде того.

— Ты слишком упростила мне задачу, Зебра. Не заглушила двигатель, чтобы я смог украсть твой фуникулер. Оставила оружие там, где я мог найти его, а заодно и достаточную сумму денег. Тебе хотелось, чтобы я украл эти вещи, и тогда бы ты наверняка узнала, кто я такой. Тот, кто прилетел, чтобы убить Рейвича.

— И это все? — пожала она плечами.

— Не совсем. — Я поплотнее закутался в куртку Вадима. — Например, ты предложила заняться любовью, едва успев со мной познакомиться. Впрочем, игра стоила свеч.

— Ах, только не надо лести. Прибереги ее для себя.

— Но я бы не сказал, что ты обрадовалась, когда мы снова встретились. И на этот раз между нами не возникло даже намек на влечение. Во всяком случае, с твоей стороны. Мне пришлось поразмыслить над этим, но теперь я понял. В первый раз тебе нужно было создать доверительную обстановку. Ты надея-

лась, что я расскажу что-нибудь важное. Поэтому пригласила меня в постель.

— На свете есть такая вещь, как свобода выбора, Таннер. Ты мог отказаться. Иначе нужно признать, что в этот момент ты думал не головой, а другим местом. Вдобавок непохоже, чтобы ты сожалел.

— Может, и правда не сожалею. Во второй раз я бы вряд ли повелся, но второго раза и не ожидается, правильно? Ты уже узнала все, что хотела. В первый раз ты руководствовалась расчетом: переспать со мной и добыть информацию.

— Однако не добыла.

— Не важно. Ты получила ее позже, когда я сбежал с твоей пушкой и машиной.

— Ах, какая грустная история.

— Не для меня. — Я глянул через парапет. — А вот для тебя — пожалуй. Это серьезный провал, Зебра. Ты знаешь: я проделал большой путь, чтобы убить Рейвича. Тебе не приходит в голову, что я не буду страдать угрызениями совести, если убью того, кто встал у меня на пути?

— У тебя в кармане пистолет. Действуй, если от этого станет легче.

Я полез в карман, чтобы убедиться в этом, — и не вынул руку.

— Я мог бы убить тебя прямо сейчас.

К чести Зебры, она даже не вздрогнула.

— Через карман?

— Хочешь проверить?

Это становилось похоже на розыгрыш. Мы словно играли сцену из какой-то пьесы и были не в силах остановиться, даже не представляя, чем она закончится.

— Ты действительно думаешь, что попадешь в меня не целясь?

— Вообще-то, мне не впервой.

«Правда, мне впервой делать это намеренно», — мысленно добавил я.

Ведь я не хотел убить Гитту. И не был уверен сейчас, что хочу убить Зебру.

Не хотел убить Гитту...

Я старался не думать об этом, чтобы сохранить душевное спокойствие. Но мои мысли словно блуждали по лабиринту,

в котором был только один выход. Теперь воспоминания вырвались на свободу, точно орава буйных арестантов. Гитта мертва. Она погибла при нападении на лагерь — о чем тут рассуждать?

Не о чем.

Не считая того факта, что ее убил я.

Я это помнил.

Гитта проснулась раньше меня. Это она первой услышала, как нападающие прорвались сквозь заграждения, почти невидимые в стробоскопических вспышках выстрелов. Ее испуганный возглас разбудил меня. Обнаженная, она прижималась ко мне. Я увидел три силуэта на ткани палатки, словно абсурдное представление театра теней. При каждой вспышке они оказывались в другом месте — то рассыпью, то почти сливаясь. Потом раздались крики — я узнал голоса наших людей, короткие, сдавленные, точно взрывывания горна.

Ионизованное излучение полосовало палатку, и неистовые порывы бури устремлялись в прорехи, словно полумразумные создания из ветра и дождя. Прижав ладонь к губам Гитты, я пошарил под подушкой, куда перед сном положил лучевой пистолет, и с удовлетворением почувствовал, как прохладная изогнутая рукоять скользнула мне в руку.

Я свалился с койки. Прошло не более секунды или двух после того, как я понял, что на нас напали.

— Таннер? — позвал я, едва слыша свой голос в погребальном плаче бури. — Таннер, где ты, черт поberi?

Я чувствовал, как Гитта дрожит под тонким одеялом, хотя в палатке было душно и сыро.

— Таннер?

В этот момент включилось ночное зрение. В сероватом тумане проявлялись внутренности разоренной палатки. Этим приобретением, на редкость удачным, я был обязан ультра и Дитерлингу, который на собственном примере убедил меня подвергнуться операции. Определенные генетические изменения на клеточном уровне приводят к образованию на задней стенке сетчатки органического слоя. Ультра называют его тейптумом. Он отражает свет, максимально усиливая поглощение. Кроме того, тейптум изменяет длину волны отраженного света, усугуб-

ляя чувствительность сетчатки. По словам ультра, единственный недостаток этой генной модификации — если можно считать его недостатком — состоит в том, что глаза как бы вспыхивают, если направить в лицо яркий свет.

Ультра называют это «сияющим оком».

Честно говоря, мне такое даже нравилось. Поскольку я успевал увидеть тех, кто замечал мое сияющее око, с изрядным опережением.

Разумеется, этим модификация не ограничивалась. Умея трансформировать форму частиц фоточувствительных хромопротеиновых пигментов, ультра нашпиговали мою сетчатку генетически измененными «палочками» с почти абсолютным восприятием фотонов — для этого всего лишь пришлось пощипать отдельные гены X-хромосомы. В итоге я обзавелся геном, обычно передающимся только по женской линии. Он позволяет различать оттенки красного цвета, о существовании которых я прежде и не подозревал. Еще по краю роговицы у меня появились клетки, взятые у каких-то рептилий, что расширило видимый спектр в сторону инфракрасного излучения и ультрафиолета. Эти клетки подсоединили к моему зрительному нерву, и я получил способность воспринимать поступающую с них информацию одновременно с остальной, как это происходит у змей. Эти особенности зрения активировались и подавлялись специальными ретровирусами, которые вызывали быстрый — разумеется, контролируемый — рост недолговечных клеток наподобие раковых, выстраивающих или демонтирующих необходимые клеточные ансамбли в течение нескольких дней. Впрочем, к своим новым способностям я привык далеко не сразу. Сначала научился толком видеть в темноте, а чуть позже распознавать предметы, недоступные зрению обычного человека.

Отдернув занавеску, разделяющую палатку, я вошел на половину Таннера. Наш шахматный столик находился на прежнем месте. Фигуры демонстрировали комбинацию, в которой я, по своему обыкновению, одержал победу.

Таннер — почти голый, если не считать шорт цвета хаки, — стоял возле своей койки на коленях, в позе человека, который то ли шнурует ботинок, то ли рассматривает волдырь на ноге.

— Таннер?

Он чуть выпрямился и повернулся ко мне. Его руки были вымазаны чем-то черным. Потом он застонал. Мои глаза окон-

чательно привыкли к темноте, и я понял, в чем дело. От его левой ступни почти ничего не осталось — просто комок угля, способный рассыпаться при малейшем прикосновении.

Я понял, что в палатке пахнет горелым человеческим мясом.

Внезапно Таннер смолк. Казалось, что-то в его голове отметило, что стоны не решают проблему выживания — наиболее насущную в данный момент, — и просто отключило боль.

— Я ранен, — произнес он поразительно спокойно и отчетливо, — и, как видите, довольно серьезно. Не думаю, что от меня будет много проку... Что у вас с глазами?

Сквозь дыру в стене палатки шагнул человек. Очки ночного видения висели у него на шее, к стволу ружья был прикреплен фонарик. Луч света скользнул и замер на моем лице. Одежда из камелеонофляжа уже подстраивалась под интерьер палатки.

Выстрелом я распорол ему живот.

— Все в порядке, — произнес я.

Остаточный след моего выстрела растекся розовым пятном, напоминающим большой палец. Я перешагнул через труп боевика, стараясь не ступить босой ногой в кучу вывалившихся внутренностей, снял с оружейной стойки мощный бозер — слишком тяжелый, чтобы пользоваться им в ближнем бою, — и бросил на койку Таннера.

— О моих глазах можешь не беспокоиться. Вот тебе костыль, и ступай отрабатывать свое жалованье. Если выберемся из дерьма, получишь новую ногу, так что считай это временным неудобством.

Таннер поднял глаза, посмотрел на бозер, затем снова на свою рану, как будто прикидывал, что для него важнее.

Пора было действовать. Навалившись всем телом на приклад лучевика, я постарался упрятать боль подальше, в самые недоступные уголки. От ступни ничего не осталось, но Кагуэлла был прав. Сейчас я действительно мог обойтись без нее. Луч идеально прижиг рану, закупорив сосуды. Если мы выкарабкаемся, возвращение ступни будет стоить разве что трех-четырех недель дискомфорта. На службе в армии, когда мы сражались против Северной Коалиции, мне доставалось и похуже. Но сейчас я почему-то воспринимал ситуацию иначе. Лишившись части своего тела, я не до конца понимал, как можно восполнить эту потерю.

Палатку озарил ослепительный луч искусственного света. Врагов было трое; один из них — тот, кто ранил меня, — вышел из игры. Изрядная величина нашей палатки ввела их в заблуждение: они решили, что нас много, и поэтому открыли огонь на подавление, а надо было просто ворваться и уложить троих.

Ковыляя, я подошел к убитому и опустился на колени. Забрал у него фонарик и инфракрасные очки. Кагуэлла стрелял вслепую, почти в полной темноте, и попал, хотя я, пожалуй, взял бы немного повыше.

А несколько часов назад он точно так же палил во мрак. Теперь я знал, что он видел цель.

— Они что-то сделали с вами и с Дитерлингом, — процедил я сквозь мучительно стиснутые зубы, надеясь, что говорю достаточно внятно. — Ультра...

— Им ночное зрение необходимо как воздух, — отозвался он, поворачиваясь ко мне всем телом, широким, как стена. — Они живут на своих кораблях почти в абсолютной темноте. Чтобы полнее наслаждаться чудесами Вселенной, вынуждены обходиться без солнечного света. Жить хочешь, Таннер?

— Все хотят жить. — Я надел очки, опустил инфракрасные фильтры, и комната заполнилась неестественной зеленью. — Крови потеряно немного, но как быть с шоком? Он скоро наступит, и тогда от меня будет мало проку.

— Возьми оружие, что-нибудь для ближнего боя. Пойдем уложим кого-нибудь.

— А где Дитерлинг?

— Не знаю. Боюсь, убит.

Почти не задумываясь, я снял со стойки компактный пистолет, перевел батарею в режим боеготовности и услышал пронзительный вой — пошла зарядка конденсаторов.

И тут за занавеской вскрикнула Гитта.

Кагуэлла ринулся туда, опередив меня, откинул штору — и замер. Я едва не сбил его с ног, влетев следом, вернее, ввалившись, поскольку с бозером в качестве костыля я двигался довольно неуклюже. Инфракрасные очки оказались не нужны. Палатку освещала переносная лампа, — должно быть, ее включила Гитта.

А Гитта стояла посреди секции, закутанная в одеяло мышиного цвета.

Боевик находился сзади. Он ухватил женщину за волосы, запрокинул ей голову; другая рука вжимала в изгиб побелевшей шеи нож с жутким зубчатым лезвием.

Гитта больше не кричала. Она позволяла себе лишь прерывисто всхлипывать, как будто ей не хватало воздуха.

На боевике не было шлема. Я ожидал увидеть Рейвича, но это был просто головорез из тех, которые кое-чему научились и отправились воевать — против нас или за нас, а скорее всего, против всех. Его лицо покрывали морщины, черные волосы были стянуты на затылке узлом, как у самурая. Он не улыбался — ситуация была слишком напряженной, — но выражение физиономии говорило о том, что он наслаждается.

— Стой, где стоишь. — Голос был грубым, но без акцента, и в нем слышалась странная рассудительность. — А хочешь, пойдешь. В любом случае я убью ее. Это просто вопрос времени.

— Твой приятель мертв, — вмешался Кагуэлла. — Если убьешь Гитту, я тебя прикончу. Но каждую секунду ее боли превращу для тебя в час. Я не жадный.

— Пошел ты! — бросил боевик и провел лезвием по ее шее.

Я увидел, как вспухает кровавая «гусеница». Он сделал именно то, что хотел, — чуть-чуть надрезал кожу. Пожалуй, этот поддонк неплохо владеет ножом. Сколько ему пришлось упражняться, чтобы так набить руку?

Гитта была на высоте. Она едва вздрогнула.

— У меня для вас послание, — продолжал он, чуть приподнимая нож над ее кожей и показывая алые разводы на лезвии. — От Арджента Рейвича. Вас это не удивляет? Вряд ли, вы же его ждали. Но мы решили заглянуть немного пораньше.

— Ультра нас обманули, — сказал Кагуэлла.

Боевик ухмылялся. Он не просто наслаждался — он был в экстазе. Глаза превратились в щелки. Похоже, мы нарвались на психа, способного выкинуть что угодно.

Понятно, что о переговорах не может быть и речи.

— Думаете, у них там мир да лад? — продолжал боевик. — Черта с два, постоянные склоки. Экипаж против экипажа. Враждующие фракции. Да, Орканья вас надул. Но ничего личного. — Его пальцы снова напряглись на рукояти ножа. — А теперь, Кагуэлла, будь любезен, опусти оружие.

— Выполняйте, — шепнул я.

Кагуэлла по-прежнему стоял прямо передо мной.

— У вас отличная позиция, но он прикрылся Гиттой. Вряд ли успеете прицелиться.

— Когда больше двух, говорят вслух, — заметил боевик. — Вас что, правилам вежливости не учили?

— Опустите оружие, — продолжал я. — И слушайте внимательно. Я смогу попасть в него, не ранив Гитту. Но вы мне мешаете.

— Эй, урод, говори так, чтобы я слышал. — Боевик вдавил нож в шею Гитты, чудом не прорезав кожу. Теперь достаточно легкого движения, и лезвие рассечет сонную артерию.

— Я выстрелю сквозь вас, — сказал я Кагуэлле. — Вы же знаете, лучевик поражает только по линии прицела. Я стою удачно, рана будет неопасной. Приготовьтесь.

В этот момент наемник надавил чуть сильнее, и вмятина у лезвия внезапно наполнилась кровью. Время замедлило ход. Я видел, как нож двигается по горлу.

Кагуэлла что-то произнес.

Я выстрелил.

Тонкий, как спица, луч вонзился ему в спину на дюйм левее позвоночника — в верхнюю часть поясничной области, возле двадцатого и двадцать первого позвонка. Я надеялся, что не попаду в подключичную вену и что жгучий луч под таким углом пройдет между левым легким и желудком. Не скажу, что я действовал с точностью хирурга. Кагуэлла пусть считает себя счастливым, если останется в живых. Но я знал еще кое-что. Он готов умереть, если это необходимо для спасения Гитты. Ради ее спасения он сам прикажет, чтобы я убил его. Но, честно говоря, я почти не думал о Кагуэлле. Гитта стояла так, что выбирать направление выстрела не приходилось. Нужно было просто спасти ее, чем бы это ни кончилось для ее мужа.

Выстрел лучевика длится менее одной десятой секунды. Однако ионный след долго висел в воздухе, обжигая мне глаза. Кагуэлла рухнул к моим ногам, словно мешок.

Гитта тоже упала. С аккуратным отверстием во лбу, совершенно осмысленным взглядом и неглубокой раной на горле, из которой все еще сочилась кровь.

Я промахнулся.

Произошло непоправимое. Я хотел спасти Гитту, но мои желания ничего не значили. Имело значение лишь одно — красная точка у нее над бровями, отметина от моего выстрела, который предназначался боевику, державшему нож у ее горла.

Его даже не задело.

Я проиграл, причем в тот единственный раз, когда на карту было поставлено все и когда я даже в мыслях не допускал поражения. Я подвел и себя, и Кагуэллу, не удержав тяжелого груза доверия, который он однажды возложил на меня, хотя и никогда не говорил об этом напрямую. Его рана была серьезной, но я не сомневался, что при надлежащем уходе он выживет.

Однако спасти Гитту было невозможно. Интересно, кому из нас повезло больше?..

— Что случилось? — спросила Зебра. — Таннер, в чем дело? Не смотри на меня так, пожалуйста. Ты как будто и впрямь готов меня убить.

— Назови хоть одну причину, по которой нельзя этого делать.

— Правда.

Я покачал головой:

— Извини, но рассказанное тобой мало похоже на правду.

— Это не все. — Она говорила спокойно, словно с облегчением. — Я больше не работаю на него, Таннер. Он этого не знает, но я предала его.

— Рейвича?

Она опустила голову, чтобы спрятать глаза:

— Когда ты обокрал меня, я поняла, что ты и есть тот человек, за которым охотится Рейвич. Профессиональный убийца.

— Нетрудно было догадаться.

— Я хотела убедиться окончательно. Рейвич потребовал, чтобы опасный объект был изолирован, исчез со сцены... Попросту говоря, приказал уничтожить.

— Это не лишено смысла, — кивнул я.

— Мне было поручено ликвидировать тебя, как только появится достаточно доказательств в пользу твоей профессии. Таким образом, Рейвич смог бы выбросить это дело из головы раз и навсегда. Ему бы не пришлось беспокоиться о том, что убит

кто-то посторонний, а настоящий убийца жив и находится где-то поблизости.

— У тебя не раз была возможность прикончить меня. — Рука, сжимавшая рукоятку пистолета, расслабилась. — Почему ты этого не сделала?

— Едва не сделала. — Зебра заговорила быстрее, ее голос стал тихим, почти беззвучным. — Я могла сделать это у себя дома, но меня что-то остановило. Ты же не будешь винить меня за это? Да, я позволила тебе взять ружье и фуникулер. Я знала, что получу назад и то и другое.

— Сейчас это кажется очевидным. Мне следовало догадаться.

— Но я не настолько глупа, чтобы не подстраховаться. Разумеется, на случай провала у меня была припасена еще одна возможность. Имплантат «Игры».

Некоторое время она молчала.

— Но ты разбил машину, а потом избавился от имплантата. Оставалось только ружье, но сигнал от него был очень нечетким. Наверное, с лучевиком что-то случилось, когда упал фуникулер.

— И тут я позвонил тебе с вокзала, после того как побывал у Доминики.

— Да. И дал понять, куда направляешься. Тогда я наняла Пранского. Как он тебе? Конечно, навыки общения требуют шлифовки, но подобным людям платят не за обаяние и такт.

Зебра перевела дыхание и стерла со лба тонкую пленку черной от копоти дождевой воды, которая образовалась над бровями, обнажая полоску чистой кожи, — словно приподняла капюшон.

— Впрочем, ему до тебя далеко. Я видела, как ты напал на игроков, ранил троих и похитил четвертого — ту женщину. Все это время я держала тебя на прицеле. Я находилась за километр и могла запросто разнести череп. Ты бы и глазом моргнуть не успел, как мозги растеклись бы по тротуару. Но я не смогла. Просто не смогла убить. Тогда я и предала Рейвича.

— Я чувствовал, что кто-то следит за мной, но про тебя даже не подумал.

— Даже если бы подумал про меня, ты бы не догадался, что находишься на волосок от смерти.

— И ты была готова перерезать этот волосок? Для этого надо быть снайпером. Разве приличные девушки подобными вещами занимаются?

— И что дальше, Таннер?

Я вынул из кармана пустую руку, точно оплошавший фокусник.

— Понятия не имею, — признался я. — Здесь такая сырость... Я бы не отказался пропустить стаканчик.

ГЛАВА 31

Мафусаил совершенно не изменился. Он по-прежнему плавал в своем аквариуме, похожий на уродливый айсберг. Вокруг, как и раньше, толпились зеваки — человек зачарованно останавливался поглазеть на чудо, но вскоре соображал, что не увидит ничего, кроме огромной старой рыбы, которая отличается от спящего в бассейнах молодняка разве что величиной.

Пожалуй, дело обстояло еще хуже. Как я заметил, ни один из посетителей, отходивших от Мафусаила, не излучал того счастья, с каким направлялся к нему. И не только по причине разочарования. Просто в этом зрелище было нечто невыразимо печальное. Возможно, безвольно дрейфующий бесцветный остров, именуемый Мафусаилом, представлялся зрителю пугающим олицетворением его собственного будущего.

Мы с Зеброй пили чай, и никто не обращал на нас внимания.

— Женщина, которую ты встретил... как ее...

— Шантерель Саммартини, — подсказал я.

— Франский так и не объяснил, что с ней случилось. Вы были вместе, когда он нашел тебя?

— Нет. Мы с ней повздорили.

Зебра проявила отменную сообразительность:

— Хочешь сказать, это была просто сделка? Или, похищая человека, ты не ожидаешь недовольства?

— Я не похищал ее, что бы ты ни думала. Лишь попросил отвезти меня в Полог.

— Под дулом пистолета.
— Иначе она бы отказала.
— Резонно. И ты держал ее на мушке все время, пока вы гуляли по Пологу?

— Нет, — ответил я. По правде, расспросы уже раздражали меня. — Вовсе нет. В этом больше не было необходимости. Оказалось, что мы можем общаться друг с другом и без оружия.

Зебра вскинула брови:

— Ты сумел найти общий язык с богачкой из Полога?

— Можно сказать и так, — ответил я, почему-то ощутив обиду.

На противоположном конце атриума Мафусаил шевельнул брюшным плавником. Этого движения, слабого, произвольного на вид, никто не ожидал, и зрители слегка вздрогнули, словно на их глазах зашевелилась статуя. Интересно, это какой-то намеренный синаптический процесс или нечто сродни голосам сквозняков в старом доме, а Мафусаилу мышление свойственно не больше, чем куску дерева?

— Ты переспал с ней? — осведомилась Зебра.

— Нет. Понимаю, что ты разочарована, но на это просто не было времени.

— Что, не самая приятная тема для беседы?

— Не знаю, как тебе... — Я тряхнул головой, чтобы скрыть неловкость, а заодно положить конец намекам на более тесные отношения с Шантерелью. — По логике, мне бы ненавидеть ее за то, что она делает. За то, что она игрок. Но стоило заговорить с ней, как я понял, что все не так просто. С ее точки зрения, в «Игре» нет ничего варварского.

— Как мило и удобно.

— В общем, она не представляла — или не верила, — что добыча способна вести себя... по-разному.

— Пока не встретила тебя.

Я осторожно кивнул:

— Думаю, я дал ей повод для размышления.

— Ты всем нам дал повод для размышления, Таннер.

На этом беседа закончилась. Зебра не произнесла ни слова, пока не допила чай.

— Снова вы, — изрек миксмастер. Его тон не выражал ни удовольствия, ни разочарования в чистом виде, скорее смесь того и другого в тщательно выверенных пропорциях. — Я полагал, что ответил на все ваши вопросы во время вашего последнего визита. Очевидно, я ошибался.

Его взгляд из-под тяжелых век уперся в Зебру, и легкая гримаса — «я вас не узнаю» — на миг стерла с лица генетически усугубленное благодушие.

— Как я вижу, мадам сильно изменилась с момента нашей последней встречи.

— Среди ее знакомых хватает хороших мясников, — пояснил я.

— Чего не скажешь о вас, — парировал миксмастер, запирая входную дверь салона, чтобы избавиться от посетителей. — Я говорю, как вы понимаете, о работе с вашими глазами, — продолжал он, усаживаясь перед своей левитирующей консолью. Нам он присесть не предложил. — Может быть, покончим с этими играми? Я о том, что вы якобы побывали у мясников.

— О чем он говорит? — с искренним недоумением спросила Зебра.

— Небольшие внутренние проблемы, — ответил я.

— Этот господин, — миксмастер подчеркнул последнее слово, — посетил меня вчера, чтобы проконсультироваться по поводу некоторых генетических и структурных аномалий его зрения. Причем заявил, что эти аномалии — результат непрофессионализма мясников. Я почти поверил ему, хотя не заметил никаких следов их работы.

— А теперь?

— Теперь я полагаю, что эти модификации были сделаны абсолютно другой фракцией. Разъяснить подробнее?

— Сделайте одолжение.

— Каждая фракция работает в определенном стиле. В вашем случае я обнаружил ряд признаков, указывающих на применение технологических процессов, характерных для деятельности ультра. Я бы не сказал, что их ноу-хау более передовые, чем у мясников или миксмастеров, просто это нечто совершенно иное и весьма необычное.

Он позволил себе улыбнуться, явно впечатленный собственными дедуктивными способностями.

— Предоставляя свои услуги, миксмастер гарантирует долгосрочный результат, если клиент не оговаривает обратное. Это не означает, что генетические и физиологические изменения необратимы, просто они устойчивы к сопротивлению изначальной генетической структуры. Работа мясников узнаваема — по той простой причине, что эти проходимцы имеют обыкновение воровать у нас алгоритмы процессов. Но мясникам не хватает изобретательности, чтобы получать долговременные результаты. Они просто копируют шифр, не разгадывая его. А вот ультра действуют совсем по-другому. — Миксмастер положил подбородок на изящные сплетенные пальцы. — Они предлагают модификации со встроенным ограничением — проще говоря, с таймером мутаций. Не буду вдаваться в подробности, скажу лишь, что внутри нового гена, который качественно меняет вашу ДНК, содержатся часики в форме вируса или энзима. Только они отсчитывают не время, а накопленные случайные изменения во внедренной нити ДНК. И как только ошибки превысят заданный порог, высвободятся особые клеточные механизмы, подавляющие либо исправляющие эти изменения в генах. — Миксмастер снова улыбнулся. — Конечно, я неимоверно упрощаю. Прежде всего, этот механизм запрограммирован так, чтобы включаться постепенно, — воспроизводство белка и деление клеток нового типа не должно прекратиться внезапно. Иначе это может привести к летальному исходу, особенно если изменения позволяли вам жить в агрессивной среде. Например, в воде, перенасыщенной кислородом, или в аммиачной атмосфере...

— По-вашему, с глазами Таннера поработали ультра?

— Вы исключительно быстро улавливаете суть. Но дело не только в этом.

— Как это обычно бывает, — вставил я.

Руки миксмастера заплясали над пультом. Пальцы словно перебирали струны невидимой арфы, извлекая из воздуха столбцы генетических данных и бесконечные цепочки нуклеиновых кислот, прошивающих физиологические и функциональные схемы человеческого глаза и отделов мозга, ответственных за визуальное восприятие. Миксмастер походил на колдуна, на зов которого слетелись окровавленные призраки и духи-хранители.

— В вашем случае происходит нечто странное. — Пальцы миксмастера на миг замерли, прекратив беглый перебор, и он указал на блок из пар комплементарных оснований — кольцо, образующее поперечную связь в ДНК. — Этим парам разрешено разрастаться хаотично, без ограничений. Вот внутренний таймер. — Его палец переместился к другому блоку, который, на мой взгляд, ничем не отличался от предыдущего. — А это «справочная карта» — ДНК, которая не подвергается мутации. Если их сравнить и подсчитать число мутаций, можно увидеть, что часы идут.

— Я бы не сказала, что изменения бросаются в глаза, — заметила Зебра.

— Несколько точечных вмешательств, незначительных с точки зрения статистики, — в основном устранение структурных смещений, — сказал миксмастер. — Но ничего существенного.

— Поясните, — сказал я.

— Это значит, что таймер запущен недавно. Два набора ДНК едва начали расходиться. — Его глаза сузились. — Следовательно, и операция была сделана совсем недавно. Я почти уверен: самое большее — год назад, а может, и несколько месяцев.

— И в чем проблема? — спросила Зебра.

— Вот в чем. — Его палец ткнулся в сиреневый сгусток, плотно опутанный какими-то нитями. — Это фактор транскрипции — белок, который регулирует выраженность каждого конкретного набора генов. Впрочем, этот белок не характерен для человека. Его единственная функция — именно для этого он сюда помещен — подавлять нововведенные гены в клетках ваших глаз. Пока таймер мутации не сработал, этот белок не должен присутствовать в таком количестве. Однако, как я вижу, его здесь в избытке.

— Хотите сказать, что ультра обманули Таннера?

— Вряд ли. — Миксмастер покачал головой. — В этом нет финансовой выгоды. Все равно требовалось вмешательство в генную структуру; переустановка таймера обошлась бы не намного дешевле. Фактически это могло лишить их прибыли в будущем, поскольку Таннер — если его действительно так зовут — воспользовался бы услугами конкурентов.

— Значит, у вас есть другое объяснение?

— Да, но оно может вам не понравиться. — Он снова подарил нам непристойную улыбочку. — Совсем не просто обнулить мутационный таймер, не затронув разного уровня вторичные комплексы защиты от вмешательства. Эта задача сложна даже для миксмастера. Гораздо легче провести обратную процедуру.

— Обратную процедуру? — Я подался вперед, чувствуя, что стою на пороге некоего фундаментального открытия.

Причем не самого приятного.

— Передвинуть стрелки часов вперед, чтобы дать отбой новым генам.

Он позволил себе на миг погрузиться в размышления, вращая проекцию глазного яблока пальцем, — жутковатое зрелище.

— Это проще по причине отсутствия защитных комплексов. Ультра никогда не придет в голову страховать от подобных вмешательств, это может повредить клиенту. На самом деле такой перевод стрелок тоже не самая тривиальная операция, но она несоизмеримо легче, чем остановка часов. Ее может выполнить любой мясник, который понимает суть проблемы.

— Продолжайте.

Его речь приобрела твердость, которой минутой раньше не хватало. Похоже, голосовой аппарат миксмастера имел что-то вроде переключателя, запускавшего нужную мутацию.

— Неизвестно кто, неизвестно зачем перевел ваш таймер вперед, Таннер.

Зебра окинула меня взглядом:

— Вы хотите сказать, изменения в организме Таннера угасают?

Она еще не понимала, какую форму приобретают эти изменения.

— По-видимому, так было задумано, — ответил миксмастер. — Тот, кто это сделал, обладал определенными познаниями. После того как таймер сработал, клетки в вашем глазу должны были снова производить обычные для человека белки и делиться по нормальной схеме. — Он вздохнул. — Но мастера либо допустили небрежность, либо поторопились. Возможны оба варианта. Ваши часы были переустановлены лишь частично, да и то неточно. В вашем глазу идет маленькая война между различными генетическими новшествами. Тот, кто переустанавливал таймер, думал, что отключил механизм, но на самом деле лишь

заклинил его шестеренки... — В голосе появились нотки печали. — Ах, сейчас все спешат. Ужасно спешат. Разумеется, этих мастеров постигла неудача, как и следовало ожидать. Вопрос в том, почему они вообще взялись за такое.

Его глаза снова распахнулись и выжидающе уставились на меня. Похоже, он ждет объяснения. Но как бы мне этого ни хотелось, я не доставлю ему такого удовольствия.

— Мне нужно обследоваться, — произнес я сухо. — Полное сканирование тела. Вы сможете?

— Смотря, с какой целью. И смотря какое требуется разрешение.

— Не слишком высокое. Мне просто нужно, чтобы вы кое-что нашли. Повреждения тканей. Внутренние. Зажившие или незажившие раны.

— Можно попробовать, — снисходительно ответил мастер и жестом пригласил меня на кушетку.

С потолка уже плавно спускалось сканирующее устройство, похожее на ската.

Процедура прошла довольно быстро. Честно говоря, меня бы удивило, если бы сканер миксмастера не подтвердил моих опасений или обнаружил нечто неожиданное. Свои находки он бесстрастно представил в виде столбиков информации. Под этими столбиками были похоронены последние робкие попытки отрицать очевидное, остатки тайной надежды, затаившиеся где-то в закоулках сознания.

Скат создал проекцию моего тела и принялся исследовать его тайники с помощью целого арсенала датчиков. По сути, это устройство было чем-то вроде трала, но не в пример более совершенного, способного работать с любой клеточной и генетической структурой, а не только обнаруживать специфические изменения нейронной ткани. Будь у нас достаточно времени, аппарат проанализировал бы каждый мой атом, до последнего кванта. Но сейчас в подобной точности не было необходимости, а поэтому сканирование прошло довольно быстро.

То, что предстало моим глазам, заставило меня похолодеть от ужаса. Во мне отсутствовало то, что не должно было отсутствовать.

Зато присутствовало то, чего не должно быть в человеческом организме.

— У тебя такой вид, будто ты призрака увидел, — заметила Зебра.

Она усадила меня в атриуме и заставила выпить нечто незнакомое, но горячее и сладкое.

— Даже не пытайся угадать, что я увидел.

— Неужели все так плохо, Таннер? Думаю, ты ожидал чего-то подобного, иначе не напросился бы на сканирование.

— Ну... Вернее было бы сказать «опасался».

Я не знал, с чего начать, с какого момента... А если говорить точно — с кого. О том, что у меня не в порядке память, я догадался еще до прибытия на Йеллоустон. Индоктринационный вирус тоже внес свою лепту. Вопреки собственному желанию я наблюдал эпизоды из жизни Небесного Хаусманна. Одновременно всплывали отрывки моего собственного прошлого — кем я был, чем занимался и почему хотел убить Рейвича. Я мог бы смириться, если бы дело ограничивалось этим. Но проблемы с памятью не прекратились, даже когда я попытался разобраться в них, анализируя прошлое Небесного — его никому не известные планы и преступления. Конец этим проблемам не положили и беспорядочные воспоминания о Гитте, принадлежащие скорее Кагуэлле, чем мне.

Впрочем, даже этому найдется объяснение, хотя и притянутое за уши. Скажем, мои собственные воспоминания «склеились» с воспоминаниями Кагуэллы. Это не исключено: я слышал, что воспоминания могут быть записаны, а потом перенесены в мозг другого человека. Правда, непонятно, каким образом переживания Кагуэллы перемешались с моими, но на это можно закрыть глаза.

Однако правда — та самая, которая только что мне стала очевидна, — оказалась гораздо неприятнее.

У меня даже не было своего тела.

— Это нелегко объяснить, — произнес я.

— Человек не пойдет к миксмастеру, чтобы просканироваться на предмет внутренних повреждений, — процедила Зебра, — если только не рассчитывает обнаружить нечто конкретное.

— Нет, я просто...

Мне показалось или я действительно заметил в толпе зевак, окруживших Мафусаила, знакомое лицо? Неужели я брежу наяву, потрясенный тем, что показал мне миксмастер? А может, это моя судьба — видеть Рейвича повсюду, куда бы я ни посмотрел, независимо от факта его присутствия?

— Таннер...

Я не посмел приглядеться.

— Там должно было быть кое-что, — сказал я. — След давнего ранения. Меня вылечили... но такое не проходит бесследно.

— Что за ранение?

— Я прекрасно помню, что потерял ступню. Могу во всех подробностях рассказать, как это случилось, описать свои ощущения. Но сейчас от этой раны не осталось ни следа.

— Значит, регенерацию провели очень качественно.

— Замечательно. А как насчет еще одной раны? Ее получил человек, на которого я работал. Его прострелили насквозь из лучевика, Зебра. Это не шутка.

— Я отказываюсь тебя понимать, Таннер. — Она повертела головой, на миг поймала взглядом что-то или кого-то и снова посмотрела в мои глаза. — Хочешь убедить меня, что ты не тот, за кого сам себя принимаешь?

— Ну, скажем, я серьезно об этом подумываю... Ты тоже его видела?

— Кого?

— Рейвича. Я только что заприметил его. Может, просто разыгралось воображение. Но ведь я действительно его видел, правда?

Зебра открыла рот, чтобы быстро и уверенно опровергнуть мои слова, но осеклась. Ее броня дала трещину.

— Все, что я сказала тебе, правда, — спокойно произнесла она, когда к ней вернулась речь. — Я больше не работаю на него. Но ты не ошибся: ты действительно его видел. Правда, это не совсем Рейвич.

— Уже почти догадался, — кивнул я. — Подсадная утка?

— Что-то вроде этого. — Она заглянула в свою чашку. — Ты правильно понял: у Рейвича было достаточно времени, чтобы изменить внешность по прибытии в Город. По сути, это было для него единственным разумным шагом. Сейчас настоящий

Рейвич где-то здесь. В Городе. Правда, тебе придется раздобыть образец его тканей или притащить его самого к миксмастеру на сканирование, чтобы убедиться, что это он. И не факт, что это тебе чем-то поможет. Ты же знаешь, здесь можно изменить что угодно, если хватит времени... и денег. Тогда Рейвича не разоблачит даже генный анализ.

Зебра умолкла. Краем глаза я продолжал видеть человека возле толпы, собравшейся у огромной рыбины. Да, точно он — или изумительно точная копия.

— Рейвич знает, что обеспечил себе надежное прикрытие, — продолжала Зебра, — но все-таки очень хочет тебя убрать. Тогда он сможет спать спокойно. Тогда он снова будет самым собой — конечно, если захочет.

— Значит, он уговорил кого-то стать Рейвичем номер два.

— Этого человека даже не пришлось уговаривать. Он сам рвался.

— Еще один одержимый жадной смерти?

Она покачала головой:

— В той же степени, что и любой смертный в Пологе. Кажется, это Воронофф, хотя могу ошибаться, — я не настолько близка к Рейвичу. Не думаю, что фамилия Воронофф тебе о чем-то говорит, но в Пологе он пользуется большой популярностью. Это один из самых безумных игроков. К охоте он уже давно потерял интерес. И он знает свое дело, иначе его уже не было бы на свете.

— Вообще-то, мне уже посчастливилось его увидеть.

И я рассказал, как человек на моих глазах совершил прыжок в туман Бездны, когда Сибиллина угощала меня в ресторане на вершине Стебля.

— Вполне в его стиле, — сказала Зебра. — Он обожает рискованные приключения, главное, чтобы они требовали огромной отваги и ловкости. Любые экстремальные виды спорта, которые дают хороший выброс адреналина, заставляя игрока пройти по узкой грани между смертью и собственным долголетием. Теперь Воронофф не разменивается на такие мелочи, как охота. Он считает ее просто забавой, не имеющей ничего общего с подлинным риском. Это отчасти справедливо — участники почти не рискуют.

— Кроме одного из них, разумеется.

— Ты понял, что я имела в виду... — Зебра выдержала паузу. — Он из тех, кто любит по-настоящему острые ощущения. Таким людям обычные методы борьбы со скукой уже не помогают. Поэтому они ищут что-нибудь погорячее.

— Например, лезут под пули?

— При условии, что все под контролем. Воронофф следил за тобой — у него целая сеть шпионов и осведомителей. Когда ты заметил его в первый раз, он уже знал, что ты здесь. Поэтому и встал так, чтобы между вами оказался Мафусаил. Он контролировал ситуацию в большей степени, чем тебе казалось.

— Но это было ошибкой. Он слишком облегчил мне задачу. И заставил задуматься над ходом событий.

— Верно, — удовлетворенно согласилась Зебра. — Но его уже не остановить, мы слишком поздно спохватились. Воронофф нам больше не подчиняется.

Я посмотрел на лицо, исчерщенное тусклыми полосами. Выбивать из нее дальнейшие разъяснения не придется.

— Воронофф заигрался, — продолжала Зебра. — Эта роль ему слишком понравилась. Какое-то время он поступал так, как от него требовали, — держался от тебя на безопасном расстоянии и старался не попадаться на глаза. Как и планировалось, оставлял следы, по которым ты мог его найти, причем не догадываясь о том, что они ведут в ловушку. Но ему этого показалось мало.

— Ему хотелось большего риска.

— Да. — Она кивнула с глубокой убежденностью. — Оставить ниточку и ждать, пока ты ею не воспользуешься, — этого ему недостаточно. Воронофф повел себя нарочито неосторожно — рискуя все больше, но сохраняя минимальный контроль над ситуацией. Он действительно знает свое дело. Рейвичу это не понравилось — причина очевидна. Воронофф больше от него не зависит, так как получил новый способ бороться со скукой. По правде говоря, этим он обязан Рейвичу.

— Позволь с тобой не согласиться.

Я встал, едва не опрокинув столик. И моя рука сама скользнула в карман.

— Таннер, — быстро проговорила Зебра, протягивая руку, чтобы ухватить меня за полу сюртука, — его смерть ничего не изменит.

— Воронофф! — крикнул я, не надрывая связок, а посылая голос, как это делают профессиональные актеры. — Воронофф! Оглянись и выйди из толпы!

Кажется, только сейчас кто-то обратил внимание на поблескивающий в моей руке пистолет.

Человек, похожий на Рейвича, встретился со мной взглядом. Впрочем, он был единственным, кто сумел не выказать при этом ни капли удивления. Я оказался в центре всеобщего внимания, причем большинство таращилось на мой пистолет. До сих пор я считал, что развлечения вроде охоты — неотъемлемая часть жизни Полога. Следовательно, многие из этих людей повидали куда более внушительное оружие, и не только повидали, но и подержали в руках. С той лишь разницей, что это происходило не в общественном месте и не в столь откровенной манере. На меня взирали с брезгливым изумлением, словно я у всех на глазах мочился на декоративную лужайку, окаймляющую водоем с парчовыми карпами.

— Возможно, ты плохо меня понял, Воронофф. — Я слышал собственный голос словно со стороны, в нем появились вкрадчивые нотки. — Мне известно, кто ты такой, а тебе должно быть известно, что я готов пустить в ход оружие.

Дуло пистолета, который я держал обеими руками, уже смотрело в его сторону, а тело само приняло боевую стойку — ноги раздвинуты и чуть согнуты в коленях.

— Брось пистолет, Мирабель.

Голос был незнакомым, и раздался он не из толпы. Я ощутил под затылком нежный холодок металла.

— Ты что, оглох? Брось пушку, тебе говорят. И побыстрее, не то башку отстрелю.

Я начал медленно опускать пистолет, но типу, стоявшему у меня за спиной, это не понравилось. Во всяком случае, давление на затылок возросло, так что разоружение явно входило в мои интересы.

Пистолет выпал у меня из рук.

— Эй, вы, — продолжал неизвестный, очевидно обращаясь к Зебре, — толкните пистолет ногой ко мне, только без выдумок.

Зебра повиновалась.

Боковым зрением я увидел руку, подхватившую с пола пистолет. Давление оружия на мой затылок чуть ослабло, когда нападавший присел.

Но я уже понял, что имею дело с профессионалом. Так что лучше следовать рекомендации, которую получила Зебра, и не предаваться свободе творчества. Тем более что прилива вдохновения я не ощущал.

— Воронофф, вы болван, — услышал я тот же голос. — Из-за вас мы едва не вляпались в крупные неприятности.

Его обладатель по-прежнему стоял за моей спиной. Он поцокал языком, видимо изучая мой пистолет, а затем заговорил снова. Голос показался знакомым.

— Пусто. Чертова машинка с самого начала была не заряжена.

— Неожиданная новость, — заметил я.

— Это моих рук дело. — Зебра повела плечами. — А что еще оставалось? Я была уверена, что ты в любой момент можешь пальнуть в меня, так что предпочла подстраховаться.

— В следующий раз не утруждай себя, — посоветовал я.

— По большому счету это не важно, — продолжала Зебра, с трудом скрывая раздражение. — Ты даже не собирався стрелять из своей дурацкой игрушки, Таннер.

Я закатил глаза, словно пытаюсь заглянуть за собственную голову:

— Ты заодно с этим клоуном?

Ответом послужил болезненный толчок между ушами. Потом неизвестный возвысил голос, чтобы его услышали глазевшие на нас люди:

— Все в порядке. Служба безопасности Полога, ситуация под контролем.

Краем глаза я увидел карточку в кожаном переплете с рельефными столбцами символов, ею он махнул в сторону толпы.

Документ произвел должное впечатление. Около половины любопытных разошлись, остальные сделали вид, что происходящее их совершенно не интересует. Напряжение спало, и человек, обойдя меня сбоку, уселся за стол. К нам присоединился и Воронофф — точная копия Рейвича. На его лице было написано недовольство.

— Прошу прощения за то, что слегка подпортил вам «Игру», — сказал я.

Неизвестным оказался Квирренбах. С момента нашей последней встречи он успел изменить внешность. Теперь он выглядел куда менее респектабельно, зато стал более поджарым и менее терпеливым. Пистолет в его руке был достаточно невелик и изящен, чтобы сойти за экстравагантную зажигалку.

— Как ваша симфония?

— Это было очень низко с вашей стороны, Мирабель, — вот так взять и сбежать от меня. Пожалуй, следовало бы сказать вам спасибо — вы вернули деньги, вырученные за мои экспириенталии. Но, увы, я не испытываю благодарности.

Я пожал плечами:

— У меня были планы, в которые вы не вписывались.

— Планы, говорите? — усмехнулся Воронофф. — Может, пора их пересмотреть, а, Мирабель?

— Не вам решать.

Квирренбах ощерился и стал похож на злую обезьяну.

— Не слишком ли крутые речи для человека, который размахивает пистолетом и даже не знает, что он не заряжен? И это называется профессиональный снайпер? Похоже, мы вас переоценили. — Он взял мою чашку и, не сводя с меня глаз, отхлебнул. — Кстати, откуда вы узнали, что он не Рейвич?

— А вы догадайтесь, — предложила Зебра.

— Я мог бы пристрелить вас за предательство, — изрек Квирренбах, обращаясь к ней. — Но не уверен, что стоит портить такой момент.

— Почему бы вам не начать со своего помощника, идиот?

Квирренбах посмотрел на Зебру, затем на человека с внешностью Рейвича, словно всерьез обдумывал это предложение.

— Пожалуй, не вариант. — Его взгляд снова обратился на меня. — Мы устроили большой переполох, Мирабель. Скоро сюда явятся так называемые блюстители порядка. Не думаю, что кому-то из нас охота задерживаться.

— Так вы не имеете отношения к службе безопасности?

— Мне жаль разрушать ваши иллюзии.

— Об этом не беспокойтесь, — сказал я. — На вашу долю уже ничего не осталось.

Квирренбах улыбнулся и поднялся, по-прежнему сжимая пистолетик, словно собирался раскрошить его одним судорожным движением пальцев. Он нервно наводил оружие то на меня, то на Зебру, а в другой руке держал свое фальшивое удостоверение, словно оно было чудодейственным амулетом. Тем временем Воронофф тоже извлек из кармана пистолет. В общем, нам с Зеброй обеспечили великолепный эскорт... или, скорее, конвой. Мы прошли через толпу, причем Квирренбах сурово поглядывал на каждого, кто смел выказать повышенный интерес к происходящему. Мы даже не пытались оказать сопротивление или бежать — подобные попытки были обречены на провал.

Теперь на карнизе стояло лишь три фуникулера. Темные корпуса блестели от дождя, а рычаги на крышах были частично выдвинуты, готовые к работе, — словно три мертвых паука лежат кверху лапами. В одном из фуникулеров прибыли мы с Зеброй. Другую машину я тоже узнал, но не ту, к которой повел нас Квирренбах.

— Собираетесь прикончить? — поинтересовался я. — В таком случае не создавайте себе лишних проблем — просто вышвырните меня за борт. Не стоит утруждаться и развлекать меня напоследок прогулкой по Пологу.

— Уму непостижимо, как я обходился без ваших блестящих остроумий, Мирабель, — с долгим страдальческим вздохом отозвался Квирренбах. — Кстати, думаю, вам это безразлично, но симфония продвигается великолепно, так что большое спасибо.

— Значит, это была не легенда?

— Спросите меня об этом лет через сто.

— К слову о людях, которые стесняются убивать себе подобных, — подал голос Воронофф. — Если хотите, присоединяйтесь к дискуссии, Мирабель. Вы могли прикончить меня, когда мы встретились впервые и между нами был Мафусаил. Удивительно, что даже не попытались. И не говорите, что мешала рыбина. В чем в чем, но в сентиментальности вас не заподозришь.

Он даже не представлял, как близок к истине: я проявил слабость, хотя предпочел не признаваться себе в этом. В другой жизни или хотя бы в другом мире я уложил бы Рейвича или его двойника раньше, чем осознал факт его присутствия. И никаких этических дебатов по поводу ценности бессмертной рыбы.

— Наверное, я понял, что вы не тот, кто мне нужен, — сказал я.

— А может, у вас просто не хватило духу? — Вокруг было темно, однако я заметил, как на губах Квирренбаха мелькнула улыбка. — Я знаю вашу историю, Мирабель. И все мы ее знаем. Когда-то, на окраине Неба, вы были неплохим специалистом в своем деле. Но, на беду, не нашли себе применения.

— Если я потерял квалификацию, чем объяснить такое пристальное внимание?

— Да просто вы назойливы как муха, — объяснил Воронофф. — А мух время от времени нужно уничтожать.

При нашем приближении открылся люк, точно машина высунула влажный язык: на внутренней поверхности опустившейся дверцы имелись обитые плюшем ступени. В тени дверного проема возвышалась парочка тяжеловесов со стволами неприлично крупного калибра. Последняя надежда на побег тихо испарилась. Это профессионалы; они даже не позволят мне красиво прыгнуть за ограждение, обязательно влепят несколько пуль в спину.

— Куда направляемся? — спросил я.

Скрывать интерес к Пункту Назначения не было смысла, равно как и рассчитывать на честный ответ.

— В космос, — ответил Квирренбах. — На встречу с господином Рейвичем.

— В космос?

— Жаль разочаровывать вас, Мирабель, но Рейвича в Городе Бездны нет. Вы гонялись за тенью.

ГЛАВА 33

Я посмотрел на Зебру. Она посмотрела на меня. Мы оба не произнесли ни слова.

В машине, где мы расположились под бдительным присмотром тяжеловесов, стоял крепкий дух новой дорогой кожаной обивки. В задней части находился изолированный отсек с шестью сиденьями и столиком, заваленным грудой безделушек. От-

куда-то лилась нежная музыка, по потолку изящно вились неоновые узоры. Воронофф и один из тяжеловесов уселись напротив нас, стволы наготове. Квирренбах с другим охранником прошли в передний отсек, за перегородку, превратившись в неясные тени.

Фуникулер плавно взлетел, чуть слышно пощелкивая рычагами, словно над нами с бешеным проворством орудовала спицами невидимая вязальщица.

— Что он имел в виду, когда говорил о космосе? — спросил я.

— Есть такое местечко под названием «Убежище». «Карусель» на высокой орбите, — ответил Воронофф. — А какая вам, собственно, разница? Рассчитываете на прогулку?

Кто-то в этом Городе уже говорил мне про «Убежище». Но в связи с чем?

— И что случится, когда мы туда прибудем?

— Об этом известно только господину Рейвичу. Вы тоже узнаете. Можете считать это переговорами. Только не хвастайтесь, Мирабель, что припасли пять тузов в рукаве. Насколько я знаю, вас выпотрошили подчистую.

— Ну, парочка джокеров еще осталась.

Боюсь, я был не более убедителен, чем пьянчужка, похваляющийся сексуальными подвигами.

Я глядел в боковые окна, за которыми таяла полупрозрачная друа Эшер-Хайтса... и вдруг обнаружил, что другой фуникулер — не тот, что принадлежал Зебре, — следует за нами на почтительном расстоянии, выбрасывая до отказа рычаги.

— И что теперь? — осведомился я, игнорируя ближайшего ко мне тяжеловеса. — Воронофф, ваша игра закончена. Придется поискать себе новое развлечение.

— При чем тут развлечения, идиот? Все дело в боли.

Воронофф наклонился ко мне, навалившись могучим торсом на стол. Он походил на Рейвича, но и жесты, и пластика, и манера речи разительно отличались. Ни малейшего намека на акцент Окраины Неба и аристократические манеры.

— Все дело в боли, — повторил он. — Когда получаешь удовольствие, боль уходит. Понятно?

— Не совсем, но продолжайте.

— Вам кажется, что между скукой и болью нет ничего общего. Это потому, что вы подвержены боли лишь иногда — можно сказать, принимаете ее малыми дозами. Вам не знаком ее истинный вкус. Разница между вашей и моей скукой — все равно что между снегом и жидким азотом. Суньте руку туда и туда, и вы почувствуете эту разницу.

— Скука — не стимул.

— А вот я в этом не уверен. Во всяком случае, есть определенная зона человеческого мозга, она отвечает за ощущение, которое мы называем скукой. С этим вы не поспорите. По логике, такую зону должен активировать некий внешний стимул, как зрительную или слуховую зону... — Он поднял руку. — Я предвижу ваше возражение. Среди моих талантов есть и способность к предвидению, можно сказать, это один из симптомов моего состояния. Я нейронная сеть, изначально столь хорошо воспринимающая то, что положено воспринимать, — ей даже не пришлось развиваться с годами. Ладно, вернемся к нашей проблеме. Несомненно, вы собирались сказать, что скука — реакция не на стимул, а на отсутствие стимулов. Скажу вам так: отсутствие стимулов — тоже стимул. Вы слышите тишину между нотами, а я — музыку. Вы видите черный узор на белом, я вижу белый на черном. Более того, я фактически вижу оба узора сразу. — Он снова усмехнулся, точно маньяк, который много лет просидел в темнице, закованный в цепи, и теперь ведет философскую беседу с собственной тенью. — Я вижу все. Да иначе и невозможно, когда достигаешь моей... как бы это выразиться... глубины опыта.

— Вы законченный псих, угадал?

— Я был психом, — подтвердил Воронофф, явно не оскорбившись. — Прошел через безумие и оказался по ту сторону. Теперь безумие для меня такое же скучное состояние, как и здравомыслие.

Разумеется, он не чокнутый, по крайней мере не буйнопомешанный. Иначе не представлял бы интереса для Рейвича в качестве приманки. Воронофф обязан сохранять определенную связь с реальностью. Почти уверен: я никогда не пребывал в подобном состоянии, хотя был по горло сыт скукой. Но отказывать этому человеку в абсолютном самоконтроле — значит подвергать себя смертельной опасности.

— Вы могли бы положить этому конец, — вежливо посоветовал я. — Организовать самоубийство в вашем городе легче легкого.

— А чем еще он и такие, как он, занимаются, по-вашему? — вмешалась Зебра. — Нет, у них это не называется самоубийством. Просто вдруг человек проявляет нездоровую тягу к приключениям, в которых крайне сложно уцелеть, — например, прыгает в газовый гигант или сводит знакомство с затворниками.

— Почему бы и нет, Воронофф? — Настал мой черед улыбаться. — Хотя погодите. Вам это почти удалось, правда? Став Рейвичем, вы ведь надеялись погибнуть от моей руки. Вполне достойный способ избавиться от боли. Мудрый бессмертный старец сражен пулями чужака-головореза, после того как принял облик беглеца, которому грозит опасность...

— Сражен несуществующими пулями? Вот это был бы номер, Мирабель! Право слово, я бы жизни не пожалел, чтобы такое увидеть.

— Очко в вашу пользу.

— Одно «но», — заметила Зебра. — Вы отдаете себе отчет, что чересчур вошли во вкус? — заметила Зебра.

Воронофф посмотрел на нее с плохо скрываемой злобой:

— Во вкус чего, Тарин?

— Вам понравилось играть роль добычи? — произнес я за Зебру. — Ведь это действительно облегчало вам боль?

— А вы много знаете о боли?

— Нет. Скажите честно, Воронофф, разве она не права? Впервые за многие годы вы вспомнили о том, что такое настоящая жизнь. И принялись рисковать напропалую, стремясь удерживать остроту ощущений. До сих пор вас ничто не удовлетворяло, я прав? Даже прыжки в Бездну. Слишком слабые ощущения.

Воронофф глядел на нас. И глаза у него горели.

— А на вас когда-нибудь охотились? Вы хоть представляете себе, что это такое?

— Мне довелось испытать это сомнительное удовольствие, — признался я. — И совсем недавно.

— Я говорю не о вашей «Игре», — процедил Воронофф с безграничным презрением. — Подонки охотятся на подонков — к присутствующим это, разумеется, не относится. Выбрав на роль дичи вас, Мирабель, они настолько перестраховались, что

с равным успехом могли бы завязать вам глаза и вклеить пулю, не дожидаясь, когда вы сделаете хотя бы шаг.

— Забавно, но я готов с вами согласиться.

— Все могло быть иначе. Если бы они решили играть честно и дали бы вам уйти подальше, прежде чем начинать облаву, — чтобы ваша смерть не была настолько неизбежной. Если бы позволили вам найти убежище и затаиться там. Совсем другое дело, вы согласны?

— Почти, — ответил я. — Все же есть одно «но»: я бы не пошел на это добровольно.

— Как знать. Если бы «Игра» того стоила, если бы вас ожидала награда. Если бы вы думали, что уцелеете.

— А чем вознаградили вас, Воронофф?

— Болью. Это освобождение. Хотя бы на несколько дней.

Кажется, я о чем-то спросил и, похоже, даже успел получить ответ — то ли от Зебры, то ли от угрюмого амбала с пистолетом, здорово смахивающим на дубинку. Более или менее отчетливо я запомнил лишь случившееся через несколько секунд — связующие моменты полностью стерлись из памяти. Сначала вспышка света и волна жара: фуникулер, следующий за нами, открыл огонь. Потом пронзительный визг, с которым взрывная волна вскрыла кабину, словно консервную банку. Начинка фуникулера — механизмы из металла и пластика — испарилась в огненном облаке. Кажется, несколько секунд после этого мы падали: перебитые и искореженные выстрелом рычаги уже не цеплялись за тросы.

Через пару секунд падение резко прекратилось. Скорее всего, именно в этот миг я полностью пришел в себя. Первое, что я осознал — до того, как на меня обрушилась боль, — наша машина перевернулась вверх тормашками: стол торчит из потолка, а в полу с неоновыми узорами зияет рваная дыра, в которой видна Бездна, обрамленная гнойными наростами Мульчи.

Тяжеловес-охранник исчез. Все, что от него осталось, — это его оружие, оно с грохотом перекатывалось взад-вперед по импровизированному полу при каждом толчке — фуникулер делал попытки удержать неустойчивое равновесие. Рукоятку все еще сжимала аккуратно отрезанная кисть. Разглядывая сколы кости, я вспомнил, как остался без ступни, когда на наш лагерь напали люди Рейвича. Вспомнил, как ощупал культю, а потом поднес к глазам окровавленную ладонь, отказываясь верить

в то, что меня лишили части тела, словно захватили небольшой участок моей территории.

Однако теперь я точно знал, что со мной ничего подобного не случилось.

Мы с Зеброй, закатившись в угол салона, изо всех сил сжимали друг друга в объятиях. Воронофф исчез, не оставив ни малейшего следа. Боль накатывала волнами. Однако, уделив своему состоянию некоторое внимание, я решил, что все кости целы.

Фуникулер качался и поскрипывал. Внутри было тихо, я слышал лишь тяжелое дыхание и слабые стоны Зебры.

— Таннер? — Она приоткрыла глаза, переполненные болью. — Что случилось?

— Нас подбили, — объяснил я.

Похоже, она даже не догадывалась о том, что нас кто-то преследовал, и, в отличие от меня, не ожидала неприятностей.

— Вероятно, из мощного лучемета. Судя по всему, мы застряли в Пологе.

— Мы целы? — Вздвогнув, она высвободила руку. — Нет, погоди. Глупый вопрос. Ужасно глупый.

— Ты не ранена?

— Я... хм... минутку.

Ее взор на миг затуманился, потом снова обрел ясность.

— Нет, ничего такого, по крайней мере несколько часов продержусь.

— Что ты сейчас делала?

— Обследовала себя на предмет повреждений, — нехотя произнесла она. — А как ты, Таннер?

— Надеюсь выжить. Любой на моем месте надеялся бы.

Машина дернулась и заскользила вертикально вниз. Последовал новый рывок, и движение прекратилось. Я старался не смотреть в дыру, зияющую у моих ног, но успел заметить, что высота заметно возросла, а Мульча внизу напоминает крупномасштабную карту. Обзор заслоняли несколько членистых необитаемых щупальцев Полога, сросшихся между собой. Они лишь усиливали ощущение неимоверной высоты. Потом за полупрозрачной перегородкой зашевелились тени, и машина снова вздрогнула.

— У тебя нет предчувствия, что нас кто-нибудь непременно спасет? — спросила Зебра.

— Скорее всего, этот кто-нибудь не захочет вмешиваться в чужие дела, — отозвался я, кивком указывая на перегородку. — А вот там кто-то явно уцелел. Думаю, пора убираться, пока нашим состоянием не заинтересовались.

— Куда, Таннер?

Я покосился на дыру в полу:

— Кажется, выбор не слишком велик?

— Ты с ума сошел!

— Вполне возможно.

Я опустился на колени у самой дыры, пошире расставил руки и, опираясь о ее края, высунул голову наружу. Оглядевшись, я развернулся и начал медленно спускаться ногами вперед и вскоре нащупал поверхность одной из извилистых ветвей Полога, на которой покоился наш фуникулер. Ветка была тонкой — мы находились в том месте, где она сужалась, переходя в щупальцеобразный отросток, — нет, это больше напоминало стебель, вырастающий из луковицы. Найдя опору, я отцепился и помог слезть Зебре. Впрочем, она едва ли нуждалась в моей помощи: ее конечности отличались удивительной гибкостью.

Зебра окинула оценивающим взглядом нависшую над нами искореженную громаду фуникулера. Крыша превратилась в ком обугленных полурасплавленных деталей, из телескопических рычагов уцелел лишь один, неестественно изогнутый и цепляющийся наверху за ветвь. Казалось, стоит ветру дунуть чуть сильнее, и машина рухнет прямо в Мульчу. Квирренбах и один из охранников оставались внутри, они яростно ломали дверь, которую заклинило суком-отростком.

— Воронофф еще жив. — Я указал на основание ветки у ствола. По ней полз человек — медленно, но упорно. Похоже, ветка спасла ему жизнь.

— Что ты собираешься делать?

— Ничего. Далеко он не уйдет.

Точность выстрела сделала бы честь скальпелю хирурга — заряд ударил достаточно близко, чтобы привлечь внимание, не рискуя перебить ветку. Он заставил беглеца остановиться, но Воронофф еще не повернулся в нашу сторону.

Зебра поглядела наверх, там в переплетении скелетоподобных ветвей, образовавшем полог, темнел силуэт стрелка. Это была женщина, приклад тяжелого ружья красиво упирался в скульптурный изгиб ее бедра.

Шантерель.

Она закинула винтовку на плечо и двинулась вниз по ветвям, точно по лестнице. Из неповрежденного фуникулера, который закрепился чуть выше, выскочили трое в темном. Пока Шантерель пробиралась вниз, к нам, ее прикрывали, держа нас под прицелом еще более громоздких лучевиков.

Вначале это было крошечное фосфоресцирующее пятнышко на экране радара дальнего обнаружения. Но оно значило очень много. Впервые с тех пор, как они покинули Флотилию, нечто появилось впереди, в пустоте, раскинувшейся на десятки световых лет. Небесный усилил интенсивность луча и сфокусировал фазированную решетку на том секторе пространства, откуда поступал отраженный сигнал.

— Это может быть только он, — сказал Гомес, глядя через плечо Небесного. — «Калеуче». И ничто другое.

— А может, просто куча выброшенного с корабля мусора, — возразил Норкинко.

— Нет. — Небесный следил за тем, как радар выделяет подробности изображения, превращая пятнышко в нечто обладающее плотностью и формой. — Масса слишком велика. Думаю, это и есть корабль-призрак. Он движется за нами, и размеры подходящие.

— Насколько он велик?

— Ширина достаточна, но я не могу определить длину, — покачал головой Небесный. — Положение корабля соосно нашему, как будто все еще действует навигационный контроль.

Он застучал по клавишам, потом всмотрелся в колонки цифр, возникшие рядом с картинкой эхо-сигнала.

— Ширина как у корабля Флотилии. Профиль тот же: радар даже показывает некоторую асимметрию на передней сфере, где должны располагаться пучки антенн. Похоже, корабль не кружится, — наверное, у экипажа была причина прекратить вращение.

— Может быть, решили отдохнуть от гравитации. Сколько до него?

— Шестнадцать тысяч километров. Учитывая, что мы проделали путь в половину световой секунды, не так уж и плохо. На малой тяге доберемся до него за несколько часов.

Дискуссия заняла пару минут, после чего сошлись на том, что наилучшей тактикой будет «тихое приближение». Корабль держался соосно остальным судам Флотилии — факт, не позволяющий считать его мертвой дрейфующей оболочкой. Он явно обладал определенной степенью автономии. Небесный сомневался, что на борту есть кто-то живой, но исключать подобную возможность не стоило, как бы ничтожна она ни была. В любом случае там действуют автоматические защитные системы, которые могут весьма недружелюбно отреагировать на приближение «такси».

— Надо подать сигнал, — предложил Гомес.

Небесный покачал головой:

— Он следует за нами почти целый век — тайком, даже не пытаясь выйти на связь. Можешь считать меня параноиком, но, по-моему, это говорит о том, что экипаж не слишком обрадуется визиту, объявленному или необъявленному. Впрочем, я ни на йоту не сомневаюсь, что на борту никого нет. Да, системы по-прежнему действуют, но и только: антивещество поддерживается в стабильном состоянии, и корабль не слишком отстает от Флотилии.

— Мы это скоро узнаем, — сказал Норкинко. — Как только подойдем на расстояние визуального контакта. Тогда можно будет оценить повреждения.

Следующие два часа тянулись мучительно. Небесный скорректировал траекторию подлета так, чтобы подойти к кораблю сбоку; это позволило фазированной антенной решетке уловить некоторую элонгацию эхо-сигнала радара. При подлете не обнаружилось ничего неожиданного: в профиль «Калеуче» почти не отличался от кораблей Флотилии, за исключением некоторых незначительных, но загадочных деталей.

— Похоже на следы повреждений, — пробормотал Гомес, разглядывая силуэт, который делался все ярче.

Больше на экране ничего не было, и это лишь усиливало чувство полной изоляции. От других кораблей Флотилии не поступало никаких сигналов. Даже если на них знали о происходящем, то ничем это не выдавали.

— Должен сказать, — добавил Гомес, — я почти разочарован.

— Разочарован?

— Мне все время казалось, что мы обнаружим нечто более впечатляющее.

— А этот корабль-призрак тебя не впечатляет? — Небесный снова подкорректировал курс, чтобы подойти к кораблю с другой стороны.

— Конечно. Но теперь мы обнаружили его, и это отсекает многие предположения. Знаешь, о чем я думал? Этот корабль стартовал с Земли позже, чем Флотилия, поэтому у него выше скорость и прочие показатели. Его отправили специально, чтобы следить за нами с безопасного расстояния и, возможно, в экстренном случае вмешаться и помочь...

Небесный демонстративно скривился. Однако в душе он был во многом согласен с Гомесом. Предположим, на «Калеуче» что-то пошло не так: не оказалось необходимых ресурсов, нарушился режим хранения антивещества... Обычно легенды рождаются из реальных событий, но бывают и исключения. Он вспомнил о настоящем «Калеуче» — корабле-призраке, который бороздит океан близ южного побережья Чили. Над волнами плывут печальные звуки аккордеона, а на борту веселятся мертвецы. Но каждый раз, когда кто-то замечает корабль, он чудесным образом превращается в обросший водорослями утес или груду топляка.

Может быть, и сейчас произойдет нечто подобное?

Последний час, казалось, тянулся дольше, чем оба предыдущих. Наконец терпение было вознаграждено: в иллюминаторах появился смутный силуэт корабля-призрака. Несомненно, это было судно Флотилии. Так же выглядел на подлете «Сантьяго», правда, на «Калеуче» не было ни одного огонька. Сам корпус можно было разглядеть лишь в лучах прожекторов шаттла, а детали, которые представлялись весьма любопытными, — только по одной, приближаясь к дрейфующему кораблю на расстояние в несколько сотен метров.

— С командным отсеком, кажется, все в порядке, — заметил Гомес, когда луч прожектора скользнул по огромной сфере в носу корабля.

Многочисленные темные иллюминаторы, «глаза» датчиков, радиоантенны, торчащие из круглых углублений, — и ни малейшего намека на то, что все это работает. Спереди сфера покрыта бесчисленными оспинами метеоритных ударов, но то же самое можно увидеть и на «Сантьяго». На первый взгляд корабль не получил сколько-нибудь серьезных повреждений.

— Двигайся вдоль «хребта» к корме, — проговорил Гомес.

Норкинко хлопотал у них за спиной, просматривая чертежи старого корабля.

Небесный включил двигатели на малую мощность, и шаттл медленно проплыл мимо сферы командного отсека, затем миновал цилиндрический модуль, в котором должны были находиться бортовые шаттлы «Калеуче» и трюм. Никаких различий. Даже воздушные шлюзы располагались там же, где и на «Санть-яго».

— Пока ничего существенного, — сказал Гомес. — Вроде радар показывал...

— Ты прав, — перебил Небесный. — Просто все повреждения на другой стороне. Мы облетим вокруг двигательного отсека и вернемся обратно.

Они медленно ползли вдоль «хребта». Невидимые лучи прожекторов упирались в корпус, и в ярких округлых пятнах, похожих на дыры в темноте, проплывали детали. Мимо заскользили бесчисленные модули со «спящими». Небесный начал считать их, но вскоре убедился в бессмысленности этого занятия. Все модули были на месте и выглядели неповрежденными. Да и сам корабль — если не обращать внимания на мелкие царапины от метеоритов — словно только что покинул орбиту.

— Все равно здесь что-то нечисто, — прищурясь, заметил Гомес. — Он выглядит как-то странно.

— Не вижу ничего странного, — отозвался Небесный.

— По-моему, с ним все в порядке, — сказал Норкинко, на миг отрываясь от чертежей, гораздо более увлекательного для него зрелища.

— Ничего подобного, — возразил Гомес. — Он выглядит так, словно изображение не сфокусировано. Разве не видите?

— Это визуальный эффект, — сказал Небесный. — Просто глаз не справляется с контрастом: одни участки ярко освещены, а другие нет.

— Ладно, будь по-твоему.

Они продолжали двигаться в молчании. В глубине души и Норкинко, и Небесный признавали, что Гомес прав: «Калеуче» выглядел странно. Небесный снова вспомнил старинную легенду о корабле-призраке, рассказанную Норкинко. Тот парусник окружал себя туманом, чтобы укрыться от посторонних глаз. Хорошо, что Норкинко не напомнил об этом. Небесный уже не мог поручиться, что сохранит самообладание.

— От капсул со «спящими» нет инфракрасного излучения, — произнес наконец Гомес, когда они приближались к оконечности «хребта». — Думаю, это дурной знак. Когда капсулы действуют, системы охлаждения излучают в инфракрасном диапазоне. Чтобы создавать холод, надо отдавать тепло, иначе никак. Значит, моими не выжили.

— Можешь радоваться, — сказал Небесный. — Ты хотел корабль-призрак? Ты его получил.

— Не думаю, что на нем есть призраки. Правда, мертвецов предостаточно.

Они миновали конец «хребта», где к нему был пристыкован двигательный отсек. Теперь шаттл плыл лишь в десяти-пятнадцати метрах над корпусом «Калеуче». На таком расстоянии все детали должны были выглядеть идеально четко, но... Следовало отдать должное наблюдательности Гомеса. Казалось, стекла в иллюминаторах стали гофрированными. Контуры деталей слегка расплывались, хотя очертания корпуса оставались четкими — словно корабль подтаял, а затем снова застыл.

Это было неправильно.

— Ну что, — произнес Гомес, — с двигательным отсеком тоже как будто все в порядке. Антивещество должно находиться внутри. Остаточной энергии хватает, чтобы его удерживать.

— Но ты же видишь — никаких признаков энергии. Ни один прожектор не светится.

— Значит, на корабле отключено все, кроме систем жизнеобеспечения. Но антивещество просто обязано находиться внутри. Тогда в любом случае окажется, что мы прилетели сюда не напрасно.

— Посмотрим с другой стороны. Я уверен, там что-то не в порядке.

Они обогнули корпус, резко развернувшись перед зияющими пастями дюз. Конечно, Гомес прав — на борту должно быть антивещество. Это несомненно. Взрыв двигателей мог привести лишь к одному: от «Калеуче», как и от «Исламабада», не осталось бы ничего, кроме россыпи атомов, необычных для межзвездного пространства. Запасы антивещества должны быть достаточно велики, чтобы обеспечить торможение корабля, — значит, вспомогательные системы должны работать нормально. И люди Небесного найдут применение этому ресурсу. Напри-

мер, можно превратить «Калеуче» в экспериментальную площадку, испытать его двигатели на предельные нагрузки — такие испытания было бы слишком рискованно проводить на собственном корабле — и добиться от них максимальной эффективности. Можно использовать корабль-призрак в качестве гигантской ракетной ступени, присоединив его к «Сантьяго», и получить кривую торможения невероятно малого радиуса, а потом, точно рассчитав момент, отстрелить «Калеуче» на околосветовой скорости... Но был третий путь, который нравился Небесному еще больше. Набраться опыта в обращении с антивеществом на борту корабля-призрака, затем перенести резервуар на «Сантьяго», пополнив собственные запасы. В этом случае не надо тратить энергию на торможение дополнительной инертной массы. К тому же операцию будет нетрудно сохранить в тайне.

Шаттл завершил маневр и снова поплыл вдоль корпуса — теперь с другой стороны. Радар уже оповестил их о том, что корпус несколько асимметричен относительно продольной оси. Но, увидев то, что нарушало симметрию, они не поверили своим глазам. Гомес тихо выругался, а Небесный, не склонный реагировать столь непосредственно, ответил медленным кивком. Вдоль всего корабля, от шарообразного командного отсека до дюз, обшивка вспучилась жутковатой пенистой массой — похоже на тесно сидящие волдыри или ком лягушачьей икры.

С минуту трое молча созерцали эту картину. Просто не верилось, что перед ними вожаденный шестой корабль.

Гомес первым обрел дар речи:

— Здесь случилось что-то странное. Что-то очень и очень странное. Знаешь, Небесный, мне это не нравится.

— Думаешь, мне нравится? — отозвался Небесный.

— Отойдем подальше, — сказал Норкинко.

Впервые Небесный просто повиновался. Запустив двигатели на малую мощность, он отвел шаттл на пару сотен метров. В кабине снова воцарилось молчание. Они так долго ждали возможности получше разглядеть корабль... Небесный отметил, что обшивка действительно похожа на живую кожу — то ли свежий, то ли плохо зарубцевавшийся ожог. Во всяком случае, ничего подобного он не ожидал.

— Там что-то есть. — Гомес ткнул пальцем вверх. — Видите, возле самой рубки? Непохоже, что это часть корабля.

— Шаттл, — сказал Небесный.

Медленно, словно крадучись, они вновь подлетели поближе. Лучи прожекторов осторожно ощупывали темную массу. Среди пузырящихся вздутый обшивки притаился крошечный шаттл — кажется, неповрежденный. Ни формой, ни размерами он не отличался от их собственного, только маркировка и некоторые детали выглядели чуть иначе.

— Черт... — проговорил Гомес. — Кто-то нас опередил.

— Возможно, — ответил Небесный. — А может быть, он здесь давно.

— Ты прав, — согласился с Гомесом Норкинко. — Сомневаюсь, что это один из наших шаттлов.

Они медленно приближались к чужому шаттлу, опасаясь ловушки. Но тот выглядел таким же мертвым, как и корабль, к которому прикрепился. Три троса с крючьями-гарпунами на концах, пробившими верхний слой обшивки «Калеуче», надежно удерживали шаттл. Это было стандартное устройство для аварийной швартовки, которое устанавливается на всех шаттлах, но Небесному никогда бы не пришло в голову использовать крючья таким образом. На противоположной стороне есть шлюзы — почему команда шаттла не воспользовалась ими?

— Теперь причаливаем медленно и аккуратно, — сказал Гомес.

— А я что делаю?

Тем не менее стыковка с брошенным шаттлом оказалась весьма непростой процедурой — двигатели снова и снова отбрасывали их назад. Даже когда оба шаттла наконец оказались рядом, выяснилось, что проблемы не закончились. Однако герметичность люков не была нарушена. Небесному удалось подсоединиться к системе питания чужого шаттла, чтобы вывести его из спячки. Неудивительно: шаттлы изначально конструировались в расчете на полную совместимость со швартовочными системами всех кораблей.

Загорелись причальные огни, и давление в шлюзах по обе стороны люка начало выравниваться. Покидая шаттл, Небесный и его спутники надели скафандры, закрепили на них специальные датчики и радиооборудование — все это было подготовлено задолго до экспедиции, а автоматы, табельное оружие сотрудников службы безопасности предоставил Небесный. На стволах были закреплены фонарики. Небесный шел первым. За

соединительным тоннелем и шлюзом находилась хорошо освещенная каюта — на первый взгляд точная копия той, из которой они только что вышли. Ни паутины, ни плавающих хлопьев пыли — никаких признаков запустения. Даже работали несколько индикаторов, отмечая изменения каких-то параметров.

А еще в каюте сидел человек.

Он был в скафандре — и, несомненно, он был мертв. Чтобы в этом убедиться, не было нужды долго разглядывать скалящийся череп за щитком шлема, да и желания такого ни у кого не возникло. Вряд ли это была насильственная смерть. Пилот спокойно сидел в кресле, руки на коленях, кисти в перчатках сложены на груди, словно он мирно творил молитву.

— Оливейра, — произнес Гомес, прочтя табличку на шлеме. — Это португальская фамилия. Наверное, он с «Бразилии».

— Тогда почему умер здесь? — недоуменно спросил Норкинко. — Шаттл исправен, можно было вернуться!

— Не факт. — Небесный указал на дисплей со столбиком данных. — Батареи вроде заряжены, а вот топлива ни капли. Похоже, он так спешил сюда, что спалил весь запас.

— И что дальше? На «Калеуче» десятки шаттлов. Этот парень мог бросить свой и вернуться на одном из них.

Понемногу сложилась рабочая версия гибели пилота. Имя Оливейры никому ни о чем не говорило. Значит, это человек с другого корабля и он исчез много лет назад.

Скорее всего, Оливейра узнал о «Калеуче» таким же образом, что и Небесный: анализируя слухи, он постепенно убедился, что в них есть истина. Как и Небесный, он решил отстать от Флотилии, проникнуть на борт корабля-призрака и осмотреть его трюмы. Может быть, Оливейра старался ради своего экипажа, а может быть, ради своей выгоды. Так или иначе, он тайно взял шаттл и решился на скоростной бросок, что требовало большого расхода топлива. Возможно, он выбрал эту тактику из-за нехватки времени — его отсутствие не могло долго оставаться незамеченным. Вполне оправданный риск, — по мнению Гомеса, на «Калеуче» должны быть запасы топлива, а также несколько шаттлов. Словом, возвращение не обещало проблем.

Однако проблемы, очевидно, возникли.

— А вот и послание, — произнес Норкинко, изучая строчки на дисплее.

— Что?

— Послание. Хм... Похоже, от Оливейры.

Прежде чем Небесный успел открыть рот, Норкинко вывел на дисплей какой-то текст, поколдовал над клавиатурой и отправил звуковую дорожку на радиоканал междускафандровой связи, а визуальный ряд — на дисплеи щитков. Казалось, в каюте рядом с пришельцами возник призрак Оливейры: тот же скафандр, в котором он умер, но щиток гермошлема полностью поднят, не скрывает лица. Оливейра оказался смуглым и молодым, его глаза были полны страха и отчаяния.

— Наверное, мне стоит покончить с собой. — Он говорил по-португальски. — Да, пожалуй, я так и сделаю. Думаю, это единственный разумный выход. На моем месте вы поступили бы так же. Никакого особенного мужества не потребуется. Есть десяток абсолютно безболезненных способов, хотя бы с помощью скафандра. Говорят, при этом даже можно получить удовольствие. Скоро сам узнаю... Потом скажете, улыбался ли я, когда умирал, хорошо? Надеюсь, так и получится. Иначе будет несправедливо, правда?

Небесному пришлось сосредоточиться, чтобы успевать за чужой речью, но это оказалось относительно несложно. Он был офицером безопасности, и знание языков, на которых говорили во Флотилии, входило в его обязанности. К тому же португальский был намного ближе к кастеллано, чем арабский.

— Полагаю, вас привело сюда то же, что и меня. Чистейшей воды жадность. Что ж, не мне вас судить. Если вы здесь из соображений альтруизма, примите мои покорнейшие извинения. Впрочем, я в этом сомневаюсь. Скорее всего, вы слышали о корабле-призраке, как и я, и подумали: а нет ли у него на борту чего-нибудь полезного? Надеюсь, в отличие от меня вы не рассчитывали на запасы топлива. А может быть, как раз на это и рассчитывали. Если вы уже побывали на корабле, то понимаете, о чем я говорю. А если вам действительно нужно топливо, но внутрь вы еще не забирались — простите, вынужден вас разочаровать...

Он помолчал и смерил взглядом шлейф кабелей и трубок, подключающих скафандр к системам жизнеобеспечения.

— Этот корабль — не совсем то, что вы себе представляли. Здесь нет того, чего вы ожидали. Здесь есть нечто большее. Поверьте, уж кому, как не мне, знать — я ведь побывал внутри. Мы оба побывали.

— Оба? — спросил вслух Небесный.

Оливейра словно услышал его:

— Возможно, вы еще не нашли Лаго. Я про него не говорил? Виноват. Славный парень... Но теперь я уверен: это он виноват в том, что мне придется покончить с собой. Я же знаю: без топлива домой не вернуться. Если подам сигнал бедствия, меня казнят за то, что я сюда сунулся. Не на «Бразилии», так на другом корабле, какая разница. Видите, у меня нет выхода. Это все Лаго, он меня уговорил. Бедный, бедный Лаго. Я просто отправил его искать топливо. Чертовски жаль...

Внезапно Оливейра опомнился и пристально уставился на пришельцев, словно действительно видел каждого из них.

— А кстати, я не сказал, чтобы вы делали отсюда ноги, если есть хоть какая-то возможность? По-моему, не сказал...

— Выруби эту чертову хрень, — велел Небесный.

Норкинко помедлил, но повиновался. Призрак Оливейры, застыв посреди своего монолога, начал медленно таять.

ГЛАВА 34

— Выходите, — приказала Шантерель, когда передняя дверца распахнулась и оттуда показалась украшенная синяками и кровоподтеками физиономия Квирренбаха. — И ты тоже, — добавила она, наводя свое ружье на охранника — того из двоих, который умудрился не потерять сознания.

— Похоже, я вам обязан, — неуверенно пробормотал я. — Вы действительно надеялись, что я переживу вашу спасательную акцию?

— Почему-то решила, что переживете. Все в порядке, Таннер? Вы чуть-чуть побледнели или мне кажется?

— Пустяки, пройдет.

Воронофф уже сидел в фуникулере Шантерели, поглаживая поврежденное запястье. Ее приятели — знакомая мне троица, — которые проводили его туда, хранили угрюмое молчание. Я едва удостоился косого взгляда, впрочем, не слишком обиделся. Во время нашей последней встречи их конечности слегка пострадали, причем не без моего участия.

— Вам грозят серьезные неприятности, — объявил Квирренбах, когда мы собрались в салоне и Шантерель наконец-то соизволила обратить на него внимание. — Кем бы вы ни были.

— Я знаю, кто она такая, — сказал Воронофф, не сводя глаз со своей руки, пока маленький робот-слуга из фуникулера бережно обрабатывал его рану. — Шантерель Саммартини. Она участвует в «Игре». Кстати, один из лучших охотников.

— Откуда такие сведения? — поинтересовался Квирренбах.

— В тот вечер, когда Мирабель едва не застрелил меня, она была с ним. Я получил сведения о ней по своим каналам.

— Не слишком точные сведения, — заметил Квирренбах.

— Да бросьте. Кстати, вам было поручено за ним следить, или я ошибаюсь?

— Тихо, мальчики, — произнесла Зебра, небрежно примостив на колени лучевик. — Может, не будем скандалить из-за отобранных игрушек?

Квирренбах ткнул пальцем в сторону Шантерели:

— Тогда какого черта вы не отняли ствол у Тарин, Саммартини? Неужели еще не поняли, что она на нашей стороне?

— Таннер сказал, что она уже на вас не работает. — Шантерель улыбнулась. — Откровенно говоря, меня это не удивило.

— Спасибо, — сдержанно отозвалась Зебра. — Правда, я не понимаю, почему вы мне доверяете. То есть... я бы ни за что так не поступила.

— Скажите спасибо Таннеру. Конечно, кое в чем мы с ним расходимся, но не в данном вопросе. Могу я доверять вам, Зебра?

— Пожалуй, выбор у вас невелик, — усмехнулась Зебра. — Как будем действовать дальше, Таннер?

— По плану маэстро Квирренбаха, — отозвался я. — Едем в «Убежище».

— Ты шутишь? Это же верный шанс попасть в ловушку!

— Согласен. А еще верный шанс решить нашу проблему. И Рейвич об этом знает. Я прав?

Судя по всему, Квирренбах безуспешно пытался понять, чего добился — победы или полного провала. Затем он вяло предложил отвезти меня в космопорт.

— Прекрасно, — сказал я. Теперь надо сделать ответный ход. — Только для начала, Квирренбах, мы заглянем еще в одно местечко. Это недалеко. Думаю, дорогу вы знаете.

Я вынул пустой пузырек из-под «топлива грез», полученный от Зебры:

— Ни о чем не напоминает?

Я сомневался, что Квирренбах стоит ближе к центру производства «топлива грез», нежели Вадим, хотя исключать такую возможность не стоило. Вадим располагал солидными запасами снадобья. Но империя этого жулика совсем невелика, она ограничена Ржавым Поясом и тем, что болтается на орбите. В отличие от него Квирренбах свободно курсирует между Городом Бездны и космосом. Напрашивается предположение, что во время последнего посещения орбиты он прихватил сколько-то пузырьков.

А значит, Квирренбах может знать, откуда они берутся.

— Ну как, я угадал?

— Вы просто не представляете, Таннер, во что ввязались. Совершенно не представляете.

— Если не возражаете, это будет моя головная боль. А вы позаботьтесь о том, чтобы мы туда добрались.

— Куда? — спросила Шантерель.

— Я обещал Зебре продолжить расследование, которое вела ее сестра до того, как исчезла.

Шантерель повернулась к Зебре:

— О чем он говорит?

— Моя сестра задала один лишний вопрос насчет «топлива грез», — спокойно ответила Зебра. — Бандитам Гидеона это не понравилось. Я так до сих пор и не узнала, почему случилась беда. Сестра даже не пыталась никого выслеживать. Она просто спросила.

— Поверьте, это совсем не то, о чем вы думаете, — проговорил Квирренбах, с мольбой глядя на меня. Мы двигались прочь от Гранд-Сентрал, где высадили Вороноффа и его охранников. — Бога ради, Таннер, будьте благоразумны. Вы же нездешний — чего ради вам вмешиваться? По большому счету это не ваши проблемы. Да и кто вам дал право...

— Он хочет, чтобы этих проблем не было, — перебила Зебра.

— Ах, только не надо праведного гнева, Тарин. Вы же сами пользуетесь этим снадобьем.

Она кивнула:

— Равно как и тысячи других. Прежде всего потому, что у нас нет выбора.

— Выбор есть всегда. Скажете, все дело в имплантатах, без них вам жизнь не в радость? Прекрасно. Просто научитесь обходиться без них. Не нравится — можете последовать примеру герметиков.

— Без имплантатов мы очень быстро перемрем от старости, — покачала головой Зебра. — А с ними будем доживать свои дни, трясясь от страха и прячась в механических ящиках. Извините, но, на мой взгляд, это не выбор. Тем более что есть третий путь.

— Тогда вы не имеете никакого морального права требовать запрета на «топливо грез».

— Вот чертов зануда... Я не требую никакого запрета. Я просто хочу выяснить, почему «топливо» не достать, когда оно необходимо. С каждым месяцем это все труднее, с каждым месяцем я плачу все больше за то, чтобы какой-то таинственный Гидеон обеспечивал мне возможность существовать.

— Спрос и предложение, — хмыкнул я. — Уж такая у них природа.

— Хотите, я ему врежу? — невинным тоном предложила Шантерель. — Мне это совсем не трудно.

— Весьма любезно с вашей стороны. — Зебра была довольна: они с Шантерель наконец-то нашли общий язык. — Но сейчас нам нужно, чтобы он хоть немного соображал.

Я кивнул:

— По крайней мере, пока Квирренбах не доставит нас туда, где производят «топливо». Шантерель, вы уверены, что хотите отправиться с нами?

— А как вы думаете, Таннер? Почему я не осталась на вокзале?

— Понимаю. Но поездка будет небезопасной. Мы можем понести потери.

— Вы правы, Мирабель, — вмешался Квирренбах. Похоже, он все еще надеялся меня отговорить. — На вашем месте я бы серьезно задумался. Может быть, поступим разумнее? Отправимся туда через какое-то время с подкреплением, разработав план действий...

— И лишившись вашего бесценного общества? — возразил я. — Это большой Город, Квирренбах, а Ржавый Пояс еще боль-

ше. Где гарантия, что я найду вас снова, если соглашусь отложить нашу маленькую экспедицию?

Он фыркнул:

— В любом случае вам меня не заставить.

— Вас это удивит, но я могу принудить вас к чему угодно, ну, или почти к чему угодно. У любого человека есть нервная система и болевые точки.

— Вы намекаете на пытки?

— Скажем так, я использую веские аргументы.

— Вы негодай, Мирабель.

— Хватит болтать, следите за дорогой.

— И повнимательнее, маэстро, — добавила Зебра. — Вы спустились слишком низко.

Она была права. Сейчас мы огибали Мульчу, двигаясь самое большее в сотне метров над верхним ярусом трущоб, и наша поездка представляла собой череду прыжков и качаний, от которых желудок выворачивало наружу, — на этой высоте тросов было немного.

— Я знаю, что делаю, — буркнул Квирренбах. — Так что заткнитесь и наслаждайтесь прогулкой.

Неожиданно фуникулер нырнул в ущелье, образованное трущобами. Теперь он скользил по длинному одиночному тросу, который тянулся вниз и исчезал вдаль, в мутно-коричневой, как карамель, воде. На склонах в убогих постройках пылали очаги. По мере того как мы спускались к воде, паровые катера с пыhtением отплывали в разные стороны.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, — сказал я Квирренбаху. — Вы с Вадимом были одной командой?

— Скорее, он был хозяином, а я рабом. — Квирренбах ловко перебирал рычаги на пульте. По мере приближения к поверхности мутной воды наше движение замедлилось. — Вадим во все не притворялся тупым здоровенным головорезом, Таннер.

— Я не убил его?

Квирренбах потер синяк на физиономии:

— Ничего такого, с чем не справится «топливо грез».

— Примерно так я и думал, — кивнул я. — Так что это за вещество, Квирренбах? Вы должны знать. Его синтезируют?

— Смотря что называть синтезом, — ответил он.

— Он просто сошел с ума, — сказал Небесный. — Когда понял, что застрял здесь навечно, поскольку путь домой ему заказан. В этом нет ничего странного.

— А как по-твоему, этот Лаго действительно существовал? — спросил Гомес.

— Возможно. По большому счету это не важно. Так или иначе, нам придется войти внутрь. Если найдем парня, значит все правда. — Небесный старался говорить как можно убедительнее. — А может, Оливейра сам прикончил Лаго? Они поссорились, такое вполне возможно. А когда Оливейра понял, что натворил, он сошел с ума.

— Сошел ли? — усомнился Гомес. — Все-таки похоже на послание нормального человека, который столкнулся с чем-то ужасным.

Через несколько минут они отстыковались от шаттла Оливейры, оставив мертвеца там, где его нашли. Затем осторожно, на коротких импульсах двигателей малой тяги, облетели корабль. С этой стороны корпус выглядел целым, и «Калеуче» казался обычным кораблем Флотилии.

— Повреждения четко локализованы, — заметил Гомес. — Это не похоже на ожог корпуса, полученный «Сантьяго» при взрыве «Исламабада», но геометрия полностью идентична. Сogласны?

Небесный кивнул, вспоминая тень своей матери, выжженную на корпусе звездолета. На «Калеуче» случилось нечто принципиально иное. Но что-то, безусловно, случилось, и причина была неизвестна.

— Не вижу, какая здесь может быть связь, — сказал он.

С пульта донесся мелодичный звон — сработала одна из автоматических систем предупреждения, установленных Норкинко. Небесный взглянул на него:

— В чем дело? У нас проблемы?

— С техникой все в порядке. Проблема... хм... несколько иного свойства. Кто-то только что просканировал нас фазированной решеткой.

— Откуда был сигнал? С Флотилии?

— Направление совпадает, но не совсем. Думаю, это другой шаттл, Небесный. Он приближается — возможно, решил последовать нашему примеру.

— Или увязался за нами, — высказал предположение Гомес. — Сколько часов в запасе?

— Чтобы это выяснить, нужно хотя бы зацепить его радаром. Может, день, а может, шесть часов.

— Черт! Ладно, давай проберемся на корабль и посмотрим, что внутри.

Они приблизились к неповрежденной стороне командного отсека и занялись поисками подходящего шлюза. Небесный не горел желанием попасть на «Калеуче» любой ценой, но на корпусе корабля было достаточно мест, где шаттл мог закрепиться, чтобы высадить или принять на борт пассажиров. Обычно корабль реагирует на приближение шаттла включением шлюзовых систем: загораются сигнальные огни, а когда расстояние до «такси» сокращается до нескольких метров, ему навстречу устремляются скобы-захваты, помогающие осуществить стыковку. Если на корабле остались хоть какие-то запасы энергии, причальные механизмы должны проснуться даже после десятилетий бездействия. На шаттле уже пищала сигнализация, но ничего не происходило.

— Ладно, — сказал Небесный. — Поступим как Оливейра: воспользуемся крючьями.

Остановив шаттл точно над шлюзом, он нажал кнопку, и крючья бесшумно впились в обшивку «Калеуче». Шаттл начал подтягиваться на тросах, точно паук на паутине. Потом обшивка подалась, словно шкура живого существа, — похоже, крючья вошли не слишком глубоко. Ничего, какое-то время они продержатся. Главное, чтобы шаттл успел оказаться в шлюзе. Тогда, даже если он сорвется с креплений, автопилот не позволит ему вылететь наружу.

Все трое, уже в скафандрах, снова прошли в тамбур и подождали, пока не восстановится атмосфера. Небесный идеально рассчитал позицию шаттла: их причальное герметичное сочленение было идеально соосно корабельному, на помещавшейся в нише панели выстроились в ряд рычаги ручного управления. Из опыта, полученного на «Сантьяго», Небесный знал: воздушные шлюзы сделаны настолько надежно, что даже после многолетнего перерыва ручное открывание дверей должно работать безупречно.

Система была устроена элементарно. Повернуть один из рычагов — откроется внешний люк. В камере обмена находится

более сложная панель, с которой запускаются насосы, — чтобы внутренность корабля, где сейчас, наверное, космический вакуум, заполнилась воздухом. Впрочем, если по ту сторону люка нет атмосферы, пройти будет еще легче.

Небесный взялся за рычаг. Но едва ладонь, обтянутая перчаткой, сомкнулась на рукоятке, он понял: что-то не так.

То, что оказалось у него в руке, не было металлом.

Больше всего это походило на плоть.

Он еще осознавал этот факт, когда рука, мгновение назад получившая сигнал мозга, надавила на рычаг, одновременно поворачивая его по кругу, — движение должно было заставить люк отъехать в сторону.

Должно было.

Рычаг не повернулся. Он изогнулся и вытянулся, словно кусок теплого воска. Нагнувшись так, что щиток шлема едва не коснулся панели, Небесный присмотрелся. Причина была очевидна. Рычаг и не мог действовать: он просто сплавился с панелью, стал с ней единым целым. То же самое и остальные рукоятки: они словно вырастали из пульта — или вросли в него. Небесный покосился на люк, на этот раз почти со страхом.

Ни одной щели — сплошная гладкая поверхность.

Казалось, «Калеуче» состоит из серого теста.

Опустившись в коричневую слизь, наполнявшую реку Мульчи, фуникулер вел себя как обычное судно. Квирренбах пользовался его рычагами лишь для того, чтобы ускорить движение по ленивому потоку. Вагон двигался зигзагами от берега к берегу, отталкиваясь от ветхих построек, нависавших над водой.

— Мы приближаемся к куполу. — Зебра указала вверх и вперед.

Она была права. Перед нами опускался край одного из соединяющихся между собой куполов Москитной Сетки, и трущобы упирались в его грязную бурюю поверхность. Трудно поверить, что этот гигантский скругленный «потолок» когда-то был прозрачным.

— К наружному? — спросил я. — Или к внутреннему?

— К внутреннему, — ответила Зебра. — Значит...

— Я понимаю, что это значит, — перебил я прежде, чем она договорила. — Квирренбах везет нас к Бездне.

По мере того как мы приближались к куполу, в ущелье становилось все темнее. Постройки лепились друг на друга, нависая над водой так, словно были готовы обрушиться, пока не сомкнулись, образовав что-то вроде грубого тоннеля, истекающего зловонной жидкостью. Едва ли кто-нибудь здесь обитал, даже учитывая перенаселенность Мультчи.

Квирренбах направил машину в этот тоннель, мощные фары освещали путь. Иногда в полумраке я замечал снующих крыс, но нигде ни следа двуногих — ни гуманоидов, ни свиней.

Крыс завезли в Город ультра. В свое время их подвергли генетической модификации, чтобы использовать на кораблях в качестве мусорщиков. Потом несколько крыс оказались на свободе — это случилось сотни лет назад. С тех пор они одичали, и их поведение утратило всякий намек на услужливость. Сейчас они разбегались от ярких эллипсов, возникающих там, куда падал свет прожекторов, и торопливо уплывали по коричневой воде, оставляя за собой клиновидные дорожки.

— Что вы ищете, Таннер? — спросил Квирренбах.

— Ответ.

— И только? А может быть, хотите обзавестись личным запасом «топлива грез»? Не стесняйтесь, говорите. Мы же с вами старые друзья.

— Следите за дорогой, — бросил я.

Квирренбах вез нас все дальше. Тоннель ветвился снова и снова. Теперь мы находились едва ли не в самой старой части Города. Похоже, эти подземелья не слишком изменились за время эпидемии.

— Вы уверены, что не заблудились? — спросил я.

— Есть другие пути, — отозвался Квирренбах, — но этот мало кому известен. Если кто-то нас увидит, то решит, что мы имеем полное право здесь находиться.

Вскоре он остановил машину. Я даже не подозревал, что Квирренбах провел ее по узкой сухой косе, которая тянулась вдоль грязной стены, обросшей серой плесенью.

— Надеюсь, это не конечная точка маршрута, — сказал я. — Иначе вам грозит украсить собой местный пейзаж.

Однако я не стал ему мешать, когда он предложил нам выйти наружу. Фуникулер остался посреди вязкой жижи.

— Следуйте за мной, — сказал Квирренбах. — Это недалеко.

— Вы здесь часто бывали?

— Только по необходимости. — Судя по тону, он говорил искренне. — Я не самая крупная фигура в операции с «топливом грез», Таннер. Просто средних размеров шестеренка. Если кое-кто узнает, что я вас сюда привел, мне конец. Может быть, попробуем сохранить этот визит в секрете?

— Посмотрим. Я говорил, что мне нужны ответы.

Он пошарил по стене рукой:

— Я не могу провести вас туда, Таннер. Ну когда вы это поймете? Это просто невозможно. Вам лучше идти одному. И не вздумайте затеять перестрелку. У вас просто не хватит боеприпасов.

— В таком случае, куда вы нас ведете?

Вместо ответа он потянул рычаг, утопленный в кладке и вдобавок прикрытый слоем отвратительной слизи, и я услышал, как отодвигается панель. Почти точно над нами в стене открылось прямоугольное отверстие шириной метра два.

От Квирренбаха можно было ждать чего угодно, — например, он мог воспользоваться отверстием и сделать ноги. Поэтому я полез туда первым, потом помог Квирренбаху и Шантерель. Зебра замыкала строй и осторожно поглядывала назад. Но за нами никто не следил, разве что крысы, обитавшие в тоннеле, проявили некоторое любопытство.

Мы оказались в низком квадратном тоннеле, обитом сталью, по которому можно было двигаться, лишь согнувшись в три погибели. Казалось, он протянулся на несколько сот метров, хотя, скорее всего, был гораздо короче. Чувство направления вскоре отключилось, и лишь какая-то частица мозга сигналила о том, что мы приближаемся к краю Бездны. Сейчас, наверное, мы уже за пределами Москитной Сетки, и от ядовитой атмосферы нас отделяет лишь несколько метров скальной породы.

Наконец, когда боль в спине, поначалу вызывавшая лишь неудобство, стала почти парализующей, мы вошли в просторное помещение. Там было темно, потом Квирренбах повернул выключатель, и на потолке загорелись старинные галогенные лампы, образующие крупную решетку.

Еще в темноте я увидел, что через все помещение, из одной стены в другую, тянется нечто странное. Это оказалась тусклая серебристая труба, метра три в диаметре, — скорее всего, трубопровод. С одной стороны от нее под острым углом отходила другая, точно такого же диаметра, но заканчивающаяся гладкой металлической заглушкой.

— Как я понимаю, вам это знакомо, — произнес Квирренбах, указывая на длинную часть трубы.

— Я бы так не сказал, — признался я и с надеждой посмотрел на Зебру и Шантерель.

Однако разъяснений не последовало.

— Вы видели такое много раз. — Квирренбах подошел к трубе. — Часть городской системы атмосферного снабжения. Труб здесь сотни. Одним концом они уходят в Бездну, другим — в крекинг-станцию. По одним подается воздух, по другим — вода, по третьим — перегретый пар. — Он побарабанил пальцами по металлу, и я заметил выступающую овальную панель — примерно того же размера была панель, которую мы обнаружили снаружи. — По этой трубе, например.

— А что в ней сейчас?

— Давление в несколько тысяч атмосфер. Можно не беспокоиться.

Квирренбах опустил ладони на панель и отодвинул ее в сторону. Это не потребовало больших усилий. Под ней оказались выпуклая линза из темно-зеленого стекла и пульт управления в серебристой металлической рамке. На клавишах стояли какие-то древние буквы — не норт, но что-то очень похожее.

Американо.

Квирренбах пробежал пальцами по клавишам, и я услышал серию далеких глухих ударов. Через минуту по трубе прошла судорога, и она издала низкий утробный звук — то ли сглатывая, то ли срыгивая.

— Сейчас поток пара перенаправлен в другую сеть. Пока в режиме проверки.

Он нажал кнопку. Толстое зеленое стекло отскочило, точно крышка шкатулки, открывая массивный бронзовый механизм, почти полностью перегородивший трубу. Справа и слева из него торчали какие-то поршни, соединенные коленчатыми сочленениями, увитые шлангами и металлическими усиками,

увешанные сервомоторами и черными блюдцами-присосками. Оценить возраст этой штуковины было трудно. Может быть, ее соорудили еще при американо, а может быть, собрали из готовых элементов позже, после эпидемии. Как бы то ни было, она выглядела не слишком надежной. Однако в центре находилась крошечная кабинка с двумя глубокими пухлыми креслами и примитивным пультом управления. По сравнению с ней показался бы просторным даже салон древнего автомобиля.

— Слово за вами, — сказал я.

— Это робот-обходчик, — объяснил Квирренбах. — Машина, на которой перемещались внутри труб — искали протечки, слабые участки и прочее. А теперь... Впрочем, догадайтесь сами.

— Система транспортировки.

Я разглядывал это чудо техники, прикидывая шанс на выживание при его эксплуатации.

— Примите мои поздравления, отличная идея. И как долго добираться до конечного пункта?

— Я ездил на обходчике только раз. Мало похоже на увеселительную прогулку.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Час или два — надо спуститься ниже уровня туманов. Столько же времени на обратный путь. Не советую задерживаться там надолго.

— Чудесно. Я тоже этого не планирую. Как думаете, я сойду за своего, если приеду в этой штуковине?

Он задумчиво оглядел меня:

— Этим маршрутом пользуются только доверенные лица. На вас сюртук Вадима — значит, вы поставщик или кто-то из их компании. Только не сболтните лишнего. Просто скажите любому, кто вас встретит, что пришли повидать Гидеона.

— Проще некуда.

— Ничего сложного. А с машиной справится и обезьяна, не в обиду будет сказано. — Квирренбах нервно улыбнулся. — Поверьте, это действительно легко. Не должно быть никаких проблем — и по прибытии тоже.

— Конечно, — согласился я. — Особенно если вы составите мне компанию.

— Неудачная шутка, Таннер. — Квирренбах огляделся в поисках моральной поддержки.

— Таннер прав, — пожала плечами Зебра. — На мой взгляд, вполне разумный ход.

— Но я никогда не был близок к Гидеону. Вряд ли ко мне отнесутся серьезнее, чем к Таннеру. А если спросят, что мы тут делаем?

Зебра зло поглядела на него:

— Значит, ты что-нибудь сымпровизируешь, засранец. Например, услышал, что Гидеон захворал, и тебе захотелось убедиться в этом лично. Или поступают жалобы на качество «топлива»... Кстати, неплохой вариант. По крайней мере, мою сестру под этим предлогом допустили к Гидеону.

— А вы знаете, на какое расстояние?

— В общем... постарайся, Квирренбах. Я уверена: Таннер окажет тебе всестороннюю поддержку.

— Я не поеду.

Зебра качнула в его сторону винтовкой:

— Вы уверены?

Квирренбах поглядел на дуло винтовки, потом на Зебру и насутился:

— Черт бы вас побрал... и вас тоже, Тарин. Мирабель, считайте, что путь назад вам заказан. Я больше не желаю иметь с вами дел.

— Кажется, нам пора в машину.

Я повернулся к Зебре и Шантерели:

— Будьте осторожны. Не думаю, что здесь вам что-нибудь угрожает, но все равно смотрите в оба. Надеюсь вернуться через несколько часов. Дождетесь?

— Само собой, мы бы дождались, — ответила Зебра, — но у меня несколько иные планы. В этой штуковине вполне поместятся трое. Если Шантерель сможет продержаться...

Шантерель пожала плечами:

— Мне не слишком улыбается просидеть несколько часов в одиночестве... но, пожалуй, здесь все-таки лучше, чем внизу. Если не ошибаюсь, вас зовет сестринский долг?

Зебра кивнула:

— На моем месте она сделала бы то же самое.

— Надеюсь, ваша поездка себя оправдает.

— Не подвергайте себя лишней опасности, — предупредил я Шантерель. — Если что, мы сумеем выбраться. Знаете, где стоит наша машина.

— За меня не беспокойтесь, Таннер. Позаботьтесь лучше о себе.

— Что поделать, профессиональная привычка.

И я с напускным дружелюбием хлопнул Квирренбаха по плечу. Правда, я предпочел бы сделать это искренне.

— Ну как, готовы? Надеюсь, на вас снизойдет вдохновение. Как-никак путешествие нам предстоит весьма и весьма неприятное.

Он мрачно посмотрел на меня:

— Не надо об этом, Таннер.

Что бы ни говорила Зебра, но в кабинке робота едва хватало места для двоих. После того как Зебра присоединилась к нам, стало, мягко говоря, тесновато. Похоже, она судила по себе — не вполне человеческое сложение и сверхъестественная гибкость позволили ей разместиться с минимумом дискомфорта.

— О боже... — заметила она. — Надеюсь, поездка не затянется.

— Заводите, — приказал я Квирренбаху.

— Таннер, еще есть...

— Заводите эту чертову машину, — сказала Зебра. — Иначе вам даже не придется сочинять себе реквием.

Довод прозвучал убедительно. Квирренбах нажал кнопку, машина ожила и, дребезжа, поползла по трубе. Принцип движения был явно позаимствован у сороконожек. Передняя и задняя секции двигались рывками, блюдца-присоски звучно припечатывались к стенам, но середина, где сидели мы, ни разу не дернулась. Пар ушел из тоннеля, но металлические стены дышали жаром, а воздух казался раскаленным, как в преисподней. Тесно, темно — только главные рычаги управления перед нашими сиденьями слабо подсвечивались.

Чудовищное давление пара отполировало стены трубопровода до зеркального блеска. Поначалу труба тянулась горизонтально, а потом принялась извиваться все больше и больше и наконец приняла почти вертикальное положение. Теперь мое кресло превратилось в рюкзак для ношения младенца за спиной — безумно неудобная конструкция. Покачиваясь в нем, я ни на миг не забывал о том, что подо мной несколько километров пустоты и меня удерживает лишь разница давления, прижимающая присоски робота к стенкам трубопровода.

— Если не ошибаюсь, мы направляемся к крекинг-станции? — осведомилась Зебра, напрягая голос, чтобы перекрыть грохот. — Именно там наркотик делают?

— Вполне логично, — отозвался я.

Она словно прочла мои мысли: я как раз думал об этой станции. Из нее выходили все трубы — могучая корневая система Города. Станция гнездилась глубоко в Бездне, прячась в клубах вечного тумана. Именно там находились гигантские преобразующие механизмы, которые всасывали горячие ядовитые газы, поднимающиеся из Бездны.

— Вряд ли персонал, обслуживающий эту систему, кому-то подотчетен, — продолжал я. — И безусловно, он располагает самыми современными реактивами, которые можно использовать для синтеза какого-нибудь вещества — например, «топлива грез».

— Как думаешь, здесь все работают в условиях секретности?

— Вряд ли. Разве что горстка рабочих, которые занимаются непосредственно синтезом «топлива». Эти, скорее всего, не знакомы никому из служащих. Я прав, мистер Квирренбах?

Композитор щелкнул каким-то рычагом на пульте. Наша скорость существенно возросла, а шлепки присосок превратились в гулкую барабанную дробь.

— Я уже говорил вам, — отозвался он. — Меня никогда не допускали так близко к источнику.

— Но хоть что-то вам известно? Ну, хотя бы относительно синтеза?

— А почему это вас интересует?

— Потому что я не понимаю, какой в этом смысл, — сказал я. — Из-за чумы многие вещи стали бесполезными. Например, имплантаты, по крайней мере самые сложные. Субклеточные нанороботы... как вы их называете — наномеды? Кажется, постлесмертных это в восторг не привело. Их здоровье, насколько я понимаю, в некотором отношении зависело от этой машинерии. Теперь приходится обходиться без нее.

— И что дальше?

— Совершенно неожиданно появляется нечто новое. Оно решает те же задачи, только справляется еще лучше. Пользоваться «топливом грез» может даже ребенок — его не нужно приспособливать под нужды каждого отдельного человека. Оно исцеляет раны и восстанавливает память...

Я вспомнил зачумленного, который корчился на земле, с безумной жадностью собирая капли алой жидкости, хотя болезнь уже поразила половину его тела.

— Оно даже может защитить от чумы, — если вы не желаете отказаться от своей механической начинки. Это настолько хорошо, что кажется фантастикой.

— И что из этого следует? — спросил Квирренбах.

— Из этого закономерно следует вопрос: почему таким замечательным изобретением мы обязаны, по большому счету, преступникам? Сильно сомневаюсь, что «топливо» появилось до эпидемии, когда у Города было достаточно средств для разработки новых замечательных технологий. А что теперь? В некоторых районах Мульчи нет даже паровой энергии. Анклавы Полога, где в ходу высокие технологии, можно пересчитать по пальцам, но тамошние жители больше увлечены «Игрой», чем изобретением чудодейственных препаратов. Как ни странно, именно им удалось до этого додуматься — очень похоже на то, хотя поставки «топлива» и сокращаются.

— До эпидемии «топлива» не было, — вмешалась Зебра.

Я кивнул:

— Слишком много совпадений. Это наводит на размышления. Может быть, у болезни и лекарства общее происхождение?

— Только не льстите себе: вы не первый, кому это пришло в голову.

— Даже не думал льстить. — Я вытер вспотевший лоб — такое ощущение, будто целый час провел в сауне. — Но согласитесь, что это вполне логично.

— Не знаю. Я бы не сказал, что меня это слишком интересует.

— Хотя от этого, возможно, зависит судьба Города?

— Вы уверены? От этого зависят послесмертные, но их не более десяти тысяч. «Топливо грез» представляет ценность для тех, кто на нем «сидит», но для большинства оно не имеет значения. Допустим, этих десяти тысяч не станет — мне все равно. Пройдет какая-нибудь пара столетий, и все, что здесь происходит, сделается лишь незначительным фактом истории. Сейчас передо мной стоит более серьезная и масштабная задача.

Во время этого монолога Квирренбах лихорадочно перебирал рычаги на панели управления.

— Я действительно композитор. Все остальное — просто жалкая трата времени. С другой стороны, вы... честно говоря, Таннер, я вас не понимаю. Да, возможно, вы что-то обещали Тарин. Но ваш интерес к «топливу грез» был очевиден с того момента, когда мы обыскивали каюту Вадима. Не спорю, вы могли по собственной инициативе отправиться сюда, чтобы убить Арджента Рейвича, но не для того же, чтобы выявить мелкие недостатки на подпольной фабрике.

— Возникло небольшое осложнение, Квирренбах.

— И какое?

— «Топливо грез». Что-то наводит меня на мысль, что я видел его раньше. Не здесь.

Вход удалось найти. В течение получаса шаттл вился вокруг корабля, и в результате Небесный, Норкинко и Гомес обнаружили отверстие, через которое, скорее всего, проникли внутрь Оливейра и Лаго. Оно оказалось в каких-то двадцати метрах от того места, где был пристыкован шаттл Оливейры, там, где «хребет» соединялся с корпусом корабля. В первый момент Небесный не заметил отверстия: будучи совсем крошечным, оно терялось среди «нарывов», изуродовавших корпус.

— Думаю, нам стоит вернуться, — сказал Гомес.

— Мы идем внутрь.

— Ты не слышал, что сказал Оливейра? А то, что эта посуда выглядит немного странно, тебя не смущает? Такое чувство, что ее слепили кое-как, по образу и подобию наших кораблей.

— Да, это меня смущает. Именно поэтому мне надо попасть внутрь.

— Лаго это уже сделал.

— Значит, мы рискуем на него нарваться.

Небесный был настроен решительно. Он даже не потрудился снять шлем после того, как прошел через воздушный шлюз.

— Мне тоже хочется посмотреть, что там, — признался Норкинко.

— Хотя бы один из нас должен оставаться в шаттле, — сказал Гомес. — Шаттл, который нас засек, может появиться в ближайшие часы. Так что неплохо бы кому-то быть наготове, чтобы об этом позаботиться.

— Прекрасно, — кивнул Небесный. — Значит, у нас есть доброволец.

— Я не имел в виду...

— Меня не интересует, что ты имел в виду. Просто прими мое предложение. Если у нас с Норкинко возникнут неприятности, ты узнаешь об этом первым.

Они покинули шаттл и запустили портативные реактивные двигатели, чтобы пересечь короткое расстояние до корпуса «Калеуче».

Небесный и Норкинко приземлились возле отверстия. Обшивка ходила ходуном, точно пружинный матрас. Удерживаться на ногах удавалось лишь с помощью присосок на подошвах.

Вопрос, который они очень не хотели себе задавать, стоял теперь ребром. Каким образом обшивка корабля превратилась в нечто вроде губки? С металлом такое в принципе не может произойти, даже если рядом случится аннигиляция. Нет, что бы здесь ни стряслось, это не укладывается в привычные рамки. Казалось, обшивку корабля-призрака до последнего атома заменили иным, до жути пластичным материалом, воссоздав мельчайшие детали, но сходство было чисто внешним. Сохранились форма, текстура и даже цвет, но все это не работало. «Калеуче» походил на грубый слепок настоящего корабля. Небесный поймал себя на мысли, что сомневается в реальности происходящего. Действительно ли он стоит на обшивке «Калеуче» или это только кажется?

Небесный и Норкинко подошли к отверстию, целясь из лучевых ружей в темноту. Рваная обугленная кромка напоминала приоткрытый рот с морщинистыми губами. Потом на глубине двух метров мягко блеснула в луче фонаря густая волокнистая масса на стенах «колодца». Похоже на арматурную сетку из алмазных волокон, покрытую быстрозастывающим синтетическим клеем, — таким образом заделываются пробоины в корпусе. Видимо, Оливейра обнаружил слабое место, надо же, не пожалел времени на обследование корпуса корабля и составление карты плотности, после чего вскрыл обшивку лазерным резакон или выхлопом из дюз шаттла. Пробив тоннель, распылил по его внутренней поверхности герметик, который входит в ремкомплект шаттла, — скорее всего, чтобы стенки не могли внезапно сомкнуться.

— Попробуем здесь, — сказал Небесный. — Видать, Оливейра нашел удачное решение. Нет смысла второй раз делать то же самое, у нас слишком мало времени.

Прежде всего нужно было настроить инерциальные компасы на запястьях скафандров, выбрав точкой отсчета нынешнюю позицию. «Калеуче» не вращался, ни вдоль продольной оси, ни вдоль поперечной, так что внутри они не заблудятся. Даже если компасы дадут сбой, трос поможет вернуться через «рану» в корпусе.

Поймав себя на этой мысли, Небесный остановился. Почему он назвал дыру в корпусе раной?

Они полезли внутрь, Небесный шел первым. Сразу за отверстием начинался тоннель с грубыми стенами, который уходил вглубь метров на десять-двенадцать. Будь это «Сантьяго», они бы давно миновали все слои обшивки и оказались в лабиринте из тесных служебных камер и сейчас протискивались бы сквозь паутину коммуникационных линий, силовых кабелей и труб системы охлаждения, а может быть, даже шли по одному из железнодорожных тоннелей.

Возможно, именно отсюда скважина более или менее непрерывно тянется на несколько метров? Небесный не без оснований полагал, что это не так.

Стены скважины или тоннеля, или чего бы там ни было, становились все более твердыми и блестящими. Они напоминали уже не слоновою шкуру, а хитиновый панцирь насекомого. Небесный направил луч фонарика в темноту, и впереди забликовала черная глянцевая поверхность. Но тоннель не заканчивался тупиком, как показалось в первый момент, а резко поворачивал вправо. Через изгиб едва удалось пролезть — ранец с двигателями прибавлял скафандру громоздкости. К счастью, стенки тоннеля были гладкими — не нужно опасаться разрыва скафандра или потери чего-нибудь из оборудования. Оглянувшись, Небесный увидел, как Норкинко пробирается следом — не без труда, поскольку был крупнее.

После этого тоннель расширился. Идти стало легче. Время от времени Небесный останавливался и просил Норкинко убедиться, что трос разматывается без помех и его натяжение не ослабло, хотя инерциальные компасы исправно отмечали все перемещения людей относительно отправного пункта.

Небесный проверил радиосвязь:

— Гомес? Как меня слышишь?

— Четко и ясно. Что вы обнаружили?

— Пока еще ничего. Но можешь быть уверен: это не «Калечуе». Мы с Норкинко прошли уже метров двадцать, и вокруг по-прежнему твердое вещество.

— Так не бывает, — после минутной паузы добавил Норкинко.

— Верно, если считать, что мы на корабле наподобие нашего. Но это не так. Мы получили огромный сюрприз.

— Но ты согласен, что этот корабль отправили с Земли после отлета Флотилии?

— Нет. Прошло всего около ста лет, Гомес. Не думаю, что до такого можно додуматься за столь короткий срок. Корабль совершенно не похож на продукт человеческой цивилизации. Я вообще сомневаюсь, что мы находимся внутри машины.

— Чем бы это ни было, но на вид — корабль Флотилии.

— Пока не приглядишься как следует. По-моему, он специально изменил форму, чтобы ввести нас в заблуждение. Что-то вроде маскировки. И ведь он своего добился! Тит... мой отец считал, что все это можно объяснить неким событием, относительно недавним. Знай он, что нас преследует чужой корабль, все могло бы сложиться по-другому.

— И что бы он, по-твоему, сделал?

— Не знаю. Ну... например, оповестил бы другие корабли. Во всяком случае, понял бы, что нам грозит опасность.

— Возможно, он был прав...

В этот момент что-то произошло. Небесный и Норкинко скорее почувствовали шум, чем услышали его, — словно где-то ударил гигантский колокол. Вокруг был вакуум, поэтому они явственно ощутили вибрацию корпуса.

— Что за чертовщина, Гомес?

— Не знаю, — слабо отозвался Гомес. — Здесь ничего не происходит. Только теперь вас почти не слышно.

Мы спускались уже без малого два часа, когда далеко в глубине, куда вертикально уходила труба, что-то появилось.

Это было тусклое золотистое сияние, и оно приближалось.

Я все еще размышлял над только что пережитыми событиями. Меня не оставил страх, с которым Небесный входил в нут-

ро «Калеуче», и этот страх имел металлический привкус, словно во рту я держал пулю. Я тоже спускаюсь в темноту, тоже надеюсь получить ответ — или вознаграждение. Сознаю, что подвергаюсь огромной опасности, и понятия не имею о том, что ждет впереди. Совпадение было потрясающим, и от этого мороз шел по коже. Теперь Небесный был не просто образом, заполонившим мое сознание. Он управлял мной как кукловод, заставляя повторять его шаги... а ниточки тянулись сквозь столетия.

Я сжал кулак. Сейчас рука снова закровоточит, как во время последнего видения.

Но на ладони не появилось ни капли крови.

Робот-обходчик продолжал с грохотом ползти вниз по трубе. Квирренбаху больше не удалось добиться, чтобы тот увеличил скорость. Жара была почти невыносимой. Еще три часа, и мы просто умрем от обезвоживания.

Но в трубе становилось все светлее.

Скоро я понял почему: секция трубопровода, к которой мы приближались, была сделана из грязного стекла. Квирренбах заставил кабину вращаться вокруг оси, так что не думаю, что снаружи можно было разглядеть, кто спускается по трубе. Но у меня по-прежнему был хороший обзор. Трубопровод тянулся через темное помещение, похожее на пещеру. Повсюду, точно гроздь, висели какие-то устройства — огромные емкости наподобие доменных печей, соединенные паутиной блестящих шлангов, похожих на кровеносные сосуды, кабелей и тонких мостиков. На полу, точно стадо спящих бронтозавров, рядами стояли могучие турбины.

Мы почти добрались до крекинг-станции.

Я оглядывался, пораженный размерами этого помещения и тишиной.

— Похоже, ни одного дежурного, — заметила Зебра.

— Это нормально? — спросил я.

— Да, — ответил Квирренбах. — Здесь все автоматизировано. И мне бы ужасно не хотелось, чтобы именно сегодня сюда пришли дежурные... и обнаружили нас.

Справа и слева тянулись многочисленные трубопроводы — наподобие того, по которому мы спускались. Они достигали круглого полупрозрачного перекрытия на подпорках из темного металла и проходили сквозь него. Ниже был лишь пепельно-серый туман — крекинг-станция располагалась глубоко в Безд-

не и обычно пряталась под ее клубами. Лишь иногда спираль восходящего теплового потока на мгновение рассекала туман, позволяя увидеть каменные стены, отвесно уходящие в недра планеты. Далеко в вышине, точно антенна, торчал Стебель — туда меня водила Сибиллина, чтобы показать прыжки в туман. Это было всего два дня назад, но мне казалось, что прошла вечность.

Мы были в Бездне.

Робот-обходчик полз и полз. Сначала я думал, что мы высадимся где-нибудь на полу крекинговой камеры, но Квирренбах спокойно продолжал вести машину вниз, в темноту, сквозь перекрытие, на котором стояли турбины. Может быть, там есть еще одно помещение? Какое-то время я тешил себя этой мыслью... пока не понял, что мы забрались слишком глубоко.

Труба, по которой мы двигались, проходила сквозь крекинг-станцию.

Спуск продолжался. Трубопровод несколько раз поворачивал, потом шел почти горизонтально, потом вновь под уклон. Жара стала невыносимой, и я едва держался на грани обморока. Губы пересохли, и мысль о стакане холодной воды превратилась в нечто вроде психологической пытки. Не представляю, каким образом удалось не отключиться. Наверное, я просто знал, что мне понадобится ясная голова, когда робот наконец доставит нас куда следует.

Еще тридцать-сорок минут, и внизу снова засиял свет.

Похоже, наше путешествие закончилось.

— Только этого не хватало... Норкинко, проверь...

Не договорив, Небесный посветил фонариком в шахту, откуда они пришли. Трос, секунду назад натянутый как струна, провис, словно стал длиннее. Похоже, перебит где-то ближе к середине.

— Идем-ка отсюда, и поскорее, — сказал Норкинко. — Мы не успели забраться далеко, так что сможем вернуться на шаттл.

— Ты предлагаешь выйти сквозь обшивку? Трос не мог оборваться сам по себе.

— У Гомеса на шаттле есть специальный резак. Он сможет вытащить нас — он знает, где мы находимся.

Небесный задумался. Спору нет, Норкинко прав. Любой здравомыслящий человек сделает все возможное, чтобы вы-

браться наружу. Именно этого желала некая часть личности Хаусманна. Но другая твердо решила разгадать тайну этого корабля, и она была сильнее. Теперь можно не сомневаться: «Калеуче» создан кем угодно, только не людьми. Это означает, что обнаружено первое в истории человечества свидетельство существования иного разума. Но самое удивительное то, что «Калеуче» присоединился к Флотилии. Шанс обнаружить медленные хрупкие ковчеги в бесконечности космоса был ничтожно мал. И чужак не пытался установить контакт, предпочитая десятки лет следовать за землянами словно тень...

А что внутри? Корабельное имущество, на которое они рассчитывали, даже запасы антивещества — это ничтожная малость по сравнению с тем, что находится на борту «Калеуче» и ждет инвентаризации. Каким образом кораблю удастся идти с той же скоростью, что и Флотилии, — восемь процентов скорости света, не больше и не меньше? И почему-то кажется, для чужака это не составляет труда. Где-то в глубине, в конце одного из тоннелей, больше похожих на червоточины, должны находиться привычного вида устройства, которые позволяют разогнать корабль до максимальной скорости. В любой момент их можно запустить снова. Не обязательно разобравшись, как они работают, но сделав так, чтобы они заработали.

И нельзя исключать, что это произойдет очень скоро.

Нужно двигаться дальше. Иначе все труды пропадут даром.

— Продолжаем, — сказал Небесный. — В ближайший час точно что-нибудь обнаружим. Постараемся не заблудиться. Компасы в порядке?

— Мне все это не нравится, Небесный.

— Естественно. Но подумай о том, что ты здесь можешь узнать. У тебя уникальный шанс понять, как функционирует этот корабль, добраться до его информационных сетей, до протоколов передачи данных, до базовых принципов его конструкции... Возможно, они совершенно чужие для нас; возможно, образ мышления создателей этого корабля так же далек от нашего, как, скажем, цепочка молекул ДНК от мономолекулярного полимера. Нужен особый склад ума, чтобы постичь хотя бы основы. И только не говори, что тебе это совсем не интересно.

— Чтоб тебе в аду сгореть, Небесный.

— Считаю это положительным ответом.

Робот-обходчик перевел стрелку и повернул в другое ответвление трубы — похожее на ветку, обнаруженную на поверхности Квирренбахом. Присоски стучали все реже, все глуше и наконец смолкли. Лишь доносилось слабое тиканье какого-то механизма.

Стало очень темно и тихо, только где-то вдали в трубах рокотал перегретый пар. Я коснулся пальцем горячей металлической стенки и ощутил едва уловимую дрожь. Будем надеяться, это не означает, что на нас несется облако раскаленного пара, сжатого под давлением в тысячу атмосфер.

— Еще не поздно вернуться, — заметил Квирренбах.

— И где ваше природное любопытство?

Черт возьми! Я чувствовал себя Небесным, уговаривающим Норкинко!

— Где? Примерно в восьми километрах над нами.

В эту минуту кто-то отодвинул панель в стенке трубы и посмотрел на нас как на кучу дерьма, которую по ошибке прислали из Города Бездны.

— Тебя я знаю, — кивнул незнакомец Квирренбаху, после чего обратился ко мне и Зебре: — Тебя в первый раз вижу. И ее тоже.

— Сам-то что за хрен с горы? — проворчал я.

С подобными типами только так и можно разговаривать, конечно, если хочешь, чтобы тебя принимали за человека.

Говоря, я вылезал из кабинки, поскольку вот уже несколько часов мечтал размять ноги.

— Для начала покажи, где здесь можно промочить горло.

— Ты кто?

— Мать твою! Человек попросил глоток воды. Что-то не так? Или у тебя уши свиным дерьмом забиты?

Кажется, до него дошло. Если я правильно понял, этот парень не самая главная птица в гнезде. Специфика его работы предполагает необходимость выслушивать оскорбления от посетителей рангом повыше.

— Ладно, приятель, без обид.

— Ратко, это Таннер Мирабель. — Квирренбах наконец-то решил нас представить. — А это... Зебра. Я уже позвонил и сообщил, что мы спускаемся к Гидеону.

— Ага, — подтвердил я. — И если ты еще не въехал в тему, то это твоя гребаная проблема, а не моя.

Мой тон явно подействовал на Квирренбаха — настолько, что он решил поддержать меня:

— Это правда. И дай человеку воды... твою растакую мамашу. — Он вытер рукавом пересохшие губы. — И мне тоже, педрила гнойный.

— Педрила?! Классно, Квирренбах! Правда, классно. — Охранник похлопал его по спине. — Ты, никак, записался на курсы повышения самооценки? Продолжай в том же духе, тебе полезно.

Он посмотрел на меня почти с приязнью, как профессионал на профессионала:

— Ладно, топайте за мной.

Следуя за Ратко, мы покинули помещение, в которое перешли из трубопровода. Понять настроение охранника было не просто: его глаза прятались за серыми очками-консервами, усаженными массой хитроумных датчиков. Он был в сюртуке, похожем на Вадимов, но покороче, а блестящие заплаты выглядели более аккуратными.

— Итак, ребята, — произнес Ратко, — что привело вас сюда?

— Считай это проверкой качества продукции, — предложил я.

— Насколько мне известно, никто не жаловался.

— Значит, вы плохо слушали, — сказала Зебра. — Сейчас это основная проблема.

— Серьезно?

— Вот именно, — подтвердил я. — И дело не в том, что «топлива» не хватает. Проблема в очистке. Мы с Зеброй снабжаем клиентов вплоть до Ржавого Пояса. И получаем жалобы. — Я добавил в голос грозной назидательности. — Это означает только одно: где-то в цепи поставок — отсюда до Пояса — ослабла пара звеньев. Я не полениюсь и проверю все, уж не сомневайтесь. Другой вариант — проблема с сырьем. Может быть, его разбавляют или с чем-то смешивают... Вот почему мы прибыли сюда лично при содействии господина Квирренбаха. Мы хотим убедиться, что от начала и до конца технологического процесса ничто не ухудшает «топливо грез». Если нет — значит кто-то кому-то врет. Тогда в этом море дерьма разразится шторм не меньше десяти баллов. В любом случае кое у кого будут проблемы...

— Эй, подожди... — заволновался Ратко, поднимая руку.

— Так что лучше делать все по порядку, то есть начинать проверку с источника. И вряд ли кто-то разъяснит ситуацию лучше, чем Гидеон...

А теперь подбросим наживку:

— Но я слышал, что он склонен к уединению.

— А что ему еще остается?

Я рассмеялся, надеясь, что притворство не будет замечено. Шутку я не счел смешной в отличие от ее автора, человека в сенсорных очках.

— Пожалуй, ты прав.

Я сменил тон. Похоже, уважение я уже заслужил, и теперь можно позволить себе шаг навстречу.

— Может, поговорим по-простому? Как насчет того, чтобы развеять мои сомнения? Думаю, будет достаточно... пробного образца, назовем это так.

— В чем проблема? — Ратко с готовностью достал из кармана и протянул мне темно-красный пузырек. — А ты, как я посмотрю, не дурак воспользоваться служебным положением.

Я взял пузырек, Зебра подала свадебный пистолет. Это просто необходимость. «Топливо» поможет мне чуть-чуть разобратся в собственном прошлом.

— Угадал, парень, — ответил я.

Небесный и Норкинко шли вперед, подозрительно считывая показания инерциальных компасов. Тоннель изобилдовал развилками и крутыми поворотами, но дисплеи на лицевых щитках исправно показывали их местонахождение, положение шаттла и пройденный маршрут. Даже если на обратном пути возникнет какое-то препятствие, они вряд ли заблудятся. Выбранный ими курс вел через центр корабля в головную часть — там должна была находиться главная рубка.

Минут через пять по тоннелю снова разнеслось гулкое эхо. Корабль завибрировал, как гигантский гонг, — на этот раз чуть сильнее, чем в прошлый раз.

— Хватит, — сказал Норкинко. — Теперь пошли обратно.

— Нет, еще рано. К тому же мы потеряли трос. Пути назад нет — значит, остается только шагать дальше.

Норкинко неохотно последовал за Небесным. Вдруг атмосферные датчики начали регистрировать следы азота и кисло-

рода в вакууме. Похоже, воздух понемногу сочился в шахту. Может быть, грохот, чьи отголоски доносились сюда, сопровождал работу гигантских шлюзов инопланетного корабля?

— Впереди свет, — сказал Небесный.

Давление уже достигло одной атмосферы, и оно продолжало расти.

Он выключил свой фонарь, приказав Норкинко сделать так же. На миг все скрылось во мгле. Небесный вздрогнул, вновь ощущая страх перед темнотой, с которым так и не научился справляться — страх, пережитый им когда-то в детской. Но вскоре глаза попривыкли к рассеянному свету, — казалось, фонари горят по-прежнему. Пожалуй, даже стало светлее — бледно-желтое сияние заливало тоннель на многие десятки метров вперед.

— Небесный?

— Что?

— Кажется, мы ползем вниз.

Небесному хотелось рассмеяться, пристыдить Норкинко, но он чувствовал то же самое. Что-то прижимало его к стенке шахты. По мере того как он шел или, вернее, полз вперед, давление усиливалось. И вот уже не избавиться от ощущения, что он вновь на борту «Сантьяго», где вращение создает псевдогравитацию. Однако чужой корабль не вращался и не набирал скорость.

— Гомес?

— На связи. Где вы находитесь? — Голос был еле слышен.

— Внутри. Поблизости от главной рубки.

— Ты ошибаешься, Небесный.

— Так показывают инерциальные компасы.

— Значит, они дали сбой. Ваши сигналы приходят с середины «хребта».

Небесного снова охватил страх, словно он вновь оказался в темноте. Двигаясь почти ползком, они никоим образом не могли забраться так далеко — прошло слишком мало времени. Может быть, корпус трансформировался изнутри, чтобы помочь им быстрее оказаться в нужной точке? Радиоволны не могут ошибаться — Гомес должен довольно точно определять местоположение товарищей путем сигнальной триангуляции, несмотря на помехи, создаваемые массой корпуса. Значит, дело в инер-

циальном компасе — он врет с той минуты, как Небесный и Норкинко оказались внутри. Теперь они перемещаются в статическом гравитационном поле или в чем-то подобном, при-сущем тоннелю, — это не иллюзия, вызванная вращением корабля или ускорением. Похоже, поле тащит их в случайном направлении, которое определяется только геометрией шахты. Неудивительно, что инерциальные компасы стали бесполезны. Гравитация и инерция столь тесно связаны, что невозможно влиять на одно, не изменяя другого.

— Должно быть, у них полный контроль над полем Хиггса, — проговорил изумленный Норкинко. — Жаль, что Гомеса здесь нет. Он точно нашел бы подходящую теорию.

Такая теория существовала. Согласно ей поле Хиггса, о котором говорил Норкинко, пронизывало весь космос, всю материю. Масса и инерция не считались неотъемлемыми свойствами фундаментальных частиц. Они проявлялись как результат сопротивления, которое создается при движении частицы в поле Хиггса, подобно тому как знаменитость пробирается через набитый поклонниками зал. По мнению Норкинко, создатели корабля придумали, как помочь «знаменитости» пройти через «толпу» без задержек или хотя бы с минимальной потерей времени. Скорее всего, они научились увеличивать или уменьшать плотность «толпы» и способность «поклонников» досаждать «знаменитости». Понятно, что это весьма приблизительное описание. И Гомес, и даже Норкинко обычно начинали с метафор, прежде чем представить блестящее математическое решение проблемы. Но для Небесного этого было достаточно. Создатели корабля управляли гравитацией и инерцией с той же легкостью, с какой включали или гасили этот мерзкий желтый свет.

Значит, его догадка верна. Если на корабле существует нечто способное обучить его таким вещам... Можно представить, что это даст Флотилии или хотя бы «Сантьяго». Корабли не первый год сбрасывают балласт, чтобы оттянуть торможение до последней секунды. А если просто «выключить» массу «Сантьяго», как выключают свет в комнате? Тогда удастся войти в систему Суона на восьми процентах скорости света и застыть на орбите Пункта Назначения, мгновенно сбросив скорость. Хорошо, пусть получится не столь впечатляюще. Но даже если удаст-

ся уменьшить инерцию корабля хотя бы на несколько процентов, он готов рискнуть.

Внешнее давление давно превысило полторы атмосферы, оно продолжало подниматься, хотя и медленнее. Воздух был теплым, тяжелым от влаги и газов — безвредных, но не присутствующих в таких объемах в дыхательной смеси, к которой Небесный привык. Гравитация достигла половины g ; время от времени она чуть уменьшалась или подрастала, но не превышала этой величины. Тошнотворный свет сделался настолько ярким, что можно было читать. То и дело приходилось перебираться через углубления в полу шахты, наполненные густой темной жидкостью. Везде были ее следы, кроваво-красные мазки, покрывающие все поверхности.

— Небесный? Это Гомес.

— Говори. Я тебя почти не слышу.

— Небесный, в нашу сторону летят два «такси». Через пять часов пожалуют гости. Они знают, что мы здесь. Я рискнул направить на них радар, чтобы определить расстояние.

Отлично. Наверное, в этой ситуации Небесный поступил бы так же.

— Оставь их в покое. Не разговаривай с ними и не давай понять, что мы с «Сантьяго».

— Выбирайтесь оттуда скорее, слышите? Мы успеем удрать.

— Нам с Норкинко еще надо кое-что сделать.

— Эй, похоже, ты не понял...

Небесный отключил связь. В непосредственной близости от него происходило нечто куда более интересное, чем приближение шаттлов. Навстречу, вверх по стволу шахты, что-то двигалось. Жирное бело-розовое тело ползло, неуклюже изгибаясь. Больше всего оно смахивало на личинку.

— Норкинко, — произнес Небесный, направляя оружие и целясь вниз, — похоже, нас встречают. — Он не ожидал, что его голос прозвучит так испуганно.

— Я ничего не вижу. Нет, погоди... теперь вижу. Ой!..

Существо было величиной с руку. Не столь большое, чтобы нанести человеку серьезные физические повреждения. Да просто нечем наносить — Небесный не заметил даже челюстей или жвал. Лишь на переднем конце туловища торчала бахрома прозрачных щупальцев; похожая на венчик, она покачивалась при каждом движении существа. Возможно, на этих отростках есть

яд, но в скафандре можно чувствовать себя спокойно. Ничего похожего на конечности, способные причинить вред, и глаза тоже отсутствуют. Небесный мысленно перечислил эти «плюсы», потом оценил свое состояние — и с разочарованием обнаружил прежний страх.

Однако личинку, похоже, не напугало появление незваных гостей. Она лишь замерла и пошевелила отростками, точно привидение пальцами. Внезапно кольчатое бледно-розовое тело налилось ярким пурпуром. Из сочленений засочился алый, как артериальная кровь, секрет, и вскоре личинка уже лежала в лужице. Потом лужица выпустила собственные щупальца — она словно текла под уклон. У Небесного перед глазами расплывались очертания шахты. Казалось, вдруг изменил направление вектор силы тяжести. Красная жидкость продолжала прибывать, и вскоре вокруг лодыжек заплескались алые волны. В какой-то момент Небесному показалось, что он падает непонятно куда вверх ногами. По щитку шлема расплзлась алая пленка, словно жидкость хотела проникнуть в скафандр.

Затем все исчезло. Сила тяжести снова стала привычной. Едва переводя дыхание, Небесный смотрел, как личинка втягивает в себя красную жидкость. На миг тельце побагровело, затем оно понемногу бледнело, пока не приобрело прежний оттенок, — и вдруг произошло нечто странное: щупальца втянулись и тут же выросли из другого конца тела. После этого личинка, как ни в чем не бывало, уползла назад, в желтый полумрак.

И тогда раздался голос. Стены шахты задрожали. Наверное, он походил на голос божества — человеческие легкие не в состоянии исторгнуть звук такой силы.

— Приятно, когда приходят гости, — произнес он на португальском.

— Кто ты? — спросил Небесный.

— Я Лаго. Надеюсь, вы навестите меня? Это недалеко.

— А если откажемся?

— Будет жаль. Но я не задержу вас.

Раскаты громоподобного голоса стихли. Снова, как и после визита личинки, все стало по-прежнему. Небесный и Норкинко тяжело дышали, будто после хорошей пробежки.

Норкинко первым нарушил молчание:

— Мы возвращаемся на шаттл. Немедленно.

— Мы идем вперед, поскольку об этом просит Лаго.

— Нет! — Норкинко схватил Небесного за руку. — Это безумие. У тебя такая короткая память? Ты уже забыл, что здесь произошло?

— Мы получили приглашение на борт. Причем пригласил тот, кто при желании мог бы запросто нас прикончить.

— Нечто, называющее себя Лаго. Помнишь, что сказал Оливейра?

— Между прочим, он не сказал, что Лаго погиб. — Небесный пытался говорить спокойно, чтобы не выдать страх. — Оливейра сказал, с ним что-то случилось. И меня очень интересует, что именно. И не только с ним. Как я догадываюсь, этот корабль — или не корабль — может рассказать многое.

— Вот и славно. Иди, а я возвращаюсь.

— Нет, ты пойдешь со мной.

Норкинко поколебался, прежде чем ответить:

— Ты меня не заставишь.

— Конечно не заставлю. Но точно сумею тебя убедить. — На этот раз Небесный взял приятеля за плечо. — Только подумай, Норкинко: то, что здесь прячется, может разнести вдребезги все наши представления о мире. Как минимум мы узнаем нечто такое, что поможет нам достичь Пункта Назначения раньше других кораблей. И мы получим тактическое преимущество на тот случай, если кто-нибудь попытается оспорить наше право на территорию.

— Ты же на борту инопланетного корабля! И не способен думать ни о чем, кроме мелких людских дрызг? Вроде драки за клочок земли?

— Поверь, через несколько лет никто не скажет, что это мелочи. — Небесный сильнее сжал плечо Норкинко, ощущая, как сопротивляется ткань скафандра. — Подумай хорошенько, дружище! Ты не представляешь, как много зависит от нашего выбора. То, что происходит здесь и сейчас, способно изменить весь ход истории. Мы не какие-нибудь пешки, Норкинко, мы колоссы! Осознай это! И еще подумай о том, какие награды получают люди, создающие историю. Такие как мы.

Он вспомнил тайную комнату на «Сантьяго», где держал диверсанта-химерика.

— У меня далекоидущие планы, Норкинко. Когда мы достигнем Пункта Назначения, я буду в безопасности, даже если все обернется против меня. И я могу сделать так, что ты тоже

будешь в безопасности. Если же все сложится хорошо, я сделаю тебя действительно большим человеком.

— А если я не соглашусь и вернусь на шаттл?

— Не стану тебя упрекать, — мягко проговорил Небесный. — Здесь действительно страшно. Но я не обещаю, что в будущем с тобой ничего не случится.

Норкинко сбросил руку Небесного со своего плеча, а потом некоторое время молчал, задумчиво глядя в сторону.

— Ладно. Пошли. Но я не собираюсь бродить здесь больше часа.

— Я рад, — кивнул Небесный. — Знал, что тебя можно убедить.

Они продолжили путь. Теперь двигаться стало легче, поскольку шахта полого уходила вниз, — усилий требовалось не больше, чем при обычном спуске. Небесный размышлял. Каким образом та красная жидкость оказалась у его ног? Похоже, здешние хозяева столь ловко манипулируют гравитационным полем, что жидкость двигается как живая, почти мгновенно растекаясь и принимая нужную форму. Для тех, кто умеет создавать такие корабли, управление полем Хиггса — вчерашний день.

Кто бы это ни был — может, те самые личинки, но они обогнали человечество на миллионы лет. Им наверняка кажутся чем-то крайне примитивным корабли Флотилии. Возможно, они вообще сомневаются, что Флотилия создана разумными существами.

И все же она представляет для них интерес.

Шахта привела в огромную пещеру с голыми бугристыми стенами. Вход располагался довольно высоко, но внутри клубился вязкий пар, мешающий разглядеть стену напротив. Пещеру заливал тот же омерзительно-желтый свет, а пол скрывался под слоем красной жидкости — целое озеро, возможно все десять метров глубиной. И в этом озере копошились сотни личинок, отличавшихся многообразием размеров и форм. Некоторые были с человека и даже крупнее, а на щупальцах торчали отростки — органы чувств? Одна личинка паялилась на Небесного и Норкинко единственным глазом; хоть и на стебельке, он был похож на человеческий. А в самом центре озера лежала самая крупная тварь, похожая на многометрового червя; бледно-розовая туша поднималась над блестящей поверхностью. Ли-

чинка повернулась к людям, помахивая венчиком щупальцев, словно листом папоротника.

Под щупальцами находился рот — непропорционально маленький, но совершенно человеческий, с красными губами. И когда личинка заговорила уже знакомым громоподобным голосом, слова звучали вполне привычно.

— Привет, — сказала она. — Меня зовут Лаго.

Я поднял пузырек и посмотрел на просвет, прежде чем опустить в обойму. Жидкость мерцала красным и переливалась в сосуде то лениво, то с поразительной скоростью, совсем как то алое озеро в недрах «Калеуче». «Калеуче»? Нет, это было нечто непостижимое, а миф о корабле-призраке лишь питался им, точно паразит. А разве это воспоминание Небесного не таилось в каком-то уголке моего разума? Я узнал «топливо грез», едва успел его увидеть.

В том красном озере запросто можно было утонуть.

Приставив свадебный пистолет к шее, я впрыснул «топливо» в сонную артерию. Ни волны жара, ни наплыва галлюцинаций... Это вещество не было наркотиком в привычном понимании. Оно действовало на мозг в целом, а не на отдельные его зоны. Оно стремилось остановить распад клеток, устранить свежие повреждения, возвращая четкость воспоминаниям и восстанавливая связи, прерванные относительно недавно. Такое впечатление, что оно считывало какую-то запись, — словно у человеческого тела есть некая область, отражающая изменения в клеточных структурах, но с некоторым запозданием. Вот почему «топливо» могло так легко и раны исцелять, и заполнять разрывы в памяти, хотя само по себе не различало особенностей физиологии и анатомии нервной системы.

— То, что надо, — заметил Ратко. — Знаешь, дружище, я чем попало не пользуюсь.

— Но это «что попало» может поступать отсюда? — осведомилась Зебра.

— Не цепляйся к словам, детка. Все вопросы к Гидеону.

Ратко вел нас по длинным петляющим тоннелям. Они были хорошо освещены, под ногами что-то вроде настила, хотя проходы вырублены прямо в скале. Похоже, тоннели уходили от комплекса прямо в стену Бездны.

Я нарушил молчание:

— Кстати, о Гидеоне. Поговаривают, он нездоров. А кое-кто снаружи думает, что именно поэтому началась продажа всякого дерьма вместо «топлива». Он что, слишком плох, чтобы контролировать свою зону ответственности?

Кажется, я не сказал ничего лишнего. По правде говоря, я понятия не имел об истинном положении дел.

— Гидеон производит «топливо», — лаконично отозвался Ратко. — Это сейчас главное.

— Чтобы поверить в это, я должен с ним увидеться.

— Надеюсь, ты понимаешь, что картина будет не из приятных?

— Знаю, слышал, — улыбнулся я.

ГЛАВА 36

Пока Ратко вел нас к Гидеону, я позволил следующему отрывку воспроизвестись у себя в голове. Удивительно: оказывается, нетрудно вспоминать события трехсотлетней давности, сортируя их в подобие хронологического порядка и время от времени раскрывая сознание для очередного элемента мозаики. Сложилось нечто вроде ритуала. Я даже начал предугадывать развитие событий — во всяком случае, не ожидал никаких сюрпризов, будто после долгого перерыва перечитывал хорошо знакомую книгу.

Осторожно ступая по скользким выступам, Небесный и Норкинко спустились к самому краю красного озера, посреди которого лежала многометровая личинка, и она называла себя Лаго.

Небесный собрал всю волю в кулак. Незнание пугало до безумия, но он был убежден: ему суждено пройти через это и выжить.

— Лаго? — проговорил он. — Не знаю. Мне казалось, что Лаго — человек.

— Я и Лаго, и то, что существовало до него. — Громоподобный голос звучал на удивление спокойно и миролюбиво. —

Трудно объяснить это на языке Лаго, но я не только он, но и Путешествующий Бесстрашно.

— Что случилось с Лаго?

— Сложный вопрос. Прошу прощения...

Последовала пауза, во время которой из тела гигантской личинки вытекло несколько галлонов красной жидкости, потом столько же втянулось обратно.

— Теперь лучше. Гораздо лучше. Позвольте объяснить. До Лаго был лишь Путешествующий Бесстрашно, его личинки-помощницы и садок в пустоте... — Щупальца шевельнулись, словно огромное существо указывало одновременно на пол и стены пещеры. — Но потом садок в пустоте был поврежден, и многим бедным личинкам-помощницам пришлось... В памяти Лаго нет подходящего слова. Сломаться? Раствориться? Дегradировать? Но не исчезнуть полностью.

Небесный покосился на Норкинко. С тех пор как они оказались здесь, тот не произнес ни слова.

— Что случилось до того, как на твоём корабле произошла авария?

— Да. Корабль. Совершенно верно. Не садок. Корабль. Так гораздо лучше. — Рот личинки жутко скривился, из тела снова потекла красная жидкость. — Это было давно.

— Зачем вы нас преследуете?

— Вас?

— Флотилию. Пять других кораблей. Пять других... садков. — Несмотря на страх, Небесный уже испытывал раздражение. — Черт возьми, это не так сложно. — Он протянул сжатую в кулак руку и стал поочередно разгибать пальцы. — Один, два, три, четыре, пять. Понимаешь? Пять. Пять садков, которые построены людьми, такими как Лаго. Вы зачем-то преследуете нас. Мне хочется знать, в чем причина.

— Это было до аварии. После нее осталось только четыре садка.

Небесный кивнул. Значит, эта тварь имеет представление о том, что случилось с «Исламабадом».

— Ты плохо помнишь?

— Плохо помню, верно.

— Ну, так постарайся вспомнить. Откуда вы взялись? Что заставило вас прицепиться к Флотилии?

— Слишком много было садков. Слишком много для Путешествующего Бесстрашно, чтобы помнить каждый.

— Тебе и не надо вспоминать каждый. Просто скажи про тот, где мы находимся.

— Когда-то давно были только личинки, потом садков тоже стало много. Мы искали другие виды личинок, но не нашли.

Это значит, подумал Небесный, что в свое время команда Путешествующего Бесстрашно обследовала космос, но так и не столкнулась с разумными существами.

— И давно это было?

— Много эпох назад. Полтора оборота.

Небесного объял леденящий ужас. Возможно, он что-то не так понял... но сильно подозревал, что эта личинка говорила про оборот Млечного Пути, — срок, за который звезда проходит путь вокруг галактического центра. В среднем это более двухсот миллионов лет... Значит, видовая память личинки — если таковая есть — охватывает свыше трехсот миллионов лет космического путешествия. Когда оно началось, динозавров не существовало даже в виде эскизов проектного бюро эволюции. Речь шла о временных масштабах, в которых человечество и все его достижения были лишь слоем пыли на вершине горы.

— Рассказывай дальше.

— Потом мы нашли других личинок. Но они не были похожи на нас. Вообще не похожи на личинок. Они не захотели... терпеть нас. Они были похожи на садок в пустоте, но только... внутри тоже пустой.

Корабль без живых существ на борту.

— Разумные машины?

Личинка снова ухмыльнулась, на этот раз крайне непристойно:

— Да. Разумные машины. Голодные машины. Машины, которые едят личинок. Машины, которые едят нас.

Машины, которые едят нас.

Я думал о том, как это было сказано. Словно о каком-то досадном аспекте реальности... Так говорят, смиряясь с происходящим, зная, что винить некого. Я вспомнил отвращение, которое вызвало у меня смирение гигантской личинки.

Нет, не у меня, поправился я. У Небесного Хаусманна.

Или и у меня тоже?

Ратко по-прежнему вел нас по грубо вырубленным тоннелям подземной фабрики, где производилось «топливо грез». Иногда мы проходили через просторные, слабо освещенные помещения, где склонялись над столами рабочие в блестящих серых спецовках. Тысячи разнокалиберных пробирок и колб, громоздясь на столах, напоминали стеклянные города; небоскребами возвышались огромные реторты, наполненные мерцающей темно-красной жидкостью.

Бесчисленные декалитры «топлива грез».

В конце конвейера на аккуратных полках ждали отправки десятки заполненных пузырьков. Многие рабочие носили специальные очки вроде тех, что были на Ратко. Время от времени их линзы пощелкивали и жужжали, перенастраиваясь для очередной технологической операции.

— И куда мы направляемся? — спросил я.

— Ты хотел пить или нет?

— Думаю, мы идем к старику, — шепнул Квирренбах. — Он здесь всем заправляет, так что не стоит его недооценивать. Правда, у него довольно необычная система верования.

— Ты про Гидеона? — спросила Зебра.

— Да можно сказать и так, — отозвался Ратко, неверно истолковав ее вопрос.

Миновав еще одну анфиладу лабораторий, мы вошли в кабинет с неровными стенами, где перед огромным металлическим столом сидел иссохший старик — а может, и полулежал, разобрать было невозможно. Его тело утопало в чем-то наподобие инвалидного кресла — грубом бронированном механизме черного цвета. Из разношенных клапанов с шепотом и свистом вырывались струйки пара. Трубки, подающие питательную жидкость, тянулись от кресла к стене и уходили в нее. Как я понял, кресло отсоединялось от системы, после чего оно могло передвигаться — его поддерживали на весу колеса с тонкими изогнутыми спицами.

Тело старика терялось в складках пледа из металлизированной ткани. Вдруг наружу высунулись костлявые руки. Левая легла на невидимое колено, а правая заиграла с многочисленными черными рычажками и кнопками на подлокотнике — судя по всему, это был пульт управления.

— Здравствуйте, — сказала Зебра. — Как я понимаю, вы здесь главный.

Старик по очереди оглядел нас. Его череп неплотно облегла морщинистая кожа, местами тонкая, как старый пергамент, отчего голова казалась полупрозрачной — странное впечатление. И тем не менее его окружала аура бывшего обаяния. Я был последним, на кого он посмотрел, — его глаза походили на острые осколки замерзшего звездного света. Волевой подбородок придавал лицу почти презрительное выражение. Губы вздрагивали, будто старик собирался заговорить.

Вместо этого он снова зашарил правой рукой по пульта, держа за рычаги и нажимая кнопки с удивительным проворством. Тонкие пальцы казались сильными и опасными, как когти хищной птицы.

Наконец ладонь старика соскользнула с подлокотника. Внутри кресла что-то проснулось, я услышал торопливый шумный перестук механизмов. Когда это прекратилось, кресло заговорило. Процесс синтеза речи сопровождался мелодичным пошвыстыванием, и разобрать слова было непросто.

— Само собой. Что вам угодно?

Я изумленно уставился на него. Каким я только не представлял себе Гидеона, но такого не ожидал.

— Ратко сказал, что у вас есть вода.

Старик кивнул еле заметно, словно экономя силы. Ратко прошел к встроенному буфету, который занимал каменную нишу в углу кабинета, и вернулся с двумя стаканами. Я осушил свой одним глотком. Вполне сносно для воды, которая только что была паром. Второй Ратко предложил Зебре. Она брала стакан с некоторой опаской, но явно предпочитала умереть от отравления, чем от жажды.

Я поставил пустой стакан на обшарпанную металлическую столешницу.

— Гидеон, я представлял вас несколько иначе.

Квирренбах ткнул меня локтем.

— Это не Гидеон. Это... мм... — Он замялся и наконец буркнул: — Это старик. Я же говорил.

Старик снова опустил руку на пульт управления, отдавая креслу приказ. Оно потарахтело секунд пятнадцать, и мелодичный голос произнес:

— Нет, я не Гидеон. Но вы, вероятно, обо мне слышали. Я создал это место.

— Подземный лабиринт? — спросила Зебра.

— Нет, — ответил он после паузы, в течение которой кресло принимало очередную команду. — Не только лабиринт. Весь Город. Всю планету.

Последовала пауза, на этот раз запрограммированная стариком.

— Я Марко Феррис.

Помнится, Квирренбах говорил о необычной системе верований. Ладно, назовем это так. И все же в глубине души я не мог не испытывать сострадания к человеку в инвалидном кресле, которое приводилось в движение паром. В чем-то мы были похожи. Я тоже считал себя не тем, кем был на самом деле.

— Хорошо, Марко, — сказал я. — Ответьте на мой вопрос. Кто управляет этой фабрикой: вы или Гидеон? И существует ли вообще этот Гидеон?

Кресло застучало и защелкало.

— О, несомненно, главный здесь я, господин...

Я хотел представиться, но старик остановил меня, слабо покачав рукой. Ему было слишком тяжело прерываться на середине фразы, тем более ради такой мелочи.

— Но Гидеон тоже здесь. Гидеон всегда был здесь. Если бы не он, меня бы тут не было.

— Почему бы не отвести нас к нему? — предложила Зебра.

— Потому что в этом нет необходимости. Нужна очень веская причина, чтобы навестить Гидеона. Вы работаете со мной. Зачем втягивать в это Гидеона? Гидеон всего лишь изготовитель. Он ни в чем не разбирается.

— И все же хотелось бы перекинуться с ним парой слов, — настаивал я.

— Извините, но это совершенно невозможно. — Старик откатил кресло от стола.

Колеса с изогнутыми спицами загрохотали по полу.

— Я хочу видеть Гидеона.

— Эй! — Ратко шагнул, чтобы встать между мною и стариком, который считал себя Марко Феррисом. — Вы слышали, что он сказал?

Ратко сделал ход первым, но он был любителем. После того как я ответил, он со стоном свернулся на полу с переломом предплечья. Затем я дал знак Зebre; она наклонилась и сделала то, что пытался сделать Ратко, — вытащила его пистолет из кобуры. Теперь оба мы были вооружены. Я достал свой лучевик,

а Зебра навела пистолет Ратко на Ферриса. Или на самозванца, который называл себя Феррисом.

— Вот мои условия, — сказал я. — Отведите меня к Гидеону. Или вы отведете меня к Гидеону, вопя от боли. Что скажете?

Он снова пощелкал рычагами, и шланги, присоединенные к креслу, отвалились.

Вероятно, этот катафалк был снабжен каким-нибудь оружием, но старик трезво оценивал скорость своей реакции и предпочел не рисковать.

— Сюда, — сказал Феррис, закончив манипуляции.

Мы последовали за ним — вновь по тоннелям, спиралями уходящим вниз. Кресло катилось, пыхтя совсем по-человечески. Феррис ловко управлял им, лавируя в хитроумных закоулках. Он все больше удивлял меня. Похоже, Квирренбах и Зебра считали его выжившим из ума. Но каким он был на самом деле?

— Расскажите, как вы сюда попали, — попросил я. — И что вас связывает с Гидеоном.

Кресло снова защелкало.

— Это долгая история. Но меня часто просят рассказать ее, поэтому я держу в запасе готовый текст... Я родился на Йеллоустоне, в стальном чреве робота. Это было до того, как мы научились транспортировать живых людей от звезды к звезде. Люди выращивались из размороженных яйцеклеток, а сигналом к рождению была весть о прибытии на планету.

Феррис был американо, об этом я уже знал. Он жил задолго до Небесного Хаусманна. Та эпоха была для меня частью древней истории, наравне с парусниками конкистадоров, концентрационными лагерями и эпидемиями «черной смерти».

— Мы обнаружили Бездну, — продолжал Феррис. — Это было нечто очень странное. С Земли ее не разглядеть даже с помощью самых мощных приборов, для этого она слишком мала. Но едва мы начали исследовать этот мир, как обнаружили ее, глубокую рану в коре планеты, изрыгающую раскаленную смесь газов... После переработки этой смесью можно дышать. С точки зрения геологии это необъяснимо. О да, я знаком с некоторыми теориями — например, что в недавнем прошлом Йеллоустон перенес сближение с газовым гигантом. В коре планеты скопилась тепловая энергия, нашедшая выход на поверхность через естественные отдушины, и Бездна — одна из них. Возмож-

но, отчасти это так. Но как объяснить другие загадки Бездны? Почему состав исторгаемой ею газовой смеси совершенно не похож на состав атмосферы? Почему их температура и влажность выше, а токсичность гораздо ниже? Это выглядело почти как приглашение. По сути, так оно и оказалось. Кому, как не мне, об этом знать — именно я спустился в Бездну, чтобы изучить ее до самого дна...

Феррис спустился в Бездну в батискафе для атмосферных исследований. Он двигался по спирали все ниже и ниже, пока не оказался в слое тумана. Радар не давал ему врезаться в скалы, но путешествие оказалось опасным. Однажды утлое суденышко едва не рухнуло, когда в цепях упало напряжение. Наконец он достиг самого низкого уровня, куда мог опуститься батискаф, — тридцать километров, считая от поверхности. Дно покрывал неплотный слой каменных обломков. При посадке включился режим автоматизированного устранения неполадок, но ремонт должен был занять не один десяток часов — лишь после этого батискаф смог бы пойти вверх.

Делать было нечего. Феррис облачился в атмосферный скафандр, приспособленный для работы в экстремальных условиях, в том числе и в агрессивных средах, и приступил к изучению каменистого слоя, или щебенки, как назвал его Феррис. Из разломов поднимались струи газовой смеси — теплой, с высоким содержанием кислорода.

Феррис выбрал одну такую трещину и начал спускаться по ней. Стояла невыносимая жара. Много раз он мог разбиться насмерть, но каким-то чудом уцелел, преодолев несколько сот метров. Под щебенкой оказались другие слои, но Феррис находил щели, куда можно протиснуться, и трещины, в которые можно вбить крюк. Мысль о чудовищном риске постоянно преследовала его, но смерть казалась чем-то отвлеченным. Именно так относились к смерти перворожденные американцы. Им не приходилось видеть, как рядом стареют и умирают люди. Их подсознание было свободно от самой идеи смерти.

И это было к лучшему. Вряд ли Феррис, в полной мере осознавая степень риска, понимая, какая смерть ему грозит, решился бы отправиться вглубь.

И никогда не нашел бы Гидеона.

Должно быть, они скитались по космосу, пока не встретили кого-то, подумал Небесный. Кого-то вроде разумных роботов или кибернетических организмов.

Понемногу, с огромным трудом, он добился от Путешествующего Бесстрашно относительно связного повествования. Цивилизация личинок насчитывала миллионы лет. Это были мирные звездные странники — и такими они оставались до тех пор, пока не столкнулись с машинами. Небесный так и не понял, какие причины побудили их осваивать космос. По крайней мере, Путешествующий Бесстрашно не мог этого объяснить. Судя по всему, их вело не любопытство и не потребность в ресурсах. Жажда странствий была свойственна личинкам изначально. Развитие технологий и научный прогресс не были самоценны для них. Они лишь использовали приемы, сохранявшиеся в расовой памяти так долго, что базовые принципы были давно забыты.

В итоге, столкнувшись с машинами-пожирателями, передовые колонии личинок не сумели оказать достойного сопротивления. Машины устремились вглубь их территории. Привычный порядок вещей, который оставался неизменным на протяжении миллиардов лет, был нарушен. Но личинкам еще надо было осознать, что они подверглись нападению.

На это ушел миллион лет.

Затем личинки начали действовать — с медлительностью ледника. Они по-прежнему не сопротивлялись, скорее пытались приспособиться к новым условиям. Спасаясь от пожирателей, покидали планетарные колонии и перебирались в межзвездное пространство. Там они строили гигантские «садки», подобные астероидам. Постепенно личинкам удалось установить связь с остатками других цивилизаций. Все называли пожирателей по-разному, но все одинаково пострадали от них. Личинки перенимали полезные технологии, хотя обычно не опускались до вникания в их фундаментальные принципы. Способы управления инерцией и гравитацией им подарила симбиотическая раса гнездостроителей, технику мгновенной связи — существа, которые называли себя клоунами-прыгунами. Последние выдвинули категорическое требование: ни при каких условиях не использовать эту технику для перемещения материальных объектов в пространстве. Клоуны усматривали огромную разницу между мгновенной передачей сигналов и путешествиями

со сверхсветовой скоростью; пренебрежение этой разницей казалось им едва ли не кощунством. Если мгновенный перенос энергии в строго ограниченном ряде случаев допускался, то перенос материальных тел считался немыслимым извращением — когда вскрывались подобные факты, утонченные клоуны даже умирали от шока.

Даже самые неотесанные из молодых личинок смогли усвоить это правило.

Но ни одна из технологий, которыми владели личинки и их союзники, не позволяла справиться с пожирателями. Каждый раз машины оказывались быстрее и сильнее. Время от времени органическим цивилизациям удавалось одержать победу, но в целом преимущество было на стороне их врагов.

Небесный размышлял над этим, когда его вновь вызвал Гомес. Сигнал был слабым, но это не мешало услышать тревогу в голосе.

— Небесный, плохие новости. Оба шаттла выпустили дроны. Возможно, это просто камеры, но я подозреваю, что они снабжены противоударными боеголовками. Дроны находятся в высших точках расчетных траекторий, до нас они долетят минут через пятнадцать.

— Можешь не беспокоиться, — перебил Норкинко. — Они не атакуют, пока не прояснят ситуацию. Никто не рискнет уничтожить корабль Флотилии, на котором могут быть... хм... уцелевшие люди, запасы топлива... Помнишь, мы сами так считали?

— Ошибаешься, — возразил Небесный. — Они атакуют, хотя бы для того, чтобы отбить у нас найденное на корабле.

— Не может быть.

— Почему? Я бы поступил именно так.

Небесный приказал Гомесу затаиться и прервал связь. От часа, обещанного Норкинко, не осталось и четверти. Пожалуй, вернуться на шаттл и улететь они уже не успеют, даже если им ничто не помешает. И все-таки за это время можно кое-что сделать. Например, дослушать историю. Не исключено, что это в корне изменит ситуацию. Стараясь не думать ни о минутах, таявших все быстрее, ни о шаттлах, которые приближались к кораблю, он выразил желание дослушать рассказ личинки до конца.

Путешествующего Бесстрашно обрадовала эта просьба.

— Гидеон... — произнес старик, неожиданно прервав свое повествование, и снова зашелкал рычагами на подлокотнике кресла.

Мы находились в пещере несомненно естественного происхождения, в отверстии, пробитом в одной из ее вогнутых каменных стен, высоко над полом. Выступ, на котором мы стояли, был достаточно велик, чтобы на нем могло поместиться инвалидное кресло. Я с трудом подавил желание столкнуть Ферриса. Впрочем, мне бы это не удалось: выступ ограждали прочные перила. В том месте, где ограждения не было, виднелась спиральная лестница, уходящая вниз, на дно пещеры.

— Мать... твою! — ахнул Квирренбах, заглянув за парапет.

— Уже неплохо, — отметил я.

Честно говоря, я был бы потрясен не меньше, если бы не знал, с чем встретился Небесный на борту «Калеуче». Внизу лежала личинка, еще крупнее найденной им. Правда, личинок помощников здесь не было.

— Не совсем то, чего я ожидала, — заметила Зебра.

— Думаю, этого никто не ожидал, — отозвался из кресла старик Феррис.

— Что это за тварь, черт подери?! — выпалил Квирренбах.

Это был вопль человека, вообразившего, что он сходит с ума.

— Вы сами видите, — ответил я. — Крупное инопланетное существо. Вдобавок по-своему разумное. Такие называют себя личинками.

— Откуда... вы... знаете? — вымолвил Квирренбах, стуча зубами.

— Просто в свое время я имел удовольствие встретиться с подобным созданием.

— Когда? — спросила Зебра.

— Очень давно.

— Я... отказываюсь вас понимать, Таннер! — Похоже, маэстро был на грани истерики.

— Поверьте, я тоже не совсем себя понимаю. — Я кивнул Феррису. — Так вы действительно сотрудничаете с этим червяком?

Затарактело кресло.

— Это довольно просто. Гидеон дает нам то, в чем мы нуждаемся. Я помогаю Гидеону выжить. Разве это нельзя назвать честной сделкой?

- Вы мучите его.
- Нет, что вы. Просто иногда ему необходимо взбадривание.

Я снова взглянул вниз, на личинку. Гидеон неподвижно лежал в крутобокой металлической ванне, наполовину заполненной темной жидкостью, точно осьминог в собственных чернилах. Бледная туша была скована цепью, ванну окружали леса, соединенные узкими мостиками. Какие-то механизмы непонятного назначения, укрепленные на подвесных рельсах, словно ждали команды, чтобы прийти в движение и зависнуть над ванной. Все тело несчастной личинки было утыкано электродами и катетерами.

— Где вы его откопали? — поинтересовалась Зебра.

— В Бездне, — ответил Феррис. — Среди обломков корабля, который разбился около миллиона лет назад. Но Гидеон уцелел. Корабль уже не мог летать, но поддерживал его в полумороженном состоянии.

— Корабль просто так разбился? — уточнил я.

— Не просто так. Он от кого-то или от чего-то убегал — я не выяснил причину бегства.

Из динамиков все еще рвались какие-то звуки, но я решил пренебречь правилами хорошего тона:

— Позвольте догадку. Это были разумные машины-убийцы. Они на протяжении миллионов лет преследовали таких, как Гидеон, и не только их, вынуждая бежать от звезды к звезде. Личинки были вынуждены переселиться в межзвездное пространство, чтобы держаться подальше от планетных систем. Но этот корабль зачем-то прилетел сюда. Возможно, на разведку.

— Откуда вам это известно? — прозвучал вопрос, запрограммированный стариком на пульте.

— Я уже сказал Квирренбаху: мне доводилось встречаться с личинками.

Снова я обратился к воспоминаниям Небесного. Путешествующий Бесстрашно поведал ему о том, как беженцы учились выживать. Они постигли, причем в совершенстве, искусство прятаться. В космосе еще оставались потаенные уголки, куда пока не успел проникнуть разум, — планеты, стерилизованные взрывами сверхновых, окрестности нейтронных звезд. Лучшее убежище трудно представить. Но и здесь личинки не могли чувствовать себя спокойно. То и дело во Вселенной возникали

островки разумной жизни, новые цивилизации расцветали и выпрастывались в космос. Именно эти вспышки жизни привлекали внимание машин-хищников. Они размещали вокруг обещающих пожилу планетных систем автоматические следящие устройства и ловушки, готовые сработать, как только новые исследователи космоса проявят к таким местам интерес. Поэтому личинки и их союзники — те немногие, кто уцелел, — с растущим страхом следили за появлением новых форм жизни.

Личинки никогда не уделяли особого внимания Солнечной системе. Они по-прежнему считали любопытство роскошью, которая требует непомерных затрат энергии. И лишь после того, как появление разума на Земле стало неоспоримым фактом, личинки соизволили обратить взор в сторону этой планеты. Они наблюдали и ждали, когда человечество начнет осваивать межзвездное пространство. Но проходили сотни, тысячи лет, и ничего не подобного не случалось.

Наконец долгожданное событие произошло, однако его трудно назвать приятным.

История, поведенная Феррису Гидеоном, почти дословно повторяла рассказ, который Небесный услышал на борту «Каллеуче». Будущий пленник Ферриса спасался от погони. Он летел сотни, тысячи лет, преодолевал неизмеримые расстояния, и все это время его преследовал один и тот же корабль. Вражеская машина двигалась быстрее, легче маневрировала и меняла скорость. Мастерство, с которым личинки управляли кинетической энергией и инерцией, казалось ничтожным по сравнению с ее возможностями. Однако даже быстрота и сила машины-убийцы были небеспредельны. У врага имелись свои слабые стороны, точнее, слепые пятна, которые личинкам удалось обнаружить в ходе тысячелетних наблюдений. Гравитационное чутье противника было на удивление примитивным. Поэтому иногда садку удавалось спастись, затаившись рядом с каким-нибудь более массивным объектом или внутри его.

Вот так и убегающий от машины Гидеон обнаружил желтую планету и понял, что это его шанс на спасение. Вид глубокой впадины в коре наполнил личинку радостью, почти блаженством — насколько это позволяла организация ее нервной системы.

На подлете корабль Гидеона попал под обстрел. Враг использовал оружие дальнего действия, но садок успел укрыться за Лу-

ной. Ракеты с зарядом антивещества, выпущенные почти одновременно, оставили на ее поверхности россыпь кратеров. Беглец дождался момента, когда положение Луны позволило ему быстро и незаметно войти в атмосферу, а затем достичь Бездны — укрытия, замеченного им еще из космоса. Он расширял и углублял трещину при помощи корабельных орудий, вгрызаясь в кору планеты, а густые ядовитые испарения позволяли делать это незаметно. И тут он допустил роковую оплошность. Защитная энергетическая паутина корабля задела отвесные стены пропасти. Миллиарды тонн щебня обрушились на него, превратив в склеп убежище, где можно было бы отсидеться, пока машина не улетит на поиски новой добычи, примерно тысячу лет, жалкий миг для личинок.

Но корабль был обнаружен гораздо позже намеченного срока.

— Наверное, ждал, пока его не найдут, — сказал я.

— Конечно, — согласился Феррис. — Как только стало ясно, что враг ушел, Гидеон приказал кораблю подавать сигналы, распространять весть о своем присутствии. Сначала изменяя соотношение газов в Бездне... ну и заодно повышая их температуру. Потом попробовал необычное излучение. Но мы этого даже не заметили.

— Как я понимаю, другие личинки тоже.

— Думаю, какое-то время они поддерживали связь... Я кое-что нашел на корабле, и это не может быть его деталью. Оно совершенно не пострадало, а все остальное оборудование давно вышло из строя, в том числе от времени. Это был сверкающий шар около метра в диаметре, похожий на одуванчик. Он плавал в специальной камере, — видимо, его удерживало силовое поле. Невероятная, завораживающая красота.

— И что это было? — спросила Зебра.

Похоже, Феррис предвидел этот вопрос:

— Я пытался выяснить, но в моем распоряжении были слишком грубые инструменты с ограниченными возможностями. Результаты, которые я получил, противоречили друг другу. Парадокс! Прежде всего удивительно высокая плотность. Далее — способность мгновенно останавливать солнечные нейтрино. Искривлять световые лучи. Все это предполагает наличие мощного гравитационного поля, однако его не было. Этот шар просто плавал в пространстве. Казалось, до него можно дотро-

нуться, но он защищен барьером: стоит протянуть руку, и ощущаешь покалывание.

Не переставая «говорить», Феррис набирал на пульте новые и новые команды. Его пальцы легко бегали по кнопкам, словно у пианиста, исполняющего виртуозный этюд.

— Разумеется, в конце концов я выяснил, что это такое. Но мне пришлось привести Гидеону кое-какие аргументы.

— Аргументы? — переспросил я.

— У него есть то, что мы называем болевыми точками. А также зоны нервной системы, которые отвечают за страх и панику, вернее, за эмоциональные аналоги таковых. Мне оставалось лишь определить их местоположение.

— И что это было? — настаивала Зебра.

— Устройство связи, правда весьма необычное.

— Для мгновенной передачи сигналов?

— Не совсем так, — после обычной паузы ответил Феррис. — Мы подразумеваем под этим нечто иное. Устройство не передает и не принимает никаких сигналов. Ни Гидеону, ни его сородичам на других кораблях это не нужно. Они и так уже собирали всю информацию, которую могли бы получить.

— Не совсем понимаю, — признался я.

— Тогда позвольте объяснить по-другому.

Похоже, у старика наготове ответы на все случаи жизни!

— На каждом борту содержатся записи всех сообщений, которые один корабль может когда-либо передать другому. Но при этом архив остается недоступным, пока не возникнет необходимость прочитать то или иное сообщение. Нечто вроде запечатанных приказов, выдававшихся капитанам старинным парусников.

— Все равно не понимаю, к чему вы клоните, — обескураженно пробормотал я.

— Я тоже, — добавила Зебра.

Старик Феррис с заметным усилием выпрямился в кресле.

— Послушайте, это совсем просто. Личинки хранят записи всех сообщений — всех до единого, которые принимались или отправлялись с момента возникновения их вида. Затем, в отдаленном будущем — это будущее в нашем понимании, — они объединяют все записи в... А вот это уже выше моего понимания. Некая тайная система, распространяющаяся на всю Галактику. Признаюсь, мне всегда было нелегко вникать в подробно-

сти. Я уловил только название, в переводе оно приблизительно отражает суть... — Он выдержал паузу, впившись в нас ледяными глазами. — «Конечная галактическая память». Это прототип нынешнего и будущего гигантского живого архива. Думаю, сейчас он существует лишь в неполной форме, как скелет того, что будет выстроено через миллионы или миллиарды лет. Тем не менее все очень просто. Это архив, существующий вне времени. Он способен поддерживать связь со всеми своими версиями, прошлыми и будущими, вплоть до нынешней эпохи и даже глубже, до нашего далекого прошлого. Он постоянно перемещает данные во всех направлениях, бесконечно сверяет и перепроверяет их. Что касается артефакта, который я нашел на корабле личинок... на мой взгляд, это нечто подобное. Крошечный фрагмент архива, содержащий только послания личинок и их немногочисленных союзников.

— А что мешает личинкам прочесть сообщения до того, как те будут отправлены, и придумать способ избежать неприятностей?

Феррис снова выдал готовый ответ:

— Они не могут. Сообщения, записанные в этом устройстве, закодированы, без ключа до них не добраться. Блестящая идея. Ключом служит картина фоновой гравитации Вселенной, возникающая в определенный момент времени. Когда личинки вводят в устройство связи сообщение, артефакт чувствует гравитационную жизнь Вселенной — биение пульсаров, мчащихся навстречу друг другу по спиральным орбитам, тихие стоны далеких черных дыр, поглощающих звезды в сердцевинах галактик. Устройство слышит это все и создает уникальную «подпись» — ключ, которым оно кодирует входящие сообщения. Информация сохраняется в каждом артефакте, но с ней нельзя ознакомиться, пока устройство не убедится в том, что гравитационный фон остался прежним... или почти прежним — разумеется, с поправкой на координаты получателя. Это обеспечивает зону охвата радиусом в несколько тысяч световых лет. Но стоит кораблям разойтись на большее расстояние, как устройство перестает узнавать код. Любые попытки подделать его или предсказать, основываясь на известных данных, как будет выглядеть гравитационная подпись в будущем, просто бесполезны. Очевидно, устройство отключится, «умрет».

Итак, Гидеону удавалось на протяжении веков поддерживать связь со своими далекими союзниками. Затем запас сообщений, хранящихся в устройстве связи, сократился, и пришлось резко ограничить частоту передач. Над личинками нависла новая угроза: у врагов появились копии артефактов. Теперь они тоже получили доступ к сообщениям и могли этим воспользоваться. Беглец был одинок и прежде, когда на него охотились, но лишь теперь понял, что одиночество может быть настоящей пыткой. Оно давило не меньше, чем гигантские скалы, навалившиеся на разбитый корабль. И все же Гидеону удалось сохранить рассудок.

Раз в несколько десятилетий он позволял себе связаться с союзниками, поддерживая слабое подобие родственных отношений, по-прежнему игравших некоторую роль в жизни личинок.

Но Феррис вытащил его из корабля, лишив доступа к устройству связи. После этого беглец стал понемногу погружаться в безумие.

— Вы сделали из него дойную корову? — спросил я. — Только вместо молока он дает «топливо грез». По большому счету вы питаетесь его страхом и одиночеством. Перегоняете эти эмоции и продаете их.

— Именно так! — подхватил Феррис. — Мы вживили в его мозг датчики, считывающие реакцию нейронных цепей. Затем данные прошли обработку на Ржавом Поясе, где есть соответствующее оборудование, после чего мы поняли, что это тоже можно превратить в наркотик.

— О чем он говорит? — спросила Зебра.

— Об экспириенталиях, — ответил я. — Черные, с узором в виде личинки на конце. Между нами, я попробовал и получил незабываемые ощущения. Тогда я еще не знал, чего можно ожидать от этих штуковин.

— Я о них слышала, в руках никогда не держала. Думала, что это просто городская байка.

— Вовсе нет.

Я вспомнил, какой хаос эмоций обрушился на меня во время опыта с экспириенталией на борту «Стрельникова». Основным чувством был страх: давящая боязнь замкнутого пространства и того, что находилось снаружи. Но самое отвратительное — то, что гнетущая теснота была лучше пустоты за ее пределами, населенной хищными монстрами. Я до сих пор помню этот

страх, в нем едва уловимо ощущалось нечто чужеродное. В то время было трудно понять, почему люди готовы платить за подобные переживания, но теперь я знаю. Все дело в предельной остроте ощущений, более сильных, чем всепоглощающая скука.

— А что он получает взамен? — спросила Зебра.

— Облегчение, — промолвил Феррис.

Я понял, что он имел в виду.

Внизу, в резервуаре, по колено в черной слизи возились рабочие в серых костюмах. То и дело кто-нибудь проводил огромным шокером по дряблему боку личинки, и ее дирижаблеподобное тело содрогалось по всей длине. Бледно-розовая жидкость выплескивалась из пор крапчато-серебристой кожи. Я заметил, как один из рабочих проворно подставил под струю флягу.

На конце туловища раскрылась пасть, и пещеру огласил пронзительный вопль.

— Кажется, раньше он охотнее стравливал «топливо», — заметил я, подавляя приступ тошноты. — Как вы думаете, что оно собой представляет? Что-то органическое?

— Скорее всего, — ответил Феррис, и каким-то образом кресло смодулировало интонацию равнодушия. — Между прочим, это ведь он занес к нам плавающую чуму.

— В самом деле? — спросила Зебра. — Но он находится здесь уже тысячи лет.

— Безусловно. Все это время он пребывал в спячке, пока на планете не закопошились мы, строя свои жалкие поселения.

— Он знал, что инфицирован? — спросил я.

— Сомневаюсь, что хотя бы подозревал. Может быть, заражение произошло давно и его организм уже адаптировался. «Топливо грез», возможно, моложе чумы. Допустим, это защита, созданная личинками, — коллоид из микроскопических живых механизмов, постоянно выделяемый их телами. Невосприимчивые к плавающей чуме нанороботы способны держать ее в узде, но не только. Они лечат и питают клетки хозяина, передают и получают информацию от личинок-помощников... В общем, стали неотъемлемой частью организма, без которой личинке теперь просто не выжить.

— Но чума все-таки добралась до Города, — возразил я. — Давно вы здесь, Феррис?

— Почти четыреста лет, с тех пор как нашел Бездну. Целая вечность. Поймите, мне нет дела до чумы — я для нее не пища. Можно сказать, только «топливо грез» — по сути, кровь Гидеона — поддерживает во мне жизнь, ведь для меня недоступны другие методы лечения. — Он коснулся пальцами серебристого пледа, скрывающего его тощее тело. — Конечно, процессы старения нельзя остановить полностью. «Топливо» — действенное средство, но не панацея.

— Значит, вы никогда не видели Город Бездны?

— Не видел, но знаю, что там произошло.

Он упер в меня твердый взгляд, и я почувствовал, как падает вокруг температура воздуха.

— Я знал, что Город превратится в чудовище и наполнится демонами и оборотнями. Я знал, что ваши умные, ловкие крошки-машины выступят против нас, разлагая умы и тела, плодя всякого рода извращения и мерзости. Я знал, что наступит время, когда вы обратитесь за помощью к более простым машинам — старым, грубым, но надежным. — Он указал на меня пальцем, словно произнося обвинение. — Все это я предвидел. Представьте себе, это кресло я изобрел и собрал за какие-то жалкие семь лет!

Краем глаза я заметил рабочего, который свесился с мостков, держа в руках инструмент наподобие бензопилы, и вырезал из спины Гидеона огромный радужный лоскут.

Я перевел взгляд на пестрые заплатки, украшающие мой сюртук.

— Ладно, Феррис, — произнесла Зебра. — Вы не против, если я задам последний вопрос, перед тем как мы уйдем?

Он набрал на подлокотнике слово «да».

— Это вы тоже предвидели?

Она вскинула пистолет и выстрелила в упор.

На обратном пути я раздумывал о том, что показал мне Феррис, и о том, что узнал из воспоминаний Небесного.

Личинки обнаружили массивный выброс энергии в районе Солнечной системы. Пять могучих вспышек — верный признак того, что вещество и антивещество, прореагировав, уничтожили друг друга. Пять садков,двигающиеся со скоростью, которая не вызвала бы протеста клоунов-прыгунов, — жалкие восемь процентов от скорости света. Тем не менее это было достижение-

ем для приматов, какой-то миллион лет назад лупивших друг друга по голове костью мамонта.

К тому времени, когда корабли людей были обнаружены, личинки понесли тяжелые потери. Их гигантские корабли в столкновениях с врагами были разбиты и разграблены. Наступило время, о котором личинки-долгожители вспоминали с печалью. Звездные крепости пришлось разделить на части — их превратили в множество крошечных маневренных мини-садов. Личинки — общительные существа, разлука с сородичами причиняла им огромные страдания, хотя удивительная система связи клоунов-прыгунов позволяла поддерживать контакты друг с другом.

Наконец один мини-садок нагнал группу человеческих кораблей и принял форму одного из них. Статистический анализ случившихся за десять миллионов лет стычек с врагом показал, что в конечном счете подобная тактика приносит личинкам пользу, хотя в отдельных случаях может закончиться неудачей.

План Путешествующего Бесстрашно был достаточно прост в понимании личинок. Он изучит людей и решит, что с ними делать. Если они проявят тенденцию к массивированной экспансии в данном секторе космического пространства, нарушая спокойствие и привлекая внимание машин-пожирателей, то их придется списать в расход. Среди беглецов найдутся те, кому хватит силы воли выполнить столь болезненную, но необходимую операцию.

Путешествующий Бесстрашно надеялся, что до этого не дойдет. Люди, по его предположению, останутся досадным недоразумением, слаборазвитой расой, и немедленной ликвидации не потребуются. Если они намерены всего лишь заселить пару ближайших планетных систем, их можно на время оставить в покое. Истребление способно привлечь пожирателей, к такой мере нельзя прибегнуть без крайней необходимости.

Однако шли десятилетия, а люди не выказывали ни враждебности, ни дружелюбия. И Путешествующий рискнул приблизиться к человеческим кораблям. Возможно, ему следовало заявить о своем присутствии, вступить в переговоры с людьми и извиниться за недоразумение. Он как раз обдумывал первый ход, когда погиб один из кораблей.

Взрыв был вызван аннигиляцией. Садок Путешествующего Бесстрашно серьезно пострадал: маскировочная оболочка ко-

рабля была повреждена, и множество личинок, работавших в это время на корпусе, погибло. Их выделения проникли внутрь корабля, передав предсмертные страдания сородичей Путешествующему, и он впитал память каждого из них — всю боль, которую они пережили, возвращаясь в свое первоначальное состояние. Истерзанный мучительными воспоминаниями, Путешествующий Бесстрашно отвел садок от Флотилии.

Но его уже заметили.

Оливейра и Лаго первыми явились в гости. Они и сами не знали, чего ожидать, и не слишком верили в старую легенду о корабле-призраке — шестом корабле Флотилии, вычеркнутом из истории.

Они обнаружили нечто иное.

Оливейра приказал Лаго проникнуть внутрь, чтобы найти необходимое для возвращения топливо. Лаго быстро сообразил, что оказался на корабле, созданном иными существами. Но когда личинки-помощники доставили его в камеру Путешествующего Бесстрашно, ситуация сложилась хуже некуда. Путешествующий хотел помочь гостю, объяснить, что ему не нужен скафандр, поскольку для дыхания вполне пригодна здешняя газовая смесь. Однако он сделал это не лучшим образом, приказав личинкам-помощникам употребить в пищу скафандр человека. Лаго расстроился и принялся наказывать личинок-помощников своей горелкой. Те умирали в пламени, и Путешествующий Бесстрашно, поглощая их выделения, корчился так, будто сам испытывал эти муки.

Ему пришлось демонтировать Лаго. Неприятная задача, но выбирать не приходилось. Понятно, что Лаго встретил его намерение без особого энтузиазма, но возражать было уже поздно. Личинки-помощники сняли его внешние элементы, обнаружили внутри еще более любопытные устройства и отследили схему их взаимодействия, а затем растворили его центральную нервную систему. Путешествующий Бесстрашно впитал воспоминания Лаго — все, что удалось. Он научился воспроизводить звуки языка, на котором говорил человек, а заодно — ради сходства с ним — смастерил себе рот. Прочие личинки скопировали сенсорные органы гостя, а некоторые даже встроили в себя отдельные части его тела.

Теперь Путешествующий Бесстрашно куда лучше понимал людей. Ему стало ясно, почему Лаго испытал такой шок, впер-

вые увидев кишачий личинками отсек. Можно было только сожалеть о том, что гостю причинили так много неприятностей. Единственное, что могло послужить утешением, — это возможность максимально использовать память и детали человека.

Он был уверен, что люди оценят столь благородный жест.

— После визита Лаго, — промолвил Путешествующий Бесстрашно, — мне снова стало одиноко. Еще хуже, чем раньше.

— Ты не мог понять, что такое одиночество, пока не сожрал Лаго, проклятый тупица.

— Мм... Возможно.

— Ладно, теперь слушай меня внимательно. Ты сказал, что чувствуешь боль. Хорошо, для меня имеет значение этот факт. Как я понимаю, тебе не чужд инстинкт самосохранения, иначе бы ты просто не дожил до нынешнего дня. Так вот: у меня при себе бухторой. Если тебе не ясен смысл этого слова, поищи его в памяти Лаго. Я уверен, он знал, что это такое.

Наступило молчание. Огромная личинка тревожно заворочалась, расплескивая красную жидкость, точно выброшенный на мелководье кит. Бухтороями назывались ядерные боеголовки — оружие, которое нес каждый корабль Флотилии. Оно могло пригодиться по достижении Пункта Назначения.

— Я понимаю.

— Хорошо. Возможно, ты способен провернуть какой-нибудь трюк с гравитацией, чтобы вывести его из строя. Но я готов поспорить, что ты не можешь сгенерировать достаточно сильное поле, — иначе тебе удалось бы защититься от Лаго, когда он начал создавать проблемы.

— Я рассказал тебе слишком много.

— Возможно. Но мне нужно узнать еще больше. И в первую очередь об этом корабле. Как я понимаю, ты сражался? Возможно, не победил, но я сомневаюсь, что ты бы спасся, не имея серьезного оружия.

— У нас нет оружия. — Пасть изогнулась в брезгливой гримасе. — Только бронеполитана.

— Бронеполитана?

Небесный напряг воображение:

— Какая-то технология проецирования энергии? Вы способны создавать вокруг корабля нечто вроде защитного поля?

— Такое было нам раньше под силу. Но необходимые компоненты были повреждены, когда разрушился ваш пятый са-

док. Теперь можно окружить паутиной лишь часть корабля. Это абсолютно бесполезно, если нападет опытный враг, такой как пожиратели. Они видят дыры.

— Ладно, послушай. Ты чувствуешь, что к нам приближаются две маленькие машины?

— Конечно. Это друзья Лаго?

— Не совсем.

Возможно, на шаттлах действительно находятся друзья Лаго, подумал Небесный. Но вряд ли их можно назвать друзьями Небесного Хаусманна. Сейчас это важнее.

— Хочу, чтобы ты своей паутиной закрыл нас от этих машин, или я использую бухторой против тебя. Понятно?

— Хочешь, чтобы я их уничтожил? — сообразила личинка.

— Да. Или уничтожен будешь ты.

— Ты этого не сделаешь. Иначе сам погибнешь при взрыве.

— Постарайся понять, — терпеливо произнес Небесный, — я не Лаго, я думаю, а тем более поступаю по-другому.

Он прицелился в одну из личинок и дал очередь. В бледно-розовой шкурке заалели дыры, как будто ее несколько раз проткнули пальцем. Тварь пронзительно заверещала, пробоины медленно заполнились пурпурной жидкостью.

Впрочем, прислушавшись, он понял, что ошибся: кричала не подстреленная личинка, а Путешествующий Бесстрашно.

Раненое существо барахталось в пунцовом озере, едва удерживаясь на поверхности. Несколько сородичей подплыли к нему и принялись подталкивать щупальцами. Через некоторое время крики страдания смолкли, сменившись тихими стонами.

— Ты причиняешь мне боль.

— Я просто подтверждаю свои слова делом. Лаго тоже причинял тебе боль, но делал это ненамеренно. Он просто был напуган. Я не боюсь. Я хочу показать, на что способен.

Пара личинок-помощников отчаянно билась у самого берега, пытаясь выбраться наружу неподалеку от того места, где стояли Небесный и Норкинко.

— Без глупостей, — предупредил Небесный. — Не приближайся, или я пристрелю еще одну. И никаких фокусов с гравитацией, иначе взорву бомбу.

Личинки дальше не продвигались, лишь истерически размахивали пучками щупальцев.

Желтый свет, заливающий пещеру, мгновенно погас. Небесный не ожидал темноты. На миг его охватил беспредельный ужас. Он забыл, что личинки способны регулировать освещение. Теперь, во мраке, они могут устроить любую пакость. Вот сейчас вылезут из багрового озера, схватят за ноги и утащат вниз. И он не успеет взорвать бухторой. Даже не сможет избавить себя от страданий.

Наверное, лучше покончить с собой прямо сейчас.

Но желтый свет снова осветил пещеру.

— Я сделал то, о чем ты просил, — произнес Путешествующий Бесстрашно. — Это было трудно. Понадобилась вся энергия, чтобы толкнуть бронепутину на такое расстояние.

— Она свое дело сделала?

— Там еще два маленьких садка.

На этот раз шаттлы.

— Да. Но они доберутся сюда не скоро, и ты сможешь опять повторить свой фокус. — Небесный включил рацию. — Докладывай, Гомес.

— Разведчики просто взорвались, словно на что-то наткнулись.

— Ядерный взрыв?

— Нет. У них же нет бухтороев.

— Хорошо. Жди указаний.

— Небесный... черт подери, что там у вас происходит?

— Поверь, Гомес, тебе совершенно не хочется об этом знать.

Небесный буквально чувствовал, как его друг делает усилие, чтобы задать следующий вопрос:

— Ты нашел этого парня... как его... Лаго?

— Ну да, мы его нашли. Правда, Лаго?

— Послушай, Небесный, — вмешался Норкинко, — нам пора убираться. Что толку убивать этих людей? Ты же не хочешь войны между кораблями. — Он повысил голос, и тот, рвущийся из встроенного динамика, загремел над озером. — Разве у нас нет другого способа защититься? Почему не переместиться вместе с этим кораблем — или садком, как ты его называешь, — в безопасное место? Где нас не достанут шаттлы?

— Нет, — сказал Небесный. — Шаттлы должны быть уничтожены. Если наши недруги хотят войны между кораблями, считай, что они ее получили. Посмотрим, долго ли они продержатся.

— Пожалуйста, Небесный...

Норкинко протянул руки, словно пытаясь схватить его. Хаусманн отступил — и потерял равновесие, поскользнувшись на гладком полу пещеры. Он упал навзничь и наполовину погрузился в красную слизь. Волна плеснула на прозрачный щиток шлема с удивительной поспешностью, словно искала путь в скафандр. Краем глаза Небесный заметил пару личинок, которые, извиваясь, плыли к нему. Как он ни бился, ему не удавалось нащупать опору.

— Норкинко... помоги выбраться!

Норкинко осторожно приблизился к урезу багровой воды:

— А может, оставить тебя здесь, Небесный? Не будет ли так лучше для всех нас?

— Вытащи меня, сволочь!

— Я пришел сюда не для того, чтобы творить зло, Небесный. Я пришел сюда, чтобы помочь «Сантьяго», а может, и всей Флотилии.

— У меня бухторой.

— Не думаю, что у тебя хватит мужества им воспользоваться.

Личинки уже добрались до Небесного, к ним присоединилась еще одна, которую он до сих пор не замечал. Они ощупывали его скафандр пучками щупальцев. Небесный снова рванулся, но красная жидкость словно загустела, помогая личинкам удерживать его в плену.

— Вытащи меня, Норкинко. Предупреждаю последний раз...

Норкинко остался на прежнем месте, ни на шаг не приблизился к краю озера.

— Ты болен, Небесный. Я всегда это подозревал, но не было случая в этом убедиться. Я даже не представлял, на что ты способен.

И тут произошло нечто неожиданное. Когда силы почти оставили Небесного, ему показалось, что красная жидкость выталкивает его на поверхность, а личинки помогают ей. Через секунду, дрожа от страха, он уже стоял на берегу, а со скафандра в озеро сбегали последние красные струйки.

Он молча смотрел на Путешествующего Бесстрашно, зная, что тот чувствует его взгляд.

— Все-таки поверил мне? Ты не убьешь меня, потому что знаешь, чем это обернется.

— Я не хочу убивать тебя, — произнес Путешествующий. — Потому что тогда я снова буду одинок, как до твоего появления.

Небесный понял, и эта мысль наполнила его горечью. Гигантской личинке по-прежнему было дорого его общество, хоть он и убил ее частицу. Это существо отчаянно страдало от одиночества, оно даже было готово терпеть боль от того, кто согласился бы находиться рядом. Он вспомнил ребенка, который захлебывался криком в абсолютной темноте, пережив предательство друга, хотя этого друга не существовало в реальности... и мысленно оправдал Путешествующего. И возненавидел его еще больше.

Ему пришлось застрелить еще одну личинку, прежде чем он убедил Путешествующего Бесстрашно уничтожить оба шаттла. Но на этот раз Путешествующий страдал не только из-за гибели помощницы. Он мучился, генерируя паутину, — похоже, этот процесс давался кораблю дорого.

Вскоре все было кончено. Небесный мог оставаться на борту и пытаться Путешествующего, пока тот не выдал бы все, что ему было известно. Например, сможет ли корабль доставить людей к Пункту Назначения быстрее, чем «Сантьяго»? Что, если переправить сюда, на садок, часть экипажа и поселить в бесконечных тоннелях? Способны ли личинки изменить состав атмосферы и температуру под их потребности? Много ли людей обеспечит всем необходимым корабль пришельцев — десятки, сотни? А может быть, и для момио найдется место, даже если они проснутся? Пусть несколько «спящих» придется скормить личинкам-помощникам, чтобы осчастливить их, — невелика потеря.

Но он решил уничтожить корабль.

Так проще. Не надо вести переговоры с Путешествующим, не надо снова переживать отвращение, охватившее Небесного, когда он понял, до чего же одиноко это создание. И не надо опасаться, что садок попадет в руки других экипажей Флотилии.

— Позволь нам уйти, — сказал он Путешествующему Бесстрашно. — Открой проход к тому месту, где мы вошли.

Он услышал гулкие мелодичные удары — это возникали новые тоннели, открывались и закрывались воздушные шлюзы. Легкий ветерок погладил красную воду.

— Теперь вы можете уйти, — произнес Путешествующий. — Жаль, что мы не поладили. Ведь ты скоро вернешься?

— Можешь не сомневаться, — заверил его Небесный.

Вскоре шаттл отчалил.

Гомес все еще не знал о том, что произошло на борту, и не мог понять, почему вражеские шаттлы внезапно взорвались на подлете.

— Что вы там нашли? — спросил он. — Оливейра говорил дельное? Или это был бред сумасшедшего?

— Похоже, и правда бред, — отозвался Небесный.

Норкинко помолчал. После того инцидента на берегу озера они почти не говорили друг с другом. Возможно, Норкинко надеялся, что Небесный забудет эту историю, если не напоминать о ней лишний раз. В конце концов, все можно объяснить нервным срывом. Но Небесный ни на минуту не забывал о том, как барахтался в озере, а по щитку его шлема ползли красные ручейки. Оставалось только догадываться, сколько молекул успело просочиться внутрь скафандра.

— Как насчет медикаментов? Вы что-нибудь нашли? — не отставал Гомес. — А что с обшивкой? Удалось ли хоть что-то выяснить?

— Кое-что мы нашли, — сказал Небесный. — Но сейчас не время об этом говорить. Врубай полную тягу и гони отсюда.

— А может, все-таки посмотрим, что в двигательном отсеке? Может, доберемся до...

— Быстрее, Гомес, — повторил Небесный. Пожалуй, сейчас стоило солгать во спасение: — Мы вернемся за антивеществом в другой раз. Корабль никуда не денется.

Садок уплывал прочь. Обогнув его по дуге, шаттл развернулся над неповрежденным бортом, и Гомес запустил двигатель на полную мощность. С расстояния двести-триста метров корабль ничем не отличался от своих собратьев. На миг Небесный вспомнил легенду о «Калеуче», корабле-призраке. Как же все-таки они ошибались! Но винить в этом некого — правда оказалась удивительнее любых легенд.

Разумеется, на «Сантьяго» их ждут неприятности. Кто-то послал за ними шаттлы, а значит, Небесному не избежать взыскания, а может, и трибунала. Этого следовало ожидать. Но ему хватит ума обратить факты в свою пользу.

Они с Норкинко уже позаботились об уликах, которые выставят Рамиреса главным инициатором экспедиции на «Кале-

уче», а заодно к этой затее окажется причастной Констанца. Небесный будет выглядеть послушным исполнителем замыслов одержимого манией величия капитана. Рамиреса отстранят от должности, возможно, даже казнят. Констанцу тоже ждет наказание. И, само собой, не будет двух мнений о том, кто унаследует капитанский мостик.

Небесный выждал еще пару минут. Тянуть с исполнением плана рискованно, чего доброго, Путешествующий Бесстрашно заподозрит неладное и попытается помешать ему.

Детонатор бухторя сработал, и в космосе расцвел и облетел плазменный цветок. Когда сине-белые лепестки растаяли в межзвездной тьме, от корабля не осталось ничего. Абсолютно ничего.

— Что ты наделал? — ахнул Гомес.

Небесный улыбнулся:

— Избавил кое-кого от мучений.

— Я должна была убить его, — заметила Зебра, когда робот-обходчик почти вывез нас на поверхность.

— Понимаю, — сочувственно отозвался я. — Но в таком случае мы едва ли смогли бы оттуда выбраться.

Она целилась в грудь, но понять, где кончается Феррис и начинается его инвалидное кресло, было непросто. Поэтому луч лишь повредил какие-то вспомогательные механизмы. Феррис застонал и попытался что-то сказать, но из недр его кресла донеслось лишь жалобное скрипучее попискивание. Тогда я понял, что четырехсотлетнего старика, чья кровь перенасыщена «топливом грез», не так-то просто убить одним выстрелом.

— Итак, чего мы добились в результате этой милой прогулки? — спросила Зебра.

— Я задаю себе тот же вопрос, — вздохнул Квирренбах. — Боюсь, очень немногого. Узнали о том, как может выглядеть производственный процесс. Гидеон по-прежнему находится в Бездне, вместе с Феррисом. Ничего не изменилось.

— Скоро изменится, — сказал я.

— Как это понимать?

— Мы просто провели разведку боем. Когда все это закончится, я вернусь туда.

— В следующий раз нас будут ждать, — сказала Зебра. — Сомневаюсь, что мы сможем влететь на крыльях ветра.

— Мы? — переспросил Квирренбах. — Тарин... ты тоже решила вернуться?

— Да. И сделай одолжение, называй меня Зеброй.

— Квирренбах, на вашем месте я бы ее послушался.

Робот-обходчик понемногу возвращался в горизонтальное положение. Мы приближались к выходу, где нас должна была ожидать Шантерель.

— Кстати, мы действительно вернемся туда. И это действительно будет непросто.

— Что вы там забыли?

— Как сказал бы один близкий мне человек, надо избавить кое-кого от мучений.

— Ты собираешься убить Гидеона?

— Для него это лучше, чем терпеть пытки.

— Но «топливо грез»...

— Город как-нибудь обойдется без него. И без прочих благ, которыми он обязан Гидеону. Вы слышали, что сказал Феррис. Останки корабля по-прежнему там, и они продолжают изменять состав газовой смеси в Бездне.

— Но Гидеона на корабле уже нет, — возразила Зебра. — Хочешь сказать, он по-прежнему управляет своей посудиною?

— Лучше бы ему этого не делать, — сказал Квирренбах. — Если вы его убьете, Бездна перестанет снабжать Город необходимыми ресурсами... Представляете, что здесь начнется?

— Вполне, — ответил я. — По сравнению с этим плавящая чума покажется легким недомоганием. Но я все равно это сделаю.

Шантерель ждала на прежнем месте. Она нервным рывком распахнула заслонку и примерно секунду вглядывалась, словно желая убедиться, что нас не подменили. Затем опустила на пол свое ружье и помогла нам покинуть кабину. Никто не смог сдержать стон облегчения. Мы наконец-то выбрались из этой дыры. Воздух в камере трудно было назвать свежим, но я вдыхал его полной грудью.

— Ну как? — спросила Шантерель. — Что хорошего? Вы добрались до Гидеона?

— Были от него в двух шагах, — ответил я.

В этот момент под одеянием Зебры приглушенно зазвенело. Она передала мне свой пистолет и вытащила из потайного кар-

мана неуклюжий телефон, стилизованный под старину, — последний крик моды в Городе Бездны.

— Похоже, он звонил мне все время, пока мы поднимались, — пробормотала она, откидывая экранчик дисплея.

— Кто это? — спросил я.

— Пранский.

Зебра поднесла телефон к уху. Пока она разговаривала, я объяснил Шантерели: этот парень — частный сыщик, имеющий некоторое отношение ко всему, что здесь произошло с тех пор, как я прибыл в Город.

Зебра говорила тихо, вдобавок прикрывая рот ладонью. Я не расслышал ни слова из сказанного Пранским и половины из того, что ответила ему Зебра, но этого было достаточно, чтобы понять суть разговора.

Похоже, убили кого-то из информаторов Пранского. В настоящий момент сам Пранский находился на месте преступления и, судя по репликам Зебры, был бы рад поскорее отсюда убраться, поскольку событие его сильно взволновало.

— А ты успел...

Кажется, Зебра хотела спросить, сообщил ли он об убийстве в полицию, но вовремя сообразила: там, где он находится, стражей порядка еще меньше, чем в Пологе.

— Нет, погоди. Никому ни о чем не говори, пока мы не подъедем. Держи язык за зубами, а ушки на макушке. — С этими словами Зебра захлопнула экранчик и спрятала телефон.

— Что случилось? — поинтересовался я.

— Кто-то убил ее, — ответила Зебра.

— Кого? — прищурилась Шантерель.

— Толстуху Доминику. Вот такая история.

ГЛАВА 37

— Может, это сделал Воронофф? — спросил я, когда мы приближались к вокзалу Гранд-Сентрал.

Вороноффа мы высадили на вокзале, прежде чем отправиться в гости к Гидеону, но убийство Доминики... не вязалось с тем,

что я знал об этом человеке. Скорее уж он убил бы себя, просто со скуки, выбрав какой-нибудь экстравагантный способ.

— Прикончить такую видную личность, как Доминика... Вроде это на него не похоже.

— И на Рейвича тоже, — сказал Квирренбах. — Хотя вам виднее.

— Рейвич не станет убивать кого попало, — заметил я.

— Не забывайте, что Доминика легко наживала себе врагов, — вмешалась Зебра. — Совершенно не умела держать язык за зубами. Может, проболталась, и Рейвич за это ее убил.

— Насколько нам известно, его сейчас нет в Городе, — возразил я. — Рейвич находится на орбите, в анклав, называемом «Убежищем». Или я ошибаюсь?

— По моим сведениям, он там, — ответил Квирренбах.

Понятно, что Воронофф давным-давно испарился без следа. Впрочем, этого следовало ожидать; отпуская его, мы и не надеялись, что он будет сидеть на месте. Да если бы и сидел, какая разница? Воронофф играл во всем этом спектакле роль третьего плана. При необходимости найти его будет несложно: он слишком популярен.

Палатка Доминики осталась такой, какой я ее запомнил, и стояла на прежнем месте, в центре базара. Клапан опущен, ни одного посетителя в зоне видимости — никаких признаков того, что здесь произошло убийство. Назойливый паренек-завывала тоже куда-то исчез, но это почему-то казалось нормальным: сегодня на базаре было на удивление тихо. Возможно, в последнее время звездолетов было немного, и приток кандидатов на хирургическое вмешательство сократился.

Пранский, давно дожидавшийся нас, выглянул сквозь дыру в ткани:

— Долго же вы добирались. — Он хмуро покосился на Шантерель, потом на меня, на Квирренбаха — и глаза на миг округлились. — Эге, да вы как будто на охоту собрались.

— Можно войти? — спросила Зебра.

Пранский откинул клапан и впустил нас в «прихожую», где я не так давно ждал с операции Квирренбаха.

— Должен вас предупредить, — мягко проговорил Пранский, — все осталось в том виде, в каком я застал. Боюсь, зрелище не из приятных.

— А где ее малыш? — поинтересовался я.

— Ее... малыш? — переспросил агент, словно я употребил малопонятное словечко из уличного жаргона.

— Том. Ее помощник. Он постоянно околачивался рядом. Может быть, он что-то заметил и понял, что здесь лучше не задерживаться.

Пранский прищелкнул языком:

— Не видел никаких... малышей. Мне и без того забот хватает. Кто бы это ни сделал...

Он не договорил, но я мог представить ход его мысли.

— Вряд ли это кто-то из здешних талантов, — нарушила молчание Зебра. — Ни один местный не покусился бы на такое сокровище.

— Помнится, ты говорила, что люди, которые за мной охотятся, тоже не из местных.

— О ком вы? — спросила Шантерель.

— Мужчина и женщина, — ответила Зебра. — Они заходили к Доминике, пытаясь выследить Таннера. Могу поручиться, они не из Города. В общем, довольно странная пара.

— Думаешь, они вернулись и убили Доминику? — предположил я.

— Они возглавляют мой список подозреваемых, Таннер. А ты еще не догадываешься, кто это?

— Похоже, я становлюсь слишком популярным, — ответил я, пожав плечами.

Пранский прочистил горло:

— Может, нам стоит... — Он вяло махнул рукой в сторону занавески, закрывающей вход в операционную.

Мы отодвинули полог и вошли.

Доминика покачивалась в воздухе, словно левитировала в полуметре над кушеткой. В этом положении ее удерживала прикрепленная к консоли ременная обвязка, в которой помещалась нижняя часть ее тела. Поршни, приводящие в движение консоль, еще шипели, полупрозрачные струйки пара тянулись к потолку. У человека не столь грузного, как Доминика, голова запрокинулась бы назад или свесилась на бок. Но из-за складок жира создавалось впечатление, что шея толстухи напряжена. Челюсть безвольно отпала, широко раскрытые остекленевшие глаза глядели в потолок.

И все ее тело было опутано змеями.

Самые крупные из них были мертвы. Казалось, туша Доминики увита пестрыми лентами. Змеи свисали с ее ног, почти касаясь кушетки. Причина гибели рептилий была очевидна — длинные разрезы вдоль брюшины, явно сделанные скальпелем.

Их кровь украсила кушетку причудливыми узорами. Змеи поменьше были еще живы, они частью обвивали живот Доминики, частью лежали, свернувшись на кушетке. Когда я осторожно приблизился, эти твари едва пошевелились.

Помнится, в Мульче я видел торговцев змеями. Наверняка эти твари были приобретены там, причем исключительно для создания антуража.

— Я предупреждал, что это неприятное зрелище. — Голос Пранского вывел нас из ступора. — Поверьте, мне всякого довелось повидать, но такое...

— Здесь прослеживается система, — тихо перебил я. — Это не так мерзко, как кажется.

— По-моему, вы рехнулись.

Должно быть, остальные думали так же. Мне было весьма неприятно, но я знал, что говорю правду.

— О чем ты? — спросила Зебра. — Какая еще система?

— Это послание. — Я обошел повешенную, чтобы получше рассмотреть ее лицо. — Точнее, приглашение. Адресовано мне.

Я коснулся лица Доминики и почти без усилия повернул ее голову так, чтобы остальные тоже увидели аккуратное отверстие во лбу.

— Потому что, — озвучил я вдруг открывшуюся мне истину, — ее убил Таннер Мирабель.

Когда мне было под шестьдесят...

Я давно перестал следить за ходом времени — какой в этом смысл, если ты бессмертен? Чтобы убрать некоторые подробности моего прошлого, я подчистил корабельный архив. Было ясно: настала пора действовать. Выбор момента диктовала стратегия нашего путешествия. При желании я мог пропустить этот момент, забыв о планах, которые занимали мой разум вот уже полжизни. Для их осуществления требовалась кропотливая подготовка, иначе они так и остались бы планами. Я позволил себе минуту сладостно-мучительного удовольствия, сравнивая два

пути развития событий. В одном случае меня ждала победа. В другом я покорно принимал то, что шло на пользу Флотилии, но не моему экипажу. Был один ничтожно короткий миг сомнения.

— Слушай команду, — произнес старина Арместо, капитан «Бразилии». — Начинаем торможение через двадцать секунд.

— Готов, — отозвался я, сидя в кресле на мостике.

И после короткой паузы услышал, как два голоса — капитанов «Багдада» и «Палестины» — эхом повторили мой ответ.

Пункт Назначения близок. Уже можно разглядеть его звезду, более яркую из пары под названием «61 Лебедя А», — кроваво-красный светильник в ночи. Несмотря на все испытания, вопреки всем предсказаниям Флотилия успешно пересекла межзвездное пространство. Тот факт, что один из кораблей погиб, ни в малейшей степени не омрачал победу. Отправляя Флотилию в путь, ее создатели знали, что потери неизбежны. Разумеется, это касалось не только кораблей, но и части «спящих» — момио, которым не суждено проснуться.

В общем, это была победа. Неоспоримая.

Однако путешествие еще не закончилось. Флотилия по-прежнему двигалась на крейсерской скорости. Оставался ничтожный отрезок — самый важный участок пути. И те, кто планировал путешествие, об этом не догадывались. Они даже представить себе не могли тех разногласий, которые со временем начнут раздирать Флотилию.

— Десять секунд, — продолжал Арместо. — Пожелаем себе удачи, и да поможет нам Бог. Гонка будет чертовски напряженной.

«Не такой напряженной, как ты думаешь», — мысленно поправил я.

Отсчет был закончен — не совсем синхронно, — и во тьме, где только что сияла лишь россыпь звезд, вспыхнули три солнца. Спустя полтора столетия двигатели Флотилии заработали вновь, поглощая вещество и антивещество и выплевывая чистую энергию, сводя на нет скорость, равную восьми процентам скорости света.

Выбери я другой путь, и пришлось бы слушать, как скрежещет под чудовищной перегрузкой могучий скелет «Сантьяго». При этом топливо сгорало бы почти беззвучно, работу двигателя выдавало бы едва уловимое гудение.

Но я принял решение, и все осталось по-прежнему.

— Полное сгорание за бортом... — произнес кто-то из капитанов, потом в его голосе зазвучало недоумение: — «Сантьяго», мы не фиксируем включение вашего двигателя... Небесный, у вас неполадки?

— Нет, — коротко и спокойно ответил я. — Пока все хорошо.

— Тогда почему не врубаете тягу?!

Это был не вопрос, а возмущенный вопль.

— Потому что нам это не нужно.

Я улыбнулся. Теперь скрывать нечего. Кризис миновал секунду назад. Один вариант будущего принят, другой отброшен.

— Извините, капитан, но мы решили еще некоторое время двигаться на крейсерской скорости.

— Это же безумие!

Могу поклясться: в микрофон Арместо летела слюна, как брызги океанского прибоя в набережную.

— Хаусманн, у нас хорошая разведка! Мы прекрасно осведомлены о том, что при реконструкции двигателя вы не использовали новшеств, которых нет у остальных. Вы не можете достичь Пункта Назначения раньше нас! Вам надлежит немедленно запустить двигатель и следовать за кораблями...

Я небрежно побарабанил пальцами по подлокотнику кресла:

— И что будет в противном случае?

— Тогда мы...

— Ничего вы не сделаете. Так как не хуже меня знаете, что происходит при остановке аннигиляторных двигателей.

Я не обманывал его. Аннигиляторный двигатель — действительно чертовски ненадежное устройство. Он спроектирован так, что будет работать, пока не опустеют магнитные резервуары с антивеществом. Мудреные инженеры придумали для этого специальное название — «магнитогидродинамическая нестабильность». Из-за нее невозможно полностью перекрыть поток антивещества. Отсюда главное правило: горючее для торможения должно быть надежно изолировано от горючего для разгона до крейсерской скорости. А значит, после того как корабли запустили двигатели и начали торможение, «Сантьяго» так или иначе обязан последовать их примеру.

Отказавшись, я совершил ужасное преступление.

— Говорит Самудио, «Палестина», — послышался голос. — Аннигиляция стабильная, зеленое пламя вдоль борта... Мы намерены перевести двигатели в режим половинного выброса, пока Небесный нас не обогнал, иначе останемся далеко позади.

— Бога ради, не делайте этого! — воскликнул Арместо. — Наши имитационные модели показывают, что при частичном отключении двигателя остается лишь тридцатипроцентная вероятность...

— Судя по нашим данным, шансы выше... незначительно.

— Пожалуйста, подождите. Мы посылаем вам техническую информацию... Самудио, ничего не предпринимайте, пока не ознакомитесь с ней.

Они целый час муссировали этот вопрос — то перебрасывались данными с имитаторов, то спорили по поводу их трактовки. Разумеется, были уверены, что переговоры проходят в строжайшей тайне. Надо сказать, мои агенты уже давно нашпиговали все три корабля «жучками»... хотя «Сантьяго», скорее всего, постигла та же участь. Я спокойно, даже удовлетворенно следил за тем, как аргументы становятся все более нелепыми — с постепенным переходом на личности. Шутка ли — провести в пути сто пятьдесят с лишним лет и после этого подвергнуться риску аннигиляции? В обычной ситуации дебаты растянулись бы на месяцы, а то и годы, причем на одной чаше весов лежала бы ничтожная выгода, а на другой — вероятность гибели. Главное, что все это время они сбрасывали скорость, а «Сантьяго» по-прежнему шел впереди с победным отрывом, который с каждой секундой увеличивался.

— Хватит болтать, — сказал наконец Самудио. — Мы начинаем остановку двигателей.

— Прошу вас, — взмолился Арместо. — Разве нельзя подумать над этим хотя бы день?

— И позволить подонку убежать? Извините, но мы уже приняли решение.

В голосе Самудио появились деловитые нотки. Он зачитал показатели приборов, затем начал отсчет:

— Гашение скорости через пять секунд... Топология «горлышка» выглядит стабильной... Ограничиваем поток горючего... Три... два... один...

Его голос утонул в вое статических помех. Одно из новых солнц внезапно превратилось в сверхновую, затмив соседей.

В пространстве распустилась белая роза, окаймленная глубоким, на грани черного, пурпуром. Я как замороженный глядел на адский костер, который пылал прямо передо мной. Корабль исчез в одно мгновение — точно так же, по словам Тита, погиб «Исламабад». Это белое пламя казалось очищающим... почти священным. Потом оно стало бледнеть на глазах. Мой корабль опалило потоком ионов — словно призрак «Палестины» коснулся его обшивки. Все дисплеи на капитанском мостике мигнули и запестрели помехами, но корабли Флотилии давно разошлись на достаточное расстояние, и гибель одного из них не могла повредить остальным.

Когда помехи пропали, я услышал голос Арместо:

— Ты действительно подонок, Хаусманн. Это твоя вина.

— Потому что я оказался умнее вас?

— Потому что ты солгал нам, негодяй! — Теперь я узнал голос Омдурмана. — Тит стоил миллиона таких, как ты, Хаусманн. Я знал твоего отца. В сравнении с ним ты просто... ничтожество. Дерьмо. И знаешь, в чем твоя беда? Точно так же ты убиваешь и своих людей.

— Не думаю, что я способен на такую глупость.

— Еще как способен, — усмехнулся Арместо. — Я говорил тебе, что наша разведка очень хорошо работает. Мы знаем твой корабль, как свой собственный.

— Наша разведка тоже не сидит без дела, — подхватил Омдурман. — У тебя не осталось ни одного козыря, будь ты проклят. Придется тормозить, или ты проскочишь мимо цели и зависнешь посреди космоса.

— Сомневаюсь, — возразил я.

События развивались совершенно непредсказуемо, но иногда приходится отступать от четкого плана, чтобы тем не менее достичь цели. Это все равно что слушать симфонию, не различая голосов отдельных инструментов.

Норкинко помог мне немного усовершенствовать кресло. Откинув обтянутую черной кожей крышку на подлокотнике, я выдвинул плоскую консоль, усеянную множеством кнопок, и опустил ее себе на колени. Несколько прикосновений к панели управления, и на экране появилась схема, похожая на кактус. Это был план корабля, показывавший местонахождение «спящих» и их состояние на текущий момент.

На протяжении многих лет я упорно работал, отделяя зерна от плевел. В результате капсулы с мертвыми момио располагались на определенном участке «хребта». Вначале приходилось нелегко: «спящие» умирали в произвольном порядке, не считаясь с моими кропотливо разработанными планами. Но это лишь поначалу. Затем я взял ситуацию под контроль. Мне оставалось лишь пожелать, чтобы умерли те или иные момио, — и схема срабатывала как по волшебству. Разумеется, для этого мне приходилось выполнять определенные ритуалы. Например, как и прежде, посещать момио, прикасаясь к их капсулам. Иногда — кажется, это происходило бессознательно — я слегка корректировал режимы систем жизнеобеспечения. Нет, я не причинял им вреда... но каким-то непостижимым образом мои действия приводили именно к такому результату. По сути, это была настоящая магия.

И она действительно принесла пользу. Теперь мертвые и живые были отделены друг от друга. Полный ряд из шестнадцати колец — сто шестьдесят капсул, занятые исключительно мертвецами. И еще половина ряда — восемьдесят шесть мертвых. К этому времени погибла четверть «спящих».

Я ввел с пульта последовательность команд, которую давно заучил наизусть. Ее втайне от всех составил Норкинко. Поистине гениальная идея — поручить ему эту работу. Лучшие специалисты, опираясь на массу технических выкладок, в один голос утверждали, что мой план неосуществим, что я завязну в мощной защитной системе. Однако на протяжении многих лет, медленно продвигаясь по ступеням иерархии контролеров, Норкинко искал и находил пути в обход всех якобы непреодолимых препятствий, оставаясь незамеченным благодаря своей скрытности и сообразительности.

Но чем дальше продвигалась работа, тем более самоуверенным становился Норкинко. Поначалу эти перемены меня удивили, но я вскоре понял, что они были неизбежны. Зачислив его в контролеры, я собственноручно разбудил в нем амбиции человека, живущего в нормальном окружении, — это так отличалось от привычной добровольной самоизоляции. И по мере укрепления позиции Норкинко в команде он приспособливался к новой жизни с пугающей гибкостью. Спустя немного времени мне уже не приходилось прилагать усилий, чтобы продвигать его.

Но я так и не простил ему того предательства на борту «Калеуче».

Мы встречались лишь изредка, и с каждым разом Норкинко держался все наглей и самоуверенней. В первое время это не слишком бросалось в глаза. Работа продвигалась быстро, Норкинко подробно докладывал о каждом взломанном им слое защитной системы. Я требовал продемонстрировать результат, и он подчинялся. У меня не возникало сомнений в том, что задача будет выполнена удовлетворительно и в нужный мне срок.

Однако без проблем не обошлось.

Четыре месяца назад Норкинко нашел способ преодолеть последний уровень защитных механизмов. Задача была выполнена, работа закончена. И я неожиданно узнал, почему он так старался мне угодить.

— Хочу заключить с тобой соглашение, — заявил мой бывший друг. — Правда, здесь куда уместней было бы слово «шантаж».

— Ты это серьезно?

Мы встретились в тоннеле, который тянулся вдоль «хребта», во время очередной инспекции, возле узла номер семь.

— Я вообще очень серьезный человек. Небесный, разве ты этого еще не понял?

— Вроде начинаю понимать. — Я посмотрел вглубь тоннеля. Там вдали пульсировало оранжевое сияние.

— Чего ты хочешь, Норкинко?

— Власти, Небесный. Мне недостаточно руководить контролерами. Возможно, для того, кто помешан на компьютерах, это предел мечтаний. Но техническая работа меня больше не интересует. Я побывал на борту чужого корабля. Тогда я понял, на что могу рассчитывать. Теперь мне нужны более широкие перспективы. Я помню, какие блага ты обещал мне на борту «Калеуче». Пришло время получить мою долю власти и ответственности.

— Есть огромная разница между взломом программного обеспечения и управлением кораблем, — сказал я, тщательно подбирая слова.

— Только не надо меня учить, да еще так высокомерно. Я все прекрасно понимаю. Поэтому и говорю, что мне необходимы перспективы. Не бойся, я не мечу на твое место. Пусть

лучше оно перейдет ко мне естественным путем — по наследству. Я хочу быть старшим помощником — должность в высшем эшелоне власти меня вполне устроит. К тому же даст массу возможностей, когда мы приземлимся. Хочу себе отрезать небольшой надел, когда закончится наше путешествие.

— Кажется, я понял, к чему ты клонишь, Норкинко.

— Понял? Ну еще бы. Шантаж — весьма действенное средство.

Оранжевое свечение в коридоре приближалось, к нему добавился слабый гул.

— Назначить тебя в команду контролеров — это одно дело, Норкинко. У тебя, по крайней мере, есть необходимая квалификация. Но сделать тебя старшим офицером я не могу, за какие бы нитки ни дергал.

— Небесный, это не моя проблема. Ты постоянно твердил мне, до чего великолепная у тебя голова. Пораскинь мозгами, проверни какую-нибудь интригу. Ты же знаешь, как обеспечить мне погоны офицера.

— Есть вещи, которые в принципе невозможны.

— Только не для тебя, Небесный. Для кого угодно, только не для тебя. Неужели ты хочешь огорчить старого друга?

— А если все-таки ничего не выйдет?

— Тогда кое-кому станет известна твоя затея со «спящими». Не говоря уже об истории с Рамиресом. Или о смерти Бальказара. Ну и на сладкое — о личинках.

— Ты тоже замешан в этом.

— Я просто выполнял приказы. И только недавно понял суть твоих намерений.

— Ты знал с самого начала.

— А кто докажет?

Я хотел ответить, но к нам приближался грузовой состав, и пришлось бы слишком напрягать связки. По рельсам с грохотом неслась цепочка капсул, возвращаясь из отдаленной секции. Мы молча шагали назад, пока не достигли ниши, где можно было переждать. Эти вагоны, и не только они, давно нуждались в реконструкции или, по крайней мере, в ремонте. Но пока они не рассыпались, и основная часть второстепенного оборудования была давно снята с них и использована для других целей, а то, что осталось, работало кое-как.

Мы стояли молча, плечом к плечу, а машина приближалась к нам, заполняя собой тоннель, — оставался лишь узкий просвет по бокам ее округлого корпуса. Интересно, о чем думал Норкинко в эту минуту? Неужели и впрямь воображал, что я серьезно отнесусь к его предложению?

Когда грохочущий состав был в трех-четырех метрах от нас, я толкнул Норкинко.

Он упал на рельсы, раскинув руки.

Я видел, как машина яростно поволокла вперед его тело, а потом оно исчезло из виду. Еще минуту состав продолжал двигаться с прежней скоростью, затем неторопливо затормозил. По правилам он должен был остановиться немедленно, едва на пути возникнет препятствие, но эта функция, как и многие другие, прекратилась давным-давно.

Двигатель натужно захрипел, в тоннеле запахло озоном.

Я с трудом выбрался из ниши. Пока состав продолжал движение, это было невозможно, но сейчас я сумел протиснуться вдоль вереницы капсул и подошел к головному вагончику. Больше всего я боялся ненароком задеть какой-нибудь рычаг, который включает задний ход, — тогда меня бы просто растерло о стенку тоннеля.

Я заглянул под колеса, ожидая увидеть изуродованное тело Норкинко, застрявшее между рельсами и днищем капсулы.

Но он лежал рядом. А под днищем капсулы валялся его расплющенный инструментальный ящик.

Я опустил на колени. Норкинко получил скользящий удар по голове, кровь обильно текла из раны, хотя череп, похоже, был цел. Он дышал, но был без сознания.

И тут мне в голову пришла мысль. Норкинко мне больше не нужен, так или иначе, рано или поздно, ему придется умереть. Но идея, которая у меня появилась, была слишком красива, слишком соблазнительна, чтобы от нее отказаться. Риск, конечно, велик, к тому же мне требуется хотя бы полчаса полного одиночества. Да, получасовое опоздание груза не останется незамеченным. Но кто обратит на это внимание? И будут ли приняты какие-то экстренные меры? Вряд ли. Насколько мне известно, даже наименее изношенные составы не отличаются надежностью. Забавно... Я стал правителем крошечной империи, но не могу добиться, чтобы поезда ходили по расписанию.

Убедившись, что контейнер по-прежнему не дает составу тронуться с места, я поднял Норкинко и понес его вверх по «хребту», к узлу номер шесть. Это оказалось нелегко. Но в шестьдесят лет у меня было здоровье тридцатилетнего, а Норкинко за эти годы заметно потерял в весе.

К этому узлу были присоединены шесть модулей со «спящими». Из шестидесяти несколько момио были мертвы. Я был уверен: среди этих шестидесяти найдутся как минимум трое, кого можно выдать за Норкинко, особенно если позаботиться о том, чтобы лицо жертвы было изуродовано при падении под поезд.

Пробравшись к обшивке корабля, истекая потом и едва переводя дыхание, я добрался до капсулы, в которой лежал кандидат — на мой взгляд, лучший. Он был заморожен, но жив, и это идеально соответствовало моим намерениям. Пристроившись за пультом управления капсулой, я начал «разогревать» пассажира. Вообще-то, процесс занимает несколько часов, но сейчас меня не интересовало, как сильно пострадают клетки тела момио. Посмертное вскрытие проводиться не будет. Труп найдут под поездом, и никто не заподозрит подмены.

В этот момент у меня на запястье зазвенел браслет-коммуникатор.

— Капитан Хаусманн на связи.

— Мы получили сигнал о возможных технических неполадках, сэр. Состав в тоннеле номер три, возле шестого узла. Прикажете отправить аварийную бригаду?

— В этом нет необходимости, — протянул я, стараясь не выдать волнения. — Я нахожусь недалеко, взгляну сам.

— Вы уверены, сэр?

— Конечно... Нет смысла поднимать бригаду.

Пассажир «отогрелся», но его мозг погиб. Я поднял момио из саркофага. Да, сложением он вполне напоминал Норкинко, совпадал и цвет волос. И оттенок кожи. Насколько мне было известно, Норкинко не имел романтических связей на «Сантьяго», но, если они и были, даже любимая женщина не отличит его от мертвого пассажира, когда я закончу работу.

Приподняв своего бывшего друга, я уложил его в саркофаг. Он еще дышал, даже пару раз простонал, прежде чем снова потерять сознание. Я раздел его догола и опутал паутиной биомониторов. Устройства ввода автоматически прилипли к его телу,

некоторые датчики аккуратно проникли под кожу и, змеясь, поползли к внутренним органам.

На пульте загорелся ряд зеленых огоньков — подстройка закончилась, саркофаг принял Норкинко. Потом крышка мягко опустилась.

Я осмотрел главную панель с показателями текущего состояния.

Запрограммированное время сна истекает через четыре года. «Сантьяго» уже достигнет орбиты Пункта Назначения, и для «спящих» настанет время проснуться и шагнуть в свой новый эдем.

Этот срок меня вполне устраивал.

Я удовлетворенно кивнул. Теперь мне предстояло оттащить пассажира по тоннелю вдоль «хребта», предварительно облачив его в одежду, снятую с Норкинко.

Когда мы были на месте, я положил моими в десяти метрах от машины, которая все еще пыталась сдвинуть с места инструментальный ящик Норкинко, источая вонь пережатых обмоток. Затем я извлек из шкафа для инструментов, находившегося в нише, увесистый лом. Несколько ударов, и лицо пассажира изуродовано до неузнаваемости. Его череп хрустел, словно ореховая скорлупа. Вернувшись к поезду, я с размаху выбил ящик из-под днища капсулы.

Освобожденный состав мгновенно начал разгоняться. Пришлось бежать впереди, чтобы меня не расплющило об стену. Проворно перешагнув через труп, я укрылся в следующей нише, чтобы с отрешенным любопытством наблюдать, как груженные капсулы бегут все быстрее. Потом головная капсула ударила «спящего» и потащила его вперед, подминая под себя.

Наконец, где-то впереди, поезд снова остановился.

Я не торопясь пошел следом. Меньше часа назад я точно так же обходил состав и даже не слишком удивился, обнаружив, что Норкинко уцелел. Но теперь ошибки быть не могло. Поезд достойно выполнил свою задачу. В данном случае его остановил не комплект инструментов, а стоп-сигнал, который наконец-то сработал... слишком поздно, чтобы спасти «спящего».

Оттянув манжету, я произнес в динамик коммуникатора:

— Говорит Небесный Хаусманн. Боюсь, здесь случилось нечто ужасное.

Все это произошло четыре месяца назад. Наша дружба закончилась печально, зато Норкинко не предал меня. По крайней мере, я на это надеялся. Через несколько мгновений я буду знать точно.

На главном экране появилось изображение корабля — вид вдоль «хребта», с удобного расстояния в несколько метров над корпусом. Это походило на этюд с точками схождения параллельных, с резкими перспективами, способными вдохновить художника эпохи Возрождения. Шестнадцать кольцевых модулей с мертвецами выстроились друг за другом, они уменьшались в размерах и искажались, превращаясь в эллипсы.

Наконец под первым, ближайшим из колец пробудился ряд запалов. Кольцо отсоединилось от корпуса и лениво поплыло прочь, понемногу накрываясь. Пуповины питающих линий между «Сантьяго» и кольцом натянулись до предела и разорвались, хлестнув по обшивке. Замороженные газы, которые еще оставались в отсеченных трубопроводах, взорвались хрустальными облаками. Где-то завывали сирены. Я почти не слышал, но на борту моего корабля, наверное, поднялся изрядный переполох.

От корабля медленно отделилось второе кольцо. Вздригнуло и сорвалось с креплений третье. То же самое происходило по всему «хребту». Задумано неплохо. Вначале мне хотелось, чтобы заряды взорвались одновременно под всеми кольцами, тогда модули отчалили бы от корабля ровными параллельными рядами. Но в этом не было поэзии. Куда приятнее освобождать их по одному и наблюдать, как они уплывают друг за другом, словно подчиняясь врожденному миграционному инстинкту.

— Вы видите, что я делаю? — спросил я.

— Прекрасно вижу, — ответил один из капитанов. — И меня от этого тошнит.

— Они мертвы, идиот! Какая им разница, где быть похороненными — в космосе или в земле Пункта Назначения?

— Они же люди. И заслуживают достойного обращения, даже мертвые. Вы не имеете права выбрасывать их за борт.

— Ошибаетесь. Сами «спящие» не играют особой роли. Их масса ничтожна по сравнению с массой аппаратуры, которая поддерживает их жизнь. Теперь у нас большое преимущество — и мы сможем сохранять крейсерскую скорость дольше, чем вы.

— Четверть контингента момио не даст вам существенного преимущества, Хаусманн.

Похоже, этот тип прилежно учился в школе — его расчеты не слишком расходились с моими.

— И что останется от вашего преимущества, когда выйдете на орбиту Пункта Назначения? Максимум несколько недель?

— Этого достаточно, чтобы подыскать лучшие места для приземления, высадить наших людей и застолбить территорию.

— Если ваших людей будет достаточно. Как я понимаю, вы убивали «спящих»? Мы знаем, каковы ваши потери, Хаусманн. Уровень смертности на вашем корабле не может быть выше, чем у нас. Помните, я говорил о нашей разведке? Мы потеряли всего сто двадцать «спящих». Примерно такая же обстановка на других кораблях. Вы были слишком небрежны, Хаусманн? Или хотели, чтобы эти люди умерли?

— Не болтайте чепухи. Если я хотел убить момио, почему не убил всех?

— Собираетесь заселить планету горсткой уцелевших. Хаусманн, вы хоть немного разбираетесь в генетике? Знаете, что такое инцест?

Да, я думал не только об этом. Но какой смысл посвящать недоумка в свои планы? Если у него действительно такая хорошая разведка, пусть узнает обо всем сам, без моей помощи.

— Всему свое время, — сказал я.

Первым, кто бросил мне вызов, был Самудио. Правда, результат получился несколько неожиданным. Видимо, капитану «Палестины» показалось, что у него есть все шансы полностью перекрыть поток антивещества, иначе он бы не пытался остановить свои двигатели.

Вспышка была столь же мощной и ослепительно-белой, как в тот день, который я помнил с детства, — в день гибели «Исламабада».

Но наавтра случилось нечто непредвиденное.

Перед взрывом до последнего мгновения с корабля Самудио продолжала поступать техническая информация. И его союзники, вынужденно сохраняя режим торможения, которое безуспешно пытался прекратить Самудио, получали эти послания. Я не предвидел, что уцелевшие корабли объединятся против меня. Вначале это показалось мне странным, но следовало дога-

даться, что такое случится. Теперь у мерзавцев появился общий враг. В некотором роде это была моя заслуга. Я вызывал у них такой страх, что они предпочли объединить усилия в борьбе со мной, забыв прежние раздоры.

Когтистые лапы Самудио тянутся ко мне с того света.

— Он даже не подозревал, какую ценность представляют эти данные, — произнес Арместо.

— Самудио это не помогло, — возразил я.

Уцелевшие корабли Флотилии продолжали торможение. Связь между ними и «Сантьяго» ухудшалась, но специальное программное обеспечение делало помехи почти неощутимыми. Никак нельзя было противодействовать лишь задержке по времени, которая росла вместе с расстоянием, разделяющим нас.

— Согласен, — ответил Арместо. — Но, пожертвовав собой, эти люди дали нам информацию колоссальной ценности. Вам объяснить?

— Если это доставит вам удовольствие, — ответил я подчеркнуто скучающим тоном.

На самом деле меня терзала не скука, а страх.

Арместо рассказал. Информация с «Палестины» шла к ним сквозь космос до последней наносекунды перед взрывом корабля. И до последней наносекунды экипаж пытался остановить поток антивещества. Люди на борту «Палестины» знали, что находятся в смертельной опасности, но точные параметры аварийного режима до сих пор не были установлены, они лишь приблизительно определялись в процессе компьютерного моделирования. Поговаривали, что при достаточно корректной работе в аварийном режиме есть возможность удержать ситуацию под контролем, регулируя поток горючего. Это было невозможно проверить заранее, но команда «Палестины» провела эксперимент, который стоил ей жизни. Данные телеметрии перестали поступать сразу после выхода в аварийный режим, но они рассказали о нестабильности больше, чем любые лабораторные тесты или компьютерные симуляции.

И Арместо смог извлечь из этого выгоду.

Информация позволяла прогнозировать развитие ситуации в аварийном режиме. Данные, загруженные в бортовой компьютер, вкупе с моделями, построенными специалистами по энергоустановкам, позволили разработать методику сдержива-

ния дисбаланса. Стоило слегка поколдовать с топологией магнитного «горлышка», и поток аккуратно гасился без риска обратного выброса антивещества или его утечки. Это была чертовски опасная затея, но мои противники решили рискнуть.

Оба корабля, преследующие меня, — «Бразилия» и «Багдад» — развернулись так, что сопла двигателей смотрели вперед. Выбросы антивещества вспыхнули в небесной полусфере за кормой «Сантьяго», точно голубые солнца. Потоки излучения из двигателей — мощное оружие, не стоит его недооценивать. Но я знал: ни Арместо, ни Омдурман не решатся опалить своими факелами корпус моего корабля. Они готовы уничтожить меня, но не будущих колонистов, находившихся на моем борту. С тем же успехом я мог бы запустить двигатель и накрыть выбросом одного из этих гадов, которые ползли за мной. Но это однозначно развяжет руки уцелевшему. Он спалит «Сантьяго», и пассажиры на борту уже не спасут меня. Компьютерное моделирование показало, что я не успею повернуть: второй корабль очистит меня от грехов единственной вспышкой адского пламени.

Скверная перспектива... Значит, мне придется уживаться с парой врагов, пока не найдется способ от них избавиться. Я все еще просчитывал варианты, когда оба огненных конуса мигнули и погасли абсолютно синхронно.

Затаив дыхание, я ожидал двойной ядерной вспышки — она бы подтвердила, что прекращение подачи антивещества привело к неполадке в работе двигателей.

Но вспышек не было.

Арместо и Омдурману удалось заглушить двигатели, и теперь они по инерции двигались за мной. Впрочем, прежней скорости не достигли.

Арместо вышел в эфир:

— Надеюсь, вы все видели, Небесный. Вам не кажется, что ситуация изменилась?

— Не настолько, как вам бы этого хотелось.

— Да перестаньте юлить. Вы понимаете, что это означает. Теперь мы с Омдурманом можем запускать наши двигатели на любой отрезок времени, сколь угодно короткий. А вы не можете. В этом вся разница.

Я выдержал паузу.

— Это ничего не меняет. Относительная масса покоя кораблей за день не изменилась. Вам все равно придется тормозить, если хотите попасть на орбиту шестьдесят первой Лебеда. Мой корабль по-прежнему легче на массу сброшенных модулей со «спящими». Значит, у меня сохраняется преимущество. Я буду двигаться с крейсерской скоростью до последней минуты.

— Вы кое-что упустили, — возразил Арместо. — У нас тоже есть мертвые.

— Это уже не имеет значения. В любом случае крейсерская скорость «Сантьяго» выше. И если я не ошибаюсь, вы сами говорили, что потери у вас меньше.

— Мы найдем способ остановить вас, Хаусманн. И не дадим прийти первым.

Я посмотрел на дисплеи дальнего обзора. Оба корабля изображались как крупные продолговатые пятна. Снова они поворачивали — медленно, но верно. У меня на глазах пятна превратились в тонкие линии, затем линии стали точками...

И вдруг исчезли в ореолах излучения.

Корабли объединились, чтобы начать погоню.

— Наш разговор не закончен, — сказал Арместо.

Через день я увидел, как с обоих кораблей выбрасывают мертвецов.

Прошло ровно двадцать четыре часа с тех пор, как Арместо и Омдурман возобновили погоню, продемонстрировав способность регулировать работу двигателей, — я пока не знал, как они это делают. Гибель «Палестины» пошла им на благо, хотя об этом никто не говорил. Равно как и о том, что взрыв стоил жизни почти тысяче колонистов.

Теперь оба корабля снова летели с той же скоростью, что и «Сантьяго», приближаясь к Пункту Назначения. И враги были готовы на все, чтобы побить меня моим же оружием. Понятно, что ничего другого им не оставалось. Масса моего корабля по-прежнему была меньше. Значит, им придется сократить массу, если они хотят следовать по той же кривой торможения.

То есть выбросить в космос своих мертвецов.

Это выглядело не слишком изящно. Должно быть, им приходилось работать круглые сутки, чтобы выполнить те операции, на которые у Норкинко ушла почти вся жизнь. Но у них имелось преимущество: им не нужно было скрываться. Все люди на борту «Бразилии» и «Багдада» не жалели своих сил для

достижения цели. Я почти завидовал им. Насколько проще выполнять работу в открытую... правда, при этом страдает элегантность исполнения.

Я смотрел на сильно увеличенные изображения модулей, которые отрывались от кораблей, точно клочки бумаги, — мало похоже на заранее спланированную акцию. Качество изображения было скверным, оно не позволяло убедиться в том, что по обшивке ползают люди в скафандрах, орудуя резаками и взрывчаткой. Без грубой силы им было просто не обойтись.

— Вам все равно не победить, — сказал я.

К моему удивлению, Арместо снизошел до ответа — хотя я был почти уверен, что оба корабля отныне будут соблюдать режим радиомолчания.

— Мы победим. Непременно победим.

— Вы сами говорили, что мертвых у вас меньше, чем у меня. Даже если выбросите всех, этого будет недостаточно.

— Мы сделаем так, чтобы этого было достаточно.

Позже я разгадал их замысел. Что бы ни случилось в дальнейшем, до Пункта Назначения оставалось не больше двух-трех месяцев полета. При разумном использовании запасов некоторых колонистов можно было разбудить раньше срока. Оживленные моими могут жить на борту вместе с экипажем; условия будут почти нечеловеческими, но все же пригодными для существования. Каждые десять разбуженных колонистов — это один сброшенный модуль и соответствующее уменьшение массы корабля, которое даст более крутую траекторию торможения. Это длительный и рискованный процесс. По моим расчетам, они потеряют примерно одного из десяти колонистов, потому что условия размораживания будут близки к экстремальным. Но этого действительно может оказаться достаточно.

Им удастся если не получить преимущество, то хотя бы уравнять шансы.

— Ваш план мне известен, — сказал я Арместо.

— Очень в этом сомневаюсь, — хмыкнул старик.

Вскоре я убедился, что был прав. Суэта, которая сопровождала сброс первых модулей, сменилась стабильностью: каждые десять часов. Именно этого я и ждал. На то, чтобы оживить всех колонистов в модуле, уходит десять часов. Количество людей,

способных провести подобную операцию, очень невелико, так что им придется работать посменно.

— Не уверен, что вам это поможет, — сказал я.

— Зато я уверен, Небесный. Еще как поможет.

И тут я понял, что нужно сделать.

ГЛАВА 38

— Хочешь сказать, это ты ее убил? — спросила Зебра.

Мы — все пятеро — по-прежнему созерцали фантазмагорическую картину гибели мадам Доминики.

— Я этого не говорил. Я сказал, что ее убил Таннер Мирабель.

— А кто же тогда вы? — спросила Шантерель.

— Вы не поверите, если я назову свое имя. Мне и самому трудно к нему привыкнуть.

— Доминика умерла совсем недавно, — с мрачной убежденностью объявил Пранский, дождавшись, когда мы обменяемся мнениями. — Видите, трупное окоченение не наступило. Если вы были на виду последние несколько часов, то у вас, пожалуй, надежное алиби.

Зебра потянула меня за рукав:

— А те двое, Таннер? Люди, которые тебя выслеживали? Нездешние, если верить Доминике. Они могли избавиться от свидетеля.

— Понятия не имею, кто такие, — сказал я. — По крайней мере, что касается женщины. А мужчина... попробуем угадать.

— Пожалуй, нам не стоит здесь задерживаться, — вмешался Квирренбах. — Если мы не хотим познакомиться с местными властями. В моем списке приоритетов это знакомство стоит на самом последнем месте.

— Как это ни противно, вынуждена согласиться, — усмехнулась Шантерель. — Знаешь, Таннер, ему не чужд здравый смысл.

— Пожалуй, вам не следует называть меня этим именем.

Зебра задумчиво покачала головой:

— И как тебя зовут?

— Только не Таннер Мирабель. — Я кивнул в сторону Доминики. — Думаю, ее убил именно Мирабель — человек, который меня преследует. Это его работа, а не моя.

— Полный бред, — сказала Шантерель. Остальные кивнули, выражая согласие с этим мнением, хотя и без особого энтузиазма. — Если вы не Таннер Мирабель, то кто же тогда?

— Кагуэлла.

Я знал, что это лишь половина правды.

Зебра возмущенно подбоченилась:

— И у тебя до сих пор не возникало желания об этом сообщить?!

— Я сам только недавно понял. Думаю, Кагуэлла изменил мои... свои воспоминания, чтобы скрыть свою подлинную личность. Ему пришлось это сделать, чтобы бежать с Окраины Неба. Его могли опознать — если не по внешности, то по воспоминаниям... Черт, непривычно говорить о себе в третьем лице.

Зебра, прищурясь, разглядывала меня, словно пыталась оценить, насколько ошибалась на мой счет:

— Ты действительно в это веришь?

— Представь себе, да. Правда, к этому не сразу удалось привыкнуть.

— Он явно не в себе, — объявил Квирренбах. — Странно: я не думал, что такому парню достаточно посмотреть на мертвую толстуху, чтобы у него поехала крыша.

Я развернулся и засветил ему в челюсть — неожиданно даже для себя.

Учитывая, что Шантерель держала композитора под прицелом, он вряд ли мог дать сдачи. Поскользнувшись в луже какой-то медицинской жидкости, Квирренбах растянулся на полу, успев, однако, поднять руку, чтобы схватиться за подбородок.

Он попытался отползти под кушетку — и завопил, едва сунувшись туда. В первый момент я решил, что он наткнулся на змею. Однако существо, выползшее из укрытия, оказалось куда крупнее змеи. Это был Том, верный помощник Доминики.

Я протянул ему руку:

— Иди сюда. С нами тебе нечего бояться.

Доминику убил человек, который уже заходил к ней раньше и спрашивал обо мне.

— Он тоже чужой, как ты, господина, — сказал Том сперва небрежно, а затем повторил с ноткой подозрительности: — Не совсем как Таннер, но очень похож.

— Все в порядке, — положил я руку ему на плечо. — Человек, который убил Доминику, просто на меня похож. Правда. Но ведь это был не я?

Мальчуган медленно кивнул:

— Ты говорить не так, как он.

— Он говорил иначе?

— Ты говорить заковыристо, господина. А тот, другой, похожий на ты, он не говорить много слов.

— Тип мускулистого молчуна, — заключила Зебра, затем покровительственным жестом подозвала паренька, и тот очутился в объятиях ее длинных гибких рук.

Я был слегка тронут. Впервые увидел, как обитатель Полога проявляет сочувствие к жителю Мульчи, — оказывается, между ними в принципе возможны человеческие отношения. Несомненно, Зебра считает «Игру» злом. Но совсем другое дело — когда она подкрепляет свои слова простым ободряющим жестом.

— Нам тоже жаль Доминику, — сказала она. — Ты должен поверить, что мы не убийцы.

Том всхлипнул. Он был вне себя от горя, факт гибели Доминики еще не успел уложиться у него в голове. Паренек рассуждал вполне здраво и рад был помочь нам. По крайней мере, я надеялся, что ему еще не пришлось выработать иммунитет к подобным переживаниям. Это приемлемо для солдата, но не для ребенка.

— Он был один? — спросил я. — Мне говорили, что меня разыскивают мужчина и женщина. Ты уверен, что это он?

— Он самый. — Паренек отвернулся, чтобы не смотреть на покачивающийся труп. — И он тоже быть не один. Женщина быть с он, но выглядеть несчастливая на этот раз.

— А в первый раз она была счастливой?

— Не счастливая, но... — Мальчуган смутился. Видно было, как он безуспешно ищет в своем жалком словаре подходящее слово. — Тогда она выглядеть, будто ей с он хорошо, будто они друзья. Он тоже тогда быть лучше — больше похожий на вас.

Это было не лишено смысла. Возможно, в первый раз он заглянул к Доминике, чтобы разведать обстановку. Ему нужно было побольше узнать о Городе и, опираясь на эти знания, прикинуть, где может прятаться его добыча — Рейвич, я или мы оба. Он мог убить Доминику уже тогда, но, наверное, решил, что она еще пригодится. Поэтому и не тронул ее до тех пор, пока не вернулся со змеями, купленными, скорее всего, на базаре.

Он выбрал способ убийства, который о многом говорил мне, — говорил секретным языком смертельных ритуалов, заставляя кровоточить старые раны в моей душе.

— А та женщина тоже нездешняя? — спросил я.

Но Том знал о ней не больше моего.

Воспользовавшись телефоном Зебры, я позвонил Лорану, человеку-свинье, чья кухня так сильно пострадала от моего падения с Полога. С тех пор прошла целая вечность. Я сказал, что он окажет мне неоценимую услугу, если вместе с женой позаботится о Томе, пока не уляжется шум, — понятно, что срок я назвал наугад.

— Я позаботиться сам за себя, — обиделся Том. — Свинья незачем.

— Они хорошие ребята, поверь. С ними ты будешь в полной безопасности. Если пойдут слухи, что остался свидетель убийства Доминики, вернется тот человек, найдет тебя и прикончит.

— Я теперь всегда прятаться?

— Нет. Только до тех пор, пока я не убью того, кто это сделал. Имей в виду, я не собираюсь посвящать этому остаток жизни.

Когда мы покинули палатку, на площади по-прежнему было тихо. Человек-свинья и его жена стояли за желтой масляной пеленой дождевой воды, нескончаемо падавшей с карниза здания. Поначалу мальчуган косился на них с недоверием. Потом Лоран усадил его в свою машину на огромных надувных колесах, и она исчезла во мраке, как призрак.

— Думаю, он в безопасности, — сказал я.

— Вы хотите сказать, ему действительно грозит опасность? — спросил Квирренбах.

— И куда более серьезная, чем вы представляете. У человека, который убил Доминику, совесть отсутствует как таковая.

— Вы говорите так, словно знаете его.

— Знаю.

Мы вернулись к машине Шантерель.

— Я совершенно запутался, — пожаловался Квирренбах, когда мы влезли в прозрачную полусферу, где было сухо и светло. — Даже не понимаю, с кем имею дело. Такое ощущение, будто из-под моих ног выдернули ковер. — И он посмотрел на меня.

— И все потому, что я нашел эту женщину? — недоуменно спросил Пранский. — Или потому, что Мирабель тронулся умом?

— Квирренбах, — перебил я, — выясните, где тут можно купить змей. Желательно неподалеку.

— Вы слышали, о чем только что шла речь?

— Слышал. Мне просто не хочется сейчас об этом говорить.

— Таннер... — Зебра осеклась. — Черт, как тебя теперь звать?.. Эта история с твоим именем имеет какое-то отношение к тому, что говорил миксмастер?

— Простите, о каком миксмастере идет речь? — вмешалась Шантерель. — Случайно, не о том, к которому я вас водила?

На это я лишь покорно кивнул.

— Я знаю пару местных торговцев змеями, — примирительно сказал Квирренбах и, дотянувшись через плечо Зебры до пульта, ввел какие-то команды.

Машина плавно поднялась в воздух, унося нас из пропитанной безнадежностью Мульчи, из ее вечной вони и запущенности.

— Хотел выяснить, что у меня с глазами, — сказал я Шантерели. — И кому понадобилось подвергать меня генной операции. Когда я вернулся к миксмастеру с Зеброй, он сказал, что работу, по-видимому, выполнили ультра, а потом кто-то грубо свернул процесс — возможно, черные генетики.

— Продолжайте.

— Услышанное мне не понравилось. Трудно сказать, чего я ожидал, но только не того, что окажусь не самим собой.

— Значит, глаза вы прооперировали добровольно?

Я кивнул:

— Ночное зрение — полезная вещь. Например, для заядлого охотника. Теперь я прекрасно вижу в темноте.

— И кем вы оказались? — спросила Шантерель.

— Хороший вопрос, — подхватила Зебра. — Только для начала расскажи, что дало полное сканирование. Для чего понадобилась эта процедура?

— Искал следы старых ранений, — пояснил я. — Обе раны были получены примерно в одно и то же время. Я очень надеялся обнаружить одну из них и предпочел бы не найти другую.

— На то была особая причина?

— Таннеру Мирабелю отстрелили ступню люди Рейвича. Ее можно было заменить органическим протезом либо клоном, выращенным из моих собственных клеток. Но в любом случае ступню пришлось бы присоединять к культе, а это уже хирургическое вмешательство. Пожалуй, на Йеллоустоне с помощью передовых медицинских технологий можно было бы сделать это так, чтобы не осталось следа. Но только не на Окраине Неба. Сканер миксмастера непременно должен был что-нибудь обнаружить.

Зебра задумчиво кивнула:

— Звучит правдоподобно. Но если, по твоим словам, ты не Таннер, откуда знаешь, что с ним случилось?

— Похоже, я украл его воспоминания.

Гитта рухнула на пол палатки почти одновременно с Кагуэллой.

Оба не издали ни звука. Гитта была мертва. Если эта подробность имеет какое-то значение, она умерла в тот миг, когда луч моего оружия пробил ей череп, превратив мозговую ткань в подобие ритуального праха, в горстку тонкого серого пепла, который целиком поместится в ладонях и струйками потечет между пальцами. Ее рот чуть приоткрылся, но вряд ли она успела осознать происходящее, прежде чем утратила способность мыслить. Я надеялся... я отчаянно надеялся на то, что последняя мысль Гитты была обо мне: я приду на помощь, я спасу ее. Когда она падала, нож боевика пропорол ей горло, но она уже не могла почувствовать боль.

Кагуэлла, пронзенный лучом, который должен был убить боевика и спасти Гитту, тихо вздохнул, словно погружаясь в благодатный сон. Он потерял сознание от болевого шока — маленькая милость судьбы.

Бандит поднял голову и посмотрел на меня. Разумеется, он ничего не понимал. Мой поступок нельзя было объяснить логи-

чески. Интересно, как быстро он сообразит, что выстрел, погубивший Гитту, — он был сделан с геометрической точностью, — по сути, предназначался ему? Как скоро до него дойдет простая истина: я напрасно считал себя непревзойденным снайпером, потому что убил единственного человека, которого готов был спасти любой ценой?

Последовала напряженная пауза. Думаю, за это время боевик оказался примерно на полпути к догадке.

Но я не позволил ему дойти до конца.

На этот раз я не промахнулся. И продолжал стрелять даже после того, как задача была выполнена. Разрядил всю батарею: ствол в сумраке палатки засветился вишнево-красным.

С минуту я стоял над тремя телами. Затем во мне проснулся инстинкт солдата. Я очнулся и попытался оценить ситуацию.

Кагуэлла все еще дышал, но был в глубоком обмороке. Боевик Рейвича превратился в пособие для лекции по анатомии черепа. А ведь подвергать его такой казни не имело ни малейшего смысла. Наверное, это раскаяние было последней судорогой умирающего во мне наемника. Разрядив лучевик, я перешагнул грань и очутился в ином пространстве, не таком шизоидном. Здесь было еще меньше правил, а целесообразность убийства не могла быть измерена той же мерой, что и необходимость дать выход гневу.

Отложив оружие, я опустился на колени возле Гитты.

Медкомплект не потребовался. Я и так знал, что она мертва. Не могу сказать, зачем я достал карманный нейронный сканер и провел по ее голове, глядя, как на дисплее кровью проступают строчки. Необратимый распад тканей, глубокое повреждение мозговых структур, обширная травма коркового слоя... Даже будь у нас в лагере грал, он бы не помог добыть ни одного воспоминания, позволяющего воссоздать ее личность. Слишком уж глубоки повреждения; остановлены биохимические процессы. Несмотря на это, я пристегнул ей на грудь медицинский жилет — портативную систему жизнеобеспечения — и стал наблюдать, как устройство борется со смертью. Кровоснабжение возобновилось, щеки порозовели. Прибор будет поддерживать в Гитте подобие жизни, пока мы не вернемся в Дом Рептилий. Кагуэлла убьет меня, если я не сделаю хотя бы этого.

Теперь я занялся хозяином. Его ранение оказалось не слишком серьезным: лазер прошил тело насквозь, но импульс был

предельно коротким, а луч — предельно тонким. Большинство внутренних повреждений было вызвано не выстрелом, а мгновенным испарением внутриклеточной жидкости; образовалась цепь крошечных ожогов по всему пути следования луча. Входное и выходное отверстия были совсем крошечными. Если я что-то в этом понимаю, луч прижег сосуды и внутреннего кровотечения быть не должно. Конечно, это серьезное ранение, но беспокоиться за жизнь Кагуэллы нет причин, даже если я могу лишь держать его в коматозном состоянии, надев на него медицинский жилет.

Закрепив прибор, я оставил Кагуэллу мирно лежать рядом с женой, затем схватил свой лучевик, вбил в него свежую батарею и отправился на обход периметра. Другое ружье по-прежнему выполняло роль костыля. О том, что случилось с моей ногой, я старался не думать. Знал на уровне абстрактных рассуждений, что в этом нет ничего непоправимого, что нужно лишь время.

Мне хватило пяти минут, чтобы убедиться: все люди Рейвича мертвы... и мои тоже. Уцелели только мы с Кагуэллой. И Дитерлинг. Ему повезло больше всех: он пострадал минимально, хотя выглядел не лучшим образом. Таково свойство скользящих ранений в голову. Дитерлинг потерял сознание, и боевики Рейвича решили, что он убит.

Через час, валясь с ног от усталости — перед глазами уже плавали туманные пятна, похожие на тучи перед ночной бурей, — я все-таки сумел погрузить в машину Кагуэллу и его жену. Потом откачал Дитерлинга — потеряв много крови, он был чуть жив. Помню, время от времени я орал от боли.

Рухнув в кресло водителя, я завел двигатель, и машина тронулась. Каждая моя клетка вела неравный бой со сном. Нужно ехать на юг. Я должен оказаться как можно дальше отсюда, прежде чем Рейвич бросит в погоню еще один отряд. Именно это он и сделает, когда пройдет срок возвращения первой группы.

До рассвета как будто оставалась целая вечность. Когда горизонт, теперь чистый от облаков, наконец-то окрасился в розовое, мне казалось, что это уже двенадцатый восход. Не знаю, каким образом я добрался до Дома Рептилий.

Лучше бы не добрался.

Мы навестили трех торговцев змеями, пока не отыскиали того, кто был нам нужен.

Да, здесь побывал покупатель — явно не из местных — и взял столько змей, что торговец смог закрыть лавку до утра. Это произошло вчера. Очевидно, убийство Доминики было подготовлено заранее.

По словам торговца, покупатель действительно был вылитый я. Нет, не двойник, но если не присматриваться, то сходство поражало. Он говорил с тем же акцентом, хотя не был столь общителен, как я.

Разумеется, у нас одинаковый акцент. Мы не просто родом с одной планеты — мы оба с Полуострова!

— А женщина, которая была с ним? — спросил я.

Торговец еще ни разу не упомянул о ней, но нервно огладил нафабранные усы. Этот жест указывал на то, что вопрос попал в точку.

— Вы злоупотребляете моим временем, — сказал торговец.

— Есть в этом Городе хоть что-нибудь, чего нельзя купить? — вздохнул я, протягивая банкноту.

Торговец хихикнул:

— Несомненно. Но это точно не про меня.

— Итак, женщина, — настойчиво произнес я, не спуская глаз со свернувшейся в клетке изумрудной змеи. — Опишите ее.

— А какой смысл? Они же все на одно лицо.

— Кто это «они»?

Он рассмеялся, на этот раз громче, словно уличил меня в крайнем невежестве.

— Кто-кто... Нищенствующие. Видел одного — считай, повидал всех.

Я в ужасе уставился на торговца.

Нищенствующим я позвонил на другой день после того, как прибыл в Город Бездны. Тогда я искал сестру Амелию, чтобы расспросить о Квирренбахе. Но мне довелось лишь полюбоваться на синяк под глазом у брата Алексея. «Она тоже вас разыскивает». Тогда я не придавал значения этой фразе, но теперь она вспыхнула в мозгу, точно осветительная ракета.

С Таннером была сестра Амелия.

Агенты Зебры даже не упомянули о том, что женщина принадлежала к ордену нищенствующих. Напротив, торговец змеями был в этом уверен. Возможно, я ошибался, и речь шла о разных женщинах. Потом до меня дошло: она исчезала, а появлялась уже в новом облике — или преследуя какую-то цель, или не очень уверенно чувствуя себя в очередной роли.

Но какую роль она играла во всей этой истории?

После того как меня разморозили, я открылся Амелии полностью. Доверил ей свой разум, ослабленный многолетним сном в гибернаторе. И за все время моего лечения в хосписе эта женщина ни разу не дала мне повода сомневаться, что она всего лишь хороший специалист.

Но насколько она доверяла мне?

Таннер — настоящий — тоже мог пройти через хоспис «Айджилд», если гнался за мной. Он даже мог прилететь с Окраины Неба на том же корабле, только проснулся чуть позже, чем я, а первым, похоже, оживили Рейвича. Но имя «Таннер Мирабель» уже было использовано. Значит, пришлось придумать что-то другое. И если он не хотел выдать себя за сумасшедшего, страдающего рассеянностью после размораживания, то с объявлением своего подлинного имени стоило повременить. Лучшее всего — ложь во спасение — представиться кем-то другим.

Чем дальше, тем сложнее... Я старался не думать о том, как все это выглядело в глазах Зебры, Шантерели и остальных.

Я не был Таннером Мирабелем.

Я был... кем-то кошмарным, древним, как динозавры, и похожим на них. Кем-то, с чьим существованием не мог смириться мой разум — не мог смириться и не мог полностью игнорировать. Когда Амелия и нищенствующие оживили меня, я путешествовал под именем Таннера Мирабеля. Во мне жили все его воспоминания и навыки, а главное, я знал, что у меня чрезвычайно важная миссия. Не возникало никаких вопросов. Все было как надо.

И все было ложью.

Разговор с торговцем змеями еще не был закончен, когда снова подал голос телефон Зебры. Его звон почти потерялся в несмолкающем шелесте дождя и шипении рептилий в клет-

ках. Зебра вынула аппарат и недоверчиво посмотрела на внешний дисплей.

— Вызов на твое имя, Пранский, — сказала Зебра. — Но ты единственный, кому известен этот номер, — и ты, если не ошибаюсь, стоишь рядом.

— Советую хорошенько подумать, прежде чем отвечать, — заметил я. — Конечно, если звонит тот, о ком я думаю.

Зебра откинула дисплей, как Пандора крышку ларца, — с любопытством и страхом перед последствиями. Капли дождя бежали по экрану, словно неровная колонна прозрачных жучков. Потом Зебра поднесла аппарат к самым губам и что-то спокойно произнесла.

Ей ответили. Она снова пробормотала пару слов, на этот раз не столь уверенно, и обернулась ко мне:

— Ты был прав, Таннер. Это тебя.

Я взял у нее телефон. Сколько зла может заключать в себе такая маленькая вещичка... И посмотрел на лицо, очень похожее на мое собственное.

— Таннер? — невозможно произнес я.

Последовала изрядная пауза, затем мужской голос удивленно произнес:

— Ты спрашиваешь или представляешься?

— Хорошая шутка.

— Я должен тебе кое-что сказать. — Слова звучали тихо, теряясь в шуме каких-то механизмов. — Не знаю, насколько ты успел разобраться, что к чему.

— Кажется, начинаю понимать.

Снова пауза. Я понял, что Таннер находится не на Йеллоустоне, а где-то в доле световой секунды. Возможно, на низкой орбите или возле пояса обитателей, арендуемых нищенствующими.

— Ладно. Пока не буду называть тебя настоящим именем — боюсь обидеть. Но кое-что расскажу.

У меня заныла каждая мышца.

— Я здесь для того, чтобы выполнить задачу Таннера Мирабеля, завершить начатое им, — для того, чтобы убить тебя, так же как ты прибыл сюда, чтобы убить Рейвича. Нравится такая симметрия?

— Насколько я понимаю, ты сейчас в космосе. Значит, движешься не в том направлении. Мне известно, что здесь ты уже побывал. И оставил визитную карточку у Доминики.

— Мило получилось со змеями, согласишься. Или ты еще не понял намека?

— Стараюсь.

— Мне действительно приятно было с тобой поболтать. — Лицо на дисплее улыбнулось. — Может быть, как-нибудь удасться продолжить разговор.

Я знал, что это ловушка. И шагнул в нее.

— Где ты находишься?

— В дороге. Собираюсь навестить твоего хорошего друга.

— Рейвича, — спокойно произнес Квирренбах.

Я кивнул. Помнится, он собирался организовать нам встречу с Рейвичем, после чего нас спасла Шантерель. Встреча должна была состояться на одной из «каруселей», на высокой орбите.

«Карусель» называется «Убежище».

— Рейвич здесь ни при чем, — сказал я. — Он просто участник, не более того. Дело касается только нас двоих. И не зачем усложнять ситуацию.

— Кажется, несколько часов тому назад кто-то собирался убить Рейвича, — усмехнулся Таннер Мирабель. — Теперь ты запел совсем по-другому.

— Кажется, я не тот, за кого себя принимал. Почему ты охотишься за Рейвичем?

— Потому что он невиновен.

— Как это понимать?

— Он просто приведет тебя ко мне.

Снова на дисплее мелькнула улыбка. Таннер предлагал найти слабое место в его логических построениях.

— Или я не прав? Ты прибыл сюда, чтобы убить его, а теперь решил спасти. Прежде чем я выполню твою работу.

Меня разрывали противоречия. Таннер заставлял отвечать на вопросы, которых я избегал до сих пор, не рискуя приблизиться к провалу в моей памяти. Но провал превратился в бездну. Мое прошлое рухнуло туда, а во мне поселилось что-то ядовитое. Если я действительно был Кагуэллой — а все указывало на это, — то я ненавидел себя до мозга костей.

И Таннера тоже. Он убил Гитту.

Нет, не так. Ее убили мы.

Сокрушительная логика этой догадки поразила меня. Теперь у нас общие воспоминания, нити нашего прошлого спле-

тены неразрывно. Воспоминания Таннера не были по-настоящему моими, но я носил их в себе, не будучи в состоянии освободиться от них. Он убил Гитту, но во мне жила память о том, что это сделал я, — я уничтожил самое дорогое в своей вселенной.

И это еще не самое страшное.

Преступление Таннера ничтожно по сравнению с теми, память о которых была погребена под его воспоминаниями. Теперь она поднимается на поверхность. Я все еще ощущал себя Таннером, все еще считал его прошлое своим, но уже достаточно хлебнул истины, чтобы понять: это лишь иллюзия, она со временем утратит убедительность.

Мое тело несло в себе прошлое и память Кагуэллы.

Но и это еще не все. Кагуэлла лишь раковина, в которой таются более глубокие воспоминания.

Мне не хотелось об этом думать, но я не мог закрыть глаза на очевидное.

Я украл память Таннера и смог на время внушить себе, что я — это он. Затем, под воздействием индоктринационного вируса, его личина начала сползать с меня, как шелуха. Вирус высвобождал еще более глубокие воспоминания, отрывки моей тайной истории, уводя в глубь веков.

К Небесному Хаусманну.

Передо мной словно раскрылась бездна.

Ноги подкосились, я рухнул на скользкую от дождя землю, и меня буквально вывернуло наизнанку. Телефон выпал из руки. Он лежал рядом, и на дисплее я видел удивленное лицо Таннера.

— В чем дело? — спросил он.

Я снова поднес телефон к губам:

— Амелия. — Вначале я прошептал чуть слышно, затем повторил ее имя чуть громче. — Она ведь с тобой? Ты ее обманул.

— Скажем так: она была весьма полезна.

— И она, разумеется, не в курсе твоих планов.

Мой вопрос, похоже, позабавил Таннера.

— Она так доверчива. Хотя ты вызывал у нее некоторые подозрения. Думаю, дело было так: после того как ты покинул «Айдлвилд», она узнала о кое-каких особенностях твоего генетического кода, приняв их за признак врожденного заболевания

ния. Словом, подозрения подтвердились. Она пыталась связаться с тобой, но ты стал таким неуловимым... — Таннер снова улыбнулся. — К тому времени меня оживили, и мои навыки очень скоро восстановились. Я помнил, кто я такой и зачем отправился на том корабле с Окраины Неба. Я помнил, что охочусь за тобой, потому что ты украл мое имя и мои воспоминания. Само собой, я не стал делиться этим с Амелией. Просто сказал ей, что мы с тобой братья и что ты немного не в себе. Маленький безобидный обман. Ты не можешь меня упрекнуть.

Да, это было почти правдой. Я тоже обманывал Амелию, надеясь, что она наведет меня на след Рейвича.

— Отпусти ее, — попросил я. — Для тебя она ничего не значит.

— Ты не прав. У тебя будет еще один повод, чтобы добратся до меня. Лишний повод со мной встретиться... Кагуэлла.

Его лицо на мгновение застыло, затем связь прервалась. Мы по-прежнему стояли под дождем. Потом я вернул телефон Зебре.

— А как насчет другой раны? — спросила Зебра, когда мы снова сели в машину и продолжили путь через Город. — Насколько я поняла, Таннер потерял ступню, но сканер не нашел следов такого ранения. Но ты обратился к миксмастеру не только из-за этого. — Она покачала головой. — Прости, но мне по-прежнему хочется называть тебя Таннером. Непросто иметь дело с человеком, не признающим собственного имени.

— Поверь, мне тоже непросто.

— Ладно, теперь расскажи о другой ране.

Я перевел дух. Подходим к самому трудному.

— Таннер ранил человека, на которого он работал. Этого человека звали Кагуэлла.

— Очень мило с его стороны, — заметила Шантерель.

— Нет, вы не так поняли. По сути, этим Таннер оказал ему услугу. Ситуация была связана с захватом заложников. Таннеру пришлось стрелять сквозь Кагуэллу, чтобы... — У меня сорвался голос. — Чтобы убить бандита, приставившего нож к горлу жены Кагуэллы. Таннер не собирался убивать Кагуэллу. Он стрелял под таким углом, чтобы его хозяин не получил серьезного ранения.

— И?..

— Таннер выстрелил.

— И все получилось, как задумано? — подсказала Зебра.

Я вновь увидел, как Гитта оседает на пол палатки. Цена ошибки Таннера.

— Кагуэлла действительно выжил, — проговорил я, собравшись с силами. — Таннер досконально изучил анатомию. Убийце-профессионалу необходимо знать, какие ранения наверняка приведут к смертельному исходу. А можно поступить иначе: прострелить человека насквозь и не убить его.

— Прямо хирургия, — заметила Шантерель.

— Так оно и есть.

Я рассказал о том, что обнаружил сканер миксмастера. Зажившую сквозную рану, которую мог нанести только луч лазера. Луч пробил поясницу и вышел через живот чуть выше. На сканере это выглядело как тающий инверсионный след самолета.

— Но это значит, что... — протянула Зебра, и я перебил:

— Можно я сам? Это значит, что я — тот человек, на которого работал Таннер Мирабель. Кагуэлла.

— Чем дальше, тем хуже, — прокомментировал Квирренбах.

— Не перебивай, пожалуйста. — Зебра строго взглянула на композитора. — Я сама ходила с ним к миксмастеру, если помнишь. Он не выдумывает.

— А вы, — я повернулся к Шантерель, — видели результат генетических изменений, которые кто-то произвел у меня в глазах. Это было сделано по просьбе Кагуэллы, тот поручил работу ультра. Он был страстным охотником. Но дело не только в этом, верно? Кагуэлла заказал себе ночное зрение, потому что ненавидел темноту. Она напоминала о том, как он сидел в своей детской — маленький, одинокий — и не надеялся, что его спасут.

— Говоришь о Кагуэлле в третьем лице, — заметила Зебра. — Почему? Ты уверен, что ты — это действительно он?

Я тряхнул головой, вспомнив, как стоял на коленях под дождем, полностью опустошенный. Чувство потерянности никуда не делось, но мне удалось взять его под контроль, обнести забором. Пока хлипким, но это позволит мне действовать в настоящем.

— Косвенно — да. У меня есть его воспоминания, правда обрывочные и не более отчетливые, чем воспоминания Таннера.

— Давайте подведем итог, — предложил Квирренбах. — У вас, черт побери, нет ни малейшего представления о том, кто вы такой на самом деле. Или я не прав?

— Нет, — сказал я, восхищаясь собственной выдержкой. — Я Кагуэлла. Теперь я в этом абсолютно уверен.

— Таннер хочет убить тебя? — спросила Зебра, когда машина Шантерели приземлилась возле привокзальной площади и мы вышли наружу. — Хотя у вас были весьма дружеские отношения?

Белая комната, голый человек, съездившийся на полу... Эта картина стробоскопически вспыхивала у меня перед глазами. С каждым повторением она становилась все более отчетливой.

— Случилось нечто отвратительное, — сказал я. — То есть человек, которым я являюсь — Кагуэлла, — сделал с Таннером нечто отвратительное. Теперь Таннер хочет мне отомстить, и я не уверен, что осуждаю его.

— Я тоже вас не осуждаю, — сказала Шантерель. — Я имею в виду вас обоих. Если бы вы... Таннер... не выстрелили...

Она смутилась и умолкла. Что я мог сказать? Представить себе картину этих перепутанных воспоминаний и личностей не легче, чем держать в уме схему плетения многоцветного гобелена.

— Таннер промахнулся, — проговорил я. — Этот выстрел должен был спасти жену Кагуэллы, но достался ей. Думаю, это была первая фатальная ошибка за всю его карьеру. Просто момент был слишком напряженным.

— Ты говоришь так, словно оправдываешь его, — сказала Зебра.

Мы снова шли по площади. Теперь здесь было куда болеелюдно, чем несколько часов назад. Судя по внешнему виду палатки Доминики, представители правопорядка так и не добрались сюда. Клиенты тоже не проявляли к ней интереса. Наверное, тело Доминики, увитое гирляндами змей, все еще висит над кушеткой, на которой она вершила свои ритуалы нейронного экзорцизма. Слухи о ее гибели уже должны были распростра-

ниться по всей Мульче, но атмосфера нелегальности, окружающая ее заведение, по-прежнему создавала вокруг палатки нечто вроде зоны отчуждения.

— Не думаю, что его кто-то осуждает, — сказал я. — То, как я с ним поступил...

Я снова увидел белую комнату. На этот раз глазами человека с отрезанной ступней. Я ощущал его наготу и мучительный страх, наполнявший меня неизвестными до сих пор эмоциями. Такое бывает с человеком, которому впервые вкололи галлюциногенный препарат.

Я смотрел глазами Таннера.

Тварь шевельнулась в нише, разворачивая свои кольца — лениво, неспешно, словно понимая крошечным завитком мозга, что добыча никуда не денется.

Молодые гамадриады не слишком крупны. Эта появилась из чрева матери-дерева лет пять назад, судя по розоватому оттенку фотосинтетического капюшона, который окутывал ее голову, подобно крыльям летучей мыши. По достижении зрелости оттенок пропадает. Лишь половозрелые особи достаточно велики, чтобы достичь вершины дерева и развернуть над ней капюшон. Если твари удастся дожить до этого возраста, то через год-другой капюшон потемнеет и уподобится темному матерчатому навесу, усеянному радужными «заплатами» фотосинтетических клеток.

Гамадриада сползла на пол, точно толстый канат, сброшенный с корабля на пристань. Некоторое время она отдыхала. Капюшон медленно и плавно раскрывался и закрывался, словно жабры гигантской рыбы. Теперь было ясно, что на самом деле она очень велика.

Он десятки раз видел гамадриад в джунглях, следил за ними из-за деревьев, с безопасного расстояния, но ни разу не оказывался так близко, чтобы лицезреть их во всей красе. Он никогда не приближался к гамадриаде без оружия, позволявшего с легкостью ее убить — но ни одна встреча не проходила без того, чтобы он не ощутил страха. Это вполне естественно: страх человека перед змеями вписан в гены за миллионы лет эволюции. Конечно, гамадриада — не змея, ее предки даже отдаленно не напоминали обитавших на Земле тварей. Но она выглядела как змея и двигалась как змея. Все остальное не имело значения.

И он закричал.

— Ты мог подвести меня в самый последний момент, — беззвучно обратился я к Норкинко. Впрочем, он все равно не услышал бы. — Но не стану отрицать: ты поработал на славу.

Меня услышал Клоун. И улыбнулся.

— Арместо, Омдурман? Надеюсь, вы следите за происходящим. Сейчас я вам кое-что покажу. Хочу, чтобы все было ясно. Предельно ясно. Вы меня понимаете?

Ответ Арместо пришел с небольшим запозданием, словно с полпути до ближайшего квазара. Голос был еле слышен, поскольку корабли сбросили всю второстепенную аппаратуру связи — сотни и сотни тонн.

— Ты сжег за собой все мосты, сынок. Теперь тебе ничего другого не остается, как отправить на берега Стикса часть своего экипажа.

Арместо решил вспомнить классику... Я улыбнулся:

— Уж не думаете ли вы всерьез, что я прикончил кое-кого из момио?

— Я об этом думаю не более серьезно, чем о смерти Бальказара. — Арместо выдержал паузу. Тишину нарушал лишь треск статических разрядов — неразборчивая морзянка космоса. — Понимай это как хочешь, Хаусманн.

Когда Арместо упомянул Старика Бальказара, мои офицеры на мостике смущенно переглянулись, но этим дело и ограничилось. Думаю, у большинства уже зародились определенные подозрения. Сейчас эти люди, все как один, преданы мне. Я заплатил им за верность, продвигая их на крупные посты в командной иерархии. По сути, они получили то, чего шантажом добивался мой приятель Норкинко. Половина из них ни на что не годилась, но меня это не беспокоило. Норкинко взломал почти все уровни защиты, так что я мог управлять «Сантьяго» практически в одиночку.

Возможно, в скором времени мне это пригодится.

— Вы кое о чем забыли, — произнес я, наслаждаясь моментом.

Похоже, Арместо так уверен в своей прозорливости, что рассчитывает на победу в гонке.

Как же он заблуждается!

— Не уверен, что я о чем-то забыл.

— Арместо прав. — Голос Омдурмана с «Багдада» тоже был еле слышен. — Вы, Хаусманн, использовали все свои козыри. У вас ничего не осталось.

— Кое-что осталось, — возразил я.

Я ввел команды со своего пульта, чуть ли не физически ощущая, как потайные слои корабельных систем подчиняются моей воле. На главном экране, который показывал панораму корабля вдоль «хребта», появилось новое изображение. Я уже видел эту картину, когда от «хребта» отделилось шестнадцать колец с мертвыми моими.

Но теперь она выглядела иначе.

Кольца покидали свои места по всему «хребту», улетали с каждой из шести его граней. Все происходило так же размеренно и четко, как и в прошлый раз, — я слишком люблю совершенство во всем, — но теперь это была гармония иного рода. На борту оставалось восемьдесят модулей, и каждый второй отсоединялся.

Сорок колец плавно отплывали от «хребта» «Сантьяго»...

— Боже милостивый, — пробормотал Арместо — он уже увидел это. — Боже милостивый, Хаусманн... Нет! Не смейте!

— Слишком поздно, — отозвался я.

— Ведь это живые люди!

Я улыбнулся:

— Уже нет.

Я вновь сосредоточился на экране, наслаждаясь последними мгновениями своего триумфа. Воистину это было прекрасное зрелище. И жестокое, не скрою. Однако что значит красота без капли жестокости в сердцеvine?

Теперь я знал, что победа будет за мной.

До терминала, с которого стартовали «бегемоты», мы добрались на «зефире». Вагоны тянул все тот же огромный дракон-локомотив, который несколько дней назад доставил в Город нас с Квирренбахом.

На жалкие остатки карманных денег я приобрел у лоточника фальшивое удостоверение личности с именем и сносной кредитной историей, которая позволяла мне покинуть планету, а если повезет, то и попасть в «Убежище». Я прибыл сюда как

Таннер Мирабель, но не хватало смелости снова использовать это имя.

Обычно для меня не составляло труда выудить из воздуха новое имя вместе с новой ролью — я проделывал это не задумываясь. Но на этот раз что-то заставило не торопиться с выбором личины.

Наконец, когда торговец уже готов был потерять терпение, я попросил записать меня Шуйлером Хаусманном.

Имя «Шуйлер» ему ни о чем не говорило, равно как и фамилия. Я несколько раз повторил то и другое про себя. Надо отреагировать естественно в том гипотетическом случае, когда ко мне обратятся по громкой связи или окликнут в переполненной комнате.

Затем мы взяли билеты на ближайший «бегемот», отбывающий с Йеллоустана.

— Само собой, я лечу с вами, — сказал Квирренбах. — Если вы действительно намерены спасти Рейвича, то без меня до него не добраться.

— А если не намерен?

— То есть... вы по-прежнему хотите его убить?

Я кивнул:

— Вы ведь не станете отрицать, что такое возможно.

Квирренбах пожал плечами:

— Тогда я сделаю то, что должен был сделать уже давно. Ликвидирую вас при первой возможности. Конечно, по моим прогнозам, до этого дело не дойдет, однако не воображайте, что я на такое не способен.

— Я об этом даже не мечтаю.

— И я полечу с тобой, — вмешалась Зебра. — Я тоже смогу проводить тебя к Рейвичу, хотя Квирренбах знаком с ним ближе.

— Ты рискуешь, Зебра.

— А в гостях у Гидеона я не рисковала?

— Согласен. Скажу откровенно: буду благодарен за любую помощь.

— В таком случае я тоже с вами, — вызвалась Шантерель. — Никто из вас не умеет отслеживать добычу.

— В «Игре» — да, — ответил я. — Но это будет мало похоже на «Игру». Насколько я знаю Таннера — боюсь, я знаю его не хуже, чем он меня, — он не будет придерживаться правил.

— В таком случае нам придется нарушить правила раньше него. — Впервые за целую вечность в моем смехе появились искренние нотки. — Можно не сомневаться: мы не ударим лицом в грязь.

Через час мы покинули планету — Квирренбах, Зебра, Шантерель и я. «Бегемот» обогнул Город Бездны, описав широкую дугу, затем вошел в слой низких облаков. Они походили на призраков, танцующих над полем битвы, где свирепые ветры Йеллоустона сталкивались со спазматическими выбросами из Бездны. Я смотрел вниз, на Город — хрупкий, словно игрушечный. Мульча и Полог уже казались неразделимым целым, втиснутым в великое архитектурное хитросплетение.

— С тобой все в порядке? — спросила Зебра, возвращаясь к нашему столику с бокалами в руках.

Я отвернулся от окна:

— Ты о чем?

— Кажется, ты не рад, что покидаешь это место.

Путешествие подходило к концу. Успех моих замыслов становился все более очевидным, и обо мне открыто заговорили как о герое. Тогда я решил навестить своих пленников.

За все эти годы никто так и не нашел потайную комнату в недрах «Сантьяго», хотя кое-кто — например, Констанца — почти догадался о ее существовании. Но камера столь экономно забирала энергию из корабельной системы жизнеобеспечения, что даже Констанца, при всем своем опыте и настойчивости, не смогла бы выяснить, где находится мой тайник. В каком-то смысле мне просто повезло. Сейчас ситуацию трудно было назвать критической, но несколько лет назад подобное открытие погубило бы меня. Однако теперь я был в безопасности. Во-первых, у меня появилось достаточно союзников и никакое мелкое недоразумение не могло мне повредить, а во-вторых, я поставил на место всех, кто выступал против меня.

Если быть точным, пленников было трое, хотя Слик вряд ли относился к этой категории. Он был просто полезен мне. Не знаю, что он сам думал по этому поводу, но я не считал, что держу его в неволе. Обычно при моем появлении дельфин оживлялся, однако в последнее время он двигался все ленивее, а его темные глазки словно не реагировали на мое присутствие. Ин-

тересно, помнил ли он что-нибудь о том, как жил когда-то в бассейне? Наверное, он казался Слику бескрайним, как море, по сравнению с резервуаром, в котором дельфин провел последние пятьдесят лет.

— Мы уже долетели?

Я обернулся. Честно говоря, не ожидал снова услышать хриплый голос Констанцы.

— Да, мы совсем близко. Я собственными глазами видел Пункт Назначения. Сейчас можно рассмотреть саму планету, а не только звезду. Она и правда прекрасна.

— Сколько времени прошло?

Она приподняла голову, пытаясь посмотреть на меня. В свое время я приковал ее к распятию, наклоненному под углом сорок пять градусов.

— С тех пор как ты оказалась здесь? Не помню. Четыре месяца, может быть, пять. — Я пожал плечами, словно никогда не задумывался над этим вопросом. — Какая разница?

— Что ты сказал экипажу, Небесный?

Я улыбнулся:

— А зачем что-то говорить? Я представил дело так, словно ты покончила с собой, выпрыгнув из воздушного шлюза. Сама понимаешь, тот случай, когда представить труп невозможно. Я просто позволил людям сделать выводы.

— Когда-нибудь они поймут, что случилось.

— Сомневаюсь. Я подарил им планету, Констанца. Они собираются канонизировать меня, а не распинать. И это началось уже давно.

О да, она всегда создавала мне проблемы. Я смог опорочить ее после инцидента с «Калеуче», предъявив ложные улики. В итоге она предстала участницей заговора вместе с капитаном Рамиресом. Ее карьере в службе безопасности пришел конец. Надо сказать, Констанце повезло: ее могли казнить или посадить в камеру, особенно в те безумные дни после сброса модулей со «спящими». Но Констанца так и не успокоилась — даже после того, как ее разжаловали в рабочие низшего ранга. В целом экипаж был готов считать сброс модулей отчаянным, но необходимым шагом. Я подводил людей к этому выводу, распространяя сплетни относительно планов других экипажей. Мне даже в голову не приходило считать это преступлением. Кон-

станца придерживалась иного мнения. Последние годы, проведенные на свободе, она посвятила попыткам распутать кокон дезинформации, которым я оплетал себя. То тщила расследовать инцидент с «Калеуче», заявляя о невинности Рамиреса, то строила безумные теории, объяснявшие смерть Старика Бальказара. По ее словам, врачи капитана не заслуживали казни. Временами она даже ставила под сомнение причину гибели Тита Хаусманна.

В конце концов я решил ее утихомирить. Инсценировать самоубийство оказалось нетрудно, равно как и поместить ее в мою камеру пыток, которую никто еще не видел. Конечно, почти все время она находилась под действием снотворного и в смиренной рубашке, но изредка я позволял ей ненадолго проснуться.

Иногда бывает приятно с кем-нибудь поболтать.

— Почему ты до сих пор его не убил? — спросила Констанца.

Я смотрел и поражался тому, как она постарела. Кажется, не так давно мы — почти равные — стояли у огромного резервуара, разглядывая сквозь стекло дельфинов.

— Химерика? Просто знал, что он когда-нибудь пригодится.

— Чтобы пытать его?

— О нет. Я лишь позаботился о том, чтобы он был наказан за совершенное преступление. Но это только начало. Не хочешь ли рассмотреть его получше?

Я поправил распятие так, чтобы она увидела диверсанта. Теперь он был всецело мой. Его уже не нужно было держать прикованным к стене, но я не желал рисковать.

— Он похож на тебя, — изумленно проговорила Констанца.

— У него двадцать дополнительных лицевых мускулов, — пояснил я с отеческой гордостью. — Он может принять какую угодно личину и хранить ее сколь угодно долго. Кстати, он немалого постарел с тех пор, как я доставил его сюда. Пожалуй, его действительно можно принять за меня.

Я потер щеку, ощутив грубый слой макияжа, под которым пряталась моя неестественная молодость.

— И он сделает все, абсолютно все, о чем я его ни попрошу. Правда, Небесный?

— Да, — ответил химерик.

— Что ты задумал? Использовать его как двойника?

— Если до этого дойдет. Хотя, откровенно говоря, сомневаюсь.

— Но у него нет руки. Его нипочем не примут за тебя.

Я вернул Констанцу в прежнее положение.

— Поверь, это решаемая проблема.

Подумав немного, я извлек из контейнера с медицинскими инструментами, который стоял рядом с «ларцом Господа Бога», огромный шприц с длинной иглой. «Ларцом» я называл устройство, которое помогло мне разрушить и создать заново сознание диверсанта.

Констанца заметила шприц:

— Это для меня?

— Нет, — ответил я, подходя к цистерне с дельфином. — Это для Слика. Старого доброго Слика, который много лет служил мне верой и правдой.

— Ты собираешься убить его?

— Уверен, что сейчас он расценит это как подарок.

Я откинул крышку цистерны и поморщился — омерзительная вонь раствора, в котором лежал дельфин, ударила в нос. Слик изогнулся вопросительным знаком; я ободряюще похлопал его по спине. Его кожа, когда-то гладкая и блестящая, как полированный камень, теперь походила на бетон.

Игла легко пронзила жировой слой дюймовой толщины. Слик снова дернулся, почти забился, но вскоре успокоился. В его глазу я видел лишь обычное равнодушие.

— Похоже, все.

— А мне показалось, что ты хотел убить меня. — В голосе Констанцы послышалось нервное облегчение.

— Таким шприцем? — улыбнулся я. — Ты шутишь. Нет, тебе больше подойдет вот этот. — И я достал другой шприц, поменьше.

Вот и Пункт Назначения, думал я, держась за перила, ограждающие смотровую площадку «Сантьяго». Корабль находился в состоянии свободного падения. Пункт Назначения. Подходящее имя. Планета плыла у моих ног, словно зеленый бумажный фонарь с тускнеющей свечой внутри. Солнце системы 61 Лебедя А, то есть Суон, ярким не назовешь. Расстояние между ним и планетой невелико, но здешний дневной свет совсем не та-

кой, как на Земле, — я помню картинки, которые показывал мне Клоун. Звезда Суон считается ярко-красной, но невооруженному глазу кажется белой. В этом нет ничего удивительного. Еще полтора века назад, до того как Флотилия покинула Солнечную систему, было известно, сколько энергии отбирает эта планета, двигаясь по орбите.

Все это время в недрах «Сантьяго», в одном из трюмов, хранилась вещь невозможной красоты — слишком дорогая, чтобы принести ее в жертву. Сейчас с ней работала бригада техников. Артефакт вынесли из звездолета, прикрепили к орбитальному грузовому буксиру и отправили за пределы гравитационного поля планеты, к точке Лагранжа, между Пунктом Назначения и Суоном. Там положение буксира будет откорректировано легчайшими импульсами ионных двигателей, после чего ему предстоит плавать в космосе веками. Во всяком случае, это предусматривалось моим планом.

Я перевел взгляд с осененной нимбом планеты на черную бездну космоса. Остальные корабли — «Бразилия» и «Багдад» — еще находились в пути. Текущие расчеты показывали, что они прибудут через три месяца, хотя определенная погрешность в вычислениях допускалась.

Это не важно.

Первая группа шаттлов уже совершила рейсы к поверхности планеты, сбросила множество грузовых контейнеров, снабженных радиомаяками. Через несколько месяцев мы сможем их обнаружить. Сейчас один из шаттлов спускался в атмосферу, дельтовидный силуэт был хорошо виден на фоне материкового «языка» в экваториальной зоне — географический отдел окрестил его Полуостровом. Подозреваю, через пару недель они придумают что-нибудь не столь буквальное.

Чтобы доставить на поверхность всех оставшихся колонистов, хватит пяти рейсов. Еще пять — для транспортировки экипажа «Сантьяго» и тяжелого оборудования, которое нельзя сбрасывать в контейнерах. «Сантьяго» останется на орбите — оболочка, не содержащая ничего полезного.

Двигатели шаттла выплюнули пламя, кораблик лег на расчетный курс, и я проводил его взглядом. Через пару минут я заметил у горизонта вспышку — шаттл входил в атмосферу. Значит, скоро он приземлится. На южной оконечности Полуост-

рова уже был разбит временный лагерь, который мы решили назвать Нуэва-Сантьяго — решили уже тогда.

В это время раскрылось Око Суона.

Понятно, что отсюда его было не разглядеть, но в точке Лагранжа уже разворачивался микроскопически тонкий пластиковый экран.

Прицел оказался почти идеально точным.

Луч света упал на хмурую планету, образовав яркое овальное пятно. Затем оно начало рыскать, менять форму. Когда его наведут точнее, количество солнечного света, которое получает Полуостров и его окрестности, возрастет вдвое.

Я знал, что там, внизу, была жизнь. Уже думал о том, сможет ли она приспособиться к изменению освещенности, и картина не слишком меня воодушевляла.

Зазвенел браслет-коммуникатор. Я оторвался от экрана. Интересно, у кого из моего экипажа хватило наглости отвлечь меня в такой торжественный момент.

Однако коммуникатор просто оповестил, что в каюте меня ждет письмо. Раздраженный и одновременно заинтригованный, я заставил себя покинуть смотровую площадку. Миновав шлюзы и узлы колесной передачи, я оказался в главной, вращающейся части нашего огромного корабля. Здесь начиналась зона псевдогравитации. Я держался открыто и ничем не выдавал беспокойства. Рядовые члены экипажа и офицеры приветствовали меня, отдавая честь; некоторые норовили пожать мне руку. Настроение было праздничным и граничило с всеобщей эйфорией. Мы пересекли межзвездное пространство и благополучно достигли новой планеты, более того, я привел корабль раньше соперников.

Я позволил себе задержаться, чтобы кое с кем поболтать. Впереди трудные времена, и необходимо укреплять отношения. Но я ни на минуту не забывал о письме, которое ждало меня. Можно было только догадываться о его содержании.

Вскоре я это узнал.

— Полагаю, к настоящему моменту ты уже убил меня, — послышался голос Констанцы. — Или, по крайней мере, заставил исчезнуть навсегда. Нет, не надо ничего говорить: это не интерактивная запись. Мне нужно лишь немного твоего драгоценного времени.

Я смотрел на экран в своей каюте. Лицо выглядело чуть старше, когда я видел его в последний раз.

— Как ты догадываешься, эта запись была сделана некоторое время назад, — продолжала она. — Я загрузила ее в информационную сеть «Сантьяго». Надо было входить туда каждые шесть месяцев, чтобы письмо не попало к тебе слишком рано. Я знаю, что в последнее время была для тебя как бельмо на глазу. Наверное, скоро ты найдешь способ от меня избавиться.

Я невольно улыбнулся. Помнится, она так настойчиво пыталась, сколько времени я держу ее в плену...

Браво, Констанца.

— Я позаботилась о том, чтобы копии письма попали к большинству членов экипажа. Разумеется, я не рассчитываю, что все они примут эту информацию всерьез. Наверняка ты уже придумал версию моего исчезновения. Это не важно; мне достаточно заронить сомнения. У тебя еще есть союзники и почитатели, Небесный, но не удивляйся, если не все согласятся слепо подчиняться тебе.

— И это все? — спросил я.

— Кое-что напоследок, — произнесла она, словно ждала этого вопроса. — За последние годы, Небесный, я собрала множество улик против тебя. По большей части косвенного характера; многие могут быть истолкованы неоднозначно. Но это дело всей жизни, и мне будет ужасно жаль, если оно пропадет даром. Поэтому, прежде чем записать это письмо, я спрятала все улики в укромном месте... Мы уже достигли Пункта Назначения, Небесный? Если да, то не старайся найти эти материалы. Не сомневаюсь, они уже на планете.

— Нет.

Констанца улыбнулась:

— Ты можешь прятаться сколько угодно, Небесный, но я всегда буду преследовать тебя, как призрак. Не важно, удастся ли тебе похоронить свое прошлое, не важно, удастся ли выставить себя героем... Мое послание всегда будет там, будет ждать, когда его найдут.

Много, очень много дней спустя я, спотыкаясь, брел через джунгли. Бежать было слишком тяжело, но не из-за того, что я состарился. Просто у меня отсутствовала рука, и тело посто-

янно забывало об этой противоестественной асимметрии. Я потерял конечность вскоре после того, как оказался в поселении. Трагический несчастный случай, правда, боль, которую я испытал тогда, уже успела стать неясным воспоминанием. Я сжег себе руку, превратил ее в хрупкий обугленный пенек, держа перед раструбом газовой горелки.

Конечно, это вовсе не было несчастным случаем.

Я давным-давно должен был это сделать, но откладывал неизбежное до тех пор, пока мы не спустились на планету. Необходимо было лишиться руки таким образом, чтобы ее не могла вернуть никакая медицина. Это означало, что чистая безболезненная ампутация исключена. И у меня должно было хватить сил, чтобы выдержать эту потерю.

Я провел в больнице три месяца, но выжил. А потом понемногу вернулся к своим обязанностям. Известие об этом случае прокатилось по планете и достигло ушей моих врагов. Постепенно люди привыкли к мысли о том, что у меня одна рука. И никто не подозревал, что потеря конечности была лишь крошечной деталью большого плана, актом предосторожности, которому предстояло дать плоды спустя много лет. И вот настал день, когда можно поблагодарить себя за предусмотрительность, пусть даже теперь, на пороге своего восьмидесятилетия, я стал изгоем.

Поначалу дела в колонии шли неплохо. «Завещание» Констанцы слегка подпортило мне репутацию. Но людям нужен герой, и вскоре эта потребность взяла свое. Рассеялись остатки досадных сомнений насчет моей пригодности на эту роль. Я потерял несколько сторонников, но добился признания толпы — вполне приемлемая сделка. Посылка Констанцы так и не была найдена, и со временем я заподозрил, что ее просто не существовало, — это было психологическое оружие, направленное на мою стойкость.

Сразу после высадки наступила горячая пора. Трех месяцев, которые я обеспечил экипажу «Сантьяго», хватило на создание целой сети маленьких полевых лагерей. К тому моменту, когда остальные корабли повисли на орбите, три поселения были весьма неплохо укреплены. Последним появился Нуэва-Вальпараисо у экватора — когда-нибудь там можно будет построить отменную площадку для космического лифта. И это было лишь

начало. Прекрасное начало. Не верилось, что однажды эти люди, кроме горстки преданных соратников, с яростью ополчатся на меня.

Но это произошло.

Впереди, в густой листве джунглей, что-то мелькнуло. Свет, судя по всему, искусственный. Возможно, там мои сторонники, которые должны меня встретить.

Во всяком случае, я на это надеялся. У меня осталось мало сторонников. Те немногие, кто еще пребывал у власти, сумели освободить меня до начала судебного процесса, но не помогли добраться до убежища. Вполне возможно, их расстреляют за измену. Пусть так. Они пожертвовали собой, зная, что это необходимо. На меньшее я и не рассчитывал.

Поначалу было непохоже, что началась война.

«Бразилия» и «Багдад» достигли орбиты, где обнаружили пустой корпус, — все, что осталось от старины «Сантьяго». Шли месяцы, но ничего не происходило. Оба корабля хранили ледяное молчание и наблюдали. Затем выпустили пару шаттлов — судя по траектории, те приземлились на севере Полуострова. Жаль, что я не сохранил на своем корабле малость антивещества, — ровно столько, чтобы ненадолго запустить двигатель и поразить оба шаттла огненным копьем. Я так и не освоил тот фокус с остановкой двигателей.

Шаттлы приземлились, затем совершили несколько рейсов на орбиту и обратно, доставляя на землю «спящих».

И снова потянулись долгие месяцы ожидания.

Потом начались нападения. Небольшие отряды являлись с севера и наносили удары по жилищам колонистов «Сантьяго». Да, население планеты составляло жалкие три тысячи человек, но что с того? Такой численности вполне достаточно, чтобы развязать войну. Маленькую войну, поначалу незаметную, — что позволяет обеим сторонам окопаться, вооружиться... потом наращивать силы...

Это даже войной не назовешь.

Мои соратники все еще намерены казнить меня как военного преступника. Дело не в том, что это позволит установить мир, — чтобы такое произошло, нужно настоящее чудо. Но они считают, что я виноват во всем. И они убьют меня, а потом возобновят драку.

Подлые сукины дети. Они извратили все, что только можно. Даже переименовали планету, словно в насмешку надо мной. Теперь это уже не Пункт Назначения.

Окраина Неба.

Вот как меня отблагодарили за возможность первыми высадиться на планету.

Я ненавижу новое название. Слишком хорошо понимаю, что оно означает. Это признание в соучастии, напоминание о том, что сюда их привел преступник.

Но имя прижилось.

Я остановился, и не только для того, чтобы отдышаться. Мне никогда не нравились джунгли. По слухам, здесь обитают какие-то огромные ползучие твари. Правда, никто из тех, кто заслуживает моего доверия, их не видел. Значит, это просто россказни, и ничего более.

Просто россказни.

Похоже, я заблудился. Свет, замеченный мною только что, исчез. Может быть, его источник заслонили густые заросли... или мне просто показалось. Я огляделся. Вокруг стояла тьма, и все выглядело одинаковым. Небо над головой почернело; 61 Лебеда В, самая яркая звезда на местном небосклоне — не считая Суона, — опустилась за горизонт. Скоро мрак джунглей и мрак неба сольются в единое целое.

Возможно, мне придется здесь умереть.

И вдруг далеко впереди вновь что-то мелькнуло... молочно-белый силуэт, который я поначалу принял за пятно света. Но теперь он появился ближе. Это был человек, он шагал ко мне через заросли и светился изнутри.

Я улыбнулся, узнав знакомую фигуру. И почему боялся? Ведь я никогда не оставался в одиночестве. Мой проводник непременно должен был появиться, чтобы показать путь.

— Неужели думал, что я тебя брошу? — проговорил Клоун. — Идем. Теперь уже недалеко.

И Клоун повел меня вперед.

На этот раз я знал, что это не игра воображения... или не совсем игра воображения. Впереди, радужной дымкой проникающая сквозь листву, мерцал тусклый свет. Мои союзники...

Когда я вышел к ним, Клоуна рядом уже не было. Он исчез, как пятно от вспышки на сетчатке глаза. Тогда я видел его в по-

следний раз. Но он здорово помог мне, проводив сюда. Это был единственный друг в моей жизни, настоящий друг, хотя я знал, что он лишь плод воображения, образ из подсознания, возникающий при свете дня, рожденный воспоминаниями о наставнике, которого я помнил по детской комнате на борту «Сантьяго».

Какая разница?

— Капитан Хаусманн! — Мои соратники стояли за деревьями. — Вы добрались! Мы уже думали, что им не удалось...

— Они справились достойно, — ответил я. — Должно быть, их уже арестовали... если не расстреляли.

— Произошло нечто странное, сэр. В последних рапортах об арестах сообщалось, что вас снова поймали.

— Теперь вы видите, что это ошибка?

«Поймавшие» меня тоже признали бы ошибку, будь пленник просто похож на Небесного, — двадцать дополнительных лицевых мышц позволяли ему скопировать кого угодно. Но он вел себя так же, как я, и разговаривал неотличимо. Я готовил его к этому много лет. Добился того, что он считал меня богом и желал только одного — самоотверженно служить мне. А будь у пленника две руки, осуществился бы мой замысел? Конечно нет. Но этот человек выглядел в точности как Небесный Хаусманн, и у него тоже не было руки.

Я прекрасно знал, зачем им понадобилось ловить меня. Скоро начнется судебный процесс, на нем обвиняемый, возможно, произведет впечатление слегка помешанного — но чего можно ожидать от восьмидесятилетнего старика? У бедняги начинается старческое слабоумие. Его следует казнить так, чтобы это послужило уроком для всех. Так, чтобы наказание не забылось со временем, хотя бы оно и граничило с бесчеловечностью. Идеальный вариант — распыть преступника.

— Сюда, сэр.

В пятне света стоял гусеничный вездеход. Мне помогли подняться в кабину, и машина понеслась по лесной дороге. Мы ехали ночью, кажется, несколько часов, все больше удаляясь от цивилизованного мира.

Наконец вездеход остановился на большой прогалине.

— Мы на месте? — спросил я, и спутники синхронно кивнули.

К этому времени я уже понял их план. Ситуация сложилась не в мою пользу. Ушли в прошлое времена героев, теперь их предпочитают называть военными преступниками. Какое-то время мои союзники укрывали меня, но они не смогли помешать моему аресту. Все, что им удалось, — это вызволить меня из наскоро построенного лагеря в Нуэва-Икике. Теперь, когда мой двойник пойман, мне пришло время исчезнуть.

Здесь, в джунглях, у меня будет убежище, здесь я смогу находиться очень долго — независимо от того, как сложится судьба моих союзников в крупных поселениях. Они поместили под землю капсулу для «спящего» — идеально отлаженную, с запасом энергии, которой хватит не на один десяток лет.

Мои союзники говорили, что я сильно рискую, ведь они полагали, что мне действительно восемьдесят лет. Но я знал, что риск невелик. К тому времени, когда я проснусь — самое большее через век, — мои сторонники получат доступ к более совершенным технологиям. Думаю, оживить меня будет несложно. Я даже надеюсь вернуть себе руку.

Все, что мне надо, — это проспать определенный срок. На протяжении этого времени соратники будут присматривать за мной, так же как я ухаживал за «спящими» на «Сантьяго». Правда, их забота будет продиктована личной преданностью.

Металлический крюк на буксире вездехода зацепил спрятанную в кустарнике скобу. Машина подалась вперед, и в земле открылся замаскированный люк. Гладкие ступени вели вниз, в ярко освещенное стерильное подземелье.

В сопровождении двух единомышленников я спустился к саркофагу. После того как неизвестный человек из Солнечной системы покинул эту капсулу, ее привели в порядок. Теперь она послужит мне.

— Лучше поторопиться, — сказал помощник.

Я улыбнулся, кивнул и протянул руку, чтобы мне сделали укол.

Сон пришел быстро. Последнее, о чем я подумал, прежде чем забыться, — это о необходимости взять после пробуждения новое имя. Такое имя, которое никто не свяжет с Небесным Хаусманном, но которое тем не менее обеспечит мне крепкую связь с прошлым. Имя, имеющее значение только для меня.

Я вспомнил «Калеуче» — корабль-призрак из рассказа Норкинко. Вспомнил несчастных обезумевших дельфинов на борту

«Сантьяго». Вспомнил Слика, вспомнил, как дрогнуло его шершавое тело, когда я впрыснул яд. Если не ошибаюсь, на корабле-призраке тоже был дельфин, но сейчас упорно не шло на ум его имя — хотя Норкинко, кажется, как-то его называл. Впрочем, я узнаю, когда проснусь.

Узнаю и возьму это имя себе.

ГЛАВА 41

«Убежище» оказалось почерневшим «веретеном» длиной около километра. Его поверхность не оживляла ни одна искорка — оно было пятном темноты на фоне звезд и серебристого гребня Млечного Пути. Здесь редко появлялись корабли, а те немногие, что попались нам на глаза, сами напоминали «Убежище» — такие же темные, без опознавательных знаков. Когда мы приблизились, ближайший конец «веретена» раскрылся четырьмя треугольными сегментами, словно созданная веками эволюции пасть безглазого морского хищника. Безликий, как планктон, наш корабль проплыл внутрь.

Причальный шлюз был достаточно велик, чтобы вместить его. Выдвинулись и развернулись стыковочные фиксаторы, за ними веером расходились транспортные тоннели — к шлюзовым камерам, расположенным по экватору сферического главного отсека.

Таннер здесь. Думаю, в тот момент, когда мы вступили в «Убежище», он решил убить меня и любого, кто примет слишком активное участие в нашей маленькой вендетте.

И это обстоятельство я не намерен упустить из виду.

Первыми на наш корабль прибыла армада дронов. Блестящие черные сфероиды, ошетилившиеся стволами и датчиками, обследовали нас на предмет спрятанного оружия. Разумеется, мы явились с голыми руками — и не потому, что служба безопасности Йеллоустона проявила бдительность. Я надеялся, что Таннер тоже не вооружен, хотя не слишком рассчитывал на это.

От Таннера можно ожидать чего угодно.

Внешний вид роботов говорил о высочайшем уровне технологий — ни с чем подобным я не сталкивался с тех пор, как меня оживили. Исключение составляла разве что мебелировка в квартире Зебры. Возможно, перевозка обычных людей не считалась сопряженной с серьезным риском, но нас могли остановить, обнаружив у кого-нибудь имплантат, предположительно зараженный спорами чумы. Едва роботы закончили первый этап проверки, за нас взялись люди.

Правда, это были просто служащие, и необходимость носить оружие — не слишком угрожающего вида — даже вызывала у них некоторую неловкость. Они держались с подозрительной учтивостью, и вскоре я понял почему.

Никто не попадает сюда без приглашения.

Нас встречали как почетных гостей. Впрочем, разве мы не были почетными гостями?

— Конечно же, я уведомил их заранее, — сказал Квирренбах. Мы стояли в воздушном шлюзе и ждали окончания проверки документов. — Рейвич знает, что мы здесь.

— Надеюсь, вы предупредили его насчет Таннера.

— Я сделал все, что мог.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что Таннер здесь, — это несомненно. И Рейвич вряд ли вышвырнет его вон.

Приятная новость, нечего сказать. Я и без того был как на иголках — пустят ли в «Убежище» по фальшивым документам? Теперь показалось, что капли пота у меня на лбу застыли.

— Что за игру он ведет, черт побери?

— Рейвич должен понимать, что у них с Таннером есть общие интересы. Поэтому и пригласил его сюда.

— Он сумасшедший. Таннеру ничего не стоит его прикончить, хотя главная цель — я. Не забывайте: я должен выполнить свою первостепенную задачу. То есть выследить Рейвича и убить его. Чье это желание — Таннера или Кагуэллы, я понятия не имею. Но не хотелось бы ставить на кон собственную жизнь.

— Говорите потише, — предупредил Квирренбах. — Здесь по два «жучка» на каждый квадратный ангстрем. Имейте в виду: вы сюда явились не для того, чтобы тихо пустить кое-кому кровь.

— Нет, мы здесь на экскурсии, — буркнул я.

Бронированная дверь вновь открылась, с петель посыпались чешуйки ржавчины.

В шлюз вошел какой-то третьестепенный администратор, на этот раз без оружия и имитирующего мускулатуру бронежилета. Его лицо выражало мучительную борьбу чувств, но при этом он был нацелен на меня, точно боеголовка на источник тепла.

— Господин Хаусманн? Простите за беспокойство, но при рассмотрении вопроса о вашем допуске в «Убежище» возникли определенные проблемы.

— В самом деле? — отозвался я, изображая легкое удивление.

Впрочем, какие могут быть претензии? Небесный Хаусманн вывел меня за пределы атмосферы Йеллоустона, а большего я от него не ждал.

— Я уверен, что это недоразумение, — успокоил меня администратор, каждой морщинкой на лице изображая искренность. — Мы нередко сталкиваемся с несовпадениями данных в наших досье и в остальной системе. Что поделать, после недавних неприятностей это неизбежно.

Неприятности... Он имел в виду плавающую чуму.

— Не сомневаюсь, все выяснится при ближайшем рассмотрении. Думаю, будет достаточно нескольких физиологических тестов. Ничего сложного...

— Что за тесты? — жестко оборвал я.

— Сканирование сетчатки... ну и еще кое-что.

Администратор шелкнул пальцами, подавая сигнал кому-то или чему-то невидимому. Через долю секунды в шлюзе появился еще один робот — серовато-сизая сфера, подчеркнута безоружная, с эмблемой миксмастеров.

— Я не давал разрешения на сканирование.

Нужно любой ценой избежать этой процедуры. Нет необходимости сканировать мои глаза, чтобы обнаружить в них нечто странное. Достаточно просто погасить свет в помещении.

Мой отказ произвел неожиданный эффект — администратор резко побледнел, словно я дал ему пощечину.

— Но я уверен, что мы можем прийти к определенному соглашению...

— Нет, — отрезал я. — Боюсь, это маловероятно.

— Тогда нам придется...

Квирренбах протиснулся между нами.

— Позвольте, я улажу этот вопрос, — шепнул он и, повернувшись к администратору, звучно произнес: — Простите моего коллегу, он немного нервничает в присутствии представителя власти. Произошла досадная ошибка, это очевидно. Достаточно ли вам поручительства Арджента Рейвича?

Администратор заволновался:

— Безусловно... будь у меня его гарантии, тем более личные...

Даже не потребовалось объяснять ему, кто такой Рейвич.

Квирренбах шелкнул пальцами в мою сторону:

— Подождите здесь, я переговорю с ним. Это займет не больше получаса.

— Вы попросите Рейвича поручиться за меня?

— Ага, — совершенно серьезно ответил Квирренбах. — Какая ирония, не правда ли?

Долго ждать не пришлось.

Рейвич появился на экране в камере ожидания, где администрация «Убежища» держала вновь прибывших, прежде чем принимала решение об их дальнейшей судьбе. Не могу сказать, что увидел нечто неожиданное, — мне было знакомо это лицо. Воронофф действительно превратил себя в точную копию. И все же в настоящем Рейвиче было нечто неповторимое — и оно не поддавалось описанию. Может, это разница между человеком, который делает что-то в ходе игры, пусть даже с полной отдачей, и человеком, чьи намерения дьявольски серьезны.

— Ну и ну, — произнес Рейвич.

Он был бледноват, но в этой бледности не было ничего болезненного. Стоячий воротник белоснежного мундира — единственная деталь одежды, которая попала в объектив. За спиной можно было разглядеть фреску — вязь формул, если не ошибаюсь, из математической теории трансмиграции.

— Вы просили разрешение на вход. Я даю согласие.

— Как и Таннеру, — напомнил я. — Вы уверены, что это было разумное решение?

— Не уверен. Но результат должен получиться любопытным. С учетом того, что он тот, за кого вы его принимаете, а вы — тот, за кого он принимает вас.

— А вы не допускаете, что одному из нас придет в голову вас убить? Или даже обоим сразу.

— Например, вам?

Восхитительно, прямо в точку. Отдавая ему должное, я сделал вид, что задумался.

— Нет, Арджент. Когда-то я действительно этого хотел. Но в ту пору я не знал, кем являюсь. После того как узнаешь о себе что-то новое, приоритеты могут меняться.

— Допустим, вы Кагуэлла. — Голос у него был высокий, как у ребенка. — Мои люди убили вашу жену. Вот еще одна причина попытаться убить меня, чего бы это ни стоило.

— Жену Кагуэллы убил Таннер. По сути, он пытался ее спасти, но это ничего не меняет.

— И все-таки, кто вы? Кагуэлла?

— Наверное, я когда-то был Кагуэллой. Теперь его не существует. — Я мрачно посмотрел на экран. — И, честно говоря, сомневаюсь, что его кто-то оплакивает.

Рейвич брезгливо поморщился.

— Кагуэлла лишил меня семьи, — сказал он. — Продал оружие, которым убиты все, кого я любил. За это я с радостью отправил бы его на пытку.

— Смерть Гитты причинила бы ему больше страданий, чем ножи и электроды.

— В самом деле? Он действительно так любил ее?

— Не знаю. — Мне пришлось покопаться в памяти, чтобы ответить: — Этот человек был способен на многое. Я уверен лишь в одном: Таннер любил ее не меньше, чем Кагуэлла.

— Итак, Гитту убили. И что почувствовал Кагуэлла?

— Лютую ненависть. — Я снова видел камеру с белыми стенами — она постоянно маячила на периферии сознания, словно кошмар, не рассеявшийся при пробуждении. — Он возненавидел Таннера.

— Если не ошибаюсь, Таннер остался в живых?

— Только отчасти. Причем это не та часть, которую мы считаем человеческой.

С минуту Рейвич молчал. Наш разговор явно производил на него угнетающее впечатление.

— Гитта... — проговорил он наконец. — Она единственная ни в чем не виновата. Верно? Она единственная не заслужила того, что с ней случилось.

С этим было невозможно поспорить.

В широкой полости «Убежища» было мглисто, как в обесточенном городе. Но в отличие от полутьмы, царящей в Городе Бездны, этот сумрак был создан специально — приложили руку группировки, претендующие на статус постоянных арендаторов. У жителей анклавов весьма своеобразные представления о том, какой должна быть среда обитания. Внутренняя часть «Убежища» была безвоздушной, хотя здесь, возможно, сохранялись следы газов. По стенам сплошь герметичные постройки без окон, соединенные трубопроводами, похожими на клубок внутренностей. Единственным источником освещения были тускло мерцающие трубы. Если бы не моя способность видеть в темноте, я вряд ли смог бы хоть что-то различить.

Однако энергия была повсюду — едва сдерживаемая; ее присутствие ощущалось на подкорковом уровне; она отдавалась вибрацией в костях. Балкон, на который мы вышли, был накрыт воздухонепроницаемым стеклянным колпаком, но я не мог избавиться от чувства, что стою в огромном темном турбинном зале, где в полную мощность работают все генераторы.

Рейвич уполномочил службу безопасности «Убежища» впустить меня внутрь с одним условием: и я, и мои спутники будут немедленно доставлены к нему. У меня зародились некоторые подозрения — слишком многое вышло из-под контроля, — но выбора не было. Итак, охота заканчивалась на территории Рейвича. Который, благодаря своей ловкости, уже не был добычей.

Кому теперь досталась эта роль? Таннеру?

Или мне?

«Убежище» было относительно невелико, так что прогулка не успела нас утомить. Псевдогравитация создавалась ленивым вращением обитатели. Нас провели в один из соединительных тоннелей — трехметровую трубу из цельного дымчатого стекла. Диафрагмы, расположенные друг за другом по всей ее длине,

расширялись, пропуская нас, и закрывались за спиной, позволяя нам идти вперед... и чувствовать себя то ли стадом, которое куда-то гонят, то ли комком пищи в пищевode. Труба проходила вдоль главной оси «веретена». По мере того как мы приближались к его оконечности, сила тяжести возрастала, хотя она так и не достигла привычного *g*. Неосвещенные постройки «Убежища» нависали над трубой, словно мы двигались по каньону глубокой ночью, и мысль о том, что в них кто-то живет, казалась абсурдной. Но дело было в другом. Люди, которые приходили в «Убежище», требовали одного — полной анонимности. Они прятались даже друг от друга.

— С Рейвича уже сняли генетическую карту? — Удивительно, почему столь очевидный вопрос не пришел мне в голову раньше. — Ведь он здесь именно ради этого?

— Пока еще нет, — ответил Квирренбах. — Для оптимизации генетической карты нужно пройти все виды физиологических тестов. Химия клеточной мембраны, характеристики нейротрансмиссии, глиальные клетки, объем крови в мозге... и так далее. Как вы понимаете, процесс не быстрый.

— Рейвич действительно решился на полное деструктивное сканирование?

— Он решился на нечто очень близкое к этому. Говорят, лучшего способа получить максимальное разрешение не существует.

— Зато потом ему не придется беспокоиться о занозах вроде Таннера.

— Если только Таннер не последует его примеру.

Я рассмеялся, но затем понял, что Квирренбах не шутит.

— Как думаете, где сейчас Таннер? — спросила Зебра.

Она приблизилась ко мне слева, шелкая каблуками. Ее удлиненное отражение на стене напоминало пляшущие ножницы.

— Под присмотром Рейвича, — сказал я. — Надеюсь, Амелия там же.

— Ей действительно стоит доверять?

— По-моему, она единственная никого не предала. По крайней мере, не предала намеренно. Я уверен в одном: Таннер будет использовать ее, пока это возможно. Когда она станет ему не нужна — боюсь, это случится очень скоро, — я не поручусь за ее жизнь.

— Вы прилетели сюда, чтобы ее спасти? — спросила Шантерель.

В какой-то момент захотелось ответить «да». Я мог собрать крохи самоуважения и сделать вид, что мной движут соображения гуманности, что я способен не только на жестокость. Возможно, это даже было бы правдой. Сюда я прибыл и ради Амелии тоже. Но это была не самая главная причина. К тому же сейчас мне меньше всего хотелось лгать, и тем более самому себе.

— Я хочу завершить начатое Кагуэллой, — сказал я. — Не более того.

Тоннель из дымчатого стекла, плавно заворачивая, вел наверх, где встал в неосвещенную стену одной из герметичных построек, которая возвышалась в дальнем конце «веретена». Впереди путь преграждал очередной «зрачок» — на этот раз черный, блестящий и полностью непроницаемый.

Я подошел вплотную, прижался щекой к твердой металлической поверхности и прислушался.

— Рейвич? — окликнул я. — Мы пришли! Откройте!

Эта лепестковая дверь раскрывалась еще торжественнее, чем предыдущие.

Холодный зеленый свет хлынул в образовавшееся отверстие и окутал нас своим равнодушием. Неожиданно пришла жуткая мысль: ни у меня, ни у спутников нет оружия. Мы можем умереть в любую секунду — и, наверное, даже не почувствуем, как это произойдет. Я позволил человеку, который имел все основания бояться меня и не имел ни малейших оснований доверять, пустить меня в свое логово. Кто из нас двоих в итоге больший глупец? Эта загадка была мне не по зубам. Сейчас хотелось только одного: как можно скорее покинуть «Убежище».

Дверь открылась полностью, за ней была приемная с бронзовыми стенами. С потолка свисали ярко-зеленые светильники. По барельефам, обрамляющим стенные панели, золотой вязью бежали цепочки математических символов, складывающиеся в формулы, — одну из них я заметил во время разговора с Рейвичем. Каждое из этих заклинаний могло разнести мозг на единицы и нули.

Несомненно, он был здесь.

Дверные лепестки сомкнулись у нас за спиной, а впереди уже разворачивалась другая диафрагма. Нашим глазам представало еще более просторное помещение, похожее на зал кафедрального собора. Оно тонуло в золотом сиянии, и его стены словно расступались, теряясь в дымке. Я заметил, что пол «Убежища» слегка выпуклый. Узор из чередующихся бронзовых и серебряных ромбов усиливал это впечатление.

В приемной плавал аромат благовоний.

Свет струился из высоко расположенного витражного окна, образуя на полу у дальней стены яркое пятно. А в центре этого пятна, в причудливом кресле с высокой спинкой, сидел человек. Он сидел к нам спиной, окутанный золотистым сиянием. Трое хрупких двуногих роботов-слуг замерли в нескольких метрах от кресла — очевидно, ожидали распоряжений. Я присмотрелся к очертаниям его головы, почти превратившейся в силуэт, и понял, хотя не видел лица: это Рейвич.

Недавно я встретил его в Городе Бездны, возле аквариума с бессмертной рыбиной. Как быстро я среагировал! Выхватил пистолет, обежал вокруг резервуара, чтобы встретить его лицом к лицу и убить. Уверен, мне бы это удалось, но Воронофф на секунду опередил меня.

Теперь мне не надо спешить.

— Пожалуйста, поверните меня лицом к гостям.

Голос скрипел, как наждак по наждаку. Казалось, человеку стоило неимоверных усилий произнести эту фразу. Слова перемежались хрипом и были едва слышны.

Один из роботов шагнул вперед — бесшумно, как и полагается подобным созданиям, — и развернул Рейвича лицом к нам.

Я ожидал увидеть что угодно.

Но не такое...

Рейвич был похож на мертвеца. Так мог выглядеть труп, который удалось ненадолго воскресить с помощью хитроумной аппаратуры. Это не могло называться живым существом. Оно не имело права разговаривать и кривить губы в улыбке.

Я лицезрел нечто вроде Марко Ферриса, только в худшем состоянии. Все, кроме головы и кончиков пальцев, скрывалось под толстым стеганым одеялом, от него тянулись медицинские фидеры. Извиваясь, они вползали в компактный модуль жизнеобеспечения, прикрепленный к подлокотнику кресла, — ми-

ниатюрное подобие медицинского жилета, с помощью которого я поддерживал жизнь в Гитте, когда вез ее в Дом Рептилий. Голова Рейвича напоминала череп, обтянутый кожей, синюшно-лиловой, в огромных черных пятнах. Из пустых темных провалов, где должны были находиться глаза, к тому же модулю тянулись тонкие провода. На макушке чудом уцелело несколько жидких прядей, они казались упрямыми деревцами, каким-то чудом сопротивляющимися ураганным ветрам. Челюсть отвисала, во рту черным слизнем шевелился язык.

Рейвич поднял руку. Ее можно было бы принять за руку молодого человека, если бы не рыжеватые старческие пятна.

— Вижу, вы взволнованы, — произнес Рейвич.

Я сообразил, что голос идет не из горла, а из модуля жизнеобеспечения, но звучит по-прежнему слабо. Возможно, Рейвичу действительно было слишком тяжело говорить.

— Вы это сделали, — пробормотал Квирренбах, шагнув к человеку, на которого он все еще работал. — Вы прошли сканирование.

— Либо это так, либо ночью я не выспался, — прошелестел ветерком голос Рейвича. — Я немного подумал и склоняюсь к первому.

— Что случилось? — вмешался я. — Какой-то сбой?

— Никаких сбоев.

— Но вы не должны были так выглядеть, — сказал Квирренбах. — Вы похожи на человека, который стоит на пороге смерти.

— Возможно, так оно и есть.

— Сканирование не удалось? — спросила Зебра.

— Нет, Тарин. Сканирование, как мне сказали, удалось полностью. Моя нейронная структура была воспроизведена безупречно.

— Вы слишком поторопились, — предположил Квирренбах. — Я угадал? Не могли дожидаться, пока будут сделаны все анализы. И в результате...

Рейвич вяло кивнул:

— У людей вроде нас с Таннером и вас тоже, — он указал глазами на меня, — нет наномедов. На Окраине Неба они найдутся максимум у десятка человек, которым по карману услуги

ультра. Большинство богачей обеспечивают себе долголетие другими способами.

— У нас хватало иных забот, — сказал я.

— Конечно. Потому-то мы и отказались от подобной роскоши. Однако наномеды все же понадобились мне, чтобы защитить клетки от последствий сканирования.

— По старинке? — подхватил я. — Жестко и быстро?

— Это лучший способ... в теории. Все остальное самообман. Истина проста: если хочешь поместить в машину собственную душу, а не ее бледный оттиск, необходимо покончить с собой. Или как минимум получить травму... несовместимую с жизнью.

— Так почему вы не защитились наномедами? — спросил Квирренбах.

— Не хватило времени. Наномеды должны тщательно подгоняться и вводиться в тело постепенно. Иначе — тотальный токсический шок. Умрешь прежде, чем лечебные нанороботы смогут тебе помочь.

— Если бы вы пользовались оборудованием Силвеста, — осторожно произнес я, вспоминая рассказы об экспериментах этого ученого, — вы не успели бы даже вздохнуть.

— Это была усовершенствованная техника, разработанная на основе открытий Силвеста. Но вы правы. Несмотря на все технические ухищрения, я должен был умереть. Однако вышло иначе. Мне ввели достаточно наномедов, самых разных, чтобы я остался жив после сканирования, хотя бы на какое-то время... — Он слабым жестом указал на модуль и роботов. — Все это предоставлено «Убежищем». Они пытаются остановить распад клеток, вводят все более сложные типы наномедов. Но я подозреваю, что они просто исполняют свой долг.

— Вы уверены, что умрете? — спросил я.

— Я чувствую это всеми своими костями.

Что же ему пришлось пережить? Мучительную боль в момент нейронного захвата — когда ты тонешь в ярчайшей вспышке, которая проникает под кожу, в кости, в мозг, превращая тебя на один-единственный невыносимый миг в скульптурную копию из дымчатого стекла.

Лучи вдумчивого скана, сфокусированные до клеточного разрешения, проходят сквозь тебя со скоростью, чуть опережа-

ющей скорость синаптических импульсов, обгоняя послания подкорки — вести о хаосе, поглощающем твой мозг. Лучи достигают ствола мозга, но он еще не получил информации о разрушении, которому подверглись слои, расположенные выше. Благодаря этому незначительному запаздыванию общий снимок мозга кажется совершенно нормальным, не считая легкой расплывчатости, вызванной конечным пространственно-временным разрешением процесса. Сканирование заканчивается раньше, чем ты почувствуешь его начало. Когда разум начинает терять равновесие и нервная система проваливается в кому, это уже не имеет значения.

К этому времени ты уже в плену.

Впрочем, дело даже не в полученных повреждениях. Наномеды могут восстановить ткань из ничего, им достаточно следов, оставшихся на месте разрушенных клеток. Представьте себе здание под артобстрелом. Рушатся стены, во все стороны летят обломки, но бригада фанатиков-строителей, засевшая внутри, успевает заделать пробоины, прежде чем взорвется следующий снаряд.

Рейвич не пошел этим путем.

Он предпочел умереть. Он предпочел перетерпеть мучения, подвергнуть атаке каждую клетку своего мозга и прилегающих тканей, потому что знал: чем бы это ни кончилось для его тела, он сохранит свою сущность. Она будет поглощена, чтобы обрести бессмертие, и в конце концов превращена в запись, которую не сможет уничтожить такое заурядное происшествие, как гибель на войне или выстрел из-за угла.

Отчасти он добился желаемого.

Но это не та его часть, которую мы искали.

— Стало быть, вы выбрали смерть, — сказал я. — Знали, что это неминуемо. Должны были знать еще до сканирования. Но почему вы прошли сканирование и остались живы?

— Я умер, — отозвался Рейвич. — Согласно множеству медицинских критериев, удовлетворяющих правовые инстанции в системах других звезд, я мертв. Но я знал, что машины «Убежища» смогут вернуть меня к жизни, хотя бы на время.

— Вы могли бы подождать, — снова подал голос Квирренбах. — Еще несколько дней, и наномеды полностью справились бы с этой задачей.

Под стеганным одеялом дрогнули костлявые плечи Рейвича.

— Но тогда мне пришлось бы отказаться от такого точного сканирования. Иначе у наномедов не было бы возможности действовать. И сейчас перед вами сидел бы не я.

— Полагаю, визит Таннера здесь ни при чем? — спросил я.

Рейвича это как будто позабавило. Он даже заставил себя на мгновение улыбнуться. Наверное, вскоре мы увидим на его лице более естественную улыбку — улыбку черепа; у него уже не будет губ. Долго он не протянет.

— Таннер весьма облегчил мне выбор, — сказал он. — Но что касается прочего... тут мне нечего поставить ему в заслугу.

— Где он сейчас? — спросила Шантерель.

— Здесь, — произнесло иссохшее существо в кресле. — Он здесь, в «Убежище», уже больше суток. Но мы еще не встречались.

Я был потрясен:

— Не встречались? В таком случае, что он затекает, черт возьми? А женщина, что прилетела с ним?

— Таннер недооценил влияние, которое я здесь имею, — сказал Рейвич. — Не только здесь, в «Убежище», но и в пределах Йеллоустона. Кажется, вы тоже?

— Я здесь ни при чем. Давайте поговорим о Таннере. Это куда интереснее.

Пальцы Рейвича ласкали кромку одеяла. Одна рука по-прежнему пряталась под ним, если только она вообще была. Я попытался сравнить этого живого мертвеца с молодым аристократом, за которым так долго гонялся. Ничего общего. Машина отняла у Рейвича даже акцент Окраины Неба.

— Таннер прилетел в «Убежище», чтобы убить меня, — сказал он. — Но у него есть более важная задача. Вытащить вас на свет.

— Думаете, мне это неизвестно?

— Ну... откровенно говоря, я был слегка удивлен, когда вы здесь появились.

— Нам с Таннером надо кое-что закончить.

— А именно?

— Я не могу допустить, чтобы он убил вас, даже случайно. Вы этого не заслужили. Вы хотели отомстить. Это глупый поступок, но не бесчестный.

Голова сидящего в кресле качнулась, на этот раз это был кивок. Рейвич признавал справедливость моих слов.

— Если бы Кагуэлла не попытался поймать мой отряд в ловушку, Гитта не погибла бы. Он заслужил худшей судьбы, чем та, что ему досталась.

Пустые глазницы устали на меня, словно какие-то рефлексы заставляли Рейвича «смотреть» в направлении собеседника. Я догадывался, что в кресле есть встроенная камера, которая передает ему в мозг зрительные образы.

— Как я понимаю, я говорю сейчас с Кагуэллой, — произнес Рейвич. — Или вы не тот, за кого себя выдаете?

— Я ни за кого себя не выдаю. Просто я — не он. Кагуэлла умер в тот день, когда украл память Таннера. Остался... кто-то другой. Тот, кого раньше не было.

Над пустой глазницей чуть качнулась бровь.

— Кто-то лучший?

— Помню, Гитта спросила, как долго нужно прожить и сколько добра сделать, чтобы искупить одно злодеяние, совершенное в молодые годы. Тогда вопрос показался мне странным, но теперь я понимаю. Думаю, она знала, кем был Кагуэлла и что он натворил. Увы, я даже сейчас не могу ответить на этот вопрос. Но надеюсь, что когда-нибудь смогу.

Мои слова не тронули Рейвича.

— Значит, дело в этом? Вы по этой причине ищете Таннера?

— Нет. С ним женщина, ее зовут Амелия. Она из ордена нищенствующих, кем бы ни представлялась. Полагаю, Таннер убьет ее, как только перестанет в ней нуждаться.

— Вы прибыли, чтобы спасти ее, рискуя собой? Как благородно.

— Благородство здесь ни при чем. Просто человечность. — Слова казались мне совершенно чуждыми, но я не постыдился их произнести. — Вам не кажется, что этому месту не хватает человечности?

— Вы прикончите того, чьими воспоминаниями завладели? Не кажется ли вам, что это похоже на самоубийство?

— Я буду решать этические проблемы, когда подотру кровь с пола.

— Ваше здравомыслие восхитительно, — сказал Рейвич. — Похоже, зревают интересные события. Более интересные, чем я ожидал.

Я насторожился:

— Что вы хотите сказать?

— Кажется, я говорил вам, что Таннер уже здесь? Прямо здесь — вот что я имел в виду. Я позволил ему развлекаться в свое удовольствие, пока вы не появитесь.

За спиной у Рейвича в золотой дымке возник черный прямоугольник. Из него вышел человек, как две капли воды похожий на меня.

ГЛАВА 42

Во мне снова проснулся инстинкт солдата. Рука привычно ощутила рукоятку пистолета... несуществующего пистолета. В любом случае я не смогу спокойно убить Таннера Мирабеля. Это все равно что пристрелить самого себя.

За ним из темноты в золотое пятно света вошла сестра Амелия из ордена нищенствующих. На ней уже не было привычной мне одежды — мантию сменило неброское платье; но эту женщину я не спутал бы ни с кем. Впрочем, кулон-снежинка по-прежнему висел у нее на шее.

Таннер подошел к Рейвичу и встал рядом с его креслом. В темном пальто, почти достигавшем пола, он казался очень рослым — на дюйм выше меня — и держался чуть иначе. Та вызывающая самоуверенность, которая проскальзывала в его движениях, свойственна нам обоим. И не только она. Сходство было поразительным. Нет, мы не выглядели близнецами, скорее братьями или одним и тем же человеком, на чье лицо по-разному падает свет. «Игра теней» может удивительно менять внешность. Но я никогда не замечал у себя жестокого выражения, которое видел на лице Таннера, — возможно, мне просто не довелось в нужный момент посмотреть в зеркало.

Первой дар речи обрела Амелия:

— Что происходит? Я не понимаю.

— Хороший вопрос, — отозвался Таннер. Его рука, затаенная в перчатку, опустилась на высокую резную спинку кресла. — Просто замечательный вопрос. — Он склонился, словно разгля-

дывая безглазое лицо человека, которого собирался убить. — Если хотите ей ответить, валяйте, красавчик. Смелее.

— Так вы знаете, кто я такой? — спросил Рейвич.

— Ага. Очевидно, вы предпочли быстрый грязный скан. Позвольте догадаться. Тотальные повреждения нервной системы, клеточных структур, генетических механизмов. Эти живодеры, наверное, напичкали вас наномедами... все равно что подпираться падающее здание соломинками для коктейля. Судя по облику, вам осталось несколько часов, а может, и того меньше. Я прав?

— Несомненно, — отозвался Рейвич. — Надеюсь, это вас немного утешит.

— Да неужели? — Таннер провел пальцами по голове Рейвича, словно ощупывая старинный глобус.

— Вы опоздали.

— Это поправимо.

— Прекрасно. Но какой смысл? Можете стереть это тело в порошок — я только поблагодарю вас, выпуская последний вздох. Вся моя сущность, все, что я знал и чувствовал, сохранены навечно.

Таннер отступил на шаг.

— Значит, скан был успешным? — деловито спросил он.

— Вполне. В то время как мы тут беседуем, я нахожусь где-то в распределенной архитектуре процессоров — это целая сеть, которой располагает «Убежище». Мои дубликаты уже отправлены в пять других обитателей, чьи названия неизвестны даже мне. Можете взорвать «Убежище» ядерной бомбой, это ничего не изменит.

Значит, час назад я беседовал со сканом Рейвича. Чертовы конспираторы... Все это время они играли в паре. Рейвич абсолютно прав. Что бы ни предпринял Таннер, это ровным счетом ничего не даст. И подозреваю, ему уже безразлично. Он добился своей главной цели — заманил меня сюда.

— Вы умрете, — сказал Таннер. — Думаете, я поверю, что для вас это ничего не значит?

— Я не знаю, чему вы верите, и не хочу знать. Откровенно говоря, Таннер, мне это совершенно не интересно.

— Кто вы такие? — снова спросила Амелия, и на ее лице появилась тревога. Очевидно, до сих пор Таннер поддерживал

в ней доверие, скрывая свою истинную цель. — Почему говорите, что должны его убить?

— Потому что мы убийцы, — сказал я. — Мы оба лгали вам. Разница между нами в том, что я никогда не собирался убивать вас.

Таннер шагнул к ней, но недостаточно быстро — он не хотел оставлять Рейвича. Амелия, уже не на шутку встревоженная, подбежала ко мне, шелкая каблучками по двухцветной мозаике пола:

— Пожалуйста, объясните, что здесь происходит!

— Некогда, — сказал я. — Просто поверьте. Сознаюсь, я обманул вас, мне очень жаль. Но тогда я не был самим собой.

— Можете ему верить, — проговорила Шантерель. — Он прилетел сюда с риском для жизни — прежде всего чтобы спасти вас.

— Она говорит правду, — подтвердила Зебра.

Я смотрел в глаза Таннеру. Он все еще стоял позади кресла Рейвича. Роботы тоже не шевелились на своих местах, они словно демонстрировали безразличие к происходящему.

— Вы остались один, Таннер, — произнес я. — Похоже, у вас вышли козыри. — Я обернулся к остальным. — Можем покончить с ним, если вы мне подыграете. У меня все его воспоминания. Я предвижу каждый его ход.

Квирренбах и Зебра встали у меня по бокам, Шантерель чуть сзади, а Амелия отступила в тыл.

— Осторожно, — шепнул я. — В отличие от нас он мог протаскать в «Убежище» оружие.

Я сделал два шага к трону Рейвича.

И тут под стеганым одеялом что-то шевельнулось. Рука, до сих пор скрытая тканью, метнулась наружу, сжимая крошечный, осыпанный драгоценностями пистолет. Рейвич с поразительной быстротой вскинул свое оружие, словно его на миг покинула немощь, и трижды выстрелил. Вспышки оставили серебристые мазки на моей сетчатке.

Квирренбах, Зебра и Шантерель упали на пол.

— Уберите их, — каркнул Рейвич.

Роботы-слуги беззвучно пришли в движение. Опустились на колени, подняли тела и скрылись с ними в темноте, — наверное, так лесные духи уносят свои жертвы.

— Ах ты, подонок! — проговорил я.

— Они живы, — успокоил Рейвич, возвращая руку под одеяло. — Это просто снотворное.

— Зачем ты это сделал?

— Я тоже хотел спросить, — сказал Таннер.

— Они нарушали симметрию. Теперь вы остались вдвоем. Идеальное завершение вашей «Игры». — Он склонил лысую голову в мою сторону. — Согласитесь, простота — лучшая красота.

— Что вам нужно? — осведомился Таннер.

— Я уже получил все, что хотел. Вы двое, в одном зале.

— Похоже, вы от меня кое-что скрыли? — сказал я.

— Ну, скажем... сведения, которые я добыл перед тем, как покинуть Украину Неба. Весьма любопытные.

Рейвич снова высунул из-под одеяла пистолет, на этот раз целясь в Таннера. Точность прицела оставляла желать лучшего, но жест произвел должный эффект: Таннер попятился. Теперь мы стояли на равном расстоянии от кресла.

— Почему бы вам не поделиться своими воспоминаниями? — продолжал Рейвич. — А я заполню пробелы. — Он кивнул Таннеру. — Вы первый.

— С чего мне начать?

— Можно с гибели жены Кагуэллы, поскольку это ваша вина.

Почему-то мне вдруг захотелось защитить Таннера.

— Он убил ее не нарочно. Пытался спасти ей жизнь.

— Ну и что? — презрительно фыркнул Таннер. — Я сделал то, что должен был сделать.

— Но, к несчастью, вы промахнулись, — подсказал Рейвич.

Казалось, Таннер не слышал, он продолжал вспоминать вслух:

— Может, промахнулся, а может, и нет. Допустим, я сам решил убить ее — она никогда не стала бы моей.

— Нет, — вмешался я. — Это было совсем не так. Ты пытался спасти ее...

Будь я проклят, если знаю это наверняка.

— В общем, я понял, что Гитте конец, — продолжал Таннер. — Однако Кагуэллу можно было спасти. Он получил не слишком тяжелую рану. Поэтому я подключил их обоих к системам жизнеобеспечения и отвез в Дом Рептилий.

Я невольно кивнул, вспоминая тот адски долгий путь через джунгли, когда мне приходилось справляться с болью в культе.

Хотя на самом деле это был не я... Это был Таннер, и я знал о случившемся только из его воспоминаний...

— Когда я вернулся, люди Кагуэллы, которые оставались в Доме, встретили меня и забрали тела. Они сделали для Гитты все, что могли, хотя и понимали: это бессмысленно. Кагуэлла пробыл несколько дней в коме, но в конце концов выкарабкался. Впрочем, он почти напрочь лишился памяти.

Я вспомнил, как очнулся от долгого мертвого сна, задыхаясь от страха. Тогда я признавал только одно: что-то пронзило меня насквозь. Никаких подробностей восстановить не удавалось. Я позвал Таннера. Мне сообщили, что он ранен, но жив. Про Гитту никто ничего не сказал.

— Таннер пришел навестить меня, — сказал я, перехватывая инициативу. — Я увидел, что он потерял ступню, и догадался: с нами случилось нечто ужасное. Но я ничего не помнил, кроме того, как мы отправились на север, чтобы устроить засаду на отряд Рейвича.

— Ты попросил привести Гитту. Все-таки помнил, что она находилась с нами.

Обрывки давно забытого разговора начали всплывать в памяти, словно высвобождаясь из тугой паутины.

— И ты выложил мне все. Мог бы солгать — придумать что-нибудь в свою защиту, сказать, что ее убил боец Рейвича. Но не солгал. Ты объяснил, как было на самом деле.

— Какой смысл лгать? — пожал плечами Таннер. — Ты все равно вспомнил бы.

— Но ты должен был знать.

— Что именно? — спросил Рейвич.

— Что я убью его за это, — ответил я ему.

— А-а, — протянул Рейвич, и из динамика модуля послышался мягкий бесстрастный смешок. — Мы почти добрались до сути проблемы.

— Я не думал, что ты убьешь меня, — сказал Таннер. — Думал, простишь. Мне даже казалось, что твое прощение не понадобится.

— Наверное, ты слишком плохо меня знал.

— Возможно.

Рейвич похлопал свободной рукой по подлокотнику кресла, щелкая почерневшими ногтями по резному металлу.

— Значит, вы приказали его убить, — произнес он, обратив ко мне безглазое лицо. — И выбрали способ, который мог заодно удовлетворить вашу основную страсть.

— Я не очень хорошо это помню, — сказал я.

И это была почти правда.

Я помнил, как смотрел сверху вниз на Таннера, подзавшего в белой камере без потолка. Я помнил, как он понемногу осознавал происходящее, как чувствовал опасность и догадывался, что он здесь не один. Что в этом замкнутом пространстве есть кто-то еще.

— Расскажите, что помните вы, — попросил Рейвич, обращаясь к Таннеру.

— Помню, как эта тварь сожрала меня заживо. Поверьте, такое не скоро забудешь.

Таннер говорил ровным, невыразительным голосом, чем-то похожим на синтезированный голос Рейвича.

И тут я вспомнил.

Гамадриада издохла почти мгновенно. Ее убили вещества, содержащиеся в организме каждого человека и несовместимые с ее метаболизмом. Змея подергалась и свернулась, точно пустой пожарный шланг.

— Мы распороли ей брюхо, — сказал я. — Извлекли Таннера из ее глотки. Он не дышал, но сердце еще билось.

— Вы могли прикончить его на месте, — сказал Рейвич. — Кинжал в сердце, и делу конец. Но вам нужно было кое-что у него получить, правильно?

— Мне нужна была его личность. И прежде всего память. Поэтому пришлось надеть на него медицинский жилет. Я подерживал в Таннере жизнь, пока готовили трал.

— Для чего?

— Чтобы выследить вас, Рейвич. Я уже знал, что вы покинули планету, что вскоре вы будете на борту субсветовика, летящего до Йеллоустона. Я наказал Таннера. Предстояло сделать то же и с вами в память о Гитте. Но для этого мне требовалось стать Таннером.

— На этой планете вы могли бы стать кем угодно.

— Мне требовались его навыки. — Я перевел дыхание. — Это не должно было остаться навсегда. Я подавлял свою настоящую личность, пока не оказался на борту корабля. Воспоми-

нения Таннера должны были постепенно рассеяться, оставив после себя отдельные фрагменты. Они сохранились до сих пор, но уже не путаются с моими.

— А другие ваши секреты?

— Вы о глазах? Да, такое скрыть непросто. Впрочем, эксперимент удался. Но генетические изменения уже сошли на нет. Возможно, так и было задумано.

— Кое-что вы все-таки забыли. — Рейвич улыбнулся — омерзительное зрелище. — Было кое-что. Не только глаза.

— А вы откуда знаете?

Он побарабанил пальцами по остаткам своих зубов — как же нелепо выглядел этот жест многозначительной задумчивости!

— Вы забываете, что это я убедил ультра предать вас. После этого несложно было получить информацию обо всем остальном. Обо всем, что они с вами сделали. — Рейвич снова улыбнулся. — Всегда полезно знать, с кем имеешь дело. И кто на что способен.

— И теперь вы знаете?

— Думаю, такой человек, как вы, Кагуэлла, способен преподнести сюрприз даже самому себе. Впрочем... кажется, вы уверяли, что вы — не Кагуэлла.

— Кагуэлле я ненавижу не меньше вашего. Я посмотрел на некоторые вещи глазами Таннера и знаю, что с ним сделал его шеф.

— Значит, вы сочувствуете Таннеру?

Я отрицательно покачал головой:

— Таннер, которого я знал, погиб в бассейне с гамадридой. А то, что он жив, ничего не значит. Это не Таннер. Это чудовище, созданное Кагуэллой.

Таннер усмехнулся:

— Надеешься меня прикончить?

— Иначе меня бы здесь не было.

Таннер снова шагнул к креслу. Я знал о его намерении убить Рейвича — тот это знал. Но Рейвич оказался проворнее: пистолет снова появился у него в руке, прежде чем Таннер успел сделать еще шаг.

— Ну-ну, — проговорил Рейвич. — Какой вам резон выяснять отношения, когда рядом нет зрителей?

Я вспомнил об Амелии, которая стояла где-то в тени. Интересно, что она обо всем этом думает?

Таннер отступил, поднимая руки в перчатках. Он был безоружен.

— Хочешь знать, как мне удалось выбраться? — спросил он меня.

— Я думал об этом.

— Тебе не стоило оставлять меня в живых, даже если я держался только за счет медицинской техники. — Он сочувственно покачал головой. — Особенно после этой истории с гамадриадой. Зря ты поручил своему человеку прикончить меня, а сам дал деру из Дома Рептилий...

Он говорил правду, хотя лишь его рассказ заставлял мои воспоминания принимать ясную форму.

— Я действительно отправился на юг, — подтвердил я. — К лагерю перебежчиков из Северной Коалиции. У них были хирурги. Я знал, что они смогут нейтрализовать работу ультра, замаскировать мои гены и сделать из меня двойника Таннера. Хотел еще раз заглянуть в Дом Рептилий до того, как покину планету.

— Но такой возможности не представилось, — сказал Рейвич. — Бойцы СК добрались до Дома Рептилий, пока вы с Дитерлингом были в отлучке. Они убили всех ваших людей, кроме Таннера, к которому относились неприязненно, но с уважением. Его привели в сознание...

— Большая ошибка, — заметил Таннер. — Даже без ноги я сумел завладеть оружием и перебить всех.

Этого я не помнил даже смутно. Ничего удивительного: эти события произошли после того, как протралили Таннера. После того, как я завладел его памятью.

— И что было дальше? — спросил я.

— У меня был месяц, чтобы попасть на борт субсветовика, прежде чем он уйдет с орбиты. — Таннер низко присел и почесал лодыжку под полрой пальто. — Времени навалом. Я вернул себе ногу и последовал за тобой. К твоему сведению, это я убил Дитерлинга. Теперь понимаешь, почему он меня к себе подпустил? Я подошел к нему, когда он был в машине, и прикончил.

Он проиллюстрировал свои слова эффектным жестом. Классический обманный финт.

Таннер плавно и гибко выпрямился. Нож вылетел у него из руки и, описав безупречную дугу, пересек зал. Прицел был иде-

альным — Таннер даже сделал поправку на инерцию с учетом медленного вращения «Убежища».

Нож вошел в затылок Рейвича.

Из динамиков модуля донеслось что-то похожее на стон — противоестественно ровный звук, который продолжался даже после того, как голова Рейвича безжизненно упала на грудь. Пистолет выскользнул из его руки и со стуком упал на пол.

Я бросился к креслу. Возможно, это последний шанс лишить Таннера преимущества.

Но он опередил меня. Я отлетел в сторону и рухнул спиной на пол; весь воздух с шумом вырвался из легких. Таннер наугад пнул пистолет, и тот, крутясь, скользнул в сумерки между золотистым пятном света и окружающей тенью.

Таннер дотянулся и выдернул нож из черепа Рейвича. Мономолекулярное лезвие блеснуло призматическими узорами, похожими на капли масла на воде.

Он не рискнет снова метнуть нож. Если промахнется, то останется безоружным...

— Тебе конец, Кагуэлла. И нашей истории тоже.

Его рука в перчатке небрежно поигрывала ножом. Другая потянулась в сторону Рейвича, описала полукруг, и Таннер выдернул из его глазниц оптические фидеры. За каждым проводком тянулись жгутики густеющей крови.

— Твоя история закончилась давно. — Я шагнул вперед, приближаясь на расстояние удара.

Он бил наотмашь; нож со свистом рассекал воздух. Лезвие превратилось в смертоносную серебряную дугу. Но воздух оно рассекало совершенно беззвучно, настолько четкими были движения моего противника.

— И что тебе это дает? — Таннер вытолкнул Рейвича из кресла, и хрупкое тело, укутанное в одеяло, свалилось на пол, точно мешок с сухой щепой.

— Не знаю, — сказал я. — Но мы с тобой слишком разные.

Я пытался рассчитать траекторию ножа, пытался сосредоточиться на воспоминаниях Таннера: может, его навыки ближнего боя сослужат мне добрую службу?

Бесполезно. Мне не удалось перехватить инициативу. У Таннера было преимущество: ему не требовалось усилий, чтобы вызвать эти навыки. Они давно превратились в рефлекс.

Наконец я ринулся вперед, надеясь поймать свободную руку и вывести его из равновесия прежде, чем нож достигнет цели.

Но я не рассчитал.

Боли я не почувствовал — только холод, когда лезвие полоснуло по коже. Я не рискнул опустить глаза, но и так было понятно, что нож рассек одежду на груди и мышцы, впрочем не настолько глубоко, чтобы рана оказалась смертельной. Лезвие даже не достигло ребер — мне здорово повезло. Но в следующий раз он прикончит меня, в этом можно не сомневаться.

— Таннер!

Это был не мой голос. Это кричала Амелия, стоявшая в стороне, почти неразличимая в сумраке.

Ну конечно. Для нее я по-прежнему был Таннером. Единственное имя, которым она может меня называть.

Пистолет Рейвича был у нее.

— Бросай! — крикнул я.

Она послушалась. Пистолет упал и еще несколько метров проскользил по полу. Драгоценная пыль, покрывавшая рукоятку, брызнула в разные стороны.

Увернувшись от Таннера, я бросился к оружию.

Я упал на колени, по инерции скользнул вперед, и рукоятка легла мне в руку.

Прилетел нож. Вскрикнув от боли, я выронил пистолет и увидел конец клинка, который торчал из моей кисти, словно парус яхты.

Таннер уже бежал ко мне, эхо его шагов терялось в глухом мраке помещения. У меня в глазах стояли слезы, но я перехватил пистолет левой рукой и попытался прицелиться.

Я выстрелил, отдача мягко толкнула в ладонь. Пуля прошла в паре дюймов от его головы, оставив в воздухе туманный след. Поймав цель, я снова нажал на спуск.

Выстрела не последовало.

Таннер обрушился точно таран и пинком отшвырнул оружие подальше. Он повалил меня, придавив коленями, точно уже победил, и сцепился со мной; я же пытался бить его ножом, который торчал у меня из ладони.

Наконец он поймал мою руку и улыбнулся. Он выиграл. И знал это. Ему оставалось лишь освободить нож и прикончить меня.

Краем глаза я снова увидел труп Рейвича. Его челюсть отвисла, остатки зубов поблескивали в золотистом свете.

Я вспомнил, как он постукивал ногтями по зубам.

И еще кое о чем вспомнил. О новшестве, которое Кагуэлла получил у хирургов-ультра, — более изошренном, чем ночное зрение, и тоже весьма полезном на охоте. Об этом приобретении я ни разу не говорил Таннеру Мирабелю.

Что толку охотиться ночью, если не можешь убить добычу сам?

Я распахнул рот шире, чем позволяла обычная человеческая анатомия. И почувствовал, как глубоко в нёбном своде напрягся неизвестный мне ранее мускул. Потом в челюсти что-то безболезненно хрустнуло.

Уцелевшей рукой я обхватил голову Таннера и повернул ее лицом к себе, прежде чем он успел извлечь нож. Он думал, что нож ему поможет!

Таннер заглянул мне в рот и увидел то, что там скрывалось.

— Ты покойник, — сказал я. — Как видишь, я позаимствовал у змей не только зрение.

Я чувствовал, как набухают железы, подавая яд в тончайшие каналы, просверленные в моих искусственных клыках.

Я прижал к себе Таннера — так последний раз перед долгой разлукой обнимают брата.

И глубоко прокусил ему шею.

ЭПИЛОГ

Я долго стоял и смотрел в окно.

Наверное, женщине, сидевшей у меня в кабинете, показалось, что я забыл о ее присутствии. В высоком, от пола до потолка, окне отражалось ее лицо. Она глядела на меня, ожидая ответа на свой вопрос. Я не забыл ни о ней, ни о вопросе. Просто размышлял: каким образом все то, что когда-то казалось бесконечно чужим, теперь выглядит таким привычным?

Город не слишком изменился с тех пор, как я прибыл сюда.

Что ж, так и должно быть.

Дождь, падавший с Москитной Сетки, хлестал по стеклам тугими косыми струями. Говорят, в Городе Бездны дождь не прекращается. Должно быть, это правда, но есть нюансы. Бывает, он сыплется прозрачной нежной моросью, которая больше похожа на туман — холодный, чистый, как в горах. А в другое время, когда вокруг Бездны открываются паровые дамбы, вызывая перепады давления по всему Городу, он хлещет кислотными плетями.

— Господин Мирабель... — произнесла женщина.

Я отвернулся от окна:

— Извините. Захватывающий вид... На чем мы остановились?

— Вы рассказали о том, как Небесному Хаусманну удалось...

К этому времени она успела прослушать основную часть истории, которой мне хотелось поделиться со всеми. Я верил, что Небесный покинул свое убежище и начал новую жизнь под именем Кагуэллы. Наверное, это странно — то, что я рассказываю о таких вещах. Тем более странно, что я рассказываю человеку, который пришел устраиваться ко мне на работу. Но, во-первых, женщина мне понравилась, а во-вторых, выказала редкое желание выслушать. Мы выпили несколько бокалов «Писко» — она тоже была родом с Окраины Неба. Словом, время пролетело незаметно.

— Ладно, — перебил я ее. — Насколько вы готовы мне поверить?

— Не знаю, господин Мирабель. Можно спросить, каким образом вам удалось все это выяснить?

— Я встретил Гитту. И то, что она мне рассказала, подтверждало слова Констанцы.

— Вы считаете, Гитта поняла раньше всех, кем был Кагуэлла?

— Да. Вполне вероятно, что она наткнулась на «завешание» Констанцы и отыскала Кагуэлла. Хотя с тех пор, как Небесно-го якобы казнили, прошло не менее двухсот лет.

— А что было дальше?

— Она ожидала встретить чудовище, но получила нечто иное. Кагуэлла был не тем человеком, которого знала Констанца. Наверное, Гитта пыталась возненавидеть его, но не смогла.

— По-вашему, как Гитте удалось его найти?

— Думаю, благодаря его имени. Оно взято из легенды о «Калеуче». Кагуэлла — это дельфин, спутник корабля-призрака. Имя связывало Небесного с прошлым.

— Что ж, весьма любопытная гипотеза.

Я пожал плечами:

— Но не более того. Поживете здесь подольше, услышите и не такое.

Женщина прибыла на Йеллоустон недавно. Она была солдатом, как и я, но попала сюда не ради выполнения боевой задачи, а из-за ошибки чиновников.

— И давно вы здесь, господин Мирабель?

— Шесть лет.

Я снова посмотрел в окно. Действительно, Город не слишком изменился с тех пор, как я покинул «Убежище». Заросли Полога напоминали поперечный срез легкого или моток спутанной черной пряжи на фоне буровой Москитной Сетки. Ходят разговоры, что в следующем году это место расчистят.

— Шесть лет — большой срок.

— Только не для меня.

Эти слова заставили вспомнить, как я очнулся в «Убежище». Тогда я сам не заметил, как соскользнул за порог сознания, — рана, нанесенная Таннером, вызвала большую потерю крови. Моя одежда была распорота, рана покрыта слоем бирюзовой целебной мази. Я лежал на кушетке, и за мной ухаживал тощий робот-слуга.

Я был весь в синяках, и каждый вздох отзывался болью. Собственный рот почему-то казался мне чужим.

— Таннер?

Это был голос Амелии. Она сидела рядом, склонившись надо мной. Я видел ангельское лицо — все как в тот день, когда меня оживили в обители нищенствующих.

— Это не мое имя... — Я опешил: голос звучал абсолютно нормально, разве что был чуть хриплым от усталости.

А ведь казалось, мои губы не приспособлены для столь тонких действий, как человеческая речь.

— Да, — сказала Амелия. — Но это единственное ваше имя, которое известно мне. Так что пока оставим как есть.

Я был слишком слаб, чтобы спорить, и сомневался, что мне этого хочется.

— Вы спасли меня, — сказал я. — И вообще я вам многим обязан.

— Если не ошибаюсь, вы сами себя спасли, — возразила она.

Комната, где мы находились, была гораздо меньше зала, в котором погиб Рейвич.

Но ее заполнял тот же золотистый осенний свет, на стенах были такие же узоры в виде математических формул, впрочем, как и повсюду в «Убежище». Свет играл на кулоне в форме снежинки, висевшем у Амелии на шее.

— Что с вами случилось, Таннер? Что превратило вас в человека, способного на такое жестокое убийство?

Такие слова можно расценить как упрек, но ее голос не звучал сурово. Я понял, что она не осуждает меня. Похоже, Амелия признала: судить меня за ужасы из прошлого нет оснований. В той же мере человек виновен в злодеяниях, которые совершил во сне.

— Я играл роль заядлого охотника.

— Того, о ком вы говорили? Кагуэллы?

Я кивнул:

— Помимо всего прочего, ему изменили сетчатку глаза, используя гены змеи. Он хотел охотиться в темноте, при этом быть на равных с добычей. Я думал, что этим все ограничилось. И ошибался.

— Но вы этого не знали?

— До определенного момента не знал. В отличие от Рейвича. Ему было известно про ядовитые железы Кагуэллы, про то, как можно доставить яд по назначению. Наверное, ему об этом сообщили ультра.

— И он пытался дать вам подсказку?

Я качнул головой, не отрывая ее от подушки:

— Может быть, ему хотелось, чтобы один из нас пережил другого. Надеюсь, он сделал правильный выбор.

— А ты сомневаешься? — спросила Зебра.

Я с трудом оглянулся: она стояла по другую сторону кровати.

— Значит, Рейвич сказал правду, — пробормотал я. — Когда стрелял. Вас просто усыпили.

— Он был не самым скверным человеком, — сказала Зебра. — Не желал другим зла — лишь тому, кто лишил его семьи.

— Но я все еще жив. Значит, он проиграл?

Зебра медленно покачала головой. Она вся сияла в потоках золотистого света. И я понял, что мучительно желаю ее, хотя мы не раз предавали друг друга в прошлом... и еще неизвестно, что ждет нас в будущем.

— Думаю, он получил то, что хотел. Во всяком случае, почти все.

Похоже, она чего-то недоговаривала.

— О чем ты?

— Похоже, тебе не успели об этом сказать, — ответила Зебра. — Рейвич солгал нам.

— Солгал?

— Насчет своего скана. — Она поглядела на потолок, и на лице заплясали золотистые зайчики.

Я заметил остатки прежней «раскраски», уже совсем бледные.

— Сканирование прошло неудачно. Они слишком поторопились. Скан не успел сделать запись.

Я старательно изобразил скептическую гримасу. Но при этом понимал, что Зебра говорит правду.

— Неудачи быть не могло. Я же говорил с Рейвичем, это происходило никак не после сканирования.

— Тебе только казалось, что ты говорил с ним. Думаю, это была бета-версия, пародия на Рейвича. Она повторяла его привычки, поэтому ты и считаешь, что сканирование был успешным.

— Но зачем весь этот спектакль?

— Думаю, ради Таннера, — сказала она. — Рейвич хотел внушить Таннеру, что все его усилия бесполезны. Что, даже уничтожив старика физически, он ничего не добьется.

— Оказывается, это было не совсем так, — заключил я.

— Как сказать. Конечно, Рейвич умер бы в любом случае — чуть раньше или чуть позже. Но убил его все-таки Таннер.

— И Рейвич знал об этом? Все это время, пока мы были с ним, он знал, что умрет, что сканирование не удалось?

— Получается, он выиграл, — произнесла Зебра. — Или наоборот, потерял все.

Я взял ее за руку, пожал:

— Теперь это не имеет значения. Таннер, Кагуэлла, Рейвич — все они мертвы.

— Все до одного?

— Все, кто действительно что-то значил.

После этого я целую вечность всматривался в золотистый свет, исходивший непонятно откуда, пока Зебра и Амелия не оставили меня одного. Я устал. Это была беспредельная усталость, которая не проходит, даже если выпиться. Но я все-таки уснул. И снова увидел сон. Не знаю, что я надеялся увидеть, но мне опять снилась камера с белыми стенами. И меня вновь охватил первобытный ужас от того, что происходило там со мной, и от наказания, которому я подверг сам себя.

Позже, гораздо позже я вернулся в Город Бездны. Это было долгое путешествие. По дороге нам пришлось сделать остановку в обители нищенствующих, где сестра Амелия возвратилась к своим обязанностям. Она с удивительной стойкостью перенесла испытания, но, когда я предложил помощь — правда, не представляя, чем мог помочь, — Амелия отказалась и лишь попросила сделать ордену пожертвование, в меру моих финансовых возможностей.

Я дал обещание и позже выполнил его.

По прибытии в Полог мы с Квирренбахом и Зеброй договорились о встрече с человеком, который прыгал в Бездну.

— Дело касается «Игры», — сказал я ему. — Мы предлагаем внести в нее существенные изменения.

Воронофф зевнул:

— С чего вы решили, что меня это заинтересует?

— Хотя бы выслушайте. — И Квирренбах приступил к изложению общей идеи.

План был разработан нашей тройкой в «Убежище». Он был довольно запутанным, и нам не сразу удалось донести его до собеседника. Однако через некоторое время Воронофф проявил интерес.

Он выслушал до конца, а потом сказал, что идея ему понравилась. И что ее даже можно осуществить на практике.

Мы предложили новую форму «Игры» под условным названием «Игра теней». В основе лежала все та же «Игра», которая появилась в Городе после эпидемии. Но правила коренным образом менялись. Главное, отныне она должна проводиться на законных основаниях. Мы выводим «Игру» из подполья, организуем финансирование только за счет спонсорства и обеспечиваем гарантированное внимание средств массовой информации любому, кто захочет пережить захватывающие приключения

в охоте на человека. Охотные игроками будут не только богатые молокососы, искатели острых ощущений на одну ночь. Наши клиенты — прекрасно вышколенные убийцы. Мы сделаем их настоящими профессионалами, создадим им имидж экстраординарных личностей. Это будет своего рода культ, находящий выражение в «Игре», которую мы возведем в ранг высокого искусства. Разумеется, первых кандидатов наберем из числа нынешних игроков. Шантерель Саммартини уже предложила свои услуги в качестве тренера, и я не сомневался в том, что она идеально подходит на эту роль.

Но изменения касались не только охотников.

Никаких жертв. Роль добычи исполняют добровольцы. Звучит дико, но Воронофф пришел в восторг.

Охотные наградой для уцелевших будет их собственная жизнь. Но не только — вместе с выигрышем придет высочайший престиж. Недостатка в добровольцах не ожидается: в Пологе толпы богатых послесмертных изнывают от скуки. Обновленная «Игра» привнесет в их жизнь элемент подконтрольного риска. Вступая в «Игру», каждый подписывает с нами контракт, где подробно оговариваются условия состязания: продолжительность, площадь игрового поля, типы оружия, которым может пользоваться убийца. От добровольца требуется лишь одно — остаться в живых до истечения срока контракта. Игроки прославятся, им будут завидовать. За ними последуют другие, жаждущие еще больших успехов, — увеличивая сроки контрактов, выбирая более жесткие условия.

Разумеется, мы не собирались отказываться от имплантатов. Но это будут совсем иные устройства, не похожие на то, которое вживил мне Узверли, а затем любезно удалила Доминика. Охотнику и добыче предоставят парный комплект имплантатов, способных получать и принимать сигналы только в зоне, определенной условиями контракта. Обе стороны будут знать, когда это случится, — зуммер в черепе или что-нибудь подобное. И только в последний час погони, не раньше, репортеры появятся неподалеку, став свидетелями развязки, какой бы она ни оказалась.

Понятно, что Воронофф принял участие в этом проекте... в качестве первого клиента.

Мы называли нашу компанию «Точка Омега». Вскоре появились и другие; мы были только рады конкуренции. За какой-то

год нам удалось стереть воспоминания о старой охоте. Впрочем, это не тот эпизод городской истории, который кто-либо мечтал увековечить. Так что все произошло закономерно.

Вначале мы намеренно позволяли уцелеть большинству клиентов — разумеется, насколько позволял контракт. Убийцы теряли след в самый неподходящий момент, или оружие, в котором по условию был лишь один заряд, давало осечку. В итоге список желающих постоянно пополнялся, и наша компания приобретала известность.

Затем послабления прекратились. «Игра» стала более реалистичной, и добыче приходилось по-настоящему сражаться, чтобы протянуть до конца срока.

Большинству это удавалось. Шансы быть убитым в «Игре теней» составляют около тридцати процентов — этого достаточно, чтобы не отпугивать потенциальных участников и в то же время обеспечивать привлекательный уровень риска.

«Точка Омега» процветала. Миновало лишь два года после моего прибытия в Город Бездны, но я уже входил в сотню самых богатых людей системы Йеллоустона. Однако я не забыл о клятве, которую дал на долгом пути в «Убежище».

Тогда я поклялся, что изменю здесь все.

«Игра теней» уже положила начало переменам, но этого было недостаточно. Я собирался преобразовать Город полностью. Необходимо было уничтожить систему, которая обеспечила мне процветание. Разрушить отношения между Мульчей и Пологом, которые считались естественными, как дыхание.

Прежде всего я стал набирать охотников из Мульчи. Я ничем не рисковал: его обитатели подходили для этого ничуть не хуже, чем жители Полога, и ничуть не хуже воспринимали мои методы обучения.

«Игра» принесла мне богатство, и не только мне. Я позволил своим лучшим игрокам получить состояние, о каком они даже не мечтали. Но проследил, чтобы часть этих средств просочилась обратно в Мульчу.

Это только первый шаг. Понадобятся годы, а может, и десятилетия, прежде чем в иерархии Города Бездны произойдут заметные изменения. Но я знал, что это случится. Я дал себе слово, которое не собирался нарушать. Слишком уж часто я это делал в прошлом.

Через некоторое время я снова решил именовать себя Таннером. Хотя и знал, что это обман. Я не имел права на это имя, я украл воспоминания, а затем и жизнь у человека, который на самом деле был Таннером Мирабелем.

Но разве теперь это имеет значение? Я могу считать себя хранителем его памяти, всего, чем он был. Он не был хорошим человеком в обычном понимании. Он был сухим и жестоким, он подходил и к научной проблеме, и к убийству с холодноватым любопытством геометра. Однако он не был негодяем. И даже в тот момент, который перечеркнул всю его жизнь — когда он выстрелил в Гитту, — он пытался сделать доброе дело.

То, что случилось с ним впоследствии, то, что превратило его в чудовище, уже не имеет значения. Эти события не могут очернить того, что Таннер совершал прежде.

Пожалуй, это имя не хуже любого другого. И непохоже, что когда-нибудь оно покажется мне чужим.

Так что я не буду с этим бороться.

Кажется, я опять отвлекся. У меня в кабинете сидит женщина, которая все еще ждет моего решения.

— Так вы принимаете меня или нет?

Да, возможно, она получит работу, но для начала я хочу увидеть других соискателей. Поднявшись с кресла, я пожал ее маленькую, смертельно опасную руку:

— Несомненно, вы в числе основных кандидатов. Даже если это место вам не достанется, постараюсь не упускать вас из виду.

— Почему?

Я подумал о Гидеоне. Все эти годы он оставался пленником. Я обещал, что снова спущусь в Бездну — хотя бы для того, чтобы его убить, — но так и не нашел времени. Он еще жив, поскольку «топливо грез» по-прежнему поступает в Город, правда в ничтожных количествах, что постоянно создает дефицит. И по-прежнему находятся извращенцы, которые покупают страдания Гидеона, очищенные и переработанные, превращенные в нечто доступное их восприятию. Думаю, ему осталось недолго, так что мое обещание может вскоре потерять смысл.

— Я затеял небольшую экспедицию.

— И когда это будет?

— Может быть, через три-четыре месяца.

Она улыбнулась:

— Я профессионал, господин Мирабель. Смотрите, чтобы меня за это время не переманили.

Я пожал плечами:

— Все может быть.

Мы снова обменялись рукопожатиями, и она направилась к двери. Я поглядел в окно. Уже смеркалось, в Пологе загорались огни. Фуникулеры, похожие на крошечных светляков, плыли в вековом коричневом полумраке. Далеко внизу, точно долина, усеянная кострами палаточных лагерей, расстиралась Мульча. Пламя очагов в домах и ночных лавочках отбрасывало мрачные багровые блики на полог Москитной Сетки. Я подумал о миллионах людей, не разлюбивших этот Город даже после того, как плавающая чума изменила его до неузнаваемости. С тех пор прошло целых тринадцать лет. За это время там, внизу, выросло новое поколение. Они едва помнят, каким некогда было это место.

— Господин Мирабель? — окликнула женщина, задержавшись на пороге. — Можно задать последний вопрос?

Я вежливо улыбнулся:

— Да?

— Вы пробыли здесь дольше меня. Был ли хоть один миг, когда Город вам нравился?

— Не знаю, — пожал я плечами. — Но одно я могу сказать со всей уверенностью.

— Что именно?

— Наша жизнь — это то, что мы делаем сами.

Рейнольдс А.

Р 35 Город Бездны : роман / Аластер Рейнольдс ; пер. с англ. А. Юрчука. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. — 672 с. — (Звезды новой фантастики).

ISBN 978-5-389-08454-4

Долг чести требует, чтобы Таннер Мирабель, телохранитель и специалист по оружию, отомстил убийце своего нанимателя. Поиски приводят на планету Йеллоустон, где «плавающая чума» — мутация крошечных механизмов-вирусов, прежде верой и правдой служивших людям, — превратила Город Бездны, жемчужину человеческой культуры, в нечто крайне странное, мрачное и чрезвычайно опасное. Пытаясь выжить и выполнить свою миссию в абсолютно враждебной среде, Мирабель снова и снова подвергается натиску чужих воспоминаний — и начинает подозревать, что он не тот, кем считает себя.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-445

Литературно-художественное издание

АЛАСТЕР РЕЙНОЛЬДС
ГОРОД БЕЗДНЫ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ирина Киселева, Ксения Казак

Подписано в печать 17.07.2014.
Формат издания 60 × 90 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 42. Заказ № 2362/14.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, наб. Робеспьера, д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

HAFA1646001R

Интригующий сюжет, интересные персонажи.
И даже если сам по себе Город Бездны недостаточно сильно
поразит ваше воображение, есть еще «роман в романе»,
история кораблей, столетия назад покинувших Землю,
чтобы колонизировать планеты далекой звезды.
Этот поход вы увидите глазами самого загадочного героя книги,
Небесного Хаусманна, капитана «Сантьяго», — и в пути вам
встретятся дельфины-психопаты, террористы-киборги,
корабль-призрак... Аластер Рейнольдс умеет
сажать читателей на крючок.

Goodreads

Достойное продолжение восторженно принятого читателями
романа «Пространство Откровения»... Чем-то напоминает фильм
«Бегущий по лезвию» и ироничную приключенческую фантастику
Джека Вэнса. В конце испытываешь некоторый упадок сил,
но так и должно быть после ознакомления со столь богатой
выставкой научных чудес.

Publisher's Weekly

Рейнольдс сварил новое адское зелье из искусственного
интеллекта, передовых биотехнологий, инопланетной интриги
и двадцать шестого столетия... Это книга о том,
что самые великие тайны вселенной могут храниться
в человеческом сердце.

Booklist

© Cover Art by Chris Moore

ISBN 978-5-389-08454-4 01

9 785389 084544

www.azbooka.ru

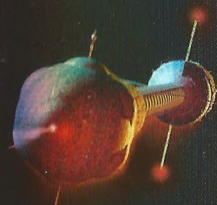
аластер рейнольдс

ГОРОД
БЕЗДНЫ

аластер рейнольдс

ГОРОД
БЕЗДНЫ

Интригующий сюжет, интересные персонажи.

И даже если сам по себе Город Бездны недостаточно сильно поразит ваше воображение, есть еще «роман в романе», история кораблей, столетия назад покинувших Землю, чтобы колонизировать планеты далекой звезды. Этот поход вы увидите глазами самого загадочного героя книги, Небесного Хаусманна, капитана «Сантьяго», — и в пути вам встретятся дельфины-психопаты, террористы-киборги, корабль-призрак... Аластер Рейнольдс умеет сажать читателей на крючок.

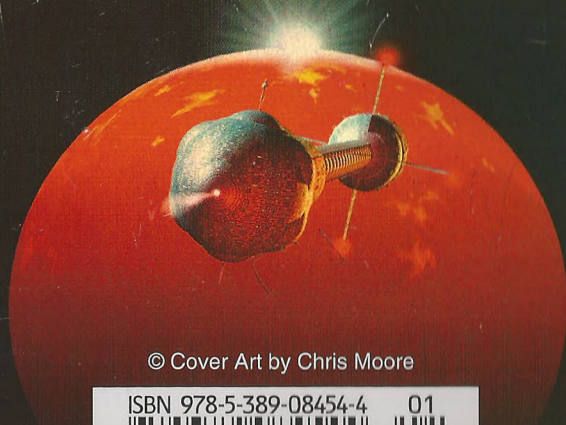
Goodreads

Достойное продолжение восторженно принятого читателями романа «Пространство Откровения»... Чем-то напоминает фильм «Бегущий по лезвию» и ироничную приключенческую фантастику Джека Вэнса. В конце испытываешь некоторый упадок сил, но так и должно быть после ознакомления со столь богатой выставкой научных чудес.

Publisher's Weekly

Рейнольдс сварил новое адское зелье из искусственного интеллекта, передовых биотехнологий, инопланетной интриги и двадцать шестого столетия... Это книга о том, что самые великие тайны вселенной могут храниться в человеческом сердце.

Booklist

© Cover Art by Chris Moore

ISBN 978-5-389-08454-4 01

9 785389 084544

www.azbooka.ru